

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

PSaw 620.5 (1897)

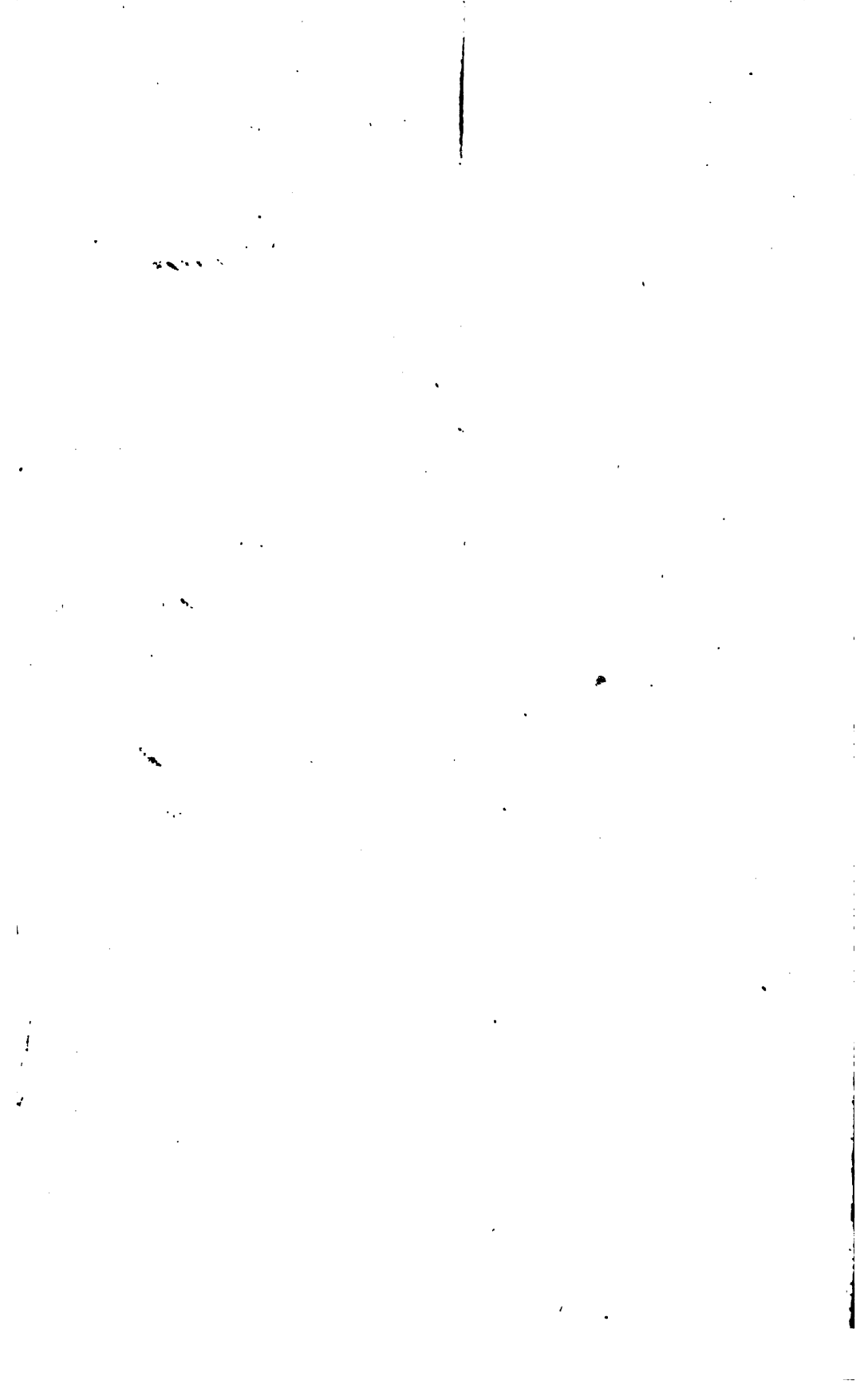
This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Полная книга сурман, в ма-
гическое число, Великая книга, в ма-
гическое число.

- Сутская Мария Георгиевна 20-26.
Самуил Антон Станислав. 26-2.
Некрасов Николай Иванович - 2-8.
~~Сидор Александрович. 8-14.~~
Королевский Александр Петрович. 8-14.
~~Сидор Александрович. 14-24.~~
Королевский Александр Степанов. 14-20.
Королевский Александр Степанов. 20-26.
Сидор Александрович. 26-3.
Сидор Александрович. 3-7.
Сидор Александрович. 7-13.
Сидор Александрович. 13-19.
Сидор Александрович. 19-25.
Сидор Александрович. 25-1.
Сидор Александрович. 1-7.
Сидор Александрович. 7-13.
Сидор Александрович. 13-19.
Сидор Александрович. 19-25.
Сидор Александрович. 25-1.

АВГУСТЪ.

1897.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО. Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. Продолженіе. Е. Сомовой.
2. СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА. Продолженіе Фритіофа Хансена.
3. НА ЗАДВОРКАХЪ ФАБРИКИ. Изъ записокъ русскаго агронома. Окончаніе. Н. Боренина.
4. РАЗЛИЧНЫЯ УЧЕНІЯ О ДОХОДѢ СЪ КАПИТАЛА. I—IV Б. Эфрусси.
5. КОПАЧЬЯ ДОРОГА. Романъ. Продолженіе Г. Зудермана.
6. МИРНЫЙ УГОЛОКЪ ФИНЛЯНДІИ. В. В. Беренштама.
7. ПОРТНОЙ. Изъ еврейскаго быта С. Юшкевича.
8. ДНЕВНИКЪ ЗАВѢДЫВАЮЩАГО ПЕРЕПИСНЫМЪ УЧАСТКОМЪ ВЪ ГЛУХОЙ ПРОВИНЦІИ Н. П. Штейнфельда.

(См. на оборотѣ).

9. НОВЫЯ КНИГИ:

«Грезы и пѣсни». Стихотворенія. М. Н. Захарина-Якунина.—С. А. Зигельманъ. Въ штормѣ. (18 рассказовъ).—П. Милуновъ. Очерки по исторіи русской культуры.—Классификація наукъ. Герберта Спенсера.—Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Д-ра Р. Айзлера.—Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія.—М. Шиппель. Денежное обращеніе и его общественное значеніе.—Н. Водевозовъ. Экономическіе этюды.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

10. БОЛГАРСКІЕ ЧИНОВНИКИ. Письмо изъ Софіи М. К.
11. ИЗЪ АНГЛІИ. Діонео.
12. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. О. Б. А.
13. ДНЕВНИКЪ ЖУРНАЛИСТА. О франко-русскомъ союзѣ С. Н. Южанова.
14. ОБЗОРЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ. I. Поэты—монстры.—Шаблонные и банальные поэты.—II. Пѣвецъ экономическаго матеріализма.—III. Г. Аполлонъ Коринѣскій. . . . П. Ф. Гриневича.
15. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ конторы редакціи журнала.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ подписчиковъ, уплатившихъ за журналъ на условіяхъ разсрочки 3 р., 5 р. и 6 р. поторопиться высылкой соответствующихъ доплатъ! до полной подписной суммы 6 р., 4 р. и 3 р.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ Отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

104 05
P 89

АВГУСТЪ.

1897.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

~~С.-Петербургъ, Д. 3.~~

√ 4459 ж.ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1897.

Δ
P. Sav 620.5 ($\frac{1897}{8}$)
✓

1897 1. 1897

1897

61 + 21

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Последнее слово. Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ. <i>Е. Сомовой</i> . Продолженіе	5— 37
2. Среди нечи и льда. <i>Фритіофа Хансена</i> . Продолженіе	38— 77
3. На задворнахъ фабрики. Изъ записокъ русскаго агронома. <i>Н. Боронина</i> . Окончаніе	78—117
4. Различныя ученія о доходѣ съ капитала. <i>Б. Эфруси</i> . I—IV.	118—147
5. Кошачья дорога. Романъ. <i>Г. Зудермана</i> . Продолженіе	148—195
6. Мирный уголекъ Финляндіи. <i>В. В. Беренистама</i>	196—210
7. Портной. Изъ еврейскаго быта. <i>С. Иошкевича</i>	211—242
8. Дневникъ завѣдывающаго переписнымъ участкомъ въ глухой провинціи. <i>Н. П. Штейнфельда</i>	1— 17
9. Новыя книги:	
«Грезы и пѣсни». Стихотворенія <i>И. И. Захарьина-Якунина</i> .— <i>С. А. Зигельманъ</i> . Въ штормѣ. (13 рассказовъ).— <i>П. Милуковъ</i> . Очерки по исторіи русской культуры.—Классификація наукъ. <i>Герберта Спенсера</i> . — Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Д-ра <i>Р. Айзлера</i> .— <i>Е. С. Филимоновъ</i> . Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія.— <i>М. Шиппель</i> . Денежное обращеніе и его общественное значеніе. — <i>Н. Водовозовъ</i> . Экономическіе этюды. — Новыя книги, поступившія въ редакцію	18— 41
10. Болгарскіе чиневники. Письмо изъ Софіи. <i>М. К.</i>	42— 54

(См. на оборотѣ).

11. Изъ Англіи. <i>Діонео</i>	55— 77
12. Хроника внутренней жизни. <i>О. Б. А.</i>	77—106
13. Дневникъ журналиста. О франко-русскомъ союзѣ. <i>С. Н. Южакова.</i>	106—131
14. Обзоръ нашей современной поэзіи. I. Поэты-мон- стры.—Шаблонные и банальные поэты.—II. Пѣ- вецъ экономического матеріализма.—III. Г. Апол- лонъ Коринѣскій. <i>П. Ф. Гриневича</i>	131—156
15. Объявленія.	

Продолжается подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала — *ул. Спасской и
Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота,
д. Гагарина.*

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при
выпкнхъ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ
московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала.

Редакторы П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»
(*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой, д. 1—9*) и въ
отдѣленіи конторы (*Москва, Никитскія ворота, д. Га-
гарина*) имѣются въ продажѣ:

Н. Гаринъ. Очерки и рассказы.
Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.,
съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р.,
съ пер. 1 р. 25 к.

Вд. Коропченко. Въ голодный годъ.
Изд. третье. Ц. 1 р., съ пер. 1 р.
25 к.
— Очерки и рассказы. Книга пер-
вая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к.,
съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вто-
рая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ
пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд.
пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

П. Мельшинъ. Въ мирѣ отвержен-
ныхъ. Записки бывшего каторжни-
ка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Н. К. Михайловскій. Крити-
ческіе опыты:

— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер.
1 р. 25 к.
— Н. Щедринъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской ли-
тературѣ. Герой безвременья. Ц.
1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія.
Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р.,
съ пер. 2 р. 40 к.

М. А. Протопоповъ. Литера-
турно-критическія характери-
стики. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе
этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II.
Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя
впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
1 р. 75 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Гор-
ное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.,
съ пер. 1 р. 75 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р.,
съ пер. 2 р. 35 к.

С. Я. Елпатовскій. Очерки
Сибири. 2-ое изданіе. Ц. 1 р., съ
пер. 1 р. 15 к.

К. М. Станюковичъ. Отеровен-
ные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ
пер. 1 р. 75 к.

— Морскіе слуги. Ц. 1 р., съ
пер. 1 р. 20 к.

Н. Савверовъ. Рассказы, очерки
и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
1 р. 75 к.

Ю. Безродная. Офорты. Ц. 1 р.
50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Шабельская. Наброски ка-
рандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
1 р. 75 к.

В. Немировичъ-Данченко.
Волчья сѣть. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.,
съ пер. 1 р. 75 к.

А. Осиповичъ. (А. О. Новодвор-
скій). Собраніе сочиненій. Ц. 1 р.
50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азін: жизнь
и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес.
2 р. 30 к.

Э. Реклю. Земля. Шесть выпу-
сковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р.
50 к.

И. И. Дитятинъ. Статьи по
исторіи русскаго права. Ц. 2 р.
50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Г. Гиббинсъ. Промышленная
исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер.
1 р.

Ш. Летурно. Соціологія, осно-
ванная на этнографіи. Вып. I. Ц.
60 к., съ пер. 75 к. Вып. II. Ц. 1 р.
съ пер. 1 р. 20 к.

М. С. Корелинъ. Паденіе антич-
наго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ
пер. 90 к.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц.
40 к., съ пер. 55 к.

Н. А. Карышевъ. Крестьянскія
вѣнадѣльныя аренды. Ц. 3 р.,
съ пер. 3 р. 50 к.

— Вѣчно-наслѣдственнымъ наемъ
земель на континентѣ Зап. Евро-
пы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Н. И. Карѣвъ. Историко-фи-
лософскіе и соціологич. этюды.
Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Г. Буассье. Очерки общественна-
го настроенія времени цезарей. Ц.
1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

С. Р. Гардинеръ. I. Пуритане и
Стюарты. II. О. Эйри. Реставра-
ція Стюартовъ и Людовикъ XIV.
Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

С. Н. Кривенко. На распутъи.
Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

В. В. Лесевичъ. Опыт критическаго изслѣдованія основначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

— Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 2 р. 80 к.

— Что такое научная философія? Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Эд. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Киддъ. Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ч. Бёрдъ. Реформація XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— (на велееновой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

И. К. Влунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (аместо 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большой уступки не дѣляется.

В. П. Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (аместо 2 р. 50 к.) съ перес. 1 р. 50 к.

В. Ф. Брандтъ. Воряба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Э. Тейлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. А. Анскій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

— (На велееновой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 85 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цѣна за годъ 8 р.

Продолжается подписка
на шесть томовъ сочиненій
Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ,

съ портретомъ автора,
который приложенъ къ IV тому.

Подписная цѣна 9 рублей.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна за шесть томовъ 12 р.

Подписка съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

Вышли I, II, III и IV тт.

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Содержаніе III т. 1) Философія исторіи Луи Влана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Содержаніе IV т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

V и VI т. выйдутъ въ сентябрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство» —
уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

(Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ).

ХІІ.

Рѣзкій звукъ колокольчика разбудилъ Бунина на другое утро. М-ръ Гульдъ, одѣтый, стоялъ надъ нимъ и звалъ его завтракать. Бунинъ вскочилъ и поспѣшилъ одѣться.

Внѣзу, въ столовой они застали троихъ молодыхъ людей, съ аппетитомъ уничтожавшихъ сытный американскій завтракъ — мясо, яйца, плоды, кофе и горячія домашнія булки. Столовая была обставлена такъ же комфортабельно, какъ и гостиныя.

Всѣ, очевидно, спѣшили и, перекинувшись нѣсколькими неизбежными фразами о погодѣ, куда-то исчезли. Бунинъ взялся за свой чемоданчикъ и, поблагодаривъ м-ра Гульда за гостеприимство, собирался уходить.

— Что вы располагаете дѣлать сегодня?—спросилъ Гульдъ.

— Во-первыхъ, найти комнату, а во-вторыхъ, искать работы,—отвѣчалъ Бунинъ.

— Какого рода работа вамъ нужна?

— Я ни отъ какой не откажусь, даже отъ самой тяжелой. У меня нѣтъ настоящей специальности. Я бы желалъ поработать на выставкѣ, если возможно. Тамъ, я думаю, много всякаго дѣла.

— Вы знаете, что въ Чикаго наѣхала масса рабочихъ и конкуренція громадная. Но я постараюсь вамъ помочь, у меня есть знакомый архитекторъ на выставкѣ. А теперь я хотѣлъ вамъ предложить пойти взглянуть на нашъ Дѣтскій Садъ—сказалъ м-ръ Гульдъ.—Онъ всего въ двухъ шагахъ отсюда, вонъ тамъ, напротивъ, въ Женскомъ Отдѣленіи.

Бунинъ съ удовольствіемъ согласился. Они перешли черезъ улицу, къ другому дому, совершенно такому же, какъ тотъ, изъ котораго вышли.

— Взгляните на эту картину,—сказалъ Гульдъ, подходя къ нижняго этажа.

Въ самой срединѣ длинной, просторной комнаты, на низкомъ дѣтскомъ столѣ сидѣлъ бѣлый кроликъ. Передъ нимъ лежалъ капустный листъ, и онъ съ дѣловымъ видомъ грызъ его, не обращая вниманія на цѣлую гурьбу дѣвочекъ, отъ трехъ до шести лѣтъ, окружившихъ его и съ заботливымъ, чисто материнскимъ вниманіемъ слѣдившихъ за его завтракомъ. Масса бѣлокурыхъ и темноволосыхъ головокъ ласково склонилась надъ нимъ. Нѣсколько малютокъ сидѣло на корточкахъ. Онѣ старались заглянуть въ красноватые глаза кролика своими черными, карими и голубыми глазками, выражавшими самую безкорыстную преданность. Но кролику эти нѣжные взгляды, повидимому, совсѣмъ не нравились. Онъ, по временамъ, упрямо моталъ головой и сердито начиналъ трепать свой капустный листъ.

— Это ихъ любимецъ, — сказалъ м-ръ Гульдъ. — Вы не можете себѣ представить, какъ эти несчастные «дѣти города» любятъ животныхъ и вообще природу. Когда лѣтомъ ихъ привозятъ на нашу загородную ферму, они первое время совершенно теряютъ голову отъ восторга — бѣгаютъ, скачутъ, не могутъ надышаться свѣжимъ воздухомъ и наглядѣться на всѣ прелести деревенской природы. Эти блѣдныя, безцвѣтныя лица дѣлаются красными, какъ макъ. Войдемте, классы еще не начались, а мнѣ нужно видѣть учительницу.

Они вошли и своимъ приходомъ спугнули дѣтей, которыя забѣгали, зашептались и забыли про кролика.

Гульдъ познакомилъ Бунина съ учительницей, молодой дѣвушкой, съ милымъ и умнымъ лицомъ.

Дѣти всей гурьбой двинулись въ садъ, а за ними и взрослые.

— Вотъ еще представитель природы, — сказалъ шутливо Гульдъ, проходя черезъ корридоръ и указывая на дохленькаго, чуть покрытаго желтымъ пушкомъ цыпленка въ клѣткѣ, издававшаго жалобный пискъ. — Онъ тоже служить для педагогическихъ цѣлей.

Садъ собственно не заслуживалъ своего названія. Это былъ крошечный квадратный дворикъ съ высокой каменной стѣной и узенькой грядкой цвѣтовъ вокругъ. Единственное тощее дерево не давало никакой тѣни. Среди двора были устроены качели, которыя дѣти тотчасъ же окружили и принялись качаться.

— А вотъ ихъ пшеничное поле, — сказалъ Гульдъ, указывая на наполненный землею ящикъ, дюймовъ 10 длиною и 5 шириною, въ которомъ качались изъ стороны въ сторону какія-то жалкія былинки.

— Бѣдныя дѣти, — сказалъ Бунинъ.

— Да, бѣдныя дѣти, — отвѣтила учительница. — Представьте,

многія изъ нихъ никогда не бывали за городомъ и когда ѣдутъ съ нами въ первый разъ, серьезно спрашиваютъ, можно ли сорвать полевой цвѣтокъ, какой-нибудь одуванчикъ или лютикъ. И всетаки этотъ садикъ лучше ихъ грязныхъ и тѣсныхъ жилищъ. Вотъ эту гряду они всю выростили сами. А когда сюда залетитъ бабочка, пчела или жукъ, то восторгамъ и разспросамъ нѣтъ конца.

Между тѣмъ, дѣти нисколько не чувствовали себя «бѣдными». Они окружили длинный ящикъ съ пескомъ и усердно пекли пироги всевозможныхъ формъ. Самый красивый пирогъ былъ торжественно поднесенъ учительницѣ. Дѣти, повидимому, очень ее любили и относились къ ней, какъ къ старшей сестрѣ или матери. Въ ея обращеніи съ ними было много ровности и ласки.

Раздался звонокъ, и дѣти съ пѣніемъ, очень напоминавшимъ пискъ цыплятъ, двинулись въ классъ.

Бунину не хотѣлось уходить. Этотъ маленькій мірокъ любви и добра, мягкаго, гуманнаго отношенія къ человѣку пришелся ему по сердцу. Нельзя-ли ему на время здѣсь остаться? Онъ спросилъ Гульда, сколько платятъ за свое содержаніе живущіе студенты.

— 6 долларовъ въ недѣлю. Приэтомъ они занимаются въ классахъ безъ вознагражденія, такъ какъ сами приэтомъ учатся. Только главный завѣдующій, его помощникъ, секретарь и учительница Kindergarten'a получаютъ жалованье.

Шесть долларовъ въ недѣлю было не по карману Бунину. Онъ еще разъ поблагодарилъ Гульда за гостепріимство, и они расстались, условясь встрѣтиться послѣ обѣда на мѣстѣ, гдѣ строилась выставка.

XIII.

Въ шести миляхъ отъ центра Чикаго, на югъ, тянулась на нѣсколько миль безплодная, песчаная полоса земли съ болотомъ въ самой серединѣ. Рѣдкіе пучки болотной травы, кое-гдѣ унылая ива, да нѣсколько одинокихъ дубовъ, разбросанныхъ далеко другъ отъ друга, придавали еще болѣе безотрадный видъ этой пустынѣ. И, точно по какой-то странной ироніи природы, эта бѣдная, безнадежно тоскливая полоса земли омывалась роскошными волнами голубого Мичигана, гордо сіявшего своей грандіозной красотой, чудными переливами своихъ водъ.

Только въ неутомимомъ умѣ человѣка, этого неутомимаго борца съ природою, которому невозможное кажется особенно заманчивымъ, могла зародиться смѣлая мысль обратить эту пустыню въ тотъ прелестный «Бѣлый Городъ», полный «чу-

десъ всего міра», который жилъ такъ не долго, но такую страшно интенсивною жизнью.

Въ тотъ день, когда Бунинъ въ первый разъ подошелъ къ мѣсту, предназначенному для будущей выставки, тамъ уже шла горячая работа. Въ одномъ мѣстѣ возили землю, камни, въ другомъ насыпали песокъ, въ третьемъ сваливали доски. Мѣстами проводили каналы, строили мосты. Кое-гдѣ уже высились зданія, и по ихъ размѣрамъ можно было себѣ представить колоссальность предпріятія. Стройные, прозрачные скелеты зданій поднимались высоко въ воздухъ, точно какіе-то сказочные дворцы, созданные по мановенію волшебницы.

Бунинъ былъ пораженъ этой кипучей дѣятельностью. Тутъ была цѣлая армія рабочихъ, механиковъ, архитекторовъ, инженеровъ, артистовъ-художниковъ, представителей всевозможныхъ ремеселъ и отраслей искусства. Отовсюду неслись странные, смѣшанные звуки, сливавшіеся, какъ казалось Бунину, въ какую-то своеобразную гармонию труда, созиданія, воплощенія человѣческой мысли. Вотъ слышатся тяжелые удары деревяннаго молота въ перемежку съ легкими частыми ударами желѣзнаго молотка. Издали несется пронзительно шипящій звукъ пилы, будто помпой какую-то заунывную, жалобную мелодію. Вотъ съ ней скреживается другая, третья... Вездѣ движеніе, работа, мелькаютъ равномерные взмахи рукъ, карабкаются по высокимъ лѣстницамъ ловкія ноги, кажется, не теряется ни одного момента. Подъемная машина работаетъ непрерывно.

Воздухъ полонъ звуками. Но человѣка не слышно. А между тѣмъ, вотъ онъ, всюду, куда ни оглянешься. Тутъ онъ, какъ кроль, роется подъ землею; тамъ виситъ на высотѣ, гдѣ-то подъ едва намѣченнымъ потолкомъ зданія; здѣсь, согнувшись, тащитъ страшную тяжесть. Но онъ поглощенъ своею работою и молчитъ. На взглядъ, каждый работаетъ самостоятельно, независимо, а между тѣмъ всѣхъ связываетъ общность работы, всѣ стремятся къ одной общей цѣли: Вездѣ отдѣльный человѣкъ дѣлаетъ свою незамѣтную, маленькую работу, а огромные столбы, стѣны и куполы воздвигаются и точно растутъ подъ этими мозолистыми и грубыми, но ловкими руками.

Бунина даже зависть взяла. Ему страстно захотѣлось тутъ же стать въ ряды рабочихъ и приняться за дѣло. Эта общая, дружная работа его заражала. Онъ всегда чувствовалъ, что одинъ работаетъ хуже, чѣмъ вмѣстѣ съ другими. «Стадное чувство сильно» — насмѣшливо подумалъ онъ о себѣ.

Гульдъ назначилъ ему свиданіе въ мануфактурномъ отдѣлѣ, гдѣ работалъ его пріятель архитекторъ. Отыскать мануфактурный отдѣлъ не представляло никакого труда. Это громадное зданіе было подвинулось впередъ раньше другихъ. Внутри оно имѣло форму длиннаго и обширнаго свода, безъ столбовъ,

съ поразительно высокими стропилами, на которыя лѣпились рабочіе, ловко цѣпляясь за веревки и доски.

Бунинъ на нихъ просто заглядѣлся; проработавъ цѣлые мѣсяцы на страшной высотѣ и часто на большомъ разстояніи другъ отъ друга, каждый рабочій приобрѣлъ удивительную ловкость и самостоятельность. Но это не мѣшало ему зорко слѣдить за приказаніями главнаго мастера или формана, который въ свою очередь выработалъ особый способъ распоряжаться рабочими. Съ какой-нибудь высокой, легкой жерди, на нѣсколько десятковъ футовъ отъ земли онъ, точно дирижеръ громаднаго оркестра, продѣлывалъ необыкновенно выразительныя движенія. Иногда онъ передавалъ свое распоряженіе помощнику, тотъ другому рабочему, другой третьему и т. д., точно на войнѣ.

Гульдъ Бунинъ едва разсмотрѣлъ на другомъ концѣ зданія, такъ оно было длинно. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то джен-тльмэномъ, которому онъ представилъ Бунина, какъ только тотъ подошелъ. Это и былъ архитекторъ.

— М-ръ Гульдъ говорилъ, что вы желали бы получить работу. Вы попали очень счастливо, мой форманъ еще набираетъ рабочихъ. Пойдите, я познакомлю васъ съ нимъ.

Форманъ оказался добродушнымъ нѣмцемъ, который, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, согласился принять Бунина и велѣлъ ему придти завтра на работу. Бунинъ не вѣрилъ своему счастью и принялся горячо благодарить Гульда.

Гульдъ радостно улыбнулся.

— Странно, — сказалъ онъ, — что люди считаютъ за счастье такую тяжелую, грубую работу; на мой взглядъ, въ этой работѣ свобода личности совсѣмъ теряется, приходится вполне подчиняться цѣлому.

— Въ этомъ стремленіи къ общей цѣли есть особая привлекательность; тутъ можно и свое «я» забыть, — возразилъ Бунинъ. — Кромѣ того, для меня это вопросъ о существованіи, я живу только своей работой. — Въ тонѣ Бунина звучала гордость.

Гульдъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. «Въ Америкѣ гордятся богатствомъ, а не нищетою», — мелькнуло въ его выразительныхъ глазахъ. Но онъ ничего не сказалъ на замѣчаніе Бунина, а предложилъ ему подняться на подъемной машинѣ на крышу мануфактурнаго отдѣла. Они вмѣшались въ кучку сбочихъ, ожидавшихъ подъема элеватора, и поднялись вмѣстѣ съ ними на верхъ. Въ нѣсколько секундъ они взлетѣли на высоту 300 футовъ надъ землею.

Бунинъ подошелъ къ оградѣ, окружавшей крышу, и взглянулъ внизъ. Далеко, подъ ихъ ногами, разстилалось громадное пространство, назначенное для выставки. Желѣзныя и деревянные кѣтки начатыхъ зданій казались тонкими паутинами.

Кое-гдѣ проведенные каналы узкими синими полосами прорѣзали мѣстность. Всюду, точно неутомимые муравьи, копошились люди.

— Вгляните туда, вдаль, все Чикаго видно, какъ на ладони, — сказалъ Гульдъ.

Бунинъ оглянулся вправо. Правильными тонкими безконечно длинными нитями тянулись вдоль Мичигана, съ юга на сѣверъ, улицы Чикаго, пересѣкаемые болѣе короткими, съ запада на востокъ. Домовъ на этомъ громадномъ разстояніи Бунинъ не могъ рассмотреть даже въ бинокль, который ему подаль Гульдъ, задумчивымъ взоромъ смотрѣвшій по направленію Чикаго. Пейзажъ этотъ говорилъ ему много.

— Трудно повѣрить, — сказалъ Гульдъ послѣ нѣкотораго молчанія, — что этотъ громадный городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое въ началѣ этого столѣтія было признано учеными инженерами невозможнымъ для постройки города, и что лѣтъ 20 тому назадъ онъ сгорѣлъ чуть не до тла. Да, Чикаго замѣчательный городъ, и энергія его жителей поразительна. Но, не смотря на то, что я горжусь своимъ роднымъ городомъ, у меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть какое-то больное чувство.

— Почему? — живо обернулся къ нему Бунинъ. Въ первый разъ со времени ихъ знакомства Гульдъ заговорилъ о себѣ.

— Сложный вопросъ, — отвѣтилъ юноша и замолчалъ. Онъ прошелся по крышѣ, отыскалъ нѣсколько бревенъ и досокъ и устроилъ изъ нихъ скамью.

— Садитесь, — сказалъ онъ. — Здѣсь хорошо. Земля такъ далеко, а небо надъ нами такъ ясно. Неправда-ли, иногда пріятно отдѣлаться отъ земли?

Онъ сѣлъ и, опустивъ голову, шевелилъ своей тросточкой стружки, валявшіяся у нихъ подъ ногами.

— Не странно-ли, — заговорилъ онъ опять, поднимая къ стоявшему передъ нимъ Бунину свое взволнованное лицо, — что элементъ пролитія крови, игравшій такую громадную роль при основаніи древнихъ городовъ, кажется необходимымъ и при основаніи новыхъ. Вонъ тамъ, въ началѣ великолѣпной Прэри Авеню (онъ указалъ рукою вдоль озера), на самомъ берегу Мичигана, въ центрѣ Чикаго, на мѣстѣ, бывшемъ когда-то бесплодной пустыней съ нѣсколькими песчаными холмами, стоитъ изсохшій стволъ стараго хлопчатника, который былъ свидѣтелемъ послѣдней кровопролитной битвы при взятіи порта Дирборна. Болѣе 80 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а онъ все стоитъ и грустно смотреть на измѣняющуюся вокругъ него сцену. Если вы будете въ той сторонѣ, обратите вниманіе на группу возлѣ него, поставленную въ память этого кроваваго дня. Она представляетъ моментъ, когда индѣйскій вождь, по имени Черный Перепелъ, самоотверженно спасаетъ отъ смерти американку, дочь бѣлаго, которому онъ обязанъ. Какъ разъ

противъ этой группы начинается рядъ дворцовъ, принадлежащихъ нашимъ миллионерамъ. Это и есть Прэри Авеню—Олимпъ чикагскихъ боговъ. Мнѣ часто казалось непонятнымъ, какой страннѣйшій инстинктъ влечетъ торжествующихъ вождей нашей цивилизации къ этому мѣсту смерти. Можетъ быть,—предчувствіе, что и они скоро должны будутъ уступить мѣсто новой эрѣ? Кто знаетъ? Можетъ быть...

Гульдъ опять всталъ и началъ ходить по крышамъ.

— Но пока они царствуютъ вполне,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Знаете-ли, какое главное зло въ Чикаго, да, можетъ быть, и во всей Америкѣ?—спросилъ онъ, остановившись передъ Бунинымъ и смотря на него пристальнымъ взглядомъ. Ему нравилось это простоватое славянское лицо—оно вызывало на откровенность. Бунинъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Поклоненіе доллару,—отвѣчалъ Гульдъ на этотъ безмолвный вопросъ.—Богачи—наши боги. Высшій идеалъ—накопленіе богатства. Миллионеры держатъ все въ своихъ рукахъ. Имъ поклоняются, имъ подражаютъ... У насъ, въ Чикаго три главныхъ божества: Смитъ, Джексонъ и Биртонъ, но есть еще много и болѣе мелкихъ боговъ.

— О Биртонѣ я кое-что слыхалъ. Вѣдь, это тотъ самый, который ввелъ ваши знаменитые спальные вагоны,—сказалъ Бунинъ.—Но кто же Смитъ и Джексонъ?

— Смитъ владѣлецъ огромнаго мануфактурнаго магазина, а Джексонъ—мясникъ, владѣлецъ величайшихъ въ мірѣ скотобойни. Имъ удивляются тѣмъ болѣе, что они сами нажили свое богатство—по нѣскольку десятковъ миллионовъ—въ 15, 20-лѣтъ. Когда Смита спрашиваютъ, какимъ образомъ онъ нажилъ свои миллионы, онъ отвѣчаетъ съ гордостью: честной торговлей, а я отвѣчу: задушивъ мелкихъ торговцевъ. Каждое отдѣленіе его магазина, который можно назвать гигантскимъ базаромъ, открывалось, губя мелкія лавки по той же спеціальности, такъ какъ, закупая товаръ по мелочамъ, а слѣдовательно дороже, онъ не могли конкурировать съ цѣнами Смита. Но онъ не заглядываетъ такъ глубоко, онъ загребаетъ деньги—и его совесть чиста.

Въ тонѣ Гульда звучала какая-то новая, жесткая нотка. Лицо его было серьезно и, вмѣсто обычной ясной улыбки, вокругъ рта легла старившая его тѣнь. Онъ поднялъ какую-то щепку, безъ всякой нужды переломилъ ее на двое и отбросилъ далеко на край крыши.

—Второй идолъ Чикаго, Джексонъ, мой близкій родственникъ. Онъ, какъ я уже сказалъ, стоитъ во главѣ величайшей скотобойни въ мірѣ, гдѣ быки и свиньи претворяются въ говяжій экстрактъ и пресованное мясо, поставляемое на весь міръ.

Не смотря на свои миллионы, онъ замѣчательно аккуратный человекъ и часто повторяетъ свою любимую поговорку: «Рано лечь вечеромъ и рано встать утромъ—дѣлаетъ человека здоровымъ, богатымъ и мудрымъ». Онъ сдѣлалъ съ мелкими мясниками то же, что Смитъ сдѣлалъ съ мануфактурными лавками: онъ ихъ проглотилъ. Когда его спрашиваютъ, почему теперь, владея миллионами, онъ не броситъ дѣла и не уступитъ мѣста другимъ, онъ отвѣчаетъ: «Въ этомъ дѣлѣ вся моя жизнь. Безъ него я не могъ бы жить. У меня страсть не къ деньгамъ, а къ самому процессу накопленія». И онъ считаетъ себя правымъ.

— Вы родились въ Чикаго?—спросилъ Бунинъ.

— Да,—утвердительно кивнулъ ему головой Гульдъ,—въ Прэри Авеню. Тамъ я родился, тамъ выросъ, бѣгая по заботливо огороженнымъ бархатнымъ лужайкамъ этого замѣнутаго, очарованнаго міра роскоши; тамъ же, въ этихъ дворцахъ, гдѣ сидятъ на шелку, пьютъ и ѣдятъ на серебрѣ, поклоняются Мамону и не боятся наказанія Божія, забывая о своихъ братьяхъ во Христѣ,—тамъ же, говорю я, сложился во мнѣ горячій протестъ противъ гнета доллара, противъ эгоистическаго, нечеловѣческаго существованія. Меня потянуло на волю изъ ненавистной Прэри Авеню, и 14 лѣтъ я бѣжалъ изъ дома. Подражая Робинзону, я поселился на необитаемомъ островѣ и прожилъ тамъ около трехъ мѣсяцевъ. Это были самые счастливые дни въ моей жизни. Я ловилъ рыбу, собиралъ устрицы, построилъ каменную печь, въ которой самъ пекъ хлѣбъ изъ запасенной мною муки, читалъ (книги я тоже захватилъ съ собою) и вполне наслаждался жизнью и свободой. Но мои родные поставили на ноги всю полицію, чтобы разыскать меня. Мнѣ пришлось вернуться въ семью, гдѣ я и прожилъ до моего совершеннолѣтія. Но, какъ только мнѣ минулъ 21 годъ, я навсегда покинулъ ненавистную Прэри Авеню и перешелъ жить на противоположную сторону Чикаго, въ западную его часть, гдѣ о дворцахъ нѣтъ и помину, гдѣ ни одно дерево, ни одна лужайка не радуется взору, гдѣ грязныя улицы, закопѣлые дома, жалкая, безотрадная жизнь. Тамъ вы не встрѣтите холеныхъ дѣтей богачей и роскошно одѣтыхъ дамъ. Тамъ всюду грязь и бѣдность, оборванные ребятишки съ сѣрыми, безцвѣтными лицами, измученныя болѣзнями и тяжелой работой женщины, отцы семействъ, гибнущіе въ мучительной борьбѣ съ бѣдностью безъ всякой надежды на лучшее будущее.

Гульдъ замолчалъ, сѣлъ на доски, замѣнявшія имъ скамью, и задумался, изрѣдка поглядывая въ сторону Чикаго. Бунинъ сидѣлъ тоже молча, сочувственно взглядывая по временамъ на взволнованное лицо своего собесѣдника. Онъ всей душой понималъ его. Въ немъ шла та, знакомая Бунину, душевная борьба, которая вызывается въ человѣкѣ, рожденномъ въ при-

вигегированномъ классѣ, сознаниемъ своей неправоты передъ бѣднякомъ и которая всю жизнь такъ мучила Бунина.

Оба продолжали сидѣть молча, и каждый думалъ свою думу.

XIV.

Нѣсколько мѣсяцевъ Бунинъ проработалъ на выставкѣ, въ мануфактурномъ отдѣлѣ.

Участіе въ этой энергичной работѣ, съ ясной и близкой цѣлью впереди, пришлось ему по душѣ. Онъ съ удовольствіемъ таскалъ доски, лапалъ по лѣсамъ, копалъ землю, исполнялъ все, что выпадало на долю чернорабочаго. Теперь онъ уже началъ привыкать ко всякой работѣ и не зарывался силами. Принимаясь за новое дѣло, онъ прежде всего старался найти болѣе ловкіе приемы, стремился тратить по возможности меньше силъ и достигалъ большихъ, чѣмъ прежде, результатовъ. Изъ новичка, неумѣло таскавшаго сандаль, вырабатывался ловкій и сильный рабочій.

Личныя отношенія съ «боссомъ» и товарищами сложились на этотъ разъ какъ-то легко и просто. Форманъ или мастеръ былъ практичный, толковый человекъ, умѣвшій ловко пользоваться различными способностями людей, находившихся подъ его управленіемъ. Отъ товарищей, между которыми были люди разныхъ національностей, онъ видѣлъ самое радушное отношеніе.

Зима въ Чикаго проходила незамѣтно, и Бунинъ чувствовалъ себя хорошо. По мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался искуснѣе въ работѣ, у него устанавливалось постепенно, незнакомое ему прежде, душевное равновѣсіе. Отвѣта отъ Белами не было, но Бунинъ не приходилъ въ отчаяніе. Ассоціація Белами начинала казаться ему миражемъ, который блѣднѣлъ по мѣрѣ того, какъ дѣйствительная жизнь захватывала его. Онъ жилъ у Робертса, старика-рабочаго, котораго онъ встрѣтилъ въ первый день своего пріѣзда въ Чикаго, а воскресенья проводилъ съ Гульдомъ.

По мѣрѣ того, какъ зданія выставки росли, высокія и величественныя, Бунинъ болѣе и болѣе привязывался къ этой работѣ и увлекался ею. А когда пришла весна и всюду раскинулись зеленныя лужайки съ пышными клумбами цвѣтовъ, черезъ каналы и пруды перекинулись причудливые мосты съ разнообразными статуями и фигурами, по лагунамъ поплыли разукрашенныя гондолы съ граціозными фигурами лебедей впереди, и, вообще, выставка начала принимать свой праздничный видъ, Бунинъ почувствовалъ глубокое нравственное удо-

влетвореніе. Ему было отрадно сознавать, что и онъ внесъ свою лепту въ это твореніе рукъ человѣческихъ.

Начиная съ апрѣля, въ американскихъ зданіяхъ выставки работа стала переходить постепенно изъ «черныхъ» рукъ въ «бѣлыя». Специалисты должны были закончить начатое—создать вѣнецъ творенія. Въ апрѣлѣ же, Бунинъ, на ряду съ другими «чернорабочими», остался безъ дѣла и попалъ въ рядъ «свободныхъ отъ работы». Онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по выставкѣ, пользуясь оставшимся у него случайно пропускнымъ билетомъ.

Большинство американскихъ зданій внутри еще не были готовы, и экспоненты не могли начать своихъ приготовленій. Только въ машинномъ отдѣлѣ начинали устанавливать фундаменты для тяжелыхъ машинъ. Снаружи тоже оставалось много дѣла. Во многихъ мѣстахъ еще видны были обрѣшетины, на которыя прибивалась алебастровая облицовка, долженствовавшая изображать камень.

Бунинъ съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за постройками и ждалъ конца. Но, по мѣрѣ того, какъ работа двигалась впередъ, въ немъ возникало странное, безпокойное чувство, котораго въ немъ не было, когда онъ работалъ: онъ не довѣрялъ американскому художественному вкусу. Впрочемъ, чувство это имѣло свои основанія. Часто, подходя къ какому-нибудь зданію, которое онъ давно не видѣлъ, онъ неожиданно замѣчалъ въ немъ новую черту, какой-нибудь рѣжущій глаза эффектъ, то безобразную статую на крышѣ, то невозможную окраску входа, то невѣроятную пестроту цѣлаго павильона. А когда въ концѣ красиваго бассейна, у бѣлой колоннады, на берегу Мичигана поставили тяжеловѣсную золотую статую республики, онъ былъ серьезно огорченъ. Во всей неуклюжей фигурѣ ея, въ каждой прямолинейной складкѣ ея одежды чувствовалось полное отсутствіе изящнаго вкуса. Смотря на нее, Бунинъ не разъ вспоминалъ слова Гюльда о поклоненіи Мамону: эта статуя походила на громаднаго золотого идола.

Впрочемъ, разъ онъ былъ очень пріятно пораженъ. Онъ натолкнулся на замѣчательно оригинальный павильонъ, принадлежавшій штату Айова. Онъ весь былъ декорированъ исключительно кукурузой разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная съ желтаго и кончая темнокоричневымъ, причемъ шли въ дѣло и стебли, и листья, и бѣлые чехлы, что закрываютъ колосья, пока онъ еще не совсѣмъ созрѣлъ. Эффектъ получался восхитительный. Очевидно, павильонъ этотъ декорировалъ человѣкъ, выросшій тамъ, гдѣ украшенія кукурузой составляютъ обычную вещь.

Былъ и еще уголокъ, гдѣ чувство прекраснаго вполне удовлетворялось, и куда Бунинъ часто заглядывалъ; это та

часть японскаго отдѣла, гдѣ стояли три японскихъ домика. Чистота линий, тщательность и красота отдѣлки, стройная необходимость всего, какъ цѣлаго, были поразительны. Ни одного лишняго украшенія, ни одного небрежно оконченнаго мѣста: и цѣлое, и детали—все прошло черезъ горнило многихъ поколѣній художниковъ; каждый изъ нихъ внесъ свою лепту и получилъ эстетическое наслажденіе, знакомое только тому, кто вноситъ свою думу, творя прекрасное.

Вмѣстѣ съ ласточками, весной, начали прилетать и заморскіе гости. Закипѣла работа въ иностранныхъ павильонахъ и зданіяхъ. Воздухъ наполнился смѣшаннымъ говоромъ на разныхъ языкахъ.

Недѣли черезъ полторы послѣ того, какъ Бунинъ кончилъ работу въ мануфактурномъ отдѣлѣ, онъ опять заглянулъ въ него. Большинство павильоновъ уже заканчивалось. Всюду распаковывались экспонаты. Изящный павильонъ Франціи щеголялъ роскошью современныхъ модныхъ туалетовъ. Германия, напротивъ, окунулась въ глубь старины и поражала строгостью стиля. Только мѣсто, отведенное для Россіи, имѣло видъ весьма унылый. Нераспакованные ящики угрюмо ждали своей очереди. Постройка павильона еще не начиналась. Шелъ дождь, и крыша протекала. На мѣстѣ, назначенномъ для русскаго отдѣла, расхаживали съ тросточками и зонтиками недавно пріѣхавшіе экспоненты. Они собирались кучками и съ хмурыми лицами толковали объ американскихъ порядкахъ, которыми всѣ, повидимому, были недовольны. Одинъ ядовитый экспонентъ открылъ даже зонтикъ и въ такомъ видѣ протестовалъ противъ неисправности зданія.

Но пока «господа» выжидаютъ, «мужики» принимаются за работу. Устроивъ себѣ импровизированные верстаки, они русскими пилами и рубанками налаживаютъ американскую сосну и очень внимательно приглядываются къ разной заморской «снасти» для передвиженія грузовъ.

— Гляди, Иванъ, это у нихъ ловко прилажено,—говоритъ одинъ широколицый плотникъ, съ черной, какъ смоль, бородой лопатой, въ высокихъ сапогахъ и театрално широкихъ штанахъ.

— Ничего,—лаконически звучитъ отвѣтъ другого плотника въ мѣщанскомъ картузѣ, съ тоненькими усами и бойкими глазами.

— Скажите, пожалуйста,—догоняетъ Бунина изящно одѣтый, небольшого роста господинъ въ золотомъ пенснѣ, съ наружностью замореннаго петербуржца.—Скажите, пожалуйста, не знаете-ли вы, гдѣ здѣсь филантропія?

— Филантропія?—переспрашиваетъ Бунинъ, припоминая.— Она тамъ, далеко, на краю выставки, за лѣснымъ отдѣломъ, около рыбнаго зданія. Да она еще и не готова.

— Ахъ, неужели не готова?—воскликаетъ господинъ въ пенснѣ. Въ голосѣ его звучитъ какая-то надтреснутая, желчная нотка.—Очень, очень жаль. Я читалъ въ газетахъ, что она будетъ замѣчательно представлена. Скажите, не готова! А я прѣхалъ специально для изученія.

Онъ стоитъ, укоризненно покачивая головой. Въ это время на него съ быстротою молнии налетаетъ откуда-то взвѣсившійся американецъ и начинаетъ ему поспѣшно объяснять, что онъ репортеръ «Свѣта», который имѣетъ миллионъ подписчиковъ, и желалъ бы видѣть шкафъ, на которомъ выжжены пять портретовъ графа Толстого.

Петербургецъ не понимаетъ американца и старается жестами и вѣжливыми французскими фразами объяснить ему, что не говоритъ по англійски. Но американецъ, увѣренный, что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ, продолжаетъ ему объяснять, что это будетъ выгодно для Россіи, такъ какъ статья его появится на дняхъ.

Бунинъ хотѣлъ было идти на выручку петербуржца, но въ это время къ нему подошла пожилая дама въ черномъ и по русски спросила, гдѣ канцелярія главнаго комиссара. Бунинъ, вмѣсто объясненія, предложилъ проводить ее, и она приняла предложеніе съ благодарностью.

— Какая громада эта выставка, — сказала она дорогой. — Очень легко заблудиться. Я сегодня въ первый разъ здѣсь, брожу по выставкѣ уже нѣсколько часовъ и смертельно устала. Мнѣ кажется, что выставка черезчуръ разбросана.

— Не знаю, — отвѣчалъ Бунинъ, — я этого не нахожу. Впрочемъ, я работалъ здѣсь всю зиму и могу быть пристрастнымъ. Мнѣ выставка очень нравится.

Не смотря на свою искренность, ему не хотѣлось говорить о нѣкоторыхъ разочарованіяхъ своихъ за послѣднее время.

— О, я тоже думаю, что она будетъ замѣчательно интересна!—воскликнула дама.—Я сюда страстно стремилась.—Она сказала это съ такой энергіей, что Бунинъ взглянулъ на нее съ любопытствомъ. Не смотря на сѣдые, почти бѣлые волосы, темные глаза ея блестѣли, лицо дышало умомъ и рѣшительностью. Во всей высокой и стройной фигурѣ ея чувствовался неисчерпаемый источникъ бодрости и силы.

— Мнѣ здѣсь предстоитъ очень интересное дѣло, — прибавила она.—А вы давно здѣсь? Говорите по англійски?

— Да, какъ же; боюсь, что успѣлъ пріобрѣсти даже отвратительный американскій акцентъ.

Теперь дама посмотрѣла на него внимательно, какъ будто что-то соображая.

— Не-дадите-ли вы мнѣ вашъ адресъ?—спросила она.

Бунинъ подавъ ей свою карточку, и дама, поблагодаривъ его, скрылась въ дверяхъ канцеляріи.

Бунинъ пожалѣлъ, что не спросилъ ее, о какомъ «интересномъ дѣлѣ» она говорила. Онъ дождался ее нѣсколько минутъ у дверей канцеляріи, но видя, что она не выходитъ, выбравшись изъ мануфактурнаго отдѣла и пошелъ по направленію къ женскому зданію, котораго онъ еще не видѣлъ. Оно строилось по плану архитектора-женщины и возбуждало всеобщее любопытство. Внутреннимъ убранствомъ тоже завѣдывали женщины, и управление этимъ отдѣломъ всецѣло находилось въ ихъ рукахъ.

Изящное, бѣлое зданіе, въ стилѣ Renaissance, окруженное колоннами, съ садомъ на крышѣ, висячими террасами, убранными тропическими растеніями и красивымъ входомъ, тянулось вдоль лагуны. Рядомъ съ окружавшими его громадами, оно казалось маленькимъ, робкимъ... хотя въ общей идее не было ничего оригинальнаго, но детали отличались тщательной обработкой и придавали всему зданію нѣжный, женственный видъ.

Бунинъ остановился на площадкѣ передъ входомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы лучше рассмотреть символическія фигуры, въ изобиліи украшавшія зданія и представлявшія разныя женскія качества. На крышѣ, въ самомъ центрѣ передняго фасада, стремящаяся къ небу фигура изображала «духовность женщины». У ногъ ея пеликанъ представлялъ эмблему «любви и жертвы». «Милосердіе» стояло рядомъ съ «Добродѣтелью», а «Самопожертвованіе» было представлено въ видѣ монахини, которая приноситъ на алтарь свои драгоценности. Одна изъ группъ изображала «Генія цивилизации», съ орломъ у его ногъ. Другая — женщину, которая борется съ духовной тьмой и стремится къ свѣту.

«Что-то чересчуръ затѣйливо», — подумалъ Бунинъ, входя въ главную залу.

Здѣсь ему сразу бросились въ глаза двѣ большія панели противъ главнаго входа, на которыхъ были представлены женщины прошлаго и настоящаго. «Примитивная» женщина олицетворялась группой женщинъ и дѣтей — эмблема материнства. Съ одной стороны этой центральной группы, женскія фигуры въ античныхъ одеждахъ несли кувшины съ водой, съ другой — женщины — сѣтели. «Современная» женщина была представлена группой дѣвушекъ, стремящихся къ славы — неясному разгу, исчезающему въ облакахъ. За дѣвушками почему-то шли гуси съ длинными, вытянутыми шеями.

Бунину картины эти показались грубыми и невозможными колориту. Травянистая зеленая краска, покрывавшая поля луга, отъ того преобладала, что обѣ картины казались со-

вершенно неумѣстными у самого потолка залы, гдѣ скорѣе можно было ожидать облаковъ и неба. Стѣны были увѣшаны произведеніями американскихъ художницъ. Бунинъ разсѣяннымъ взглядомъ скользнулъ по зауряднымъ портретамъ и пейзажамъ.

Но что это? Откуда вдругъ повѣяло на него такой жизненной струйкой? Гдѣ видѣлъ онъ эти милыя, дѣтскія лица? Онъ остановился, какъ прикованный, передъ небольшой картиной.

Сѣрый, пасмурный день въ какомъ-то закоулкѣ Парижа. Сѣрая, грязноватая стѣна, вся облѣпленная полуободранными объявленіями. У стѣны, по грязному тротуару, шагаютъ два маленькихъ уличника, въ изношенныхъ темныхъ блузахъ и продранныхъ сапогахъ. Старшій, мальчикъ лѣтъ 7, съ живымъ, умнымъ лицомъ, бодро смотритъ впередъ. Онъ выросъ на улицѣ, рано сдѣлался самостоятельнымъ и шагаетъ ровнымъ, дѣловымъ шагомъ. Одной рукой онъ несетъ огромный порывѣвшій зонтикъ—свой единственный кровъ, а другою ведетъ крошечнаго братишку, который упирается, засунувъ въ ротъ кулакъ, и кое-какъ плетется. Маленькій бродяга морщится и готовъ заплакать. Онъ усталъ, ему хочется сѣсть, но старшій братъ тащитъ его впередъ, и онъ слушается—братъ его единственный защитникъ и покровитель.

Бунина поразила задушевность этой картинки. Онъ наклонился и прочелъ въ углу, около рамы: «Marie Bachkirtzeff». Неужели? Неужели эта тщеславная, свѣтская дѣвушка могла чувствовать такъ глубоко? Или, можетъ быть, это была только минута вдохновенія? Кто разгадаетъ эту загадку? Кто пойметъ, сколько страдала эта беспокойная душа, «сгорѣвшая на своемъ собственномъ огнѣ»?

Бунинъ долго простоялъ еще передъ картиной. Наконецъ, онъ повернулся было, чтобы уходить, и, удивленный, остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Маруся Нѣлова. Онъ не замѣтилъ, когда она подошла, а она не замѣчала его и теперь. Она стояла, глубоко задумавшись, наклонивъ голову и подперевъ рукой подбородокъ. Она не спускала глазъ съ картины.

Бунину показалось, что во взглядѣ ея онъ читаетъ тѣ мысли, которыя только что промелькнули у него въ головѣ. И сейчасъ же ему стало стыдно, точно онъ въ чужую душу заглялъ.

— Здравствуйте,—заговорилъ онъ тихимъ голосомъ, чтобы не испугать задумавшуюся дѣвушку.

Она встрепенулась, въ первую минуту не нашла даже, что сказать, и, кажется, не узнала его.

— А помните, въ Нью-Йоркѣ? Въ вагонѣ? Я былъ вмѣстѣ съ Красавцевымъ?

— Да, да, помню, какъ же! — сказала она, протянувъ ему руку, уже нѣсколько оправившись. — А вамъ тоже нравятся мои любимцы? Я каждый день прихожу сюда взглянуть на нихъ. Изъ всѣхъ картинъ здѣсь эта мнѣ самая понятная. Знаете, мнѣ кажется, что за этихъ мальчиковъ — Башкирцевой можно все простить. Въ этой картинѣ такъ много жизни, правды и... любви.

— Да, именно такъ. Оттого она такъ и поражаетъ, такъ выдается среди этихъ шаблонныхъ портретовъ, прикрашенныхъ и тщательно отдѣланныхъ. Да, жизнь, правда и любовь. Больше ничего и не нужно. Вотъ и рѣшеніе задачи искусства. Какъ вы это просто сказали и вмѣстѣ вѣрно. — Вы надолго въ Чикаго? — спросилъ онъ, съ удовольствіемъ всматриваясь въ серьезные, молодые глаза, разсѣянно смотрѣвшіе на него и все еще возвращавшіеся къ картинѣ.

— Надолго-ли я въ Чикаго? — повторила Маруся. — Да, надолго. Я ввела мѣсто на выставкѣ — буду продавать каталоги въ художественномъ отдѣлѣ. — А вы знаете, — быстро повернулась она вдругъ къ нему, какъ ему показалось немного покраснѣвъ, — вашъ пріятель Красавцевъ здѣсь, я встрѣтила его на дняхъ.

— Неужели? — протянулъ Бунинъ, неожиданно для самого себя холоднымъ тономъ.

— Да, онъ приглашенъ пѣть въ концертахъ на выставкѣ.

Бунину представилось, что, когда Маруся стала говорить о Красавцевѣ, въ глазахъ ея замелькали искорки, какъ тогда, въ вагонѣ. Ему стало некое, онъ заторопился уходить и сталъ прощаться.

— Такъ до свиданія! Заходите въ художественный отдѣлъ. Вѣдь вы здѣсь еще пробудете? Да? — ласковымъ тономъ разспрашивала дѣвушка.

Бунинъ хотѣлъ было рассказать ей о своей работѣ на выставкѣ, но почему-то сейчасъ же раздумалъ, смутился, отвѣтилъ ей что-то неясное и торопливо ушелъ.

XV.

Послѣднее время старикъ Робертъ, у котораго поселился Бунинъ, былъ не въ духѣ. До апрѣля онъ, какъ и Бунинъ, имѣлъ кое-какую работу на выставкѣ, а теперь остался «не у дѣла» и ворчалъ съ утра до вечера, обращаясь къ какимъ-то невидимымъ врагамъ:

— Глупцы! тратятъ миллионы на выставку, чтобы пустить пыль въ глаза иностранцамъ, строить зданія, которые черезъ полгода сами разрушать, а не видятъ того, что дѣлается у нихъ

подъ носомъ. Что они думаютъ, что иностранцы будутъ гулять только поихъ Прерри Авеню, да по выставкѣ, а по нашимъ улицамъ не пойдутъ? Ну, нѣтъ, иностранцы народъ проницательный, ихъ не обманешь. Какъ пойдутъ по нашимъ труппамъ, да за коулкамъ, такъ и поймутъ, гдѣ раки зимуютъ. А то знамена да звѣзды, звѣзды да знамена! А какъ живетъ народъ, чѣмъ пользуются производители американскихъ богатствъ? Вотъ тутъ-то и увидать, что легче привыкнуть носить шелковые платья, чѣмъ чистое бѣлье—всѣ прорѣхи, того и гляди, вылезутъ наружу.

Собственно Робертсъ былъ не совсѣмъ правъ. Чикаго и во всѣхъ силъ чистился и готовился къ приему иностранныхъ гостей.

Великолѣпные отели, залитые электрическимъ свѣтомъ, уже открыли свои гостепріимныя объятія пріѣзжимъ—элеваторы, наполненные отборной публикой, скользятъ безпрестанно вверхъ и обратно. Богатые дома на бульварахъ и аллеяхъ, обсаженные прекрасными буками и липами, блистаютъ роскошью. Огня и лужайки передъ ними полны рѣдкихъ растений. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ спѣшно достраиваются знаменитыя «скребницы неба» на удивленіе европейскимъ кузенамъ. Всѣ усилія направлены къ тому, чтобы поразить старушку Европу.

Словъ нѣтъ, восточный Чикаго красивъ и наряденъ. Но тѣмъ болѣе безобразить его западная сторона, какъ распушшая, большая щека портитъ красивое лицо.

Что дѣлать съ этой массой пустопорожнихъ мѣстъ, заваленныхъ всякимъ хламомъ? Съ этими безобразными постройками, дикими вывѣсками, поломанными деревянными мостками, вмѣсто тротуаровъ, и немоощными улицами? Со всѣми этими неизгладимыми слѣдами хищничества и злоупотребленій, которые должны поразить опытный глазъ европейца?

Положимъ, въ Чикаго вся самая неприглядная бѣднота ловко попрятана по заднимъ дворамъ. Но и фасады старыхъ деревянныхъ домовъ, выходящіе на улицу, непривлекательны. Они имѣютъ запущенный видъ строеній, которыя никогда не ремонтируются. Дымъ отъ угля и копоть дѣлаютъ ихъ невѣроятно грязными и черными. Дома эти не перестраивались съ пожара 1871 года, который начался какъ разъ въ центрѣ этихъ труппъ, но перекинулся черезъ зловонную рѣку Чикаго, точно не удостоивъ эти дрянныя постройки своимъ вниманіемъ. Внутри этихъ помѣщеній, на стѣнахъ и полахъ, толстымъ слоемъ наросла грязь, благодаря постоянно мѣняющимся жильцамъ всевозможныхъ національностей, имѣющихъ одну общую черту—никогда не чиститься. Изъ нихъ только половина—американцевъ, а другая половина состоитъ изъ ирландцевъ, нѣмцевъ, евреевъ, канадцевъ, чеховъ, англичанъ, итальян-

щевъ, французовъ, голландцевъ, норвежцевъ, датчанъ, грековъ, армянъ и китайцевъ.

Но эти дома—дворцы, сравнительно съ тѣми лачугами, которыя тѣснятся за ними. На заднихъ дворахъ утилизированъ каждый клочекъ земли, каждый аршинъ воздуха. Всюду, гдѣ только возможно сдѣлать пристройку, гдѣ полуразвалившійся сарай можетъ быть обращенъ въ жилое помѣщеніе посредствомъ прорѣза окна или продѣлки лѣстницы, устроены квартиры.

Робертсъ занималъ квартиру въ одномъ изъ новыхъ кирпичныхъ домовъ, раздѣленныхъ на клѣтушки, кипащія жилищами. Его квартира состояла изъ 3-хъ крошечныхъ темныхъ комнатъ, съ единственнымъ окномъ въ кухнѣ, гдѣ и-съ Робертсъ стирала и мыла, а Кэрри, дочь его, шила шикарные дамскія наряды. Въ комнатѣ обыкновенно стоялъ чадъ отъ стирки и паръ отъ мытья бѣлья, и какъ Кэрри могла что-нибудь видѣть, было загадкой. Тутъ же и Ѳли. Бунинъ занималъ среднюю проходную комнату, гдѣ Робертсъ умудрился сварганить перегородку, а когда ему было нужно читать или писать, онъ тоже приходилъ въ кухню, такъ какъ въ комнатѣ его было темно.

Квартира Робертса помѣщалась въ третьемъ этажѣ, куда вела грязная, узкая лѣстница. На площадкахъ и ступеняхъ вездѣ залягались отбросы овощей и мяса, обломки мебели и пустыя жестянки отъ консервовъ, которыми исключительно питается трущобное населеніе. Ужасный запахъ неся отовсюду, такъ какъ «современныя усовершенствованія» были постепенно испорчены, и воды въ трубахъ не было.

Женщины работали поневолѣ дома, но мужчинъ неудержимо тянуло на улицу, подальше отъ этого смрада и дыма.

— Что дома-то киснуть: на улицѣ, на людяхъ нѣтъ—нѣтъ и работа навернется,—говорилъ Робертсъ и тащилъ съ собой Бунина.

Съ озера тянуло мягкимъ, весеннимъ вѣтромъ. Улицы были необыкновенно оживлены. Громадными возами свозили съ пустырей мусоръ, лежавшій на нихъ многіе, многіе годы. Цѣлая армія оборванцевъ съ наслажденіемъ мела и скребла улицы, точно дорвавшись до какого-то необычайнаго блаженства.

«Откуда взялись эти люди?»—думалъ Бунинъ, поглядывая на ихъ нищенскую одежду. Они не походили на стариковъ изъ богадѣльни, многіе изъ нихъ были люди среднихъ лѣтъ, нѣкоторые совсѣмъ молодые.

— Кто эти оборванцы?—спросилъ онъ разъ Робертса.

— Есть между ними и трампы, но большинство такіе же рабочіе, какъ и мы съ вами,—отвѣчалъ тотъ.—Къ выставкѣ ихъ сюда понаѣхала цѣлая туча, а работы требуется меньше,

тѣмъ всѣ ожидали. Какъ бы эта туча не предвѣщала бури, — озабоченно покачалъ онъ головой. Народъ все прибываетъ, а спросъ на работу уменьшается. Сегодня я слышалъ, что на выставкѣ начинается стачка.

Придя на слѣдующее утро на выставку, Бунинъ убѣдился, что Робертсъ правъ — тамъ творилось что-то необыкновенное. Все точно замерло, работы прекратились, а у воротъ толпились рабочіе съ сумрачными лицами и, раздѣлившись на группы, о чемъ-то съ волненіемъ толковали. Оказалось, что въ этотъ день была объявлена громадная стачка. Рабочіе требовали сокращенія часовъ работы и настаивали на двухъ смѣнахъ, чтобы доставить работу большому числу людей, такъ какъ наплывъ рабочихъ въ Чикаго, въ надеждѣ на выставку, невѣроятно великъ. Тутъ Бунинъ убѣдился окончательно, что оборванцы, чистившіе улицы, не бродяги, а все тѣ же рабочіе, вынужденные братья за всякую работу, такъ какъ на рынкѣ несравненно больше рукъ, чѣмъ спроса.

Стачка продолжалась всего нѣсколько дней и кончилась какимъ-то компромиссомъ, такъ какъ всѣ главные работы были уже сдѣланы и воевать было не съ кѣмъ и не изъ-за чего. Благодаря этой стачкѣ, Бунинъ сразу окунулся въ чикагскій рабочій вопросъ. Уже тогда болѣе дальновидные рабочіе съ ужасомъ думали, къ чему приведетъ этотъ страшный потокъ рабочей силы, хлынувшій въ Чикаго, особенно при возрастающей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ.

Въ виду всего этого Бунинъ боялся, что скоро и ему придется братья за чистку улицъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Чикаго, счастье ему улыбалось. Въ одно утро онъ получилъ письмо отъ завѣдующей русскимъ кустарнымъ отдѣломъ, Лидіи Павловны Шумской. Она предлагала ему мѣсто при ея отдѣлѣ.

Бунинъ въ восторгѣ помчался на выставку. Въ самомъ концѣ «женскаго зданія», за массой нагроможденныхъ, не распакованныхъ ящиковъ, онъ разыскалъ Шумскую, оказавшуюся той самой дамой, которую онъ недавно провожалъ къ главному комиссару. Онъ засталъ ее за распаковкой громаднаго ящика, въ простомъ рабочемъ костюмѣ — ситцевой блузѣ и грубой сѣрой юбкѣ.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она, крѣпко пожмая ему руку, — а то оба мои помощника не говорятъ по-англійски, и мнѣ приходится всюду бѣгать самой. Боюсь, что мнѣ будетъ довольно трудно опредѣлить ваши обязанности. Скажу одно, работы много, а вознагражденіе, по-русски — хорошее, 50 р. въ мѣсяцъ, а по-американски — маленькое, вѣдь здѣсь жизнь такъ дорога. Согласны-ли вы?

Въ Бунинѣ начала уже вырабатываться осмотрительность

человѣка, живущаго своимъ трудомъ. Онъ мысленно прикинулъ, хватить-ли ему этихъ денегъ. На американскія деньги 50 р. выходило 25 долларовъ. Онъ рассчиталъ, что, платя за свое содержаніе 3 доллара съ половиною въ недѣлю и тратя еще долларъ въ недѣлю на провѣздъ и мелочные расходы, онъ будетъ въ состояніи сберечь 5, 6 долларовъ въ мѣсяцъ на черныи день. Отлично, онъ согласенъ.

— Такъ, если можете, оставайтесь сейчасъ—у насъ масса работы. Ящики мы уже начали распаковывать. Предстоитъ провѣрка вещей по спискамъ, отмѣтка каждой вещи, нумеровка, а потомъ раскладка по витринамъ и развѣшиванье. Какъ видите, работа мелкая и скучная, да и спѣшная. Къ 1-му мая все должно принять приличный видъ, а сегодня уже двадцатое.

— Ничего, успѣемъ, вѣдь и вся выставка еще не готова,—отвѣчалъ Бунинъ и тотчасъ же, разыскавъ инструменты, началъ откупоривать ящики.

Поступивъ въ кустарный отдѣлъ, Бунинъ попалъ опять въ новый міръ.

Послѣ работы въ мануфактурномъ отдѣлѣ, гдѣ все производилось въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, ему казалось странной эта муравьиная работа въ маленькомъ уголкѣ женскаго зданія. По цѣлымъ днямъ приходилось простаивать надъ глубокими ящиками, безпрестанно окунаясь въ нихъ съ головой и вытаскивая то тончайшее кружево, то дорогую вышивку, то воздушный пуховой платокъ. Бунинъ страшно боялся попортить ихъ своими загрубѣвшими отъ тяжелой работы руками и чувствовалъ себя часто неловкимъ.

Но всетаки онъ предпочиталъ эту работу бѣготѣ по канцеляріямъ и конторамъ, гдѣ приходилось терять попустому массу времени, благодаря невыносимому формализму американскихъ чиновниковъ. Во главѣ разныхъ отдѣловъ стояли, большею частью, люди новые, незнакомые съ выставочнымъ дѣломъ, но показать свое незнаніе передъ иностранцами никто не хотѣлъ. Отвѣтственность тоже никто на себя брать не желалъ, и всѣ складывали ее другъ на друга. А, между тѣмъ, каждый шагъ требовалъ позволенія со стороны администраціи выставки.

Разъ Бунинъ пришелъ въ главную контору административнаго отдѣла за разрѣшеніемъ открыть послѣдній полученный ящикъ. Завѣдующаго не было. Долговязый юнецъ, лѣтъ 17, сидѣлъ, задравъ ноги на конторку, и жевалъ обычную жвачку, по временамъ пуская въ противоположную стѣну желтую табачную струю. Въ рукахъ у него было маленькое карманное зеркало, въ которое онъ тщательно разсматривалъ свой носъ.

— Завѣдующаго нѣтъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы, не отрываясь отъ своего интереснаго занятія.

— Завѣдующій обѣщалъ мнѣ оставить бумагу,—замѣтилъ Бунинъ.

— Онъ мнѣ ничего не сказалъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ юноша.

— Странные у васъ порядки,—сказалъ Бунинъ,—я въ третій разъ прихожу за тѣмъ же и не могу ничего добиться.

При этихъ словахъ молодой американецъ прервалъ исследование своего носа и окинулъ Бунина взглядомъ, въ которомъ чувствовалось цѣлое море презрѣнія.

— Иностранцы должны еще *доработаться* до нашей системы,—важно проговорилъ онъ и отвернулся, еще выше задравъ ноги и носъ.

Подобное нахальство возмущало Бунина и вызывало его нерѣдко на рѣзкій отвѣтъ, портившій дѣло. Тогда, къ стыду Бунина, Шумской приходилось идти самой, и она всегда улаживала дѣло.

Неутомимая энергія Лидіи Павловны удивляла Бунина, но онъ не совсѣмъ понималъ ее. Вся эта мелкая, суетливая работа утомляла его до нелзя. Онъ думалъ, что она не имѣетъ смысла, и не могъ понять, какъ интеллигентная женщина можетъ увлекаться всѣмъ этимъ тряпьемъ. Онъ не разъ откровенно высказывалъ ей это, а она только посмѣивалась и, не отрываясь отъ работы, лукаво отвѣчала:

— Погодите, вотъ какъ уберемся, такъ вотъ все и сдѣлается понятнымъ. А теперь нужно работать, разговорами заниматься некогда.

И опять она исчезала въ глубинѣ ящика и вытаскивала оттуда какое-нибудь сокровище, въ видѣ строченаго полотенца или вязанной вышивки.

Вечеромъ, наканунѣ открытія выставки, Шумская велѣла вынести всѣ ящики, отпустила рабочихъ, въ томъ числѣ и Бунина, а сама осталась доканчивать уборку.

Когда рано утромъ, въ день открытія, Бунинъ пришелъ въ женское зданіе, у дверей русскаго отдѣла уже стояла стража въ синихъ солдатскихъ мундирахъ и не хотѣла его впустить.

— Пропустите его, пожалуйста,—раздался голосъ Лидіи Павловны,—онъ изъ нашихъ служащихъ.

Она стояла въ золоченыхъ старинныхъ дверяхъ, точно картина въ рамкѣ. На ней былъ темно-красный штофный сарафанъ, шитая боярская рубашка съ длинными рукавами и небольшая жемчужная повязка на головѣ, красиво выдѣлявшаяся темные глаза и брови.

— Пойдемте-ка къ намъ въ отдѣлъ, что вы о немъ скажете? Вѣдь, пожалуй, не хуже другихъ?—говорила Шумская, идя впередъ.

— Вы, вѣрно, всю ночь проработали!—воскликнулъ Бунинъ въ изумленіи. Онъ положительно не узнавалъ ихъ «жалкаго угла», какъ онъ его называлъ, онъ не могъ и думать, что-бы изъ всѣхъ этихъ случайно собранныхъ вещей, можно было создать то красивое цѣлое, которое представилось его глазамъ. Главнымъ украшеніемъ стѣнъ служили деревенскія полотенца, съ изящными прозрачными концами, которые рельефно выдѣлялись на темно-красномъ фонѣ. Полотенца эти составляли какъ бы рамки, крыши и драпировки къ рѣзнымъ стариннымъ шкафчикамъ и полкамъ въ русскомъ вкусѣ. Надъ окнами изящно драпировались крупныя полотняныя вещи съ ажурной строчкой, а на верху, у карниза, и по угламъ служили бордюромъ широкія русскія кружева съ крупнымъ рельефнымъ рисункомъ, издали казавшіяся затѣйливой рѣзбой изъ слоновой кости.

Въ срединѣ возвышалась почти до потолка цѣлая пирамида, составленная изъ куколъ, въ живописныхъ крестьянскихъ и боярскихъ костюмахъ всѣхъ губерній Россіи.

Эта пестрая пирамида, съ своими живыми натуральными красками и оригинальной, обдуманной во всѣхъ деталяхъ группировкой, казалась замѣчательно красивой на свѣтломъ фонѣ главной стѣны, убранной шитыми полотенцами. Мѣстами, точно легкія облака, бѣлѣли воздушныя пуховыя платки, смягчая яркость красокъ и рѣзкость очертаній.

Лидія Павловна присѣла на низкую, шитую шелками табуретку и стала прилаживать лентъ къ прялкѣ.

— Вы здѣсь просто чудесъ надѣлали,—сказалъ Бунинъ, опять оглядываясь вокругъ.—Это настоящій русскій уголокъ, да еще какой изящный. Теперь всѣ эти тряпки имѣютъ смыслъ и характеръ.

Шумская взглянула на него съ упрекомъ, почти строго.

— Тряпки! Вы смѣете называть это тряпками, но понимаете-ли вы, что вы говорите? Вѣдь, это чудеснѣйшая работа. Ахъ, эта русская интеллигенція! Нѣтъ, изъ нея никогда ничѣмъ барства не выбьешь. Но, по правдѣ сказать, отъ васъ, Константинъ Сергѣевичъ, я этого не ожидала. По вашимъ рассказамъ вамъ пришлось уже порядочно поработать, такъ что пора бы, наконецъ, стать на настоящую точку зрѣнія и цѣнить всякій хорошо выполненный трудъ. И какъ странно! Кажется, нигдѣ столько не толкуютъ объ уваженіи къ труду, какъ въ Россіи. Но слова такъ и остаются словами! Посмотрите,—сказала она, вставая и поднося ему полотенце съ широкой строчкой на концахъ.—Вѣдь, тутъ сколько труда положено! Сколько дней и ночей сидѣла надъ нимъ русская крестьянка! Боже ты мой, такъ и вижу передъ собой это исхудалое лицо, эти красныя, усталыя вѣки. Да вы присмотритесь,

Константинъ Сергѣевичъ, вѣдь, какое это изыщество! Знаете-ли вы, откуда взять этотъ прекрасный узоръ? Это звѣздочки—снѣжинки. А вотъ этотъ рисунокъ,—она развернула огромный пуховый платокъ,—снять съ разрисованнаго морозомъ окна. Нѣтъ, вы замѣтите, какая наблюдательность, сколько поэтического воображенія. А вы называете это тряпками! Развѣ это не чисто художественное творчество? Что можетъ быть выше природы для художника? И ничего: ни житейскія дрягги—а у бабы ихъ довольно, могу сказать—ни бѣдность, ни тяжелая работа не убиваютъ этого дара Божія. Ну, развѣ это не красота?—Она ловка встряхнула тонкимъ полотенцемъ съ великолѣпными ажурными пѣтухами и, любуясь имъ, повѣсила его на мѣсто.

Бунинъ чувствовалъ нѣкоторую неловкость: не то угрызеніе совѣсти, не то стыдъ передъ этими «бабами—художницами». Шумская права, съ его стороны это легкомысліе. Положимъ, у него никогда не было случая изучать женскія работы, но все равно, настоящій рабочій долженъ тотчасъ же, съ перваго взгляда, умѣть оцѣнить трудъ.

— Такъ вотъ вы какая ревностная народница!—сказалъ онъ, смущенно улыбаясь.

— Ну да, вотъ и ярлыкъ готовъ,—совсѣмъ разсердилась Лидія Павловна!—«Народница!» И что это у насъ за страсть къ ярлыкамъ. Примѣнять къ человѣку ярлыкъ—либераль, бюрократъ, нигилистъ, и рады—опредѣлили. А человѣка-то самого и забудутъ, просматривать... Нѣтъ, я не народница. Я просто человѣкъ, способный мыслить и чувствовать, не надѣвающийъ себя на глаза шоры и... не выносящій ярлыковъ.—Она проговорила это энергично, почти рѣзко и опять принялась за прялку.

— Знаете, Константинъ Сергѣевичъ,—начала она спокойнѣе—она всегда называла Бунина по имени и отчеству, что доставляло ему большое удовольствіе. — Я хочу поговорить съ вами серьезно, благо есть минута свободная. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что у меня женская страсть къ тряпкамъ. Нѣтъ, это очень серьезное дѣло. Мнѣ бы хотѣлось выяснитъ вамъ цѣль моего приѣзда сюда, цѣль нашей общей работы. Можетъ быть, вы найдете, что это планъ невыполнимый, не по силамъ мнѣ, но не въ этомъ дѣло. Мнѣ нужно только, чтобы вы поняли. Видите-ли, я хочу устроить въ Америкѣ сбытъ произведеній нашихъ кустарей. Вы качаете головой? Вы недоувѣрчиво улыбаетесь? Думаете, что русскимъ кустиарямъ немислимо соперничать съ американскимъ производствомъ? Но погодите, не спѣшите выводить заключенія, не зная фактовъ. Знаете-ли, на чемъ я основываю свои надежды? На пресыщеніи американцевъ. Представьте себѣ че-

пирожка, который поневоле долженъ питаться исключительно сладкими кондитерскими пирожками. Какъ обрадуется онъ куску простого, хорошо испеченнаго, домашняго хлѣба! Американцы пользуются всѣмъ, что можетъ дать машинное производство въ громадныхъ размѣрахъ, ихъ душатъ фабричнымъ товаромъ со всего свѣта. Но вся эта дешевая роскошь такъ однообразна, такъ шаблонна, что человекъ мало-маленьки со вкусомъ очень скоро устаетъ и ищетъ чего-нибудь болѣе оригинальнаго. Вотъ на этихъ-то людей я и рассчитываю. А они есть, я знаю уже многихъ. Имъ надоѣли пирожки, такъ мы дадимъ имъ хлѣба,—докончила она уже шутливо.

Бунинъ продолжалъ недоувѣрчиво покачивать головой.

— Смѣлая мысль!—сказалъ онъ.—Я сразу и переварить ее не могу. Не судите меня слишкомъ строго, дайте прежде присмотрѣться, для меня это дѣло совсѣмъ новое, незнакомое. Съ этой стороны я и американцевъ совсѣмъ не знаю.

— Но вамъ эта мысль симпатична?—спросила Шумская. Она не выносила нерѣшительности.

— Да.

— Помогать мнѣ будете?

— Отъ всей души.

— Ну, и спасибо.

XVI.

Пестрой, беспокойной вереницей потянулись дни съ открытія выставки. Волнующаяся, разнокалиберная толпа, съ какой-то страстной жадностью къ новымъ ощущеніямъ, металась изъ стороны въ сторону по необъятной выставкѣ, точно боясь что-нибудь прозѣвать. Туристы, съ записными книжками въ рукахъ, съ карманами, набитыми безконечнымъ количествомъ рекламъ и брошюръ, нервные и усталые, носились отъ одного экспоната къ другому, останавливаясь на мгновеніе, дѣлали спѣшныя пометки и мчались далѣе. Репортеры одолаживали разспросами завѣдующихъ отдѣлами, тутъ же почти, подъ ихъ диктантъ, стряпали статью, которая въ видѣ новоспеченнаго блина должна появиться на другой день въ газетахъ. Полный контрастъ съ этими нервными дѣтищами восточныхъ городовъ представляли фермеры, пріѣхавшіе съ запада. Степенно и важно двигались эти бородатые, спокойные люди съ загорѣлыми лицами, въ широкихъ, выгорѣвшихъ отъ солнца, шляпахъ, скептически поглядывая на выставленные диковинки. Чинно шли за ними ихъ семейства, одѣтые въ лучшее платье, отъ котораго вѣяло сундукомъ и бережливостью. Съ удивленіемъ смотрѣли они на беспокойную толпу

вокругъ, какъ на нѣчто чуждое и непонятное. Бунинъ сочувствовалъ имъ вполне—этотъ гигантскій калейдоскопъ доводилъ его до одури.

У входа русскаго кустарнаго отдѣла тѣснится толпа. Лидія Павловна довольна. Народу много, и она ближе къ своей заветной цѣли. Ея умное, оживленное лицо и красивый костюмъ привлекають всеобщее вниманіе. Многіе охотно подходятъ, чтобы пожать ей руку и разспросить о Россіи. Она терпѣливо отвѣчаетъ на разнообразные вопросы, которыми ее осыпають, стараясь внести хоть лучъ правды въ туманное представленіе американцевъ объ ея родинѣ.

Двѣ хорошенькія американки, съ записными книжками, останавливаются передъ парой лаптей.

— Ахъ, что это? Какая оригинальная вещь! Это корзинка для цвѣтовъ?

Лидія Павловна объясняетъ имъ, для чего употребляются лапти.

— Ахъ, неужели? Неужели это правда? — восклицаютъ барышни. Каждая записываетъ что-то въ книжку, покупаетъ по лаптю, и обѣ несутся далѣе.

Подходить почтенная старушка, ведя за руку мальчика, лѣтъ девяти.

— Вотъ,—обращается она привѣтливо къ Лидіи Павловнѣ.— Позвольте вамъ представить маленькаго русскаго мальчика. Онъ родился въ Россіи—его отецъ тамъ служилъ.

Лидія Павловна протягиваетъ ему руку. Но мальчикъ морщится, усиленно моргаетъ и вдругъ разражается неистовымъ ревомъ. Бабушка не на шутку пугается.

— Что ты, что съ тобой, мой дорогой?

— Не хо-чу быть русскимъ мальчикомъ! Хочу быть америка-анскимъ мальчикомъ,—реветъ во всю мочь внукъ.

Сконфуженная бабушка ласково киваетъ головой Лидіи Павловнѣ и спѣшитъ увести молодого патриота. Тотъ продолжаетъ реветъ. Около Шумской собирается масса любопытныхъ. Пожилая лѣди, съ длинной черной вуалью вдовы, не шадя своихъ локтей, проталкивается къ Лидіи Павловнѣ.

— Позвольте мнѣ пожать вамъ руку и поздравить васъ,—говоритъ она, любезно улыбаясь.

— Съ чѣмъ?—удивленно спрашиваетъ Лидія Павловна.

— Съ тѣмъ, что вы, русскіе, такіе же люди, какъ мы. Улыбка дѣлается еще любезнѣе.

— То-есть, какъ такіе же люди?

— Ну да я хочу сказать, бѣлые.

— Но развѣ вы въ этомъ сомнѣвались? — спрашиваетъ Шумская съ возрастающимъ удивленіемъ.

Вдова конфузится, неясно бормочетъ въ свое оправданіе

что-то о татарскомъ игѣ, о рабствѣ, о тѣлесномъ наказаніи. Лидія Павловна сначала не понимаетъ, но потомъ ухватываетъ ея мысль: вдова представляетъ себѣ Россію рабской страной, населенной темнокожими дикарями.

Шумская задѣта за живое. Вдову нужно убѣдить. Но не словами, нѣтъ! Работа крестьянъ будетъ говорить за себя. Лидія Павловна вытаскиваетъ изъ витринъ всѣ лучшія вещи. Цѣлая гора вырастаетъ на прилавкѣ. Толпа вокругъ нея дѣлается все тѣснѣе и тѣснѣе.

На Лидію Павловну сыплется цѣлый градъ вопросовъ. Гдѣ выставлено придворное золотое шитье? Растутъ-ли въ Россіи фрукты? Гдѣ пуховый платокъ въ миллионъ петель? Всѣ-ли русскіе говорятъ по французски? Правда-ли, что графъ Толстой шьетъ сапоги?

Шумская едва успѣваетъ отвѣчать. Наконецъ, ей удается сосредоточить вниманіе толпы на работахъ русскихъ крестьянъ и она начинаетъ рассказывать. Ее слушаютъ съ возрастающимъ интересомъ.

И вотъ происходитъ что-то удивительное. Точно души людей, положившихъ свой трудъ, чтобы создать эти вещи, перелетѣли изъ далекой страны черезъ океанъ и легкимъ крыломъ коснулись души этой толпы и приковали ее вниманіемъ. Картины суровой жизни, полной труда и лишеній, развертываются передъ этой избалованной толпой. Холодная зимняя ночь, тѣсная изба, дрожащій свѣтъ лучины, молодая баба, склонившаяся надъ работой... Въ углу плачетъ ребенокъ... На полу тяжелымъ сномъ спать въ повалку взрослые члены семьи. Чуть свѣтъ, они поднимутся, чтобы идти на работу, и хозяйка, едва забывшаяся сномъ, должна вставать, затапливать печку, ставить хлѣбы, готовить завтракъ—работа не ждетъ. Днемъ, какъ только выдалась свободная минута, она опять сидитъ за кружевомъ и подъ мѣрный шумъ коклюшекъ поетъ заунывную пѣсню, будто влетая въ кружева свою бабью тоску.

А тамъ, въ далекомъ городѣ изо дня въ день, многіе мѣсяцы и годы, скромная пожилая женщина вяжетъ тѣ платки въ миллионъ петель, которые такъ нравятся американцамъ. И хочется имъ съ уваженіемъ пожать ей руку и спросить, сколько миллионовъ петель она связала въ свою долголѣтнюю жизнь. А она ни годовъ своихъ, ни петель не считала. Вязала себѣ, да вязала, гдѣ ужъ тутъ высчитать!

— Какъ хороши эти вазы. Какая оригинальная форма! Гдѣ ихъ дѣлаютъ?

Но изъ-за вазъ выплываютъ тамъ, гдѣ-то вдали, неслышны фигуры полунагихъ гончаровъ, худыхъ и истощенныхъ, обливающихся потомъ и задыхающихся отъ жара.

— Скажите, какъ дѣлаютъ красную посуду?

Надъ ней работаютъ цѣлыми семьями. Эта мысль прайтис. Въ воображеніи встаетъ идиллическая картина семьи, дружно работающей вмѣстѣ. Ложки, которыя дѣлаются дѣтми, переходятъ изъ рукъ въ руки и разсматриваются съ особеннымъ интересомъ. Вся эта толпа незнакомыхъ, случайно сошедшихся людей, будто сблизилась. Слышится оживленный говоръ. Всѣ любятъ и разсматриваютъ вещи. «Ахъ, какая прелесть! Какія чудныя кружева!»—раздаются отрывочныя восклицанія. «А эта строчка, какое изящество!»—говоритъ хорошенькая барышня. «Сколько простоты и вмѣстѣ вкуса!»—«Какое удивительное художественное чутье и сколько оригинальности»,—замѣчаетъ господинъ, имѣющій видъ профессора. «Неужели они сами составляютъ эти узоры?»

«Чувствуютъ ли наши Оеклы и Матрены отзвукъ ихъ душъ въ душахъ этихъ джентльменовъ и дамъ?»—приходить въ голову Бунину.

У вдовы, разсердившей было Лидію Павловну, теперь совсѣмъ довольное лицо. Наслушавшись разсказовъ Шумской, она уже сама берется давать объясненія и особенно напираетъ на то, что русскіе совершенно такіе же люди, какъ и всѣ. Лидія Павловна и она расстаются друзьями. Вдова обѣщаетъ непременно придти опять.

— Знаете, у насъ въ Америкѣ такихъ работъ, пожалуй, и не сыщешь,—говоритъ она, уходя.

Русскихъ посѣтителей на выставкѣ сравнительно было мало. Но кое-кого изъ своихъ нью-йоркскихъ знакомыхъ Бунинъ встрѣчалъ. Какъ-то разъ въ толпѣ онъ увидалъ Чиждова въ его клѣтчатои костюмѣ и желтыхъ сапогахъ. Видъ у него былъ самый сіяющій, щеки еще болѣе расплылись, а глаза совсѣмъ ушли въ щелки. Рядомъ съ нимъ стояла молодая женщина въ красномъ платочкѣ. Чиждовъ замѣтилъ Бунина и тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Вы какими путями сюда попали, м-ръ Бунинъ? Очень пріятно-сѣ. Позвольте васъ познакомиться съ моей супругой, Аграфеной Доримедонтовной.

— Къ величанію-то я не привыкъши, а по просту меня зовутъ Грушей,—сказала молодая женщина, покраснѣвъ и нерѣшительно дотрогиваясь до протянутой руки Бунина.

— А вы всетаки разыскали себѣ настоящую русскую жену,—сказалъ Бунинъ, любясь деревенской застѣнчивостью Груши.

— Да-сѣ. Господа одни ее съ собой изъ Россіи привезли, а я у нихъ ее и отбилъ. Какъ-же можно! Куда намъ съ американками валандаться. Признаться вамъ сказать, здорово я разъ ожегся. До Груши это еще было... ничего, она знаетъ, я

ей самъ разсказалъ. Понравилась мнѣ тутъ одна америка-ночка. Шустрая такая, глазищи... у-у... такъ и горять. Вѣднн мы съ ней раза три за городъ. Только къ первому числу преподносятъ мнѣ изъ кондитерской счетецъ, ни много, ни мало въ 13 долларовъ, на наши деньги—26 рублейъ серебромъ. Я туда, сюда, какой такой счетъ? А это она, мерзкая, на 26 рублей конфетъ съѣла, а счетъ велѣла послать мнѣ. Дѣлать нечего, заплатилъ, да и отъѣхалъ. Нѣтъ, онѣ намъ не по характеру. Да и худы очень. Куда русская-то лучше: румяная, да крупнѣтчатая.

Онѣ съ удовольствіемъ посмотрѣли на Грушу, которая разглядывала выставленные вещи.

— Ахъ ты, батюшки мои!—воскликнула она.—Наши деревенскія полотенца вывѣсили. Эка невидаль! У насъ у каждой бабы цѣлый сундукъ ими набитъ. Господи, полотно-то какое толстое! Ужъ на что у насъ въ деревнѣ, и то все тонкій миткаль нынче пошелъ. Ну, выставка, нечего сказать. Да никакъ и кружева наши? Неужто ужъ лучше-то ничего не нашли? Смотри-ка, Сеня,—Груша всплеснула руками,—вонъ и лапти висятъ. Ну, что же это такое? Чистый страхъ!

— Полно, полно, Груша, все хулить,—сказалъ Чижевъ.—Американцы-то чай въ вашей деревнѣ никогда не бывали. Имъ все это въ диковинку.

— Ужъ очень ей негры здѣсь по сердцу пришлись,—обратился Чижевъ опять къ Бунину.

Груша покраснѣла, закрыла ротъ руками, но не выдержала и вдругъ такъ громко прыснула, точно у нея во рту что-то треснуло.

— Ужъ очень смѣшно мнѣ на нихъ,—сказала она, утирая ротъ платочкомъ.—И чтой-то губы у нихъ какія оддутыя? Носъ картошкой, че-ерные, головы у всѣхъ лы-ы-сыя. А то ничего, народъ обходительный. Зашли мы намереніемъ въ одинъ домъ пообѣдать, а за столомъ все негры прислуживаютъ. И стулъ подадутъ, и салфетку поднимутъ, и кушанья всякаго нанесли.

— Это мы въ ресторанъ тутъ, около выставки, заходили,—пояснилъ Чижевъ.

— И чтой-то, отъ нихъ какъ постнымъ масломъ пахнетъ? Должно мажутся, то-то они и блестятъ.

— Полно, Груша, какое ты еще постное масло выдумала?

— Ну, пахнетъ же, ей . Богу, пахнетъ,—твердила свое Груша.

— Да гдѣ ужъ нашему брату съ бабой спорить,—шутливо сказалъ Чижевъ.—Скажешь: стриженный, нѣтъ: бритый... А пока что, наше вамъ почтеніе,—протянулъ онъ руку Бунину.—Нужно шляпку ей идти покупать.

— Затѣмъ-же это?—воскликнулъ Бунинъ,—вамъ платочки такъ идетъ.

— Плюются, проклятые, — отвѣчала Груша и надула губы.

— Кто же это плюется?—спросилъ Бунинъ, обращаясь къ Чижову.

— Мальчишки на улицахъ. Проходу не даютъ, потому по платку видно, что иностранка. Мы и порѣшили купить ей шляпку.

— Позвольте васъ спросить, господинъ, по имени и отчеству не знаю,—заговорила снова Груша.—Что это они за слово такое говорятъ: тпрути. Посмотрать тебѣ въ лицо и сейчасъ: тпрути. Ужъ я мужа спрашивала,—вѣдь, онъ по ихнему понимаетъ, да не хочетъ мнѣ говорить: должно не хорошее слово-то.

Чижовъ засмѣялся.

— Это они говорятъ «pretty» *), а ей чудится «тпрути». Ну, ну, нечего, много будешь знать, скоро состаришься.

— До старости-то еще далеко, а ты лучше скажи. Неприятно тоже, если слово-то дурное.

— Нѣтъ, успокойтесь, Аграфена Доримедонтовна,—сказалъ Бунинъ.—Ничего дурного въ этомъ словѣ нѣтъ. Это значить, что вы имъ понравились.

— Ишь, подлые!—сказала Груша и вся зардѣлась.

Бунину жалъ было ихъ отпускать.

Въ другой разъ у самаго входа на выставку онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Красавцевымъ, который леглъ куда-то въ попыхахъ. По напряженному выраженію его лица можно было подумать, что онъ занятъ чрезвычайно важными соображеніями. Онъ полусознательно посмотрѣлъ на Бунина, разсѣянно кивнулъ ему головой, пробормоталъ что-то въ родѣ извиненія и понесся по направленію къ художественному отдѣлу. Въ рукахъ у него Бунинъ успѣлъ замѣтить большой букетъ изъ бѣлыхъ розъ. На ходу свѣтлое и широкое пальто его раздувалось, какъ парусъ, и Бунинъ, задумчиво посмотрѣвшій ему вслѣдъ, еще долго видѣлъ его издали. Онъ угадывалъ, для кого былъ букетъ, и куда онъ такъ спѣшилъ.

Недѣли черезъ три послѣ этой встрѣчи Бунину пришлось проходить по набережной мичигана противъ Мануфактурнаго зданія. Невдалекѣ отъ берега онъ увидалъ небольшой новый павильонъ, котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ. Это была красивая русская изба съ живописнымъ пѣтухомъ на рѣзной крышѣ и съ прилавками съ трехъ сторонъ, вмѣсто стѣнъ. Когда Бунинъ подошелъ поближе, онъ увидѣлъ, что избушка

*) Хорошенькая.

испещрена разноцвѣтными билетиками съ надписью «klukwa», а въ продавцѣ за прилавкомъ онъ узналъ Карнаухова, въ красной шелковой косовороткѣ и плисовыхъ шароварахъ.

Помня, при какихъ условіяхъ они разстались, Бунинъ хотѣлъ пройти мимо, но Карнауховъ замѣтилъ его и сдѣлалъ ему величественно-привѣтственный знакъ рукою.

— Какъ поживаете, м-ръ Бунинъ,—спросилъ Карнауховъ такимъ спокойнымъ тономъ, какъ будто между ними никогда не бывало недоразумѣній, и протянулъ ему руку. Бунинъ лично не чувствовалъ противъ него никакой злобы и отвѣтилъ на рукопожатіе.

На прилавкѣ стояло нѣсколько стакановъ съ темнокраснымъ клюквеннымъ морсомъ. Небольшая группа людей, собравшихся около избы, вела оживленный разговоръ. Въ центрѣ группы стоялъ, бѣлый, какъ лунь, рослый и широкоплечій старикъ, лѣтъ 70, въ свободномъ чесучовомъ костюмѣ и говорилъ громко и отрывисто, энергично жестикулируя и необыкновенно ясно выговаривая каждое слово. Онъ говорилъ по-русски, не обращая никакого вниманія на нѣсколькихъ американцевъ, стоявшихъ тутъ-же, которые, не понимая ни слова, съ любопытствомъ разсматривали его и слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

— Сліяніе людей,—отчеканивалъ онъ,—да-съ, сліяніе людей во едино, въ одно всемірное братство—это главное, это цѣль. Да-съ, это цѣль, и средствъ къ ея достиженію три: первое—общій миръ, второе—общій языкъ и третье—летательный снарядъ. Ясно, какъ день. Общій миръ, общая любовь—связь умственная, летательный снарядъ—физическій способъ единенія. Вотъ она вся формула—какъ на ладони. Это я и на конгрессѣ объясню. Затѣмъ и пріѣхалъ. Ясно, какъ день.

— И напрасно, не примутъ,—вдругъ рѣзко заговорилъ, къ удивленію Бунина, Карнауховъ.—Это теорія, оторванная отъ жизни, совершенно противная духу американцевъ. Единство! Братство! Все это вліяніе социаль-демократическихъ и коммунистическихъ доктринъ, потрясающихъ старую Европу, альтруизмъ, противный индивидуализму, на которомъ зиждется все въ Америкѣ. Абсолютная свобода личности, свободная борьба—вотъ основа американской жизни.

«Батюшки, да откуда это у него берется? Кто это его такъ начинилъ?»—подумалъ Бунинъ.—Онъ никогда не слыхивалъ отъ Карнаухова такихъ длинныхъ рѣчей.

— Позвольте, м-ръ Карнауховъ,—заговорилъ Бунинъ,—какая же можетъ быть свободная борьба при неравныхъ условіяхъ? Представьте себѣ двухъ людей, которые должны бороться: одинъ, вооруженный съ головы до ногъ, въ панцырѣ съ забраломъ на лицѣ, съ отличнымъ оружіемъ въ рукахъ, другой—

нагой, открытый каждому удару... Вѣдь, тоже самое и въ обществѣ. Одинъ имѣеть громадныя запасы и выдержитъ долгую борьбу, другой можетъ умереть съ голоду въ самомъ началѣ борьбы.

— Ну, и пусть умираетъ; для общества выгоднѣе, если слабые и неумѣлые вымираютъ, а ловкіе побѣждаютъ,—отвѣтилъ самымъ хладнокровнымъ тономъ Карнауховъ.

— Но знаете, даже если принять этотъ жестокий законъ подбора,—заговорилъ опять старикъ,—то, вѣдь, нельзя сказать, что въ современномъ обществѣ побѣждаютъ дѣйствительно болѣе способныя личности; одерживаютъ верхъ болѣе пронырливыя, такъ что дѣйствительной пользы обществу отъ нихъ побѣды нѣтъ.

— Вы говорите: «пронырливыя», а я скажу иначе,—отвѣчалъ Карнауховъ.—Въ нашъ вѣкъ побѣждаютъ тѣ, у кого есть способность *приобрѣтать*.—Онъ растопырилъ жирныя пальцы и сдѣлалъ ими такое движеніе, сжимая ихъ въ кулакъ, что Бунинъ не удержался и неожиданно для себя самого воскликнулъ:

— То-есть, грабастать!

Карнауховъ кинулъ на него пренебрежительный взглядъ и не отвѣтилъ.

— Позвольте,—заговорилъ опять старикъ,—вотъ вы говорите: «способность *приобрѣтать*». Но вѣдь, именно, эта жадность къ наживѣ и разъединяетъ людей, противъ нея-то и нужно бороться вездѣ, и въ Европѣ, и здѣсь. Я именно затѣмъ и пріѣхалъ.

— И ошиблись,—опять рѣзко перебилъ его Карнауховъ,—въ Америку для этого не нужно было ѣздить. Здѣсь эта кисло-сладкая мораль не нужна. Здѣсь каждый стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ и не нуждается въ помочахъ... А-а!—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ изъ назидательнаго въ самый радужный,—египетскій помѣщикъ, милости просимъ. Пожалуйста въ нашъ «клюквенный клубъ».

Слова эти, сказанныя съ самой любезной улыбкой, были обращены къ маленькому, толстому человѣку въ длинномъ сюртукѣ и высокому цилиндру. Тяжелая золотая пѣпочка сіяла на его жилетѣ, брилліантовыя запонки блестѣли на груди.

— Здравствуйте, м-ръ Карнауховъ,—заговорилъ онъ нѣсколько хриплымъ голосомъ.—Привѣтъ клюквенному клубу! Ну, какъ дѣла?

Онъ какъ-то странно топорщился и напускалъ на себя важность.

— Ничего, недурно,—отвѣчалъ Карнауховъ.—Вотъ-съ, господа идеалисты,—обратился онъ къ Бунину и къ старику, проповѣднику общаго мира,—позвольте вамъ представить рус-

скаго американца, практика, не считающаго воронъ въ небѣ, а пользующагося моментомъ. Десять тысячъ акровъ приобрѣлъ въ Египтѣ! Не шутка-съ! Съ такимъ приобретениемъ можно поздравить.

Бунинъ все время слѣдилъ съ любопытствомъ за Карнауховымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они разстались въ Нью-Йоркѣ, въ немъ произошла замѣтная перемена. Въ немъ не было уже того безстрастія, которое удивляло Бунина. Въ тонѣ его чувствовалась беспокойная, нервная нота, часто переходившая въ раздраженіе. Лицо осунулось. Вокругъ глазъ легла та тѣнь, характерная для американца, которую Бунинъ замѣчалъ у нью-йоркскихъ дѣльцовъ.

— А я принесъ планъ,—сказалъ египетскій помѣщикъ.—Мнѣ бы хотѣлось съ вами переговорить, м-ръ Карнауховъ. Онъ отвелъ Карнаухова на другую сторону павильона и спросилъ, но настолько громко, что Бунинъ могъ слышать:—Сколько-же акцій вы порѣшили купить?

Карнауховъ отвѣчалъ очень тихо. Потомъ они развернули планъ и опять началъ говорить египетскій помѣщикъ. До Бунина долетали только отдѣльные слова. «Этотъ участокъ... 20 тысячъ... 30 тысячъ долларовъ... Доходы миллионные... Цѣлое состояніе...»

Бунинъ подумалъ, что оставилъ Лидію Павловну одну, и что подходит время, когда народъ набирается. Нужно идти. Онъ приподнял шляпу и хотѣлъ уходить, но старикъ, проповѣдовавшій общій миръ, остановилъ его.

— Говорите-ли вы по-англійски?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Бунинъ.

— Не хотите-ли вы быть моимъ переводчикомъ на конгрессъ?—сказалъ старикъ, схвативъ его за руку.

— Къ сожалѣнію, не могу, занятъ цѣлый день,—сказалъ Бунинъ.

У старика опустились руки.

— Вотъ никакъ не могу найти переводчика. Такая обида! Мнѣ нуженъ переводчикъ, который бы вполне понималъ мою идею. Общій миръ, общій языкъ, летательный снарядъ...—заговорилъ опять старикъ. Но къ нему подошелъ египетскій помѣщикъ съ огромнымъ развернутымъ планомъ въ рукахъ.

— Вотъ не хотите-ли принять участіе въ грандіозномъ предпріятіи. Я приобрѣлъ 10 тысячъ акровъ земли въ Египтѣ, и теперь мы составляемъ компанію для ея эксплуатаціи.

Между нами завязался горячій разговоръ, а Бунинъ быстро запагалъ по направленію къ Женскому аданію.

У Лидіи Павловны онъ засталъ Марусю. Эти двѣ женщины сошлись необыкновенно быстро, на глазахъ у Бунина, и такъ понимали другъ друга, точно были знакомы много лѣтъ. Въ

первый же разъ, когда Маруся заглянула въ кустарный отдѣлъ, она пришла въ восторгъ. Тутъ все говорило ея душѣ, все казалось роднымъ и близкимъ. Шумской ничего не пришлось объяснять ей—чутье художницы подсказало ей настоящій смыслъ и значеніе этого крошечнаго клочка Россіи. Какъ только выдавалась свободная минута, Маруся прибѣгала въ кустарный отдѣлъ съ своей неразлучной спутницей-тетрадкой для эскизовъ и садилась за работу. Ничто, сколько нибудь вящее и оригинальное, не ускользало отъ этихъ ясныхъ глазъ, часто находившихъ красоту тамъ, гдѣ Бунинъ совершенно не замѣчалъ ее.

Бунину дѣвушка неотразимо нравилась. Все притягивало его къ ней—и чистое, открытое выраженіе молодого лица, и жизнерадостный взглядъ карихъ глазъ, полный вниманія и интереса ко всему окружающему и та своеобразная внутренняя жизнь, которую онъ только угадывалъ, но которая казалась ему тѣмъ привлекательнѣе. Знакомство съ милой дѣвушкой внесло въ его однообразную жизнь тотъ элементъ радости и волненія, котораго ему недоставало. Онъ чувствовалъ какое-то необъяснимое умиленіе при встрѣчѣ съ ней.

Въ этотъ разъ онъ нашелъ ее и Лидію Павловну позади прилавка, на колѣняхъ передъ разостланной на полу огромной старинной вышивкой. Онѣ были такъ погружены въ разсматриванье какого-то апокалипсическаго звѣря, что не обращали даже вниманія на начинавшій собираться народъ.

— Лидія Павловна,—сказать, смѣясь, Бунинъ.—Кажется, вамъ пора вернуться къ дѣйствительной жизни.

Обѣ женщины поднялись, тоже смѣясь. Маруся съ беззаботной улыбкой протянула руку Бунину, ласково глядя на него своими ясными глазами. Онъ крѣпко сжалъ ея маленькую ручку. Но вдругъ ему показалось, что выраженіе лица ея измѣнилось, точно какая-то безпокойная волна пробѣжала по нему. Онъ бросилъ ея руку и инстинктивно оглянулся.

Позади него, въ толпѣ собиравшейся публики, стоялъ Красавцевъ, какъ всегда эффектный и самоувѣренный, и пристально смотрѣлъ на Марусю. У Бунина сердце упало. Въ этомъ взглядѣ онъ прочелъ восторгъ, и страсть, и дерзость, и непоколебимое рѣшеніе. Онъ мгновенно понялъ, что то робкое и нѣжное чувство, которое зарождалось въ его сердцѣ, слабо и блѣдно передъ этой властной страстью.

Онъ заглянулъ на Марусю: смущенная, она отступила назадъ, точно хотѣла спрятаться за Лидію Павловну. «Беззащитная птичка и ястребъ»,—злобно мелькнуло въ умѣ Бунина. Красавцевъ подошелъ ближе. Теперь въ его взглядѣ Бунину почудилось что-то такое хищное, плотоядное, что-то такое опасное для Маруси, что онъ не могъ больше владѣть собою.

Онъ бросился къ Красавцеву, схватилъ его подъ руку и, проталкиваясь черезъ толпу, съ такою силою и быстрою поволокъ его къ выходу, что тотъ опомнился уже на крыльцѣ, гдѣ они оба остановились.

— Mais qu'est ce, mais qu'est ce donc... — бормоталъ Красавцевъ, глядя на Бунина широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

— Скажите, — заговорилъ, задыхаясь, Бунинъ, — скажите... — Онъ хотѣлъ спросить: «любите-ли вы ее?» Но вдругъ вся нелѣпость, вся неумѣстность этого вопроса поразила его, и онъ спросилъ:

— Долго-ли вы еще здѣсь пробудете?

Красавцевъ расхохотался, оскаливъ свои бѣлые зубы.

— Такъ для того, чтобы предложить этотъ вопросъ, вы тащили меня сюда съ такою свирѣпостью! Ah, mais d'est impayable. Признаюсь, я ожидалъ, по крайней мѣрѣ, вызова на дуэль.

Лицо Красавцева дышало теперь такимъ добродушіемъ и весельемъ, что Бунину стало стыдно. Онъ не нашелся, что отвѣтить. Волненіе еще не улеглось въ немъ.

Красавцевъ смотрѣлъ на него, улыбаясь, и что-то соображалъ.

— Ба! — вдругъ воскликнулъ онъ, — да ужъ не шутки-ли это Амура? Но согласитесь, — онъ дружески протянулъ руку Бунину, — что мы въ соперники не годимся. Мы слишкомъ противоположны другъ другу. Женщина, которой нравлюсь я, никогда не полюбитъ васъ, и наоборотъ. Ужъ если я не знаю женщинъ, то и самъ Богъ ихъ не знаетъ. Oh, les femmes, les femmes! Moins vous les aimez, plus elles vous aiment *)!

Онъ взглянулъ на часы.

— Bon Dieu! Мнѣ болѣе чѣмъ пора на репетицію! Успокойтесь, мой другъ, — прибавилъ онъ и прокровительственно потрепалъ Бунина по плечу. — Мнѣ предстоитъ еще пять концертовъ, и я уйду, оставивъ вамъ свободное поле. Au revoir!

Онъ ушелъ, а Бунинъ вернулся въ кустарный отдѣлъ, блѣдный и злой. Маруси тамъ уже не было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Чѣмъ меньше вы любите женщину, тѣмъ болѣе она любитъ васъ.

первый же разъ, когда Маруся заглянула въ кустарный отдѣлъ, она пришла въ восторгъ. Тутъ все говорило ея душѣ, все казалось роднымъ и близкимъ. Шумской ничего не пришлось объяснять ей—чутье художницы подсказало ей настоящій смыслъ и значеніе этого крошечнаго клочка Россіи. Какъ только выдавалась свободная минута, Маруся прибѣгала въ кустарный отдѣлъ съ своей неравнучной спутницей-тетрадкой для эскизовъ и садилась за работу. Ничто, сколько нибудь вязающее и оригинальное, не ускользало отъ этихъ ясныхъ глазъ, часто находившихъ красоту тамъ, гдѣ Бунинъ совершенно не замѣчалъ ее.

Бунину дѣвушка неотразимо нравилась. Все притягивало его къ ней—и чистое, открытое выраженіе молодого лица, и жизнерадостный взглядъ карихъ глазъ, полный вниманія и интереса ко всему окружающему и та своеобразная внутренняя жизнь, которую онъ только угадывалъ, но которая казалась ему тѣмъ привлекательнѣе. Знакомство съ милой дѣвушкой внесло въ его однообразную жизнь тотъ элементъ радости и волненія, котораго ему недоставало. Онъ чувствовалъ какое-то необъяснимое умиленіе при встрѣчѣ съ ней.

Въ этотъ разъ онъ нашелъ ее и Лидію Павловну позади прилавка, на колѣняхъ передъ разостланной на полу огромной старинной вышивкой. Онѣ были такъ погружены въ разсматриванье какого-то апокалипсическаго звѣря, что не обращали даже вниманія на начинавшій собираться народъ.

— Лидія Павловна,—сказалъ, смѣясь, Бунинъ.—Кажется, вамъ пора вернуться къ дѣйствительной жизни.

Обѣ женщины поднялись, тоже смѣясь. Маруся съ беззаботной улыбкой протянула руку Бунину, ласково глядя на него своими ясными глазами. Онъ крѣпко сжалъ ея маленькую ручку. Но вдругъ ему показалось, что выраженіе лица ея измѣнилось, точно какая-то безпокойная волна пробѣжала по нему. Онъ бросилъ ея руку и инстинктивно оглянулся.

Позади него, въ толпѣ собиравшейся публики, стоялъ Красавцевъ, какъ всегда эффектный и самоувѣренный, и пристально смотрѣлъ на Марусю. У Бунина сердце упало. Въ этомъ взглядѣ онъ прочелъ восторгъ, и страсть, и дерзость, и непоколебимое рѣшеніе. Онъ мгновенно понялъ, что то робкое и нѣжное чувство, которое зарождалось въ его сердцѣ, слабо и блѣдно передъ этой властной страстью.

Онъ взглянулъ на Марусю: смущенная, она отступила назадъ, точно хотѣла спрятаться за Лидію Павловну. «Беззащитная птичка и ястребъ»,—злобно мелькнуло въ умѣ Бунина. Красавцевъ подошелъ ближе. Теперь въ его взглядѣ Бунину почудилось что-то такое хищное, плотоядное, что-то такое опасное для Маруси, что онъ не могъ больше владѣть собою.

Онъ бросился къ Красавцеву, схватилъ его подъ руку и, проталкиваясь черезъ толпу, съ такою силою и быстрою повлекъ его къ выходу, что тотъ опомнился уже на крыльцѣ, гдѣ они оба остановились.

— Mais qu'est ce, mais qu'est ce donc... — бормоталъ Красавцевъ, глядя на Бунина широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

— Скажите, — заговорилъ, задыхаясь, Бунинъ, — скажите... — Онъ хотѣлъ спросить: «любите-ли вы ее?» Но вдругъ вся нелѣпость, вся неумѣстность этого вопроса поразила его, и онъ спросилъ:

— Долго-ли вы еще здѣсь пробудете?

Красавцевъ расхохотался, оскаливъ свои бѣлые зубы.

— Такъ для того, чтобы предложить этотъ вопросъ, вы тащили меня сюда съ такою свирѣпостью! Ah, mais d'est impraivable. Признаюсь, я ожидалъ, по крайней мѣрѣ, вызова на дуэль.

Лицо Красавцева дышало теперь такимъ добродушіемъ и весельемъ, что Бунину стало стыдно. Онъ не нашелся, что отвѣтить. Волненіе еще не улеглось въ немъ.

Красавцевъ смотрѣлъ на него, улыбаясь, и что-то соображалъ.

— Ба! — вдругъ воскликнулъ онъ, — да ужъ не шутки-ли это Амура? Но согласитесь, — онъ дружески протянулъ руку Бунину, — что мы въ соперники не годимся. Мы слишкомъ противоположны другъ другу. Женщина, которой нравлюсь я, никогда не полюбитъ васъ, и наоборотъ. Ужъ если я не знаю женщинъ, то и самъ Богъ ихъ не знаетъ. Oh, les femmes, les femmes! Moins vous les aimez, plus elles vous aiment *)!

Онъ взглянулъ на часы.

— Bon Dieu! Мнѣ болѣе чѣмъ пора на репетицію! Успокойтесь, мой другъ, — прибавилъ онъ и прокровительственно потрепалъ Бунина по плечу. — Мнѣ предстоитъ еще пять концертовъ, и я уйду, оставивъ вамъ свободное поле. Au revoir!

Онъ ушелъ, а Бунинъ вернулся въ кустарный отдѣлъ, блѣдный и злой. Маруси тамъ уже не было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Чѣмъ меньше вы любите женщину, тѣмъ болѣе она любитъ васъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритюфа Намсена.

VI.

Вторая осень во льдахъ.

Лѣто миновало и наступила вторая осень и зима во льдахъ. Мы, однако, уже привыкли къ этимъ испытаніямъ терпѣнія, которыя были неразлучны съ подобнымъ образомъ жизни, и поэтому время для насъ проходило быстрѣе. Кромѣ того, я былъ поглощенъ своими новыми планами и приготовленіями. Я раньше говорилъ, что мы въ теченіе лѣта все подготовили на случай нашего возвращенія по льду, мы построили шесть двойныхъ каяковъ, исправили сани и тщательно вычислили, сколько намъ нужно будетъ захватить съ собою провизіи, топлива, одежды и т. п. Но втихомолку я принялся готовить свою проектированную экспедицію на сѣверъ, отдѣльно отъ прочихъ. Въ августѣ я приступилъ къ постройкѣ обыкновеннаго каяка изъ бамбука, но, кромѣ Свердрупа, я еще никому не говорилъ о своихъ планахъ, такъ какъ не зналъ, какъ далеко на сѣверъ занесетъ насъ теченіе, и притомъ мало-ли, что могло произойти до весны! На судилѣ, между тѣмъ, жизнь продолжала идти своимъ порядкомъ. Кромѣ правильныхъ наблюденій, мы продолжали заниматься еще многими другими, но я такъ былъ поглощенъ своими планами, что ни на что другое у меня не хватало времени. Впрочемъ, въ концѣ августа и въ сентябрѣ я много возился съ однимъ изобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ мною для кухни. Все послѣднее время мы стрипали на мѣдномъ очагѣ, который нагревался керосиновой лампой. Дѣло шло хорошо, и только одно было непріятно, что у насъ каждый день выходило нѣсколько литровъ керосина, и меня порою охватывало опасеніе, что намъ не хватить нашего запаса керосина, если экспедиція продлится дольше, чѣмъ мы предполагали; я все придумывалъ, какъ бы это измѣнить и устроить аппаратъ для нагреванія кухоннаго очага «чернымъ масломъ», предназначавшимся для машины, такъ какъ этого масла у насъ

было цѣлыхъ двадцать бочекъ. И мнѣ удалось устроить такой аппаратъ.

30-го Августа я написалъ въ своемъ дневникѣ:

«Я испробовалъ свой новый аппаратъ для нагреванія очага, и успѣхъ превысилъ даже мои ожиданія. Намъ теперь нечего опасаться, что придется терпѣть недостатокъ въ освѣщеніи. Весь нашъ запасъ прекраснаго керосина предназначенъ теперь исключительно для освѣщенія, и его должно хватить на много лѣтъ, даже если мы не будемъ экономничать; а двадцать бочекъ масла для нагреванія очага должны намъ хватить по моему разсчету, по крайней мѣрѣ, на четыре года.

Устройство моего аппарата весьма просто: изъ резервуара въ топку проведена трубка, изъ которой масло капаетъ на желѣзную чашку и впитывается слоемъ асбеста или угольной зола. Притокъ масла въ трубку регулируется краномъ, а для тяги я устроилъ вблизи дверцы очага трубу, черезъ которую воздухъ притекаетъ прямо въ желѣзную чашку, и масло разгорается яркимъ бѣлымъ пламенемъ. Воздухъ нагоняется въ трубу посредствомъ большого паруснаго вентилятора, установленнаго на палубѣ. Чтобы развести огонь, надо было прежде всего установить вентиляторъ по вѣтру, открыть трубу для притока воздуха и такъ повернуть кранъ, чтобы масло притекало въ нужномъ количествѣ. Затѣмъ оставалось только зажечь масло и предоставить остальное теченію вещей, пока черезъ двадцать минутъ или черезъ полчаса не закипала вода. Мнѣ кажется, трудно придумать что-нибудь проще, но какъ вездѣ, такъ и у насъ не легко было вводить реформы, такъ какъ все новое неминуемо возбуждало неудовольствіе».

Позднѣе я написалъ объ этомъ аппаратѣ слѣдующее:

«Мы снова пользуемся своимъ аппаратомъ. Третьяго дня мы его перенесли внизъ, а вчера уже пустили его въ дѣйствіе *). Дѣло идетъ превосходно и, чтобы образовать хорошую тягу, довольно, чтобы вѣтеръ дулъ со скоростью одного метра.

Вчера послѣ обѣда, въ то время, какъ я сидѣлъ вмѣстѣ съ другими въ салонѣ, въ кухнѣ вдругъ раздался глухой трескъ, и я сейчасъ же подумалъ, что это взрывъ. Тотчасъ же послѣ этого въ дверяхъ показался Петерсенъ, голова котораго была черна, какъ у трубочиста, и вся покрыта большими пятнами сажи. Онъ объявилъ, что произошелъ взрывъ въ то время, какъ онъ хотѣлъ поглядѣть, хорошо-ли горитъ огонь, и «вся эта дьявольская штука» полетѣла прямо въ него. Онъ такъ и сыпалъ ругательствами и проклятіями, точно горохомъ, такъ что мы не могли удержаться отъ громкаго хохота. Въ кухнѣ тотчасъ же можно было замѣтить, что случилось,

*) Въ теченіе лѣта мы перенесли нашу кухню на палубу, въ то помѣщеніе, гдѣ у насъ находились карты, такъ какъ тамъ было свѣтлѣе; притомъ же нашу кухню надо было вычистить и выкрасить.

нѣчто, такъ какъ всѣ стѣны были покрыты пятнами сажи и поло-
сами по направленію къ очагу.

Случай этотъ объяснился очень просто: за недостаткомъ при-
тока воздуха образовалось нѣкоторое количество газа, который
выпыхнулъ тотчасъ же, какъ только Петерсенъ пріотворилъ дверцы
и далъ доступъ воздуху. Хорошо начало! Вечеромъ я сказалъ Пе-
терсену, что завтра буду самъ стряпать и попробую свой аппаратъ,
какъ слѣдуетъ. Но Петерсенъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.
Онъ заявилъ мнѣ, что такая мелочь не можетъ имѣть для него
серьезнаго значенія, и я могу вполне довѣрить ему, что все
будетъ въ порядкѣ. Съ этого дня я, дѣйствительно, слышалъ только
похвалы своему аппарату, который дѣйствовалъ до тѣхъ поръ, пока
«Fram» не вышелъ въ открытое море *).

Четвергъ, 6-го сентября. 81° 13,7' сѣв. широты.

Сегодня минуло пять лѣтъ, какъ я женился! Въ прошломъ году
этотъ день былъ днемъ побѣды, когда рушились ледяныя оковы,
задерживавшія насъ у острова Таймира. Мы, однако, подвинулись
не такъ далеко на сѣверъ, какъ я ожидалъ. Снова дуетъ сѣверо-
западный вѣтеръ, и насъ уноситъ къ югу. И всетаки будущее мнѣ
не кажется теперь такимъ мрачнымъ и тревожнымъ, какъ это бывало
иногда прежде.

Возможно-ли, что въ этотъ день, 6-го сентября, въ будущемъ
году исчезнутъ всѣ оковы, и мы скоро будемъ сидѣть вмѣстѣ и
вспоминать наше путешествіе на далекій сѣверъ, какъ нѣчто давно
прошедшее, что уже болѣе не воротится никогда? Страшная ночь
уже миновала, и для насъ наступаетъ новый прекрасный день. По-
чему же бы этому не случиться въ будущемъ году? Развѣ «Fram»
не можетъ подвинуться зимою къ западу и достигнуть какого-нибудь
пункта на сѣверъ отъ земли Францъ-Иосифа?.. Но тогда для меня
наступить время привести въ исполненіе мой планъ и отправиться
съ собаками на сѣверъ. У меня уже теперь бьется сердце при
одной только мысли объ этомъ. Въ теченіе зимы всѣ приготовленія
будутъ кончены, а зима пройдетъ скоро. Все послѣднее время я
былъ занятъ этими приготовленіями. Я хорошенько обдумалъ, что
надо взять съ собою и какъ устроить все. Чѣмъ больше я обсу-
ждаю свой планъ съ различныхъ сторонъ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь
въ мысли, что попытка моя должна имѣть успѣхъ, если только
«Fram» въ соответствующее время освободится изъ ледяныхъ оковъ,
и мы не слишкомъ поздно весной попытаемъ на сѣверъ.

Еслибы «Fram» могъ достигнуть 84° или 85° къ концу
февраля или въ первыхъ числахъ марта, то я бы могъ отправиться,
лишь только появится дневной свѣтъ послѣ долгой зимней ночи, и
тогда все пойдетъ, какъ по маслу! Только еще четыре или пять мѣ-

*) Петерсенъ получилъ повышение, превратившись изъ кузнеца въ
повара, и вмѣстѣ съ Юхлиемъ чередовался по недѣлямъ:

сяцевъ терпѣнія, и тогда снова наступитъ время дѣйствовать. Какая радость!

Когда я смотрю теперь на ледяную пустыню, то чувствую, какъ меня охватываетъ трепетъ страстнаго желанія попытаться, наконецъ, настоящимъ образомъ пробиться черезъ ледъ, и тогда всякія лишения и усталость будутъ для меня наслажденіемъ. Быть можетъ, покажется безуміемъ, что я рѣшаюсь предпринять такую экспедицію, когда я бы могъ спокойно на суднѣ совершить, пожалуй, даже болѣе важныя работы; но, вѣдь, ежедневныя наблюденія и безъ меня будутъ продолжаться съ такою же точностью и аккуратностью, какъ и при мнѣ.

Я отпраздновалъ сегодняшній день тѣмъ, что приготовилъ къ зимѣ свое рабочее помѣщеніе. Я установилъ керосиновую печку и надѣюсь, она будетъ согревать помѣщеніе даже въ сильныя морозы, совмѣстно съ грудами снѣга, которыя я намѣреваюсь навалить съ наружной стороны и толстымъ снѣжнымъ слоемъ на палубѣ. Если удастся и зимою пользоваться этимъ помѣщеніемъ, то работа пойдетъ вдвойнѣ успѣшнѣе, и я могу сидѣть тутъ наверху, вмѣсто того, чтобы спускаться внизъ и заниматься среди шума. Я провожу теперь время въ спокойствіи и тишинѣ и могу давать волю своимъ мечтамъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ исчезло полуночное солнце, и теперь солнце уже закатывается на сѣверозападѣ. Около десяти часовъ вечера оно исчезло совсѣмъ, и появился опять красноватый отблескъ надъ вѣчно бѣлою пустыней. Зима быстро приближается.

Снова мирное воскресенье; отдыхъ отъ работъ и чтеніе.

Во время одной поѣздки на лыжахъ я проѣхалъ нѣсколько замерзшихъ расщелинъ. Мѣстами уже началось легкое давленіе льда. Но, въ концѣ концовъ, мой бѣгъ задержала широкая открытая канава, идущая въ сѣверномъ направленіи и мѣстами достигающая отъ 1200 до 1500 метровъ. Ни къ сѣверу, ни къ югу не видать было ея конца. Дорога для лыжъ была удобна, и можно было быстро двигаться впередъ по вѣтру, безъ особеннаго напряженія.

Жизнь наша, безспорно, очень однообразна: временами она мнѣ представляется долгою, темною ночью... «Солнце и вмѣстѣ съ нимъ лѣто исчезли; землю постигло бѣдствіе. Снѣгъ покрываетъ землю, вѣтеръ завываетъ надъ безконечною снѣжною равниной, зима продолжается три года, пока не наступитъ время для великой битвы, и люди-герои не проложатъ себѣ дорогу. Это трудная борьба между жизнью и смертью, но затѣмъ наступаетъ царство мира, земля снова поднимается изъ нѣдръ океана и снова покрывается зеленью. Шумятъ горные потоки и надъ ними кружатся орлы, выматривая рыбу между скалами, а затѣмъ появляется Вальгалла прекраснѣе самаго солнца и надолго наступаютъ счастливые дни!»

Сегодня вечеромъ пришелъ ко мнѣ Петерсенъ, исполняющій ту недѣлю обязанности повара, чтобы составить, какъ обыкновенно,

мению на слѣдующій день. Когда это было исполнено, онъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ очень странный сонъ, будто онъ сопровождалъ новую экспедицію въ качествѣ повара, но «докторъ Намсенъ не хотѣлъ его взять съ собою».

— Почему же?—спросилъ я.

— Да, мнѣ снилось, будто д-ръ Намсенъ съ четырьмя людьми предпринялъ экспедицію черезъ ледъ къ полюсу, но когда я просилъ, чтобъ меня взяли, то вы мнѣ сказали, что въ этой экспедиціи поваръ не нуженъ. Мнѣ это показалось очень страннымъ, такъ какъ, вѣдь, навѣрное, и въ этой экспедиціи надо будетъ питаться. Мнѣ пришло въ голову, что вы такъ распорядились, чтобы корабль встрѣтился съ вами въ другомъ мѣстѣ, но, во всякомъ случаѣ, вы не хотѣли возвращаться по этому пути, а пойдете по другой землѣ. Удивительно, чего только не увидишь во снѣ.

— Быть можетъ, это ужъ не такая нелѣпость, Петерсенъ; весьма возможно, что мы предпримемъ такую экспедицію и въ такомъ случаѣ мы не вернемся на «Fram».

— Ну, если это должно случиться, то я очень буду просить взять меня съ собою... Я не мастеръ бѣгать на лыжахъ, но все же выдержу испытаніе.

— Все это прекрасно, но во время такого путешествія предстоитъ много тяжелой, утомительной работы, и вы не должны думать, что это можетъ доставить только удовольствіе.

— Нѣтъ, никто и не ожидаетъ ничего подобнаго. Все будетъ хорошо, лишь бы меня взяли.

— Но, быть можетъ, предстоитъ и нѣчто худшее, чѣмъ лишения. Боже, чѣмъ вѣроятно, что вамъ пришлось бы рисковать своею жизнью.

— Это пустяки. Умираютъ только одинъ разъ.

— Да, но развѣ вы хотите сократить свою жизнь?

— На это я скажу, что, вѣдь, и дома можно также лишиться жизни, хотя, быть можетъ, и не такъ легко, какъ тутъ. Но если человѣкъ будетъ объ этомъ постоянно думать, то онъ никогда ничего не одѣлаетъ.

— Это правда. Во всякомъ случаѣ, ему тогда не слѣдовало бы принимать участія въ такой экспедиціи, какъ наша. Но все же путешествіе на сѣверъ по льду нельзя считать дѣтскою игрушкой.

— Нѣтъ, я это прекрасно знаю, но съ вами я ничего не буду бояться. Еслибъ мы были одни, то дѣло бы не пошло. Навѣрное, все пошло бы верхъ дномъ. Видите-ли, совсѣмъ другое дѣло, когда есть руководитель, о которомъ знаешь, что онъ все заранѣе обдумалъ.

Просто удивительно, какое слѣпое довѣріе питаютъ эти люди къ своему вождю! Я полагаю, что они ни на одну минуту не поколебались бы даже теперь, когда темная зимняя ночь стоитъ у дверей, присоединиться къ новой экспедиціи къ полюсу, еслибъ ихъ

пригласили сдѣлать это. Все это прекрасно, пока существуетъ до-
вѣріе, но, да помилуетъ Богъ вождя, если только онъ лишится
довѣрія!

Суббота, 15-го сентября. Сегодня вечеромъ мы въ первый разъ
снова увидѣли луну, чудную полную луну; также были видны кое-
гдѣ звѣзды на ночныхъ небесахъ, впрочемъ, пока еще совсѣмъ
свѣтлыхъ.

Сегодня я приказалъ наклеить въ разныхъ мѣстахъ слѣдующее
извѣщеніе:

«Такъ какъ пожаръ на суднѣ можетъ имѣть самыя ужасныя
послѣдствія, то надо соблюдать большую осторожность, чтобы
избѣжать этого несчастья. На этомъ основаніи предлагается всѣмъ
соблюдать самымъ строжайшимъ образомъ слѣдующія правила:

- 1) Никто не долженъ носить при себѣ спичекъ.
- 2) Спички должны храниться лишь въ слѣдующихъ мѣстахъ:
на кухнѣ, гдѣ за нихъ отвѣчаетъ тотъ, кто исполняетъ должность
повара; въ четырехъ одиночныхъ каютахъ, гдѣ отвѣтственность
лежитъ на обитателяхъ этихъ каютъ; въ рабочей каютѣ, когда тамъ
работаютъ; у мачты въ салонѣ, откуда, однако, ни въ какомъ слу-
чаѣ не позволено уносить коробку, или, хотя бы, нѣсколько спичекъ.
- 3) Спички разрѣшается зажигать только въ вышеназванныхъ
мѣстахъ.
- 4) Отступленіе отъ указанныхъ правилъ допускается лишь
въ единственномъ случаѣ: когда бываетъ нужно разжечь кузнечный
горелъ.
- 5) Каждый вечеръ въ восемь часовъ пожарный инспекторъ
долженъ осматривать всѣ грузовыя камеры и являться съ докла-
домъ объ этомъ къ нижеподписавшемуся подъ этими правилами.
Послѣ этого обхода никто не смѣетъ брать съ собою огонь, безъ
спеціальнаго на то разрѣшенія, въ машинное отдѣленіе или
трюмы.
- 6) Куреніе разрѣшается только въ жилыхъ помѣщеніяхъ и на
палубѣ. Ни въ какомъ случаѣ не позволено показываться съ
трубкой или сигарой въ другихъ мѣстахъ.

Фритіофъ Нансенъ.

«Fram» 15-го сентября 1894.»

Нѣкоторые изъ этихъ распоряженій, пожалуй, противорѣчатъ
принципу равенства, о поддержаніи котораго я всегда такъ забо-
тился, но они мнѣ казались лучшей гарантіей нашей безопасности,
а ередъ этимъ всѣ другія соображенія должны отступить на вто-
р планъ.

Пятница, 21-го сентября. Нѣсколько дней дулъ страшный вѣ-
тъ съ сѣверо-востока и сѣвера со скоростью 12—13 метровъ въ
секунду. Въ теченіе этого времени мы, вѣроятно, далеко подвину-
лись къ югу.

«Радикальная правая снова захватила кормило правленія въ.

свои руки», сказалъ Амундсенъ. Но радость его была кратковременна, вчера снова наступало затишье, и мы теперь опять двигаемся къ сѣверу, и кажется, будто, «лѣвая» снова нѣкоторое время пробудеть у власти, чтобы исправить вредъ, причиненный «правой».

На этой недѣлѣ мы выстроили стойло для собакъ: рядъ прекрасныхъ ледяныхъ хижинъ у бокборда корабля; въ каждой такой хижинѣ, представляющей хорошее зимнее жилище, должны помѣщаться четыре собаки.

Наши восемь щенковъ растутъ на привольи на палубѣ, гдѣ для нихъ отведено помѣщеніе подъ крышей изъ паруса въ носовой части судна. Оттуда раздается ихъ звонкій лай и визгъ, когда они поднимаютъ возню и гоняются другъ за другомъ между стружками, ручными санками, мельничными валами и другими предметами, наваленными на палубѣ. Они играютъ и борются другъ съ другомъ и затѣмъ отправляются отдыхать на стружки, гдѣ растянулась ихъ мать «Квиеъ» съ величіемъ настоящей львицы.

Тутъ, возлѣ своей матери, щенки располагаются на отдыхъ или же снова поднимаютъ возню, кусая и таская другъ друга за хвостъ и уши. Эта милая картина здѣсь, вблизи полюса, такъ напоминаетъ родину, что можно цѣлыми часами любоваться ею.

Жизнь проходитъ ровно и правильно, какъ прежде, и теченіе ея не нарушается никакими событіями, тѣмъ же менѣе время летитъ удивительно скоро. Наступило равноденствіе, ночи становятся темнѣе и въ полдень солнце стоитъ лишь на 9° надъ горизонтомъ.

Я провожу дни за работой въ своей рабочей каютѣ, и мнѣ часто кажется, будто я сижу дома въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, окруженный всѣми удобствами, какія только можетъ доставить цивилизація. Еслибъ не разлука, то здѣсь можно было бы себя также хорошо чувствовать, какъ и тамъ. Временами я забываю, гдѣ нахожусь. Не рѣдко вечеромъ, въ то время, какъ я бываю совершенно поглощенъ своей работой, мнѣ случалось вскакивать и, прислушиваясь къ лаю собакъ, думать: кто бы это могъ придти? затѣмъ, я вдругъ вспоминалъ, что я не дома, что намъ предстоитъ пережить вторую долгую арктическую ночь, и что мы находимся въ настоящее время среди замерзшаго полярнаго моря.

Сегодня температура понизилась до—17°, зима приближается быстрыми шагами. Теченіе въ настоящую минуту очень слабо, тѣмъ же менѣе настроеніе духа у насъ хорошее. Въ послѣднее равноденствіе было тоже самое, но сколько мы съ тѣхъ поръ пережили разочарованій! Какъ ужасно было прошлою осенью, когда казалось, что всѣ наши расчеты были обмануты, и насъ унесло теченіемъ все дальше и дальше къ югу. Ни одного свѣтлаго пятнышка на горизонтѣ! Но это никогда не повторится больше. Быть можетъ, наше движеніе впередъ будетъ очень медленно, или даже мы сдѣлаемъ большіе шаги назадъ, но, во всякомъ случаѣ, мы не

сомнѣваемся больше въ будущемъ, которое намъ чудится въ красноватомъ блескѣ зари тамъ, на западѣ, гдѣ прекращается арктическая ночь.

Воскресенье, 23-го сентября. Вчера минулъ годъ съ того времени, какъ корабль въ первый разъ засѣлъ на большомъ ледяномъ холмѣ. Гансенъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы составить карту теченій за этотъ годъ. Карта эта смотреть не дурно. Хотя мы не далеко подвинулись, но направленіе теченія было всетаки такое, какъ я ожидалъ. Но объ этомъ завтра, теперь такъ уже поводно, что писать я больше не могу. Ночи становятся все темнѣе; подходить зима.

Вторникъ, 25-го сентября. Я подробнѣе разсматрѣлъ вычисленія, относящіяся къ нашему движенію за послѣдній годъ. Если мы будемъ считать отъ того мѣста, на которомъ мы застряли 23-го сентября 1893 года, до того, на которомъ мы находимся въ этомъ году въ этотъ же самый день, то разстояніе, пройденное нами въ этотъ промежутокъ времени, будетъ 189 морскихъ миль (350 километровъ), что составляетъ $3^{\circ}9'$ широты. Но если мы возьмемъ разстояніе отъ этой же исходной точки до высшаго пункта, достигнутого нами лѣтомъ (16-го іюля), то это составитъ 226 морскихъ миль (419 километровъ) или $3^{\circ}46'$; считая же отъ самаго южнаго пункта, на которомъ мы находились осенью прошлаго года 17-го ноября, до самаго сѣвернаго пункта лѣтомъ этого года, мы получимъ 305 морскихъ миль (566 километровъ) или $5^{\circ}5'$. Мы удалились на сѣверъ на полныхъ 4° ,—съ $77^{\circ}43'$ до $81^{\circ}53'$.

Опредѣлить направленіе теченія въ этихъ широтахъ — трудная задача, такъ какъ съ каждымъ градусомъ долготы по направленію къ востоку или западу показанія компаса замѣтно мѣняются; разница эта, выраженная въ градусахъ, весьма естественно почти совпадаетъ съ числомъ пройденныхъ градусовъ долготы. Теченіе, въ которомъ мы находимся, идетъ въ болѣе сѣверномъ направленіи, чѣмъ то теченіе, въ которомъ находилась Жаннета, и пересѣкаетъ это послѣднее подъ угломъ въ 59° .

Если продолжить линію нашего теперешняго теченія, то она пересѣчетъ сѣверовосточную часть Шпицбергена и проведетъ насъ къ сѣверу отъ $84^{\circ}7'$ — 75° восточной долготы, приблизительно къ сѣверовостоку отъ земли Францъ-Іосифа. Разстояніе въ этомъ направленіи теченія равняется 827 морскимъ милямъ (1534 километрамъ).

Если мы будемъ продолжать нашъ путь со скоростью 189 морскихъ миль (350 километровъ), то намъ понадобится 4 года $4\frac{1}{2}$ мѣсяца, чтобы пройти это разстояніе. Но если мы будемъ двигаться со скоростью 305 морскихъ миль въ годъ, то пройдемъ это разстояніе въ 2 года 8 мѣсяцевъ. Вполнѣ вѣроятно, что мы будемъ двигаться именно съ такою скоростью, такъ какъ въ октябрѣ прош-

лаго года мы двигались назадъ почти съ этою скоростью, имѣя открытое море съ юга и большія ледяныя массы на сѣверѣ.

Истекшее лѣто, повидимому, указываетъ неоспоримымъ образомъ, что ледъ очень неохотно двигается назадъ; тогда какъ къ сѣверозападу онъ двигается очень легко при малѣйшемъ вѣтрѣ, не говоря уже о южныхъ вѣтрахъ. На этомъ основаніи я полагаю, что теченіе сдѣлается тѣмъ быстрее, чѣмъ больше мы будемъ подвигаться къ сѣверозападу, такъ что я считаю вполне вѣроятнымъ, что «Fram» черезъ два года достигнетъ Норвегіи, и, такимъ образомъ, экспедиція продлится ровно три года, какъ я и думалъ раньше.

Такъ какъ наше теченіе направляется на 59° сѣвернѣе, чѣмъ теченіе Жаннетты, и земля Францъ-Иосифа должна тѣснить ледъ къ сѣверу, то весьма вѣроятно, что теченіе чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ направляться къ сѣверу, пока мы не пройдемъ землю Францъ-Иосифа, и на этомъ основаніи можно предположить, что мы достигнемъ болѣе высокихъ широтъ, чѣмъ это можно было бы думать, судя по теперешнему теченію. Я надѣюсь, что мы достигнемъ, по крайней мѣрѣ, 85° .

До сихъ поръ всѣ мои предположенія вполне оправдались; направление нашего движенія идетъ параллельно курсу, по которому слѣдовала, по моимъ заключеніямъ, льдина съ остатками «Жаннетты»; этотъ курсъ, отмѣченный мною на картѣ, составленной мною для лондонскаго доклада, доходить до $87\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. широты. Я не имѣю права рассчитывать на теченіе, идущее еще сѣвернѣе и параллельно этому теченію, и долженъ буду считать себя счастливымъ, если доберусь до этого пункта. Наша цѣль, какъ я уже нѣсколько разъ пробовалъ доказывать, заключается не столько въ томъ, чтобы достигнуть непременно пункта, гдѣ оканчивается земная ось, сколько въ томъ, чтобы изслѣдовать неизвѣстное полярное море. Но всетаки я былъ бы очень радъ, еслибъ могъ добраться до полюса, и надѣюсь, что это будетъ возможно, если мы до марта мѣсяца достигнемъ 84° или 85° градуса.—Да почему бы этому и не случиться?

Четвергъ, 27 сентября. Я распорядился, чтобы съ завтрашняго дня каждый изъ насъ ежедневно, пока еще держитъ дневной свѣтъ, упражнялся на лыжахъ съ 11 до часу. Это безусловно необходимо. Если произойдетъ что-нибудь такое, что вынудитъ насъ возвратиться назадъ по льду, то я опасался, что нѣкоторые изъ нашего экипажа, не умѣющіе бѣгать на лыжахъ, явятся для насъ причиной большихъ затрудненій. Многіе изъ нашей компаніи бѣгаютъ превосходно; другіе же могутъ научиться, и тогда это упражненіе доставитъ имъ большое удовольствіе; если же имъ придется отправиться въ дальній путь, не умѣя бѣгать на лыжахъ, то всѣмъ намъ придется плохо!

Съ этой поры мы ежедневно отправляемся in согроре на ледъ, и бѣгъ на лыжахъ, представляющій самъ по себѣ хорошее упражненіе, составляетъ для насъ въ тоже время большое развлеченіе;

всѣ дѣлають большіе успѣхи и привыкають обращаться съ лыжами, хотя эти послѣднія довольно-таки часто ломаются, вслѣдствіе неровной почвы между ледяными холмами, но мы ихъ тотчасъ же чинимъ, и такъ до слѣдующей поломки.

Понедѣльникъ, 1-го октября. Вчера мы сдѣлали пробу поѣздки съ ручными санями, на которыя былъ положенъ грузъ въ 120 килограммъ. Сани двигались легко, но намъ все-таки пришлось сильно тянуть ихъ, такъ какъ лыжи скользили по поверхности. Я полагаю, что тамъ, гдѣ встрѣчается такъ много бугровъ и гладкихъ возвышенностей, черезъ которые надо перетаскивать сани, было бы цѣлесообразнѣе примѣнять индійскія лыжи.

Когда Амундсенъ въ началѣ потащилъ сани, то ему показалось, что это пустяки, но послѣ того, какъ онъ ихъ протащилъ нѣкоторое время, онъ сдѣлался мраченъ и, ни слова не говоря, вернулся на судно. Тамъ ужъ онъ признался другимъ, что лучше умереть, чѣмъ тащить подобную тяжесть, такъ какъ это, въ концѣ концовъ, одно и то же.

Послѣ обѣда я запрягъ трехъ собакъ въ маленькія сани съ грузомъ въ 120 килограммъ, и онѣ ихъ потащили, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вторникъ, 2-го октября. Прекрасная погода, но нѣсколько холодно; ночью было—27° С., что, какъ мнѣ кажется, для октября мѣсяца нѣсколько много. Если такъ пойдетъ и дальше, то будетъ холодная зима, но въ сущности не все-ли намъ равно, будетъ-ли—50° или 70° мороза?

Сегодня мы сдѣлали прекрасную прогулку на лыжахъ. Люди стали очень искусны, но теперь быстро наступаетъ темнота, и приходится прекращать бѣгъ на лыжахъ, что очень жаль, такъ какъ такое упражненіе приноситъ намъ пользу, и мы должны подумать, чѣмъ бы его замѣнить. У меня таксе чувство, какъ будто это моя послѣдняя зима здѣсь, на суднѣ; придется-ли мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, отправиться весною на сѣверъ? Правда, наша попытка тащить нагруженные сани по такому льду не увѣнчалась большимъ успѣхомъ, но, вѣдь, если собаки не выдержатъ или, вообще, не оправдаютъ нашихъ ожиданій, или же ледъ станетъ еще хуже, то мы, волей-неволей, будемъ предоставлены собственнымъ силамъ. Но если «Бгашъ» зайдетъ такъ далеко, что останется пройти лишь умѣренное разстояніе, то я считаю своею обязанностью сдѣлать попытку пройти дальше; я не представляю себѣ никакихъ такихъ препятствій, которыя нельзя было бы преодолѣть, еслибъ намъ предстоялъ выборъ между смертію и движеніемъ впередъ—домой!

Четвергъ, 9-го октября. Ледъ мѣстами почти непроходимъ; впрочемъ, это ограничивается, повидимому, лишь нѣкоторыми канавками и отдѣльными полосами льда, тогда какъ въ общемъ по немъ все-таки можно ѣхать. Верхній слой, однако, довольно рыхлый, и собаки проваливаются, ступая по льду; вѣроятно это про-

исходитъ отъ того, что въ послѣднее время у насъ не было сильнаго вѣтра, такъ что свѣтъ не могъ хорошенько сплотиться на поверхности льда.

Жизнь наша идетъ своимъ чередомъ, и мы постоянно чѣмъ-нибудь заняты. Вчера началось обученіе молодыхъ собакъ *) вѣдѣ; такихъ собакъ три: «Барбара», «Френ» и «Сузана», такъ какъ «Гулабрандъ» до такой степени худъ, что его пока приходится избавить отъ всякой работы. Въ началѣ собаки выказали большое упрямство и разбѣгались по разнымъ направленіямъ, но вскорѣ онѣ стали также хорошо вести, какъ и старыя собаки, и вообще научились скорѣе, чѣмъ мы предполагали; «Квикъ», безъ сомнѣнія, подавала имъ достойный примѣръ. Учить собакъ пришлось Могштаду, такъ какъ въ эту недѣлю его очередь была наблюдать за ними. Эту обязанность мы выполняемъ теперь всѣ по очереди. Мнѣ кажется, что на судиѣ господствуетъ очень хорошее настроеніе духа. Намъ предстоитъ пережить нашу вторую арктическую ночь, которая, по всей вѣроятности, будетъ длиннѣе и холоднѣе, чѣмъ тѣ, которыми пришлось пережить другимъ арктическимъ путешественникамъ. Съ каждымъ днемъ становится темнѣе, и скоро, вѣроятно, свѣтъ исчезнетъ совсѣмъ, но наше хорошее настроеніе отъ этого не измѣняется. Мнѣ кажется, что мы теперь вообще веселѣе, чѣмъ были раньше. Отъ чего это происходитъ—я не знаю, быть можетъ, тутъ дѣйствуетъ привычка. Безъ сомнѣнія, намъ живется не дурно, мы двигаемся медленно, но всетаки двигаемся впередъ въ области неизвѣстнаго темнаго «Нидельгейма», населяемаго робкою фантазіей всевозможными ужасами. И, не смотря на это, мы здѣсь ведемъ сибаритскую жизнь, имѣя все въ избыткѣ, окруженные всѣми удобствами цивилизаціи. Я полагаю, что эту зиму мы проведемъ еще лучше, чѣмъ прошлую.

Мой аппаратъ на кухнѣ дѣйствуетъ прекрасно, и даже поваръ того мнѣнія, что это превосходное приспособленіе, достигающее почти совершенства; мы будемъ жечь въ немъ дегтярное масло. Аппаратъ такъ хорошо нагреваетъ помѣщеніе, что часть теплоты проникаетъ въ рабочую каюту, гдѣ я иногда сижу и потѣю, постепенно сбрасывая съ себя одну часть костюма за другой, не смотря на открытое окно и на то, что снаружи около 30° мороза.

Я вычислилъ, что запаса керосина, который мы употребляемъ теперь только для освѣщенія, намъ хватитъ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ, хотя въ теченіе 300 дней въ году мы должны сжигать его въ большомъ количествѣ. Въ настоящее время, однако, мы зажигаемъ не такъ много керосиновыхъ лампъ, какъ я предполагалъ раньше, такъ какъ у насъ часто бываетъ электрическое освѣщеніе; притомъ же надо принять во вниманіе также и лѣто или то, что

*) Это были собаки, родившіяся 13-го декабря 1893 г., изъ которыхъ четыре оставались въ живыхъ.

здѣсь приходится называть лѣтомъ. Даже, если мы будемъ имѣть въ виду всякія случайности, на примѣръ, что какой-нибудь изъ резервуаровъ лопнетъ и керосинъ вытечетъ изъ него, намъ всетаки имѣть надобности особенно экономничать въ освѣщеніи, и каждый можетъ имѣть его, сколько угодно. Важное значеніе этого послѣдняго обстоятельства, безъ сомнѣнія, понятно каждому, кто только терпѣлъ угрызенія совѣсти всякій разъ, въ теченіе года, когда ему случалось зажигать лампу въ своей каютѣ, чтобы читать или работать, безъ абсолютной необходимости, при возможности пользоваться для этого освѣщеніемъ салона.

Каменный уголь расходовался у насъ только на топку печи въ салонѣ, но израсходованное количество очень ничтожно по сравненію съ количествомъ нашего запаса въ 100 тоннъ, который намъ понадобится для машины не раньше, чѣмъ «Fram» очутится по ту сторону льдовъ и проложитъ себѣ дорогу дальше. Много содѣйствуетъ теплотѣ и уютности парусинная крыша, которую мы теперь протянули надъ нашимъ судномъ. Открытой остается только часть кормы, чтобы съ нея можно было обозрѣвать все кругомъ *). Что касается меня лично, то я долженъ сказать, что чувствую себя сверхъ ожиданія прекрасно. Время хорошій учитель; прежнія мучительныя желанія утихи. Ужъ не начинается-ли апатія? Быть можетъ, черезъ десять лѣтъ я совсѣмъ уже ничего не буду чувствовать? О! временами эти желанія пробуждаются во мнѣ съ прежнею силой, и душа моя точно разрывается на части! Но это такая чудесная школа терпѣнія—эти размышленія о томъ, что дѣлается дома; только отъ нихъ просто можно съума сойти!

Однако, я всетаки не могу совершенно примириться съ этою жизнью. Въ сущности, это не жизнь и не смерть, а какое-то среднее состояніе; успокоенія настоящаго нѣтъ, а есть ожиданіе чего-то; ожиданіе, на которое расходуются, быть можетъ, лучшіе годы и силы. Это похоже на чувство, испытываемое человѣкомъ, совершающимъ свое первое морское путешествіе. Жизнь на суднѣ ему ненавистна, онъ терпитъ ужасныя мученія отъ морской болѣзни и, замкнутый въ узкомъ пространствѣ между стѣнами судна, онъ чувствуетъ себя хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ. Но надо пережить это испытаніе; по ту сторону лежитъ югъ, страна его юношескихъ мечтаній, свѣтлая и улыбающаяся. Наконецъ, онъ приподнимается полумертвый. Находить-ли онъ эту страну? Какъ часто берегъ, къ которому онъ пристаётъ, оказывается необитаемой пустыней!

Воскресенье, 7-го октября. Сегодня вечеромъ хорошо прояснилось; небо усыяно звѣздами и сверкаетъ сѣверное сіяніе. Это пріятная переменъ послѣ постоянно пасмурной погоды и мятелей, не прекращавшихся въ послѣдніе дни.

*) Въ теченіе первой зимы мы не дѣлали такого прикрытія судна, полагая, что будетъ слишкомъ темно и трудно находить дорогу на палубѣ. Однако такое прикрытіе оказалось очень полезнымъ въ теченіе второй зимы.

Мысли мои бѣгутъ; я не могу забытья, не могу уснуть. Все кругомъ спокойно, все спитъ. Я слышу равномерные шаги часового на палубѣ, вѣтеръ свищетъ въ такелажѣ, и часы тамъ, на стѣнѣ, чуть слышно тикають.

Я выхожу на палубу. Темная ночь охватываетъ меня, звѣзды блестятъ надо мной и на тускломъ небосклонѣ слабо пламенѣтъ сѣверное сіяніе. Тамъ, въ темнотѣ, вижу я мерцаніе огромной однообразной ледяной пустыни; кругомъ меня невыразимое уединеніе, мы такъ удалены отъ шума и суетны людской жизни, отъ всѣхъ стремленій людей. Тутъ мысли успокоиваются, тутъ онѣ могутъ быть предоставлены собственному теченію и уноситься далеко въ безконечность.

Что же такое подобная жизнь? Это процессъ, лишенный всякаго содержанія; человекъ представляетъ изъ себя машину, которая ѣдетъ, спитъ, просыпается, чтобы снова заснуть и грезить, но не живетъ никогда!

Представляетъ-ли жизнь что-нибудь другое въ дѣйствительности? Не составляетъ-ли такое самоизгнаніе лишь одну изъ стадій вѣчнаго мученичества человека, новую ошибку заблуждающейся человеческой души, такъ какъ въ этой безотрадной пустынѣ душа охвачена страстнымъ стремленіемъ ко всему тому, что ею покинуто? Но развѣ я трусь? Развѣ я боюсь смерти? О нѣтъ! Но въ такіе ночи душою овладѣваетъ неудержимое стремленіе далеко уйти за предѣлы этого безграничнаго оцѣпенѣлаго ледяного міра, при одной только мысли о томъ, что жизнь коротка, что здѣсь находишься по своей доброй волѣ и что тамъ, далеко еще кто-то другой также тоскуетъ и также будетъ оставаться «вѣрнымъ, вѣрнымъ до смерти». Какъ удивительны пути человечества! Мы похожи на клочки морской пѣны, беспомощно носящейся по поверхности взволнованнаго моря.

Среда, 10-го октября. Итакъ, мнѣ стукнуло ровно 33 года. Жизнь идетъ впередъ и никогда уже не вернется назадъ. Сегодня всѣ выказали мнѣ трогательное вниманіе, и день начался празднествомъ. Прежде всего мнѣ былъ сдѣланъ сюрпризъ убранствомъ салона, который былъ разукрашенъ флагами. Соединенный шведско-норвежскій флагъ красовался надъ мѣстомъ Свердруп. (Безъ сомнѣнія, это былъ намекъ на его политическія убѣжденія). Мы обвинили въ этой продѣлкѣ Амундзена, но онъ не хотѣлъ признаваться въ этомъ. Надъ моими дверями, вплоть до дверей Гансена, былъ растянута вымпелъ, на которомъ красовалась большими буквами надпись «Fram». Было очень торжественно, когда я вошелъ въ салонъ, и всѣ встали, чтобы привѣтствовать меня и пожелать мнѣ счастья. Когда я вышелъ на палубу, то на вершукѣ бизани развѣвался флагъ.

Послѣ обѣда мы отправились на лыжахъ къ югу. Было вѣтрено и очень холодно; я давно такъ не забѣ. Термометръ вечеромъ

упалъ до—31°. Безъ сомнѣнія, это самый холодный день рожденія, какой только мнѣ приходилось переживать въ жизни.

Обѣдъ былъ превосходный: 1) Пуддингъ изъ рыбы; 2) Сосиски и языкъ съ картофелемъ, зелеными бобами и горошкомъ; 3) Варенье изъ земляники съ рисовымъ кремомъ. 4) Мальць-экстрактъ. Вдругъ нашъ докторъ, ко всеобщему изумленію, сталъ вытаскивать изъ кармана своего плаща, который онъ постоянно носить, какія-то удивительныя стекляночки, пробирки и пузырьки, раздавъ каждому изъ насъ и затѣмъ вынулъ цѣлую бутылку настоящаго Лисгольмскаго ликера, что вызвало всеобщій восторгъ. Каждый получилъ двѣ рюмки ликера и четверть бутылки мальць-экстракта, что было очень недурно.

Послѣ обѣда былъ поданъ кофе въ сопровожденіи также сюрприза въ образѣ яблочнаго пирога, испеченнаго нашимъ превосходнымъ поваромъ Петерсеномъ, бывшимъ кузнецомъ. Я долженъ былъ, конечно, угостить всѣхъ сигарами, что также вызвало большую радость, и, само собою разумѣется, праздникъ продолжался весь день.

Во время ужина новый сюрпризъ: большой пирогъ, испеченный тѣмъ же самымъ поваромъ съ надписью: «T. l. m. d.». (Til lykke med dagen—Много счастья на сегодняшний день). Вслѣдъ затѣмъ былъ сервированъ десертъ: ананасъ, фиги и конфеты. Не многіе дни рожденія даже на болѣе низкихъ широтахъ, чѣмъ 81°, сопровождаются такимъ празднествомъ! Вечеръ прошелъ весело, въ шуткахъ и смѣхѣ; всѣ были въ прекрасномъ настроеніи. Какъ часто нашъ салонъ служилъ мѣстомъ такихъ веселыхъ собраний! Но когда въ немъ остаешься одинъ послѣ того, какъ всѣ уже разошлись, въ душу невольно закрадывается грусть. Когда выходишь на палубу, то видишь звѣзды, высоко стоящія на свѣтлыхъ небесахъ, въ южной части которыхъ сверкаетъ и переливается сѣверное сіяніе.

Мы съ Свердрупомъ поговорили немного объ экспедиціи. Когда я послѣ обѣда сошелъ на ледъ, то онъ вдругъ сказалъ мнѣ:

— Итакъ, быть можетъ, въ будущемъ октябрѣ вы не будете уже на «Fram».

Я отвѣтилъ утвердительно, прибавивъ, что это случится, если только зима не будетъ очень плоха. И всетаки я самъ не вполнѣ вѣрю въ это. Каждую ночь, во снѣ, я вижу себя дома, но какъ только наступаетъ утро, я возвращаюсь снова въ царство вѣчнаго льда.

Пятница, 12-го октября. Со вчерашняго вечера дуетъ правильный штормъ съ юговостока. Вчера ночью сломалась наша мельница, у одного изъ зубчатыхъ колесъ сломались зубья, сильно уже поистершіеся послѣ годового употребленія. Скорость вѣтра сегодня вечеромъ была болѣе 13.метровъ; давно я уже не слышалъ такого сильнаго завыванія вѣтра, какъ сегодня вечеромъ. Теперь мы

должны сильно подвинуться къ сѣверу, такъ что октябрь окажется, быть можетъ, вовсе не такимъ дурнымъ мѣсяцемъ, какъ я ожидаю на основаніи опытовъ предшествующаго года.

Передъ обѣдомъ я отправился на лыжахъ; снѣгъ кружился вокругъ, но возвращеніе назадъ не составило затрудненій, такъ какъ вѣтеръ подгонялъ меня. Какъ разъ теперь свирѣпствуетъ сильная снѣжная буря. Луна стоитъ низко въ южной части неба и сверкаетъ матовымъ блескомъ сквозь снѣжную завѣсу. Съ трудомъ можно удержаться на ногахъ; это именно та самая страшная полярная ночь, какая иногда рисуется въ нашемъ воображеніи, когда мы сидимъ дома, далеко на югѣ, но мнѣ веселѣе на палубѣ, такъ какъ я чувствую, что мы движемся впередъ.

Суббота, 13-го октября. Сегодня такой-же вѣтеръ. Скорость 12 метровъ и болѣе. Не смотря на это, Гансенъ сегодня вечеромъ произвелъ-таки наблюденія. Этотъ молодецъ, по обыкновенію, не утомимъ.

Мы двигаемся къ сѣверо-западу ($81^{\circ}32,8'$ сѣв. широты, $118^{\circ}28'$ восточной долготы).

Воскресенье, 14-го октября. Все такая-же буря. Я читаю о тѣхъ безконечныхъ страданіяхъ, которыя приходилось переживать прежнимъ полярнымъ путешественникамъ на каждомъ шагу во время ихъ движенія къ сѣверу. Мысль объ этомъ вызываетъ во мнѣ почти чувства презрѣнія къ себѣ.—къ намъ, проводящимъ время въ теплѣ и удобствахъ, лежа на софѣ, читая, мечтая съ сигарой въ зубахъ или занимаюсь писаніемъ въ то время, какъ вѣтеръ завываетъ въ такелажѣ, и все пространство моря представляетъ одинъ снѣжный вихрь, среди котораго мы двигаемся къ сѣверу, градусъ за градусомъ, на встрѣчу нашей цѣли, составлявшей также предметъ стремленій всѣхъ нашихъ предшественниковъ, напрасно растратившихъ на это свои силы. Но вотъ «солнце склывается, наступаетъ ночь».

Понедѣльникъ, 15-го октября. Сегодня утромъ мы отправились къ востоку на лыжахъ. Все такой же вѣтеръ и метель. Приходится очень внимательно наблюдать за дорогой, такъ какъ на нѣкоторомъ разстояніи уже нельзя разглядѣть судна; если собьешься съ пути и не найдешь дороги назадъ, то... Но слѣды на снѣгу всетаки довольно замѣтны, такъ какъ снѣжная кора въ болѣе отвлѣ случаевъ не прикрывается падающимъ снѣгомъ, который увлекается вѣтромъ дальше и не скопляется на ней.

Мы подвигаемся далѣе къ сѣверу, и въ это время на насъ медленно и величественно спускается арктическая ночь.

Солнце стоитъ сегодня низко; я не видѣлъ его вслѣдствіе скопившихся на югѣ облаковъ, но свѣтъ отъ него всетаки распространялся по блеклымъ небесамъ. Теперь наступило царство полной луны, освѣщающей своимъ сіяніемъ большую ледяную равнину и снѣжную вьюгу.

Но какъ подобная ночь возвышаетъ мысли человѣка! Не смотря на то, что видѣлъ ее тысячи разъ, она всетаки производитъ такое же глубокое впечатлѣніе, какъ будто вступаешь въ какой-нибудь тихій священный храмъ, въ которомъ чувствуется присутствіе духа природы, носящагося въ сверкающихъ серебряныхъ лучахъ, и душа ощущаетъ потребность преклониться передъ безконечностью вселенной.

Вторникъ, 16-го октября. Въ полдень я увидѣлъ весь солнечный дискъ надъ горизонтомъ, имѣющій видъ красно-огненного шара эллиптической формы. Мы видимъ въ послѣдній разъ въ этомъ году его солнечное величество и поэтому—до свиданія!

Среда, 17-го октября. Мы занимаемся измѣреніемъ температуры глубинъ, это довольно томительное удовольствіе для такого времени года! Временами черпакъ покрывается льдомъ, такъ что очень трудно зачерпнуть воды на глубинѣ и приходится очень долго возиться. Иногда во время наблюденія, когда мы вынимали черпакъ, содержимое его замерзало, такъ что вода не попадала въ пробирки, не говоря уже о томъ, что, вообще, намъ стоило не малыхъ усилій опускать аппаратъ въ воду, и мы почитали себя счастливыми, если намъ не приходилось каждый разъ нести въ кухню весь аппаратъ, чтобы онъ оттаялъ.

Это медленная работа. Иногда мы должны были разсматривать показанія термометровъ при свѣтѣ фонаря; къ тому же на пробы воды также нельзя вполне положиться, такъ какъ при поднятіи онѣ замерзаютъ, но какъ бы тамъ ни было, а намъ нужно было сдѣлать эту работу, и мы ее дѣлали.

Дуетъ по прежнему восточный вѣтеръ, и мы двигаемся далѣе. Сегодня вечеромъ мы находимся приблизительно подъ $81^{\circ}47'$ сѣв. широты.

Четвергъ, 18-го октября. Я продолжаю наблюденія надъ температурою воды, что составляетъ довольно-таки прохладное удовольствіе, такъ какъ температура упала до -29° , и вѣтеръ продолжается. Пальцы коченѣютъ и становятся нечувствительными, когда мы голыми руками поворачиваемъ покрытые льдомъ или мокрые металлическіе винты, при разсматриваніи въ увеличительное стекло показаній термометровъ, чтобы не ошибиться ни на одну сотую долю градуса. Кроме того, при наполненіи водой пробирныхъ стеклянокъ, приходится ихъ плотно прижимать къ груди, чтобы вода въ нихъ не замерзала. Покорно благодарю за это удовольствіе!

Сегодня, вечеромъ въ 8 часовъ, было прекрасное сѣверное сіяніе; оно извивалось по всему небу, точно огненные змѣи, въ двухъ направленіяхъ; хвостъ его возвышался на десять градусовъ надъ горизонтомъ на сѣверѣ, откуда оно нѣсколькими изгибами расходилось по небу въ восточномъ направленіи, появляясь уже въ формѣ дуги въ 30° — 40° надъ западнымъ горизонтомъ и, наконецъ, исчезая

на западѣ, гдѣ оно сворачивалось въ клубокъ, изъ котораго расходились по небу многочисленные пучки.

Дуги сіянія постоянно мѣнялись на западѣ и востокѣ, появлялись новые яркіе пучки свѣта, и огненная змѣя извивалась по небу въ различныхъ направленіяхъ. Постепенно она поднималась, такъ что достигала почти зенита, между тѣмъ какъ ея верхній изгибъ распадался на нѣсколько болѣе слабыхъ волнъ, а на сѣверо-востокѣ особенно ярко свѣтился и переливался клубокъ лучей, изъ котораго такъ же, какъ и изъ другихъ дугъ сѣвернаго сіянія, по временамъ отдѣлялись яркіе лучи, направившіеся прямо къ зениту.!

Освѣщеніе неба достигло теперь своей высшей точки; оно было по преимуществу ярко-желтаго цвѣта, приближающагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ оранжевому оттѣнку и переходящаго въ зеленовато-бѣлый цвѣтъ—въ другихъ. Когда верхняя дуга достигала зенита, то свѣтъ начинать блѣднѣть, пока, наконецъ, на южномъ горизонтѣ остался лишь слабый намекъ на бывшее сѣверное сіяніе.

Когда я вечеромъ снова вышелъ на палубу, то все лучи сѣвернаго сіянія сосредоточились въ южной части неба, такъ что нижняя дуга его видѣлась глубоко на южномъ горизонтѣ, надъ его темнымъ краемъ. Между этимъ мѣстомъ и зенитомъ находились еще четыре дуги, изъ которыхъ верхняя проходила надъ зенитомъ, а изъ нижнихъ дугъ, тамъ и сямъ, отдѣлялись яркія полосы свѣта. Въ сѣверной части неба не было видно дуги, а только пучки лучей, выступавшіе въ разныхъ мѣстахъ.

Сегодня вечеромъ, какъ всегда, видны слѣды сѣвернаго сіянія на небѣ то въ видѣ легкаго тумана или свѣтлыхъ полосъ, то въ видѣ свѣтящейся завѣсы, вуали, въ которой видѣются въ разныхъ мѣстахъ темныя отверстія *). Почти не бываетъ ночи—или вѣрнѣе: никогда не бываетъ такой ночи, во время которой не было бы видно слѣдовъ сѣвернаго сіянія на небѣ, если только оно не покрыто облаками или въ облакахъ имѣется достаточно большая щель, черезъ которую видно небо. Обыкновенно же сѣверное сіяніе всегда ярко сверкаетъ на небѣ, въ особенности въ южной его части.

Пятница, 19-го октября. Очень свѣжій юго-восточный вѣтеръ; мы быстро подвигаемся къ сѣверу. Вѣроятно, мы скоро пройдемъ такъ долго ожидаемый— 82° , а оттуда уже недалеко до $82^{\circ}27'$, и тогда «Fram» будетъ единственнымъ судномъ на землѣ, зашедшимъ такъ далеко на сѣверъ.

*) Эта свѣтящаяся завѣса, разстилавшаяся по всему небу, всего яснѣе была замѣтна у горизонта, хотя и не достигала его краевъ и переходила къ югу и сѣверу въ [нижнюю, слабо выраженную дугу, возвышающуюся надъ темнымъ сегментомъ. Сила свѣта этой завѣсы была такова, что я никогда не могъ ясно разглядѣть сквозь нея млечнаго пути.

Но барометръ падаетъ, и, по всей вѣроятности, вѣтеръ пере-
мѣнится и повернетъ къ западу. Я надѣюсь, однако, что баро-
метръ хоть въ этотъ единственный разъ окажется плохимъ про-
рокомъ. Я сталъ довольно оптимистиченъ; до сихъ поръ все шло
хорошо, и октябрь, котораго мы такъ опасались на основаніи про-
шлогодняго опыта, оказался для насъ самымъ лучшимъ мѣсяцемъ,
только бы онъ не кончился худо!

Сегодня, однако, изъ за вѣтра погибло одно живое существо.
Нѣсколько дней тому назадъ мы исправили свою вѣтриную мель-
ницу, и она снова начала дѣйствовать. Послѣ обѣда щенки затѣяли
драку изъ за кости, и одинъ изъ нихъ попалъ въ зубчатое колесо
мельничнаго вала, которое и протащило его между валомъ и па-
лубой. Вѣдное маленькое тѣмъ же задержало дѣйствіе всего аппа-
рата, но, къ несчастью, никого тутъ не нашлось, чтобы во время
остановить мельницу. Услышавъ шумъ, я тотчасъ бросился на па-
лубу; собаку вытащили полуживую. Все ея туловище было разо-
рвано. Она слабо застонала и тотчасъ же издохла. Вѣдное малень-
кое, веселое созданіе! Еще недавно ты играло тутъ на палубѣ,
беззаботно бѣгая и рѣзвясь со своими братьями, но вотъ швырнули
на палубу медвѣжью кость, всѣ бросились къ ней и ты вмѣстѣ
съ ними, и вотъ теперь ты лежишь тутъ на палубѣ, страшно изу-
родованное и мертвое. Горькая судьба!

Воскресенье, 31-го октября. 82°0,2' сѣв. широты, 114°9' восточ-
ной долготы.

Уже поздно. У меня въ головѣ такой сумбуръ, какъ будто я
принималъ участіе въ настоящей попойкѣ; между тѣмъ, пирушка
наша была самаго невиннаго свойства. Чтобы отпраздновать 82°
широты мы устроили «торжественный банкетъ». Вчерашнія наблю-
денія указывали на 82°0,2' широты, но съ тѣхъ поръ мы, навѣрное,
еще болѣе подвинулись къ сѣверу. По этому случаю были испечены
медовые пироги самаго перваго сорта, могу въ этомъ завѣрить, и
затѣмъ, послѣ освѣжающаго бѣга на лыжахъ, состоялся торжествен-
ный банкетъ.

Въ салонѣ было вывѣшено извѣщеніе, приглашавшее гостей
быть пунктуальными, такъ какъ поваръ на этотъ разъ постарался
превзойти самъ себя. Кромѣ того, на отдѣльномъ плакатѣ были на-
печатаны глубокопрочувствованные стихи, убѣждавшіе не опазды-
вать къ обѣду и указывавшіе, что автору этихъ стиховъ пришлось
испытать на самомъ себѣ, какъ не хорошо отзывается на пищевареніи
опаздываніе къ обѣду.

Гости оказались довольно пунктуальными; единственное исклю-
ченіе составилъ тотъ, кто пишетъ эти строки, вслѣдствіе того, что
торопился воспользоваться исчезающимъ дневнымъ свѣтомъ для пе-
чатанія фотографическихъ снимковъ.

Меню обѣда было превосходное:

1) Супъ изъ бычачьихъ хвостовъ.

2) Пуддингъ изъ рыбы съ растопленнымъ масломъ и картофелемъ.

3) Черепаха съ сахарнымъ горошкомъ и т. п.

4) Рисъ съ моршкой и кремомъ.

5) Кроновскій мальцъ-экстрактъ.

Послѣ обѣда былъ поданъ кофе и медовые пироги.

Ужинъ также былъ очень хорошъ и послѣ него, по общему требованію, исполнена была музыкальная программа. Среди исполнителей особенно отличался Бентсенъ, который наловчился въ искусствѣ вертѣть валъ, такъ какъ часто упражнялся въ этомъ на льду при разворачиваніи веревки лота. Сначала онъ вертѣлъ тихо, какъ при опусканіи лота на 2—3000 метровъ глубины, но затѣмъ темпъ ускорился, какъ будто лотъ достигалъ поверхности, и, наконецъ, установился такимъ бурнымъ, что Петерсенъ и я не могли удержаться и принимались танцевать вальсъ или польку.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, исполнили на ограниченномъ пространствѣ нашего салона очень изысканное *pas des deux*. Въ концѣ концовъ, и Амундсенъ заразился желаніемъ танцевать, между тѣмъ какъ остальные продолжали играть въ карты.

Намъ подали разное угощеніе: персики, варенье въ сахарѣ, сушеные бананы, фиги, медовые пироги и т. п.; время шло быстро и намъ было весело. Да почему бы намъ и не веселиться? Мы бодро идемъ на встрѣчу нашей цѣли и, хотя находимся на полпути между Новосибирскими островами и землею Францъ-Иосифа, тѣмъ не менѣе на суднѣ ни одна душа не сомнѣвается въ томъ, что мы достигнемъ цѣли, ради которой отправились. Итакъ, да здравствуетъ веселье!

Кругомъ уже наступило царство безконечнаго безмолвія полярной ночи. Неполная луна освѣщаетъ ледъ и звѣзды ярко сверкаютъ надъ нами; вѣчно мѣняющагося сѣвернаго сіянія не было видно и только южный вѣтеръ свистѣлъ въ такелажѣ. Всюду господствуетъ глубокая тишина и миръ; тутъ царствуетъ безконечная красота смерти—Нирвана.

Понедѣльникъ, 22-го октябрия. Становится холодно, прошлую ночью термометръ стоялъ на 34,6°C, а сегодня вечеромъ онъ показываетъ 36°C.

Прекрасное сѣверное сіяніе сегодня вечеромъ въ 11^{1/2} часовъ. Блестящая корона, состоящая изъ лучистаго вѣнца, распадалась въ zenithъ на нѣсколько колецъ, помѣщавшихся одно надъ другимъ. Затѣмъ появились большія и маленькія развѣтвленія, распространившіяся по всему небу и особенно къ юго-западу и къ юго-востоку; всѣ они исходили изъ короны, блеставшей точно лучезарное сіяніе на небѣ. Я долго наблюдаю ее. Временами мнѣ удавалось разглядѣть въ серединѣ ея темное пятно—мѣсто, въ которомъ сходились всѣ лучи. Это пятно лежало къ югу отъ полярной звѣзды и приближалось къ созвѣздію Кассіопеи. Между тѣмъ, лучезарное сіяніе

продолжало развѣваться и волноваться въ небесахъ, какъ будто оно было игралищемъ бурь въ высшихъ слояхъ атмосферы. Изъ мрака выступали новыя яркіе лучи, за ними другіе и т. д. Въ это время темное пятно посрединѣ становилось рѣзко замѣтнымъ, а затѣмъ оно опять исчезало въ общей массѣ лучей. Иногда казалось, будто буря затихала, сіяніе меркло и снова появлялось черезъ нѣкоторое время, уже матовобѣлое, но потомъ снова вдругъ выступало такъ же ярко, какъ прежде, и начиналась опять прежняя игра лучей. Свѣтящаяся масса, находившаяся сверху короны, направлялась въ видѣ могучихъ волнъ свѣта надъ зенитомъ къ темной точкѣ, а пучки лучей сплетались другъ съ другомъ. Все вмѣстѣ по временамъ представляло свѣтящуюся облачную массу, носившуюся кругомъ короны, и затѣмъ все исчезало въ потокахъ свѣта, такъ что нельзя было различить ни короны, ни лучей, ни темнаго пятна—ничего, кромѣ хаоса свѣтящагося тумана! Затѣмъ свѣтъ померкъ, и я отправился внизъ. Въ полночь сѣвернаго сіянія почти уже не было видно.

Пятница, 26-го октября. Вчера вечеромъ мы находились подъ 82°3' сѣв. широты.

Сегодня «Fram» минуло два года.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней небо было обложено тучами и по утрамъ было такъ темно, что я даже опасался, что намъ придется отложить нашу поѣздку на лыжахъ. Но сегодня утромъ погода была свѣтлая и тихая, и я одѣлалъ превосходную прогулку къ западу, гдѣ снова нашелъ слѣды бывшихъ напоровъ льда, не лишённыхъ значенія.

По случаю дня рожденія «Fram» у насъ былъ особенно хорошій обѣдъ, состоявшій изъ жареной камбалы, черепахъ, свиныхъ реберъ съ зеленымъ горошкомъ и plumъ-пудинга (настоящаго, горящаго plumъ-пудинга, сервированнаго въ первый разъ) съ яичнымъ соусомъ, а въ заключеніе — земляника. Какъ обыкновенно, питьемъ намъ служило вино, т. е. лимонный сокъ съ водою и сахаромъ и мальцъ-экстрактъ.

Всѣ встали съ обремененными желудками. Послѣ обѣда кофе и медовые пряники, причемъ Нордалъ угощалъ насъ сигарами. Всеобщій праздникъ.

Сегодня вечеромъ начался сѣверный вѣтеръ, но, повидимому, онъ не имѣетъ большого значенія. Во всякомъ случаѣ, я долженъ на это надѣяться и ожидать, что скоро опять начнется южный вѣтеръ. Но мы мечтаемъ вовсе не объ умѣренномъ вѣтрѣ, не о слабомъ дуновеніи предразсвѣтнаго зефира. Нѣтъ, намъ нуженъ холодный, рѣзкій, южный вѣтеръ, дующій съ силою полярнаго шторма для того, чтобы наше судно, нашъ «двухлѣтній Fram» былъ погребенъ въ снѣжной бурѣ и все кругомъ бы замерзло. Мы ожидаемъ этого, такъ какъ именно таія условія могутъ подвинуть насъ на вострѣчу нашей цѣли.

Итакъ, сегодня «Fram» минуло два года. За обѣдомъ я сказалъ, что годъ тому назадъ въ этотъ день мы всѣ, единогласно, были убѣждены въ томъ, что «Fram» — хорошее судно; сегодня же мы имѣемъ еще большія основанія думать это, такъ какъ «Fram» подвигается впередъ, хотя и не съ очень большою скоростью, но на немъ мы чувствуемъ себя въ полной безопасности. Поэтому мы выпили за здоровье «Fram».

Я сказалъ немного. Еслибъ я высказалъ все, что у меня лежало на сердцѣ, то моя рѣчь не была бы такъ одержанна, такъ какъ мы, по правдѣ, всѣ любимъ наше судно настолько сильно, насколько только можно любить неодушевленный предметъ.

Да и почему бы намъ не любить его? Ни одна мать не можетъ доставить своимъ дѣтенышамъ болѣе теплое и безопасное убѣжище, и мы, дѣйствительно, чувствуемъ себя на суднѣ точно дома. Мы всѣ бываемъ очень рады, когда возвращаемся къ судну послѣ прогулки по льду, и мое сердце зачастую начинало сильнее биться, какъ только издали показывались мачты «Fram», возвышавшіяся надъ неизмѣннымъ снѣжнымъ покровомъ.

Въ тихія ночи я часто съ благодарностью думаю о строителѣ нашего судна. Я убѣжденъ, что тамъ, далеко у себя дома, онъ также часто думаетъ о насъ, хотя онъ и не знаетъ, гдѣ его мысли должны искать «Fram» среди огромной бѣлой пустыни вокругъ полюса. Но онъ знаетъ свое дѣтище, и если бы даже всѣ другіе перестали въ него вѣрить, онъ всетаки одинъ останется при своемъ убѣжденіи, что судно выдержитъ. Да, Коленъ Арчеръ, если бы ты насъ могъ видѣть теперь, то ты бы убѣдился, что твое довѣріе не напрасно!

Я сижу одинъ въ своей каютѣ, и мои мысли уносятся назадъ, къ истекшимъ двумъ годамъ.

Какой демонъ заставляетъ насъ постоянно заблуждаться и толкаетъ насъ на такіе пути, которые мы не сами избрали и по которымъ не желаемъ слѣдовать? Было-ли это чувство долга, которое меня побуждало тогда? О нѣтъ! Я былъ просто ребенокъ, жаждавшій приключеній въ неизвѣстныхъ странахъ, ребенокъ, который такъ долго мечталъ объ этомъ, что въ концѣ концовъ ему представилось, что онъ, дѣйствительно, нашелъ то, чего искалъ.

Мои удѣломъ, въ самомъ дѣлѣ, должны были быть похождения въ области вѣчнаго льда: эта безмолвная звѣздная полярная ночь, это величіе природы, безконечная глубина и спокойствіе, скрывающія тайну жизни, непрестанный круговоротъ вселенной и торжество смерти, не вѣдающей ни бѣдствій, ни страданій. Здѣсь, среди этой великой ночи, ты стоишь лицомъ къ лицу съ природой, со всѣмъ своимъ неприкрытымъ невѣжествомъ, стоишь и смотришь съ благоговѣніемъ на подможкіе вѣчности, прислушиваясь къ голосу природы и научаясь познавать Бога, центра вселенной. Всѣ загадки жизни кажутся тебѣ ясными, и ты самъ насмѣхаешься надъ собой, что могъ ломать себѣ голову надъ ихъ разгадкой; все

кажется тебѣ такъ ничтожно, такъ невыразимо ничтожно... Тотъ, кто узрѣть Іегову—долженъ умереть!

Воскресенье, 4-го ноября. Въ полдень я отправился на лыжахъ и взялъ съ собою собакъ. Вскорѣ я услышалъ, что оставшіяся на суднѣ подняли лай, а тѣ, которые были со мной, насторожили уши и многія изъ нихъ, въ томъ числѣ «Уленка», убѣжали назадъ. Другія остались стоять и оглядывались назадъ, не пойдутъ-ли я за ними. Подождавъ, не покажется-ли медвѣдь, я продолжалъ путь далѣе, но меня всетаки разбирало любопытство, такъ что, въ концѣ концовъ, я не могъ выдержать и повернулъ домой; собаки же побѣжали впереди меня, какъ безумныя.

Приблизившись къ судну, я увидалъ, что люди бѣгутъ съ ружьями; это были: Свердрупъ, Іогансенъ, Могштадъ и Гендриксенъ, значительно опередившіе меня, такъ какъ мнѣ пришлось отправиться за ружьемъ и тогда уже идти за ними. Вдругъ въ темнотѣ раздался залпъ, за которымъ послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ, одинъ за другимъ, точно настоящая перестрѣлка. Что бы это такое могло быть? Люди стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ и стрѣляли, не переставая. Почему они не подходили ближе! Я торопился, полагая, что тутъ-то я и буду полезенъ, чтобы на лыжахъ преслѣдовать звѣря. Затѣмъ я увидалъ, что люди сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, и въ темнотѣ снова сверкнулъ выстрѣлъ, за которымъ послѣдовали другіе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ бросился на ледъ и выстрѣлилъ какъ разъ подъ собою внизъ, между тѣмъ, какъ другой присѣлъ и выстрѣлилъ по направленію къ востоку. Пробовали-ли они свои ружья? Только странное они для этого выбрали время, да и стрѣляли черезчуръ уже много!

Между тѣмъ, собаки бѣгали съ бѣшенымъ лаемъ кругомъ, по льду, и собирались отдѣльными группами. Когда я, наконецъ, добрался до нихъ, то увидалъ трехъ медвѣдей въ различныхъ мѣстахъ на льду: медвѣдицу и двухъ медвѣжатъ, на которыхъ напали собаки и яростно кусали ихъ и рвали за горло, за лапы и хвосты. Особенно «Уленка» была вѣдъ себя; она повисла на горлѣ у одного изъ медвѣжатъ, и ее съ трудомъ можно было оторвать отъ него.

Медвѣди спокойно удалились отъ собакъ, не осмѣливавшихся приблизиться къ нимъ, пока старая медвѣдица не упала раненая. Поступки звѣрей должны были возбудить подозрѣніе, и казалось, будто медвѣдица дѣйствуетъ по заранѣе обдуманному плану, со злымъ намѣреніемъ, которое она не замедлила бы привести въ исполненіе, еслибъ только ей удалось приблизить къ себѣ собакъ и удержать ихъ. Она внезапно остановилась, пустила медвѣжатъ впередъ, пофыркала носомъ и затѣмъ повернулась къ собакамъ, которыя, точно по командѣ, вдругъ бросились бѣжать назадъ. Тогда-то раздался первый выстрѣлъ, свалившій медвѣдицу, на которую тотчасъ же набросились собаки. За нею послѣдовалъ одинъ изъ ея медвѣжатъ, тогда какъ другой убѣжалъ, преслѣдуемый тремя соба-

ками, въ то время какъ по немъ стрѣляли. Но собаки скоро настигли его и стали его рвать; такъ что Могштадъ долженъ былъ отогнать собакъ, прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя.

Это была настоящая бойня, но для насъ она была очень полезна, такъ какъ именно въ этотъ день, за обѣдомъ, намъ былъ поданъ пуддингъ изъ медвѣжьего мяса, сдѣланный изъ остатковъ послѣдняго убитаго нами звѣря. Оба медвѣжонка доставили намъ превосходное рождественское жаркое.

По всей вѣроятности, это были тѣ самые медвѣди, слѣды которыхъ мы уже раньше видѣли. Свердрупъ и я, мы прослѣдили въ прошломъ октябрѣ слѣды трехъ звѣрей, но они терялись къ сѣверо-западу отъ судна. Должно быть, звѣри вернулись теперь отсюда.

Въ то время, какъ другіе стрѣляли, Педеръ опять не могъ справиться со своимъ ружьемъ, которое онъ, по обыкновенію, слишкомъ напихалъ вазелиномъ. Онъ кричалъ другимъ: «Стрѣляйте же, стрѣляйте! Мое ружье не дѣйствуетъ!» Когда же я рассмотрѣлъ потомъ ружье, которое онъ захватилъ съ собою, то увидалъ, что въ немъ не было патроновъ. Хорошо бы онъ былъ съ этимъ ружьемъ, еслибъ очутился одинъ на одинъ съ медвѣдицей!

Понедѣльникъ, 5-го ноября. Сидя вчера вечеромъ за работой, я услышалъ, что одна изъ собакъ на палубѣ страшно воетъ. Я поспѣшилъ туда и увидалъ, что это былъ щенокъ, вздумавшій лизнуть желѣзную балку и примерзшій къ ней языкомъ. Бѣдное животное употребляло невѣроятныя усилія, чтобы освободиться и вытягивало языкъ, что есть мочи, издавая при этомъ отчаянный вой. Бентинъ, стоявшій на вахтѣ, прибѣжалъ еще раньше, но не зналъ, что дѣлать, и только держалъ собаку за затылокъ, не давая ей вытягивать языкъ. Я согрѣлъ рукою желѣзо, и тогда языкъ самъ собою отделился. Бѣдное маленькое животное не знало, какъ выразить свою радость и благодарность своему избавителю, и лизало своимъ окровавленнымъ языкомъ руки Бентину. Конечно, пройдетъ всетаки нѣкоторое время, прежде чѣмъ эта собака опять попадется подобнымъ же образомъ, но, тѣмъ не менѣе, такіа случайности бывають часто.

Воскресенье, 11-го ноября. Я продолжаю изъ дня въ день свои занятія и въ тоже время все болѣе погружаюсь въ размышленія о неразрѣшимыхъ вопросахъ, окруженныхъ тайной и приковывающихъ мои мысли. Но къ чему бесполезно вращаться въ кругу этихъ вопросовъ? Не лучше-ли выйти наверхъ въ зимнюю ночь? Луна, огромная и желтая, спокойно плыветъ въ небесахъ, и звѣзды сверкаютъ свѣзозъ синѣющую пыль... Почему бы мнѣ не погрузиться въ зимній сонъ и грезить о лѣтѣ?

Ужъ нѣтъ! Вѣтеръ слишкомъ рѣзко свищетъ надъ снѣжною равниной; 33 градуса мороза. Лѣто, со своими цвѣтами, далеко, далеко! Я бы отдалъ годъ моей жизни, чтобы имѣть возможность

схватить эти цвѣты; они мнѣ кажутся такими далекими, какъ будто я уже никогда къ нимъ не вернусь.

Каждый день и каждую ночь сверкаетъ на небѣ сѣверное сіяніе, неизмѣнно красивое и вѣчно мѣняющееся. Въ немъ какъ будто заключается забвеніе и надежда. Оно напоминаетъ человѣческую душу, съ ея постоянными стремленіями. Неутомимое, какъ и человѣческая душа, она охватываетъ все небо, заливая его блестящими волнами свѣта и превосходя своею красотой, въ этой дикой игрѣ лучей, даже красоту утренней зари. Но тщетно кружатся лучи свѣта въ пустомъ пространствѣ; ничто не возвышаетъ приближенія дня! Морякъ направляетъ свой курсъ по звѣздамъ. О, если бы ты, сѣверное сіяніе, могло собрать свои лучи и указало бы дорогу заблудившемуся путнику!

Но продолжай свой танецъ и дозвожь мнѣ любоваться тобой, да послуживъ ты мостомъ между настоящимъ и будущимъ и дашь мнѣ возможность унести въ мечтахъ въ это далекое, далекое будущее!

О, таинственное сіяніе! Откуда ты явилось и что ты такое? Но къ чему эти вопросы? Развѣ мало того, что я могу восхищаться твоею красотой? Къ чему доискиваться сущности вещей, да и можемъ-ли мы, въ лучшемъ случаѣ, въ дѣйствительности узнать то, что скрывается подъ ихъ наружностью? Что пользы въ томъ, что мы въ состояніи сказать, что сѣверное сіяніе—это явленіе электричества или электрической токъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, и можемъ разъяснить съ мельчайшими подробностями, какъ оно возникаетъ? Вѣдь это только слова! Мы столько же знаемъ, что такое электрической токъ, сколько знаемъ, что такое сѣверное сіяніе, почему счастливо дитя!... Со всѣми своими взглядами и теоріями мы ни на волосокъ не приблизились къ истинѣ больше, чѣмъ оно!

Вторникъ, 13-го ноября.—38° С. Ледъ сдвигается во многихъ направленіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось холоднѣе, и шумъ становится слышимѣе. Онъ доносится издали; это странный шумъ, наводящій ужасъ на каждого, кто не знаетъ его происхожденія.

Прекрасная прогулка на лыжахъ при лунномъ свѣтѣ.

Неужели жизнь—это юдоль слезъ? Развѣ можно жаловаться на судьбу, когда, окруженный собаками, мчишься въ такую ночь, точно вѣтеръ по безпредѣльной ледяной равнинѣ? Лыжи такъ скользятъ по ледяной поверхности, что почти не чувствуешь, какъ онѣ прикасаются къ землѣ, а на верху такъ ярко блестятъ звѣзды на небѣ. Это, даже больше, чѣмъ мы имѣемъ право требовать отъ жизни, это сказка изъ другого міра или изъ будущей жизни!

А возвращеніе назадъ, въ уютную рабочую комнату? Въ печѣ разведенъ огонь, лампа зажжена; набиваешь трубку и карабкаешься на софу, чтобы, предаться мечтамъ въ облакахъ дыма—развѣ это можно назвать страданіемъ?

Я ловилъ себя на этихъ мысляхъ, когда просиживалъ цѣлыми

часами, смотря на огонь и уносясь мечтами въ даль—хорошій способъ проводить время съ пользою! Но, по крайней мѣрѣ, время при этомъ проходить не замѣтно, пока, наконецъ, дѣйствительность не вступитъ въ свои права. Мечты разлетаются, какъ отъ дуновения ледяного вѣтра, и я возвращаюсь въ ледяную пустыню и снова нервно принимаюсь за работу.

Среда, 14-го ноября. Какъ удивительны эти поѣздки на лыжахъ среди безмолвной природы! Залитые серебряннымъ луннымъ свѣтомъ ледяныя поля простираются по вѣмъ направленіямъ; тамъ и сямъ видѣются темныя, холодныя тѣни ледяныхъ холмовъ, бока которыхъ слабо отражаютъ сумеречный свѣтъ. Въ отдаленіи видна темная линія горизонта, образуемаго одвинувшимся льдомъ, надъ которымъ носится точно серебряный туманъ, и надъ вѣмъ этимъ разстилается безграничный, темноглубой, усыпанный звѣздами оводъ небесъ, по которому плыветъ полная луна.

На югѣ, глубоко внизу, на горизонтѣ еще видѣтъ дневной свѣтъ, какое-то слабое мерцаніе темнаго, пламенно-краснаго оттѣнка, переходящее вверху въ свѣтло-желтую и блѣдно-зеленую дугу, теряющуюся затѣмъ въ синевѣ небесъ. Все вмѣстѣ сливается, образуя какъ бы настоящую гармонію, не поддающуюся описанію, и единственную въ своемъ родѣ. Временами, однако, у меня является сильное желаніе передать въ музыкѣ эту гармонію природы. Но какими могущественными и въ тоже время простыми аккордами можно было бы передать ея красоту?

Тихо кругомъ, о, какъ тихо! Слышны колебанія собственныхъ нервовъ, и мнѣ кажется, что я мчусь все дальше и дальше по этой безпредѣльной равнинѣ,—въ безконечность!

Развѣ это не есть изображеніе того, что должно быть? Тутъ вѣчность и миръ. Нирвана должна быть именно такъ же холодна и прозрачна, какъ эта вѣчная звѣздная ночь. Что значить всѣ наши изслѣдованія и все наше знаніе передъ этой безконечностью?

Пятница, 16-го ноября. Передъ обѣдомъ мы съ Свердрупомъ отправились при лунномъ свѣтѣ на лыжахъ. Мы серьезно бесѣдовали о шансахъ нашего плаванія и о проектированной мною экспедиціи на сѣверъ весной. Вечеромъ, сойдясь въ каютѣ, мы обсудили это дѣло еще болѣе подробно, я высказалъ ему свои взгляды, къ которымъ онъ вполне присоединился.

Я очень много думаю о томъ въ послѣднее время, какой курсъ намъ надо будетъ избрать въ томъ случаѣ, если бы мы не подвинулись къ сѣверу такъ далеко, какъ я ожидаю. Но чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что дѣло это возможно. Вѣдь, если я считаю возможнымъ отправиться въ томъ случаѣ, если мы будемъ находиться подъ 85°, то почему же нельзя отправиться съ 82° или 83°? Въ обоихъ случаяхъ мы проникаемъ въ болѣе сѣверныя области, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ, но,

конечно, было бы желательнѣе, чтобы «Fram» какъ можно далѣе прошелъ на сѣверѣ.

Если мы не достигнемъ самаго полюса, то должны будемъ обойти его кругомъ, прежде чѣмъ зайдемъ такъ далеко. Но я нѣсколько разъ уже говорилъ, что суть заключается не въ томъ, чтобы достигнуть извѣстной математической точки, а въ томъ, чтобы изслѣдовать неизвѣстныя области полярнаго моря, будутъ-ли онѣ находиться ближе или дальше отъ полюса. Я высказывалъ это еще до нашего отъѣзда и долженъ постоянно помнить объ этомъ.

Конечно, во время дальнѣйшаго плаванія судна, можно произвести много важныхъ наблюдений. Нѣкоторые изъ этихъ наблюдений я бы охотно самъ сдѣлалъ, но важнѣйшія наблюдения будутъ сдѣланы хорошо даже и въ такомъ случаѣ, если два человека покинутъ судно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что произведенныя далѣе къ сѣверу наблюдения превзойдутъ въ значительной степени тѣ, которыя будутъ сдѣланы мною въ промежутокъ времени, остающійся до моего отъѣзда. Такимъ образомъ, все говорить въ пользу того, чтобы я отправился.

Затѣмъ является вопросъ: какое время лучше для моего плана? Что весна, и самое позднее—мартъ мѣсяцъ—лучшее время года для такого предпріятія, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія; но должны-ли мы отправиться будущею весной?

Если мы возьмемъ худшій случай, т. е., если мы не подвинемся далѣе 83° сѣв. широты и 110° восточной долготы, то, пожалуй, тогда кое-что будетъ говорить въ пользу того, чтобы мы отложили до весны 1896 года. Но я не могу отрѣшиться отъ мысли, что мы, такимъ образомъ, упустимъ благоприятный моментъ, который, судя по всѣмъ вѣроятіямъ, представляется намъ. Не можетъ быть, чтобы мы двигались до такой степени медленно, чтобы даже по простетиву года не былъ пройденъ тотъ пунктъ, откуда уже можно предпринять санную экспедицію.

Если измѣрить циркулемъ разстояніе, которое мы прошли съ ноября прошлаго года, и проложить это разстояніе еще разъ на картѣ, то окажется, что въ будущемъ ноябрѣ мы должны находиться сѣвернѣе земли Францъ-Иосифа и нѣсколько надъ нею. Конечно, тутъ предполагается, что мы въ февралѣ 1896 года будемъ находиться не дальше, чѣмъ теперь, но, судя по всему, болѣе вѣроятно, что наше движеніе въ цѣломъ, когда мы подвинемся къ западу, еще ускорится, а не уменьшится, и, вслѣдствіе этого, мы въ февралѣ 1896 года достигнемъ еще болѣе отдаленнаго пункта. Во всякомъ случаѣ, если бы даже можно было помышлять о лучшемъ исходномъ пунктѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ «Fram» будетъ, по всей вѣроятности, находиться 1-го марта 1896 года, то, все же, и такой пунктъ вполне достигимъ. Всего лучше, однако, было бы не откладывать до слѣдующей весны.

Привожу здѣсь наши шансы на успѣхъ: разстояніе отъ пред-

полагаемого исходного пункта до мыса Флигели въ ближайшей извѣстной мѣстности я считаю приблизительно въ 600 километровъ *), следовательно, не больше, чѣмъ то разстояніе, которое я прошелъ въ Гренландіи. Пройти такое разстояніе по этому льду, даже если дорога нѣсколько ухудшится, по направленію къ берегу не особенно трудно. Когда берегъ будетъ достигнутъ, то благоразумному человѣку, вѣроятно, будетъ не трудно добыть себѣ пропитаніе охотой за мелкой и крупной дичью. Мы можемъ также повернуть къ мысу Флигели или къ лежащей сѣвернѣе странѣ Петермана въ случаѣ, если положеніе наше сдѣлается труднымъ. Само собою разумѣется, что разстояніе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ далѣе мы подвинемся къ сѣверу, но ни на одномъ пунктѣ между полюсомъ и теперешнимъ мѣстоположеніемъ разстояніе это не можетъ быть настолько велико, чтобы его нельзя было пройти съ помощью собакъ. Такимъ образомъ, ототупленіе обезпечено, хотя, безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые будутъ утверждать, что это такой пустынный берегъ, гдѣ трудно будетъ отыскать пищу, и поэтому онъ представитъ плохое убѣжище для голодныхъ. Но, на самомъ дѣлѣ, въ этомъ заключается даже нѣкоторая выгода, такъ какъ совсѣмъ не нужно, чтобы такое пристанище обладало особенною привлекательностью. Для людей, желающихъ пробраться впередъ, удобное пристанище можетъ принести даже нѣкоторый вредъ, заставляя ихъ постоянно оглядываться назадъ, между тѣмъ, какъ они должны обращать свои взоры только впередъ.

Теперь объ экспедиціи. Она будетъ состоять изъ 28 собакъ, двухъ человѣкъ и 1050 килограммъ провіанта и др. запасовъ. Разстояніе отъ 83° до полюса составляетъ 420 морскихъ миль (780 километровъ); я предполагаю, что мы можемъ пройти это разстояніе въ 50 дней, развѣ это много?

Я, конечно, не знаю, какъ велика выносливость собакъ, но полагаю, что хорошія собаки, съ помощью двухъ человѣкъ, въ состояніи въ первые дни пробѣгать ежедневно 8¼ морскихъ миль (15 километровъ), вези грузъ въ 37¼ килограммъ. Врядъ-ли такой расчетъ можно назвать легкомысленнымъ, причѣмъ, конечно, я имѣю въ виду, что состояніе льда будетъ такое же, какъ здѣсь. У насъ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что будетъ иначе. На самомъ дѣлѣ даже, чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ ледъ становится лучше, и притомъ съ приближеніемъ весны онъ также улучшается.

Итакъ, черезъ 50 дней мы должны достигнуть полюса. (Въ Гренландіи, на внутреннемъ льду и на высотѣ, болѣе чѣмъ 2500

*) Тутъ должна быть въ моемъ дневникѣ ошибка, такъ какъ разстояніе отъ предполагаемаго пункта 83° сѣв. широты и 110° восточной долготы до мыса Флигели равняется полнымъ 750 километрамъ. Вѣроятно, при вычисленіи этого разстоянія я взялъ долготу 100° вмѣсто 110°.

метровъ, безъ собакъ и съ недостаточнымъ количествомъ провіанта, мы прошли 300 морскихъ миль (550 километровъ) въ 65 дней и, вѣроятно, могли бы пройти гораздо дальше.

Въ 50 дней, считая въ день на каждую собаку по полкилограмма пеммикана, мы израсходуемъ 700 килограммъ. Далѣе, если мы положимъ по 1 килограмму провіанта на каждого человѣка, то это составитъ 100 килограммъ. Но такъ какъ въ это время будетъ также расходоваться горючій матеріалъ, то грузъ, рассчитанный на каждыя сани, уменьшится такимъ образомъ не менѣе, какъ на 250 килограммъ. Но такой грузъ ничего не составляетъ для 26 собакъ, которыя будутъ лѣтѣть, какъ вѣтеръ, и пробѣгутъ это разстояніе даже менѣе, чѣмъ въ 50 дней. Впрочемъ, надо всетаки положить не менѣе 50 дней. Если все пойдетъ хорошо, то мы направимъ нашъ курсъ къ семи островамъ, на сѣверъ отъ Шпицбергена, что составляетъ разстояніе въ 9° или 540 морскихъ миль (1000 километровъ). Но если обстоятельства намъ не будутъ особенно благопріятствовать, то будетъ вѣрнѣе отправиться къ мысу Флигели или же повернуть къ лежащимъ сѣвернѣе странамъ. Предположимъ, что мы рѣшаемся именно на этотъ путь. Мы выступаемъ 1-го марта (если обстоятельства будутъ благопріятствовать, то выйдемъ и раньше) и 30-го апрѣля будемъ уже на полюсѣ. У насъ тогда останется еще 100 килограммъ провіанта, достаточныхъ для остальныхъ 50 дней, но для собакъ у насъ уже не останется ничего*). Намъ придется тогда убить нѣкоторыхъ изъ нихъ, ради-ли пропитанія остальныхъ, или ради собственной пользы въ случаѣ, если намъ придется удѣлять имъ изъ собственныхъ запасовъ. Но даже если мои цифры слишкомъ низки, то всетаки можно предположить, что къ тому времени, когда 23 собаки будутъ убиты, мы уже будемъ находиться въ пути 41 день, и у насъ останется еще пять собакъ.

Но какъ далеко къ югу мы можемъ дойти тогда? Грузъ въ началѣ долженъ составлять меньше 250 килограммъ, т. е. каждой собакѣ придется тащить не полныхъ девять килограммъ. Спустя 41 день, этотъ грузъ долженъ уменьшиться, по крайней мѣрѣ, на 140 килограммъ вслѣдствіе расходованія провіанта и горючаго матеріала, также какъ и вслѣдствіе того, что нѣкоторые предметы, какъ, наприкладъ, палатка, спальные мѣшки и т. п., можно будетъ бросить, какъ лишніе. На каждую изъ пяти оставшихся собакъ придется тогда по 28 килограммъ груза, если только мы сами не будемъ ничего тащить. Но, въ случаѣ нужды, мы можемъ еще болѣе сократить свое вооруженіе. Съ грузомъ въ 9—18 килограммъ собаки въ состояніи будутъ ежедневно пробѣгать разстояніе въ 12 морскихъ миль (22 километра) даже въ томъ случаѣ, если снѣжная поверхность будетъ нѣсколько затруднительна для движенія.

*) Во время экспедиціи собаки должны были также довольствоваться гораздо меньшей ежедневной порціей, приблизительно въ 300—350 граммъ, не болѣе.

Итакъ, къ 1-му іюня мы должны пройти 492 морскихъ мили (913 километровъ) къ югу или 12 морскихъ миль (22 километра) черезъ мысъ Флигели, имѣя еще пять собакъ и провіанта на 9 дней.

Но, прежде всего, очень вѣроятно, что мы гораздо раньше достигнемъ земли, такъ такъ австрійцы уже въ первой половинѣ апрѣля находили у мыса Флигели открытые озера и птицъ въ изобиліи. Поэтому мы въ маѣ и іюнѣ не будемъ испытывать никакихъ затрудненій въ отношеніи жизненныхъ припасовъ, и, кромѣ того, трудно всетаки допустить, чтобы мы до тѣхъ поръ не встрѣтили ни одного медвѣдя, или тюленя, или какую-нибудь заблудившуюся птицу. Что намъ не угрожаютъ особенныя опасности, въ этомъ я увѣренъ, и мы можемъ выбирать любой путь: или вдоль сѣверо-западнаго берега земли Францъ-Іосифа къ сѣверо-восточному берегу или Шницбергену—я бы рѣшительно избралъ этотъ путь, если обстоятельства сложатся благоприятнымъ образомъ—или къ югу, черезъ австрійскій зундъ къ южному берегу земли Францъ-Іосифа и оттуда къ Новой Землѣ или Шницбергену, причемъ послѣднему я отдаю предпочтеніе. Само собою разумѣется, мы можемъ встрѣтить анисчанъ на землѣ Францъ-Іосифа, но всетаки не должны на это непременно разсчитывать.

Таковы мои соображенія. Составилъ-ли я ихъ легкомысленнымъ образомъ? Не думаю.

Единственнымъ неблагоприятнымъ обстоятельствомъ можетъ быть то, что мы въ концѣ пути въ маѣ найдемъ поверхность льда въ томъ видѣ, въ какомъ она была прошлою весной въ маѣ, и; слѣдовательно, произойдетъ задержка, но это можетъ случиться лишь въ самомъ концѣ рассчитаннаго нами времени и притомъ всетаки ледъ не можетъ быть совершенно непроходимъ. Затѣмъ было бы также удивительно, еслибъ намъ не удалось, при среднемъ грузѣ въ 15—20 килограммъ на каждую собаку, проходить ежедневно въ теченіе всего путешествія, въ среднемъ, разстояніе въ двѣ морскихъ мили ($3\frac{1}{2}$ километра)—больше намъ не нужно!

Но еслибы наши расчеты всетаки оказались невѣрными, то мы можемъ, вѣдь, во всякое время вернуться назадъ.

Посмотримъ, какія непредвидѣнныя затрудненія могутъ намъ представиться?

1) Ледъ можетъ оказаться труднѣе проходимымъ, чѣмъ мы предполагаемъ.

2) Мы можемъ наткнуться на землю.

3) Собаки могутъ измѣнить намъ, могутъ заболѣть или замерзнуть.

4) Мы сами можемъ захворать цынгой.

Что ледъ даже къ сѣверу труднѣе проходимъ—это, конечно, возможно, но мало вѣроятно.

Я не вижу никакихъ основаній къ тому, чтобы ледъ былъ хуже къ сѣверу, даже если тамъ и находится неизвѣстная земля.

Но еслибы и такъ, то мы должны приспособиться къ обстоятельствамъ: ледъ не можетъ быть совершенно непроходимъ. Даже Маркгамъ могъ двигаться впередъ со своими людьми, заболѣвшими цынгой. Берега этого неизвѣстнаго материка могутъ быть даже удобны для дальнѣйшаго движенія, все будетъ зависеть отъ ихъ направленія и протяженія. Но трудно сказать что-нибудь впередъ по этому поводу, хотя, по моему мнѣнью, глубина моря и движеніе льда дѣлаютъ совершенно невѣроятнымъ присутствіе какого бы то ни было значительнаго материка по близости.

Какъ бы тамъ ни было, въ томъ или другомъ мѣстѣ должны всетаки находиться проходъ для льда, которыми и мы можемъ воспользоваться въ худшемъ случаѣ.

Третій случай, что собаки могутъ измѣнить намъ, всегда возможенъ. Однако я вовсе не взваливалъ на нихъ чрезмѣрной работы. Впрочемъ, трудно допустить, чтобы всѣ собаки сразу сдѣлались негодными, а если нѣкоторыя изъ нихъ и окажутся такими, то это еще не бѣда. При той пищѣ, которую онѣ получали у насъ до сихъ поръ, собаки наши благополучно пережили зиму и переносили морозъ, а въ дорогѣ онѣ будутъ получать еще лучшую пищу. Притомъ же, въ своихъ вычисленіяхъ, я совершенно не принялъ въ разсчетъ того, что мы сами могли бы тащить. Даже еслибы всѣ собаки оставили насъ, то всетаки мы и одни могли бы отлично справиться.

Самое худшее было бы, конечно, еслибы мы сами захворали скорбутомъ и такой случай, не смотря на прекрасное состояніе нашего здоровья, мы должны имѣть въ виду. Припомнимъ только, какъ переболѣли цынгой всѣ люди англійской полярной экспедиціи, за исключеніемъ офицеровъ, когда весною они отправились въ саняхъ, хотя въ то время, когда они находились на судахъ, у нихъ не было ни малѣйшихъ признаковъ этой болѣзни. Однако я всетаки нахожу, что насколько это насъ касается, такой случай очень трудно допустить. Во-первыхъ, вышеупомянутая англійская экспедиція была особенно несчастна, и врядъ-ли на долю какой-нибудь другой экспедиціи выпадали когда-либо подобныя же тяжелыя испытанія. Насколько мнѣ извѣстно, во время отступленія экипажа «Жаннеты», никто изъ людей не захворалъ цынгой; Пиря и Аструпъ также не хворали этою болѣзнію.

Наши запасы, безъ сомнѣнія, выбраны съ большою тщательностью и болѣе разнообразны, чѣмъ запасы прежнихъ экспедицій, изъ которыхъ ни одна не пользовалась такимъ превосходнымъ здоровьемемъ, какъ наша; я поэтому не думаю, чтобы мы могли захватить съ собой зародыши цынги, покидая «Fram». Что же касается провіанта для санной экспедиціи, то я уже позаботился объ томъ, чтобы такая пища не могла дать поводъ къ заболѣванію цынгой. Само собою разумѣется, что мы всетаки подвергаемся нѣкоторому риску, но, по моему мнѣнью, я принялъ всѣ мѣры пре-

досторожности, и если бы даже случилось что-нибудь, то всетаки намъ долгъ идти впередъ.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, который я долженъ принять во вниманіе.

Имѣю-ли я право лишать судно и остающихся на немъ вспомогательныхъ средствъ, которые нужны экспедиціи? Отсутствіе двухъ человѣкъ на суднѣ не имѣетъ значенія, такъ какъ «Fram» можетъ отлично маневрировать, имѣя только 11 человѣкъ экипажа. Гораздо важнѣе то, что мы должны будемъ взять съ собой всѣхъ собакъ, за исключеніемъ семи щенковъ. Но на суднѣ имѣются всѣ запасы и вооруженіе для санной экспедиціи, и поэтому немислимо, чтобы экипажъ судна не могъ при такихъ условіяхъ достигнуть земли Францъ-Иосифа или Шницбергена въ случаѣ, если съ «Fram» произойдетъ какое либо несчастіе. Мало вѣроятно также, что бы необходимость покинуть судно явилась раньше, чѣмъ будетъ достигнуто 83° широты—по крайней мѣрѣ, я этого не думаю.

Но предположимъ даже, что экипажу придется оставить судно на 85°, то это произойдетъ, вѣроятно, къ сѣверу отъ земли Францъ-Иосифа, такъ что экипажъ судна будетъ находиться приблизительно въ 180 морскихъ миляхъ (334 километрахъ) отъ мыса Флигели. Если же произойдетъ это восточнѣе, то онъ будетъ находиться въ 240 морскихъ миляхъ (445 километрахъ) отъ Семи острововъ и трудно допустить, чтобы при такомъ вооруженіи, какъ наше, экипажъ судна не могъ бы пройти подобное разстояніе.

Я теперь, какъ и прежде, продолжаю думать, что «Fram», по всѣмъ вѣроятіямъ, пройдетъ черезъ полярный бассейнъ на другую сторону и не будетъ никогда задержанъ или раздавленъ льдами. Но еслибы даже произошло такое несчастіе, то все же я не вижу причинъ, почему бы экипажъ судна не могъ совершить обратный путь, конечно, если будутъ приняты всѣ нужныя предосторожности.

Я полагаю, что на основаніи всего сказаннаго, я могу взять на себя ответственность за организацію санной экспедиціи, которая оставитъ «Fram» и такъ какъ эта экспедиція обѣщаетъ хорошіе результаты, то надо попытаться во всякомъ случаѣ.

VIII.

Приготовленія къ путешествію въ саняхъ.

Кто же изъ насъ, однако, долженъ принять участіе въ задуманномъ путешествіи? Свердрупъ и я, мы уже раньше пробовали свои силы въ этомъ направленіи и, конечно, справились бы и съ этой задачей, но мы не можемъ вмѣстѣ оставить «Fram»—это понятно само собой. Одинъ изъ насъ долженъ остаться и взять на себя обязательство довести благополучно домой всѣхъ остальныхъ. Но несомнѣнно было также, что именно кто-нибудь изъ насъ двухъ долженъ былъ ру-

ководить экспедиціей, такъ какъ только мы обладали нужнымъ для этого опытомъ. Свердрупъ очень охотно отправился бы со мною, но я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что покинуть судно опасно, чѣмъ остаться на немъ. Предоставивъ Свердрупу отправиться и самъ оставшись на суднѣ, я бы возложилъ на него гораздо болѣе опасную задачу и себя оставилъ бы болѣе легкую. Еслибы онъ погибъ, то развѣ я бы могъ когда либо простить себя, что отпустилъ его, хотя и по его желанію? Положимъ, онъ старше меня на девять лѣтъ, но всетаки въ данномъ случаѣ я бы взялъ на себя очень тяжелую отвѣтственность. Что касается того, кто изъ насъ можетъ лучше справиться съ задачей и благополучно доставить домой нашихъ товарищей, то я увѣренъ, что мы оба одинаково пользуемся ихъ довѣріемъ, и каждый изъ насъ въ состояніи выполнить эту задачу даже и въ томъ случаѣ, еслибы пришлось возвращаться безъ судна. Съ другой стороны, впрочемъ, надо принять во вниманіе то, что судно до сихъ поръ велъ Свердрупъ, на мнѣ лежало только общее руководство всею экспедиціей и, главнымъ образомъ, научными наблюденіями; поэтому я полагаю, что моя прямая обязанность взять на себя ту часть задачи, съ которою сопряжены наиболѣе важныя открытія; остающіеся же на суднѣ будутъ продолжать дѣлать наблюденія, какъ и прежде. Изъ всего этого слѣдуетъ, что мой долгъ—отправиться, а Свердрупъ долженъ остаться на суднѣ. Онъ самъ также считаетъ это болѣе благоразумнымъ.

Я выбралъ своимъ спутникомъ Йогансена, который во всѣхъ отношеніяхъ подходитъ для этой задачи. Онъ превосходно бѣгаетъ на лыжахъ и въ отношеніи выносливости мало кто можетъ съ нимъ сравниться; онъ—великодушный образецъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и умственномъ отношеніи. Я еще не спрашивалъ его, хочетъ-ли онъ отправиться со мною, но думаю одѣлать это на дняхъ, чтобы онъ имѣлъ время приготовиться.

Блессингъ и Скоттъ Гансенъ также очень охотно отправились бы со мною, но Скоттъ Гансенъ долженъ остаться, чтобы продолжать наблюденія, а Блессингъ не можетъ, какъ врачъ, оставить свой постъ. Многие другіе также годились бы для экспедиціи и, навѣрное, тотчасъ же оогласились бы принять въ ней участіе.

Такимъ образомъ, экспедиція на сѣверъ составляетъ покуда рѣшенный вопросъ, но я хочу всетаки посмотреть, что принесетъ намъ зима. Лучше всего, конечно, было бы отправиться въ февралѣ, если бы только было достаточно свѣтло.

Воскресенье, 18-го ноября. Мнѣ кажется, что я еще не могу вполне освоиться съ мыслью, что уже черезъ три мѣсяца я покину судно. Иногда я ловлю себя на чудныхъ мечтахъ о возвращеніи домой послѣ трудной работы и побѣды, и когда мнѣ все-такъ ясно и свѣтло; но затѣмъ являются сомнѣнія, мысли о неизвѣстности и о тѣхъ разочарованіяхъ, которыя намъ можетъ готовить будущее, и тогда мечты блѣднѣютъ и меркнутъ, точно сѣверное сіяніе.

О, эти вѣчные приступы холоднаго сомнѣнія! Передъ каждымъ окончательнымъ рѣшеніемъ непремѣнно ставится вопросъ о жизни и смерти? Не рискуемъ-ли мы слишкомъ многимъ и не выиграемъ-ли мы слишкомъ мало? Но, во всякомъ случаѣ, мы гораздо больше можемъ выиграть тамъ, нежели здѣсь. Развѣ это не мой долгъ? Кромѣ того, есть только одинъ человекъ, передъ которымъ ячитаю себя отвѣтственнымъ и этотъ человекъ... Я вернусь, я это знаю, чувствую. Когда розы снова зацвѣтутъ... «Будь вѣрна до смерти, и я дамъ тебѣ вѣнецъ жизни».

Какъ удивительно созданы люди! Самая полная рѣшимость у насъ черезъ минуту смѣняется сомнѣніемъ... Сегодня нашъ разумъ, наши знанія, вся наша жизнь и стремленія—все намъ кажется жалкимъ филистерствомъ, не стоящимъ трубки табаку; на завтра мы снова охвачены жаждою знанія и стремимся все поглотить и снова съ горячностью погружаемся въ изслѣдованія. Мы жаждемъ отыскать новые пути, и насъ гложетъ недовольство собой, что мы не можемъ исполнить и окончательно сразу разрѣшить проблему. Затѣмъ наступаетъ снова періодъ угнетенія, снова появляется отвращеніе ко всему, и все намъ кажется ничтожнымъ. Весь міръ похожъ какъ будто на пылинку, лежащую на чашкѣ вѣсовъ, на каплю росы, падающую утромъ на землю. Но если въ насъ живутъ двѣ души, то которая же изъ нихъ настоящая? Что пользы огорчаться тѣмъ, что наше знаніе состоитъ изъ ключковъ, и что намъ никогда не удастся постигнуть того, что скрыто въ глубинѣ вещей. Но, положимъ, даже все стало бы для насъ такъ же ясно и просто, какъ тройное правило, одѣлалось ли бы мы отъ этого счастливѣе? Быть можетъ, наоборотъ. Развѣ счастье не заключается въ борьбѣ за знаніе? Я очень невѣжественъ, и поэтому у меня существуютъ данныя для счастья. Дайте же мнѣ закурить трубку мира и быть счастливымъ! Но нѣтъ! трубка не годится! Табакъ недостаточно мелко искрошенъ для того, чтобы вызывать воздушныя грезы. Закурю-ка сигару. О, еслибъ у меня была настоящая гаванская сигара!

Развѣ недовольство собой, лишенія и страданія не составляютъ главныхъ элементовъ жизни. Безъ лишеній не могло бы быть борьбы, безъ борьбы не было бы жизни—это такъ же вѣрно, какъ и то, что дважды два четыре. И вотъ должна начаться борьба; она наступитъ тамъ, на сѣверѣ. О, насладиться борьбой, испить ее полную чашу! Борьба составляетъ жизнь, и за нею намъ чудится побѣда.

Я закрываю глаза, и мнѣ кажется, что я слышу пѣніе.

Понедѣльникъ, 19-го ноября. Эта міровая скорбь заключаетъ въ себѣ что-то заколдованное. Развѣ ты не счастливый человекъ? Если ты дурно настроенъ, то можешь отправиться на палубу и любоваться тамъ семью маленькими собачонками, которыя бѣгаютъ и скачутъ и готовы разорвать тебя на части, радуясь жизни, представляющей для нихъ какъ-бы лучъ солнечнаго свѣта, хотя солнце давно

уже исчезло, и онъ, находясь подъ парусинной крышей на палубѣ, не видать даже звѣзды. «Квикъ», мать этой семьи, находится тутъ же. Толстая и довольная, она виляетъ хвостомъ. Развѣ я не имѣю основаній чувствовать себя такимъ же счастливымъ, какъ эти собаки? А вѣдь, и на ихъ долю выпадаютъ несчастія.

Вчера послѣ обѣда, сидя за работой, я слышалъ, какъ вертится непрерывно мельница. Педеръ понесъ кормъ собакамъ, которыя, по обыкновенію, подняли драку изъ-за миски съ кушаньемъ, и тогда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что мельничный валъ, ничѣмъ не огражденный, представляетъ очень большую опасность для нашихъ щенковъ. Спусти не болѣе десяти минутъ, я вдругъ услышалъ вой, очень протяжный и имѣвшій болѣе злобный характеръ, чѣмъ обыкновенный вой; тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ движенія мельницы замедлились.

Я бросился на верхъ и увидалъ, что одинъ изъ щенковъ лежитъ на валу и вращается вмѣстѣ съ нимъ, издавая жалобный, хватающій за сердце, вой. Бевтсенъ повисъ на тормазѣ и изъ всѣхъ силъ таянулъ за веревку. Но мельница продолжала вертѣться. Первою моею мыслью было схватить поблизѣ лѣжанпій топоръ и однимъ ударомъ избавить несчастную собаку отъ страданій, но послѣ минутнаго размышленія я бросился на помощь къ Бевтсену, и мы вдвоемъ остановили мельницу. Къ намъ подошелъ Могштадъ, которому удалось освободить собаку въ то время, какъ мы держали мельницу. Такъ какъ животное, повидимому, было еще живо, то онъ принялся его оттирать и возиться съ нимъ. Вѣроятно, собака какъ-нибудь случайно примерзла шерстью къ гладкой стали, и бѣдное животное было увлечено валомъ, который при своемъ вращеніи ударялъ его о палубу. Собака, однако, оправилась, приподняла чуть-чуть голову и стала испуганно озирается. Ей пришлось совершить много оборотовъ вмѣстѣ съ валомъ, такъ что не удивительно, что она лишь съ усилиемъ могла ориентироваться въ окружающей обстановкѣ. Когда она приподвиглась на переднія лапы, то я отнесъ ее на корму и началъ ласкать и гладить. Вскорѣ послѣ того собака уже стояла на всѣхъ четырехъ ногахъ и, шатаясь, ходила изъ стороны въ сторону, точно сама не зная куда.

— Хорошо что собака примерзла шерстью, — сказалъ Бевтсенъ, — а то я думаю, что она повисла на языкѣ, какъ та другая.

Морозъ подираетъ по кожѣ при одной только мысли, каково это висѣть на языкѣ на вращающемся валу! Я повесилъ бѣдное животное въ салонъ и сдѣлалъ для него все, что только могъ. Скоро собака совершенно оправилась и начала снова возиться со своими товарищами, какъ и въ чемъ не бывало.

Удивительное времяпрепровожденіе — это рысканіе по палубѣ въ темнотѣ и холодѣ. Какъ только кто-нибудь выходитъ на палубу съ фонаремъ, то его немедленно окружаютъ собаки и уставившись на огонь, начинаютъ бѣгать кругомъ фанаря, гоняться другъ за

другомъ, прыгать и возиться, точно дѣти вокругъ елки. Такъ идетъ день за днемъ. Щенки ничего другого не видали никогда, кромѣ палубы и надъ нею парусинной крыши; они даже ни разу не видали свѣтлаго голубого неба такъ же, какъ и мы, люди, никогда не видали ничего другого, кромѣ этой земли!

Я уже сдѣлалъ послѣдній шагъ. Сегодня передъ обѣдомъ я говорилъ съ Іогансономъ и предлагалъ ему свой планъ приблизительно въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ я разсказалъ его здѣсь. Я указалъ ему на всѣ возможные случайности и въ особенности на опасности, къ которымъ мы должны быть готовы. Я сказалъ ему, что дѣло это очень серьезное, что тутъ идетъ вопросъ о жизни и смерти и что не слѣдуетъ забывать этого. Онъ долженъ хорошенько обдумать, взвѣсить всѣ обстоятельства и только тогда уже рѣшать, пойдеть-ли онъ со мною или нѣтъ. Если онъ готовъ слѣдовать за мною, то я, конечно, буду очень радъ, но я все-таки желаю бы, чтобы онъ хорошенько обдумалъ все въ теченіе одного, двухъ дней, прежде чѣмъ дать мнѣ окончательный отвѣтъ. Іогансенъ отвѣчалъ мнѣ, что ему нечего обдумывать и что онъ охотно поидеть за мною. Свердрупъ давно уже говорилъ о возможности устройства такой экспедиціи, и поэтому онъ, Іогансенъ, имѣлъ достаточно времени обдумать все, прежде чѣмъ окончательно рѣшить, что если на него падеть мой выборъ, то онъ сочтетъ это большимъ благополучіемъ для себя и будетъ радъ, если я захочу взять его своимъ спутникомъ.

— Я не знаю, удовлетворяеть-ли васъ мой отвѣтъ,—сказалъ онъ. Можетъ быть, вы желали бы, чтобы я еще поразмыслилъ объ этомъ; но я навѣрное не измѣню своихъ взглядовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я не настаиваю на томъ, чтобы вы откладывали свое рѣшеніе, если вы хорошо обдумали всѣ опасности, которымъ вы подвергаетесь, если вы ясно представили себѣ, что, быть можетъ, ни одному изъ насъ не суждено будетъ снова свидѣться съ другими людьми, и взвѣсили все и знаете, что даже если намъ и удастся благополучно вернуться изъ этой экспедиціи, то все же намъ придется испытать много страданій.

— Да, я обдумалъ все это.

— Хорошо; значить рѣшено. Завтра мы начнемъ свои приготовления къ путешествію. Гансенъ долженъ подумать о выборѣ новаго метеорологическаго ассистента.

Вторникъ, 20-го ноября. Сегодня вечеромъ я обратился съ рѣчью ко всему судовому экипажу и сообщилъ о своемъ рѣшеніи и о проектированной экспедиціи. Сначала я вкратцѣ изложилъ теорію, на которой основывалъ свое предпріятіе, и разсказалъ исторію его возникновенія, причемъ я въ особенности остановился на предположеніи, что судно, замерзшее во льдахъ къ сѣверу отъ Сибири, должно пройти черезъ полярное море и выйти по другую сторону въ Атлантическій океанъ, пройдя гдѣ-нибудь къ сѣверу отъ земли Францъ-Іосифа, между этою послѣдней и полюсомъ. Задача экспе-

диции, поэтому, выполнить это плавание через неизвестное море и произвести там изслѣдованія. Я обратилъ особенное вниманіе слушателей на то, что эти изслѣдованія будутъ одинаково важны, все равно пройдетъ-ли экспедиція черезъ полюсъ, или же въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. На основаніи нашего опыта, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что экспедиція удастся выполнить задачи, которыя она себѣ поставила. До сихъ поръ все шло такъ, какъ мы ожидали, и мы имѣемъ право надѣяться, что такъ будетъ и дальше. Мы все поэтому разсчитываемъ, что намъ удастся выполнить главную часть нашей задачи. Но возникаетъ вопросъ, нельзя-ли сдѣлать еще больше? Тутъ я сталъ объяснять своимъ слушателямъ, какъ надо устроить такую экспедицію къ сѣверу, и по впечатлѣнію заключилъ, что все очень заинтересовались моимъ проектомъ и вполне согласны съ тѣмъ, что попытка должна быть сдѣлана. Главное возраженіе, которое, какъ мнѣ кажется, они готовы были бы сдѣлать мнѣ, еслибъ я спросилъ ихъ, заключалось въ томъ, что они сами не будутъ принимать участія въ экспедиціи. Я, однако, постарался разъяснить имъ, что хотя, разумѣется, очень хорошо было бы проникнуть какъ можно дальше къ сѣверу, но не менѣе важно также провести благополучно «Fram» черезъ полярное море и вывести судно на другую сторону или, если придется оставить его, благополучно вернуться домой, не потерявъ ни одной человеческой жизни. Если все это такъ произойдетъ, то мы получимъ право говорить, не опасаясь возраженій, что все кончилось хорошо. Я выразилъ увѣренность, что все признаютъ справедливости моихъ словъ.

Итакъ, жребій брошенъ, и я самъ начинаю теперь вѣрить, что экспедиція, дѣйствительно, состоится. Съ этой минуты мы серьезно принялись за приготовленія.

Я уже раньше говорилъ, что къ концу лѣта я приступилъ къ постройкѣ каяка для одного человѣка. Остовъ каяка сдѣланъ былъ изъ тщательно связаннаго вмѣстѣ бамбука, и хотя это была медленная работа, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, но за то остовъ оказался очень прочнымъ и легкимъ и по окончаніи вѣсилъ не болѣе восьми килограммъ. Свердрупъ и Влессингъ обили его парусникой, и тогда вѣсъ каяка дошелъ до 15 килограммъ. Когда судно было готово, я поручилъ Могштаду построить второе такое же судно, и мы съ Югансеномъ обили его. Каяки были длиною въ 3,70 метровъ; ширина ихъ посрединѣ была 70 сантиметровъ. Одинъ изъ каяковъ былъ глубиною въ 30 сантиметровъ, а другой въ 38 сантиметровъ, значить, гораздо короче и шире, чѣмъ обыкновенные скимосскіе каяки. Но за то наши каяки были не такъ подвижны на водѣ. Впрочемъ, такъ какъ они предназначались лишь для того, чтобы переплывать канавы и расщелины во льду или же идти вдоль какого-нибудь берега, то быстрота тутъ не играла юльшой роли, главнѣе была прочность и легкость судна. Нужно

было также, чтобы, кроме насъ, оно могло вмѣстить достаточное количество провіанта и запасовъ вооруженія, рассчитанныхъ на болѣе или менѣе долгое время. Еслибы каяки были длиннѣе и уже, то они не только сдѣлались бы отъ этого тяжелѣе, но скорѣе подверглись бы порчѣ при перевозкѣ черезъ неровную поверхность льда. Въ своемъ настоящемъ видѣ каяки эти удивительно подходили для нашихъ цѣлей. При тщательной нагрузкѣ ихъ мы могли запастисъ провіантомъ, по крайней мѣрѣ, на три мѣсяца и даже захватить съ собою довольно большое количество корма для собакъ и еще на верхней палубѣ помѣстить одну или двухъ собакъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ наши каяки были совершенно такіе же, какъ и эскимосскіе, совершенно закрытые, съ однимъ только отверстіемъ посреднимъ для гребца. Это отверстіе, согласно эскимосскому способу, было окружено деревяннымъ кольцомъ, которое зажимало подолъ шубы изъ тюленьяго мѣха, что было въ высшей степени цѣлесообразно, такъ какъ это дѣлало каякъ совершенно непроницаемымъ для воды. Стоило только плотно надвинуть на лицо и руки мѣхъ шубы, волны могли оказывать насъ безнаказанно, и въ каякѣ не попадала ни одна капля воды. Намъ нужно было запастисъ такими судами на случай, еслибы мы отправились къ Шпицбергену, или, еслибы, избравъ другой путь, мы наткнулись бы между Новою Землей и землей Францъ-Иосифа на открытыя пространства воды.

Кромѣ этого отверстія въ серединѣ лодки, озади и спереди на ея палубѣ были сдѣланы маленькіе клапаны, черезъ которые мы могли просовывать руку, грузить провіантъ и доставать легкіе предметы, не вынимая всего груза изъ средняго отверстія, если намъ нужно было достать что-нибудь такое, что находилось въ одномъ изъ концовъ лодки. Эти клапаны такъ закрывались, что также становились совершенно непроницаемы для воды.

Чтобы сдѣлать парусину совершенно непроницаемой, конечно, лучше всего было бы пропитать ее растворомъ клея и затѣмъ снаружи вымазать ее обыкновенной масляной краской. Но при сильномъ холодѣ (-20° С въ трюмѣ) трудно было выполнить это, и притомъ я опасался, что краска сдѣластъ парусину слишкомъ твердой и хрупкой, такъ что при переноскѣ черезъ ледъ въ ней легко могутъ быть произведены поврежденія. Я предпочелъ, поэтому, погрузить ее въ смѣсь парафина и сала, что нѣсколько увеличило вѣсъ каяка, такъ что въ общемъ онъ равнялся приблизительно 18 килограммамъ.

Затѣмъ я велѣлъ приготовить для нашей экспедиціи особенныя ручныя сани, гибкія и крѣпкія, предназначавшіяся для очень трудныхъ переходовъ по неровному плывучему льду съ очень тяжелымъ грузомъ. Двое изъ этихъ саней были приблизительно такой же длины, какъ и каяки, т. е. 3, 6 метровъ.

Я сдѣлалъ также нѣсколько опытовъ для того, чтобы опредѣлить,

какой родъ одежды всего цѣлесообразнѣе для такой экспедиціи, и чтобы рѣшить, слѣдуетъ-ли намъ облачаться въ наши толстыя одѣянія изъ волчьего мѣха. Я пришелъ, однако, къ заключенію, что эта одежда слишкомъ тепла, и поэтому написалъ 29-го ноября въ своемъ дневникѣ:

«Я снова сдѣлалъ прогулку на сѣверъ въ своей волчьей шубѣ и нахожу, что для этого одѣянія температура все еще недостаточно низка ($-37,6^{\circ}\text{C}$). Я потѣлъ, какъ лошадь, хотя и справился на тощій желудокъ и очень медленно шелъ. Въ темнотѣ довольно трудно двигаться по снѣгу, когда не можешь пользоваться лыжами. Мнѣ интересно однако испробовать эту одежду, когда сдѣлается холоднѣе».

9-го декабря я опять отправился на лыжахъ. Холодъ -41°C . Я былъ одѣтъ въ волчью шубу и буквально обливался потомъ. Все еще слишкомъ тепло для такого одѣянія, и Богъ знаетъ, будетъ-ли когда-нибудь достаточно холодно для этого!

Конечно, мы подвергли испытанію и нашу палатку, и нашъ кухонный аппаратъ. 7-го декабря я писалъ:

«Я разбилъ шелковую палатку, которую мы собираемся взять съ собою, и испробовалъ въ ней кухонный аппаратъ. Изъ повторныхъ опытовъ выяснилось, что даже при -35°C мы можемъ получить изъ льда въ теченіе полутора часа до трехъ метровъ кипяченой воды и растопить лѣду около 5 литровъ, истративъ на это 5 граммъ керосина. На слѣдующій день мы вскипятили въ часъ $2\frac{1}{2}$ литра воды и столько же получили воды изъ растопленного льда, истративъ 100 граммъ керосина. Вчера мы приготовили около двухъ литровъ великолѣпной каши изъ овсяной муки и одновременно съ этимъ получили наполовину растаявшій ледъ съ небольшимъ количествомъ воды, истративъ для этого 50 граммъ керосина».

Мы, такимъ образомъ, не должны тратить много топлива. Затѣмъ я сдѣлалъ еще разныя вычисленія и опыты на счетъ того, какимъ провіантомъ мы должны запастись для нашей экспедиціи, такъ какъ было, конечно, очень важно, чтобы наши запасы пищи какъ для насъ самихъ, такъ и для собакъ обладали наибольшою питательностью при наименьшемъ вѣсѣ. Далѣе, въ списокъ предметовъ, взятыхъ нами съ собою, я сообщу о результатахъ своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Намъ нужно было, кромѣ того, провѣрить всѣ наши инструменты и заняться разными мелочами, которыя были, однако, столь же необходимы, такъ какъ окончательный успѣхъ часто находится въ зависимости именно отъ удачнаго соединенія такихъ мелочей.

Большую часть времени мы оба проводили за этими приготовленіями, въ которыхъ принимала участіе и нѣкоторые другіе товарищи. Мгштадъ, напримѣръ, все время былъ занятъ постройкою саней, Свердрупъ шилъ опальные мѣшки, между тѣмъ какъ Юэль произведенъ былъ въ шорники и въ свободное отъ

отраппи время занимался изготовленіемъ собачьей упряжи и ея испытаніемъ.

Влссингъ долженъ былъ приготовить для насъ маленькую, легкую аптечку, въ которой заключались бы избранные медикаменты, перевязочныя средства и т. п., которые могли бы намъ пригодиться. Одинъ изъ нашихъ товарищей былъ исключительно занятъ переписываніемъ на тонкую бумагу выписокъ изъ всѣхъ нашихъ журналовъ и научныхъ наблюденій, такъ какъ я хотѣлъ, на всякій случай, имѣть при себѣ копию. Гансенъ усердно занимался приготовленіемъ таблицъ, которыя были намъ нужны для проверки нашихъ хронометровъ и нашихъ наблюденій; кромѣ того, онъ долженъ былъ изготовить карту всего нашего путешествія и теченія, въ которомъ мы плыли. Я не могъ, однако, слишкомъ много отрывать Гансена отъ его научныхъ наблюденій, производимыхъ имъ безъ перерыва. Гансенъ очень удобно устроился въ теченіе осени, построивъ вѣстѣ съ Югансеномъ сибѣрную хижину, напоминавшую эскимосское жилище, и въ ней-то и производилъ всѣ свои работы. Тамъ онъ себя чувствовалъ прекрасно. Подъ крышей хижины была повѣшена керосиновая лампа, свѣтъ которой, отражаясь отъ бѣлыхъ сибѣрныхъ стѣнъ, освѣщалъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Тутъ Гансенъ могъ съ большими удобствами возиться со своими инструментами, не испытывая никакой помѣхи отъ рѣзкаго вѣтра снаружи. Гансенъ находилъ, что въ хижинѣ совсѣмъ тепло, когда температура ея доходила до 20° ниже нуля; и онъ могъ безъ особеннаго неудобства трогать голыми руками свои инструменты. День за днемъ работалъ онъ такимъ образомъ безъ устали, часто наблюдая таинственныя движенія магнитной стрѣлки, доставлявшія ему порою большія затрудненія. Однажды—это было 24-го ноября—онъ пришелъ около шести часовъ къ ужину въ очень возбужденномъ состояніи и сказалъ:

— Только что произошло удивительное отклоненіе магнитной стрѣлки до 29°, и страннымъ образомъ ея сѣверный конецъ обращенъ былъ къ востоку. Я не припомню, чтобы мнѣ когда-либо пришлось наблюдать что-нибудь подобное.

Одновременно съ этимъ онъ замѣтилъ черезъ отверстіе дверей своей обсерваторіи, что снаружи какъ-то было необыкновенно свѣтло, такъ что ледъ вдали и судно были видны очень отчетливо, точно въ полнолуніе. Между тѣмъ сѣвернаго сіянія не было замѣтно сквозь густыя облака. Повидимому, все-таки это отклоненіе магнитной иглы находилось въ какой-то связи съ сѣвернымъ сіяніемъ, хотя конецъ иглы и былъ обращенъ къ востоку, а не къ западу, какъ это наблюдается обыкновенно. Нельзя было допустить, чтобы это отклоненіе было вызвано какою-либо перемѣною въ льдинѣ, на которой мы находились. Кругомъ все было тихо и спокойно, и немыхимо, чтобы перемѣна, которая могла въ такое короткое время вызвать подобное рѣзкое отклоненіе стрѣлки

на два градуса, прошла бы совершенно незамѣченной на суднѣ. Приходилось совершенно исключить такую возможность, такъ что это явленіе до сихъ поръ остается для меня непонятнымъ.

Мы съ Блессингомъ тотчасъ же отправились на палубу. Было такъ свѣтло, что мы могли вполне ясно разглядѣть канавы во льду, за кормомъ судна, но тутъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ это намъ случалось наблюдать довольно часто.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЗАДВОРКАХЪ ФАБРИКИ.

(Изъ записокъ русскаго агронома).

VI.

Всѣ эти добрые люди, да интересы фермы и составляли тотъ маленькій мірокъ, среди котораго я жилъ. Собственно съ хозяйственной стороны дѣла фермы тоже шли очень не дурно: доходы ея съ каждымъ годомъ возрастали, и хозяинъ оставался вполнѣ доволенъ; но всетаки было ясно, что въ глазахъ Гарусова эта ферма была только игрушка, мало интересная по своей скромной доходности. Прошло три года, а онъ ни разу и не заглянулъ къ намъ, постоянно и благодушно отговариваясь то дѣлами, то довѣріемъ къ моимъ распоряженіямъ. Это не мѣшало, однако, почтенному Герасиму Ивановичу подъ часъ задаваться самыми игрушечными сельско-хозяйственными фантазіями со всѣми признаками упрямаго и капризнаго младенца, что, конечно, кромѣ убытковъ и лишнихъ непріятныхъ столкновеній съ фабричною администраціей ничего болѣе не приносило. Между тѣмъ, мои отношенія или вѣрнѣе, отношенія моей фермы къ фабрикѣ все усложнялись, и вскорѣ я убѣдился, что насъ просто тѣснятъ, фабрика выживаетъ земледѣліе со своихъ задворковъ. Съ одной стороны разыгравшееся воображеніе хозяина потребуетъ вдругъ разведенія льна. Приходится подчиниться, полагаясь на обѣщаніе сдѣлать всѣ необходимыя приспособленія, — но затѣмъ, когда ленъ поспѣлъ — мы тщетно кидаемся съ нимъ во всѣ стороны. Отовсюду фабричная администрація гонитъ насъ самымъ упорнымъ образомъ. Лабазъ, куда мы поставляемъ продукты, ставить ихъ вровень со всякимъ гнильемъ, а Гарусовъ, который самъ все это дѣло затѣмъ-то затѣялъ, — не удосужился хоть разъ взглянуть на свое дѣло и на наши недоразумѣнія, ограничиваясь указаніями на то, что ферма играетъ лишь подчиненную роль.

— Фабрика — главное у насъ, Николай Павловичъ, — говорилъ онъ мнѣ съ какой-то выводящей изъ терпѣнія ласковостію.

— Да пощадите вы меня, Герасимъ Ивановичъ! — горячился я. — Съ какой стати я буду посягать на интересы фабрики? Посмотрите же, наконецъ, сами; вѣдь это не трудно.

— Ну, все-таки-же, знаете, — отыгрывался онъ.

Впослѣдствіи я понималъ игру — не фабрики, конечно, и не фабричнаго дѣла, съ которымъ мое скромное дѣло легко могло ужиться, а нѣкоторой части фабричной администраціи, которая прежде, такъ или иначе, извлекала пользу и изъ пустовавшей земли, и изъ лабаза, закупавшаго всѣ предметы на сторонѣ, и изъ многого другого, чему мѣшала ферма. Самая «простота» этихъ мотивовъ могла уже вывести изъ всякаго терпѣнія, но сюда прибавлялось еще то чисто русское благодушное упрямство, съ какимъ Гарусовъ не хотѣлъ ни понять, ни просто хотѣть взглянуть на всю эту простую исторію. Наконецъ, примѣшивалась еще и та особенная злая раздражительность, которая всю атмосферу фабричной жизни насыщала злобой, взаимнымъ нерасположеніемъ, гнилой фабричною ругней и сквернословіемъ.

Вся фабрика сквернословила неистово и неумоимо. Съ самаго ранняго утра, на примѣръ, мы уже слышали изъ своего дома, какъ, вмѣстѣ съ гнилымъ туманомъ, неслись прежде всего съ бѣльника и всякія гнилыя слова, которыя способна изрыгать только руссiйская безстыдная глотка. Эту гниль изрыгало и всякое мелкое начальство, и рабочіе, безъ различія — мужчины и женщины и, наконецъ, дѣти, 12-ти или 15-тилѣтніе мальчишки, разстилавшіе на бѣльникѣ миткаль и ситецъ.

На фабрикѣ такая же брань висѣла всюду: помощникъ администратора разносилъ рабочимъ на улицѣ, другіе помощники — въ зданіяхъ; рабочіе разносили другъ друга и съ сердцовъ, и въ шутку; эти звѣринныя звуки нерѣдко замѣняли всю человѣческую рѣчь. Ни дѣвушки, ни дѣти не останавливали этого грязнаго потока: всюду несло гнилое слово — отъ кабака до улицы и мастерской съ утра и до вечера; даже ночью — во снѣ это злое, безстыдное слово носилось въ воздухѣ, словно какой проклятый кошмаръ или призракъ.

Нужно было имѣть большое терпѣніе и привычку, чтобы выносить все это сквернословіе, когда оно насквозь пропитывало и всю фабричную душу, и атмосферу.

Съ народнымъ жаргономъ можно было, если не мириться, о хотѣ устраниваться отъ него, но съ начальственнымъ, конечно, уже ни въ какомъ случаѣ. Приходилось поэтому по волюѣ просить Гарусова прекратить эти безобразія.

Конечно, хозяинъ вспылилъ и разнесъ сквернослововъ, о послѣ счелъ, однако, необходимымъ сдѣлать и мнѣ нѣкоторое поясненіе.

— Видите-ли, Николай Павловичъ, — высказалъ онъ, — раз-

дражительность, мелочность самолюбій, даже, если хотите, невѣжество и грубость — это свойство всякой фабрики, и если вы, замѣтивъ это, стараетесь бѣжать и отдаляться отъ всякихъ знакомствъ и сближеній, то этимъ дѣлаете только хуже себѣ, потому что всѣ чуютъ тогда въ васъ человѣка осуждающаго, чуть не врага, — что, конечно, вызываетъ еще большее недовольство. Надо какъ-нибудь сойтись, просто ради собственного спокойствія, — закончилъ онъ.

Злая фабричная система отмежевала этому, въ сущности, доброму и съ хорошими задатками человѣку такой узенькій кругъ для проявленія положительныхъ сторонъ его натуры, что онъ могли проявляться только въ самомъ ничтожномъ примѣненіи: въ какихъ-нибудь незамѣтныхъ для его кармана подачкахъ, въ благодушно либеральныхъ разговорахъ и такихъ же отношеніяхъ къ людямъ своей же среды, а въ большинствѣ случаевъ тонули и атрофировались въ благодушно російскомъ пустословіи. За этимъ узкимъ кругомъ нравственного обихода сейчасъ же лежала дѣловая сторона, захватывавшая громадную долю живого человѣка, и гдѣ, дѣйствительно, должны были умолкать всѣ гуманная и добрая наклонности его: тутъ уже шелъ вопросъ о капиталѣ, процентѣ, рабочей платѣ, рынкѣ, кредитѣ и т. п., и сами живые люди превращались въ какія-то отвлеченности. Въ нравственномъ смыслѣ и, вообще, въ живомъ содержаніи человѣка, поставленнаго въ такое положеніе, эта мертвая точка, гдѣ живая душа превращалась уже въ дѣловую единицу, должна была неизбѣжно представлять ту гнилую язвину, малѣйшее прикосновеніе къ которой возбуждаетъ непріятную боль, выражающуюся у каждого на свой ладъ, но тѣмъ не менѣе всегда боль, будить которую безнаказанно не дозволялось.

И мнѣ пришлось скоро убѣдиться на дѣлѣ, что благодушіе Герасима Ивановича имѣетъ весьма скромные размѣры. Желая ввести болѣе правильный порядокъ относительно удобренія полей, онъ какъ-то отдалъ распоряженіе, чтобы фабричный ассенизаторскій отрядъ былъ подчиненъ управленію фермы.

Весь отрядъ этотъ состоялъ изъ 25 человѣкъ и помѣщался въ центрѣ самой фабрики, въ отдѣльномъ деревянномъ баракѣ. Уже на площади, издалика можно было догадаться, что за обитатели населяютъ этотъ баракъ, а вблизи такъ и прямо уже было надо затыкать носъ.

Вокругъ зданія тутъ же стояли бочки и черпаки; все это было, конечно, въ страшно грязномъ видѣ и притомъ очень плохо приспособлено къ своему назначенію; но когда я вошелъ въ самое помѣщеніе, то меня просто ошеломило и стало сейчасъ же мутить. Представьте себѣ казарму съ огромной

русской печью по срединѣ; кругомъ стѣны тянулись сплошныя нары, а параллельно имъ на одной сторонѣ стояли длинныя, обѣданные столы. Около печи, на печи и на веревкахъ, протянутыхъ поперекъ казармы, висѣли и сушились онучи и кафтаны рабочихъ, а подъ нарами ихъ обувь, и все это было неизмѣнно загрязнено и носило на себѣ ясныя, еще сырыя, отвратительныя слѣды ихъ ремесла. Вонь и духота стояли невыносимыя и положительно сдавливали дыханіе. И вотъ въ такой-то казармѣ помѣщалось слишкомъ 40 человѣкъ, такъ какъ многіе изъ рабочихъ жили тутъ съ своими семьями. Малые босоногіе ребята бѣгали по нарамъ и по полу, страшно перепачканному слѣдами ногъ рабочихъ, на нарахъ же, кой-гдѣ запыленныхъ разнымъ тряпьемъ въ видѣ занавѣсей, пищали грудныя дѣти; всѣ они были блѣдны и хилы, нѣкоторыя изъ ребятъ страдали коклюшемъ, а про другихъ говорили матери: «родимчикъ бьетъ».

Это были просто припадки отъ гнилаго воздуха.

Бабы съ такими же блѣдными лицами возились съ ребятами за своими занавѣсками или толклись около печи съ горшками, надъ которыми низко нависли вонючіе онучи и кафтаны; тутъ же за длинными столами и обѣдали. Дверь въ баракъ отворялась прямо съ улицы—безъ всякихъ сѣней. Я тщательно вымѣрилъ кубическое содержаніе казармы и, сравнивъ его съ числомъ ея обитателей, увидѣлъ, что на каждого изъ нихъ хватало менѣе $\frac{3}{4}$ кубич. сажени этого промозглаго отравленнаго воздуха. Словомъ, жить въ такой казармѣ было почти то же самое, что жить въ отхожемъ, да притомъ еще и плохо содержимомъ мѣстѣ.

Этотъ каторжный и пользующійся презрѣніемъ трудъ оплачивался, однако, только 10 рублями въ мѣсяцъ на собственное содержаніе рабочаго и съ его же платьемъ. Набирался на эту работу народъ самый бѣдный, которому негдѣ было преклонить голову, и уже негодный ни на какую другую работу. Всѣ эти рабочіе были большею частью люди пожилые и имѣли тоже какой-то чахлый и заморенный видъ. Но имъ было еще сравнительно сносно, потому что весь день они были на воздухѣ, а каково же было зимой въ этихъ казармахъ ихъ семействамъ? Глубоко возмущенный и растроганный видомъ несчастныхъ дѣтей,—я шелъ съ записной книжкой къ хозяину. Дорогой я съ злостью вспоминалъ его благодушную фигуру, а къ Гиршфельду чувствовалъ положительную ненависть.

— Вѣдь именно эта рыжая, лукавая бестія запихала людей въ такую морильню,—думалъ я по дорогѣ.

У Гарусова, по обыкновенію, уже много толклось разнаго служилаго народа.

— А-а-а! Николай Павловичъ,—встрѣтилъ онъ меня добродушно.—Ну, что скажете намъ хорошенькаго?

Я прямо приступилъ къ дѣлу и объявилъ, что изъ казармы.

— Ага! То-то вы къ намъ и принесли сюда ея специфическій духъ, — расхохотался хозяинъ, повода брезгливо носомъ.

— Не мудрено,—почти со злостью отвѣтилъ я.—Впрочемъ, если бы вы, Герасимъ Ивановичъ, сами побывали когда-нибудь тамъ, то, можетъ быть, сказали бы и что-нибудь другое.

— Вѣрно, не заглядывалъ, да ужъ избавьте, и не загляну...—опять расхохотался онъ.

— Напрасно,—замѣтилъ я серьезно.—Вы бы тамъ увидели нѣчто интересное... — и я сталъ подробно передавать ему все, что видѣлъ.

Рыжій Гиршфельдъ давно уже наострилъ уши и все время какъ-то передергивался, ухмылялся и стрѣлялъ своимъ одиночкимъ глазомъ. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, и на лицо самого Гарусова тоже надвигались какія-то тѣни и изъ благодушнаго оно постепенно дѣлалось кислымъ и недовольнымъ. Онъ безпрестанно презрительно хмыкалъ при этомъ носомъ—знакъ, что Гарусовъ сердится.

— Ну, да, ну, да!..—перебилъ онъ меня сухимъ тономъ.—Я не совсѣмъ понимаю все-таки, въ чемъ же тутъ дѣло.

— Какъ не понимаете?—возразилъ я.—Развѣ можно людямъ, дѣтямъ жить въ такой обстановкѣ, въ такой тѣснотѣ и заразѣ?

— Что же прикажете, дворецъ для этихъ господъ выстроить?...—съ тихимъ хихиканьемъ замѣтилъ Гиршфельдъ.

— Смѣшного тутъ ничего нѣтъ,—рѣзко замѣтилъ я,—и ваше остроуміе вовсе не великодушно, особенно въ виду тѣхъ данныхъ, которыя вамъ должны быть отлично извѣстны,—и я передалъ записную книжку хозяину.

— Тише, тише, господа!—внушительно обратился по моему адресу хозяинъ...—Ну, что тутъ такое?—тянулъ онъ въ носъ, просматривая мою записку:—кубическое содержаніе 28 сажень, число живущихъ 41... ну да, тѣсно, конечно... Надо что-нибудь придумать,—обратился онъ къ Гиршфельду.

— Во всякомъ случаѣ на фабрикѣ ихъ оставить нельзя: вонъ эту мерзость!.. Вотъ мы ихъ къ вамъ на ферму и переведемъ,—замѣтилъ онъ, какъ бы желая уколоть меня.—Сообразите, что будетъ стоять,—небрежно сказалъ онъ Гиршфельду и также небрежно кинулъ на столъ мою книжку.

Я уже ясно видѣлъ, что задѣлъ больное мѣсто Гарусова, что оно у него самолюбиво заныло, и потому, хотя любезность и вѣжливость его послѣ этого случая даже усилились,

но отношенія ко мнѣ стали холодны, сдержанны и не отличались прежней благодушной игривостью и простотой.

Ясно было, что Гарусову непріятны указанія на темныя пятна его фабричнаго дѣла, что онъ и самъ знаетъ ихъ отлично, и тѣмъ не менѣе не желаетъ заниматься ими, ни видѣть ихъ, чтобы не портить своего красиваго благодушія и либеральнаго настроенія.

VII.

Только поздней осенью, ровно черезъ три года, закончилась, наконецъ, постройка новыхъ помѣщеній фермы. Строили все по заведенной на фабрикѣ системѣ Гиршфельдъ и вкатили за счетъ фермы восемь тысячъ рублей только за жилой домъ изъ 5 комнатъ для меня и двухсвязную избу для рабочихъ. Вся суть заключалась въ невообразимыхъ порядкахъ или, лучше сказать, безпорядкахъ всего строительнаго дѣла фабрики. Напримѣръ, на эти постройки не только не было составлено предварительной сметы, но даже и за возведеніемъ ихъ не существовало почти никакого наблюденія. Наблюдавъ за работой и матеріалами самъ же подрядчикъ, который притомъ рассчитывался съ фабрикой не сдѣльно, а поденно, за настоянные плотниками дни. Матеріалъ тратился тоже безобразно: здѣсь привезутъ кирпичъ въ такомъ количествѣ, что третья часть его остается на мѣстѣ и валяется безъ употребленія, какъ ненужная вещь, пока не превратится въ ломъ и мусоръ; тамъ видишь въ такомъ же положеніи стопы драни, пучки проволоки и разный другой строительный матеріалъ. Словомъ, это была общая фабричная система, которая, безъ сомнѣнія, только и могла выдерживать все это при заботливомъ покровительствѣ и ухаживаніи, какимъ пользуется наше отечественное фабричное производство. Куда проникалъ самъ хозяинъ,—напримѣръ: въ красильню, ткацкую, бѣльни,—тамъ было все чисто и въ порядкѣ; но за то, куда по лѣни или излишнему довѣрію не попадала его хозяйская нога, тамъ всюду гнило и пропадало пропасть цѣннаго матеріала.

Говоря безъ шутокъ, можно было нажать хорошее состояніе энергичному человѣку, еслибы ему только позволили коснуться и порыться въ гудахъ всякой драни и хлама, которые вываливались за фабрикой по берегамъ отравленной рѣчки. На поляхъ фермы рабочіе находили куски мѣди и свинца фунтовъ по десяти, пучки пряжи и цѣлыя основы; въ кучахъ мусора было пропасть желѣза, обломковъ мѣдныхъ трубъ, гвоздей и проч. Множество бочекъ изъ подъ разныхъ солей или газовой смолы валялись всюду за фабрикой: и вдоль

рѣчки, и въ лѣсу, и даже на поляхъ фермы. И все это гнило и разсыпалось въ прахъ. Словомъ, хозяйская система децентрализаціи видимо не годилась никуда. Каждый молчалъ про сосѣда съ условіемъ, чтобы тотъ платилъ тѣмъ же.

Зналь-ли о такомъ положеніи Гарусовъ—въ точности не извѣстно. Думается, что онъ иногда, и не по одной только лѣтніи или довѣрію къ людямъ, не попадалъ всюду, куда нужно; можетъ быть, ему отчасти мѣшало въ этомъ и та его болѣзненно-чувствительная ранка, которую такъ легко было разбередить, натыкаясь на неприглядную жизнь рабочаго; наконецъ, мнѣ казалось, что, не будучи никогда жаднымъ къ деньгамъ, Гарусовъ не то, чтобы пресытился своимъ богатствомъ, а просто утомился отъ постоянного напряженія силъ, на службѣ этому мамонѣ, который, однако, ревниво, какъ богъ, требуетъ отъ своихъ представителей самой вѣрной и неизмѣнной службы.

Не разъ уже случалось слышать, какъ у Гарусова вырывались фразы:

— Эхъ, господа!.. Еслибы вы только знали, съ какимъ удовольствіемъ я бы отдохнулъ и бросилъ всѣ эти фабричныя дѣла. Вѣдь, около уже 25 лѣтъ я вожусь съ ними. Право, будетъ ужъ...

— Ну, такъ что же?—замѣтилъ я ему однажды на подобное пожеланіе,—возьмите, да и по боку все это дѣло... Кто же вамъ мѣшаетъ?..

— Гмъ!—отвѣтилъ онъ, помолчавъ, словно придумывая, какъ бы удобнѣе выразить свою мысль.—Знаете, Николай Павловичъ, маховое колесо въ нашей паровой? Попробуйте-ка его остановить сразу, когда оно въ полномъ ходу, а въ немъ шесть тысячъ пудовъ,—такъ и все зданіе не устоитъ... Такъ-то и наше промышленное дѣло,—закончилъ онъ и задумчиво опустил голову.

Приэтомъ на лицѣ Гарусова выразилось какое-то больное утомленіе, а можетъ быть, и еще что-то изъ того живого уголка хозяйской души, которую облегала и давила со всѣхъ сторонъ мертвая практика жизни, со всѣми ея фабричными интересами.

Наконецъ, не надо забывать и того, что душа эта была рыхлая, славянская, т. е. отчасти варварская, а потому она еще не могла, такъ сказать, культурно впитаться въ дѣло наживы: ей требовались поэтому просторъ и отвлеченіе хотя бы даже въ области разныхъ фантазій, но съ красивой или, по крайней мѣрѣ, съ безобидной для ея чувствъ окраской.

Вслѣдствіе этого, почтеннѣйшій Герасимъ Ивановичъ быстро вступилъ въ новую полосу дѣятельности и неудержимо

воспылалъ вдругъ неимоверной страстью къ сельскому хозяйству.

Недалекъ отъ города Гарусовъ живо приобрѣлъ имѣніе съ очень плохой землей и инвентаремъ, хотя и заплатилъ за него хорошія деньги, и съ увлеченіемъ новичка записался въ цехъ російскихъ агрономовъ. Въ большомъ запущенномъ саду разбивались газоны, ставился фонтанъ и заливались известью дорожки; на окраинѣ сада возводилась оранжерея и рылся большой прудъ. Въ задней части усадьбы тоже кипѣла работа: тамъ почти заново ремонтировались всѣ службы и строился грандіозный, на 100 головъ, скотный дворъ съ асфальтовыми полами, съ рельсами для подачи вагончиковъ съ кормомъ. Кругомъ Герасима Ивановича закипѣли, какъ трудолюбивыя пчелы, всевозможные представители нашей ученой агрономіи. Ученые термины такъ и носились по Заболотову, до сихъ поръ мирно дремавшему въ своемъ убогомъ невѣжествѣ.

Недалеко отъ скотнаго двора, въ хорошенкомъ флигелькѣ устроена была лабораторія для анализовъ молока и кормовъ, при ней поселился химикъ изъ молодыхъ петровцевъ; на скотный дворъ были приглашены двѣ ученыя молочницы, а собственно для полевого хозяйства еще петровецъ—управляющій.

И весь этотъ ученый штатъ сидѣлъ только на 200 десятинахъ! Жнея, косилка, молотилка и всевозможныя орудія для обработки почвы—все явилось мигомъ. Скотъ выписывался издалека и все иностранныхъ породъ, такъ что каждая корова обходилась отъ 250 до 300 рублей.

Нечего и говорить, что поля, состоящія, кстати сказать частью изъ голой глины, а частью изъ безплоднаго подзола, разбиты были по новой системѣ со введеніемъ корнеплодовъ и травосѣянія. Однако, такъ какъ всей пахотной земли не было и полной сотни десятинъ, а всякаго скота считалось въ имѣніи до полутораста головъ, то впередъ уже можно было видѣть, что корма на это количество далеко не хватитъ. На замѣчанія по этому поводу благодушный хозяинъ отвѣчалъ весьма просто:

— А не хватитъ, такъ мы купимъ. Здѣсь въ округѣ сѣно по 15 коп. за пудъ...

За удобреніемъ остановки тоже не было: изъ города везли голубиный пометъ, съ фабрики суперфосфаты, гипсъ и аміачныя соли, солому прикупали на сторонѣ; оказался недостатокъ въ выгонѣ—сейчасъ же прикупили за дорого еще сотню десятинъ сосѣдней земли,—словомъ, отказа не было ни въ чемъ. Гарусовъ только и дышалъ, только и жилъ хозяйствомъ. Изъ его устъ ежечасно цѣлыми потоками неслись всякіе ученые сельско-хозяйственные термины, такъ что надо

было только удивляться, какъ скоро усвоилъ и запомнилъ онъ ихъ; сыпались любимыя! статистическія цифры анализъ; въ комнатахъ, по столамъ—всюду валялись сельско-хозяйственные альбомы, журналы и газеты; однимъ словомъ, всякій чело-вѣкъ могъ окончательно захлебнуться отъ этой ошеломляющей учености, отъ этихъ цифръ, справокъ и соображеній, а Га-русовъ, возбужденный и счастливый, бодро и сильно, какъ па-ровозъ, летѣлъ впередъ на всѣхъ! парахъ своего агрономиче-скаго экстаза.

— Ну-съ, Николай Павловичъ,—говаривалъ онъ, весело-потирая руки,—пожалуйте-ка опять къ намъ въ гости: посмо-трѣть есть на что—не раскаетесь.

Конечно, я ѣздилъ и смотрѣлъ. Усердно бродили мы по всѣмъ полямъ, заглядывали во всѣ углы, любовались и на скотный дворъ, гдѣ въ стойлахъ пережевывалъ свою жвачку рослый и породистый скотъ, а по асфальтовому полу бѣгали по рельсамъ ручные вагончики съ кормомъ. Доили скотъ бабы въ чистыхъ платяхъ и фартукахъ, а посредникъ зданія, на небольшой площадкѣ помѣщался рядомъ съ всѣми стелъ съ книгами, въ которыхъ ученая молочница, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, передникѣ, завосила количество удоевъ и кормовъ, тогда какъ другая слѣдила за дачей корма и процессомъ дойки. Вездѣ чистота замѣчательная, воздухъ прекрасный, температура ров-ная—не выше 8—10° и по стѣнамъ термометры.

Ежедневно отъ каждой коровы посылалась часть удою въ лабораторію для опредѣленія процента жировъ. Тамъ лабо-рантъ тоже велъ записъ этихъ анализовъ, и изъ этой книги хозяинъ ежедневно же черпалъ матеріалъ для своихъ вдохно-веній. Лаборантъ, кажется, былъ подъ стать хозяину. Малень-кій, суетливый и юркій, онъ тоже кипѣлъ, такъ сказать, ана-литической страстью и скороговоркой, какъ скворецъ, сыпалъ цифрами. Но отъ времени до времени, особенно за столомъ, послѣ добраго стакана вина, лицо его принимало глубоко-мысленно укоряющее, съ нѣкоторой гражданской скорбью вы-раженіе, и онъ, поникая въ раздумьи головой, къ мѣсту и не къ мѣсту внушительно произносилъ:

— Да! Все говорятъ теперь: мало дѣла живого... жалуются!.. А вотъ хотя бы взять анализъ молока: какіе замѣчательные результаты!..

Патронъ сочувствовалъ ему отъ всей души, хотя обра-щаясь заразы и къ слушателямъ, и къ гражданину оратору, по отечески замѣчалъ:—Ну, анализъ—это любимый конекъ нашего Павла Федоровича...

А послѣ наединѣ пояснялъ слушателямъ:—Замѣчательно преданный своему призванію юноша. Замѣчательно!.. Я очень-уважаю его за эту энергію... онъ много общается...

Товарищъ химика—управляющій, однако, вовсе не отличался такимъ пыломъ: онъ все больше молчалъ и даже казался нѣсколько подавленнымъ, когда, бывало, развеселившійся за краснымъ виномъ Гарусовъ воскликнетъ:

— Погодите, погодите, господа! Мы покажемъ, какъ надо вести хозяйство, мы самихъ американцевъ за поясъ заткнемъ!

Такая высокая миссія, видимо, очень тяготила скромнаго молодого человѣка и заставляла его какъ-то болѣзненно улыбаться и весьма не ловко ерзать на своемъ стулѣ.

Обращеніе Герасима Ивановича со своими сотрудниками было самое милое, чисто товарищеское; кормилъ онъ ихъ на убой, а ужъ про гостей и говорить нечего: домъ былъ полная чаша, благодушіе хозяевъ чисто руссійское,—словомъ, жаловаться было въ этомъ отношеніи не на что.

— Ну-съ! Что же вы намъ скажете, Николай Павловичъ, на счетъ нашего заболотовскаго хозяйства,—спрашивалъ не разъ на прощаньи Гарусовъ.

— Да что же сказать вамъ,—отвѣчалъ я ему.—Повидимому, вездѣ послѣднее слово по этой части: точно учебная ферма; а ужъ скотный дворъ такъ хорошъ, что хоть бы и не для скотовъ,—смѣялся я.—Кстати, Герасимъ Ивановичъ,—спросилъ я однажды, сколько онъ стоилъ вамъ?—И я сейчасъ же замѣтилъ, что мнѣ отнюдь не слѣдовало этого спрашивать.

— До сихъ поръ мы еще не свели всѣхъ счетовъ,—какъ-то небрежно и нехотя протянулъ онъ,—точно сказать не могу; во всякомъ случаѣ не особенно много...

— Пусть его тратится и платитъ!—съ грескомъ отвѣчалъ мнѣ на тотъ же вопросъ лаборантъ.—Мнѣ даже дѣла нѣтъ до того, что выйдетъ изъ моего труда; я ему отдаю его, онъ купилъ его у меня, и конецъ... Все-таки же, что не говорите, анализъ у насъ дѣло новое и объщаетъ впереди многіе плодотворные результаты,—глубокомысленно заключалъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Но управляющій, повидимому, смотрѣлъ на плодотворность анализа болѣе скептически. Онъ пожималъ плечами, и, какъ человѣкъ хладнокровный, замѣчалъ: — Конечно, купилъ, такъ плати; но мнѣ думается, что мы не долго заживемъ здѣсь, что-то почва не та: прочности и дѣловитости не чувствуется...

Онъ былъ вполне правъ. Помимо преобладанія поэтической, игрушечной стороны въ агрономіи самого Гарусова, вся домашняя обстановка этого дѣла совсѣмъ была не подходящая. У Гарусова состоялъ еще цѣлый штатъ приживальщиковъ, а у жены его—приживалокъ, имѣвшихъ свои взгляды на вещи; существовала еще цѣлая дворня, гдѣ и десятники и даже лакеи имѣли свое мнѣніе. Вся эта орава составляла, такъ сказать, плоть и кровь Гарусовскаго дома: она жила

Гарусовымъ, созидала на счетъ его свои маленькія благосостоянія и знала Гарусова насквозь. Очень естественно, что весь заболотовскій ученый штатъ былъ совершенно чуждъ этой обстановкѣ и ея люду; этотъ людъ не могъ его переваривать, втайнѣ завидовалъ ему и ненавидѣлъ его, ибо ученые химики и дѣвицы невольнo оттирали, затемняли его, а главное—при нихъ нельзя было тянуть и хапать подъ видомъ преданности и любви къ хозяину.

— Тутъ чортъ знаетъ, что творится,—говорилъ молчаливый управляющій:—на каждомъ шагу всякая дрянъ ножку ставить. Вѣдь, кажется, Гарусовъ очень порядочный и умный человекъ, а подите, какъ трудно иногда отдѣлать барина отъ его холуя или приживалки, такъ кругомъ російскимъ добромъ и несеть... Увидите, скоро будетъ конецъ, не заживемъ; да и игрушка очень ужъ дорогая...

И дѣйствительно, игрушка была очень и очень дорогая. Я узналъ, наконецъ, точно, хотя самъ Гарусовъ никогда не проговаривался и, вообще, не любилъ вопросовъ въ этомъ направленіи, что одинъ только скотный дворъ вѣхалъ ему въ 60 тысячъ рублей. Конечно, о какихъ-нибудь доходахъ смѣшно было при этомъ и думать, принимая во вниманіе еще ученыхъ молочницъ, лабораторію и проч.

Въ виду этихъ данныхъ, конечно, не я одинъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что повсемѣстный отбой и реакція у Гарусова явится неизбежно; оставалось только наблюдать, скоро-ли и въ какой, именно, формѣ совершится вся эта ливидация—на радость всей дворовой стаи и въ посрамленіе російской ученой агрономіи.

Первые маленькіе плоды стали оказываться даже раньше, чѣмъ я ожидалъ. Въ ту же осень, когда я спросилъ у Гарусова, каковъ у него былъ умолотъ ржи, онъ презрительно процѣдилъ сквозь зубы:—Почти что нуль.—Какъ такъ?—изумился я.—Это при вашемъ-то удобреніи и обработкѣ?..

— Да-съ...—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ,—при моемъ удобреніи... Представьте, запахали рожи подъ плугъ. Вотъ вамъ и результаты!

— Какъ подъ плугъ, затѣмъ это?—спросилъ я.

— Да такъ-съ подъ плугъ, понимаете, сѣяли подъ плугъ, по личному совѣту нашего знаменитаго агронома,—и онъ съ саркастическимъ хохотомъ назвалъ при этомъ фамилію одного изъ извѣстныхъ сотрудниковъ спеціально агрономическаго журнала.

— Можетъ быть, онъ совѣтывалъ вамъ задрѣлать сѣмена многокорпуснымъ плугомъ,—осторожно замѣтилъ я.

— Какимъ тамъ многокорпуснымъ,—раздражился Гарусовъ —самымъ обыкновеннымъ экзертовскимъ завалили вершка на три-четыре.

Я только пожалъ плечами.

Очевидно, Гарусовъ слишкомъ положился на свои познанія и валилъ теперь неудачу на неповинную «науку».

VIII.

Только къ концу четвертаго года моя ферма успѣла окончательно стать на ноги или, лучше сказать, совершенно содаться заново на той мерзости запустѣнія, которую я засталъ вначалѣ. Кругомъ фабрики, дѣйствительно, все завеленѣло и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде нельзя было пройти отъ зловонія и глазъ постоянно натывался только на груды всякихъ свалоковъ и разной драни, теперь или волновалась могучая рожь, или такой-же овесъ, съ широкимъ темно-зеленымъ перомъ, или пестрѣлъ густой и роскошный клеверъ, особенно изумительно удавшійся на десятинахъ, заваленныхъ прежде хлористой известью, которую удалось переработать, съ помощью отбросовъ съ значительнымъ процентомъ сѣрной кислоты, въ гипсъ. Болота всѣ исчезли и были уже подняты подъ пашню; огороды давали до 8 тыс. пудовъ одной только капусты, и всѣ поля, представлявшія прежде сплошную испекшуюся отъ излишней поливки глину, теперь почернѣли и рассыпались пухомъ.

Съ удовольствіемъ вспоминали мы съ рабочими, какъ о прошломъ уже времени, когда на тѣхъ-же поляхъ приходилось разбивать обухами глыбы глины.

— И куда все дѣвалось?—говорили они, запуская широкіе плуга въ рыхлую землю.—Вишь, пахота-то теперь какая легкая, да веселая стала: любо!

Весь инвентаръ живой и мертвый былъ тоже въ хорошемъ видѣ и порядкѣ. Скотъ сильно улучшился подборомъ и скрещиваніемъ. Всѣ эти результаты удалось получить только съ затратой 500 руб., заплаченныхъ за альгаузскаго производителя и трехъ коровъ ярославокъ. Остальная скотина была подобрана постепенно изъ обыкновенныхъ мѣстныхъ крестьянскихъ коровъ, выдававшихся по своей удоинести.

Я убѣдился, что наша простая крестьянская корова, которую часто величаютъ тасканской породой (отъ тасканья ее весю за хвостъ, когда она валится съ голода), при внимательномъ уходѣ, подборѣ и скрещиваньи можетъ замѣчательно быстро поправляться и крѣпнуть, представляя всѣ данныя для этого, чтобы дать изъ себя стойкую, выносливую и очень выдую и благодарную породу.

Но было у меня на фермѣ и одно слабое мѣсто—это саче аданіе скотнаго двора.

Поддавшись на соблазнъ красноуфимской школы, я задумалъ, по ея рецепту, «дешево и сердито» выстроить глинобитный скотный дворъ, весьма почтенныхъ размѣровъ (60 арш. длины и 15 шир.),—на что и успѣлъ склонить хозяина. Главная цѣль тутъ была демонстрировать такія постройки среди крестьянъ. Слава Богу, что я еще побоялся, въ виду солидныхъ размѣровъ зданія, опереть крутую и тяжелую крышу прямо на глиняныя стѣны и положилъ ее на хорошіе деревянные столбы, а то этотъ дворъ постигло-бы неминуемо полное разрушеніе. Дѣло въ томъ, что глинобитныя стѣны до 1 арш. толщины могутъ просохнуть только въ самое жаркое, засушливое и продолжительное лѣто; затѣмъ онѣ дають неправильную осадку и опасные прогибы, требующіе перекладки. Можно судить по этому, какъ пригодны были такія зданія, на примѣръ, въ Пермской губерніи. Что же касается до матовыхъ, пропитанныхъ глиною крышъ, то кто-то совершенно справедливо выразился о нихъ въ специальной газетѣ, что если онѣ и не горятъ, то пропускаютъ воду, какъ рѣшето, въ чемъ мнѣ и пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться тогда, когда уже весь дворъ стоялъ подъ такой крышею.

Гарусовъ не пропускалъ, конечно, случаевъ отпускать шуточки на счетъ этой постройки.

— Блестить вашъ дворъ, Николай Павловичъ,—острилъ онъ,—только какъ-бы онъ не провалился блистательно?..

— Ну, провалиться-не провалится,—отшучивался я,—а вотъ крышу придется перекрыть непременно. Впрочемъ, помните вашу поговорку: «Тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ».

— Какъ вы говорите?—переспросилъ онъ.

Я повторилъ.

— Да, да!..—протянулъ онъ съ усмѣшкой.—Только вотъ бѣда, что эти ошибки-то очень по карману, знаете, бьютъ.

Меня-ли онъ хотѣлъ упрекнуть, или вспомнилъ свое Заболотово, такъ и осталось нерѣшеннымъ.

— Взгляните все-таки же на скотный дворъ поближе,—предлагалъ я.—Вообще пора вамъ, Герасимъ Ивановичъ, ознакомиться съ фермой; а то вѣдь 4 года, какъ я веду у васъ хозяйство, а вы хоть бы разъ посмотрѣли на него.

— Что тутъ смотрѣть,—отвѣчалъ Гарусовъ.—Ваша ферма при нашемъ дѣлѣ составляетъ такую маленькую и незамѣтную величину... Притомъ я знаю, что всѣ средства вамъ теперь даны, удобреніе всевозможное и даровое подъ руками, сбытъ обезпеченный и на мѣстѣ самаго производства,—понятно, что все должно идти хорошо,—закончилъ онъ, налегая особенно на слово «должно».

Я чувствовалъ, что онъ сердить и язвить меня за мое мнѣніе о заболотовскомъ хозяйствѣ. Это я видѣлъ еще изъ того,

что Гарусовъ уже не приглашалъ меня, какъ прежде, въ свое Заболотово и избѣгалъ при мнѣ говорить о немъ. Между тѣмъ, слухи отсюда все-же долетали. Говорили, что тамъ всѣ перессорились, что прислуга и приживалки несутъ разные сплетни, что агрономы чуть не воюютъ, растерялись и опустили руки, — однимъ словомъ, всѣ эти слухи предвѣщали неизбѣжный заболотовскій крахъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы всѣ имѣли удовольствіе услышать, какъ Гарусовъ за завтракомъ, намазывая на хлѣбъ масло, вдругъ изрекъ:—Ну, нѣтъ, Николай Павловичъ, у васъ масло далеко не то, что у меня въ Заболотовѣ наготовилъ въ лабораторіи Павелъ Федоровичъ... Химически чистое-съ. Цѣлые пуды накопились.

— Зачѣмъ-же это у него такъ много накопилося? Должно быть неудачныя работы были?—спросилъ кто-то.

— Не-е-возможный!.. А главное—страшная недобросовѣстность!.. Представьте: ни одной вѣрной записи въ книгахъ, въ анализахъ голое вранье... Конечно, прогнать... Ме-е-рзавцы!..—гнѣвно добавилъ Гарусовъ почему-то уже во множественномъ числѣ и грузно повернулся на своемъ стулѣ.

— Ничего! хорошій дипломъ на званіе агронома отечественной школы Герасима Иванова сына Гарусова, — подумалось мнѣ.

Не долго пѣлъ того, просуществовалъ и ученый управитель.

— Чортъ знаетъ, что за неумѣлость такая, — говорилъ опять Герасимъ Ивановичъ, будучи на фабрикѣ, — что за невѣжество въ дѣлѣ у этихъ петровцевъ?.. Какъ бы вы думали? Всю кормовую свеклу ухитрился поморозить, весь скотный дворъ оставилъ безъ корма...

— А вѣдь помните, я какъ-то говорилъ вамъ, Герасимъ Ивановичъ, — рѣшился вставить я свое слово, — что здѣсь кормовую свеклу сѣять рискованно: или не дойдетъ до полного вызрѣванія, или не успеешь убрать по причинѣ раннихъ морозовъ. Навѣрно, и теперь тоже было: морозы начались очень рано.

— А! не то вы говорите, — раздражительно заспорилъ Гарусовъ. — Нѣтъ-съ, ужъ пожалуйста, Николай Павловичъ, не защищайте этихъ нашихъ милыхъ агрономовъ...

— Вы такъ горячо нападаете на всѣхъ безъ исключенія, — шептался я, — что, должно быть, и мнѣ приходится забыть, что тоже агрономъ...

— Да ужъ, какъ знаете, — отвѣтилъ онъ, но спохватившись, что заходить уже далеко, онъ быстро перемѣнилъ тонъ спокойно вѣжливо добавилъ, — я говорю о большинствѣ этой юной нашей молодежи... Признайтесь, что до настоящаго изъ ей еще далеко.

— Но и вы признайтесь тоже, что для этого должна быть

хорошая практическая школа. Доканчиваетъ ученѣе жизнь; а гдѣ-же у насъ, Герасимъ Ивановичъ, такіа хозяйства, гдѣ бы можно было научиться? хоть шаромъ покати; сами теперь, я думаю, знаете по опыту.

Прошелъ еще мѣсяцъ. На вопросъ одного изъ директоровъ: не нужно-ли Гарусову управляющаго въ Заболотово, онъ отвѣтилъ:

— Нѣ-ѣтъ! У меня теперь Прохоръ, знаете, мой десятникъ, хозяйничаетъ... И право, я о-очень доволенъ имъ, — продолжалъ онъ съ чувствомъ: — жалованья всего 25 рублей въ мѣсяцъ, распорядителенъ, честенъ, встаетъ вмѣстѣ съ курами, все, что поручишь, исполнить аккуратно; а мнѣ больше ничего и не нужно, кромѣ исполнительности и русской сметки: руковожу я самъ.

Такъ, до истеченія двухъ лѣтъ, отцвѣли гордыя сельскохозяйственныя надежды Герасима Ивановича, собиравшагося двинуть безкорыстно російскую агрономію по пути славы и науки...

И вспомнилась мнѣ при этомъ бесѣда съ однимъ изъ мелкихъ приказчиковъ на бѣльникѣ по поводу постройки мнѣ дома на фермѣ:

— О-очень ужъ васъ, видно, полюбилъ нашъ хозяинъ, — говорила мнѣ эта продувная бестія, шныряя глазами. — Вишь, какой домъ велѣлъ строить! О-очень, значить, расположился къ вамъ... Ну, а знаете, только крутъ онъ у насъ бываетъ подъ часъ... Все это любить, любить, да сразу, чуть что и отрѣжетъ... Много ужъ бывало такихъ случаевъ-то... Сейчасъ и въ шею-съ!.. — закончилъ онъ значительно и плутовски сверкнувъ глазами. — Да-а-съ!..

— Да-а-съ! — вспомнилось мнѣ теперь, — «сейчасъ и въ шею-съ»!.. Вотъ тебѣ и російская агрономія! Надо принять къ свѣдѣнію и подвести итоги.

IX.

Кстати теперь и ферма стала совсѣмъ на ноги, и мнѣ можно было уже ясно видѣть результаты своего хозяйства, какъ въ смыслѣ его доходности, такъ и въ отношеніи того значенія, которое оно могло имѣть среди окружающаго его крестьянства.

Въ первомъ случаѣ жаловаться было нечего: среднимъ числомъ за всѣ пять лѣтъ, причемъ одинъ годъ былъ вслѣдствіе штрафовъ съ дефицитомъ, чистый доходъ отъ фермы составилъ слишкомъ 5%, причемъ этотъ процентъ былъ-бы гораздо выше, еслибы не отчислялось еще на погашеніе всѣхъ заново возведенныхъ дорогихъ построекъ и прочаго инвентаря. Такимъ

образомъ, выходило, что еслибы на этомъ ничтожномъ клочкѣ, менѣе 100 десятинъ велъ дѣло самъ владѣлецъ, то онъ получилъ бы около 13% дохода ежегодно. Что касается второй стороны дѣла, т. е. того демонстративнаго вліянія благоустроенной фермы на окружающее ея крестьянское ховайство, о чемъ теперь такъ усиленно хлопочуть, то, положа руку на сердце, надо было признать безспорно, что это вліяніе равнялось почти полному нулю.

Правда, крестьяне восхищались роскошными клеверными полями и вліяніемъ на нихъ гипса; любовались могучей пробштейнской рожью, которая такъ сильно кустилась, что они сами же насчитывали иногда отъ одного зерна по 20 колосѣвъ; изумлялъ ихъ и псковскій ленъ, и косилка съ другими орудіями; но все это было нѣчто столь недоступное для крестьянина, что не приходилось даже и мечтать.

Цѣлыя толпы собирались первое время смотрѣть на работу косилки, слышались безпрестанныя восклицанія: «смотри-ка, смотри, какъ стрижеть ловко», а въ заключеніе явился и приговоръ: «прощай, братцы, теперь гарусовскіе луга, видно не работать ужъ намъ больше на нихъ». Нравились очень и гвардовскія бороны, даже нѣкоторые изъ крестьянъ возгорѣлись было желаніемъ завести ихъ у себя; но когда узнали, что цѣна каждой 40 руб., то только затылки почесали, и я услыхалъ короткое замѣчаніе: «Эхъ, такъ-то еел.. какъ кусается... Видно, не для насъ она...» Являлось также ко мнѣ не мало крестьянъ съ просьбами промѣнять рожь или уступить фунтика 3—4 льняного сѣмени; я исполнялъ ихъ просьбы, но проходило года два и тѣже крестьяне говорили: «Нѣтъ, Николай Павлычъ, правду ты говорилъ; видно, не на нашихъ мужицкихъ земляхъ водить такіе хлѣба: выродились, вѣдь, совсѣмъ какъ наши стали... Силы, значить, въ землѣ нѣтъ».

На счетъ плужной обработки возникли даже споры. «Хорошо твои плуга работаютъ,—толковали мнѣ нѣкоторые хозяева,—хулить нельзя, ну, а самолетъ не уступить имъ, а дешевле-то ужъ и говорить нечего...»

Сначала я только улыбался.

«Ну, давай на споръ, — говорили они. — Ты паши своимъ плугомъ на парѣ, а я буду самолетомъ въ одиночку—чья возьметъ?»

Самолетъ—это крестьянское подражаніе плугу. У него есть и ножъ, и отваль, только весь станокъ деревянный съ оглоблями; отваль тоже деревянный и обивается жестью. Пашется всегда въ одну лошадь съ дугой; регуляторомъ служить длина натяжки и черезсѣдельникъ; на ходу онъ довольно стоекъ на ежокъ. Цѣна самолету отъ 6—7 рублей а самъ крестьянинъ дѣлаетъ его дома и за 4 руб.

Произвели опыгъ, и, дѣйствительно, самолетъ очень мало отставалъ отъ плуга, а пахать имъ можно и до 6 вершковъ; пласты отваливались не такъ правильно, но это легко было исправить, измѣнивъ устройство отвала. Какъ бы то ни было, самолетъ вышелъ изъ испытанія съ честью и, по своей дешевизнѣ, простотѣ ремонта, сбереженію рабочей силы и скорости работы, былъ замѣчательно пригоденъ къ дѣлу, такъ что въ послѣдствіи я половину полей обрабатывалъ уже ими. Тѣ одиночные плуга, подъ названіемъ крестьянскихъ, которые продаютъ разные механическія заведенія, больше ничего, какъ игрушки въ сравненіи съ самолетами въ смыслѣ скорости и качества работы.

Итакъ, скорѣе ферма воспользовалась кой-чѣмъ изъ практики крестьянскаго хозяйства, чѣмъ могла по-сосѣдски послужить на пользу послѣдняго. О какомъ тутъ примѣрѣ можно было разсуждать, когда все крестьянское хозяйство-то висѣло на ниточкѣ; а кромѣ того, еще и фабрика такъ губительно помогала въ разореніи этого хозяйства, что тутъ же рядомъ съ нею было не мало такихъ крестьянскихъ полосъ, на которыхъ еле прозябалъ какой-нибудь чахлый и рѣдкій овсянко, хотя та же фабрика каждому предлагала свои отбросы и золото, да не хватало уже ни времени, ни силъ для этого, потому что и лошадь-то для вспашки запрашивалась часто у сосѣда.

Не выполнялась и другая задача фермы, о чемъ мечталъ я съ самаго начала. Перерабатывая, по выраженію хозяина, всю фабричную нечисть въ продукты продовольствія, я полагалъ, что ферма будетъ доставлять для фабричнаго населенія свѣжій и дешевый продуктъ; однако, вышло не то: лабазъ, принимая продукты, продавалъ нѣкоторые чуть не вдвое дороже разцѣнки, да притомъ портилъ ихъ еще и подмѣсами. Такимъ образомъ, проигрывалъ и потребитель, проигрывала и ферма, а наживался почему-то только лабазъ.

Когда пришлось указывать Гарусову на такое барышничество и прямо даже на утягиванье доходовъ фермы, хозяинъ опять дѣлался сухъ и недоволенъ.

— Э-э! Николай Павловичъ,—возражалъ онъ какимъ-то брюзгливо небрежнымъ тономъ.—Не стоитъ игра свѣтъ! А кромѣ того, не все-ли равно, лабазъ или ферма даетъ намъ барышъ? Карманъ вѣдь одинъ!

— Но для фермы это не все равно,—старался я доказать.—Вы будете, напримѣръ, видѣть очень скромный доходъ, а въ дѣйствительности отъ нея наживается лабазъ. Интересно же, наконецъ, это видѣть и знать хоть изъ отчетовъ.

— Мы и знаемъ это,—сухо отвѣтилъ онъ.—Вообще не стоитъ говорить объ этомъ: все это пустяки,—отрубилъ Гарусовъ.

Говорить, и въ правду, уже больше ничего не стоило. Видимо лабазъ составлялъ тоже большое мѣсто у Герасима Ивановича. Онъ становился уже не у одного меня въ горлѣ. Всюду слышны были жалобы, что изъ него отпускаются не доброкачественные продукты; а такъ какъ жалобы эти заявлялись не рабочими, а фабричной аристократіей и, наконецъ, въ нѣсколько голосовъ были переданы самому хозяину, то ему, волей неволей, пришлось высказаться опредѣленно.

— А-ахъ, господа! — заговорилъ онъ, протягиваясь въ креслѣ и искусственно вѣвая. — Еслибы вы только знали, какъ надобѣлъ мнѣ этотъ лабазъ и какъ бы я былъ радъ развязаться съ нимъ... Но какъ? право, не знаю...

— Устройте потребительное общество, — поймалъ его кто-то на словѣ.

— Потребительное общество?.. — переспросилъ онъ. — Что же!.. я очень радъ... Пожалуй, начинайте, — произнесъ онъ нѣсколько легкомысленно. — Помѣщеніе фабрика, во всякомъ случаѣ, дастъ даровое и даже, можетъ быть, на первое время открыть небольшой кредитъ.

Дѣло было выгодное для всѣхъ и потому живо закипѣло. Тотчасъ-же были выбраны члены въ комиссію для выработки устава. За основаніе было принято сдѣлать непременно дольщикомъ каждаго мелкаго покупателя, т. е. рабочаго; число паевъ на одно лицо было ограничено до трехъ; вообще, дѣло было поставлено въ принципѣ хорошо. Но когда проектъ былъ выработанъ и пришлось приступить къ его осуществленію, то совершенно неожиданно натолкнулись не только на полное равнодушіе къ нему со стороны благодушнаго хозяина, но даже какъ будто бы и на желаніе его покончить весь этотъ вопросъ заморомъ.

— Вотъ разсмотримъ, вотъ потолкуемъ; надо все сообразить, господа, поосновательнѣе, какъ бы, знаете, не попасть въ просакъ, — отыгрывался хозяинъ.

Наконецъ, поймали какъ-то удобную минуту, и одинъ мрачный техникъ спросилъ у Гарусова объ участи устава.

— Да, знаете, господа, — съ легкимъ тономъ участія заговорилъ Герасимъ Ивановичъ, — къ сожалѣнію, наврядъ-ли онъ можетъ осуществиться; даже можно сказать, что онъ почти на-вѣрное не пойдетъ... Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: я говорилъ кой съ кѣмъ изъ имѣющихъ власть, и мнѣ было положительно заявлено, что нынче очень неблагоприятно относятся наверху ко всякимъ этимъ потребительнымъ обществамъ. Ну, а поставить все продовольственное дѣло фабрики на такую непрочную почву, согласитесь, крайне рискованно. Понимаете?..

Ахъ, слушая эту рѣчь, отлично понимали, въ чемъ тутъ суть, и тѣмъ не менѣе уличать хозяина во враньѣ не приходилось,

и членамъ комиссіи пришлось ограничиться лишь короткимъ сожалѣніемъ и благородно ретироваться.

— Видно, у нашего Герасима Ивановича ужъ либеральнаго пороха перестало хватать,—грубо состригъ кто-то по поводу хозяйской рѣчи.

— Конечно, этого было надо ждать,—ораторствовалъ послѣ одинъ скептикъ.—Съ какой стати хозяинъ поступился-бы лабазомъ, когда онъ даетъ 30 тысячъ чистаго дохода? Дѣла-то на фабрикѣ, сами знаете, не больно въ блестящемъ видѣ... Одного товара въ складахъ лежить на девятьсотъ тысячъ и съ рукъ нейдетъ... Ну, сбавилъ на первое время, а послѣ и спохватился... Дѣло понятное.

Дѣйствительно, фабричныя дѣла шли куда не бойко. Товаръ работался, а съ рукъ не шелъ; рабочихъ сокращали, вездѣ заговорили объ экономіи, и самъ хозяинъ нерѣдко жаловался на тяжелый кризисъ и денежный курсъ.

— А что, Герасимъ Ивановичъ,—спросилъ его одинъ изъ юношей-практикантовъ,—когда и при какихъ условіяхъ по вашему мнѣнію этотъ кризисъ долженъ кончиться?

— О-о! батенька,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой.—Это болѣзнь хроническая... По моему, очень долго, т. е. все равно, что никогда, ибо мы съ вами не дождемся ея конца.

— Въ чемъ-же причина?—спрашивалъ студентъ.

— Въ чемъ?.. Да очень просто! въ томъ, что у насъ нѣтъ прочнаго покупателя!.. Понимаете, мужикъ разорился, а онъ и есть первый нашъ покупатель. Ну, а какъ вы полагаете, скоро онъ разбогатеетъ? А?—спросилъ хозяинъ со смѣхомъ самого убѣжденнаго радикала.

Объясненіе было безспорное, но юноша не удовлетворился.

— Однако, сколько я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ не очень-то жалуются на дѣла,—заявилъ онъ.

— Гдѣ это?.. У кого?.. Ужъ не у тепловскихъ-ли, напримеръ?—презрительно спросилъ Гарусовъ.

— Да, именно у нихъ,—отвѣтилъ тотъ.

— А вы знаете-ли,—возвышая голосъ, продолжалъ Гарусовъ,—сколько эти тепловскіе удерживаютъ ежегодно, напримеръ, штрафныхъ денегъ съ своихъ рабочихъ?..

— Думаю, что не мало,—отвѣчалъ юноша.

— Ну, нѣтъ, однако, какъ вы думаете?—пыталъ Гарусовъ.

— Ну, тысячъ 30, можетъ быть, 50.

— Пятьдесятъ!..—захохоталъ онъ.—Нѣтъ-съ!.. Болѣе 200 тысячъ! Они всю администрацію оплачиваютъ этими штрафами. Да и то еще безпрестанно телеграммами дѣлаютъ выговоры своимъ директорамъ за слабое поступленіе ихъ... Это фактъ-съ!.. Вотъ вамъ и коммерція тепловская,—презрительно добавилъ

онъ, — не всѣ же способны слѣдовать путемъ этихъ негодяевъ и создавать рабочіе бунты!..

Какъ-бы то ни было, а дѣла фабрики не улучшались; тутъ еще сдѣлались какія-то серьезныя поврежденія въ паровой. Пришлось остановить на цѣлый мѣсяцъ работу, пока эти поврежденія исправлялись; а между тѣмъ, рабочихъ нельзя было рассчитать, и имъ платилось жалованье по прежнему. Хозяинъ дѣлался все молчаливѣе и старался всегда поскорѣе уѣхать съ фабрики. Фабрика, видимо, тяготила его, раздражала и визиты его стали дѣлаться туда все рѣже и короче. Такое состояніе хозяйскаго духа отразилось и на его сотрудникахъ: всѣ распорядители стали какъ-то едержанны и все больше удалялись по своимъ семьямъ. Стали, наконецъ, замѣчаться такія явленія, о которыхъ прежде на фабрикѣ не было и помину.

Рабочіе начали жаловаться на болѣзни желудка. На фермѣ тоже всѣ захворали животами; къ этому присоединилась еще и рвота. Бѣгали, конечно, въ больницу, пили лѣкарства, а болѣзнь не прекращалась. По тщательномъ изслѣдованіи пищи рабочихъ, дѣло тотчасъ-же разъяснилось.

Оказалось, что лабазъ пустилъ въ продажу какую-то свинину по крайне дешевой цѣнѣ, по 3 коп. за фунтъ. Рабочіе накинулись на такое дешевое мясо и отравлялись. Надо было удивляться той наглости и дерзости, съ какою лабазъ рѣшился на такую явную отраву людей. Мясо кишѣло червями и издавало отвратительный запахъ, но лабазникъ присолилъ его, подбавилъ кой-какихъ духовъ, чтобы скрасить товаръ; вареное оно издавало еще большій смрадъ.

— Это, дѣйствительно, — говорили рабочіе, — какъ поѣшь этой свинины, такъ и начнешь кататься отъ живота.

— Зачѣмъ-же вы берете такую мерзость? — спрашивалъ я ихъ.

— Да, вѣдь, мы не знали, что она такая вредная. Такъ, думаемъ, съ душкомъ малость... А больно ужъ дешево... Ну, каждый и хваталъ побольше, потому лабазникъ говорилъ, что скоро такая цѣна прекратится... А теперь забрался много, такъ знаете, — признавались они нѣсколько конфузливо, — какъ-то кидать-то жалко: вѣдь тоже деньги платены... Думается, съѣдимъ полегоньку...

— Ну, ужъ, какъ вы хотите, — рѣшилъ я, — а свинину сейчасъ-же въ яму. Я постараюсь какъ-нибудь вознаградить васъ за нее...

Отобравъ образцы этого товара, я отправилъ его къ фабричному врачу, пользовавшемуся большимъ кредитомъ у хозяина, съ просьбой сейчасъ-же принять должныя мѣры, т. е. осмотрѣть лабазъ и уничтожить гнилое мясо.

Правда, на другой-же день продажа этой отравы была

прекращена, и 250 пудовъ свинины, какъ мнѣ повѣдали съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ рабочіе, были свезены въ лѣсъ и зарыты; но замѣчательно, что послѣ этого ни хозяинъ, ни докторъ, ни лабазникъ ни единымъ словомъ не обмолвились со мной объ этомъ происшествіи.

Я не утерпѣлъ, однако, и какъ-то спросилъ врача—получилъ-ли онъ мою записку?..

— Да!—отвѣтилъ тотъ холодно.—Все сдѣлано, что нужно.

— Какимъ образомъ лабазъ рѣшился на такое злоупотребленіе?—спросилъ я нарочно, чтобы слышать, что онъ мнѣ на это скажетъ.

Докторъ пожалъ плечами...

— Просто недосмотръ,—отвѣтилъ онъ и вѣжливо раскланялся со мною.

Ой, фабрика, фабрика! думалось мнѣ. Какая въ тебѣ сидитъ дьявольская сила! А между тѣмъ, этотъ же врачъ, я знаю, умиралъ о своихъ больныхъ и таскалъ на своихъ плечахъ по ночамъ изъ деревень опасныхъ больныхъ въ фабричную больницу—словно отмаливалъ этимъ всѣ фабричныя грѣхи.

При подобной обстановкѣ пропадалъ, конечно, постепенно и у меня всякій интересъ къ работѣ. Не велико было удовольствіе трудиться для какого-то темнаго барышничанья фабричнаго лабаза, безпрестанно сталкиваться со всѣми мелкими фабричными самолюбивцами и подвохами, оглушаться фабричнымъ сквернословіемъ и въ заключеніе видѣть не только полное равнодушіе къ дѣлу фермы со стороны самого хозяина, но иногда уже и кой-что похуже. Конечно, фабричная администрація скоро подмѣтила это, и всѣ, кто только могъ и хотѣлъ, стали относиться къ интересамъ фермы еще съ большимъ пренебреженіемъ и нахальствомъ. Словомъ, надо было подумать и о своемъ багажѣ.

Обычный годовой отчетъ былъ уже давно сданъ мною на руки хозяина. Этотъ годъ былъ самый неблагоприятный: безпрестанные дожди погубили все сѣно, хлѣба повалились и пропостали на корню, а паводки испортили и огороды; кромѣ того, погашеніе дорогихъ построекъ тяжело легло на бюджетъ, и получился дефицитъ. Въ теченіе пяти лѣтъ одинъ годъ неудачный, конечно, не составлялъ ничего особеннаго; но въ связи съ общимъ положеніемъ ховайскихъ дѣлъ, легко могли видоизмѣниться и взгляды самого Гарусова, такъ легко поддающагося первымъ впечатлѣніямъ. Примѣръ Заболотова у меня тоже былъ на глазахъ. Прошло уже много времени, а ни объ отчетѣ, ни объ хозяйствѣ не было ни слуху, ни духу. Разныя фабричныя власти тоже что-то загадочно показывали головами и на вопросы о хозяйствѣ не менѣе загадочно отвѣчали: «у него слишкомъ много болѣе важныхъ дѣлъ въ настоящее время;

«наврядъ-ли вамъ будетъ удобно отрывать его отъ нихъ... Да и вообще онъ, кажется, еще и не совсѣмъ здоровъ. Повремените».

Совершенно случайно, однако, будучи въ городѣ, я встрѣтился съ Герасимомъ Ивановичемъ на улицѣ, и онъ зазвалъ меня къ себѣ для передачи какихъ-то образцовъ фабричному химику. Да, правда, Гарусовъ смотрѣлъ совсѣмъ больнымъ человѣкомъ: онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и даже какъ будто нѣсколько посѣдѣлъ. Вообще, онъ имѣлъ какой-то усталый видъ. Онъ наскоро передалъ мнѣ посылку; видно было, что я ему больше не нуженъ. Прощаясь, я вскользь спросилъ, скоро-ли онъ думаетъ быть на фабрикѣ?

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, какъ-то нехотя.—Особенной нужды, кажется, нѣтъ никакой. Развѣ вотъ съ Б. прїѣдемъ,—и онъ называлъ одного моего хорошаго знакомаго.—Я жду его.

— А-а!—замѣтилъ я.—Ну вотъ и мнѣ будетъ прїятно увидаться съ нимъ.

— Прекрасный человѣкъ, достойный полнаго уваженія человѣкъ,—заговорилъ, вдругъ оживляясь, хозяинъ.—Знаете, нынче очень ужъ рѣдко можно встрѣтить такихъ хорошихъ людей. Выдержка, вѣрность своему слову, честность замѣчательная, не говоря уже про его умъ...

— Я всегда зналъ его такимъ,—вставилъ я.

— Да! вотъ въ этомъ-то и суть, Николай Павловичъ, что человѣкъ всегда былъ вѣренъ себѣ,—какъ-то особенно подчеркнул Гарусовъ. Вы знаете, разъ онъ былъ мнѣ долженъ... ну, тамъ пустяки какіе-то, что-то тысячъ 7—8 рублей на срокъ. Дѣла его тогда были сильно плохи. Такъ не повѣрите-ли? Онъ чаю не пилъ, женѣ отказывалъ въ новыхъ башмакахъ, чтобы только въ срокъ выплатить деньги, хотя я самъ всячески убѣждалъ его не обращать на этотъ срокъ никакого вниманія... Нѣтъ-таки: лишалъ себя всего и заплатилъ день въ день до копѣйки!.. Вотъ это человѣкъ!—закончилъ Гарусовъ, волнуясь и какимъ-то особеннымъ, приподнятымъ тономъ. Въ этомъ тонѣ слышалось нѣчто совсѣмъ необыденное и наболѣвшее. Я съ удивленіемъ мелькомъ взглянулъ на его лицо. Да! именно боль и тревога отражалась въ его глазахъ, и самъ онъ былъ взволнованъ и тяжело дышалъ.

— Да-съ, Николай Павловичъ,—опять заговорилъ хозяинъ, медленно, словно въ раздумьи и провожая меня вдоль залы,—честность, особенно коммерческая — великое дѣло!.. У насъ почему-то привыкли считать ее за ничто и относятся къ ней какъ-то легко, чуть не съ подоврѣніемъ... Ну, нѣтъ-съ!.. опять повысилъ онъ голосъ.—Порядочные люди или вонъ голодомъ морятъ себя, или... пулю пускаютъ въ лобъ!..—И онъ какъ-то нервно сунулъ мнѣ руку и съ короткимъ «до сви-

данья» круто повернулъ въ кабинетъ, словно боясь сказать что либо лишнее.

Я вышелъ отъ него изумленный. Его возбужденность, его слова, конечно, уже были не напускныя и даже, можетъ быть, вырвались у него помимо воли. Что-то ужъ накалило у Герасима Ивановича на душѣ, и это что-то, безъ сомнѣнія, были его коммерческія дѣла... Неужели-же трещить цѣлое состояніе, а съ нимъ, можетъ быть, даже и доброе имя?—подумалось мнѣ съ болью на душѣ... Нѣтъ, бѣдняку легче живется!

Х.

Прошло еще съ мѣсяцъ. По фабрикѣ стали ходить сначала тихо, а потомъ все громче и настойчивѣе слухи, что хозяйскія дѣла разстраиваются, даже къ рабочимъ проникало кой-что; среди нихъ были жалобы, что туго расчетъ стала выдавать контора.

— Какъ бы-дѣ какой заминки не вышло,—толковали они.

А хозяинъ на фабрику все не являлся.

Какъ-то мнѣ пришлось въ это время зайти въ фабричную контору.

Петръ Петровичъ Крупичатый, бухгалтеръ конторы, въ своемъ родѣ былъ какой-то адемантъ коммерціи. Ученикъ хозяина, всегда свѣженькій, скромный и точный, какъ часы, одѣтый въ темную хорошо сшитую пару, довольно красивый и съ большой хорошо выстриженной головой, онъ былъ типичнымъ представителемъ нашего конторско-фабричнаго дѣла. Не видавши ничего, кромѣ уѣзднаго училища, Крупичатый тѣмъ не менѣе, какъ самъ часто выражался, любилъ дѣльную книгу. Вообще, онъ все любилъ только дѣльное.

Изъ удовольствій, напримѣръ, охоту, потому что это и для здоровья хорошо и, кромѣ того, можно дичь имѣть къ столу; изъ книгъ—отнюдь не романы или что либо изъ изящной литературы, а опять-таки только полезныя, изъ которыхъ можно было научиться трезво-коммерческому образу мыслей или искусству пріобрѣтать капиталъ. Правда, разъ онъ очень остался недоволенъ покупкой Е. Маркса, ибо надѣялся найти тамъ нѣчто поучительное по части благопріобрѣтенія; но тѣмъ не менѣе и самая эта ошибка свидѣтельствовала достаточно уже о солидномъ направленіи ума Петра Петровича.

Въ карты Крупичатый не игралъ, вина не пилъ, за то хорошо игралъ на гармоникѣ и копилъ, копилъ деньги; говорилъ онъ всегда тихо и медленно; въ церковь никогда не ходилъ, потому что считалъ это столь же не дѣльнымъ, какъ и чтеніе стиховъ съ романами; въ заключеніе слылъ знаткомъ

своего дѣла и, вообще, твердо былъ убѣжденъ, безъ всякихъ лишнихъ словъ,—такъ говорила это вся его стойкая и спокойная скромная фигура,—что во всякомъ дѣлѣ вся сила въ рублѣ и въ умѣннѣ обращаться съ нимъ, и что именно онъ—бухгалтеръ Крупичатый—и обладаетъ вполне этой премудростью.

Сознаніе этого умѣннѣ проглядывало во всей его фигурѣ, какъ спокойная и сама себѣ довѣяющая сила, не нуждающаяся въ рекламированіи.

Глядя на него, такъ и казалось, что со временемъ непременно это будетъ одна изъ нашихъ крупныхъ коммерческихъ звѣздъ.

Вопреки всегдашнему своему дѣловому обычаю, однако, на этотъ разъ онъ пустился со мной въ общія разсужденія и неожиданно задалъ вопросъ: можетъ-ли у насъ, по моему мнѣнію, идти какое либо практическое дѣло по европейскому образцу?

— Я полагаю, что не можетъ,—объяснилъ онъ сейчасъ же за меня съ спокойной улыбкой человѣка, постигшаго всю суть вопроса.

Изъ этого я заключилъ, что моего мнѣнія тутъ и не спрашивалось, а я призванъ былъ лишь проникнуться его собственнымъ.

— У насъ,—продолжалъ онъ также спокойно и наставительно,—или только баловство одно, или любятъ на даровщину, чужимъ умомъ пользоваться, а настоящихъ работниковъ нѣтъ,—закончилъ онъ и съ презрительнымъ сожалѣніемъ качнулъ своей красивой головой.

— Ну, а нашъ хозяинъ, напримѣръ, развѣ мало работалъ?—спросилъ я съ любопытствомъ, взглянувъ на бухгалтера и подзадоривая его на разговоръ,—развѣ онъ не слѣдилъ и не слѣдитъ усердно за своимъ дѣломъ и всѣми новостями его?

Крупичатый снисходительно улыбнулся...

— Какъ же, какъ же,—заговорилъ онъ, отмѣчая что-то карандашомъ въ лежащей передъ нимъ вѣдомости. — Все по наукѣ, да только изъ чужихъ рукъ... Не прочно-съ это! Много мы ужъ этихъ опытовъ его видали. Я думаю, одна заболотовская агрономія не малую прорѣху сдѣлала въ его карманѣ. А развѣ она одна была?... По его лицу опять скользнула презрительно-дѣловая усмѣшка, какъ бы говорившая: «развѣ подобные люди могутъ разумно распоряжаться капиталомъ?»

— Ну, что для него эта агрономія,—возразилъ я,—хоть и дорогая на нашъ съ вами взглядъ, а для него она только вѣдь игрушка?..

— Ну, не говорите этого,—замѣтилъ вѣско и поднимая на меня глаза бухгалтеръ.—Этихъ игрушекъ было уже не мало.

Да я вамъ скажу,—еще тише продолжалъ онъ,—кажется, и вся фабрика-то для него теперь уже только одна игрушка... Понимаете?.. — И онъ многозначительно взглянул на меня, точно выжидалъ, чтобы я вполне проникъ въ его «понимаете!»

— Хозяинъ вотъ глазъ сюда не показывааетъ,—продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—а мы за мѣсяцъ уже рабочимъ и заработка не отдаемъ... Потому платить нечѣмъ! Это какъ, по вашему, хорошая игрушка?—спросилъ онъ съ улыбкой, въ которой такъ и было написано: «я давно уже, впрочемъ, предвидѣлъ это».

— Неужели-жъ такъ дѣла плохи,—спросилъ я его, сильно заинтересовавшись слышаннымъ,—что и платить рабочимъ нечѣмъ?

— Вѣрно вамъ говорю... нашъ хозяинъ,—тихо, но четко растягивая слова, проговорилъ онъ,—виситъ на волоскѣ, и если его не поддержитъ кой-кто изъ крупныхъ людей, то дѣло пропало!.. Теперь идутъ переговоры, а чѣмъ кончатся—еще неизвестно.

«Да, подумалось мнѣ, если уже бухгалтеръ Крупичатый счелъ возможнымъ и полезнымъ заговорить въ такомъ тонѣ, то, значить, хозяйскія дѣла шибко плохи. Дѣйствительно, худые слухи все росли; росли и претензіи рабочихъ на то, что контора задерживаетъ расчетъ.

Поднимался прямо уже ропотъ... Чтобы сколько-нибудь унять его, контора стала выдавать имъ записки на получение запасовъ изъ лабазы. Но, конечно, это было очень убыточно для рабочихъ и притомъ совершенно незаконно, и претензіи съ ихъ стороны стали раздаваться еще сильнѣе.

— За какимъ намъ лихомъ вашъ лабазъ,—говорили они—намъ деньги нужны; что вы неволите своимъ лабазомъ?...

А хозяина все нѣтъ и нѣтъ!..

Фабричное начальство посылало телеграммы, тайносно ѣздило къ нему въ городъ, распускало слухи, что онъ будетъ завтра, послѣ завтра, а Гарусовъ все не являлся. Такъ прошло еще съ недѣлю. Наконецъ, толпы рабочихъ, буквально выведенныхъ изъ терпѣнія, просто не выходили ужъ изъ конторы и настоятельно требовали дачки.

Надзиратель Елизаръ Парменычъ, у котораго только и было страшнаго, что одни рыжіе длиннѣйшіе усы, съ тремя подобными же хожальными сначала хотѣлъ было повалечь на народъ и показать изъ себя начальство, но при первой-же попыткѣ былъ осаженъ грознымъ окрикомъ.

— Вамъ, пьяницамъ, чего?—кричали въ толпѣ,—вамъ тепло съ чужой водки-то... Ты къ намъ не лѣзь, коли цѣль хочешь быть, а ступай въ контору, да требуй, чтобы намъ наше кровное отдали!

Для успокоенія рабочихъ начальствомъ тутъ же, въ конторѣ, на глазахъ всѣхъ, была составлена и послана хозяину телеграмма о присылкѣ денегъ.

Часа черезъ 3—4 былъ полученъ отвѣтъ, что деньги высылаются съ поѣдомъ, а самъ хозяинъ пріѣдетъ завтра. Толпа повѣрила и разошлась. Деньги, дѣйствительно, были высланы, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что ихъ не хватило и на двадцатую долю всей дачки, и контора совала рабочимъ кому полтинникъ, кому не болѣе рубля; рабочіе брали эти деньги съ злымъ хохотомъ, насмѣшками и шумомъ.

Они не стѣснялись уже гнѣвно выражать свое неудовольствіе.

— Во-о!... раздавались громко десятки голосовъ.—У Герасима Иванова, братцы, денегъ ужъ не стало; скоро, видно, у насъ занимать станетъ... Смотри-ка: цѣльный полтинникъ отвалилъ, чтобъ ему...—и по адресу хозяина посыпались разныя нескромныя пожеланія.

— Ну, выходите, выходите поскорѣй!—торопили конторскіе.—Не задерживайте другихъ!

— Чего выходите, — огрызались рабочіе, — не гони еще—не расплатилсѣ. Какого дьявола мы на вашу дачку-то сдѣлаемъ,—прибавляли другіе, съ презрѣніемъ указывая на полученные ими гроши.

— Эхъ, братцы! Развѣ вы не знаете,—подхватилъ одинъ острякъ, —это намъ хозяинъ на выпивку жертвуетъ, за его здоровье, чтобъ ему, такъ-то его, ни дна, ни покрывки не было... Валяй, ребята, въ кабаки!..

— И то правда,—послышались многіе голоса,—какого чорта на эти деньги сдѣлаешь? Двигай, ребята!—и толпа, чувствуя себя правой и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяиномъ положенія, съ шумомъ и крѣпкими словцами высыпала изъ конторы.

На дворѣ, у дверей конторы ждали бабы: кто дачки, а кто — своихъ мужей, чтобы урвать у нихъ хоть нѣсколько грошей на семью; но когда узнали суть дѣла, то тоже загалдѣли: шумъ и крики понеслись по всей фабрикѣ, и кучи народа все плыли и плыли по направленію къ кабаку. Неизвѣстно, начальство-ли убѣдило заранѣе кабатчика, или ужъ онъ самъ струсилъ, только пронесся слухъ, что водки въ кабаки мало, и хотя это не остановило рабочихъ, потому что сейчасъ — же были наряжены послы за ней въ деревню, гдѣ были кабаки, но все-таки же много принести ея было нельзя, и это нѣсколько сдержало разгулъ. Тѣмъ не менѣе всю эту ночь на фабрикѣ слышны были крики и пѣсни. Полицейскіе не смѣли показывать уже и носа; директора и всякое начальство тихо сидѣло по своимъ квартирамъ; ночныя работы тоже остановились...

На другой день вечеромъ я зашелъ къ Дубовой провѣдать и подѣлиться всѣмъ, что накопилось на душѣ за это время.

Сверхъ ожиданія тамъ же оказалась и Скороходова, тотчасъ же прискакавшая къ своему другу, какъ только узнала, что творится на фабрикѣ; тутъ же былъ и отецъ Афанасій, заглянувшій къ ней на минуту.

Онъ пріѣзжалъ въ фабричную больницу напутствовать рабочаго, которому въ этотъ день, во время пьяной ссоры товарищъ пропоролъ ножомъ животъ.

Замѣтно было, что всѣ они находились подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ дней.

Отецъ Афанасій о чемъ-то грустно задумался, Скороходова была блѣдна и сурово молчала, а Дубова ходила по комнатѣ и, сильно разстроенная и возбужденная, горячо говорила что-то.

Это была повѣсть о всемъ пережитомъ ею за это время. Она рассказывала о томъ чувствѣ безсилія и одиночества, которое охватило ее при видѣ всего совершавшагося, о той тревогѣ, чуть не страхѣ не за свое внѣшнее, не за безопасность, а за свое внутреннее, за ту мертвенную непригодность...

— Что же тутъ сдѣлаешь, что нужно тутъ дѣлать людямъ, подобнымъ намъ?—горячо говорила она, обращаясь къ священнику, и на глазахъ ея блеснули слезы.

Отецъ Афанасій старался успокоить ее, какъ могъ.

Мы вышли вмѣстѣ, и отецъ Афанасій предложилъ довести меня домой.

Я воспользовался предложеніемъ, и мы двинулись тихой рысцей.

Темная ночь охватила уже всю фабрику. Громадные корпуса стояли неосвѣщенные и мрачные, на улицахъ ни одного зажженного фонаря, но въ этомъ мракѣ слышались порой пьяная ругань и хриплыя пѣсни; кучки полушьяныхъ рабочихъ появлялись и исчезали въ этой мглѣ.

XI.

Ферма была, конечно, въ сторонѣ, но тѣмъ не менѣе всѣ рабочіе были сильно заинтересованы ходомъ фабричнаго дѣла. Безпрестанно то тотъ, то другой изъ нихъ уходили на фабрику и возвращались оттуда съ кучами новостей.

На другой день, съ ранняго утра, разнеслась повсюду вѣсть, что ѣдетъ хозяинъ. Дѣйствительно, вотъ прокатила хозяйская коляска, а за ней повалила въ слѣдъ и густая толпа рабочихъ, растянувшись по всей дорогѣ.

Вся станціонная платформа и дворъ были запружены народомъ. Тутъ были: и мужчины, и бабы, и подростки, и даже малые ребята. Толпа держала себя скромно и прилично. Фабричное начальство все было на лицо и ожидало въ конторѣ начальника станціи.

Наконецъ, вдали протянулъ свистокъ, и вскорѣ поѣздъ плавно подошелъ къ платформѣ.

Директора шмыгнули къ вагонамъ, и черезъ секунду въ дверяхъ вагона 1-го класса показалась полная и солидная фигура хозяина. Онъ, видимо, старался держаться свободно и спокойно, но его выдавали блѣдное лицо и голосъ, въ которомъ слышались напряженность и тревога, когда онъ отвѣчалъ на привѣтствіе своихъ директоровъ.

При появленіи Гарусова, народъ молча заколыхался, но когда хозяинъ на ходу приподнял шляпу, вдругъ изъ толпы грануло оглушительное: у-у-ра!..

Разстроенный и задыхаясь отъ волненія, онъ, однако, тотчасъ же распорядился, чтобы весь народъ собрался на площади къ главному корпусу, куда онъ пріѣдетъ самъ.

Толпа, которая уже стала собираться къ его дому, быстро отхлынула на площадь и запрудила ее... Черезъ полчаса показалась хозяйская коляска; въ ней былъ только одинъ Гарусовъ.

Медленно она въѣхала въ самую середину раздавшейся толпы и остановилась.

Хозяинъ всталъ въ ней, выпрямившись во весь ростъ, по прежнему блѣдный и, видимо, взволнованный и оскорбленный. Народъ молча окружилъ экипажъ.

— Ребята! — заговорилъ онъ громко, и голосъ его дрогнулъ. Скажите мнѣ по совѣсти: обманывалъ-ли я кого-нибудь изъ васъ, обижалъ-ли когда?.. Помните, когда мука была по 2 рубля за пудъ, набавилъ-ли я хоть копейку противъ прежней цѣны?.. Когда кто-нибудь изъ васъ бывалъ въ нуждѣ и обращался ко мнѣ за помощію, развѣ я отказывалъ? Развѣ не я построилъ вамъ въ деревняхъ школы; развѣ не я плачу учительницамъ; развѣ я тяготилъ васъ штрафами, какъ другіе, или тягалъ по начальству?.. И вотъ теперь за все это мое добро какъ отблагодарили вы меня!.. Спасибо! Спасибо, братцы! — крикнулъ онъ, и въ его горлѣ что-то заклокотало и захрипѣло... — Вѣдь вы голову съ меня сняли; вы оскрамили меня теперь на всю Россію, поймите, оскрамили!.. — закричалъ онъ какъ-то дико, ударяя себя въ грудь, и слезы гордости и стыда вдругъ выступили у него на глазахъ...

Онъ замолчалъ и, тяжело дыша, выхватилъ платокъ и сталъ обтирать ѣдкія слезы, сверкнувшія у него на глазахъ, и потъ, крупными каплями проступившій на лбу.

Толпа тоже молчала; но черезъ секунду или двѣ въ ней сдѣлалось движеніе, и изъ среды ея выступили впередъ, прямо къ коляскѣ четыре человѣка. На площади совсѣмъ стихло...

— Мы васъ, хозяинъ,—заговорилъ вѣжливо, но твердо одинъ изъ нихъ,—не сраимъ... Это совсѣмъ вы говорите напрасно... А мы народъ бѣдный; намъ ѣсть нечего; у насъ нужда кругомъ, и мы своего хотимъ, а не твоего, Герасимъ Ивановичъ. Тебѣ вотъ стыдно, говоришь ты, у тебя нехватка вышла. Ну, а у насъ-то, хозяинъ, что? Подумай! Выверни карманы-то наши. У кого больше?

Въ толпѣ пронесся одобрителный гулъ.

— Я вамъ вотъ что теперь скажу,—началъ опять Гарусовъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и понявшій, что пререкаться на этой почвѣ не слѣдуетъ.—Всѣ деньги, какія кому приходятся, вы получите сегодня же; идите въ контору... Ну, а что же вы-то мнѣ скажете, напримѣръ, на счетъ прогула...

— Нѣтъ,—хозяинъ,—заговорили вдругъ на это сотни голосовъ,—нѣтъ! На это не пойдемъ, въ прогулахъ мы не виноваты: мы бы работали, кабы ты деньги платилъ. Даромъ никто своего не отдастъ! У насъ капиталы-то одни горбы наши...

И толпа вновь загалдѣла и зашумѣла.

— Ну, ладно, ладно!—громко заговорилъ хозяинъ.—Богъ съ вами! Убытокъ вы мнѣ сдѣлали большой, сраму еще больше. Богъ съ вами! Я все это прощаю. Слышите?.. — крикнулъ онъ.—Про-о-щай!.. Но только, чтобы сейчасъ же вѣзаться за работу...

— Намъ больше убытковъ-то было,—кричали въ толпѣ,—а отъ работы мы не отказываемся: плати только!..

— Вотъ что позвольте еще сказать вашей милости,—заговорилъ опять прежній рабочій.—Чтобы все было уже по чести; значить, чтобы никакихъ ни съ кого взысканій не было и никого не увольнять за это самое дѣло, потому тутъ виноватыхъ нѣтъ... Такъ-ли, ребята?—обернулся онъ къ толпѣ.

— Никого, никого чтобы!—заговорили всѣ чуть не въ одинъ голосъ,—чтобы всему дѣлу тутъ же и конецъ. Говори теперь же, Гарасимъ Ивановичъ, а безъ того и на работу не пойдемъ...

Гарусовъ задумался, но потомъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Даю вамъ честное слово, что никого судомъ преслѣдовать не стану...

— А увольнять, увольнять не станешь?—неслось изъ толпы.

— Ну, ужъ такъ и быть, не стану,—махнулъ онъ рукой,— Богъ съ вами! Только сейчасъ же за работу! Слышите?— возвысилъ онъ уже по-хозяйски свой голосъ.—И чтобы все было тихо и смирно...—И онъ сѣлъ.—Прощайте!—кивнулъ онъ имъ головой.

Коляска тихо тронулась, а въ толпѣ опять понеслось: «у-ура»...

Опять поблѣднѣло лицо хозяина; на немъ показалась не-хорошая, презрительная улыбка, и Гарусовъ велѣлъ ѣхать скорѣе.

Дорого стояло ему это объясненіе. Внутри его такъ и душило, онъ обмахивался платкомъ, а голова трещала отъ страшной боли. Его сильно поломало.

Нельзя уже было по прежнему утѣшаться своимъ благодушіемъ, и онъ тоже сталъ прозрѣвать, какъ не прочна связь, образуемая рублемъ. Одинъ и тотъ же рубль ударилъ и рабочаго, и хозяина,—но результаты этого удара были разные. Полуголодный и обездоленный человѣкъ хотя злобилъ и жестоко терпѣлъ, но внутри себя сознавалъ свою правоту, а съ ней и силу. Совершенно не то было съ хозяиномъ: этотъ ударъ попалъ ему прямо въ сердце, гдѣ былъ воздвигнутъ такой роскошный алтарь этому лукавому божеству, и вдругъ оно уходитъ, и храмъ пустѣетъ, темнѣетъ и колеблется...

Какъ бы то ни было, съ той поры всѣмъ стало кидаться въ глаза, что Герасимъ Ивановичъ уже не такъ громко и самоувѣренно говорить, какъ прежде, что онъ сдѣлался торопливъ, точно все куда-то спѣшилъ, еще болѣе похудѣлъ, сталъ ко всему равнодушенъ, и уже либеральныя слова не считали болѣе съ его устъ...

XII.

Нашу тихую ферму тоже посѣтило свое горе. Бѣдняга Михаилъ Ивановичъ схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, и его свезли въ больницу. Скорбная Наташа исхудала еще больше и на вопросъ о здоровьѣ мужа все тяжело вздыхаетъ, а иногда и тихо плачетъ.

— Ослабѣлъ совсѣмъ, кашель замучилъ, не пьетъ и не ѣстъ,—говоритъ она, тихо всхлипывая.—Что и будетъ, что и деть ужъ? Одинъ Господь знаетъ!

Всѣ товарищи, не тотъ, такъ другой, навѣщали Михаила Ивановича чуть не каждый день. Пошелъ и я какъ-то. Тамъ была уже Наташа, Василій Федоровъ и Иванъ Васильевъ.

Страшно измѣнился бѣдняга, надежды на поправку, какъ-то никакой. Онъ тяжело дышалъ и еле говорилъ.

— Ты бы поѣлъ чего, родимый,—съ сочувствіемъ промолвилъ Иванъ Васильевъ, — а то, вишь, съ лѣкарствъ-то ослабѣлъ совсѣмъ. Съѣшь, вотъ, хоть лепешечку-то, — указалъ онъ на лежавшую на столѣ ржаную лепешку.

— Охъ! Не могу,—тихо и задыхаясь отвѣчалъ больной.— Совсѣмъ нутро не принимаетъ.

Серьезно и тихо смотрѣли товарищи на Михаила Ивановича, и затѣмъ Шипуновъ, жалостливо вздохнувши, вымолвилъ душевно:

— Да, милый другъ, Михаилъ Ивановичъ, видно ужъ не встать тебѣ больше!..

— Гдѣ ужъ встать?.. — сочувственно подтвердилъ Иванъ Васильевъ.— Не къ тому ужъ видно дѣло идетъ... Прощай, милый другъ!..

Они говорили это просто и задушевно; просто и смиренно слушалъ ихъ рѣчи и больной. Всѣ они какъ будто отлично сознавали, что сама смерть есть дѣло великое и простое, не допускающее въ своей величественной простотѣ никакого лукавства и укрывательства.

— Прощайте, другъ! Простите меня грѣшного, — еле вымолвилъ имъ вслѣдъ умирающій.

Я тоже простился. Осталась одна Наташа, блѣдная и безмолвно приютившаяся въ ногахъ на его постели.

Но не долго и ей уже пришлось протрудиться. Прошло 4 дня, и Михаила Ивановича не стало. Отецъ Афанасій самъ приѣхалъ поднять его тѣло, и всѣ обитатели фермы заходили проститься съ покойникомъ. Онъ уже былъ вынесенъ въ часовню, находившуюся тутъ же около больницы. Худенькій съ измореннымъ, но тихимъ лицомъ и въ бѣлой рубахѣ лежалъ покойникъ на столѣ среди часовни. За часовней, впрочемъ, было только одно имя, а въ сущности это былъ просто плохенькій сарайчикъ, сбитый кое-какъ изъ досокъ, съ голыми стѣнами и съ длиннымъ столомъ посрединѣ. Ни образа, ни лампы—ничего не поставилъ тутъ хозяинъ: обо всемъ этомъ предоставлялось заботиться каждому, какъ угодно. Слабая досчатая дверь не только не запиралась, но даже и плохо притворялась; нерѣдко забѣгали туда собаки, заходили куры и вездѣ бѣгали крысы. Большимъ соблазномъ была эта часовня для народа, и изъ устъ рабочихъ часто вырывались горькія фразы:

— Господи, Господи! Словно мы не люди, а собаки какія! Неужто хозяину денегъ жалко, чтобы устроить часовенку по Божьему...

Отецъ Афанасій, кажется, уже могъ привыкнуть къ этому сараю, но и у него при входѣ туда навернулись горькія слезы. За то же и слова панихиды полились послѣ того изъ устъ

его такъ торжественно, такъ глубоко благоговѣйно, что сарайчикъ показался какимъ-то свѣтлымъ большимъ храмомъ, гдѣ дышетъ всеоживляющая вѣра и молить и вопіеть къ Владыкѣ жизни о прощеніи и мирѣ тамъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій...

Тѣ же рабочіе-товарищи снесли покойника и въ церковь, и на кладбище...

— Царство ему небесное и вѣчная память,—говорили они набожно крестясь и отходя отъ могилы...—Безобидный и тихій былъ человѣкъ, царство ему небесное!..

Эта тихая, убогая смерть собственно никого не поразила, не раздавила отчаяніемъ даже и молчаливую Наталью Митревну. Всѣ знали, что это — Божья воля, всѣ знали, что каждый день есть опять день неустаннаго труда, пока и ихъ не успокоитъ Богъ; а тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали ту пустоту, которую всегда оставляетъ послѣ себя умершій человѣкъ, и долго были серьезны и молчаливы... Тутъ смерть не пугала, а, напротивъ, какъ-то поднимала и оздоравливала души живущихъ.

Впрочемъ, и помимо этого радоваться было совершенно нечему. Положеніе хозяйскихъ дѣлъ стало что-то замѣтно отражаться и на обывателяхъ фермы. Какъ-то не видно прежней веселости и спокойствія, и рабочіе задумываются. Да какъ и не задумываться?..

Вотъ свелъ было Богъ всѣхъ, пріютились, отдохнули отъ фабричнаго яда; вонъ и ребятишки поздоровѣли, а теперь, пожалуй, опять на горе горькое, на фабричное, да и то еще какъ Богъ дастъ!

— Правда-ли, Николай Павловичъ, — спрашиваютъ они меня,—что на фабрикѣ новый хозяинъ будетъ?

— Не знаю, — отвѣчаю я. — А вы развѣ слышали отъ кого?..

— Да такъ, болтаетъ народъ, будто ужъ очень много жаловалъ Герасимъ Ивановъ, такъ что, вишь, и кишокъ не хватитъ на расплату.

— Слыхалъ и я это, только, впрочемъ, вѣрнаго еще ничего нѣтъ.

— Да-а!—говорили они въ раздумьи,—плохо и намъ тогда будетъ... Чай прикончить новый-то все, говорятъ, куда какъ прижмистъ...

На фабрикѣ тоже уныніе. Начальство какое-то вялое и ходитъ повѣся носъ. Всѣ они какъ-то многозначительно пожимаютъ плечами. Слухъ о громадномъ долгѣ Гарусова точно и подтверждается, называютъ даже цифру этого долга, равную одному миллиону. Если все это правда, трудно выпутаться Герасиму Ивановичу. Кажется, однако, болтаютъ много лиш-

няго. Сегодня прѣхалъ на фабрику Гарусовъ, и всѣ получили на завтра приглашеніе пожаловать на закладку какой-то чудищной трубы слишкомъ въ 35 сажень вышины. Говорятъ, что постройка ея обойдется въ 30 тысячъ. Съ какой стати дѣлать такую крупную затрату, если надо расплачиваться съ неотложными долгами? Ясно, что дѣла не особенно плохи, и многіе вдали.

Утромъ, часовъ въ 10, собрались всѣ на торжество закладки. Отецъ Іосифъ, приходскій священникъ, отслужилъ молебенъ, фабричныя пѣвчіе дѣлали изъ кожи вонъ и ревѣли отъ полноты сердца и глотки; по окончаніи молебствія, Гарусовъ важно положилъ первый кирпичъ, сунувъ подъ него предварительно золотой; то же повторили нѣкоторые изъ вышшаго начальства, и, затѣмъ, вся публика была любезно приглашена хозяиномъ на завтракъ. Завтракъ былъ скромный, вино тоже изъ дешевыхъ, но въ изобиліи.

Конечно, толковали много о тѣхъ сбереженіяхъ, которые сдѣлаетъ эта труба въ топливѣ, доказывали, что при помощи ея горѣніе будетъ совершенно бездымное; любители статистики и самъ хозяинъ рассчитывали размѣры этихъ сбереженій, переводили ихъ на каждыя аршинъ ситца, и, по мѣрѣ того, какъ подливалось вино, эти расчеты все дѣлались полнѣе и нагляднѣе, явилось веселое оживленіе, и съ шампанскимъ начались тосты: и за хозяина, и за преуспѣяніе руссiйской техники, и за точныя науки, наконецъ, даже за трубу.

— Господа! — вдругъ громко и весело заговорилъ сильно раскраснѣвшійся и немного охмѣлѣвшій хозяинъ. — Все это отлично!.. Эти будущіе успѣхи... Но только какъ бы намъ черезъ эту самую трубу да не вылетѣть всѣмъ въ трубу!.. Вотъ штука-то будетъ!.. — И онъ громко захохоталъ отъ своей остроты, да потомъ вдругъ и утихъ. Вся публика, хотя и порядочно выпившая, тоже смолкла и какъ-то сконфуженно и криво улыбулась. Сконфузился и самъ хозяинъ отъ такого экспромпта, а батюшка, отецъ Іосифъ, до сихъ поръ не издававшій ни единого звука, остро и бѣгло оглянулъ всю публику и затѣмъ, опустивъ глаза въ тарелку, скромно и неожиданно кракнулъ среди всеобщей тишины. Кто-то попытался было завести разговоръ о постороннихъ дѣлахъ, другіе схватились было тоже за этотъ якорь, но оживленіе и непринужденность уже куда-то исчезли; хозяинъ сдѣлался молчаливъ, и всѣ съ радостью, наконецъ, поднялись изъ-за стола.

— Господа! Черезъ три часа я уѣзжаю, — объявилъ Гарусовъ. — Если кому что нужно, прошу пользоваться временемъ.

Я именно воспользовался этимъ предложеніемъ и спросилъ объ отчетѣ.

— Право, ничего не могу вамъ сказать относительно его, — отвѣтилъ онъ скороговоркой и смотря куда-то въ сторону. — Я передалъ его въ правленіе. Узнайте тамъ.

Это была новость, такъ какъ прежде мои отчеты разсматривалъ самъ хозяинъ, и я имѣлъ дѣло всегда только съ нимъ.

Наконецъ, я получилъ почтой официальную бумагу изъ правленія по поводу моего отчета. Бумага была подписана не Гарусовымъ, а другимъ лицомъ, и въ ней совершенно голословно ставилось мнѣ на видъ, что въ послѣднее время расходы фермы якобы ненормально возрасли, а доходы сильно убавились и т. д. Ясно, что со мной хотѣли поссориться. Конечно, я тотчасъ-же послалъ подробное объясненіе, но оно осталось безъ отвѣта. Правда, и отвѣчать было нечего, ибо дѣло говорило само за себя, но правленіе сдѣлало такой видъ, что оно не желаетъ вступать въ пререканія и, такъ сказать, совершенно игнорируетъ меня. Ну, и прекрасно! Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ одно: надо какъ можно скорѣе складывать свой багажъ и убраться отсюда. Пора, давно пора!.. Какъ только справлюсь съ весенними работами, сейчасъ-же поѣду въ городъ и распрощусь съ своимъ патрономъ, покровителемъ отечественной агрикультуры, а главное — съ этой фабрикой, которая поточно не даетъ мнѣ покоя, доводитъ меня до тоски, до раздраженія и душитъ, просто какъ какой-то кошмаръ.

Тамъ вѣдь, вправду, творится что-то необычайное. Всѣ работы идутъ немовѣрно вяло, и общее уныніе переходитъ теперь въ какое-то раздраженіе. Все распаталось: и начальство, и рабочіе, а постоянное отсутствіе хозяина еще болѣе усиливаетъ это разложеніе. Почти всѣ директора перессорились, и дѣло доходитъ чуть не до драки.

Вчера В... едва не сбросилъ съ подмостокъ вновь строящей трубы Гиршфельда и объявилъ ему съ пѣной на губахъ, что если тотъ позволитъ себѣ еще разъ явиться на стройку, то онъ спуститъ его внизъ головой.

Гиршфельдъ, конечно, сейчасъ-же помчался жаловаться... Нынче встрѣтилъ двухъ молодыхъ, новенькихъ техниковъ, желтыхъ, какъ лимонъ; нервы ихъ издергались до невѣроятности.

— Надо бѣжать, бѣжать отсюда... — говорятъ они, задыхаясь и оба въ одинъ голосъ.

— Почему, куда?.. — спрашиваю я.

— Хоть къ чорту! — кричатъ они, — потому что тутъ съ ума сойдешь, потому что здѣсь не жизнь, не трудъ, а какое-то самоубійство, бессмысленное, ужасное...

Хотѣлъ было ѣхать въ городъ къ хозяину, закончивши весеннія работы, но чувствую, что не могу дальше тянуть. Весь этотъ фабричный вой такъ и гудитъ въ моихъ ушахъ, такъ

и стонетъ и отзывается даже физической болью... А эти праздники!.. Не дай Богъ, что творится тогда на фабрикѣ!.. Какъ разъ противъ нашего садика, черезъ рѣчку, на томъ берегу стоитъ небольшая еловая роща... Что тамъ дѣлается, такъ и сказать невозможно; но нынѣшній день какой-то исключительный. Съ самаго обѣда тамъ стоитъ невыносимый вой: то пьяныя пѣсни, то дикіе бабы вопли.

Тоска просто ѣстъ меня. Сегодня-же ѣду въ городъ. Я пѣшкомъ отправился на вокзалъ и, чтобы не опоздать на поѣздъ, пошелъ черезъ фабрику. День стоялъ такой теплый, благодатный; но стоило только вступить въ границы фабричныхъ построекъ—вся благодать этой прекрасной весны куда-то исчезала. Этотъ воздухъ, пыльный и душный, пропитанный специфическимъ запахомъ фабрики, эти длинные, темныя казармы, вытянувшіяся въ линію, пыльная мостовая—убивали всю красоту весны. Слава Богу, хоть народу на улицѣ нѣтъ: онъ теперь весь на гуляньѣ, т. е. у трактира; только на широкомъ крыльцѣ одной казармы топчется человекъ восемь раннихъ пьяныхъ. Слышна гармоника, нестройная пѣсня... Мнѣ пришлось идти мимо. Изъ-за угла показалась фабричная телѣжка; въ ней сидѣлъ отецъ Афанасій съ дычкомъ. Телѣжка подѣхала прямо къ крыльцу, гдѣ стояли пьяные; въ это же время и я подходилъ къ нему, но отецъ Афанасій смотрѣлъ встревоженно на толкущихся пьяныхъ и не замѣтилъ меня. Онъ быстро вылѣзъ изъ телѣжки и также скоро сталъ подниматься по ступенькамъ. Гармоника, однако, не смолкала. Какой-то шибко охмѣлѣвшій паренъ, въ ситцевой разорванной рубахѣ, въ фабричныхъ кумачныхъ штанишкахъ и босикомъ топтался на одномъ мѣстѣ, подбрасывая босыми ногами и замахивая руками. Вся пьяная кучка рѣшительно не замѣчала священника, и только когда онъ уже взобрался на площадку крыльца и какъ-то торопливо и робко попросилъ посторониться, пьяницы какъ будто немного очнулись.

— Ба-а-тюшка, отецъ А-а-фанасій! Бла-а-слови, — замычали дво-трое изъ нихъ и сунулись къ священнику съ сложенными крестомъ ладонями.

— Христось съ вами, Христось съ вами!—скороговоркой и бояливо заговорилъ онъ.—Пропустите со св. Дарами. Причастить умирающую. Грѣхъ, грѣхъ!.. И онъ, положивъ руку на грудь, старался поскорѣ проскользнуть къ дверямъ.

— Посторонись, пьяницы!—сурово замѣтилъ съ козелъ кучерь.—Батюшка съ Причастьемъ... Тетка Агафья помираетъ!..

По приѣздѣ въ городъ я тотчасъ-же отправился къ Гарусову, но уже не засталъ его дома. Сказали, что онъ уѣхалъ въ правленіе. Нечего дѣлать, надо отправляться туда, хотя

наврядъ-ли тамъ будетъ удобно объясняться. Хозяинъ, дѣйствительно, былъ въ правленіи. Меня просили обождать въ приѣмной, такъ какъ Герасимъ Ивановичъ теперь занятъ: у него сидитъ Бубновъ—извѣстный коммерческій тузъ, пояснили мнѣ. Приѣмная была рядомъ съ кабинетомъ, въ которомъ велъ бесѣду хозяинъ съ своимъ гостемъ. Дверь въ кабинетъ была закрыта очень не плотно, и потому рѣчь бесѣдующихъ доносилась довольно ясно. Я полагалъ сначала, что толкъ идетъ о какихъ-нибудь серьезныхъ коммерческихъ дѣлахъ, но убѣдился, что ошибся. Разговаривали о скачкахъ, о томъ, какъ продудлась на нихъ какая-то барыня; безпрестанно слышались остроты и самый веселый смѣхъ. Смѣялся и гость, смѣялся и хозяинъ и притомъ такъ искренно, такъ живо и бойко, что я и самъ усмѣхнулся.

— Ну, можетъ-ли быть,—подумалъ я,—чтобы ховайскія дѣла были такъ плохи, что онъ не въ состояніи даже платить по векселямъ, какъ мнѣ нынче-же рассказывали даже здѣсь, въ городѣ. Такъ весело не смѣются и не болтаютъ о пустякахъ люди въ подобномъ положеніи.

Вскорѣ двери отворились, показался именитый тузъ, а за нимъ Гарусовъ, бодрый и съ улыбающимся лицомъ.

— А-а! Вы ко мнѣ?—весело и живо спросилъ онъ, здороваясь со мной.

— Да!—отвѣтилъ я.

— Простите, теперь, право, не могу. Прошу васъ пожаловать въ пять часовъ въ мой домъ...

Все это проговорилъ онъ скороговоркой, на ходу, и, раскланявшись съ гостемъ, прямо изъ передней прошелъ черезъ другую дверь въ контору.

Ровно въ 5 часовъ я былъ у Гарусова.

— Они въ саду гуляютъ,—отвѣтилъ мнѣ человѣкъ.—Пожалуйте туда.

Только что я двинулся изъ калитки по садовой дорожкѣ, какъ на поворотѣ ея, на другомъ концѣ показался Герасимъ Ивановичъ. Я взглянулъ на него и положительно остолбѣнѣлъ. Ничего похожего не было въ этой еле двигавшейся фигурѣ съ тѣмъ Гарусовымъ, котораго я видѣлъ только что 4 часа назадъ. Съ опущенной безсильно головой передвигался этотъ новый для меня человѣкъ, словно уничтоженный и раздавленный какимъ-то страшнымъ ударомъ, отъ котораго онъ никакъ не въ силахъ опомниться и подняться. Онъ даже слабо шатался изъ стороны въ сторону; руки его висѣли, какъ мертвыя плети, голова опустилась на грудь, а все лицо страшно осунулось, точно въ тяжелой болѣзни, и казалось старше лѣтъ на десять.

Мнѣ сдѣлалось чрезвычайно неловко, и я остановился. Я

ясно теперь понял, что утренний его веселый разговор и смѣхъ—все это было только одной комедіей, искусствомъ показывать людямъ другое лицо; что это невыносимое притворство и борьба самого съ собою идетъ уже у Гарусова не день, не два, а цѣлые мѣсяцы, и что вотъ здѣсь, въ этомъ саду, наединѣ вся тяжесть этой борьбы выступила наружу, прорвала надѣтую маску, и остался только человекъ, какъ есть: разбитый, несчастный и еле дышущій отъ невыносимо уязвленной гордости, отъ невыносимой тоски и тяжести своей неблагоприятной роли въ жестокой комедіи, которую онъ разыгрывалъ передъ всей публикой съ такимъ ловкимъ притворствомъ.

И зачѣмъ, зачѣмъ все это?..—подумалось мнѣ съ тоской и болью.

Шаговъ за пятнадцать Гарусовъ замѣтилъ меня, и я опять увидалъ въ его лицѣ, въ какомъ-то болѣзненномъ движеніи всей его фигуры, что ему надобно снова надѣть свою проклятую маску и вмѣстѣ страшно непріятно за присутствіе посторонняго человека. Онъ присматривался ко мнѣ, и вслѣдъ за этимъ у него пробѣжало какъ будто такое выраженіе: «слава Богу, это не представитель коммерціи... съ нимъ можно не ломать себя»...

И точно подъ вліяніемъ этой мысли, онъ, тихо и медленно подходя ко мнѣ, проговорилъ:

— Ахъ, это вы, Николай Павловичъ! Пойдемте въ кабинетъ...

Я пропустилъ его нѣсколько впередъ, и мы пошли молча. Тяжело и медленно, какъ больной, поднимался Герасимъ Ивановичъ по своей богатой широкой лѣстницѣ. Войдя въ кабинетъ, онъ также тяжело съ задержаннымъ вздохомъ опустился въ кресло. Я сѣлъ противъ него, и опять неловкое молчаніе. Все видѣнное просто отшибло у меня всякую способность говорить о чемъ бы то ни было. Наконецъ, Гарусовъ медленно и тихо проговорилъ свое обычное: «что скажете, Николай Павловичъ?» При этомъ онъ взялъ со стола какое-то иллюстрированное изданіе и прикрылъ имъ свое лицо, дѣлая видъ, что разсматриваетъ гравюру.

Я объяснилъ тогда, что желаю поговорить съ нимъ по поводу бумаги правленія и всего, что, по моему мнѣнію, должно слѣдовать изъ нея.

— Да, да! Знаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ, откладывая въ сторону книжку и точно обрадовавшись, что нашлось, наконецъ, средство прервать это неестественное молчаніе и неловкость, которыя были за минуту назадъ.—Я читалъ ваше объясненіе и долженъ сказать,—растягивалъ онъ слова,—что не согласенъ съ вами... Ферма стоитъ намъ, дѣйствительно...—и онъ остановился, точно приискивая слово...—Ну, да! дорого,—продолжалъ

онъ уже живѣе.—Теперь положеніе дѣлъ во многомъ измѣнилось. Не то, что прежде. Напримѣръ, вы пишете, что лабазъ ставить фермѣ свой овесъ въ ту же цѣну, что и вашъ... Какъ же еще иначе?..

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Позвольте,—возразилъ я мягко,—но вѣдь вы-же знаете, что это былъ за овесъ, который отпускалъ лабазъ; вѣдь онъ былъ весь гнилой; вы видѣли это сами...

— Ну, что-же дѣлать?..—перебилъ меня Гарусовъ, принимая дѣловой тонъ и видъ:—все-таки же онъ намъ въ покупкѣ стоитъ столько-же, сколько и вашъ. Съ какой стати лабазъ будетъ терпѣть убытки?

— Простите, я васъ не понимаю, Герасимъ Ивановичъ, какъ-же не терпѣть, когда вещь потеряла всякую цѣну?..

— Ну-у!..—протянулъ онъ недовольнымъ тономъ;—не всегда же и не весь онъ былъ такимъ. Да, вообще, я удивляюсь, Николай Павловичъ,—заговорилъ онъ какимъ-то неприятнымъ и задирающимъ тономъ, съ видимымъ желаніемъ поскорѣе дойти до развязки,—что это у васъ за манера цѣнить продукты фермы по ихъ рыночной цѣнѣ, добиваться какой-то идеальной разцѣнки отъ лабаза? ферма принадлежитъ фабрикѣ, а вовсе не какое-нибудь самостоятельное хозяйство. Понимаете?.. А потому она должна и ставить свои продукты туда только по той цѣнѣ, во что обходится ихъ производство... Вотъ и все,—закончилъ онъ властно и съ замѣтнымъ раздраженіемъ.

Какъ ни склоненъ я былъ сначала извинять ему многое, но при видѣ такого задорнаго и неделикатнаго желанія во что бы то ни стало найти виноватаго, я вспыхнулъ.

— Жаль, что вы не говорили мнѣ цѣлыхъ 5 лѣтъ,—началъ я,—о такомъ новомъ способѣ расчета, тѣмъ болѣе, что и ваша фабрика, кажется, не слѣдуетъ этому правилу, т. е. не продаетъ свой ситецъ по цѣнѣ, что стоитъ ей его выработка; да и лабазу вы сейчасъ-же рекомендовали брать съ фермы за гнилой товаръ даже всѣ убытки, понесенные отъ порчи его... Во всякомъ случаѣ, это было-бы интересное хозяйство...

Гарусовъ тоже вспыхнулъ и хотѣлъ что-то сказать...

— Извините,—перебилъ я его.—По моему, намъ не о чѣмъ спорить и вамъ прибѣгать къ такого рода аргументамъ. Вся суть, вѣдь, въ томъ, что я вамъ больше не нуженъ... вотъ это и слѣдуетъ только сказать просто и прямо. Вы знаете, что именно это-то вы и хотите сказать мнѣ и понимаете, что и я самъ пришелъ затѣмъ, чтобы проститься съ вами...—И я поднялся съ кресла. Но только что я проговорилъ все это, какъ Герасимъ Ивановичъ совершенно измѣнился: онъ стихъ, какъ-то сконфузился и грустно наклонилъ голову.

— Да, Николай Павловичъ,—проговорилъ онъ тихо,—къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что вы уже не нужны болѣе нашей фирмѣ. Вѣрьте только,—и въ голосъ его послышалось что-то искреннее и теплое,—что еслибы дѣло зависѣло отъ меня, какъ прежде, мы не разстались-бы никогда. Теперь-же я неволенъ въ этомъ: я уже болѣе не хозяинъ, а самъ только служащій на жалованьи.—Лицо его при этомъ опять затуманилось, онъ вздохнулъ и еще ниже опустилъ голову.

— Въ такомъ случаѣ, простимся съ пожеланіемъ всего добраго,—сказалъ я, поклонившись ему.—Черезъ недѣлю я постараюсь выѣхать съ фермы.

— Николай Павловичъ! Да за кого-же вы меня принимаете?—съ какимъ-то болѣзненнымъ возбужденіемъ и обидой въ голосъ, воскликнулъ Гарусовъ.—Неужели вы думаете такъ худо обо мнѣ, что я могу поступать такъ съ людьми, чуть не гнать ихъ?.. Напротивъ,—продолжалъ онъ,—я думалъ, я хотѣлъ просить васъ закончить этотъ годъ и только тогда уже...—ему, видимо, было неловко сказать «оставить», и потому онъ пропустилъ это слово.—Напрасно, напрасно вы говорите такъ... Поймите, не отъ меня инициатива...

Мы разстались дружелюбно. Гарусовъ провожалъ меня до лѣстницы и все просилъ не стѣсняться вопросомъ о времени моего отъѣзда.

Вскорѣ простился я и съ фермой и со всѣми ея обитателями и, напутствуемый ихъ искренними пожеланіями, выѣхалъ въ N...

Мѣсяца черезъ четыре я получилъ отъ Шипунова слѣдующее посланіе:

«Ваше Высокоблагородіе, Милостивѣйшій Государь, Николай Павловичъ!

Увѣдомляю вашу милость, что какъ вы только выѣхали съ фермы, такъ назначенъ былъ на ваше мѣсто смотритель за кучерами Катушкинъ и поселился въ вашей фатерѣ. Вамъ извѣстно, какой ругатель и собака онъ, отъ его ругательства и намъ всѣмъ житья не стало. Меня черезъ 3 мѣсяца, какъ огорода убрали, отъ должности отставилъ, Акимъ Ивановъ въ отходники ушелъ, а Ивана Васильева тоже прогналъ, и старикъ, съ женой и Дуняшкой, побирается теперь Христовымъ именемъ. Всѣхъ рабочихъ посмѣнилъ, собака; кричитъ, что мы только съ вами лодырничали. Но и ему, ругателю, Богъ попомнилъ. Ваши плуги многолемешные всѣ ломалъ, потому ве-

лѣлъ ими дугъ поднимать... Мы было говорили, что при васъ они только на мягкой землѣ работали, да сѣмена задѣлывали, такъ онъ больно ругался, а по осени и ригу спалилъ. Велѣно теперь всю ферму нарушить и Катышкина вонъ гнать. Не долго нацарствовалъ злодѣй. Очень мы просимъ васъ, Николай Павловичъ, не забыть нашу бѣдность и взять куда-нибудь къ себѣ. Больно всѣ хотятъ. Акимъ Ивановъ и старикъ очень просили кланяться вашей милости и пожалѣть ихъ тоже. За симъ, желая вамъ и всему семейству вашему отъ Бога всего на пользу вашу, остаюсь покорнѣйшій вашъ слуга Василій Ѳедоровъ Шипуновъ».

Н. Боронинъ.

Различныя ученія о доходѣ съ капитала.

I.

Вопросъ о природѣ и о происхожденіи дохода съ капитала несомнѣнно одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ экономической науки. Неудивительно по этому, что онъ всегда занималъ человѣческій умъ, съ тѣхъ поръ какъ люди стали задумываться надъ экономическими явленіями. Надъ выясненіемъ его трудились и канонисты среднихъ вѣковъ и мыслители древняго міра. Но условія тогдашняго хозяйства и культуры существенно отличались отъ современныхъ намъ, а потому и постановка этого вопроса была тогда иная, чѣмъ теперь. Древній грекъ или римлянинъ, такъ же какъ и средневѣковый канонистъ, не интересовались вопросомъ о доходѣ съ капитала вообще; ихъ занимала только одна часть этого вопроса, именно вопросъ о прибыли на капиталъ, отданный въ займы, т. е. о процентѣ на капиталъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. И это весьма понятно. Сущность изслѣдуемаго явленія заключается въ томъ, что доходъ, получаемый капиталистомъ, не требуетъ съ его стороны приложенія труда. Въ отдачѣ денегъ на проценты эта черта выступаетъ въ своей рѣзкой, типичной формѣ, а потому это явленіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе раньше всего. Чтобы подмѣтить эту самую черту—отсутствіе труда—въ прибыли, получаемой предпринимателемъ промышленнаго или торговаго предпріятія, требуется уже болѣе глубокій анализъ экономическихъ явленій. Въ прибыли предпринимателя какъ-бы смѣшаны два элемента—вознагражденіе за предпринимательскую дѣятельность и чистый доходъ съ капитала. Это смѣшеніе вводитъ человѣка въ заблужденіе; первый элементъ какъ-бы маскируетъ второй, и мы склонны всю прибыль предпринимателя относить на счетъ его личной дѣятельности. Неудивительно, что до XVIII в. люди не замѣчали, что всѣ виды доходовъ съ капитала отличаются одной и той-же общою чертою и что, ставя себѣ вопросъ о процентахъ на капиталъ, отдаваемый въ займы, они останавливались на полъ-пути. Эта неправильная или, вѣрнѣе, узкая постановка вопроса объясняется еще другою, болѣе глубокою причиною. Капиталъ въ старое время не игралъ той роли, какую онъ сталъ играть въ XVIII и XIX вв. Господство натуральнаго хозяйства,

институтъ рабства, малая производительность труда накладывали на всё экономическія явленія совершенно иную печать. Типъ современнаго капиталиста — предпринимателя былъ тогда неизвѣстенъ. Неудивительно, что предпринимательская прибыль — явленіе, привлекающее теперь вниманіе всякаго — тогда не могла играть почти никакой роли. Борьба между предпринимателемъ и рабочимъ, столь острая въ современномъ хозяйствѣ, тогда не существовала. Ее замѣняла борьба между заимодавцемъ и должникомъ. Понятно, что человѣческая мысль должна была остановиться исключительно на этомъ частномъ явленіи, на процентахъ съ капитала, отданнаго займамъ. Но постановка вопроса была въ старое время не только уже, чѣмъ въ новое, она отличалась также инымъ характеромъ. Греческаго философа или средневѣковаго канониста интересовала не теоретическая, не научная сторона вопроса, а сторона религіозно-моральная или социальнo-политическая. Они спрашивали, не изъ какого источника черпается доходъ съ капитала, а долженъ-ли капиталистъ этотъ доходъ получать, хорошо-ли это, честно-ли это, согласно-ли это съ предписаніями религіи и проч. Не такъ поступаетъ современный экономистъ. Онъ подходитъ къ этому вопросу не только съ его моральной или социальнo-политической стороны, но также со стороны чисто теоретической. Онъ спрашиваетъ не только, хорошо-ли то, что существуетъ доходъ съ капитала, полезно-ли это явленіе для общества, его интересуетъ также, и даже прежде всего, теоретическая сторона вопроса — откуда и почему капиталистъ получаетъ свою прибыль.

Древніе и средневѣковые мыслители, ставя вопросъ о процентахъ на капиталъ на почву религіи и морали, почти всё высказывались въ смыслѣ, осуждающемъ это явленіе. И это весьма понятно. Производительный кредитъ былъ тогда мало развитъ. Человѣкъ занималъ деньги не для того, чтобы пускать ихъ въ торговый оборотъ, какъ это дѣлается теперь, а главнымъ образомъ, для того, чтобы удовлетворить свои насущныя потребности. Къ займу прибѣгалъ человѣкъ нуждающійся тогда главнымъ образомъ, когда онъ находился въ стѣсненномъ положеніи. Проценты представлялись поэтому, какъ эксплуатація бѣднаго со стороны богатаго, какъ злоупотребленіе стѣсненнымъ положеніемъ своего ближняго. Поэтому всё было согласны въ томъ, что ко взиманію процентовъ нужно относиться враждебно. Правда, это враждебное отношеніе оставалось только на бумагѣ или на страницахъ разныхъ кодексовъ; жизнь и все рождающіяся потребности кредита превращали его въ мертвую букву. Только начиная съ XVI ст., съ той самой эпохи, въ которой К. Марксъ видитъ начало капиталистическаго производства, отношеніе людей къ процентамъ совершенно мѣняется. Изъ враждебнаго оно становится все болѣе и болѣе снисходительнымъ. Народное хозяйство настолько развилось, натуральное хозяйство такъ сильно оттѣснено было денежнымъ, что къ концу XVII в., а въ особенности къ на-

чалу XVIII всё уже были согласны въ томъ, что проценты на капиталъ явленіе вполне нормальное и справедливое. Первый, кто поставилъ интересующій насъ вопросъ на широкую почву, т. е. кто интересовался не только процентами на капиталъ, отданный займамъ, но доходомъ съ капитала вообще, былъ представитель физиократовъ, Тюрго. Начиная съ этого времени, экономисты не интересуются уже больше одной моральной или социальнo-политической стороной вопроса; сторона научная, теоретическая выдвигается на первый планъ. За то съ этого времени между экономистами уже нѣтъ того согласія во взглядахъ на этотъ вопросъ, какое было у мыслителей древности и среднихъ вѣковъ. Почти каждый экономистъ по своему старается объяснить это интересное явленіе, такъ что теперь можно насчитать множество различныхъ теорій, одна на другую не похожихъ. Въ настоящей статьѣ мы займемся двумя теоріями капитала, сопоставленіе которыхъ дастъ намъ возможность уяснить себѣ этотъ интересный вопросъ. Одна изъ этихъ теорій — бравнительно новая — принадлежитъ перу Бемъ-Баверка, автора талантливаго сочиненія «Kapital und Kapitalzins». Вторая теорія — болѣе старая; она подверглась со стороны Бемъ-Баверка самой рѣзкой и беспощадной критикѣ. Мы постараемся сначала воспроизвести основныя черты ученій, критикуемыхъ Бемъ-Баверкомъ, а затѣмъ перейдемъ къ изложенію его критики этихъ ученій.

II.

Первая теорія, которую я думаю изложить, связана съ именами двухъ величайшихъ нѣмецкихъ экономистовъ, Родбертуса Ягцова и Карла Маркса. Нельзя сказать, чтобы у нихъ совершенно не было предшественниковъ на этомъ пути. Зародыши этого ученія можно найти у Локка, у Ад. Смита, Godwin'a, Hall'a, Thompson'a, въ особенности ясно оно развито было Сисмонди, а затѣмъ Прудономъ *). «Но, какъ справедливо говоритъ Рюмелинъ, мы обыкновенно связываемъ начало извѣстныхъ воззрѣній не съ тѣми именами, у которыхъ они высказаны случайно, гдѣ они упомянуты между прочимъ, а съ тѣми, у которыхъ эти воззрѣнія являются результатомъ самостоятельнаго, глубокаго и всесторонняго изслѣдованія и которыя имъ придали опредѣленную и прочную форму» **). Нѣтъ, быть можетъ, ни одного важнаго открытія человѣческой мысли, зародышъ котораго нельзя было бы подѣлать гораздо раньше, чѣмъ это открытіе было точно формулировано и прочно установлено. Зародышъ ученія о земельной рентѣ, о законѣ населенія мы находимъ гораздо раньше, чѣмъ эти ученія были сформулированы Рикардо и Мальтусомъ. Тѣмъ не менѣе человѣчество всегда будетъ связывать вышеупомянутыя ученія съ

*) A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag.

**) Rümelin, Schönb. Handb. I, стр. 766.

этимъ именами. Поэтому истинными творцами теоріи дохода съ капитала, которая излагается ниже, считаются Родбертусъ и Марсъ. Они связали эту теорію въ стройную логическую систему, они придали ей глубокое научное обоснованіе. Начну съ изложенія взглядовъ Родбертуса.

Ученіе Родбертуса о доходѣ съ капитала тѣсно связано съ его ученіемъ о цѣнности. «Всѣ хозяйственныя блага, говоритъ Родбертусъ, являются, съ точки зрѣнія экономической, продуктами труда; трудъ—это единственный факторъ, который опредѣляетъ ихъ цѣнность». Это основное положеніе Родбертусъ разъясняетъ подробно. 1) Только тѣ блага могутъ считаться хозяйственными, которыя стоили какого-либо труда, всѣ другія блага, какъ-бы полезны и необходимы они ни были, являются благами естественными, но никакъ не хозяйственными. 2) Съ точки зрѣнія экономической, всякое хозяйственное благо есть продуктъ исключительно труда, а не силъ природы или какихъ-либо другихъ силъ. Кто смотритъ на хозяйственныя блага иначе, тотъ смотритъ на нихъ не съ точки зрѣнія экономической, а съ точки зрѣнія естественно-научной. За то, что природа сдѣлала по отношенію къ извѣстнымъ благамъ, мы ей можемъ быть благодарны, такъ какъ она сберегла намъ много труда, но для хозяйства эти блага важны постольку, поскольку трудъ пополнитъ дѣло природы. 3) Хозяйственное благо есть продуктъ только того труда, который выполнить нужныя физическія или матеріальныя операціи, оно, стало быть, есть продуктъ только матеріальнаго труда, но не того только, который непосредственно потраченъ на приготовленіе данного блага, но также и того, который употребленъ на изготовленіе орудій, при помощи которыхъ производится это благо. Помимо матеріальнаго труда, никакой другой трудъ, съ точки зрѣнія чисто хозяйственной, не имѣетъ значенія. Судья, напр., который заботится объ охраненіи правъ рабочихъ, несомнѣнно, косвеннымъ образомъ полезенъ для производства хозяйственныхъ благъ. И онъ, дѣйствительно, получаетъ свое вознагражденіе хозяйственными благами за тѣ услуги, которыя онъ оказываетъ ихъ производителямъ. Но онъ все-таки не создаетъ хозяйственныхъ благъ, а отправляетъ правосудіе. Точно такъ же, какъ мы относительно рабочихъ не можемъ сказать, что они принимаютъ участіе въ отправленіи правосудія, хотя они своимъ трудомъ даютъ судьямъ возможность выполнить свои функціи, такъ же и относительно судьи мы не можемъ сказать, что онъ принимаетъ участіе въ производствѣ хозяйственныхъ благъ, хотя онъ, благодаря своей судебной дѣятельности, дѣлаетъ возможнымъ правильное производство.

Установивши это основное положеніе, Родбертусъ задается вопросомъ: разъ хозяйственное благо есть исключительно продуктъ труда, притомъ только матеріальнаго труда, то какія-же причины вызываютъ то, что въ обществѣ получаютъ доходъ и такія лица, которыя не участвуютъ въ производствѣ этихъ благъ? Между тѣмъ, такихъ лицъ въ

обществѣ существуетъ безчисленное множество, цѣлые классы. Судьи, отправляющій правосудіе въ обществѣ, врачъ, лѣчащій больныхъ, учитель, обучающій юношество, — всѣ они получаютъ доходъ хозяйственными благами, на производство которыхъ они не употребили никакого труда. Всѣ эти лица получаютъ свои доходы изъ того, что экономисты называютъ «косвеннымъ распредѣленіемъ хозяйственныхъ благъ», т. е. они получаютъ ихъ отъ другихъ лицъ, которые принимали участіе въ «первоначальномъ распредѣленіи». Они получаютъ ихъ за то, что они оказываютъ частнымъ лицамъ или обществу въ цѣломъ извѣстныя необходимыя и полезныя услуги. Однако въ обществѣ существуютъ и такія лица, которые принимаютъ прямое участіе въ «первоначальномъ распредѣленіи», прямо отсюда черпаютъ свои доходы, хотя они въ производствѣ этихъ благъ совершенно не участвовали, да и какихъ либо полезныхъ услугъ не оказывали ни обществу, ни отдѣльнымъ производителямъ. Здѣсь мы видимъ землевладѣльца, получающаго свою арендную плату, безъ приложенія труда со своей стороны, только за то, что онъ уступилъ другому для обработки свой участокъ земли. Тамъ капиталистъ получаетъ свои проценты столь-же легкимъ и удобнымъ образомъ. Даже предприниматель можетъ поручить за извѣстное вознагражденіе завѣдываніе своимъ дѣломъ управляющему, и все-таки онъ будетъ получать доходъ. Всѣ эти лица могутъ, безъ сомнѣнія, быть очень полезны для общества, они могутъ, въ извѣстномъ отношеніи, быть его благодѣтелями, но они все-таки получаютъ свои доходы не какъ вознагражденіе за свои полезныя услуги и благодѣянія, какъ это можно сказать относительно судьи, врача или учителя. Итакъ, какія причины вызываютъ то, что эти лица, хотя они сами ничего не производятъ, хотя они могутъ также никакихъ услугъ обществу не оказывать, все-таки принимаютъ участіе въ прямомъ «первоначальномъ распредѣленіи» хозяйственныхъ благъ? Съ другой стороны, почему рабочіе, единственные производители всѣхъ хозяйственныхъ благъ, уступаютъ часть этихъ благъ этимъ лицамъ, не получая отъ нихъ никакихъ услугъ, каковыя они получаютъ, положимъ, отъ врача или учителя?

Какъ видно, Родбертусъ ставитъ, такимъ образомъ, вопросъ вполне ясно, обвиняетъ его со всѣхъ сторонъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить его теорія ренты, понимая последнее слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. разумія подъ рентою всякій доходъ, получаемый не на основаніи труда, а на основаніи владѣнія (Besitz). Рента Родбертуса обвиняетъ, стало быть, не только доходъ съ капитала, но и доходъ съ земли — земельную ренту.

Для существованія ренты требуются, по мнѣнію Родбертуса, два условія: одно изъ нихъ чисто экономическое, другое юридическое. Экономическое заключается въ извѣстной производительности труда; юридическое — въ извѣстныхъ правовыхъ учрежденіяхъ: рабство — въ одну эпоху, частная собственность на землю и орудія произ-

водства—въ другую. Родбертусъ останавливается подробно на этихъ двухъ условіяхъ. Рента не можетъ имѣть мѣста, говоритъ Родбертусъ, если трудъ мало производителенъ, если онъ не производитъ болѣе, чѣмъ необходимо, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы рабочіе могли жить и продолжать свой трудъ; если трудъ не производитъ излишка надъ необходимыми средствами существованія рабочихъ, тогда, конечно, невозможно, чтобы кто-либо, не работая лично, получалъ какой-нибудь доходъ. Но рента немислима и тамъ, гдѣ нѣтъ необходимаго для этого юридическаго условія, если нѣтъ такихъ юридическихъ институтовъ, которые передаютъ этотъ излишекъ или часть его отъ производителей другимъ лицамъ, которые не работаютъ. Что трудъ даетъ такой излишекъ—это поконится на экономическихъ основаніяхъ, которыя увеличиваютъ его производительность; но что этотъ излишекъ передается отъ рабочихъ другимъ лицамъ—это зависитъ отъ нормъ положительнаго права, которое всегда опиралось на силу.

Родбертусъ даетъ намъ какъ-бы исторію ренты, прослѣживая ее длинную эволюцію; онъ начинается съ того періода народнаго хозяйства, когда ренты еще не было, когда каждый жилъ еще «трудами рукъ своихъ», подмѣчаетъ какъ-бы ее зарожденіе и постепенно прослѣживаетъ различныя формы, которыя она принимала на различныхъ стадіяхъ развитія народнаго хозяйства. На первыхъ ступеняхъ развитія, когда раздѣленія труда еще не было, слѣдовательно, до начала всякой цивилизаціи, изолированный рабочій обладалъ и землею, и капиталомъ, и продуктами своего труда; земля, на которой онъ охотился, лукъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ, дичь, которую онъ убивалъ—все это принадлежало ему. Только съ наступленіемъ раздѣленія труда, съ зачатками земледѣлія, человѣческій трудъ становится настолько производительнымъ, что его плодами могутъ жить не только сами рабочіе, но и другіе люди. Тогда возникаетъ рабство, т. е. за первымъ хозяйственнымъ прогрессомъ слѣдуетъ юридическій прогрессъ—рабство: убійство побѣжденнаго врага прекращается, оно смѣняется эксплуатаціею побѣжденнаго со стороны побѣдителя.

Такимъ образомъ, установленіе рабства положило начало рентѣ, т. е. доходу съ чужаго труда. Въ періодъ рабства рента выступаетъ еще въ своей ясной, для всѣхъ понятной формѣ, здѣсь для всякаго очевидно, что она есть ничто иное, какъ продуктъ чужаго труда, продуктъ, отнятый у рабовъ въ пользу ихъ господина. Представимъ себѣ тотъ хозяйственный строй, какой существовалъ въ теченіе тысячелѣтій. Представимъ себѣ крупное хозяйство, основанное на рабствѣ, во главѣ котораго стоятъ одинъ господинъ. Одни рабы добываютъ сырье, другіе перерабатываютъ его въ готовые продукты; часть этихъ продуктовъ служить кормомъ для рабовъ, другая составляетъ доходъ рабовладѣльца. Здѣсь для всякаго очевидно, что всѣ продукты этого хозяйства, какъ кормъ рабовъ,

такъ и доходъ господина,—всѣ они одинаково составляютъ продуктъ труда рабовъ.

Но вотъ, когда рабство исчезаетъ, когда исчезаетъ, стало быть, собственность на человѣка, но когда остается собственность на землю и капиталы, когда эта собственность попадаетъ въ различныя руки, и часть продуктовъ принимаетъ форму то земельной ренты, то дохода съ капитала, а въ особенности, когда съ наступленіемъ денежнаго хозяйства, рента, прибыль и рабочая плата являются въ видѣ известной суммы денегъ, тогда происхожденіе и характеръ ренты совершенно затемиаются. Люди начинаютъ думать, что только рабочая плата есть продуктъ труда рабочаго, а для дохода капиталистовъ и землевладельцевъ стараются подыскивать другія хозяйственныя и юридическія основанія. То объясняютъ его, какъ выигрышъ на цѣнѣ продуктовъ, то, какъ продуктъ особой производительной силы, присущей землѣ и капиталу, то, какъ продуктъ труда самого землевладельца или капиталиста. Между тѣмъ, какое существенное измѣненіе могло внести уничтоженіе рабства или возникновеніе денежнаго хозяйства въ прежнія отношенія? Если въ прежнемъ хозяйственномъ строѣ, который покоился на рабствѣ, какъ кормъ рабовъ, такъ и доходъ господина составляли продукты труда рабовъ, то какъ же въ измѣненномъ строѣ, гдѣ рабы замѣнились свободными рабочими, весь продуктъ, т. е. заработная плата и доходъ господина, который называется теперь земельною рентою или прибылью, можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ не такимъ же продуктомъ труда рабочихъ? Измѣнилось только правовое состояніе рабочихъ, но естественное ихъ отношеніе къ продуктамъ, вѣдь, осталось неизмѣннымъ. Рабочіе теперь, правда, свободны, они больше не рабы, но теперь, какъ и прежде, они продолжаютъ быть единственными производителями всѣхъ продуктовъ; теперь, какъ и прежде, земля и капиталъ принадлежать не имъ, а другимъ лицамъ, точно такъ-же, какъ продуктъ ихъ труда.

Итакъ, рента, съ точки зрѣнія Родбертуса, есть ничто иное, какъ часть продуктовъ труда рабочихъ, отходящая собственнику земель и капиталовъ, другими словами, она есть вычетъ изъ рабочей платы. Этотъ вычетъ не имѣлъ-бы мѣста, еслибы земля и капиталы принадлежали самому рабочему.

Разъяснивши, такимъ образомъ, сущность и условія происхожденія ренты, Родбертусъ переходитъ къ изученію условій, опредѣляющихъ ея размѣръ, ея высоту. Если представить себѣ, что весь народный доходъ, взятый въ цѣломъ, распадается на двѣ части, одна изъ которыхъ составляетъ рабочую плату, другая—ренту, или доходъ лицъ, владеющихъ капиталомъ и землею, то мы убѣдимся, что высота ренты находится въ обратномъ отношеніи къ рабочей платѣ: чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ ниже рента, и наоборотъ. Это положеніе вполнѣ понятно, оно прямое слѣдствіе установленнаго выше взгляда на ренту. Разъ рента есть вычетъ изъ продуктовъ

рабочаго, разѣ она основана на томъ, что, при извѣстной производительности труда, изъ продуктовъ рабочихъ берется часть въ пользу владѣльцевъ земли и капитала, то весьма понятно, что, при данной производительности труда, чѣмъ больше продуктовъ поглощаетъ рабочая плата, тѣмъ меньшая доля попадаетъ въ руки землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Итакъ, доля продуктовъ, составляющихъ рабочую плату, косвенно опредѣляетъ размѣръ ренты. Чѣмъ-же опредѣляется рабочая плата? Она регулируется цѣлымъ рядомъ историческихъ условій. Въ они ведутъ къ тому, что, при существованіи свободной конкуренціи, рабочая плата, въ общемъ, будетъ стоять на уровнѣ необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ, т. е. въ данной странѣ и въ данное время она будетъ поглощать опредѣленное количество продуктовъ, необходимое для поддержанія жизни рабочихъ и продолженія ихъ труда. На вознагражденіе рабочихъ падаетъ не твердая доля въ общемъ народномъ доходѣ, не $\frac{1}{2}$, не $\frac{1}{3}$ его, а только извѣстное количество продуктовъ, какъ-бы все количество народного дохода ни колебалось, въ зависимости отъ производительности труда. Поэтому, по мѣрѣ возрастанія производительности труда, по мѣрѣ того, какъ общее количество продуктовъ данного народного хозяйства возрастаетъ, количество, попадающее рабочимъ, остается неизмѣннымъ; такъ какъ это количество составляетъ теперь меньшую долю въ общенародномъ доходѣ, то это значитъ, что доля рабочихъ съ возрастаніемъ производительности труда становится все меньшей, а доля, идущая на ренту, становится все большей и большей. Таковъ дѣйствительный ходъ вещей въ исторіи развитія народного хозяйства. У европейскихъ народовъ трудъ становился все производительнѣе, а потому доля національнаго продукта, идущая на пользу рабочихъ, уменьшалась, и, наоборотъ, доля, остающаяся въ видѣ ренты, увеличивалась *).

Поставивъ ренту въ зависимость отъ производительности труда, Родбертусъ установилъ, такимъ образомъ, тенденцію ея дальнѣйшаго развитія: такъ какъ производительность труда всегда будетъ увеличиваться, то и рента всегда будетъ возрастать, т. е. изъ общенароднаго дохода она будетъ поглощать все большую и большую долю.

До сихъ поръ Родбертусъ говорилъ о рентѣ вообще, т. е. о той долѣ народнаго дохода, которая попадаетъ въ руки обширнаго класса лицъ, живущихъ не своимъ собственнымъ трудомъ, а доходами со своего владѣнія. Онъ оперировалъ съ понятіемъ ренты такъ, какъ будто она есть нѣчто цѣльное и нераздѣльное; онъ

*) Этими именно обстоятельствами Родбертусъ объясняетъ тѣ два крупныхъ явленія общественной жизни, изученіемъ которыхъ онъ занимался съ такимъ интересомъ и которые служили исходной точкой всѣхъ его научныхъ трудовъ. Эти два явленія суть пауперизмъ и экономическіе кризисы.

представлялъ себѣ весь обширный классъ лицъ, живущихъ рентою, какъ единую личность. Это—особенность методологическихъ приемовъ Родбертуса, о которыхъ я буду говорить ниже. Но вѣдь въ современномъ обществѣ рента является въ разнообразномъ видѣ, она принимаетъ различныя формы: то она является въ видѣ процентовъ на капиталъ, то въ видѣ земельной ренты, то въ видѣ арендной платы, то въ видѣ прибыли, которую привлекаетъ предприниматель съ вложеннаго въ дѣло капитала. Откуда происходитъ такое подраздѣленіе ренты? Здѣсь Родбертусъ опять становится на историческую почву. Пока владѣльцы земель были вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣльцами капиталовъ, добываніе сырья, какъ и его обработка, совершались въ предѣлахъ одного и того же хозяйства. Землевладѣлецъ являлся въ одно и то же время и фабрикантомъ. При такомъ состояніи народнаго хозяйства рента составляетъ еще нѣчто цѣльное и нераздѣльное, она еще не распадается на земельную ренту и прибыль на капиталъ, она вся попадаетъ въ руки одного хозяина. Такое состояніе имѣло мѣсто, какъ общее правило, въ Греціи и Римѣ. Только когда частная собственность на землю отдѣляется отъ такой же собственности на капиталъ, тогда добываніе сырья совершается въ предѣлахъ одного хозяйства, а его обработка въ предѣлахъ другаго; тутъ ужъ рента распадается, одна часть попадаетъ въ руки землевладѣльца, другая—въ руки фабриканта. Послѣ того, какъ Родбертусъ разъяснилъ, какимъ образомъ совершается распаденіе ренты на прибыль съ капитала и на земельную ренту, онъ останавливается на изученіи другихъ подраздѣленій земельной ренты—арендной платы и процентовъ на капиталъ.

Разъ хозяйственныя условія страны таковы, что производительное употребленіе въ дѣло земли и капиталовъ даетъ земельную ренту и прибыль, то уже одно право собственности на землю и капиталъ можетъ служить источникомъ ренты. Собственники земель и капиталовъ могутъ ихъ передать другимъ, чтобы послѣдніе ихъ употребили въ производство, подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы они имъ уступили часть земельной ренты и прибыли, получаемыхъ при помощи ихъ земель и капиталовъ. Эти части, которыя они уступаютъ собственникамъ, называются арендной платой и процентами на капиталъ.

Такимъ образомъ, рента распадается сначала, благодаря отдѣленію земельной собственности отъ собственности на капиталъ, на двѣ части—на земельную ренту и прибыль на капиталъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, распадаются, благодаря тому, что собственники сами не употребляютъ въ дѣло своихъ земель и капиталовъ, а отдають ихъ для этой цѣли другимъ. Изъ этого ясно, что арендная плата и проценты на капиталъ имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ не самостоятельное значеніе; они составляютъ какъ-бы явленія производныя: арендная плата есть только слѣдствіе существованія

земельной ренты, а проценты на капиталъ—только слѣдствіе существованія прибыли на капиталъ. Еслибы земля не служила источникомъ земельной ренты, тогда никто не сталъ-бы платить ей собственнику арендной платы за пользованіе ею; еслибы капиталы, употребляемые въ производство, не служили для предпринимателя источникомъ прибыли, тогда послѣдній не сталъ-бы платить ихъ собственнику никакихъ процентовъ.

Возврънія Родбертуса могутъ быть не вѣрно поняты, имъ можно придать совершенно ложное толкованіе, если упустить изъ виду его методологическіе приемы, составляющіе базисъ всего его ученія. Методъ Родбертуса можетъ быть охарактеризованъ словомъ «соціальный» въ отличіе отъ индивидуалистическаго метода, которымъ пользуются многіе экономисты. Сущность этого метода заключается въ томъ, что Родбертусъ изслѣдуетъ экономическія явленія не съ точки зрѣнія отдѣльнаго, индивидуальнаго хозяйства, а съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства. Изслѣдуя, напр., такое явленіе, какъ доходъ съ капитала, онъ начинаетъ не съ того, откуда происходитъ и отъ чего зависитъ высота прибыли даннаго лица, стоящаго во главѣ единичнаго предпріятія и производящаго при помощи капитала опредѣленной величины,—такъ поступилъ-бы экономистъ, примѣняющій индивидуалистическій методъ; его интересуетъ прежде всего рента, какъ явленіе народно-хозяйственное, поэтому онъ прежде всего изслѣдуетъ происхожденіе и высоту ренты въ цѣломъ народномъ хозяйствѣ. Ему всѣ капиталисты, извлекающіе ренту, представляются въ видѣ класса или даже въ видѣ единой личности, и онъ поэтому ставитъ себѣ вопросъ о происхожденіи ренты слѣдующимъ образомъ: откуда происходитъ рента вообще, т. е. вся доля народнаго дохода, которая попадаетъ въ руки всѣхъ капиталистовъ въ совокупности, представляющихъ ему въ видѣ нѣкотораго соціального цѣлаго. «Я повторяю, говоритъ Родбертусъ, что заработная плата, земельная рента и прибыль на капиталъ суть явленія и понятія *соціальныя*, т. е. такія явленія и понятія, которыя существуютъ только потому, что индивидуумы, получающіе ихъ, соединены въ единое общество связью раздѣленія труда; мы становимся на ложную точку зрѣнія, если мы желаемъ объяснить *принципы* этихъ явленій индивидуалистически, съ точки зрѣнія *отдѣльныхъ* участниковъ, одного рабочаго и т. д.; мы должны, при *принципіальномъ* разясненіи вопроса, подъ заработной платою и рентою понимать всю заработную плату и всю ренту, отпадающую во всемъ обществѣ въ цѣломъ, или мы должны представить себѣ все общество въ видѣ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Это мы должны одѣлать потому, что законы, регулирующие дальнѣйшее подраздѣленіе заработной платы, земельной ренты и прибыли на капиталъ между *отдѣльными* рабочими, *отдѣльными* землевладѣльцами и *отдѣльными* капиталистами, совершенно отличны отъ тѣхъ, которые опредѣляютъ раздѣленіе про-

дукта на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капиталъ вообще... Поэтому я въ дальнѣйшемъ понимаю всѣ эти понятія всегда только въ ихъ общемъ значеніи» *). Последняя цитата намъ лучше всего разъясняетъ приемы изслѣдованія Родбертуса, она даетъ намъ возможность лучше оцѣнить ту критику, которую Б. Баверкъ выставилъ противъ него. Чтобы вполне оцѣнить достоинство родбертусовской теоріи, мнѣ нужно было-бы теперь перейти къ разбору тѣхъ возраженій, которыя выставилъ противъ нея В. Баверкъ. Но я предпочитаю наложить раньше взглядъ на доходъ отъ капитала другого нѣмецкаго экономиста, Карла Маркса. Такъ какъ теорія К. Маркса въ существенныхъ чертахъ сходна съ теоріею Родбертуса, то и возраженія Б. Баверка одинаково относятся къ тому и другому. Поэтому разберу я его возраженія ниже, когда мы познакомимся въ общихъ чертахъ со взглядами К. Маркса на интересующій насъ вопросъ.

III.

Исходнымъ пунктомъ экономическихъ воззрѣній К. Маркса служить, какъ и у Родбертуса, теорія цѣнности; и онъ, подобно Родбертусу, считаетъ трудъ единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣнность товаровъ. Сущность взглядовъ Маркса на цѣнность можетъ быть передана слѣдующимъ образомъ. Каждый товаръ служитъ для удовлетворенія извѣстныхъ человѣческихъ потребностей, въ этомъ заключается полезность товара, или его *потребительная* цѣнность. Если смотрѣть на хозяйственное благо съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны его полезности, то оно является продуктомъ двухъ элементовъ: матеріаловъ природы (Naturstoff) и труда. «Трудъ является поэтому не единственнымъ источникомъ произведенныхъ потребительныхъ цѣнностей, матеріальнаго богатства. Трудъ его отецъ, какъ говоритъ Вильямъ Петти, земля его мать». Товары со стороны ихъ полезности, или потребительной цѣнности составляютъ не предметъ экономической науки, а особой науки, которая называется товаровѣдѣемъ. Но кромѣ полезности, каждый товаръ является носителемъ мѣнливой цѣнности, т. е. каждый товаръ можетъ быть обмѣненъ въ извѣстной пропорціи на товаръ другого рода. Пшеница можетъ быть обмѣнена на желѣзо, и мы говоримъ, напр., что 1 четверть пшеницы — а пудамъ желѣза. Что обозначаетъ это равенство? Очевидно то, что въ этихъ двухъ различныхъ благахъ заключается нѣчто общее, и это общее тамъ и здѣсь одинаковой величины. Въ чемъ же это общее заключается? Очевидно, ни въ геометрическихъ, ни въ физическихъ, химическихъ или другихъ какихъ-либо естественныхъ особенностяхъ этихъ товаровъ. Единственная особенность, общая тому и другому товару, заключается

*) Rodbertus, Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 50.

въ томъ, что оба они продуктъ труда. Но вѣдь трудъ, вложенный въ желѣзо и въ пшеницу, опять таки не одинаковъ; трудъ рудокопа имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ труда земледѣльца. Въ чемъ-же, спрашивается, заключается это искомое общее между пшеницей и желѣзомъ? Оно заключается въ томъ, что оба эти блага суть продукты «абстрактнаго человѣческаго труда», т. е. человѣческаго труда вообще, независимо отъ его специальныхъ особенностей; на каждое изъ нихъ употреблена извѣстная затрата мускульныхъ и нервныхъ усилій. Итакъ, всякое благо имѣетъ цѣнность только потому, что въ немъ воплощенъ человѣческій трудъ. Чѣмъ измѣняется величина цѣнности извѣстнаго блага? Количествомъ заключающейся въ немъ «цѣнность создающей субстанции», т. е. труда, а количество труда измѣняется временемъ, днями, часами и проч. Если цѣнность товара измѣняется количествомъ труда, потраченнымъ на его производство, то можетъ показаться, что чѣмъ человѣкъ лѣнивѣе и менѣе ловко работаетъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ товаръ, потому что тѣмъ больше времени требуется на его производство. Здѣсь мы встречаемся съ одной изъ тѣхъ тонкихъ и глубокихъ поправокъ, которыя характеризуютъ діалектическій талантъ К. Маркса. Когда мы говоримъ, что трудъ создаетъ цѣнность, то мы подъ этимъ должны разумѣть не трудовую силу даннаго отдѣльнаго индивидуума, а *средній общественно-необходимый трудъ*; величина цѣнности измѣняется не рабочимъ временемъ даннаго индивидуальнаго рабочаго, а *общественно - необходимымъ рабочимъ временемъ*. Что - же Марксъ разумѣетъ подъ этимъ установленнымъ имъ понятіемъ? «Общественно-необходимое рабочее время, говоритъ Марксъ, есть то рабочее время, которое требуется для производства какого либо блага при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства, при данной средней степени ловкости и интенсивности труда». Это понятіе Марксъ разъясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. Послѣ введенія парового станка въ Англію достаточно было, быть можетъ, половины рабочаго времени, чѣмъ прежде, чтобъ превратить данное количество пряжи въ ткань. Англіійскій ручной ткачъ, продолжающій работать безъ парового станка, требуетъ для этого превращенія такое количество времени, что и прежде, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа составляетъ теперь только половину общественно-необходимаго рабочаго часа, его часъ имѣетъ теперь $\frac{1}{2}$ прежней цѣнности. Итакъ, только количество общественно-необходимаго труда или только общественно-необходимое рабочее время опредѣляетъ цѣнность товаровъ. Товары, на производство которыхъ ушло одинаковое количество общественно-необходимаго рабочаго времени, имѣютъ одинаковую цѣнность. Но одни товары являются продуктами простого труда, другіе сложнаго. Сложный трудъ, говоритъ Марксъ, разсматривается только какъ умноженный простой трудъ, такъ что малое количество сложнаго труда

равно большому количеству простого труда. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ взглядъ Маркса на понятіе цѣнности. На этомъ построены его взгляды на доходъ съ капитала, которые, собственно, насъ здѣсь интересуютъ.

Взгляды Маркса по этому вопросу носятъ названіе теоріи «прибавочной цѣнности». Уже, какъ показываетъ названіе, эта теорія тѣсно связана съ теоріею цѣнности. Маркъ исходитъ изъ общихъ законовъ цѣнности и обмѣна. Обмѣнъ товаровъ совершается въ пропорціи общественно-необходимаго труда—таковъ основной законъ. Обыкновенный обмѣнъ товаровъ, при денежномъ хозяйствѣ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ товара обмѣниваетъ его на деньги, а потомъ онъ покупаетъ на эти деньги такой товаръ, который служить ему для удовлетворенія его потребностей. Крестьянинъ, напр., продаетъ свой хлѣбъ за извѣстную сумму денегъ, на эти деньги онъ покупаетъ себѣ платье. Словомъ, обыкновенное обращеніе товаровъ складывается какъ бы изъ двухъ фазисовъ: 1) обмѣнъ товара на деньги, 2) обмѣнъ денегъ на товаръ. Этотъ процессъ Маркъ выражаетъ слѣдующей формулой: Товаръ—Деньги—Товаръ, или беря только начальныя буквы, мы получаемъ формулу Т-Д-Т,—это есть формула, выражающая обыкновенное обращеніе товаровъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ, гдѣ крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ и покупаетъ на вырученные деньги платье, формула Т-Д-Т замѣняетъ собою формулу хлѣбъ-деньги-платье. Согласно установленному выше закону, что всѣ товары обмѣниваются въ пропорціи труда, хлѣбъ и платье, т. е. два крайнихъ члена нашей формулы, заключаютъ въ себѣ одинаковое количество труда, т. е. они равны по своей цѣнности. Но если эти два товара равны по своей цѣнности, то они совершенно отличны другъ отъ друга по своей полезности: хлѣбъ и платье служатъ для удовлетворенія совершенно различныхъ потребностей. Это именно обстоятельство, т. е. желаніе удовлетворить извѣстной потребности, въ нашемъ примѣрѣ потребности въ платьѣ, подвигаетъ человека къ обмѣну своего товара. Вообще, всякое простое обращеніе товаровъ вызывается тѣмъ, что конечный товаръ, получаемый въ обмѣнъ, удовлетворяетъ такого рода потребности, которой имѣющійся у насъ товаръ удовлетворить не можетъ.

Рядомъ съ указанной формой обращенія товаровъ въ современной жизни есть еще другая форма. Эта форма совершенно противоположна первой; если первая могла быть выражена словами—продавать, чтобы покупать, то вторая выражается словами—покупать, чтобы продавать: купецъ покупаетъ товаръ, чтобы потомъ его продать. Первая форма обращенія товаровъ выражалась формулой—Товаръ—Деньги—Товаръ (Т.-Д.-Т.), вторая выражается обратной формулой—Деньги—Товаръ—Деньги (Д.-Т.-Д.). Эта вторая форма обращенія, какъ легко замѣтить, совершенно не похожа на первую: двумя крайними членами первой формулы были различные товары (хлѣбъ

и платѣ); во второй формулѣ такими членами являются, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, деньги. Цѣль первой формы обращенія для каждаго очевидна: при помощи такого обмѣна мы удовлетворяемъ извѣстную потребность, напр., потребность въ платѣ, которая безъ него осталась неудовлетворенной. Ну, а въ чемъ цѣль второй формы обращенія? Взамѣнъ денегъ капиталистъ снова получаетъ деньги. Съ перваго взгляда это кажется совершенно безсмысленнымъ актомъ. Хлѣбъ и платѣ—товары совершенно различны по своимъ качествамъ, отдавать одинъ товаръ, чтобы получить взамѣнъ иной—это совершенно понятно. А деньги, вѣдь онѣ по своимъ качествамъ другъ отъ друга совершенно не отличаются. Единственное, чѣмъ одна сумма денегъ можетъ отличаться отъ другой, заключается не въ ихъ качествѣ, а въ ихъ количествѣ. Эта вторая форма обращенія имѣетъ, стало быть, смыслъ только тогда, когда ея два крайнихъ члена различны по своему количеству. И, дѣйствительно, купецъ, покупающій на 100 р. извѣстный товаръ, продаетъ его потомъ съ извѣстной прибавкой, т. е. дороже, положилъ за 110 руб. Поэтому эта вторая форма обращенія должна быть выражена словами: покупать, чтобы дороже продавать, или деньги-товаръ-деньги+извѣстная прибавка. Выражая эту формулу начальными буквами, мы получимъ: Д. (деньги)-Т. (товаръ)-Д' (деньги+прибавка). Эту прибавку, получаемую въ концѣ обращенія, Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью, Mehrwert, такъ какъ она является какъ бы прибавкой къ первоначальной цѣнности: въ оборотъ вложены были деньги извѣстной цѣнности, а въ результатъ выручены деньги такой же цѣнности, да еще прибавка. Полученіе такой прибавки, т. е. прибавочной цѣнности, есть не только специальная особенность торговаго капитала, гдѣ закупка товаровъ по извѣстной цѣнѣ и ихъ продажа по болѣе высокой для всякаго очевидна, эта же прибавочная цѣнность составляетъ особенность и промышленнаго капитала: послѣдній также состоитъ въ извѣстной суммѣ денегъ, которые превращаются въ товары, а затѣмъ, послѣ продажи этихъ товаровъ, снова выкупаются въ рукахъ предпринимателя въ видѣ денегъ, но уже большаго количества. Это же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ капиталу, отдаваемому въ ростъ. Словомъ, приведенная выше формула Д-Т-Д' есть общая формула для указанной формы обращенія.

Но не противорѣчатъ-ли эта форма обращенія товаровъ установленному выше общему закону цѣнности и обмѣна? Этотъ законъ состоитъ, какъ мы знаемъ, въ томъ, что, при нормальномъ ходѣ вещей, товары обмѣниваются въ пропорціи [потраченного на нихъ труда, т. е., что обмѣниваемые товары имѣютъ одинаковую цѣнность. Между тѣмъ, въ указанной сейчасъ формѣ обращенія этотъ общій законъ какъ бы нарушенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что обозначаетъ формула Д-Т-Д'? Она обозначаетъ, что капиталистъ

обмѣнявши или, что тоже, купивши товару на опредѣленную сумму денегъ—Д, потомъ продаетъ эти товары за вышнюю сумму—Д', т. е. извлекаетъ изъ этого процесса прибавочную цѣнность; стало быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такой формой обращенія, гдѣ два крайнихъ члена не равны между собою, какъ этого слѣдовало-бы ожидать, согласно установленному выше закону, а различны: Д', конечный членъ, выше по своей цѣнности, чѣмъ Д. Чѣмъ же объясняется это якобы противорѣчіе съ общими законами обмѣна? Проще говоря, какимъ образомъ извѣстная сумма денегъ Д превратилась въ большую сумму Д', т. е. откуда происходитъ прибавочная цѣнность? На это Марксъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Прибавочная цѣнность возникаетъ потому, что капиталисту удалось найти на современномъ рынкѣ такой товаръ, который самъ является источникомъ цѣнности, или, точнѣе говоря, процессъ потребления этого товара является вмѣстѣ съ тѣмъ процессомъ созданія цѣнности? Что же это за оригинальный товаръ, обладающій такимъ особымъ свойствомъ, что въ то самое время, какъ его потребляютъ, онъ создаетъ новую цѣнность? Этотъ товаръ, существующій на современномъ рынкѣ, есть ничто иное, какъ рабочая сила. Вотъ этотъ-то оригинальный товаръ разрѣшаетъ указанное выше противорѣчіе въ формѣ обращенія, онъ-то и служитъ источникомъ прибавочной цѣнности. Но какимъ образомъ? Здѣсь мы подходимъ къ самой сущности теоріи прибавочной цѣнности.

Рабочая сила, какъ сказано выше, составляетъ на современномъ рынкѣ товаръ. Цѣнность этого товара, какъ цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для его производства, или, точнѣе, для его воспроизведенія. Рабочее время, необходимое для производства данной рабочей силы, есть ничто иное, какъ то рабочее время, которое необходимо для производства жизненныхъ продуктовъ, поддерживающихъ эту рабочую силу. Цѣнность рабочей силы равна, стало быть, цѣнности продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія существованія ея владѣльца. Естественныя потребности человѣка, какъ пища, одежда, топливо, жилище и т. д. различны, въ зависимости отъ климатическихъ и другихъ физическихъ условій страны. Съ другой стороны, объемъ необходимыхъ потребностей, какъ и характеръ ихъ, суть продуктъ исторіи, онъ зависитъ отъ культуры данной страны, отъ того, подъ вліяніемъ какихъ привычекъ и какой жизни образовался рабочій классъ данной страны. Поэтому, къ противоположность другимъ товарамъ, цѣнность рабочей силы заключаетъ въ себѣ историческій и моральный элементъ. Какъ-бы то ни было, для извѣстной страны въ извѣстный періодъ времени среднее количество необходимыхъ средствъ существованія можно принять, какъ нѣчто опредѣленное. Для того, чтобы тотъ видъ товара, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. рабочая сила, существовать на рынкѣ постоянно, чтобы его количество не уменьшалось, требуется, чтобы рабочія силы, которыхъ

уничтожаются вслѣдствіе болѣзней, смертей и проч., постоянно замѣнялись новыми рабочими силами. Поэтому сумма средствъ, необходимыхъ для производства рабочей силы, обнимаетъ также и средства содержанія дѣтей рабочихъ, такъ чтобы «эта раса своеобразныхъ товаровладѣльцевъ увѣковѣчилась на товарномъ рынкѣ». Итакъ, цѣнность рабочей силы сводится къ цѣнности определенной суммы жизненныхъ припасовъ. Допустимъ, что для производства этого средняго количества жизненныхъ припасовъ требуется 6 часовъ общественно-необходимаго труда, то правильно будетъ сказать, что для ежедневнаго производства рабочей силы достаточно 6 рабочихъ часовъ, или цѣнность дневной рабочей силы равна 6 часамъ. Если при современныхъ условіяхъ производства, положимъ, одинъ рубль серебромъ является продуктомъ 6 часовъ общественно-необходимаго труда, то можно сказать, что дневная рабочая сила равна по своей цѣнности одному рублю серебромъ. Если рабочая сила будетъ продана по своей цѣнности, въ нашемъ примѣрѣ за 1 руб. сер., то эта купля-продажа будетъ совершена согласно общимъ законамъ обмѣна. Рабочій продаетъ на рынкѣ свой единственный товаръ, свою рабочую силу, капиталистъ покупаетъ ее такъ-же, какъ онъ покупаетъ другіе товары—нитки, пряжу, машины и т. п. Разъ рабочій продалъ свой товаръ капиталисту, онъ уже больше не принадлежитъ ему; пользоваться этимъ товаромъ, потреблять его можетъ, согласно общимъ законамъ обмѣна, капиталистъ. Но что значитъ пользоваться этимъ оригинальнымъ товаромъ, въ чемъ состоитъ потребление рабочей силы? Потребление рабочей силы выражается въ самой работѣ: покупатель рабочей силы потребляетъ ее тѣмъ, что онъ заставляетъ ее продавца работать. Потребление рабочей силы, какъ и потребление какого-либо другаго товара, напр., лошади, которую капиталистъ нанялъ на день, принадлежитъ ему въ теченіе этого дня. Покупателю товара принадлежитъ его потребление, а владѣлецъ рабочей силы даетъ въ дѣйствительности только проданный товаръ тѣмъ, что онъ работаетъ. Процессъ труда есть ничто иное, какъ процессъ между различными товарами (рабочая сила, нитки, машины и т. п.); которые купилъ капиталистъ. «Продуктъ этого процесса принадлежитъ ему точно такъ же, какъ продуктъ процесса броженія въ его винномъ погребѣ». Итакъ, допустимъ, что капиталистъ купилъ рабочую силу по ея цѣнности, т. е. онъ заплатилъ за рабочую силу 1 руб. сереб. въ день; допустимъ, также, что онъ закупилъ хлопчатую бумагу и веретена, нужныя для его производства. Какъ-же создается прибавочная цѣнность? Посмотримъ, что произойдетъ, если капиталистъ заставитъ рабочаго работать столько часовъ, сколько часовъ заключается въ его рабочей силѣ, т. е. 6 часовъ. Въ теченіе этихъ 6 часовъ рабочій превратитъ, положить, 10 фунтовъ хлопчатой бумаги въ пряжу. Эти 10 фунтовъ хлопчатой бумаги являются продуктомъ, скажемъ, 20 рабочихъ часовъ; за нихъ, значитъ, капиталистъ дол-

женъ былъ заплатить, — согласно принятому выше, что 6 часовъ труда выражается въ 1 рубль,—3 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. Допустимъ даже, что въ теченіе 6 часовъ труда веретень стертосъ настолько, что для ихъ восстановленія требуется 4 часа труда, т. е. нужно для этого заплатить 66 $\frac{2}{3}$ к. Полученная пряжа обошлась, стало быть, капиталисту въ 3 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. + 66 $\frac{2}{3}$ к. + 1 р. рабочей платы = 5 р. Какую сумму денегъ можетъ извлечь капиталистъ отъ продажи этой пряжи? Согласно общему закону обмѣна цѣнность продукта равна количеству труда, потраченного на него. Сколько-же часовъ труда потрачено было на эту пряжу? Въ этой пряжѣ воплощены теперь 20 часовъ труда, которые раньше были воплощены въ хлопчатой бумагѣ, 4 часа труда, соотвѣтственно труду, нужному для восстановленія стертыхъ веретенъ, да еще 6 часовъ труда, который употребилъ рабочій для превращенія хлопчатой бумаги въ пряжу; въ общей сложности 30 часовъ труда. Итакъ, капиталистъ, если онъ будетъ продавать свою пряжу согласно общему закону цѣнности и обмѣна, выручитъ за свою пряжу цѣнность 30 рабочихъ часовъ, согласно принятому нами масштабу, 5 р. сереб. Какой-же значить у насъ получился результатъ? Цѣнность произведеннаго продукта равна цѣнности употребленнаго въ дѣло капитала: 5 руб. употреблено на закупку хлопчатой бумаги, веретень *) и рабочей силы, 5 руб. выручено, въ концѣ концовъ, изъ продажи готоваго продукта. Словомъ, если рабочій будетъ работать только въ теченіе такого количества часовъ, которое соотвѣтствуетъ цѣнности рабочей силы, никакой прибавочной цѣнности не получится: готовый продуктъ будетъ имѣть такую-же самую цѣнность, какую имѣетъ вложенный въ него капиталъ. Прибавочная цѣнность возникаетъ только тогда, когда рабочаго заставляютъ работать больше того количества часовъ, которое соотвѣтствуетъ цѣнности его рабочей силы. И это вполне возможно, оно такъ всегда бываетъ. Въ нашемъ примѣрѣ цѣнность рабочей силы равна цѣнности 6 рабочихъ часовъ, т. е. въ ней какъ-бы воплощено 6 часовъ труда. «Но прошедшій трудъ, который воплощенъ въ рабочей силѣ, и живой трудъ, который она можетъ обнаруживать... это двѣ совершенно различныя величины». То обстоятельство, что достаточно уже 6 часовъ, чтобы вполне восстановить дневную рабочую силу, нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы рабочій работалъ въ теченіе дня 12 часовъ. Посмотримъ теперь, какой получится результатъ, если рабочій будетъ работать больше 6 часовъ, скажемъ 12 часовъ. Въ теченіе 12 часовъ рабочій, согласно выше приведенному примѣру, превратитъ въ пряжу 20 фунтовъ хлопчатой бумаги, въ которыхъ воплощено 40 рабочихъ часовъ; въ теченіе этого времени сотрется веретень настолько, что потребуются 8 рабочихъ часовъ для ихъ восстановленія въ прежнее состояніе.

*) Здѣсь принимается во вниманіе цѣнность, которую веретена теряли вслѣдствіе стиранія.

Во что, стало быть, обошлась капиталисту выработанная пряжа? 20 фунтовъ хлопчатой бумаги стоило 6 р. 66 $\frac{2}{3}$ к., веретень стертось на 1 р. 33 $\frac{1}{2}$ к. (соответственно 8 рабочимъ часамъ), рабочему уплачено по прежнему 1 руб., въ общей сложности 9 руб. Сколько выручить капиталистъ отъ продажи этой пряжи? Конечно, такую сумму денегъ, которая соответствуетъ цѣнности воплощенныхъ въ ней рабочихъ часовъ. Сколько-же воплощено въ ней рабочихъ часовъ? Въ эту пряжу перешло 40 часовъ труда, которые раньше были воплощены въ 20 фунтахъ хлопчатой бумаги, затѣмъ 8 часовъ перешло въ нее отъ стертыхъ веретенъ, къ этому присоединилось еще 12 часовъ, которые рабочий употребилъ на превращеніе хлопчатой бумаги въ пряжу, въ суммѣ получается 60 часовъ. Очевидно, капиталистъ будетъ имѣть возможность выручить за пряжу 10 руб., такъ какъ 6 часовъ труда цѣнится въ 1 рубль. Здѣсь мы уже замѣчаемъ образованіе прибавочной цѣнности величиною въ 1 руб. Эта прибавочная цѣнность возникла только потому, что рабочий трудился больше 6 часовъ, т. е. больше того количества часовъ, которое требуется для производства средствъ, необходимыхъ для поддержанія его рабочей силы. И эта прибавочная цѣнность равна цѣнности того количества рабочихъ часовъ, которое превышаетъ число часовъ, необходимыхъ для восстановленія рабочей силы. Въ нашемъ примѣрѣ прибавочная цѣнность равна 1 рублю, т. е. цѣнности 6 рабочихъ часовъ; это объясняется тѣмъ, что для восстановленія рабочей силы нужно только 6 часовъ, а рабочий трудился въ теченіе 12 часовъ. Еслибы рабочий работалъ только 6 часовъ въ день, онъ-бы никакой прибавочной цѣнности не создалъ, онъ-бы только восстановилъ ту цѣнность, которая заключалась въ его рабочей силѣ. Работая болѣе 6 часовъ, онъ создаетъ прибавочную цѣнность и чѣмъ больше онъ работаетъ свыше этого количества, тѣмъ прибавочная цѣнность больше. Можно сказать, что рабочий, въ нашемъ примѣрѣ, въ теченіе первыхъ 6 часовъ своего труда только воспроизводитъ цѣнность своей рабочей силы. Часть рабочего дня, въ теченіе которой рабочий воспроизводитъ цѣнность своей рабочей силы, Марксъ называетъ *необходимымъ рабочимъ временемъ*; трудъ, обнаруженный въ теченіе этого времени, — *необходимымъ трудомъ*. Другую часть рабочего дня, которая уже переходитъ за предѣлы необходимаго рабочего времени, Марксъ называетъ *прибавочнымъ рабочимъ временемъ*; трудъ, обнаруженный въ теченіе этого времени, — *прибавочнымъ трудомъ*. Въ теченіе прибавочнаго рабочего времени рабочий производитъ прибавочную цѣнность для капиталиста. Источникомъ прибавочной цѣнности является, стало быть, прибавочный трудъ, т. е. тотъ трудъ, который переходитъ за предѣлы труда, необходимаго для восстановленія цѣнности рабочей силы.

Мы видимъ, что К. Марксъ приходитъ въ главныхъ чертахъ къ тому же результату, къ которому пришелъ Родбертусъ: именно, что

прибавочная цѣнность, а по терминологіи Родбертуса — рента, составляетъ вычетъ изъ продуктовъ рабочаго въ пользу капиталиста. Рента, утверждаетъ Родбертусъ, существуетъ всюду и всегда, гдѣ только осуществились нужныя для этого экономическія и юридическія условія: 1) гдѣ производительность труда достигла извѣстнаго развитія, такъ что трудъ производитъ излишекъ надъ необходимыми средствами существованія рабочаго; 2) гдѣ, благодаря извѣстнымъ юридическимъ институтамъ (рабство, частная собственность на землю и орудія производства), этотъ излишекъ передается отъ рабочихъ въ пользу владѣльцевъ орудій производства. То-же самое говоритъ К. Марксъ. «Если, говоритъ Марксъ, рабочему нужно все свое время для того, чтобы произвести средства существованія, необходимыя для поддержанія себя и своей расы, тогда ему не остается времени, чтобы работать даромъ для третьихъ лицъ. Безъ извѣстной степени производительности труда нѣтъ свободного времени у рабочаго, безъ такого излишка времени нѣтъ прибавочнаго труда, а потому нѣтъ и капиталистовъ, нѣтъ также и рабовладѣльцевъ, феодальныхъ бароновъ,—однимъ словомъ, нѣтъ класса крупныхъ собственниковъ» *). Въ приведенной цитатѣ выражена мысль Родбертуса относительно необходимости экономического условія для возникновенія ренты. Слѣдующая цитата заключаетъ въ себѣ указаніе на юридическое условіе. «Вездѣ, говоритъ К. Марксъ, гдѣ одна часть общества владѣетъ монополіею орудій производства, рабочій долженъ присоединить къ рабочему времени, необходимому для поддержанія его собственной жизни, еще прибавочное рабочее время для того, чтобы произвести средства существованія для собственниковъ этихъ орудій производства, все равно будетъ-ли этотъ собственникъ афинскій халосъ х'афдосъ, этрусскій теократъ, *civisromanus*, норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валахскій бояринъ, современный лэнд-лордъ или капиталистъ»... Словомъ, прибавочная цѣнность или рента есть всегда и всюду, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ соціального строя или народнаго хозяйства, продуктъ прибавочнаго труда, взятый у производителей въ пользу владѣльцевъ орудій производства.

Мы познакомились, такимъ образомъ, со взглядами Маркса на источникъ прохожденія прибавочной цѣнности; остановимся еще на томъ различіи, которое дѣлаетъ Марксъ между двумя видами капитала: постояннымъ и переменнымъ.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ, гдѣ хлопчатая бумага перерабатывается въ пряжу, можно было замѣтить разницу между матеріалами и орудіями производства, съ одной стороны (хлопчатой бумагой и веретенами), и рабочею силою—съ другой. Готовый продуктъ, пряжа, положимъ, какъ-бы всасываетъ въ себя ту цѣнность, которая раньше была воплощена въ матеріалахъ и орудіяхъ произ-

*) К. Marx, Das Kapital, B, I, стр. 475.

водства. Въ нашемъ примѣрѣ 20 фунтовъ хлопчатой бумаги заключали въ себѣ 40 часовъ труда, столько-же переносится отъ нея на пряжу. То-же имѣетъ мѣсто по отношенію къ орудіямъ производства, напр., веретенамъ: насколько они стираются, т. е. сколько они теряютъ въ своей цѣнности, столько-же переносится на готовый продуктъ. Однимъ словомъ, матеріалы и орудія производства, которые можно назвать объективнымъ факторомъ производства, переносятся на продуктъ столько цѣнности, сколько они сами теряютъ черезъ собственное уничтоженіе. Совершенно не то слѣдуетъ сказать относительно субъективнаго фактора производства, т. е. рабочей силы. Рабочая сила въ нашемъ примѣрѣ воплощаетъ въ себѣ цѣнность 6 часовъ труда. Если рабочий работаетъ только 6 часовъ, то онъ переноситъ на продуктъ именно столько, сколько рабочая сила теряетъ въ своей цѣнности. Но вѣдь мы знаемъ, что рабочаго заставляютъ работать больше часовъ, чѣмъ нужно для воспроизведенія его рабочей силы: онъ можетъ работать 8, 10 или, какъ въ нашемъ примѣрѣ,—12 часовъ. Въ этомъ случаѣ рабочая сила присоединяетъ къ готовому продукту не только заключающуюся въ ней цѣнность, но еще большую или меньшую прибавку, которая и называется прибавочной цѣнностью. Вотъ на этомъ-то различіи между объективнымъ и субъективнымъ факторами производства Марксъ основываетъ раздѣленіе капитала на постоянный и переменный. Та часть капитала, которая воплощена въ сыромъ матеріалѣ, въ орудіяхъ производства и въ вспомогательномъ матеріалѣ (уголь, дрова, и проч.), называется *постояннымъ* капиталомъ, потому что она нисколько не измѣняетъ своей цѣнности въ производительномъ процессѣ: на готовый продуктъ переносится столько-же цѣнности, сколько заключалось раньше въ этомъ постоянномъ капиталѣ. Другая часть капитала, идущая на поддержаніе рабочей силы, проще говоря, на заработную плату, мѣняетъ въ производительномъ процессѣ свою цѣнность: эта часть капитала не только сама воспроизводится, но производитъ еще прибавку, прибавочную цѣнность. Поэтому Марксъ называетъ эту часть капитала *переменнымъ* капиталомъ: онъ какъ-бы мѣняетъ, увеличиваетъ свою цѣнность въ производительномъ процессѣ.

Не трудно замѣтить, что это разграниченіе между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ имѣетъ, съ точки зрѣнія теоріи Маркса, весьма важное, коренное значеніе. Согласно этой теоріи, постоянный капиталъ нисколько не можетъ вліять на прибавочную цѣнность. Будетъ-ли велика или мала цѣнность машинъ и матеріаловъ производства—это для прибавочной цѣнности безразлично: въ производительномъ процессѣ цѣнность объективнаго фактора переносится на готовый продуктъ и только. Прибавочная цѣнность находится въ зависимости исключительно отъ переменнаго капитала: на послѣдній покупается живая рабочая сила, которая и создаетъ прибавочную цѣнность. Поэтому можно сказать, что источникомъ прибавочной

цѣнности служить только переменный капиталъ, или, точнѣе говоря, живая рабочая сила, которая покупается на переменный капиталъ. Чѣмъ больше переменный капиталъ, тѣмъ больше будетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и прибавочной цѣнности.

Итакъ, прибавочная цѣнность происходитъ оттого, что капиталистъ заставляетъ рабочихъ трудиться сверхъ того времени, какое нужно для воспроизведенія цѣнности ихъ средствъ существованія. Это значитъ, что источникомъ прибавочной цѣнности служить трудъ въ теченіе прибавочнаго рабочаго времени. Увеличивая прибавочное рабочее время, мы увеличиваемъ прибавочную цѣнность. Прибавочное рабочее время можетъ увеличиваться, главнымъ образомъ, благодаря двумъ условіямъ: 1) удлиненію рабочаго дня, 2) увеличенію производительности труда. Такъ какъ прибавочная цѣнность создается живой рабочей силой, то чѣмъ больше рабочихъ силъ, т. е. чѣмъ больше рабочихъ участвуютъ въ производствѣ, тѣмъ, *ceteris paribus*, будетъ больше и прибавочная цѣнность.

Скажемъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ для характеристики методологическихъ приѣмовъ Карла Маркса. Хотя Марксъ не высказывается прямо и категорически относительно своего метода, но несомнѣнно, что во всѣхъ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ онъ пользовался тѣмъ же самымъ методомъ, который мы называли выше соціальнымъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы судить о методологическихъ приѣмахъ К. Маркса на основаніи отдѣльныхъ примѣровъ, которые приводятся въ «Капиталѣ» для иллюстраціи какого нибудь общаго положенія, тотъ могъ бы, пожалуй, прийти къ противоположному заключенію. Это заключеніе было бы однако совершенно ошибочное. Марксъ, подобно Родбертусу, начинаетъ свое изслѣдованіе не съ вопроса, откуда происходитъ прибыль единичнаго предпринимателя, чѣмъ опредѣляется ея высота, въ какомъ отношеніи она стоитъ къ его постоянному и переменному капиталу, какъ поступилъ бы экономистъ, пользующійся индивидуалистическимъ методомъ. Марксъ ведетъ свое изслѣдованіе не такъ. Онъ ставитъ себѣ раньше всего вопросъ, откуда происходитъ прибавочная цѣнность. Последняя, какъ и родбертусовская рента, есть не прибыль предпринимателя, не доходъ съ торговаго капитала, не процентъ съ отдаваемого займа капитала; это—понятіе болѣе широкое, оно обнимаетъ собою весь общественный продуктъ, который создается въ прибавочное рабочее время и который распадается на различные виды доходовъ съ капитала. Только тогда, когда уже изслѣдовать источникъ происхожденія прибавочной цѣнности вообще, можно перейти къ изученію того, какъ эта прибавочная цѣнность распадается на различные части и чѣмъ обуславливается размѣръ этихъ частей, т. е. прибыли предпринимателя, дохода торговца, дохода заимодавца и проч. Это изслѣдованіе уже болѣе спеціальное, но не менѣе интересное и не менѣе трудное,

составляетъ предметъ третьяго тома капитальнаго труда К. Маркса, котораго онъ не успѣлъ опубликовать при своей жизни.

Что Карлъ Марксъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ пользовался не такъ наз. индивидуалистическимъ методомъ, что онъ имѣлъ въ виду не изслѣдованіе частныхъ явленій, положимъ, прибыли единичнаго предпринимателя, а что онъ интересовался прежде всего болѣе общими явленіями, это ясно слѣдуетъ изъ изученія условий, опредѣляющихъ высоту прибавочной цѣнности. Мы видѣли выше, какое важное значеніе Марксъ придаетъ раздѣленію капитала на постоянный и переменный. Я указалъ, что, по мнѣнію Маркса, только отъ переменнаго капитала зависитъ величина прибавочной цѣнности, что постоянный капиталъ на прибавочную цѣнность не оказываетъ рѣшительно никакого вліянія. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что прибыль почти всегда пропорціональна всему капиталу, независимо отъ того, въ какой пропорціи этотъ капиталъ распадается на постоянный и переменный. Мы знаемъ, напр., что хлопчатобумажный фабрикантъ, производящій при помощи большаго постоянного капитала, будетъ извлекать гораздо больше прибыли, чѣмъ булочникъ, хотя бы тотъ и другой употребляли одинаковое количество рабочихъ, т. е. переменный капиталъ одинаковаго размѣра. Это значитъ, что прибыль зависитъ также и отъ постоянного капитала. Почему же Марксъ утверждаетъ, что прибавочная цѣнность находится въ зависимости только отъ переменнаго капитала, и что постоянный капиталъ на нее не вліяетъ? Потому именно, что въ первой половинѣ своего труда Марксъ говоритъ не о прибыли, не о профитѣ, какъ онъ ее называетъ, а о понятіи болѣе широкомъ, о прибавочной цѣнности. Что прибыль отдѣльнаго капиталиста находится въ прямомъ отношеніи ко всему его капиталу, это Марксъ сознавалъ очень хорошо, и это отношеніе онъ изучаетъ въ третьемъ томѣ своего труда. Въ первомъ же томѣ онъ изучаетъ процессъ возникновенія прибавочной цѣнности, т. е. той общей сокровищницы, которая является продуктомъ неоплаченнаго труда, и изъ которой черпаютъ свои доли промышленники, торговцы, земледѣльцы и проч.; здѣсь для него важно только отношеніе между переменнымъ капиталомъ и прибавочной цѣностью, такъ какъ только переменный капиталъ, превращаясь въ живую рабочую силу, служить единственнымъ источникомъ какъ цѣнности вообще, такъ и прибавочной цѣнности въ частности; постоянный капиталъ здѣсь можно игнорировать, такъ какъ на прибавочную цѣнность, будетъ-ли онъ великъ или малъ, онъ никакого вліянія не оказываетъ.

Этимъ я заканчиваю изложеніе взглядовъ Маркса на интересующій насъ вопросъ.

IV.

Намъ слѣдуетъ теперь ознакомиться съ воззрѣніями Бемъ-Баверка на доходъ съ капитала. Прежде всего мы разберемъ ту рѣзкую критику, которой онъ подвергъ изложенное выше ученіе Родбертуса и Маркса. Какъ сказано было ужъ нами, разборъ возраженій Б. Баверка очень поучителенъ: онъ бросаетъ новый свѣтъ на разбираемое ученіе. Затѣмъ только мы перейдемъ къ изложенію ученія самого Б. Баверка.

Какъ критикъ, Б. Баверкъ вообще обнаруживаетъ большой талантъ; онъ критикуетъ со знаніемъ дѣла, остроумно и глубоко. Таковы его несомнѣнные достоинства, которыя онъ обнаружилъ, критикуя громадное множество теорій дохода съ капитала, какія создавались со времени Аристотеля до нашихъ дней. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же самого относительно его критики Родбертуса и Маркса. Б. Баверкъ въ этомъ случаѣ не удержался на своей высотѣ: онъ обнаружилъ здѣсь не глубину, а скорѣе поверхностность, не остроуміе, а придирчивость. Быть можетъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что, разбирая теоретическія ученія Родбертуса и Маркса, Б. Баверкъ не могъ забыть тѣхъ практическихъ выводовъ, которые изъ нихъ дѣлаются. Вопросъ о возникновеніи дохода съ капитала принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, теоретическая сторона которыхъ такъ тѣсно связана съ практической, социально-политической, что, при лучшемъ желаніи, ихъ трудно разбирать съ спокойнымъ хладнокровіемъ ученаго, *sine ira et studio*. Этими, быть можетъ, объясняется и та рѣзкость и высокомеріе, которыя Б. Баверкъ проявляетъ въ своей критикѣ въ особенности по отношенію къ Карлу Марксу.

Возраженія Б. Баверка противъ ученія Родбертуса и Маркса имѣютъ двойной характеръ: одни, самыя важныя и многочисленныя, направлены противъ ихъ теорій цѣнности, какъ основанія ихъ «эксплуатационной теоріи» *), другія направлены непосредственно противъ ихъ ученія о доходѣ съ капитала. Къ сожалѣнію, я не могу подробно остановиться на возраженіяхъ перваго рода: для правильной ихъ оцѣнки мнѣ нужно было-бы подвергнуть подробному анализу теоріи цѣнности Родбертуса, Маркса и Бемъ-Баверка, это значило бы совершенно выйти за предѣлы поставленной мною задачи. Но въ виду тѣсной связи, которая существуетъ между ученіемъ о рентѣ и прибавочной цѣнности и трудовой теоріею цѣнности, нельзя все-таки не коснуться этихъ возраженій хотя бы въ общихъ чертахъ, поскольку это возможно сдѣлать, не входя въ подробное

*) Такое названіе Б. Баверкъ даетъ теоріи Родбертуса и Маркса, такъ какъ по ихъ ученію рента и прибавочная цѣнность получаются вслѣдствіе эксплуатированія рабочаго.

изученіе различныхъ теорій цѣнности. Главное вниманіе мы должны сосредоточить на воззрѣніяхъ, направленныхъ прямо противъ ученія о доходѣ съ капитала. Съ нихъ мы и начнемъ.

Разобравъ довольно подробно теорію цѣнности Родбертуса, Б. Баверкъ выставляетъ цѣлый рядъ возраженій специально противъ его теоріи ренты. Всѣ эти возраженія сводятся къ ряду отдѣльныхъ примѣровъ. Онъ беретъ ювелира, который занимается приготовленіемъ жемчужныхъ ожерелій. Онъ предполагаетъ, что этотъ ювелиръ ведетъ свое дѣло при помощи 5-ти рабочихъ и капитала величиною въ 1 миллионъ гульденовъ, помѣщенного въ жемчугъ. Въ концѣ каждаго года ювелиръ продаетъ приготовленные 5-ю рабочими ожерелья. Миллионный капиталъ доставляетъ ювелиру, при обычномъ уровнѣ процентовъ, скажемъ, 50,000 гульденовъ ежегоднаго дохода. «Спросимъ теперь, говоритъ Б. Баверкъ, какъ объяснить это полученіе процентовъ со стороны ювелира. Родбертусъ отвѣчаетъ, что доходъ съ капитала есть добыча, возникшая благодаря насильственному вычету изъ естественной и справедливой заработной платы. Изъ платы какихъ рабочихъ?» — спрашиваетъ иронически Б. Баверкъ. «Тѣхъ пяти рабочихъ, которые сортируютъ жемчугъ и готовятъ ожерелья? Вѣдь этого быть не можетъ: еслибы возможно было путемъ вычета изъ справедливой заработной платы 5 рабочихъ заработать въ годъ 50000 гульденовъ, тогда справедливая плата была-бы во всякомъ случаѣ выше 50000, т. е. плата одного рабочаго во всякомъ случаѣ выше 10000 гульденовъ въ годъ. Это столь высокая плата, которую едва-ли можно серьезно предполагать, тѣмъ болѣе, что дѣло сортировки и наизыванія жемчуга очень мало возвышается надъ уровнемъ простого труда. Но осмотримся дагѣе кругомъ насъ—продолжаетъ Б. Баверкъ въ томъ-же ироническомъ духѣ, — быть можетъ, это рабочіе какой нибудь предшествующей стадіи производства, изъ продукта труда которыхъ ювелиръ извлекаетъ свою добычу, быть можетъ, это искатели жемчуга? Но вѣдь съ этими рабочими ювелиръ не имѣлъ никакого соприкосновенія; онъ купилъ свой жемчугъ непосредственно отъ предпринимателя жемчужной ловли, или у какого-нибудь посредника-торговца: онъ, такимъ образомъ, не имѣлъ никакой возможности отнять у искателей жемчуга часть ихъ продукта или цѣнности ихъ продукта. Но, быть можетъ, это сдѣлалъ въ свою очередь предприниматель жемчужной ловли, такъ что прибыль ювелира вытекаетъ изъ вычета, который предприниматель жемчужной ловли сдѣлалъ изъ заработной платы своихъ рабочихъ? Но и это невозможно, такъ какъ очевидно, что ювелиръ и тогда получилъ-бы свою прибыль, еслибы предприниматель жемчужной ловли не сдѣлалъ никакого вычета изъ платы своихъ рабочихъ. Еслибы послѣдній раздѣлилъ весь миллионъ, который стоитъ жемчугъ и который онъ получаетъ въ видѣ продажной цѣны отъ ювелира, между своими рабочими, то этимъ онъ достигъ-бы только того, что онъ самъ не

получилъ-бы никакой прибыли, но ни въ какомъ случаѣ ювелиръ не лишился-бы своей прибыли. Какъ-бы мы не напрягали свою фантазію, заканчиваетъ В. Баверкъ, мы тщетно будемъ искать тѣхъ рабочихъ, изъ справедливой платы которыхъ сдѣланъ былъ вычесть въ 50000 гульденовъ, составляющихъ прибыль ювелира» *).

Съ перваго взгляда приведенное возраженіе кажется мѣткимъ и остроумнымъ, можно подумать, что оно въ корнѣ подрываетъ теорію ренты Родбертуса. Но когда вдумываешься глубже, то не трудно замѣтить, что оно основано на недоразумѣніи, оно направлено не противъ того ученія, которое развилъ Родбертусъ, а противъ произвольныхъ и ошибочныхъ выводовъ изъ этого ученія. Въ самомъ дѣлѣ, чего требуетъ В. Баверкъ отъ теоріи Родбертуса? «Если эта теорія (Родбертуса) вѣрна, говоритъ В. Баверкъ, то она должна дать удовлетворительное объясненіе явленію дохода съ капитала такъ, какъ онъ представляется въ дѣйствительной жизни, притомъ во всей его существенныхъ проявленіяхъ **). Это значитъ требовать отъ Родбертуса того, чего онъ и не думалъ давать. Единственное, что имѣлъ въ виду Родбертусъ, это изложеніе основныхъ принциповъ; онъ хотѣлъ объяснить, какъ возникаетъ доходъ съ капитала вообще, который онъ называетъ рентою, въ обществѣ какъ въ цѣломъ, а не откуда возникаетъ и чѣмъ опредѣляется выгода прибыли одного какого-нибудь капиталиста. Для той цѣли, которую имѣлъ въ виду Родбертусъ, вполне достаточны тѣ общіе принципы, которые онъ выставилъ. Конечно, если мы пожелаемъ объяснить нѣчто иное, не то, что имѣлъ въ виду Родбертусъ, положимъ, прибыль одного какого-нибудь капиталиста, въ примѣрѣ В. Баверка ювелира, тогда общіе принципы Родбертуса окажутся недостаточными; для этого пришлось-бы, быть можетъ, къ этимъ общимъ принципамъ допустить поправки, быть можетъ, установить еще принципы болѣе спеціальнаго характера.

Родбертусъ это сознавалъ очень хорошо: «законы, говоритъ Родбертусъ, регулирующие дальнѣйшее подраздѣленіе заработной платы, земельной ренты и прибыли на капиталъ между *отдѣльными* рабочими, *отдѣльными* землевладѣльцами и *отдѣльными* ***) капиталистами, совершенно отличны отъ тѣхъ, которые опредѣляютъ раздѣленіе продукта на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капиталъ вообще... Поэтому я въ дальнѣйшемъ понимаю всѣ эти понятія только въ ихъ общемъ значеніи». Между тѣмъ, что дѣлаетъ В. Баверкъ? Онъ старается объяснить при помощи однихъ общихъ принциповъ Родбертуса доходъ съ капитала «во всѣхъ его существенныхъ проявленіяхъ»; онъ замѣняетъ понятія въ ихъ общемъ значеніи, съ каковыми только и имѣлъ дѣло Родбертусъ, другими спеціальными

*) Böhm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, B. I стр. 415—416.

**) Ibid., стр. 414.

***) Подчеркнуто у Родбертуса.

понятіями, которыхъ Родбертусъ совершенно не имѣлъ въ виду. Онъ обращается къ Родбертусу съ слѣдующимъ вопросомъ: вотъ предъ вами ювелиръ, онъ владѣетъ капиталомъ въ 1 милліонъ гульденовъ, на который онъ покупаетъ жемчугъ, при помощи 5-ти рабочихъ онъ изъ него приготовляетъ жемчужныя ожерелья, ежегодно онъ извлекаетъ доходъ въ 50,000 гульденовъ; скажите, изъ какихъ рабочихъ онъ извлекаетъ свою прибыль, изъ чьей рабочей платы онъ сдѣлалъ этотъ вычетъ? На это Родбертусъ могъ бы вполне правильно отвѣтить такимъ образомъ. «Вопросъ, который вы мнѣ предлагаете, есть вопросъ специальный, онъ касается частнаго, индивидуальнаго явленія, между тѣмъ какъ принципы, которые я выставилъ, объясняютъ только явленія общія, социальныя; вы желаете при помощи моихъ общихъ принциповъ объяснить это частное явленіе и совершенно забываете сказанное мною, что законы, регулирующіе подраздѣленіе прибыли и заработной платы между *отдѣльными* капиталистами и *отдѣльными* рабочими, совершенно отличны отъ тѣхъ, которые регулируютъ раздѣленіе продукта на заработную плату и ренту вообще. Единственное, что я могу отвѣтить на поставленный вами вопросъ, есть слѣдующее: 50000 гульденовъ, которые извлекаетъ ювелиръ въ видѣ дохода съ капитала, есть часть той сокровищницы, которую я назвалъ рентою и которая составляется путемъ вычета изъ рабочей платы; еслибы всѣ рабочіе, существующіе въ данномъ обществѣ, получали всю цѣнность своего продукта, никакихъ доходовъ съ капитала не существовало бы, и ювелиръ не получалъ бы со своего капитала никакой прибыли; что же касается того, изъ какихъ именно рабочихъ эти 50 тысячъ гульденовъ были извлечены,—это совершенно выходило за предѣлы моего изслѣдованія».

Изъ предыдущаго, надѣюсь, видно, что Б. Баверкъ не сумѣлъ стать на точку зрѣнія Родбертуса, онъ совершенно игнорируетъ его методологическій приемъ: Родбертусъ все время имѣлъ въ виду явленія социальныя, народно-хозяйственныя, между тѣмъ какъ Б. Баверкъ оперируетъ все время понятіями индивидуалистическими. Неудивительно, что ему не удалось правильно оцѣнить его ученія. Изъ дальѣйшаго это станетъ для насъ еще яснѣе. Послѣ примѣра съ ювелиромъ Б. Баверкъ приводитъ второй примѣръ, которымъ онъ думаетъ уже окончательно разбить критикуемое имъ ученіе. «Я желаю привести, говоритъ Б. Баверкъ, еще другой, болѣе убѣдительный примѣръ, хорошій, старый примѣръ, который уже давно служитъ пробнымъ камнемъ для многихъ теорій дохода съ капитала, признанныхъ ошибочными. Собственникъ винограднака приготовилъ изъ своего винограда боченокъ хорошаго молодого вина. Не посредственно послѣ сбора винограда этотъ боченокъ вина имѣетъ цѣнность въ 100 гульденовъ. Собственникъ оставилъ боченокъ спокойно лежать въ погребѣ, и послѣ дюжины лѣтъ это выдержанное вино получило цѣнность въ 200 гульденовъ. Явленіе воимъ знако-

мое. Разница между 100 и 200 попадаетъ собственнику вина, какъ проценты на заключенный въ немъ капиталъ. Изъ какихъ рабочихъ добытъ этотъ доходъ съ капитала? Такъ какъ во время лежанія, продолжаетъ даѣе Б. Баверкъ, никакой трудъ не былъ произведенъ надъ виномъ, то мыслимо только то, что эта добыча сдѣлана была по отношенію къ тѣмъ рабочимъ, которые произвели новое вино. Собственникъ винограда далъ имъ слишкомъ низкую рабочую плату. Но, спрошу я, какую же плату онъ долженъ былъ имъ дать справедливымъ образомъ? Еслибы онъ даже заплатилъ имъ всѣ 100 гульденовъ, которые стоило новое вино, продолжаетъ даѣе Б. Баверкъ, то и тогда ему остался бы приростъ въ 100 гульденовъ. Да еслибы онъ даже далъ имъ 120 или 150 гульденовъ въ видѣ рабочей платы, то и тогда останется за нимъ упрекъ въ грабежѣ; онъ отъ него освободится только тогда, когда онъ заплатитъ всѣ 200 гульденовъ».

Этотъ второй примѣръ еще нагляднѣе предыдущаго показываетъ намъ, какъ неправильно Б. Баверкъ понялъ ученіе Родбертуса.

Послѣдній утверждаетъ, что рента, т. е. сумма всѣхъ доходовъ съ капитала, существующихъ въ народномъ хозяйствѣ, составляетъ вычетъ изъ рабочей платы всѣхъ рабочихъ даннаго общества. Б. Баверкъ понялъ это ученіе по своему, чисто индивидуалистически: онъ полагаетъ, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста, согласно Родбертусу, составляетъ вычетъ изъ рабочей платы тѣхъ именно рабочихъ, которые участвовали въ предпріятіи этого капиталиста. Разъ рента есть вычетъ изъ рабочей платы, то доходъ даннаго капиталиста, думаетъ Б. Баверкъ, скажемъ виноторговца, есть непременно вычетъ изъ рабочей платы тѣхъ рабочихъ, которые приготовили это вино. «Изъ какихъ рабочихъ добытъ этотъ доходъ съ капитала? спрашиваетъ Б. Баверкъ. Такъ какъ во время лежанія никакой трудъ не былъ произведенъ надъ виномъ, то мыслимо только то, что вычетъ сдѣланъ былъ по отношенію къ тѣмъ рабочимъ, которые произвели это вино». Развѣ только это мыслимо?

Развѣ Родбертусъ когда-либо утверждалъ, что доходъ даннаго капиталиста составляется путемъ вычета изъ рабочей платы тѣхъ именно рабочихъ, которыхъ онъ самъ употребляетъ въ дѣло? Никогда онъ ничего подобнаго не высказывалъ. Родбертусъ всегда смотрѣлъ на общество, какъ на органическое цѣлое, а не какъ на агрегатъ отдѣльныхъ единичныхъ хозяйствъ; онъ всегда имѣлъ въ виду явленіе социальныя, а не индивидуалистическія.

Рента, говоритъ онъ, есть продуктъ эксплуатаціи рабочихъ, но онъ никогда не утверждалъ, что доходъ даннаго единичнаго капиталиста есть продуктъ тѣхъ опредѣленныхъ рабочихъ, которымъ онъ платилъ рабочую плату. «Доходъ даннаго виноторговца, сказалъ-бы Родбертусъ въ отвѣтъ на примѣръ Б. Баверка, есть несомнѣнно вычетъ изъ рабочей платы; но я никогда не думалъ утверждать,

что онъ составляетъ вычетъ изъ рабочей платы непременно тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ въ его виноградникѣ».

Къ Вемъ-Баверку вполне примѣнимъ упрекъ, сдѣланный Родбертусомъ по отношенію къ тѣмъ методологическимъ приемамъ, которыми пользовалась въ его время экономическая наука. «Она (экономическая наука) разорвала на клочки то, что, благодаря раздѣленію труда, составляетъ нераздѣльное социальное цѣлое, то, что существуетъ только при предположеніи подобнаго цѣлаго; она думала подняться до уразумѣнія этого цѣлаго, исходя изъ этихъ клочковъ, изъ индивидуальнаго участія единичныхъ личностей... Она поступала такъ, какъ будто общество есть только сумма различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не моральное или социальное цѣлое, какъ будто народное хозяйство есть только агрегатъ индивидуальныхъ хозяйствъ...*)». Именно такъ и поступаетъ В. Баверкъ. Онъ смотритъ на собственника вина, какъ на капиталиста, совершенно изолированнаго отъ всего общества; если доходъ съ капитала есть вычетъ изъ рабочей платы, то доходъ виноторговца, думаетъ В. Баверкъ, можетъ быть вычетомъ только изъ платы рабочихъ, приготовившихъ это вино. А почему не изъ рабочей платы какихъ-нибудь другихъ рабочихъ? Развѣ предпріятіе даннаго виноторговца можно рассматривать изолировано, развѣ оно не связано со всѣми другими единичными хозяйствами въ органическое общественное хозяйство? Еслибы В. Баверкъ сталъ на социальную точку зрѣнія, еслибы онъ доказалъ намъ, что въ обществѣ, какъ въ цѣломъ, доходъ съ капитала существовалъ-бы и тогда, когда-бы всѣ рабочіе, во всѣхъ отрасляхъ производства, получали весь продуктъ своего труда, еслибы онъ доказалъ намъ, что рента вообще существовала-бы и тогда, когда-бы не было никакого вычета изъ рабочей платы, тогда... тогда-бы никто не сомнѣвался, что разбираемая нами теорія ложна. Такого рода попытку В. Баверкъ, дѣйствительно, сдѣлалъ во второмъ томѣ своего труда, гдѣ онъ излагаетъ свое ученіе. Насколько эта попытка можетъ быть названа удачною, это мы увидимъ ниже, когда познакомимся его собственною теоріею.

Двумя приведенными примѣрами исчерпываются возраженія В. Баверка противъ ученія Родбертуса о доходѣ съ капитала. Всѣ его другія возраженія направлены противъ теорій земельной ренты и цѣнности; о возраженіяхъ послѣдняго рода будетъ рѣчь ниже. Теперь же я перейду къ той критикѣ, которую В. Баверкъ выставилъ противъ ученія К. Маркса о прибавочной цѣнности. Эти возраженія составляютъ ничто иное, какъ простую перефразировку того, что онъ высказалъ противъ ученія Родбертуса. Они насъ еще болѣе убѣждаютъ въ томъ, что В. Баверкъ совершенно не понялъ мето-

*) Rodbertus, Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 40.

дологических приемов Маркса и Родбертуса и потому придает их понятиям и терминам совершенно ложный смысл.

Маркс утверждает говорить В. Баверк, что только величина «переменного капитала» оказывает влияние на величину получаемой прибавочной ценности, между тем как величина постоянного капитала для этого безразлична. Но этим самым Маркс, подобно тому, как и Родбертус, впадает в противоречие с действительностью, которая в противоположность этому показывает нам, что, *под влиянием закона уравнения прибылей, величина получаемой прибавочной ценности всюду стоит в прямом отношении к величине потребленной в долю всего капитала, как переменного, так и постоянного* *). Подчеркнутая мною слова показывают корень главных заблуждений В. Баверка. Какой, в самом деле, вывод можно сделать из закона равенства прибылей? Единственно то, что величина *прибыли* находится в прямом отношении к величине *употребленного* в долю капитала. Но откуда Баверк взял, что *прибавочная ценность* всюду находится в прямом отношении ко всему употребленному в долю капиталу? Утверждать что-нибудь подобное может только тот, кто совершенно не понимает смысла термина «прибавочная ценность», кто отождествляет этот термин с понятием прибыли. Если бы Маркс утверждал, что *прибыль* зависит только от переменного капитала, а постоянный капитал на нее никакого влияния не оказывает, тогда, конечно, В. Баверк имел бы полное право упрекать Маркса в том, что он впадает в противоречие с действительностью. Но Маркс ничего подобного не утверждал. Единственно, что утверждает теория Маркса, это то, что *прибавочная ценность* зависит только от переменного капитала, так как только последний воплощается в живую рабочую силу, которая является единственным источником ценности вообще и прибавочной ценности в частности. В. Баверк, между тем, совершенно произвольно оперирует понятиями прибыли и прибавочная ценность, подставляя одно вместо другого. Такое смешение понятий со стороны В. Баверка объясняется, на наш взгляд, непониманием методологических приемов Маркса и Родбертуса: В. Баверк не понимает, что для Родбертуса и Маркса «рента» и «прибавочная ценность» суть понятия более общего характера, в то время, как прибыль есть одна из частных форм дохода с капитала. Это тем более удивительно, что Маркс сам предостерегает от смешения понятий прибавочной ценности и прибыли, которую он называет профитом. Он требует, чтобы различали уровень прибавочной ценности, который обыкновенно «смешивают с уровнем профита» **). Приходится просто изумляться той легкости, с какой В. Баверк отнесся к учению Маркса. Он бы никогда не стал упрекать Маркса в том, что его учение о прибавочной ценности противоречит действительности, если бы достаточно продумал хотя бы следующее замечание, которое

*) Böhm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, B. I., стр. 445.

**) K. Marx, Das Kapital, B. I. стр. 180.

Марксъ дѣлаетъ по отношенію къ Рикардо. «Онъ (Рикардо) изучилъ такъ-же мало, какъ и другіе экономисты, прибавочную цѣнность, какъ таковую, независимо отъ его особенныхъ формъ, какъ профитъ или земельная рента. Онъ смѣшиваетъ поэтому законъ, опредѣляющій уровень прибавочной цѣнности, съ законами, опредѣляющими уровень прибыли.» Именно на этомъ смѣшеніи основаны возраженія В. Баверка. «Ясно, кромѣ того, продолжаетъ даже Марксъ, что уровень прибыли можетъ зависеть отъ такихъ обстоятельствъ, которые нисколько не вліяютъ на уровень прибавочной цѣнности». *) Марксъ, стало быть, очень хорошо сознавалъ, что на уровень прибыли вліяютъ такіа обстоятельства, которые на прибавочную цѣнность не вліяютъ. Къ такимъ обстоятельствамъ нужно отнести постоянный капиталъ. Значитъ, упрекъ В. Баверка въ томъ, что Марксъ впалъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью, ни на чемъ не основанъ. Бемъ-Баверку показалось, что Марксъ впалъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью, такъ какъ онъ самъ смѣшалъ понятіе прибавочной цѣнности съ понятіемъ прибыли.

Свою критику марксовскаго ученія В. Баверкъ заканчиваетъ частнымъ примѣромъ, къ которымъ онъ обнаруживаетъ особенное пристрастіе. «Начиная съ котораго часа рабочаго дня, спрашиваетъ В. Баверкъ, рабочій начинаетъ производить ту прибавочную цѣнность, которую вино отбрасываетъ, положимъ, между 5-мъ и 10-мъ годомъ своего лежанія?» Этимъ ироническимъ примѣромъ В. Баверкъ думаетъ опровергнуть теорію прибавочной цѣнности, но и здѣсь онъ впадаетъ въ ту-же ошибку, на которую было уже указано выше: съ одной стороны, онъ неправильно называетъ ту прибыль, которую извлекаетъ собственникъ вина, прибавочной цѣнностью, съ другой—онъ становится опять на индивидуалистическую точку зрѣнія, онъ почему-то полагаетъ, что, согласно эксплуатационной теоріи, прибыль винотоваровца можетъ быть продуктомъ труда только тѣхъ рабочихъ, которые трудились надъ этимъ виномъ.

Я старался передать по возможности дословно всѣ возраженія В. Баверка, которые онъ выставилъ непосредственно противъ ученія о доходѣ съ капитала Родбертуса и Маркса. Нельзя не признать, что эти возраженія страдают столько же казуистичностью, сколько поверхностностью и придирчивостью. Они казуистичны, такъ какъ вся критика вертится вокругъ отдѣльныхъ примѣровъ: ювелиръ, винотоваровецъ и снова винотоваровецъ. Они поверхностны, такъ какъ авторъ не вникъ въ основы разбираемаго имъ ученія: методологическіе приемы, составляющіе базисъ ученія, имъ совершенно игнорируются. Они, наконецъ, придирчивы, такъ какъ смѣшивать понятіе прибавочной цѣнности съ понятіемъ прибыли совершенно непозволительно, тѣмъ болѣе, что самъ Марксъ предостерегаетъ отъ такого смѣшенія.

Болѣе существенными представляются замѣчанія В. Баверка относительно теорій цѣнности Родбертуса и Маркса, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Б. Эфруси.

*) Ibid.

КОШАЧЬЯ ДОРОГА.

Г. Зудермана.

VI.

На слѣдующій день Шранденское село было поражено посѣщеніемъ, которое готовило не малое разочарованіе его празднично настроеннымъ обывателямъ.

Около пяти часовъ дня черезъ село проѣхали двѣ телѣги, въ которыхъ сидѣли молодые люди въ егерскихъ мундирахъ и военныхъ фуражкахъ, съ ружьями черезъ плечо.

Въ первой телѣгѣ сидѣла еще женщина, которая въ ту минуту, когда лошади подѣвжали къ церковной площади, быстро выскочила изъ повозки и побѣжала по направленію къ замку.

Шранденцы сразу узнали въ ней возлюбленную покойнаго барона, но всеобщее изумленіе было такъ велико, что никому и въ голову не пришло ее преслѣдовать.

Телѣги остановились передъ трактиромъ Чернаго Орла. Всѣ окна раскрылись, и прежде чѣмъ незнакомцы успѣли сойти со своихъ мѣстъ, ихъ встрѣтили оглушительными криками радости.

— Ура! дѣти долины! дѣти долины! — закричалъ Феликсъ Меркель, не одинъ разъ сражавшійся вмѣстѣ съ Селлентгинскимъ эскадрономъ, и протянулъ изъ окна пѣнящуюся кружку пива.

Отецъ его быстро отворилъ дверь въ почетную комнату, гдѣ разрѣшалось пить только вино, съ полной увѣренностью, что достаточныя дѣти долины будутъ пить кое-что получше.

Но на оживленную встрѣчу они отвѣтили мрачнымъ, почти враждебнымъ молчаніемъ. Ни на кого не взглянувъ даже, они стали вытаскивать разныя орудія: пилы, топоры, лопаты и принялись перепрагать лошадей.

Шранденцы остолебѣли.

— Чортъ возьми! Глотка что-ли у васъ закупорена? — за-

кричалъ въ окно Феликсъ Меркель. — Гдѣ же ваше чудо, лейтенантъ Баумгартъ?

Отвѣта не послѣдовало.

Шранденцамъ представилось, что незнакомцы вздумали подшутить надъ ними, и разразились звонкимъ смѣхомъ.

Между тѣмъ, Карлъ Энгельбертъ, подошелъ къ окну, изъ котораго высунулся Феликсъ Меркель, взялъ подъ козырекъ и сказалъ:

— Съ вашего позволенія, господинъ лейтенантъ, мы явились сюда не для веселья и не на праздникъ: мы пришли на похороны.

— Въ Шранденѣ никто не умеръ, — закричалъ Феликсъ Меркель, но лицо его замѣтно вытянулось.

— Извините, господинъ лейтенантъ, мы приглашены на похороны.

— Кто же васъ пригласилъ?

— Нашъ бывший лейтенантъ, Баумгартъ.

— Ерунда! Здѣсь нѣтъ никакого лейтенанта Баумгарта, вы должны были привезти его съ собой!

— Извините, господинъ лейтенантъ, онъ уже здѣсь.

— Куда же онъ дѣлся, чортъ возьми?

— Вы его, вѣроятно, знаете подъ другимъ именемъ. Его зовутъ господинъ фонъ-Шранденъ...

Кружка, которую Феликсъ Меркель держалъ въ рукѣ, упала къ ногамъ молодого Энгельберта и разбилась въдребезги. Пиво забрызгало ему ноги.

Внутри трактира поднялась суматоха, какъ будто тамъ шло цѣлое сраженіе, затѣмъ окна шумно захлопнулись и, когда Іоганнъ Радтке, которому хотѣлось выпить, поднялся было на крыльцо, дверь затворилась передъ самымъ его носомъ.

— И мы позволимъ, чтобы насъ гнали, какъ псовъ! — воскликнулъ мрачно Петръ Негентинъ, сжимая кулаки.

— Что же, ты хочешь сдѣлаться клятвопреступникомъ? — сказалъ ему тихо Энгельбертъ, — тогда ступай назадъ. Чего бы отъ насъ ни потребовали, собакой будетъ тотъ, кто забудетъ данинговскую церковь!

— А у кого пересохло горло, тотъ можетъ пить и воду, — прибавилъ со вздохомъ Іоганнъ Радтке.

Энгельбертъ снова перекинулъ черезъ плечо свое ружье.

— Впередъ! — командовалъ онъ, — впередъ, маршъ! — Все пришло въ порядокъ, и они зашагали по направленію къ замку, сопровождаемые цѣлой толпой поселянъ, державшихся на почтительномъ разстояніи.

На мосту ихъ встрѣтилъ Болеславъ.

Переполненный радостью, бросился онъ на встрѣчу къ

своимъ друзьямъ, не будучи въ состояніи выразить своей благодарности.

Энгельбергъ молча протянулъ ему руку, но когда Болеславъ хотѣлъ его обнять, тотъ уклонился. Въ своемъ возбужденіи Болеславъ ничего не замѣтилъ.

— Я зналъ, что вы придете, — сказалъ онъ порывисто, — я зналъ, что у меня есть еще друзья, что вы не оставите меня, безоружнаго, на съѣденіе этимъ волкамъ!

Никто ему не отвѣтилъ ни слова.

Какъ стѣна, стояли они передъ нимъ, выстроившись въ рядъ, только глаза ихъ смущенно бѣгали по сторонамъ.

Энгельбергъ первый прервалъ молчаніе.

— Ты насъ позвалъ, и мы пришли, но у насъ мало времени; скажи, что тебѣ отъ насъ нужно?

На мгновеніе Болеславу показалось что-то чуждое въ жесткихъ, отрывистыхъ словахъ любимаго товарища, но онъ не могъ сомнѣваться.

Вѣдь они пришли!

И путаясь въ словахъ, волнуясь, онъ имъ разсказалъ, что задумали шпанденцы, и что онъ рѣшилъ совершить съ помощью друзей.

Въ эту минуту глаза его встрѣтились съ горящимъ взоромъ Рeginны, которая, дрожа, притаилась у одного изъ выступовъ моста.

Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ она вихремъ примчалась въ замокъ, крича въ восторгѣ:

— Они здѣсь, они уже въ деревнѣ!

Въ первую минуту Болеславъ не узналъ ея. Она была одѣта въ свѣтлую юбку и ночную кофту, свободно обхватывавшую ея грудь, яркій платокъ былъ повязанъ у нея на головѣ, какъ у крестьянскихъ дѣвушекъ.

— Это мнѣ дали надѣть, — сказала она какъ бы въ извиненіе, встрѣтивъ его удивленный взглядъ.

Въ своей радости онъ больше не обращалъ на нее вниманія. Затѣмъ, стоя на мосту въ ожиданіи друзей, онъ вдругъ замѣтилъ ее среди развалинъ. Платокъ ея свалился на плечи, а черныя кудри въ полномъ безпорядкѣ рассыпались вокругъ загорѣлаго лица. Она какъ-то странно смѣялась про себя, какъ будто забыла все окружающее.

Ему вдругъ стало стыдно, что онъ долженъ былъ показывать эту женщину своимъ друзьямъ, и онъ рѣшилъ, что сейчасъ же рассчитаетъ ее, чтобы больше не встрѣчаться съ нею.

— Что тебѣ здѣсь надо? — крикнулъ онъ ей.

Она вздрогнула.

— Ничего, господинъ, — отвѣтила она, виновато опустивъ глаза.

— Чего ты смѣешься?

— Ахъ, господинъ,—отвѣтила она, запинаясь,— я только радуюсь.

— Чему?

— Тому, что я опять здѣсь!

Несчастное созданіе!

Что привязывало ее къ этому клочку земли, гдѣ она видѣла лишь позоръ и лишенія, и общавшему ей въ будущемъ еще большія несчастія.

Онъ слышалъ рассказы про кошекъ, которыхъ даже голодная смерть не могла заставить покинуть привычное мѣсто и слѣдовать за хозяевами въ новое жилище.

Что если и въ этомъ случаѣ окажется тоже самое?

Но прогнать ее въ эту минуту было жестоко. Пусть ужъ останется до утра, только бы ему не показывалась на глаза.

— Убирайся,—приказалъ онъ,—и смотри, чтобы ни я, и никто не видѣлъ тебя.

Она покорно склонила голову и скрылась за кучей щепня. Тамъ она теперь и сидѣла, дрожа отъ страха, чтобъ ее не замѣтили.

Болеславъ умолкъ.

Энгельбергъ обмѣнялся значительнымъ взглядомъ съ своими товарищами и сказалъ:

— Мы съ собой привезли все необходимое; если ты намъ дашь матеріалъ, такъ мы скоро сколотимъ гробъ.

— Конечно, это будетъ не рыцарскій гробъ, — добавилъ съ суровой улыбкой Петръ Негентинъ.

Энгельбергъ остановилъ его строгимъ взглядомъ.

Въ толпѣ поднялся ропотъ, но возбужденный Болеславъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Помните, гробъ, который мы ночью сколотили для графа Дона?—вскричалъ онъ.— Намъ понадобилось всего только два часа, а между тѣмъ было такъ темно, что хотъ глазъ выколи.

Но его воспоминанія не встрѣтили отклика.

— Пусть кто-нибудь останется стеречь лошадей,—сказалъ Энгельбергъ,—а мы пойдемъ на поиски. Мы должны все кончить до вечера.

Въ своей сердечной заботѣ о друзьяхъ, Болеславъ вспомнилъ о найденныхъ въ погребѣ и пощаженныхъ пожаромъ винныхъ бочкахъ; тамъ лежало также немного провизіи, хлѣбъ и копченая говядина, но, къ несчастію, всего этого было слишкомъ мало, чтобы угостить друзей.

— Я вамъ почти ничего не могу предложить поѣсть,—сказалъ онъ,—но можетъ быть, вы выпьете глотокъ вина прежде, чѣмъ приняться за работу?

Друзья мрачно молчали.

— Оставь,—сказалъ Энгельбергъ, безпечнымъ тономъ,—вино вызоветъ дѣнь, а работа спѣшная.

И онъ нагнулся надъ почернѣвшими отъ огня и разбро-санными среди развалинъ конюшни балками, чтобы размо-трѣть ихъ.

— Эта годится,—сказалъ онъ,—если гарь не отойдетъ, такъ она замѣнитъ краску.

Онъ пошелъ дальше съ Болеславомъ отыскивать другія бревна.

Вдругъ передъ ними мелькнуло и скрылось за стѣной что-то бѣлое.

Болеславъ сжалъ кулаки. Онъ узналъ Регину.

— Прости,—сказалъ онъ,—что я не могъ послать къ тебѣ лучшаго посла, но у меня больше никого не было.

Энгельбергъ хотѣлъ что-то сказать, но ему точно привязали языкъ.

— Тебѣ пришлось еще ее одѣть?

— Да,—сказалъ Энгельбергъ, снова овладѣвъ рѣчью,—напелъ ее полумертвую и всю оборванную на порогѣ дома, когда я всталъ ночью посмотрѣть, чего такъ лаютъ собаки.

— Какъ? развѣ это было еще ночью?

— Было два часа утра... Вотъ это бревно тоже годится, его можно взять... Она всѣ семь миль откатала въ пять ча-совъ; я бы не повѣрилъ, еслибы мнѣ это сказали. Какъ подстрѣленная, лежала она у порога, вытянувшись и едва пе-реводя дыханіе... твоѣ письмо она сжимала обѣими ру-ками. Она хотѣла встать, но упала. Тогда я побѣжалъ за водкой, натеръ ей виски и далъ ей глотокъ...

Одинъ изъ слѣдовавшихъ за нимъ товарищей съ изумле-ніемъ взглянулъ на него. Онъ спохватился и оборвалъ рѣчь на половинѣ фразы.

Вскорѣ бродившіе по берегу рѣки, встревоженные и взбѣ-шенные шпанденцы услышали на островѣ замка усердное пи-леніе и стукъ, не предвѣщавшіе имъ ничего хорошаго.

Неужто ихъ великолѣпные планы такъ всѣ и рушатся?

Скоро появился старикъ Гакельбергъ съ ружьемъ, которое онъ обыкновенно пряталъ въ какой-нибудь навозной кучѣ, изъ боязни, чтобы его не отняли, какъ это уже разъ случилось, когда онъ на базарной площади сталъ стрѣлять въ летучихъ мышей, которыя, какъ онъ увѣрялъ, преслѣдовали его цѣлыми стаями среди бѣлаго дня. Съ этимъ славнымъ ружьемъ онъ въ прежнее время охотился по ночамъ за дичью, но съ тѣхъ поръ, какъ вѣрная рука пьяницы стала слабѣть и дрожать, онъ долженъ былъ повѣсить его на гвоздь. Только изрѣдка, выпивая стаканъ за стаканомъ, онъ вдругъ вспоминалъ прелесть

охоты бѣжалъ за конюшню, выкапывалъ ружье и убивалъ на лету первую попавшуюся ласточку.

Со свойственной ему болтливостью онъ сталъ возбуждать шпанденцевъ.

— Шпанденцы! честь вызываетъ!.. вооружитесь противъ предателей!.. Я несчастный отецъ... онъ меня лишилъ ребенка... я убью... я подстрѣлю негодая!

— Да вѣдь онъ ужъ умеръ,—сказалъ кто-то.

— Умеръ?.. Ничего!.. Отродье также нужно подстрѣлить... всѣхъ нужно убить!

Еъ это время Феликсъ Меркаль бѣгалъ по гостинной, какъ раненный кабанъ. Онъ хорошо зналъ дѣтей долины, чтобы понять, какъ опасно задѣвать ихъ. Непремѣннымъ послѣдствіемъ этого было бы такое пролитіе крови, какого и не снилось тѣмъ, что шумѣли на улицѣ. И тогда, что-же? Не на него-ли, какъ на естественнаго зачинщика, обрушится прежде всего гнѣвъ попорннаго закона?

Но съ другой стороны, развѣ можно было предоставить торжество обманщику, посмѣвшему подъ фальшивымъ именемъ пріобрѣсти довѣріе товарищей и даже добыть себѣ чинъ лейтенанта, ему, заслуживающему лишь ненависть и отвращеніе всякаго храбраго и честнаго солдата?

Между тѣмъ, у старика Меркаля была другая забота.

Онъ находилъ въ высшей степени достойнымъ осужденія такое сильное возбужденіе и рѣшилъ прекратить этотъ безпорядокъ.

Онъ вышелъ за ограду, окружавшую его заведеніе, и закричалъ отечески-доброжелательнымъ тономъ:

— Дѣть! какъ вашъ мѣстный начальникъ, я не могу позволить, чтобы вы такъ галдѣли на площади. Выберите себѣ какое-нибудь закрытое помѣщеніе, мои милые, и скандальте тамъ, сколько душѣ угодно!

Всѣмъ было ясно, что подъ «закрытымъ помѣщеніемъ» подразумѣвалась пивная Чернаго Орла, и черезъ пять минутъ потребленіе спиртныхъ напитковъ тамъ не оставляло желать большаго.

Феликсъ схватился обѣими руками за кудрявую голову и съ мрачнымъ видомъ смотрѣлъ на свой стаканъ.

Ни одинъ патріотъ, особенно же тотъ, у кого есть шпага, не можетъ позволить совершиться такой дерзости, лучше умереть, лучше...

И онъ съ воодушевленными словами обратился къ толпѣ.

Послѣдствія этой рѣчи не замедлили обнаружиться. Одинъ за другимъ шпанденцы стали уходить, а затѣмъ возвращаться съ какимъ-нибудь оружіемъ въ рукахъ.

— Продолжайте все также мирно и патріотично бесѣдо-

вать, дѣти!—говорилъ, улыбаясь, старикъ Меркель въ то время, какъ его зоркіе глаза отыскивали пустыя кружки.

Настала ночь; желтоватые сальные огарки дымили на столѣ въ сырѣмъ, жаркомъ и переполненномъ народомъ помѣщеніи; въ полутьмѣ стальныя косы блестяли, какъ молніи. Вдругъ двое мальчишекъ, поставленныхъ для наблюденія у подъемнаго моста, вбѣжали съ крикомъ въ комнату:

— Они идутъ! они идутъ!

Поднялся бѣшеный шумъ.

Всѣ столпились у дверей. Феликсъ Меркель побѣжалъ въ свою спальню за саблею и... не вернулся. Вѣроятно, при видѣ оружія, которое онъ такъ долго носилъ съ честью, ходъ его мыслей совсѣмъ измѣнился.

Его отецъ въ это время уговаривалъ шумѣвшихъ образумиться и успокоиться, особенно же тѣхъ, которые не уплатили по счету.

— Впередъ,—оралъ старикъ Гакальбергъ, — отомстите за мое бѣдное дитя, разбейте ихъ въ пухъ и прахъ!

Скрывшаяся за облакомъ луна озаряла блѣднымъ свѣтомъ базарную площадь, на которой собралось все населеніе деревни. Даже младенцевъ и тѣхъ повытаскали изъ люлекъ. Ихъ крикъ сливался съ гуломъ толпы.

Церковь съ своей гигантской тѣнью смотрѣла мрачно и молчаливо на разыгрывавшуюся, безобразную драму.

Домъ священника стоялъ въ такомъ-же мракѣ и безмолвіи.

Старикъ сдержалъ слово. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ изъ того, что творилось.

Изъ-за избъ, стоявшихъ по пути къ рѣкѣ, показался темно-красный отблескъ огня. Надъ низкими строеніями струился черноватый дымъ. При свѣтѣ блѣдной лѣтней ночи пурпуровая струя взвивалась, какъ зарево вспыхнувшаго пожара.

Охваченная однимъ и тѣмъ-же инстинктомъ, толпа направилась къ церковной оградѣ, находившейся у самой дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крайнихъ домовъ.

Тамъ, у калитки было легче всего преградить путь приближавшейся процессіи.

Бывшіе на войнѣ выстроились стройными рядами. Вѣдь, солдаты должны были сразиться съ солдатами.

— Гдѣ-же Меркель?—воскликнулъ кто-то, ожидавшій, что въ эту минуту раздастся команда лейтенанта.

Со всѣхъ сторонъ послышались озадаченные возгласы:

— Да гдѣ-же Меркель?

Но всѣ скоро успокоились. Онъ, вѣрно, сейчасъ придетъ, онъ вѣдь пошелъ за оружіемъ.

Свѣтъ все приближался и приближался.

Можно было различить что-то черное, четырехугольное, мѣрно покачивавшееся въ воздухѣ и окруженное огненнымъ кольцомъ.

— Гробъ! гробъ! — зашептала охваченная невольнымъ ужасомъ толпа.

Вдругъ, — никто не могъ бы сказать, кто первый началъ, — казалось, одна и та-же мысль блеснула у всѣхъ, и въ то-же мгновеніе вся толпа вдругъ грянула хоромъ страшную пѣсню:

Великій милосердный Боже!

Пошли ты чуму на господина фонъ-Шрандена,

Покрывшаго насъ стыдомъ и позоромъ!

А гробъ все приближался. Уже свѣтъ факеловъ озарилъ поющую толпу, уже стоявшія впереди женщины и дѣти съ крикомъ бросились назадъ...

Открылся узкій проходъ, пропустившій процессію и снова замкнулся:

Шесть человѣкъ несли гробъ на плечахъ, всѣ держали въ рукахъ горящія лучины, которыми и пролагали себѣ путь.

За ними слѣдовало шесть другихъ съ заряженными ружьями.

Впереди всѣхъ шель Болеславъ. Военная фуражка его сбилась на затылокъ, въ рукахъ онъ сжималъ пистолеты съ взведенными курками; пронизывая враговъ горящимъ взоромъ, онъ прокладывалъ дорогу тѣлу своего отца.

Проходъ среди скученной за минуту толпы все расширялся и расширялся; стѣна, отдѣлявшая процессію отъ вооруженныхъ шранденцевъ, дѣлалась все тоньше и тоньше.

Шранденцы стали боязливо оглядываться, потому что чувствовали себя безъ предводителя.

Болеславъ очутился съ ними грудь съ грудью. Процессія хотѣла двинуться дальше, но внезапно остановилась, услыжавъ знакомое ей отрывистое, военное: «Стой».

Вѣрные привычкѣ, всѣ повиновались, сопротивляясь въ душѣ.

Отдавшій приказаніе, Болеславъ замѣтилъ колебаніе стоявшей передъ нимъ толпы, и внезапная спасительная мысль осянула его умъ.

— Смирно! — скомандовалъ онъ.

Никто не двинулся. Его взглядъ, его голосъ подчинили всѣхъ.

— Кто изъ васъ былъ солдатомъ? Кто помогъ королю освободить наше отечество?

Смутный, враждебный ропотъ прошелъ по рядамъ, но ему всетаки отвѣтили.

— Король васъ отпустилъ домой, — продолжалъ онъ, — потому что насталъ миръ. Неужто вы думаете, что ему пріятно будетъ услышать, какъ вы его нарушили на родинѣ? «Такъ не ве-

дуть себя честные нѣмцы!» скажетъ онъ. Слышите? Теперь, разступитесь, люди, дайте мѣсто!

Стѣна исколыхнулась, задвигалась, подалась назадъ, и церковная калитка открылась взорамъ Болеслава; но сзади нахлынули другіе и снова замкнули образовавшійся было проходъ.

Поднялся шумъ, смѣшанный съ дикимъ хохотомъ и руганью. Вдругъ прямо передъ собой, между головами стоявшихъ въ первомъ ряду, онъ увидѣлъ что-то блестящее, направленное ему въ лобъ, а ниже чей-то злобно сверкавшій глазъ.

Былъ всего одинъ мигъ, въ который онъ едва успѣлъ сознать грозившую ему опасность.

Раздался дикій крикъ, и что-то бѣлое и гибкое, похожее на пантеру, какъ молнія, пронеслось мимо него и бросилось въ снова разступившуюся толпу шранденцевъ. Въ освободившемся проходѣ Болеславъ увидѣлъ двѣ катавшіяся по землѣ человѣческія фигуры, изъ которыхъ, одна, женская, осилила мужскую и вырвала у нея изъ рукъ сверкнувшее ружье.

То были столяръ Гакельбергъ и его дочь. Она, должно быть, тайно и никѣмъ незамѣченная слѣдовала за похоронной процессіей, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она исчезла за развалинами конюшни, онъ ея больше не видѣлъ.

Толпа подошла, съ жаднымъ любопытствомъ стараясь разглядѣть двигавшуюся по землѣ кучу. Пользуясь этой минутой замѣшательства, онъ прошелъ съ гробомъ мимо боровшихся до самой церковной калитки.

За нимъ раздался залпъ разряженного въ пылу драки ружья.

— Оберегайте ходъ!—крикнулъ онъ слѣдовавшимъ за гробомъ товарищамъ въ то время, какъ носильщики подвигались среди могилъ къ наслѣдственному склепу бароновъ Шранденовъ.

Карлъ Энгельбергъ, стоявшій первымъ у осажденной калитки, готовый охранять ее цѣною жизни, увидѣлъ въ наступившей съ удаленіемъ факеловъ полутьмѣ, какъ толпа ринулась на боровшихся.

Женщина испустила два-три раздирающихъ крика. Очевидно, транденцы начали изливать на нее свое бѣшенство. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что ее убьютъ, если къ ней не подоспѣтъ немедленная помощь.

— Оставьте ее!—крикнулъ Энгельбергъ, пуская въ ходъ свои крѣпкіе кулаки.—Минутою спустя, фигура, отдѣлившаяся изъ толпы въ самый критическій моментъ, снова промелькнула мимо него, соскочила въ сухую канаву, окружавшую церковную ограду, и, какъ тѣнь, исчезла во мракѣ ночи.

Шранденцы съ дикимъ крикомъ ринулись за ней.

— А погребеніе?—закричалъ кто-то.

— Къ чорту погребеніе!—отвѣтилъ другой, бросивъ боязливый взглядъ на стоявшихъ на сторожѣ и, повидимому, не расположенныхъ шутить молодцовъ.

Гораздо веселѣе было поохотиться на беззащитную дичь, чѣмъ рисковать злѣсь своей шкурой.

Шранденцы бросились, какъ стая кровожадныхъ псовъ. Столяръ Гакельбергъ хотѣлъ тоже бѣжать, но поднявшись, споткнулся, свалился въ канаву и заснулъ.

VII.

Послѣдняя плита склепа шумно опустилась.

Эрнстъ Эберггардъ фонъ-Шранденъ покаялся рядомъ со своими предками.

Люди, исполнявшіе въ часовнѣ работу могильщиковъ, сняли шапки и тихо прочитали молитву.

Послѣдній факель, угасая, вспыхнулъ послѣдній разъ и озарилъ дальнія плиты и мрачныя лица молившихся.

Не оглядываясь на Болеслава, они вышли всѣ изъ часовни.

Болеславъ, между тѣмъ, стоялъ въ углу, закрывъ лицо руками, и съ страстнымъ упорствомъ думалъ о томъ, что его еще ожидало.

Звукъ удалявшихся шаговъ привелъ его въ себя. Онъ молча послѣдовалъ за друзьями, захлопнувъ за собою рѣшетчатую дверь часовни.

Луна выплыла изъ-за тучъ и ярко озарила вытянувшіеся въ рядъ, какъ колонны передъ сраженіемъ, могилы и кресты.

— Неужели и вы будете продолжать травлю?—прошепталъ Болеславъ, оглядывая могилы съ горькой улыбкой ненависти.

У калитки онъ нагналъ друзей. Тамъ они соединились со стражею, которой не пришлось долго охранять входъ, такъ какъ, за исключеніемъ шутившихъ и болтавшихъ стариковъ и бабъ, улица совсѣмъ опустѣла.

Съ поля доносилось галдѣніе, повидимому, все еще охотившейся толпы.

— Да помилуетъ ее Богъ, если они ее нагонятъ!—сказалъ Карлъ Энгельбергъ съ тревогой въ голосъ.

Къ нему подошли Петръ Негентинъ и еще нѣсколько товарищей и стали что-то тихо и настойчиво говорить.

Погруженный въ свои мысли, Болеславъ все еще не замѣчалъ тяжелаго и не обѣщавшаго ничего хорошаго настрое-

нія друзей; онъ даже не замѣтилъ, что, проходя по деревнѣ, онъ шелъ одинъ, хотя нѣсколько разъ подходилъ то къ одному, то къ другому товарищу.

Первая часть работы была исполнена. Отецъ получилъ достойное погребеніе, но главное еще было впереди. Оно стояло передъ нимъ, какъ неприступная скала. Привзвать снова къ жизни запустѣвшія развалины, превратить въ золотистыя нивы дикія поля, на которыхъ теперь росли лишь клоповникъ и верескъ, придать заброшенному имѣнію новый блескъ, возстановить честь опозореннаго имени и, достигнувъ цѣли, предстать передъ лицомъ своей возлюбленной, на которую онъ теперь, въ сознаніи своего стыда, не смѣлъ взглянуть, явиться передъ свѣтлымъ, юнымъ, чистымъ созданіемъ и воскликнуть: скажи, искупилъ-ли я поворъ? достоинъ-ли теперь тебя?—вотъ что его ожидало, вотъ что онъ хотѣлъ совершить, работая всѣмъ своимъ существомъ. Можетъ быть, было безуміемъ стремиться къ такой чудовищной цѣли, но, вѣдь, у него были друзья! Развѣ они сегодня не помогли ему сдѣлать то, что казалось невозможнымъ? Развѣ они измѣняютъ произнесенной клятвѣ, не станутъ дальше помогать ему словомъ и дѣломъ? Развѣ они своимъ примѣромъ не снимутъ съ него клейма отверженнаго, которое его отдѣляло отъ всего человѣчества, и не помогутъ забыть грѣхъ, совершенный отцомъ?

Его самоувѣренность росла все больше и больше, онъ все глубже уходилъ въ свои фантазіи.

Они миновали деревенскую улицу и подошли къ подъемному мосту, у котораго остались телѣги. Лошади стояли передъ повозками, какъ передъ яслями, и, вытянувъ шею, губами таскали изъ-за перекладинъ клочки сѣна.

Прибывшіе тотчасъ-же стали готовиться къ отъѣзду.

Болеславъ испуганно очнулся.

— Что это значитъ?..—воскликнулъ онъ. — Неужели вы уже уѣзжаете? Я долженъ васъ поблагодарить и посоветоваться съ вами.

Отвѣтомъ ему было молчаніе.

— Развѣ вы не хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе и выпить у меня вина теперь, когда все такъ счастливо кончилось?

Тутъ выступилъ Петръ Негентинъ и, сжимая кулаки, сказалъ сквозь зубы:

— Мы лучше умремъ отъ жажды, нежели примемъ отъ тебя глотокъ воды!

Болеславъ пошатнулся, какъ бы отъ удара въ лицо. Все закружилось передъ его глазами.

Въ толпѣ послышался глухой ропотъ и изъ нея выдѣлился Карлъ Энгельбергъ.

— Страшно жаль, Баумгартъ,—сказалъ онъ,—я тебя называю Баумгартъ, потому что ты до послѣдней минуты былъ имъ для насъ,—я повторяю: страшно жаль, что ты получилъ отказъ въ такой грубой формѣ. Ты могъ-бы придержать языкъ, Негентинъ... Но разъ уже сказано, такъ знай все... Ты насъ позвалъ и мы пришли. Правда, нѣкоторые изъ насъ говорили, что не зачѣмъ идти, потому что ты насъ провелъ своимъ фальшивымъ именемъ, но мы рѣшили, что какъ-бы ты ни назывался, все равно насъ неразрывно связала клятва, произнесенная въ Даннигковской церкви передъ сраженіемъ, и мы не должны быть клятвоприступниками. Вотъ почему мы здѣсь. Ты, конечно, понимаешь, что намъ не легко было придти, мы, вѣдь, честные люди и неохотно прикасались... однимъ словомъ, когда мы теперь вернемся домой и насъ встрѣтятъ плевками, то мы должны будемъ молчать, потому что всё будутъ правы!

— Отчего же вы все это не сказали мнѣ раньше?—воскликнулъ, запинаясь, Болеславъ.—Отчего вы довели дѣло до того, что я теперь стою передъ вами, какъ... какъ... ха! ха! ха! если вы захотите меня оплевать, такъ мнѣ, придется, вѣдь, тоже молчать!

— Тебѣ нечего упрекать себя изъ-за насъ, — возразилъ Энгельбертъ, — тебѣ достаточно и своего несчастья, но теперь, когда мы исполнили свой долгъ спокойно, безропотно... что мы въ это время думали, это наше дѣло...я-бы желалъ, во имя моихъ товарищей и до извѣстной степени... словомъ, я прошу тебя освободить насъ отъ клятвы, которую мы тебѣ дали, мы-же охотно освобождаемъ тебя отъ твоей. Конечно, ты можешь согласиться или нѣтъ, но если ты не захочешь, то намъ придется рано или поздно переселиться, чтобы люди...

— Перестань!—закричалъ Болеславъ, ожидавшій съ смертельнымъ ужасомъ каждаго новаго слова, выходившаго изъ этихъ устъ.—Ваше желаніе исполнено раньше, чѣмъ вы его произнесли... я былъ-бы достоинъ своего позора, если-бы еще когда-нибудь потребовалъ отъ васъ какой-нибудь услуги. Я вамъ не говорю: спасибо! Да воздастъ вамъ Богъ за все хорошее, что вы сдѣлали, и проститъ вамъ то, что я теперь долженъ такъ стоять передъ вами... Лучше бы я кинулъ въ рѣку покойника и самъ бросился за нимъ... но хорошо, не будемъ объ этомъ говорить. Не могу-ли я вамъ помочь запретъ лошадей, если уже я больше ничего не могу для васъ сдѣлать?

— Оставь!—сказалъ Энгельбертъ, и голосъ его смягчился,—намъ самимъ больно до глубины души... мы тебя все такъ же любимъ, какъ любили... но ты понимаешь...

— Я все понимаю, милый Энгельбертъ... не стоить извиняться.

— Желаемъ тебѣ всего хорошаго!

— Вамъ также!

Лошади были запряжены. Все было готово къ отъѣзду.

Прислонившись къ стѣнѣ, Болеславъ тупымъ взглядомъ слѣдилъ за отъѣзжающими.

Энгельбертъ еще разъ обернулся.

— И не забудь Регину, — сказалъ онъ, — если она осталась жива. Не насъ, а ее ты долженъ благодарить.

— Хорошо, — отвѣтилъ Болеславъ, не разбирая смысла сказанныхъ словъ.

— Такъ прощай!

— Прощайте! добрый путь!

Бичъ щекнулъ и колеса съ грохотомъ проѣхали по доскамъ подъемаго моста. Какъ серебристыя привидѣнія, исчезли телѣги въ дымкѣ луннаго свѣта.

Болеславъ остался одинъ, онъ былъ одиночекъ, какъ еще не былъ ни одинъ человекъ въ мірѣ.

Что ему теперь дѣлать?

Тяжело поднялся онъ на гору. Покрывавшій землю тернистый кустарникъ, шурша, опутывалъ его ноги. Свѣтлыя капли росы сверкали при лунномъ сіяніи.

Какъ черное чудовище, готовое броситься и раздавить своей гигантской массой, стоялъ передъ нимъ на горѣ развалившійся замокъ, а изъ оконныхъ отверстій, въ которыя глядѣлъ мѣсяцъ, казалось, смотрѣли какія-то призрочныя очи. Безъ единой мысли прошелъ онъ мимо башенъ.

Внезапная усталость разлилась свинцомъ по его членамъ. Отчего нельзя заснуть и больше не просыпаться!

Что такое крикнулъ на прощаніе Энгельбертъ? Онъ старался, но не могъ припомнить.

Лужайка, на которой онъ встрѣтилъ тогда незнакомую женщину, была ярко освѣщена, какъ при дневномъ свѣтѣ; какимъ-то страшнымъ, чернымъ пятномъ выдѣлялось на травѣ то мѣсто, гдѣ она начала было рыть могилу.

Еслибы онъ здѣсь закопалъ покойника и потомъ пошелъ бы своей дорогой, то, можетъ быть, гдѣ-нибудь на другомъ концѣ земли счастье было-бы еще для него возможно. Но теперь уже поздно. Теперь надо было выдержать, довести до конца печально начатое сегодня смѣлое дѣло.

Одинъ, одинъ навсегда!

Онъ больше никогда не приобрететъ друга, больше никогда спокойно не будетъ смотрѣть въ глаза людямъ послѣ того, какъ его товарищи съ ужасомъ отвернулись отъ него... съ такимъ-же ужасомъ, какъ и Елена: онъ теперь понялъ, почему она скрывалась и избѣгала его.

Онъ былъ оторванъ отъ всего, что связываетъ человѣче-

скія сердца въ счастья и въ страданіи, оторванъ отъ любви, отъ надежды и жалости, одинъ со своимъ позоромъ и со своей ненавистью.

Закрывъ лицо руками, онъ подошелъ, шатаясь, къ дому садовника и вдругъ у какого-то куста споткнулся обо что-то мягкое и круглое.

Ему преградило путь тѣло женщины, лежавшей на дорогѣ, голова ея была въ кустахъ.

Это была Регина... да!.. Регина.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Встань!

Ни звука, ни движенія.

Гдѣ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ? Да, тамъ, у церковной калитки, когда дуло ружья... и вдругъ картина этой ужасной минуты встала ясно передъ его глазами.

Изъ-за него она бросилась на встрѣчу убійцѣ, изъ-за него она не побоялась грозившей ей смерти.

А чѣмъ онъ отплатилъ ей?

Онъ прошелъ мимо нея, не обращая вниманія; онъ отдалъ ее на растерзаніе безумѣвшей, кровожадной толпѣ и ни одной минуты не подумалъ объ ея спасеніи.

Если она даже была презрѣннымъ существомъ, то все-же этого не заслужила.

— Регина! встань!

Онъ нагнулся и приподнялъ ее, но голова ея снова тяжело и безжизненно упала въ кусты. На его рукахъ оказалась кровь. Волосы ея были теплые и влажные.

Что, если она умерла? Нѣтъ, она не можетъ, она не должна... Она бы пожертвовала собой для него!.. Нѣтъ, это значило бы къ унаслѣдованной винѣ прибавить еще собственную. И какъ позорно быть обязаннымъ чѣмъ-нибудь этому созданію! Она должна еще жить, чтобы онъ могъ заплатить ей.

Онъ порывисто разорвалъ рубашку на ея груди и приложилъ ухо къ сердцу. Слава Богу! оно еще бьется!

Приподнимаясь, онъ встрѣтилъ открывшіеся большіе и мутные глаза. Испуганный, какъ бы пойманный на мѣстѣ преступленія, онъ выронилъ ея голову изъ своихъ рукъ.

Она тихо застонала при паденіи. Ей было больно прикосновеніе вѣтокъ, но за то боль возвратила ей сознаніе. Она облокотилась на локоть и вопросительно посмотрѣла на него.

— Вставай, Регина!—сказалъ онъ.

Тонъ его голоса подѣйствовалъ на нее. Она хотѣла встать, но безсильно опять опустилась.

— Дай мнѣ полежать!—молилъ ея бояливый взглядъ.

— Встань, я тебѣ помогу.

— Я должна уйти?—спросила она, отстраняя его руки. Страхъ и горе исказили ея прекрасное, окровавленное лицо.

— Такъ ты бы хотѣла остаться у меня?

— Ахъ! господинъ, что вы спрашиваете?

— Но тебѣ у меня будетъ плохо.

— Ахъ, нѣтъ, господинъ. Баринъ меня каждый день билъ.

Я привыкла.

— А въ другомъ мѣстѣ съ тобой будутъ лучше обращаться.

— Гдѣ въ другомъ мѣстѣ?— Въ ея чертахъ снова выразился испугъ.

— Да гдѣ-нибудь, Господи, все равно. Трудолюбивая, усердная и сильная женщина, какъ ты...

Она энергично закачала головой.

— Я далеко не пойду, господинъ. Если вы меня прогоните, то я лягу въ канаву и заморю себя голодомъ.

Взоръ его смягчился.

Можетъ быть, она и дурна, и тупа, и презрѣнна, но, въ концѣ концовъ, она единственное въ мірѣ существо, желающее остаться съ нимъ.

¶ Она унижена, отвержена людьми, какъ и онъ; она на себѣ несетъ тоже проклятіе, что и онъ... къ чаму же будетъ онъ ее гнать отъ себя?

VIII.

Слѣдующіе дни ему сразу показали, какъ онъ былъ мало способенъ жить безъ нея на своей землѣ, и насколько онъ больше зависѣлъ отъ нея, чѣмъ она отъ него.

Безпомощный, какъ человѣкъ, потерпѣвшій крушеніе и выброшенный на пустынный островъ, бродилъ онъ по унаслѣдованному отъ дѣдовъ имѣнію. Хотя капканы и подкопы не угрожали ему больше, онъ все же неувѣренно ступалъ по травѣ и совершенно терялся въ хаосъ почернѣвшихъ стѣнъ, которыя такъ измѣнились отъ разрушенія, что его дѣтскія воспоминанія совершенно терялись. Даже паркъ, въ которомъ онъ когда-то зналъ каждое дерево и каждый кустъ, такъ измѣнился вслѣдствіе многолѣтняго запустѣнія, что ему приходилось отиѣвчать извѣстныя мѣста, чтобы не заблудиться.

Когда улеглось первое ощущеніе, то вопросъ: что же теперь будетъ? пробудился въ немъ съ новой силой.

И вопросъ этотъ дѣдался тѣмъ болѣе жгучимъ, что хранившіеся въ погребѣ жалкіе остатки хлѣба и копченаго мяса приходили къ концу.

Гордость мѣшала ему посовѣтоваться съ Региной; онъ съ тѣхъ поръ больше не разговаривалъ съ нею. Она безшумно и незамѣтно ходила по дому. Казалось, она поняла, что ей слѣдовало какъ можно рѣже попадаться ему на глаза. Но когда

онъ утромъ возвращался съ купанья, онъ находилъ всегда красную съ разводами постель убранной и прикрытой, полъ посыпаннымъ пескомъ и душистыми сосновыми иглами; на золотомъ, покрытомъ столѣ, который приходилось подпирать кирпичемъ, такъ какъ четвертая ножка была отбита, шумѣлъ кофейникъ, а рядомъ лежали тонко наръзанные ломтики черного хлѣба.

Онъ скоро пересталъ смущаться, принимая пищу изъ ея рукъ. Въ началѣ онъ не сразу рѣшился разломить принесенный ею хлѣбъ, но завтракъ смотрѣлъ такъ аппетитно, а холодная вода послѣ купанья такъ обостряла его голодъ, что онъ не долго колебался.

Къ полудню ему былъ всегда готовъ супъ и нѣсколько кусковъ жаркого, не говоря о бутылкѣ вина, а вечеромъ обѣдъ искусно видоизмѣнялся.

Съ несчастными крохами, которые онъ нашелъ въ погребѣ, она ухитрялась вести хозяйство.

Иногда онъ видѣлъ, какъ она проходитъ мимо окна съ котлами и горшками, которые, вѣроятно, мыла на рѣкѣ. При возвращеніи, она осторожно раздвигала кустарники и быстрымъ взоромъ удостовѣрялась, свободенъ-ли путь. Если онъ стоялъ у двери или смотрѣлъ въ окно, то она мгновенно исчезала въ чащѣ.

Ея царствомъ была прежняя мастерская садовника. Однажды, когда она опустила къ рѣкѣ, Болеславъ вошелъ туда.

Онъ увидѣлъ покосившіяся стѣны комнаты, крыша которой была составлена изъ оконъ теплицы. Зеленые, закопѣлые стекла были во многихъ мѣстахъ побиты. Земляной полъ посыпанъ былъ черной жирной землей, напоминавшей торфъ. Вдоль стѣнъ тянулись въ нѣсколько рядовъ полки, служившія когда-то садовнику для его горшковъ съ растеніями, а теперь онѣ были уставлены немногочисленной домашней посудой. Горшки, миски и тарелки стояли въ величайшемъ порядкѣ и сверкали чистотой. У самой двери лежала на низкихъ деревянныхъ козлахъ старая изрубленная дверь, съ обоихъ концовъ сильно обуглившаяся послѣ пожара. На ней лежалъ тонкій слой соломы, а на соломѣ пара лошадиныхъ попонъ. Это была ея постель. «У другой собаки лучше постель!» — подумалъ Болеславъ. Не бѣленная, кирпичная плита стояла въ противоположномъ углу. Надъ ней возвышалось что-то въ родѣ трубы изъ досокъ, очевидно, сдѣланной домашнимъ образомъ, чтобы дать выходъ поднимающемуся дыму; но дымъ, казалось, мало обращалъ вниманія на это сооруженіе и пробивался наружу, гдѣ только могъ.

Она жила на этомъ черномъ, холодномъ полу и подъ этой разрушенной крышей и лучшаго ничего не желала. Къ этому

привязалось ее сердце, это она считала раемъ, уйти изъ котораго значило для нея лишиться жизни.

Бѣдная, несчастная женщина!

Однажды вечеромъ она вдругъ исчезла. Онъ собирался съ ней поговорить о провизіи и позвалъ ее, но отвѣта не дождался. Кухня была пуста. Въ паркѣ, въ развалинахъ, у моста, нигдѣ на островѣ не было ея слѣда. Она должна была его слышать, потому что среди ночи ея имя раздавалось довольно громко.

Его охватилъ гнѣвъ: въ вознагражденіе за дневную работу она ночью, вѣрно, покоилась въ объятіяхъ какого-нибудь друга. Она, вѣдь, привыкла къ этому и способна вызвать страсть въ какомъ-нибудь молодцѣ. Можетъ быть, въ деревнѣ оттого и забрасывали ее камнями, что многіе не могли обладать ею.

Въ сущности, что, кромѣ новаго грѣха, могло еще привязывать ее теперь къ его несчастію?

Его охватило отвращеніе. «Если она не измѣнится, то я ее завтра же выпшвырну отсюда»—съ этой мыслью онъ легъ спать, но долго не могъ заснуть, потому что его тревожило, какъ онъ останется безъ нея. Выгнать ее—значило самому въ тотъ же день уйти отсюда.

Около шести часовъ утра его разбудилъ тихій скрипъ наружной двери.

Онъ быстро одѣлся, потому что хотѣлъ немедленно потребовать отъ нея отчета.

Войдя въ кухню, онъ засталъ ее у плиты. Она изъ всѣхъ силъ раздувала огонь.

Медленно обернувшись, она вскинула на него удивленно своими большими глазами и сказала:

— Добраго утра, господинъ!

Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва.

— Гдѣ ты была сегодня ночью?—закричалъ онъ.

Она испугалась, опустила руки и отступила въ уголъ.

— Ну, скоро-ли ты отвѣтишь?

— Ахъ! господинъ,—начала она съ дрожью въ голосъ,—я думала, что вы не замѣтите, и что я вернусь раньше, чѣмъ вы проснетесь.

— Такъ ты думаешь, что если я не замѣчу, такъ можно шататься по ночамъ?

Она совсѣмъ съежилась отъ страха.

— Что-же мнѣ было дѣлать?—проговорила она, съ трудомъ переводя дыханіе.—Вѣдь у насъ больше ничего не осталось, вы всѣ эти дни ѣли одну копченую говядину.

Завѣса упала съ его глазъ.

— Такъ ты ходила за провизіей?

— Конечно, господинъ. Я принесла съ собой телятины, яицъ, масла и колбасу. Я все уже снесла на погребъ.

— Кто же тебѣ далъ?

— Да вѣдь вы знаете, господинъ. Я была въ Бокельдорфѣ. Я тамъ знаю лавочника, онъ мнѣ всегда все приготовляетъ, что намъ нужно, и когда я ночью постучусь, то онъ меня выпускаетъ съ задняго крыльца. Одна его жена про меня знаетъ, а то ни одна душа человѣческая... и, въ сущности, онъ совсѣмъ не дорого беретъ. Господинъ Меркель здѣсь, въ деревнѣ беретъ за каждый фунтъ мяса цѣлый талеръ и при томъ всегда обругаетъ.

— И ты прошла шесть верстъ съ такой ношей на плечахъ?

Она смотрѣла на него изумленно и все еще испуганно.

— Да вы же знаете, господинъ, я вамъ это раньше рассказывала.

— Да вѣдь ни одинъ человѣкъ не въ состояніи этого сдѣлать, не ври! Я по опыту знаю, что можно вынести.

Видя, что онъ больше не сердится, она рѣшилась взглянуть на него и вытянула впередъ свои могучія руки.

— Я больше вынесу, чѣмъ всякій мужчина, господинъ, — сказала она съ счастливой улыбкой, — иначе я бы здѣсь не годилась.

— И давно ты продѣлываешь этотъ путь, Регина?

— Уже лѣтъ пять, господинъ, каждую недѣлю, а иногда и чаще... но лѣтомъ это пустяки, совсѣмъ легко... А вотъ осенью или зимою, когда лѣсъ въ снѣгу или луга затоплены, тогда бываетъ трудно... къ счастью, тогда ночи длиннѣе, и меня увидѣть не могутъ... я предпочитаю пройти шесть верстъ, чѣмъ просить эту собаку... я хочу сказать, господина Меркеля... онъ беретъ талеръ за фунтъ мяса... развѣ это не безсовѣстно? Да и вообще въ деревню...

Она испуганно остановилась, думая, что ее станутъ бранить за болтливость.

— Что ты хотѣла сказать, Регина?—спросилъ онъ мягче.

— Я хотѣла извиниться, что ушла безъ позволенія... но я думала, что вы будете рады, когда за завтракомъ будутъ свѣжія яйца.

— Спасибо, Регина,—сказалъ онъ, уходя,—ты славная дѣвушка!

Онъ вышелъ и спустился къ рѣкѣ, чтобы выкупаться. По возвращеніи онъ нашелъ все прибраннымъ, какъ всегда, только не доставало кофе.

— Она, вѣроятно, заснула отъ переутомленія,—подумалъ онъ и рѣшилъ подождать немного, потому что сегодня не хотѣлъ дѣлать ей замѣчанія. Но такъ какъ послѣ купанья ему

было страшно холодно, то онъ на цыпочкахъ вошелъ въ кухню, собираясь самъ, если возможно, разжечь огонь, чтобы не будить ее. Но она не спала, хотя въ первую минуту можно было это подумать.

Она сидѣла на кровати, закрывъ лицо руками, и не шевелилась. Отъ времени до времени она вздрагивала, какъ во снѣ.

Но когда Болеславъ подошелъ ближе, онъ замѣтилъ прозрачныя капли, сбѣгавшія по ея толстымъ краснымъ пальцамъ. Въ то же время изъ груди ея вырвалось сдержанное рыданіе.

— Что съ тобой, Регина? Чего ты плачешь?

Она ничего не отвѣтила, но рыданія ея сдѣлались громче.

— Я тебя обидѣлъ, Регина? Я бы тебя не бранилъ, если бы зналъ, гдѣ ты была.

Она опустила руки и посмотрѣла на него заплаканными глазами.

— Ахъ, господинъ!—выговорила она, задыхаясь отъ слезъ,—меня еще никто такъ не называлъ... а... вѣдь это неправда!

Настроеніе его измѣнилось. Онъ не помнилъ, чтобы онъ употребилъ какое-нибудь ругательство. Только не доставало, чтобы это существо, которое травилъ собаками, сдѣлалось обидчивымъ по отношенію къ нему!

— Что неправда?—закричалъ онъ.

— То, что вы сказали.

— Да что я сказалъ? тысяча чертей!

— Что я... славная...—новый приступъ судорожныхъ рыданій заглушилъ ея слова.

Онъ покачалъ головой, глядя на нее. Онъ еще никогда не заглядывалъ въ человѣческую душу; онъ не зналъ, что она бываетъ загадочной и что безчестіе имѣетъ также свое чувство чести. Онъ съ улыбкой положилъ руку на ея плечо и сказалъ:

— Ты можешь успокоиться, Регина... Я не думалъ тебя обидѣть этимъ... приготовь мнѣ завтракъ.

— Можно мнѣ... подать его... туда? — спросила она, все еще всхлипывая.

— Ты хочешь, чтобы я самъ за нимъ пришелъ?

— Я думала, что мнѣ нельзя. Она подошла къ плитѣ и, вся заплаканная, стала раздувать потухшій огонь.

Съ этихъ поръ она не боялась больше входить въ комнату въ его присутствіи. Боязливо слѣдила она за нимъ глазами, чтобы угадать его желанія, но не рѣшалась произносить ни одного слова.

Въ погребѣ, гдѣ лежали деньги и винныя бутылки, Болеславъ нашелъ множество бумагъ, разбросанныхъ въ страшномъ безпорядкѣ въ нѣсколькихъ ящикахъ. То была вся корреспонденція отца, оправдательные и другіе всевозможные документы.

Первое, что попало ему въ руки, было ни больше, ни меньше, какъ завѣщаніе, въ которомъ ея превосходительство, тетка, завѣщала ему, Болеславу фонъ-Шрандену, единственному сыну ея любимой племянницы, все свое состояніе, чтобы вознаградить—такъ гласилъ одинъ параграфъ—за несправедливость, отъ которой ему придется страдать всю жизнь.

На первыхъ порахъ радость Болеслава была не велика; только когда онъ сообразилъ, что получилъ прекрасное оружіе для предстоящей борьбы, онъ оцѣнилъ неожиданный даръ. О той, которая ему завѣщала его, онъ почти и не думалъ: такъ онъ успѣлъ ожесточиться и до того всѣ его помыслы были направлены на тяжелую работу, которую ему предстояло совершить.

Еслибы только онъ видѣлъ путь, по которому онъ могъ бы стремительно, какъ того требовалъ его темпераментъ, броситься впередъ! Но еще цѣлые мѣсяцы передъ нимъ будетъ только беспросвѣтная, безнадежная тьма...

Борьба съ шранденцами, на которую онъ рѣшился, должна быть грандіозная; она не кончится пораженіемъ, какъ та, что стоила жизни его отцу. Надо призвать цѣлую армію рабочихъ, чтобы внушить уваженіе дикой толпѣ.

Но откуда взять этихъ рабочихъ, если никто не соглашается у него служить. Конечно, деньги всемогущи, и многіе изъ тѣхъ, что теперь напускаютъ на себя мнимый патріотизмъ и гордо презираютъ его, обратились бы въ низкопоклонныхъ слугъ при перспективѣ тройного заработка.

Но его наличныя средства не простирались такъ далеко. Сумма, которую онъ нашелъ и которая въ первую минуту показалась ему чудовищнымъ богатствомъ, была слишкомъ ничтожна, чтобы рѣшиться съ нею на какое-нибудь предпріятіе. То были 4500 талеровъ, которые отецъ успѣлъ спасти отъ пожара въ тотъ моментъ, когда ему показалось, что весь міръ объять пламенемъ. Конечно, на то существованіе, которое онъ влачилъ съ Региной по примѣру отца, могло бы на долго хватить этихъ средствъ, но для того дѣла, которое стояло передъ нимъ, это была капля въ морѣ.

До открытія завѣщанія, онъ намѣревался продать лѣса, бывшіе гордостью его дѣдовъ, хотя бы и за безцѣнокъ. Но теперь онъ раздумалъ это дѣлать. Въ случаѣ даже, еслибы продажа пошла такъ хорошо, какъ онъ желалъ, то всетаки прошли бы цѣлые мѣсяцы прежде, чѣмъ онъ получилъ бы деньги. Кромѣ того, зима была на носу, а слѣдовательно, всѣ полевныя работы приходилось отложить до весны. Въ этомъ году нельзя было и думать ни о постройкѣ, ни о пашнѣ. Къ чему же приносить жертву, которой при нѣкоторомъ терпѣніи—дѣло шло лишь о нѣсколькихъ недѣляхъ—можно вполне избежать.

Если онъ въ апрѣлѣ вступить въ права наслѣдства и прійдетъ съ полными карманами, тогда въ маѣ постройка можетъ быть въ полномъ ходу, а можетъ быть, окажется возможнымъ и понемногу взяться за посѣвъ. Но пока, пока!

Какъ онъ перенесетъ пустое однообразие и праздность сѣрыхъ зимнихъ дней, когда руки горятъ отъ нетерпѣнія взяться за дѣло? Какъ онъ перенесетъ близость своей возлюбленной при сознаніи полной невозможности обратиться къ ней съ тѣмъ роковымъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ его жизнь и счастье? Выдержитъ-ли она? Проститъ-ли она? Оградитъ-ли она свое сердце отъ чумного воздуха ненависти, которымъ дышать всѣ окружающіе?

Ему вспомнился образъ Мадоны въ храмѣ. Сохранила-ли она сходство съ нимъ? Еслибы ему взглянуть на нее хоть на одно мгновеніе! Передъ его глазами мелькали блѣдныя лиліи и пурпуровыя розы, онъ видѣлъ, какъ къ нему нагибается, улыбаясь, свѣтлый ликъ Мадоны, но онъ совсѣмъ не помнилъ лица своей возлюбленной.

Все равно! Пусть она, скрытая облаками, управляетъ его работой, какъ невидимый ангель-хранитель, и пусть увѣнчаетъ когда-нибудь своею любовью то, что онъ совершитъ. Эти мысли успокаивали его страстное желаніе видѣть ее; еслибы онъ могъ уловить хоть одно ея слово, подтверждавшее ея вѣрность къ нему, онъ былъ бы удовлетворенъ совершенно.

Онъ все глубже и больше зарывался въ бумаги, прибывшія по мѣрѣ того, какъ онъ все страстнѣе стремился изучить ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Пожелтѣвшіе исписанные листы уже завалили стѣну его комнату до головы красавицы-бабушки, а въ погребѣ все еще стояли полные сундуки и ящики. Казалось, что въ минуту опасности, весь семейный архивъ былъ торопливо собранъ и спрятанъ безъ всякаго порядка и системы. Нужно было выудить изъ этого хаоса то, что было важно, а отчасти даже необходимо для управленія имѣніемъ.

Не доставало, между прочимъ, документовъ, касавшихся раздѣла съ крестьянами, а также тѣхъ, которые устанавливали границы ихъ владѣній. Безъ сомнѣнія, гѣны стащили то, что имъ было выгодно изъ оставшагося безъ хозяина имуществва. Предстояли безконечныя препирательства, и если онъ не хотѣлъ на каждомъ шагу прибѣгать къ тяжбамъ, или если онъ самъ хотѣлъ отстаивать свои права, то объѣмъ этихъ правъ долженъ былъ быть внѣ всякаго сомнѣнія.

Кромѣ того, онъ чувствовалъ непобѣдимое отвращеніе обращаться къ начальству. Онъ живо помнилъ отца въ тотъ день, когда онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ. Въ то время отверженный отецъ, имѣвшій смѣлость пріѣхать отстаивать свое право, нашелъ всѣ двери на запорѣ... Конечно, въ то время,

въ Пруссіи все стояло вверхъ дномъ. Стѣны государства шатались, и крысамъ было раздолье. Но кто могъ сказать, что къ сыну отнесутся болѣе благосклонно, чѣмъ къ отцу?—Законъ можно всегда такъ обойти, что нежеланный членъ общества окажется безправнымъ, а добровольцевъ въ этомъ направленіи найдется достаточно, въ этомъ онъ не сомнѣвался... Онъ такъ глубоко чувствовалъ свою отверженность, что порядокъ и законъ представлялись ему какими-то дикими звѣрями, поджидающими его у подъемнаго моста. О своихъ военныхъ правахъ онъ также пересталъ думать. Лейтенантъ Баумгартъ стоялъ въ спискѣ погибшихъ. Къ чему-же доставлять лишнюю работу господамъ чиновникамъ съ его воскрешеніемъ? Они не поблагодарятъ за это.

Одна фраза изъ Библии не выходила у него изъ головы: «Его рука должна быть противъ всѣхъ и руки всѣхъ противъ него!»—Проклятіе, данное съ жизнью сыну Агари, должно было обратиться для него въ благословеніе, думалъ онъ въ своемъ упорствѣ.

Онъ едва замѣчалъ, какъ пролетали недѣли. Цѣлыми днями сидѣлъ онъ, зарывшись въ бумаги, а по вечерамъ бѣгалъ по неразчищеннымъ тропинкамъ парка или спотыкался о щебень и мусоръ развалинъ.

Только одно мѣсто онъ боязливо избѣгалъ: Кошачью дорогу. Когда онъ приближался къ ней, то у него начиналось сердцебіеніе, и онъ спѣшилъ пройти мимо скрывавшихъ ее кустовъ.

Но мало по малу въ немъ проснулось страстное, мучительное желаніе увидѣть роковое мѣсто, и это желаніе не давало ему больше покоя.

Какъ-то вечеромъ, въ концѣ сентября, онъ безпокойно шатался по парку. Въ первый разъ по его возвращеніи было полнолуніе, и бѣлая луна сіяла на небѣ. Опавшіе листья шуршали подъ его ногами, а въ кустахъ шумѣлъ холодный, осенній вѣтеръ. Лунный свѣтъ мелькалъ передъ нимъ призрачными бѣлесоватыми тѣнями, а кустарники казались черными зубчатыми башнями.

И вдругъ, охваченный мрачной рѣшительностью, онъ побѣдилъ въ себѣ суевѣрный страхъ и вышелъ изъ чащи, скрывавшей тропинку.

Крутой берегъ спускался почти отвѣсно къ рѣкѣ, скрытой ольховымъ кустарникомъ. До него донесся тихій, таинственный плескъ волнъ.

Изъ горы на значительной высотѣ торчала балка въ видѣ перилъ. Укрѣпленные въ обрывѣ подмостки поддерживали ее желѣзными брусьями. Точно такое-же бревно торчало на противоположномъ берегу. Оно было прикрѣплено къ пню могу-

чаго дуба, державшаго его въ равновѣсїи. Между этими балками оставалось пространство футовъ въ десять или двѣнадцать шириною. Онѣ висѣли надъ обрывомъ на подобіе рукъ, тоскливо и безнадежно простертыхъ другъ къ другу.

Еслибы онѣ никогда не встрѣтились, то не совершилось бы и несчастья. Но ничего не было легче, какъ ихъ соединить. Къ балкѣ на одномъ берегу были прибиты двѣ доски, которыя легко можно было передвинуть на противоположный берегъ. Были придѣланы даже перила, упиравшіяся въ балку и двигавшіяся на шарнирѣ въ ту и другую сторону. Такимъ образомъ, все было заранее подготовлено для совершенія предательства. Какъ памятникъ вѣчнаго поворота, возвышалось это черное и подвижное сооруженіе среди блѣдной, сверкавшей ночи.

Плескъ внизу на рѣкѣ усилился. Казалось, волны рѣки все еще сердито вздымались, негодуя на дѣяніе, которое уже скрылось въ объятіяхъ смерти.

Точно во снѣ ступилъ онъ на тропинку, и внизу подъ нимъ открылась серебряная рѣка, надъ которой, казалось, носился цѣлый дождь алмазныхъ искръ. Вдругъ онъ увидѣлъ бѣловатую фигуру, стоявшую по колѣни въ водѣ. То была Регина, полоскавшая у берега бѣлье.

Онъ нахмурился. Даже и здѣсь она преслѣдуетъ его! Впрочемъ, онъ не хотѣлъ быть несправедливымъ: онъ видѣлъ, что она старалась какъ можно меньше попадаться ему на глаза, онъ не могъ жаловаться на то, чтобы она ему навязывала свое общество.

Бессознательно облокотился онъ на перила и сталъ смотрѣть на Регину. Она не подозрѣвала его близости. Склонившись надъ водой, она стояла къ нему спиною, и ея нервныя руки энергично встряхивали бѣлье, съ котораго стекала вода блестящими каплями. Отъ времени до времени она напѣвала свою, состоявшую изъ двухъ нотъ, пѣсню, ту самую, которую она мурлыкала, когда копала могилу. Какъ она усердно работаетъ и такъ поудно: онъ думалъ, что она давно уже лежитъ въ постели!

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Нечаянно онъ столкнулъ ногою нѣсколько камешковъ, которые съ шумомъ полетѣли въ воду.

Она гнѣвно посмотрѣла на противоположный берегъ. Очевидно, ея первою мыслью было, что въ кустахъ кто-то подкарауливаетъ. Затѣмъ она догадалась оглянуться на тропинку и тихо вскрикнула.

— Не бойся, Регина, — крикнулъ онъ ей, — я тебѣ ничего не сдѣлаю!

Она спокойно снова принялась за бѣлье.

— Какъ ты спускаешься къ рѣкѣ? — спросилъ онъ.

Она провела мокрой рукой по лицу и улыбнулась.

— Я умѣю хорошо лазить!

— Тебѣ не холодно въ водѣ? Теперь вѣдь осень.

Она что-то отвѣтила, но онъ не расслышалъ. Онъ не сталъ больше ей мѣшать, но ему захотѣлось увидѣть, какъ она будетъ подниматься съ своей кошей по отвѣсному берегу.

Болеславъ, не двигаясь, смотрѣлъ на нее. Нѣсколько минутъ спустя, она схватила бѣлье и подошла къ обрыву. Лунный свѣтъ окружилъ яркимъ сіяніемъ ея почти гладко причесанную сегодня голову. Казалось, на ней была надѣта какая-то корона.

Смущеннымъ взглядомъ она увидѣла, что онъ все еще стоитъ наверху, нырнула въ кусты и стала подниматься, какъ дикая кошка, цѣпляясь за вѣтки и пни.

Поднявшись наверхъ, она оправила платье и хотѣла уйти со своей корзиной, но онъ подозвалъ ее.

— Зачѣмъ ты работаешь по ночамъ?—спросилъ онъ, стараясь сдѣлать пріятливое лицо.

— Потому что днемъ они не даютъ мнѣ покою,—возразила она.

— Деревенскіе?

— Да, господинъ.

— Что-же они тебѣ дѣлаютъ?

— То-же, что и всегда, бросаютъ въ меня камнями.

— Черезъ рѣку?

— Да, господинъ.

— Слѣдующій разъ, когда съ тобой случится что-нибудь дурное—зови меня.

Она не отвѣтила.

— Ты поняла?

Она сложила руки и умоляюще посмотрѣла на него.

— Что такое?

— Ахъ, пожалуйста, господинъ, не вздумайте стрѣлять!—проговорила она, запинаясь.—Я знаю, вы хотите стрѣлять. Онъ,—я хочу сказать баринъ,—разъ попробовалъ стрѣлять, такъ они тоже стали стрѣлять. Залпы раздавались со всѣхъ сторонъ. Какимъ-то чудомъ ни въ кого не попали. А если они привыкнуть брать съ собой ружья, то они меня подстрѣлятъ при встрѣчѣ, а вѣдь мнѣ надо спускаться съ острова къ нимъ.

Онъ никогда еще не слышалъ отъ нея такой длинной и разумной рѣчи. Ему показалось новымъ и страннымъ, что подъ этимъ низкимъ, покрытымъ кудрями лбомъ жили спокойныя и здравыя мысли.

— Ты права, Регина,—сказалъ онъ,—ужь ради тебя я не долженъ ихъ раздражать.

При лунномъ свѣтѣ, онъ увидѣлъ, какъ густой румянецъ залилъ ея щеки.

— Ради меня, господинъ? — возразила она. — Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать?

— Хорошо, хорошо, — сказал онъ, уклоняясь отъ отвѣта. — Вотъ что я хотѣлъ тебя еще спросить: довольна-ли ты своей службой? Не надо-ли тебѣ чего?

Она удивленно подняла на него глаза.

— Ты не должна думать, Регина, что я къ тебѣ отношусь плохо. У меня голова полна заботъ, и я предпочитаю переживать ихъ одинъ. Но не думай, что я на тебя сержусь, потому только, что я не разговариваю съ тобой.

Взоръ ея затуманился. Руками она схватилась за перила, какъ-бы ища опоры. Черезъ минуту, швырнувъ корзину, она бросилась бѣжать, какъ будто-бы за ней гнались фурии.

— Странное существо! — пробормоталъ онъ, смотря ей вслѣдъ, — я долженъ быть съ ней помягче. Она этого заслуживаетъ.

Онъ облокотился о перила и сталъ смотрѣть въ рѣку, въ рѣку, со дна которой поднимался... цѣлый садъ лилій и пурпуровыхъ розъ.

IX.

Господинъ лейтенантъ Меркель остался недоволенъ послѣдствіями похоронъ. Онъ обругалъ шранденцевъ трусами и старыми бабами и объявилъ, что считаетъ ихъ недостойными мундира, который они когда-то носили.

Когда его спросили, куда же онъ исчезъ въ тотъ вечеръ, въ самую рѣшительную минуту, оставивъ толпу безъ предводителя, онъ отвѣчалъ, что это совсѣмъ другое дѣло: какъ офицеръ, онъ въ правѣ обнажать шпагу только на королевской службѣ.

Шранденцамъ, не привыкшимъ къ строгой логикѣ, такое объясненіе показалось совершенно достаточнымъ. Она общали при первомъ случаѣ же исправить свою оплошность.

Но Феликсъ Меркель не могъ успокоиться.

— Отецъ, — обратился онъ какъ-то вечеромъ къ старому кабатчику, который, улыбаясь, считалъ выручку, — я не могу перенести мысли, что этотъ мерзавецъ, этотъ подлецъ такой же прусскій офицеръ, какъ и я. Мнѣ стыдно вспомнить, что я служилъ съ нимъ вѣстѣ. Наша армія не должна принимать такихъ людей. Они мараютъ кокарду, не говоря уже о шпагѣ. Я его вызову на дуэль и застрѣлю, какъ собаку.

Онъ протянулъ ноги на скамейку и съ хладнокровной улыбкой сталъ крутить свои кавалерійскіе усы. Старикъ съ испугу выронилъ цѣлую горсть серебряныхъ монетъ, которыя покатились и застряли въ щеляхъ прилавка.

— Феликсенъ, — сказалъ онъ, — ты напрасно такъ много пьешь можжевелевой водки. Она хороша для гостей. Я тебѣ завтра принесу бутылку легкаго вина... Можетъ быть, это соблазнить еще кое-кого, и расходъ оплатится.

— Отецъ, ты ошибаешься, — отвѣтилъ Феликсъ. — Меня беспокоить и волнуетъ чувство чести... Отецъ, я нѣмецъ и храбрый офицеръ; я не могу хладнокровно смотрѣть на то, что позоритъ мое сословіе.

— Феликсенъ, ложись спать, — сказалъ старикъ: — ты уснешь и перестанешь думать.

— Отецъ, — отвѣтилъ сынъ, — мнѣ очень жаль, но я долженъ это тебѣ сказать: у тебя нѣтъ никакого чувства чести.

— Феликсенъ, — продолжалъ старикъ, — ты слишкомъ мало занятъ. Хотя бы ты бутылками занялся. Господи! я этого не требую, на то есть служанка, но для тебя это было бы полезно. Ты будешь тогда совсѣмъ о другомъ думать... Или на охоту ходиль-бы...

— Куда же?

— Богъ мой! кругомъ шранденскіе лѣса! сами-ли зайцы перегрызутъ другъ друга, или ты часть изъ нихъ подстрѣлишь, право, все равно.

— Неловко, отецъ, я офицеръ, мнѣ нельзя быть уличеннымъ въ кражѣ дичи.

— Господи! Феликсенъ, какъ ты рассуждаешь! Вѣдь я здѣсь староста, не приговорю же я тебя къ повѣшанію. Впрочемъ, какъ хочешь, сынонь... Ну, ты бы могъ почаще ходить въ гости къ священнику. Старикъ любитъ поиграть въ шахматы. Положимъ, что въ шахматы ничего не выиграешь, но люди говорить, игра веселая... да и Елена тамъ...

— Она-то! — Феликсъ съ самодовольной усмѣшкой провелъ рукой по подбородку.

— По моему, Елена была бы для тебя прекрасной партіей, если бы только священникъ согласился, и она ничего бы противъ тебя не имѣла.

— А что она можетъ имѣть противъ меня? — спросилъ Феликсъ.

— Ну, вѣдь, могла же она кого другого...

Феликсъ самоуверенно улыбнулся.

— Неужто она уже къ тебѣ...

Феликсъ пожалъ плечами.

— Видишь-ли, Феликсенъ, для насъ это было бы большимъ счастіемъ, потому что люди все-таки болтаютъ о томъ, какъ я сколотилъ себѣ состояніе. Конечно, неправедными путями. Но если священникъ Гетцъ отдастъ за тебя свою единственную дочь, тогда, — понимаешь, — такой человѣкъ, какъ онъ, заставитъ замолчать всѣ эти ядовитые языки. Такъ вотъ, ты

повертись немного около нея, помажь ей губы медомъ и вообще... такой молодецъ, какъ ты...

— Дорогой отецъ, избавь меня отъ твоихъ совѣтовъ, — прервалъ его сынъ. — Быть-ли Еленѣ моею женой или нѣтъ, — зависитъ совершенно отъ меня. Я еще не рѣшилъ... У нея, безспорно, хорошенькая рожица, правда, она немного худая, да ее можно откормить. Но у нея есть что-то напускное, угловатое, какъ у старой дѣвы. Хочешь, наприимѣръ, обнять ее за талию, она говоритъ: «Ахъ, милый господинъ лейтенантъ! вы мнѣ испортите банты!» Этимъ она меня положительно бѣситъ. Вадумаешь ее въ шутку ущипнуть, она сейчасъ же кричитъ: «Ахъ, милый господинъ лейтенантъ! не дѣлайте этого, у меня такая тонкая кожа!» Конечно, все это одно ломаніе, и еслибы схватить ее рѣшительно, то она сама не прочь цѣловаться, но, говорю тебѣ, я еще не рѣшилъ этого дѣла. Вѣдь, оно не убѣжить, не правда-ли?

Старикъ, быстро прятаній въ это время деньги, посмотрѣлъ съ радостной гордостью на своего красавца-сына. Но его снова охватило безпокойство.

— Пожалуйста, не думай больше о дуэли, Феликсенъ, вѣдь это безуміе... это, значить, рисковать своей жизнью!

Феликсъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ.

— Не вѣшпивайся, отецъ, въ дѣла чести! Въ нихъ ты ничего не смыслишь. Какъ только я найду себѣ подходящаго секунданта...

— Секунданта?!

— Да, человѣка, который передастъ вызовъ и...

— Кому?... Болеславу?..

— Конечно.

— На островъ?

— На островъ.

— Да что ты выдумалъ, Феликсенъ! Какой христіанинъ пойдеть на островъ? Ты, вѣдь, знаешь, что тамъ на каждомъ шагѣ разставлены капканы, самострѣлы и, Богъ знаетъ, еще какія смертоносныя орудія!.. Посмотри на Гакельберга, онъ до сихъ поръ хромаетъ послѣ того, какъ попался... только ты объ этомъ не болтай, понимаешь? Потому что никто не долженъ знать, что Гакельбергъ былъ на островѣ. Боже тебя сохрани заикнуться кому-нибудь объ этомъ. Что за охота связываться съ такимъ опаснымъ человѣкомъ. Тутъ, сынокъ, выгоды нѣтъ никакой.

— О! попался бы мнѣ онъ только! — проворчалъ Феликсъ.

Старикъ озабоченно посмотрѣлъ на него, затѣмъ налилъ полную рюмку мятной настойки и поднесъ сыну.

— Выпей-ка это, Феликсенъ, — сказалъ онъ. — Это успокоиваетъ.

Феликсъ выпилъ.

— А что касается дальнѣйшаго, то ты предоставь это своему старику-отцу. На досугѣ, какъ-нибудь онъ ужъ придумаетъ средство выгнать тебя отъ твоего чувства чести. Спокойной ночи, Феликсенъ!

Добрый отецъ сдержалъ свое слово.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, онъ обратился къ сыну со свойственнымъ ему доброжелательнымъ тономъ сожалѣнія:

— Ну, Феликсенъ, выкинулъ ты изъ головы глупую затѣю?

Феликсъ разсердился.

— Я тебѣ уже сказалъ, отецъ, что...

— Развѣ я не понимаю? Ты, конечно, правъ, сыночекъ. Но мнѣ хотѣлось бы знать одно: съ кѣмъ, собственно, ты хочешь драться, съ господиномъ фонъ-Шранденомъ или съ господиномъ Баумгартомъ?

Феликсъ остолебѣлъ. Онъ смутно сталъ догадываться, къ чему отецъ ведетъ рѣчь.

— Это уловка, отецъ,—отвѣтилъ онъ,—я—простой, прямодушный солдатъ. Со мной такіа хитрости ни къ чему не приводятъ.

— Не горячись такъ, Феликсенъ. Вѣдь я тебѣ желаю добра. Господинъ фонъ-Шранденъ никогда не былъ офицеромъ, слѣдовательно, тебѣ до него нѣтъ дѣла, а лейтенантъ Баумгартъ—мошеникъ, потому что онъ присвоилъ себѣ фальшивое имя, значитъ, до него тебѣ и вовсе нѣтъ дѣла.

— Это правда,—сказалъ Феликсъ, намазывая хлѣбъ медомъ.—Въ сущности, мнѣ не слѣдуетъ оказывать ему этой чести.

Мысли его получили новое направленіе.

— Еслибы онъ не назывался лейтенантомъ...—прибавилъ онъ сердито,—мое чувство чести возмущается тѣмъ, чтой такой мерзавецъ имѣетъ право называться офицеромъ!

Старикъ, казалось, только и ждалъ этого замѣчанія.

— Почему онъ еще называется лейтенантомъ?—спросилъ онъ, усмѣхаясь и поджимая свои мясистыя губы.—Потому что его начальство ничего не знаетъ объ обманѣ. Ему-бы задали, если-бы узнали!

Феликсъ сталъ понимать.

— Ты думаешь, что слѣдуетъ...

— Конечно, слѣдуетъ.

Опять честь Феликса была затронута.

— Помни, отецъ, что я офицеръ! — воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ.—Твое предложеніе меня оскорбляетъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— Конечно, если ты не хочешь...—сказалъ онъ.

Щепетильному сыну явилась спасительная мысль.

— Впрочемъ; можно было-бы безъ подписи,—проговорилъ онъ задумчиво.

— На это не обращать вниманія,—возразилъ старикъ.— Но я придумалъ нѣчто лучшее. А самъ заварю кашу. Ты вмѣстѣ съ другими можешь только подписать свое имя. Въ массѣ оно затеряется.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда сельскій разсылный Гофманъ ходилъ по селу и приглашалъ въ трактиръ служившихъ когда-то въ ландверѣ крестьянъ. Они-бы и такъ пришли, но приглашеніе дѣлалось для того, чтобы придать особенную торжественность предстоящему разговору.

Когда всѣ столы были заняты (село Шранденъ послало 30 воиновъ на святую войну) и зоркіе глаза господина Меркеля увидѣли повсюду полные стаканы, то онъ вышелъ изъ-за прилавка, почесалъ себѣ брюхо и, незамѣтно обмѣнявшись взглядомъ со своимъ сыномъ, началъ слѣдующую рѣчь:

— Видите-ли, милые сограждане, вотъ въ чемъ дѣло: вы всѣ здѣсь храбрые солдаты и не разъ горячо сражались за свое бѣдное отечество. Бывало, васъ мучила жажда, а вблизи не было даже и лужи, чтобы напиться. Понятно, что послѣ трудностей и пыла войны вы время отъ времени заходите въ Черный Орелъ и получаете здѣсь глотокъ хорошаго пива. Этого вы вполне заслужили. За ваше здоровье, солдаты!

Онъ молодецки поднесъ ко рту всегда готовую на такіе случаи кружку, а глазами зорко слѣдилъ за тѣми, кто осушилъ стаканъ до дна. Послѣ этого онъ незамѣтно сдѣлалъ знакъ служанкѣ и, энергично обтеревъ губы, продолжалъ:

— Я, вашъ староста, не пошелъ на войну, потому что мнѣ нужно было заботиться объ оставшихся.—Шопотъ одобренія пронесся по комнатѣ.—Но я такой-же патріотъ, какъ вы, и мое сердце также горячо и вѣрно бьется за отечество и за честь, какъ и ваше, храбрые солдаты... Поворачивайся живѣй, лѣнтяйка: господинъ Вейхертъ ужъ давно ждет...

Господинъ Вейхертъ запротестовалъ было, но это не помогло: у него вырвали стаканъ изъ рукъ.

— Сердце мое преисполняется гордостью,—продолжалъ кабатчикъ, — когда я смотрю на моего сына, прямого, честнаго солдата, котораго довѣріе товарищей и милость короля сдѣлали офицеромъ. Мои слова, конечно, отзовутся въ каждомъ изъ васъ; если я воскликну: да здравствуетъ гордость села, добрый сынъ, хорошій товарищъ, храбрый солдатъ и честный офицеръ—лейтенантъ Меркель, да здравствуетъ на многія дѣта!

Шранденцы воодушевленно примкнули къ тосту, и господинъ Меркель-старшій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что при этомъ опять опустѣло нѣсколько стакановъ. Чтобы дать Амаліи время ихъ снова наполнить, онъ сдѣлалъ маленькую, эффектную

паузу, во время которой взволнованно обнялъ сына, и затѣмъ снова продолжалъ:

— Тѣмъ сильнѣе должно быть наше горе, при видѣ, какъ нашъ благословенный край, позоръ котораго вы уже смыли блестящими военными подвигами, снова поворится сыномъ того человѣка, который виновенъ во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ. Тамъ, гдѣ былъ пожаръ, онъ живетъ теперь вмѣстѣ съ возлюбленной своего отца... я больше ничего не прибавлю, но то, что тамъ происходитъ, дѣти, куда не красиво!

Крутомъ поднялся циничный смѣхъ, постепенно перешедшій въ благородное негодование.

— Хуже того: этотъ негодяй принадлежитъ къ нашей храброй и славной арміи, онъ подъ фальшивымъ именемъ прокрался въ ея ряды; болѣе того: онъ дошелъ до офицерскаго чина... То, что вамъ, храбрецамъ, не удалось, за исключеніемъ, конечно, моего сына, того этотъ человѣкъ достигъ ложью и обманомъ. Неужто вы потерпите, вы, храбрые шпанденцы, чтобы такой обманщикъ, сынъ предателя отечества, смотрѣлъ на васъ, какъ на подчиненныхъ? Неужели только для этого, королевской милостью, вы получили свободу?

Минута казалось благопріятной, чтобы провозгласить тостъ за его величество короля, такъ какъ Амалия за это время успѣла наполнить всѣ кружки. Успѣхъ былъ полный, и господинъ Меркель остался вдвойнѣ доволенъ результатами своей рѣчи.

— Нѣтъ, храбрые шпанденцы, — продолжалъ онъ, — этого вы не должны допустить, армія должна очиститься отъ этого позорнаго пятна, а то, вѣдь, вамъ придется стыдиться того, что вы прусскіе солдаты!..

— Исколотить его до смерти! Убить его! — завопили вокругъ столовъ.

— Нѣтъ, милые друзья, — возразилъ съ своей добродушной улыбкой Меркель. — Вы не должны говорить сейчасъ объ убійствѣ. Какъ ваше начальство, я не могу и слышать объ этомъ, а то... Онъ шутиливо погрозилъ пальцемъ... — Я вамъ посоветую нѣчто гораздо лучшее. Высокопоставленные лица, конечно, и не подозрѣваютъ, кто собственно скрывается подъ именемъ лейтенанта Баумгарта; въ прошлую весну не справлялись о метрикахъ и вообще о бумагахъ; теперь дѣло другое... теперь захотятъ узнать, что за человѣкъ этотъ прусскій лейтенантъ, находящійся въ безвѣстной отлучкѣ. Тутъ, кромѣ того, примѣшивается еще одно обстоятельство. Вспомните, что Іоганнъ Радтке здѣсь, на этомъ мѣстѣ рассказывалъ въ то время, какъ еще никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, что за животное, въ сущности, его знаменитый господинъ Баумгартъ?

Меркеля прервалъ смѣхъ, полный гнѣва и ненависти. Смѣялся его сынъ Феликсъ.

— Онъ яко-бы пришелъ пѣшкомъ изъ Франціи, какъ какой-нибудь ремесленникъ. И раненъ онъ былъ, и въ плѣну былъ, и чего-чего только съ нимъ ни было. Но вы только подумайте, что это все значить? Это значить, что онъ не взялъ отпуска, а ушелъ изъ арміи самовольно, какъ какой-нибудь воръ, ночью, точь-вточь, какъ онъ вкрался въ ряды. И знаете вы, какъ это называется на настоящемъ нѣмецкомъ языкѣ?— Дезертировать!

Поднялся дикій крикъ радости, который господинъ Меркель встрѣтилъ съ большимъ удовольствіемъ, такъ по опыту зналъ, что отъ крика пересыхаетъ глотка.

Онъ далъ имъ пошумѣть вдоволь и затѣмъ продолжалъ:

— Наша святая обязанность, какъ добрыхъ патріотовъ и храбрыхъ солдатъ, передъ высокопоставленными господами генеральнаго штаба пролить свѣтъ на личность этого честнаго юноши. Это наше долгъ передъ королемъ, отечествомъ и, наконецъ, передъ самими собой. Его могутъ со стыдомъ и позоромъ выгнать изъ нашей храброй арміи, могутъ засадить въ тюрьму, могутъ разстрѣлять... ужъ это не наше дѣло! съ какой стати мы изъ-за него будемъ впутываться въ эту исторію!

Шранденцы подняли крикъ, выражая свое согласіе.

Господинъ Меркель вытащилъ изъ кармана листокъ бумаги.

— Я тутъ набросалъ нѣсколько строкъ,—сказалъ онъ,—гдѣ вѣрноподданнически представляю наши опасенія и затрудненія на разсмотрѣніе свѣтлѣйшему генеральному комиссару. Если позволите, милые друзья...

Онъ сдѣлалъ видъ, что собирается развернуть листъ, но ему пришла въ голову новая счастливая мысль.

— Я-бы могъ вамъ сейчасъ представить записку къ под-писи,—сказалъ онъ, сіяя,—но въ такомъ случаѣ, она была-бы составлена съ моей, а не съ вашей точки зрѣнія. А я хочу, чтобы вы подробнѣйшимъ образомъ обсудили все, а если надо, и измѣнили-бы мои слова... Вотъ почему я вамъ предлагаю выбрать изъ своей среды комиссію, изъ пяти товарищей, съ которыми мы—мой сынъ и я—отправимся въ сосѣднюю комнатку и спокойно обсудимъ форму записки. Остальные-же пусть подождутъ здѣсь.

И онъ вызвалъ по именамъ тѣхъ, которыхъ считалъ наиболѣе достойными этой чести, пятерыхъ расточительныхъ и, по его предположенію, самыхъ честолюбивыхъ парней.

Всѣ полу-завистливо и полу-злорадно одобрили выборъ. Выбранные инстинктивно состроили кислые мины и, польщенные выборомъ, согласились.

Господинъ Меркель почтительно распахнулъ дверь въ гостиную, надъ дверью которой, какъ предостереженіе и въ то-же время соблазнъ, стояли многозначительныя слова:

«Здѣсь дозволяется пить одно только вино».

Съ боязливой гордостью, нервно крутя въ рукахъ шапки, молодые люди вступили въ комнату.

Послѣднимъ вошелъ сынъ хозяина дома.

Господинъ Меркель обернулся и громко, торжественно крикнулъ по направленію къ прилавку:

— Амалія, двѣ бутылки муската для меня и для господина лейтенанта!

Мускатъ былъ напитокъ, который онъ приготовлялъ самъ изъ рома, сахара, корицы, сока красной смородины и необходимаго количества воды и который онъ продавалъ шранденцамъ по талеру за бутылку. Онъ потребовалъ двѣ бутылки, чтобы гости не вздумали спросить по бутылкѣ на двоихъ.

Въ пивной воцарилось глубокое молчаніе.

Оставшіеся, съ серьезными, напряженными лицами, то переглядывались другъ съ другомъ, то переводили свой взоръ на закрывшуюся дверь.

Изъ почетной комнаты также не раздавалось ни звука. Между хозяиномъ и гостями завязалась нѣмая, но ожесточенная борьба. Неизвѣстно было, кто изъ нея выйдетъ побѣдителемъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ, когда служанка только-что вернулась изъ погреба съ торопливо-наполненными двумя бутылками, господинъ Меркель уже отворилъ дверь и побѣдоносно крикнулъ:

— Амалія! еще пять бутылокъ муската!

Въ пивной пронесся общій вздохъ. Напряжение спало. Партія гостей, по обыкновенію, была побѣждена.

Изъ почетной комнаты стали доноситься однообразные, глухіе звуки чтенія вслухъ...

Вечеромъ, ложась спать, господинъ Меркель напелъ, что этотъ день прожить не даромъ.

Сынъ былъ освобожденъ отъ своихъ опасныхъ мыслей, судьба послѣдняго изъ шранденскаго рода была рѣшена, а въ кассѣ находился излишекъ выручки въ восемь талеровъ и двадцать пять зильбергрошей.

— Вотъ какъ однимъ ударомъ убиваютъ трехъ мухъ!— сказалъ онъ, довольно улыбаясь, и, сложивъ руки, сладко уснулъ.

Х.

Стояла зима. Ей предшествовало невыразимо-печальное, мучительное увяданіе всей природы. Болеславъ, выросшій на лонѣ природы и не знавшій сентиментальной чувствительности,

никогда не думалъ, чтобы осень съ своимъ нѣжнымъ символическимъ умираніемъ могла вызвать такую смертельную тоску.

Онъ пугался наступающаго времени.

Вечера стали безконечно длинными. Какъ коршунъ, спускалось къ нему одиночество; круги его дѣлались все уже и уже, онъ ощущалъ уже на своемъ лицѣ дуновеніе отъ взмаха его крыльевъ.

Странное дѣло! Вѣдь онъ всю жизнь прожилъ въ одиночествѣ и никогда не желалъ ничего другого. Отчего-же теперь ему захотѣлось сближенія съ людьми, теперь, когда все, что носило человѣческій образъ, было ему враждебно?

Все глубже и глубже уходилъ онъ въ свои бумаги, хотя сознавалъ безцѣльность этого занятія, пригоднаго лишь для того, чтобы убить мучительно-тянувшееся время. Онъ съ трудомъ убѣждалъ себя, что для будущаго, можетъ-быть, полезнымъ это извлеченіе прошедшаго изъ пыли и мусора. То, что ему надо было, онъ скоро нашелъ, все остальное было ненужнымъ хламомъ.

Регина молчаливо и безшумно вела свое хозяйство. Она не смотрѣла на него, когда входила въ комнату; если онъ обращался къ ней съ чѣмъ-нибудь, она всегда пугалась, но ея застѣнчивые и короткіе отвѣты были всегда ясны, полны и показывали, что она умѣла уловить въ его вопросахъ самое существенное.

Иногда они цѣлыми днями проходили мимо другъ друга, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ.

Тѣмъ чаще сталъ онъ незамѣтно наблюдать, слѣдить за ней, когда она накрывала столъ, и смотрѣть ей вслѣдъ, когда она выходила изъ дому и исчезала въ кустарникахъ.

Часто онъ спрашивалъ себя: чѣмъ занята ея мысль? О чемъ она думаетъ изо дня въ день? Неужели возможно, чтобы вся жизнь ея занята была его особой, человѣкомъ, до котораго ей нѣтъ дѣла, который не умѣетъ привязать ее къ себѣ и до сихъ поръ даже не уплатилъ ей ни гроша жалованія?

Въ эти минуты ему дѣлалось стыдно, что онъ такъ холодно принимаетъ ея великодушныя услуги. Онъ давалъ себѣ слово привѣтливо встрѣчать ее и быть разговорчивѣе, чтобы она менѣе ощущала тяжесть своего положенія.

Но какая-то безотчетная застѣнчивость мѣшала ему исполнить это намѣреніе. Онъ ее больше не ненавидѣлъ. Его отвращеніе къ ней исчезло съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣтилъ ея непрерывную, безкорыстную заботу о себѣ. Тѣмъ не менѣе, что-то ему мѣшало свободно заговорить съ ней. Между нимъ и ею было что-то, окутанное таинственной дымкой и отдалявшее ее отъ него. Ему было съ ней жутко.

Казалось, надъ ней виталъ духъ его отца и своимъ

ужаснымъ присутствіемъ связывалъ ему языкъ. Поворъ-ли, который она несла на себѣ, облекъ ее въ это таинственное очарованіе, великое-ли ея несчастье придавало ей эту силу—кто знаетъ? Часто, когда она приносила ужинъ или оправляла постель, онъ оставлялъ свою работу и пытался съ ней заговорить. Но языкъ какъ-бы прилипалъ къ гортани, онъ не зналъ, съ чего начать, онъ боялся унижить свое достоинство, и съ устъ его срывались лишь краткія, суровыя приказанія.

Онъ уже давно замѣтилъ, что ея внѣшность измѣнилась къ лучшему. Она больше не ходила оборванная, растрепанная и не выставляла на показъ наготу своего тѣла. Она аккуратно застегивала лифъ до самой шеи, которую покрывала какимъ-то обрывкомъ шерстянаго шарфа. Ея платье было заботливо починено, и концы лифа не вискакивали изъ подъ кушака; волосы не падали больше беспорядочными прядями по плечамъ; она заботливо причесывала ихъ, и по утрамъ голова ея вся лоснилась отъ воды, которой она старалась удержать на мѣстѣ непокорныя косы.

Дни стояли холодныя, но она все еще ходила въ своемъ ситцевомъ платьѣ, а когда выходила изъ дому, то надѣвала лишь шерстяной платокъ.

Однажды вечеромъ, когда она собиралась на одну изъ своихъ еженедѣльныхъ прогулокъ и обсуждала съ нимъ покупки, Болеславъ спросилъ ее:

— Почему ты себѣ не купила зимняго платья, Регина?

Она опустила глаза и проговорила:

— Мнѣ бы очень этого хотѣлось.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Я не знала, смѣю-ли я купить.

— Конечно, смѣешь. Вѣдь, не дамъ же я тебѣ замерануть.

— Да, но...

Она остановилась и покраснѣла.

— Что но?

— Тамъ есть... голубая кофта... съ мѣховою отдѣлкой.

Торговецъ говоритъ...

Онъ улыбнулся.

— Слава Богу! она начинаетъ походить на человѣка, подумалъ онъ: кокетство пробудилось. — Ну, такъ что-же говорить торговецъ?

— Онъ говоритъ, что она мнѣ была-бы подходящей; такъ какъ я очень далеко хожу, то она была-бы удобна и тепла. Но кофта эта больше для барышни и...

— Оттого-то ты и должна ее купить, — воскликнулъ онъ со смѣхомъ. — Не смѣй возвращаться безъ кофты! Спокойной ночи и счастливаго пути.

Она радостно вскрикнула и нагнулась, чтобы поцѣловать

его руку, но онъ уклонился отъ подѣлуя, нѣжно удержавъ ее за плечо.

Когда звукъ ея шаговъ замеръ во мракѣ, онъ взялъ лампу и пошелъ въ теплицу, въ которой она жила.

Хотя огонь еще былъ въ плитѣ, но въ неуютномъ помѣщеніи было страшно холодно. Черезъ стеклянную разбитую крышу влетали снѣжинки; въ воздухѣ носился мелкій, осенній снѣгъ.

— Отчего она не исправитъ рамы?—подумалъ онъ, рѣшивъ, что завтра-же заколотить досками разбитыя стекла. Онъ влѣзъ на одно изъ козелъ и внимательно ощупалъ раму. Тутъ онъ понялъ, почему Регина предпочитала спать подъ открытымъ небомъ. Свинцовая оправа оконницы совершенно искрошилась. При одномъ прикосновеніи его, вся крыша заскрипѣла и затрещала. При первой попыткѣ ее исправить, она должна была неминуемо рушиться.

— Было-бы преступленіемъ по отношенію къ ней позволить ей продолжать тутъ жить,—сказалъ онъ себѣ.

Онъ возвратился въ свою комнату и вытащилъ изъ подъ простыни всѣ перины, безъ которыхъ, ему казалось, онъ можетъ обойтись. Онъ также захватилъ одну подушку съ своей кровати и снесъ все на ея постель, аккуратно все разложилъ и заботливо прикрылъ волосяной попоной, чтобы сразу она не замѣтила.

— Воображаю, что за глаза она сдѣлаетъ,—подумалъ онъ,—когда завтра утромъ, усталая, захочетъ прилечь на свою соломку? И радуясь въ душѣ, онъ вернулся къ своимъ бумагамъ.

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, то глаза его были поражены блѣднымъ отсвѣтомъ снѣга.

За ночь весь міръ заснулъ глубокимъ, зимнимъ сномъ.

Онъ одѣлся и позвалъ Регину. Отвѣта не было. Она еще не вернулась.

Онъ подождалъ часа два и затѣмъ пошелъ самъ готовить себѣ завтракъ. Черезъ отверстія разбитыхъ стеколъ крыши намело достаточно снѣгу, цѣлый сугробъ медленно выросталъ на плитѣ. Зеленоватыя сумерки царили въ засыпанномъ снѣгомъ помѣщеніи.

Почти машинально взявъ онъ въ руки лопату и метлу и вымелъ изъ комнаты снѣжныя кучи, затѣмъ отыскалъ грубую папку, служившую покрывшкой разнымъ его дѣловымъ бумагамъ, разрѣзалъ ее на нѣсколько кусковъ, осторожно просунулъ въ отверстія рамы и закрылъ ими-же двери.

— Большаго я, при всемъ моемъ желаніи, не могу сдѣлать,—сказалъ онъ, пожимаясь отъ холода и оглядывая помѣщеніе, сдѣлавшееся почти темнымъ. Онъ со вздохомъ подошелъ къ плитѣ и развелъ огонь.

День прошелъ, а Регина все не возвращалась. Очевидно, ее задержала мятель въ Бокальдорффъ.

Вяло и скучно шла его работа. Онъ раза два прошелся до Кошачьей дороги, по которой она должна была вернуться, съѣлъ холодный обѣдъ и отъ времени до времени поглядывалъ на стѣнные часы, стрѣлки которыхъ еле-еле двигались.

Положительно ему доставало Регины; хотя она почти не показывалась ему на глаза, но онъ зналъ, что ему стоило только свистнуть, и она тотчасъ-же явится.

Чтобы дать другое направленіе своимъ мыслямъ, онъ бросилъ работу и сталъ рисовать. На оборотѣ пятидесятилѣтняго счета каретника онъ нарисовалъ длинную, длинную садовую изгородь, изъ за которой выглядывали прямые ряды лилій и розъ, сперва рядъ розъ, потомъ лилій, затѣмъ опять розы, и такъ далѣе, пока все не обратилось въ необыкновенно разрисованные обои для какой-то стѣны.

Онъ бросился на мягкій диванъ и сталъ мечтать о Мадоннѣ, которая скрывалась за этой цвѣточной стѣной, готовая съ благословеніемъ снизойти къ грѣшнику, осмѣлившемуся разбить эту стѣну.

Уже сумерки давно наступили, когда передъ домомъ раздались шаги.

Онъ вскочилъ и бросился изъ комнаты.

Нагруженная пакетами и узлами, съ головы до ногъ покрытая снѣгомъ, съ трудомъ переводя дыханіе, Регина переступила порогъ дома. Напудренный, кудрявый локонъ надалъ на ея разгорѣвшееся лицо, а глаза свѣтились боязливо и возбужденно.

— Я бѣжала, господинъ, какъ только могла,—начала она, запинаясь и правой рукой хватаясь за сердце,—но торговецъ не отпустилъ раньше утра, потому что онъ хотѣлъ кофту...

Она запнулась и виновато уставилась въ землю.

Онъ съ улыбкой кивнулъ головой; онъ былъ слишкомъ радъ ей, чтобы сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе.

— Свари мнѣ скорѣй чего-нибудь горячаго, — сказалъ онъ,—тебѣ оно тоже будетъ не лишнимъ.

Она поглядѣла на него съ боязливымъ изумленіемъ.

— Чего-же ты ждешь еще?

— Да... но...—и испуганная тѣмъ, что хотѣла сказать, она пробѣжала мимо него на кухню.

— Она, кажется, сама назначаетъ себѣ наказаніе,—пробормоталъ онъ, улыбаясь и глядя ей вслѣдъ.

Когда она принесла ужинъ, онъ сидѣлъ за шопитромъ, за которымъ всегда работалъ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ блѣдно освѣщала комнату.

Онъ украдкой взглянулъ на нее; ему правилось изъ-подъ

тѣни абажура слѣдить за ея движеніями. Въ этотъ вечеръ она ему показалась такой гордой и прелестной, что онъ испугался. Это уже не была та грубая, несчастная, тупая служанка, которую онъ встрѣтилъ въ первый разъ. Всѣ ея движенія были исполнены такого достоинства и изящества, а маніи головы такъ строги и очаровательны, что ее можно было принять за даму. Перемѣну эту совершило темное шерстяное платье, а главное кофта, отдѣланная серебристымъ мѣхомъ, «куцавейка», какъ называлась она тамъ, въ Польшѣ.

Накрывая на столъ, она стыдливо и счастливо улыбалась про себя и отъ времени до времени кидала на него украдкой быстрый взглядъ.

Очевидно, ей хотѣлось вызвать восхищеніе, но она не смѣла обратить на себя вниманіе.

Нужно было сказать ей что-нибудь.

— Ты очень гордишься своимъ новымъ платьемъ? — спросилъ онъ.

Она покраснѣла до корней волосъ.

— Ахъ, это слишкомъ красиво для меня, — прошептала она, все еще улыбаясь и поглядывая на него съ стыдливымъ кокетствомъ. Но она не была еще настолько дочерью Евы, чтобы посмотрѣться въ зеркало.

Дѣлая ему постель, она съ изумленіемъ замѣтила исчезновеніе перинъ. Она что-то хотѣла сказать, но смолчала, не рѣшаясь снова заговорить съ нимъ.

Она пожелала ему «доброй ночи» и вышла.

Онъ радостно про себя улыбнулся. Вотъ будетъ сюрпризъ, подумалъ онъ, и снова погрузился въ свои бумаги. Часъ спустя его испугалъ послышавшійся за спиной шорохъ.

Блѣдная, какъ смерть, съ дрожавшими губами и широко раскрытыми глазами, стояла она у стѣны и съ трудомъ переводила дыханіе. Мѣховая кофта была растегнута и обнажала грубую рубашку, складки которой туго обхватывали ея здоровую грудь. Въ своемъ страшномъ смущеніи она, вѣроятно, забыла привести въ порядокъ свой туалетъ.

— Какая красавица! — подумалъ онъ, любуясь ею и стараясь смотрѣть мимо нея.

— Ну, чего тебѣ еще нужно? — спросилъ онъ, насколько могъ, мягко.

Она тщетно пыталась заговорить въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній.

— Господинъ... это вы... такъ сдѣлали... съ постелью?

— Конечно я, а то кто же?

— Да, но зачѣмъ... вы... это дѣлаете? — Ея глаза боязливо сверкали. Очевидно, его доброта начала ее пугать.

Онъ долженъ былъ заговорить суровѣе, чтобы справиться

со своимъ волненіемъ. Онъ не могъ себѣ представить, что она будетъ такъ потрясена.

— Глупая!—закричалъ онъ на нее, — неужели же я долженъ дать тебѣ замерануть?

Она стояла неподвижная и нѣмая, какъ статуя; по щекамъ ея катились крупныя слезы.

Вдругъ она упала передъ нимъ на колѣни, схватила его обѣ руки и покрыла ихъ слезами и поцѣлуями.

Невольно отдавшись созерцанію, онъ съ минуту не могъ оторваться отъ нея, но потомъ оттолкнулъ и приказалъ встать.

— Не разыгрывай комедій, Регина,—сказалъ онъ,—иди, ложись, тебѣ нуженъ отдыхъ.

Она хотѣла, по обыкновенію, утереть глаза рукавомъ, но замѣтила новый, нѣжный мѣхъ кофты и, боясь его испортить, дала волю слезамъ.

— Ахъ, господинъ,—рыдала она,—я не знаю, что со мной дѣлается! Вѣдь, вы не можете это серьезно... вѣдь, я этого со-всѣмъ не заслуживаю... Сперва чудная кофта, а затѣмъ... когда я ожидала наказанія за то, что опоздала... еще это!

— Перестань,—приказалъ онъ,—вѣдь, нужна же тебѣ постель. Ты какъ прежде спала?

Она вадрогнула и испуганно опустила глаза.

— Ахъ, прежде!—пробормотала она.

— Ну?

— Прежде... я лежала тамъ, за дверью... или...—она опять остановилась.

— Или?

Она молчала и дрожала.

— Или гдѣ?

Она смущенно взглянула на постель.

— Да, вѣдь, вы знаете—гдѣ, господинъ,—прошептала она и, охваченная стыдомъ, закрыла лицо руками.

Конечно, онъ зналъ! Какъ могъ онъ это забыть хоть на одно мгновеніе!

— Вонъ!—закричалъ онъ, потрясенный гнѣвомъ и отвращеніемъ, и рукою указалъ ей на дверь.

Молча, опустивъ голову, вышла она изъ комнаты.

XI.

Болеславу посчастливилось. Онъ попалъ на новую, великую задачу, которая должна была яркимъ свѣтомъ озарить тусклое однообразіе его сѣрой жизни.

Дѣло шло о спасеніи памяти отца.

Онъ самъ не зналъ, какъ ему пришла эта мысль. Два, три найденныхъ письма отъ польскихъ вельможъ дали первый толчекъ. Еслибы оказалось возможнымъ доказать, что покойный дѣйствовалъ противъ своихъ благороднѣйшихъ чувствъ, подъ глухимъ давленіемъ чужой воли, исполняя поспѣшно данную клятву или вырванное силой обѣщаніе, тогда получилось бы трагическое сцѣпленіе обстоятельствъ, которое, еслибы и не оправдало опозореннаго отца, то все же сдѣлало бы изъ него мученика.

Еслибы, подробно изучивъ документы, онъ могъ, опираясь на обширный матеріалъ, выступить публично съ исторіей происхожденія предательства, доказывавшей, что Эбергартъ фонъ-Шранденъ, далекій отъ той дьявольской роли, которую ему приписывала молва, сдѣлался лишь жертвой событий, то онъ не позволилъ бы никому больше касаться тѣни покойника.

И чѣмъ больше онъ углублялся въ эту задачу, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ свою связь съ отцомъ, тѣмъ болѣе привыкалъ переносить на него сознаніе своей собственной невинности.

Сердце его было такъ переполнено планами, что онъ ночью не спалъ, а днемъ бѣгать, какъ помѣшанный, по занесенному снѣгомъ парку. Чѣмъ меньше въ глубинѣ души онъ надѣялся на успѣхъ, тѣмъ сильнѣе была его потребность высказаться и освободить свою грудь отъ тяжелыхъ сомнѣній.

Но у него не было никого, кромѣ молчаливой женщины, съ смущеннымъ и виноватымъ блескомъ глазъ скользившей, какъ тѣнь, мимо него.

Однажды вечеромъ, почти задыхаясь отъ одиночества, онъ заговорилъ съ нею:

- Регина, ты, навѣрное, мерзнешь въ своей кухнѣ?
- Я топлю весь день, господинъ.
- А что ты дѣлаешь вечеромъ, когда стемнѣетъ?
- Я сижу у плиты и шью, пока не околѣнутъ пальцы.
- Развѣ у тебя есть огонь?
- Я жгу лучину.

Онъ нерѣшительно замолчалъ и прикусилъ нижнюю губу. Наконецъ, онъ рѣшился.

— Регина, ты можешь послѣ ужина приходить съ своимъ шитьемъ сюда, въ комнату.

Она поблѣднѣла.

— Хорошо, господинъ, — пробормотала она.

Ему показалось, что она недостаточно благодарна.

— Конечно, если хочешь, — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— О, господинъ! мнѣ, конечно, хочется!

— Но сперва одѣнься, какъ слѣдуетъ. Кстати, почему ты

не носишь больше своего платья?— Съ того вечера она снова ходила въ ситцевой кофѣ.

— Ахъ, господинъ! вѣдь я знала, что мнѣ не подобааетъ его носить...

— Почему не подобааетъ?

— Потому, что вы разсердились, что такая, какъ я...

— Глупости!—прервалъ онъ ее рѣзко. Она чуть-чуть опять не отбила у него охоту быть съ ней человѣчицею.

Послѣ ужина она боязливо появилась въ дверяхъ. Въ рукахъ она держала бѣлую матерію. На порогѣ она задержалась, пока онъ нетерпѣливо ни пригласилъ ее сѣсть.

— Съ тобой надо церемониться, какъ съ какой-нибудь знатной дамой, — разсердился онъ.

Она растерянно улыбнулась.

— Это отъ страха, господинъ, — проговорила она, запинаясь, — потому что я не знаю, какъ мнѣ держать себя...— Она ваялась за работу.

Въ этотъ вечеръ они больше не разговаривали. Прошла недѣля, пока между ними снова ни завязалась бесѣда.

Онъ обыкновенно сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи надъ пожелтѣвшими бумагами, а она усердно работала иголкой. Когда часы били одиннадцать, она завертывала свое шитье, шопотомъ говорила: «спокойной ночи» и выходила на цыпочкахъ, не дожидаясь отвѣта.

— Что это ты такъ усердно шьешь? — спросилъ онъ однажды, послѣ нѣкотораго молчаливаго наблюденія.

Она подняла глаза и быстрыми пальцами отбросила свои кудри.

— Рубашки вамъ, господинъ! — былъ отвѣтъ.

— Такъ ты и объ этомъ заботишься?

— А кто же другой будетъ заботиться, господинъ?

Послѣ короткаго молчанія онъ спросилъ:

— Кто всему этому тебя научилъ, Регина? Твоя мать?

Она покачала головой.

— Моя мать, господинъ, умерла рано. Я едва ее помню. Люди говорятъ, что отецъ исколотилъ ее до смерти.

Онъ подумалъ о картинной галлерей, о блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ съ усталыми вѣками, исчезнушемъ въ пламени при послѣднемъ пожарѣ.

— Какая она была, твоя мать? — продолжалъ онъ.

— У нея были длинные, черные волосы и глаза, какъ у меня, говорятъ люди. Я помню ея волосы, потому что она меня разъ закутала въ нихъ вечеромъ, когда я была раздѣта; я сидѣла, какъ въ накидѣй, и смѣялась. А когда отецъ...—она вдругъ испуганно остановилась... — Но почему вы это хотите знать, господинъ? — спросила она.

— Рассказывай дальше, — крикнулъ онъ быстро.

— Когда отецъ возвращался домой пьяный и хотѣлъ меня бить, она становилась передо мною и говорила мнѣ, чтобы я спряталась за ея платье; я такъ и дѣлала. Я себя чувствовала, какъ въ пещерѣ, было такъ тихо и темно, а отцовская ругань доходила до меня издали, издали. А потомъ она умерла. Это было въ воскресенье... да, въ воскресенье. Я стояла у забора и думала о томъ, — будетъ-ли у нея красивый гробъ и будетъ-ли онъ зеленый, какъ тотъ на столбахъ... въ это самое время, вы, господинъ, прошли въ церковь. Вы тогда были такой же маленькій, какъ и я; на васъ было синее платье съ серебряной вышивкой и маленькая шпага на боку. Вы остановились и спросили меня, почему я плачу, я ничего не могла сказать отъ страха... вы мнѣ подарили яблоко.

Этого онъ не помнилъ, но вспомнилъ, какъ онъ у нея отнял воробушка и рассказалъ ей...

Она не забыла и этого случая, и глаза ея сверкнули, какъ при счастливомъ воспоминаніи.

— Удивляюсь, какъ это ты такъ охотно мнѣ его уступила! — сказалъ онъ.

— А что же мнѣ слѣдовало сдѣлать?

— Не давать.

Ея взглядъ затуманился.

— Я обрадовалась, что вамъ захотѣлось его взять, — сказала она тихо, — вѣдь, не часто случается, чтобы богатый, знатный баринъ принять подарокъ отъ бѣдной дѣвочки.

Онъ закусилъ губы. Воистину, онъ принималъ отъ нея въ подарокъ больше, чѣмъ то позволяли справедливость и человечность!

— А затѣмъ, — продолжала она, — если бы я даже не захотѣла, такъ, вѣдь, вы были барчукъ. Вамъ принадлежало все, что было наше.

Какъ это у нея выходить все просто и само собой.

— Слушай, Регина, — сказалъ онъ, — ты навѣрно совсѣмъ забыла то время, когда ты жила внизу, въ деревнѣ на свободѣ?

— О нѣтъ, господинъ, — возразила она съ лукавой улыбкой, — на примѣръ, васъ я помню прекрасно.

Онъ отодвинулъ свой стулъ, чтобы быть совершенно въ тѣни абажура.

— Какой прелестный матеріалъ потерялъ въ ней, — подумалъ онъ, пожирая ее глазами.

Онъ заставилъ ее рассказать все, что она еще помнила о немъ изъ того времени. Увы! очень мало хорошаго. Однажды онъ ее столкнулъ въ горячую воду; другой разъ посадилъ въ кадку и заставилъ плыть по рѣкѣ, пока на ея отчаянный крикъ ни сбѣжались люди и ни вытащили ее. Од-

нажды, когда на ней было одѣто бѣлое платье, подарокъ жены управляющаго замка, онъ ей намазалъ лицо и руки известкой, приказавъ стоять неподвижно, чтобы походить на одну изъ статуй парка. Она все это сносила терпѣливо, пока известка ни стала щипать ей губы и глаза, и она съ плачемъ убѣжала.

Все это она рассказывала съ сіявшими глазами, какъ богъ вѣсть какія пріятныя воспоминанія.

Съ своей стороны, онъ многое припомнилъ изъ того, что она рассказывала, но совершенно забылъ, что Регина была жертвой его продѣлокъ. Ему стало стыдно. вмѣсто мечтательнаго, великодушнаго мальчика, какимъ онъ себя представлялъ до сихъ поръ, онъ увидѣлъ маленькаго, жестокаго, деревенскаго тирана, который съ полнымъ безсердечіемъ пользовался своей властью надъ сверстниками.

— Неужели ты никогда не видала отъ меня ничего хорошаго?—спросилъ онъ, желая хоть что-нибудь услышать въ свою пользу.

— Вы намъ часто и много дарили, господинъ,—отвѣтила она.—«Раздѣлите это между собой»,—говорили вы намъ, бывало, и бросали на землю яблоки и орѣхи, а то и оловянныхъ солдатиковъ, а когда и просто горсть пуговицъ. Конечно, самыя большіе и сильныя получали почти все, особенно умѣли хватать Феликсъ Меркель... Мы же, дѣвочки, больше смотрѣли.

— А ты, Регина, ты никогда ничего отъ меня не получала?—спросилъ онъ.

Она вспыхнула и низко наклонилась надъ питьемъ.

— Да, господинъ, одинъ разъ,—отвѣтила она тихо.

— Что же это такое было?

Она молчала и не смѣла поднять глазъ.

— Господи, да чего ты стыдишься?

— Потому... что... оно еще у меня.

— Ахъ, вадоръ какой!—Онъ улыбнулся. Чувство удовольствія невольно охватило его.

Вмѣсто отвѣта, она вытащила изъ кармана и положила на столъ маленькій соломенный ящикъ съ дѣтскій кулачекъ. Ящикъ былъ сплетенъ изъ разноцвѣтныхъ соломинокъ.

Онъ взялъ его въ руки и внимательно осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ. Внутри что-то звенѣло.

— Можно открыть?

— Что вы спрашиваете, господинъ!

Въ ящикѣ лежало кольцо изъ разноцвѣтнаго бисера, какія любятъ дѣлать маленькія дѣвочки, слѣдуя первымъ внушеніямъ тщеславія.

Онъ его вынулъ и попробовалъ надѣть на мизинецъ, но оно было такъ мало, что едва скользнуло по ногтю.

— Кольцо тоже отъ меня?

— Нѣтъ, господинъ... оно принадлежало моей дорогой ма-

терп. Я его носила днем и ночью, такъ что оно врѣзалось въ тѣло, а потомъ нитка лопнула. Ея въ то время уже не было въ живыхъ, и такъ какъ это единственное оставшееся у меня отъ нея воспоминаніе, то я всегда ношу кольцо при себѣ.

— Въ моемъ ящикѣ?

Она кивнула головой и опустила глаза.

— Отчего же мнѣ не носить его, господинъ?—прошептала она,—оно вѣдь приноситъ мнѣ счастье.

Онъ поглядѣлъ на нее съ улыбкой состраданія.

— Счастье?.. тебѣ?

— Да, если вы вспомните, напримѣръ, о камняхъ...

Въ эту минуту кольцо, которое онъ хотѣлъ положить на мѣсто, выскользнуло у него изъ рукъ и упало на полъ.

Регина вскочила и бросилась его искать, но не находила.

— Оно точно провалилось,—сказала она застѣчиво и опустила на колѣни вблизи Болеслава.

Онъ увидѣлъ ея упругій, прелестный затылокъ и игриво окаймлявшія его спутанныя, черныя кудри.

Сердце у него забилося. По членамъ пробѣжала дрожь. Онъ смотрѣлъ на нее съ неподвижною улыбкой.

— Вотъ оно! — воскликнула она и, все еще на колѣняхъ, выпрямилась и протянула ему любимую игрушку.

Онъ протянулъ руку. Ему казалось, что его руку приподнимаетъ посторонняя сила, такъ она отяжелѣла.

Съ боязливой лаской прикоснулся онъ къ ея щекѣ.

Она вся задрожала. Глаза ея вспыхнули и вопросительно и мечтательно остановились на немъ.

Рука его безсильно опустилась.

— Благодарю тебя!—сказалъ онъ горячо.

Она вернулась на свое мѣсто. Воцарилось глубокое молчаніе.

Ему казалось, что онъ совершилъ преступленіе, которое увеличивалось съ каждой минутой молчанія. Онъ долженъ былъ заставить себя говорить.

— О чемъ я тебя спрашивалъ? Да... вотъ: кто тебя научилъ шить?

Тѣмъ временемъ нитка у нея выскочила изъ иглки. Она хотѣла снова вдѣтъ ее, но маленькая стальная иголочка дрожала въ пальцахъ, какъ камышъ при дуновеніи вѣтра.

— Это было въ домѣ священника, — отвѣтила она смущенно.—Елена хотѣла...—Она остановилась, потому что при звукѣ дорогого имени, которое онъ впервые услышалъ изъ ея устъ, онъ весь вздрогнулъ, какъ отъ удара хлыста.

Она приняла его возбужденіе за гнѣвъ и боязливо спохватилась:

— Я хочу сказать: барышня, батюшкина дочь...

— Хорошо, — сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживаясь.— Иди спать!

Въ эту ночь Болеславъ вынесъ тяжелую борьбу.

Ему казалось, что образъ чистой, невинной дѣвушки былъ оскверненъ съ той минуты, какъ его глаза съ удовольствіемъ остановились на этой падшей женщинѣ. И самъ онъ былъ оскверненъ этой мимолетной лаской.

Какъ же возвратить себѣ снова душевный миръ и чистоту?

Прежде всего надо было выяснитъ дѣло съ Еленой, чтобы онъ чувствовалъ себя сильнымъ въ борьбѣ съ обманомъ чувствъ и съ подтачивающимъ сомнѣніемъ. Онъ такъ спѣшилъ приступить въ исполненіе свое рѣшеніе, что всталъ среди ночи, чтобы начать дѣло.

При свѣтѣ лампы онъ написалъ Еленѣ письмо, въ которомъ обѣщалъ ей вѣчную любовь и вѣрность и умолялъ дать ему вѣсточку, чтобы онъ зналъ, будетъ-ли она съ нимъ въ горѣ, какъ и въ счастья, и можетъ-ли онъ думать о томъ, чтобы завоевать ее на зло небу и аду.

Съ каждой строчкой ослабѣвала его душевная робость, и когда онъ снова легъ спать, ему показалось, что сильнымъ напряженіемъ воли онъ сразу исполнилъ давно лежавшій на немъ долгъ.

— Возьмешься-ли ты, Регина, — спросилъ онъ ее на другой день вечеромъ, — передать это письмо дочери священника, но такъ, чтобы никто не увидѣлъ?

Секунду она смотрѣла на него широко-раскрытыми глазами, потомъ опустила ихъ и прошептала:

— Хорошо, господинъ!

— А если тебя поймають деревенскіе?

— Тѣ-го! — сказала она, презрительно пожимая плечами, какъ она всегда дѣлала, когда говорила о деревенскихъ.

Подобно тѣни, промелькнула она мимо его окна и исчезла въ сумеркахъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Она не возвращалась. Онъ сталъ беспокоиться и упрекать себя, что ради своихъ сердечныхъ дѣлъ онъ ставитъ на карту ея жизнь.

Наконецъ, около полуночи послышался скрипъ наружной двери.

Вся посинѣвшая отъ холода, дрожа такъ, что у нея стучали зубы, она появилась на порогѣ, держа письмо окоченѣвшими пальцами.

Онъ велѣлъ ей прижаться къ печкѣ и далъ ей выпить вина; тогда только она оказалась въ состояніи говорить.

— Я все время лежала подъ заборомъ у священника, въ снѣгу, — сказала она, — но мнѣ не удалось ее увидѣть. Сейчасъ она потушила свѣчку въ своей спальнѣ, я и пошла домой. Но вы не сердитесь, господинъ. Можетъ быть, завтра мнѣ посчастливится.

Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы она повторила такую опасную прогулку; но когда на слѣдующій вечеръ она пред-

стала передъ нимъ, готовая отправиться въ путь, онъ не сказалъ ей: нѣтъ.

На этотъ разъ она вернулась съ разгорѣвшимися щеками, еле переводя духъ. Двое возвращавшихся изъ Чернаго Орла крестьянина замѣтили ее и погнались за нею.

— Но завтра, господинъ, навѣрное удастся,—сказала она.

И сказала правду.

Едва переводя дыханіе, какъ и наканунѣ, но съ радостно блестящими глазами, она вошла около десяти часовъ вечера въ его комнату и съ порога торжествуяще протянула къ нему пустыя руки.

— Слава Богу,—подумалъ онъ,—въ четвертый разъ я-бы не пустилъ ее.

Съ радостнымъ оживленіемъ она стала рассказывать. Цѣпная собака, Султанъ, ее давно знала, а кромѣ того, она на всякій случай захватила съ собой кусокъ ветчинной кожи. Она поднялась на черное крыльцо и стала смотрѣть въ замочную скважину.

— Въ сѣняхъ стоитъ большой кухонный шкафъ, и я подумала: когда Елена, я хочу сказать барышня, станетъ выдавать къ слѣдующему утру муку и кофе, то она непремѣнно будетъ здѣсь. И, дѣйствительно, господинъ, вдругъ я вижу свѣтъ, и она стоитъ въ трехъ шагахъ отъ меня.

Онъ глубоко вздохнулъ. Счастливая! она ее видѣла!

— Я тихонько открыла дверь и позвала ее: Елена! Барышня Елена!.. Какъ только она меня увидѣла, какъ закричить и уронила свѣчку... Елена, говорю я ей, я тебѣ ничего не сдѣлаю худого. А вотъ тебѣ письмо отъ барчука Болеслава... Тогда она вдругъ вся задрожала, еле взяла въ руки письмо, крича при этомъ въ полномъ ужасѣ: уходи, уходи отъ меня! Я еле успѣла ей сказать о почтовомъ ящикѣ, что у подъемнаго моста, какъ она уже захлопнула дверь и заперла ее на ключъ и на задвижку... Господи; Боже мой!—прибавила она съ страдальческой улыбкой,—я привыкла къ такому обращенію, но, вѣдь, въ этотъ разъ я была вашей посланной.

Онъ взялся руками за голову. Поведеніе Елены заставило его задуматься.

Конечно, ему не слѣдовало подвергать ее встрѣчѣ съ опозоренной товаркой дѣтскихъ игръ. Неудивительно, что ея цѣломудренное, чистое сердце судорожно сжалось при видѣ этой женщины.

Съ этихъ поръ Регина ежедневно бѣгала къ подъемному мосту, чтобы узнать, нѣтъ-ли отвѣта отъ Елены въ почтовомъ ящикѣ. Но ящикъ былъ пустъ.

Настроеніе Болеслава, которое стало было проясняться, сдѣлалось опять грустнымъ и суровымъ, душу его терзали мучительныя мысли.

Его гордость не хотѣла допустить, чтобы любимая женщина могла отвернуться отъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставалось почти сомнѣнія въ томъ, что она считала себя свободной и не желала больше имѣть никакого отношенія къ его существованію. Ему казалось, что, вмѣстѣ съ надеждой завоевать ее, рушилась и вся великая работа его будущаго.

Прошло много дней, пока это настроеніе исчезло; лишь съ ослабленіемъ лихорадочной тревоги ожиданія, покой и силы стали медленно возвращаться къ нему.

Онъ снова набросился на работу и опять искалъ доказательствъ въ пользу отца.

Доказательства путались. Въ однихъ письмахъ къ отцу относились, какъ къ преданному прусскому патриоту; въ другихъ—какъ къ одному изъ передовыхъ борцовъ за польскую свободу. Конечно, это могли быть просто цвѣтистыя фразы, имѣвшія цѣлью окончательно перетянуть къ себѣ колебавшагося человѣка, но опубликовать ихъ—значило вторично выставить покойнаго къ позорному столбу.

Единственнымъ отдохновеніемъ Болеслава въ этой безнадежной борьбѣ съ истиной были тѣ вечерніе часы, когда присутствіе Регины наводило его на другія мысли.

Какое-то необыкновенно пріятное чувство, смѣшанное съ тревогой, овладѣвало имъ, какъ только она садилась противъ него. Иногда, когда онъ передъ ея приходомъ, склонивъ голову, прислушивался къ смутно доносившемуся шуму изъ кухни, его вдругъ охватывалъ такой страхъ, что хотѣлось вскочить и закричать ей: останься тамъ, не приходи! и тѣмъ не менѣе, когда она входила, онъ облегченно вздыхалъ.

— Меня тянетъ къ ней одиночество,—говорилъ онъ себѣ часто,—вѣдь, она носитъ человѣческій образъ, и въ устахъ ея звучитъ человѣческая рѣчь.

Часто, когда, нагнувшись надъ своимъ шитьемъ, она, молча, выравнивала стежокъ за стежкомъ, онъ закрывалъ глаза и прислушивался къ ея дыханію. То былъ полный, медленный, тихо замиравшій звукъ, какъ тихая музыка, раздававшійся въ его ушахъ. То былъ приливъ и отливъ цѣлаго океана ея жизненной силы. Когда она долго сидѣла въ согнутомъ положеніи и потомъ вдругъ выпрямлялась, вытягивала впередъ руки—могучая грудь ея, туго стянутая платьемъ, глубоко вздымалась. Ей какъ будто нужно было время отъ времени удостовѣриться въ той полнотѣ жизни, которая была въ ней ключомъ.

Затѣмъ, она снова склонялась надъ работой и продолжала спокойно шить.

Скоро ея общество стало для него дорогимъ, почти необходимою привычкой. Лампа горѣла свѣтлѣй, когда ея свѣтъ отражался на бѣлой ткани, и часовая стрѣлка бѣжала бы-

стрѣй, когда ее не подгонялъ нетерпѣливый взоръ. Вѣтеръ, такъ мрачно завывавшій и свистѣвшій въ вѣтвяхъ деревьевъ, принималъ нѣжный, тихій, убаюкивающій тонъ, и даже бревна старой крыши не такъ громко трещали и скрипѣли.

Съ ужасомъ ждалъ онъ тѣхъ вечеровъ, когда она, съ наступленіемъ сумерекъ, отправлялась въ Бокельдорфъ, и не разъ уже приходила ему мысль пойти съ нею вмѣстѣ.

Но эта на видъ совмѣстная тихая жизнь носила въ себѣ отраву.

Иногда, когда онъ долго смотрѣлъ на нее, его вдругъ охватывало мучительное желаніе покопаться въ ранахъ ея прошлаго и разспросить ее объ отношеніяхъ къ покойнику. Нѣкоторое время онъ удерживался отъ вопросовъ, которые жгли ему языкъ, такъ какъ онъ чувствовалъ, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ, но желаніе вспыхивало съ новою и новою силою.

— Она единственная свидѣтельница злодѣянія, — говорилъ онъ себѣ, — болѣе того: она единственная сообщница... Только она одна можетъ разсказать мнѣ, что было.

И вотъ однажды вечеромъ онъ рѣзко и повелительно прерывалъ молчаніе, которое такъ долго оказывало на него благотворное дѣйствіе. Она вспыхнула и опустила руки на колѣни.

— Вы опять на меня разсердитесь, господинъ! — сказала она нерѣшительно.

— Дѣлай, что я тебѣ приказываю.

Она искала словъ.

— Это было такъ давно, — проговорила она умоляющимъ голосомъ, — и притомъ я не умѣю разсказывать.

— Но ты можешь отвѣчать на мои вопросы.

Она покорилась судьбѣ.

— Кто первый заговорилъ съ тобой о ночномъ походѣ?

— Баринъ.

Онъ закусилъ губы.

— Какъ это случилось?

— Баринъ приказалъ мнѣ прислуживать за столомъ и велѣлъ зажечь большую люстру, которая никогда не зажигалась. У меня даже закружилась голова, когда я внесла супъ въ залъ: до того всѣ золотые мундиры французовъ блестѣли при этомъ освѣщеніи. Они смѣялись, показывали на меня и что-то говорили по-французски, чего я не понимала.

— Сколько ихъ было?

— Пятеро и еще сѣдой, — главный начальникъ. Когда я подошла къ нему съ супомъ, онъ обнялъ меня за талию. А я поставила тарелку ихватила его по пальцамъ. Тогда они снова всѣ разсмѣялись, а баринъ сказалъ: «не будь такой душой, Регина»! Мнѣ стало стыдно, что самъ баринъ мнѣ говорить это, и я сказала громко, что не буду подавать, если со мною станутъ такъ обращаться. Они еще громче разсмѣя-

лись, а главный ихъ начальникъ заговорилъ со мной по-нѣмецки. Онъ залепеталъ, какъ маленькія дѣти; говорилъ— въ родѣ того что, я красивая, славная дѣвушка. А баринъ прибавилъ: «дѣвушка, которая можетъ вамъ оказаться и очень полезной...» или что-то въ этомъ родѣ. Когда-же я въ концѣ обѣда принесла ликеръ, онъ взялъ меня за ухо и тихо, шопотомъ сказалъ, чтобы я пришла къ нему ночью.

Болеславъ вскочилъ.

— Что-же ты сдѣлала?

Она опустила глаза.

— Ахъ! господинъ! къ чему вы спрашиваете? я вѣдь это часто дѣлала и, право, не думала ничего худого.

Онъ вспыхнулъ.

— Сколько тебѣ было лѣтъ тогда?

— Пятнадцать, господинъ.

— И ты была уже такой испорченной, такой...

Онъ задыхался отъ гнѣва.

Она посмотрѣла на него съ невыразимой грустью.

— Я знала, что вы разсердитесь,—возразила она,—но я не могу себя сдѣлать лучше, чѣмъ я есть.

— Продолжай!

— Когда я пришла къ нему въ полночь, онъ еще не ложился и ходилъ большими шагами вокругъ стола; онъ спросилъ меня, хочу-ли я заработать большія деньги. Конечно, баринъ, сказала я, съ удовольствіемъ... вѣдь, въ то время я была еще бѣдной! Тогда онъ спросилъ меня: боюсь-ли я темноты? Я засмѣялась и сказала, что онъ это лучше меня знаетъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ, чтобы испытать меня, и, наконецъ, спросилъ: возьмусь-ли я черезъ часъ провести французъ по Кошачьей дорогѣ и черезъ лѣсъ. Я стала плакать, потому что французы вели себя въ замкѣ ужасно и бѣжали за дѣвушками по всѣмъ угламъ. Я боялась, чтобы они не совершили надо мною насилія.

— Такъ этого ты все-таки боялась? — вставилъ Болеславъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Да, и сказала барину, что ни за что не пойду. Но онъ страшно разсердился, схватилъ меня за плечи такъ, что я упала на колѣни, и сталъ кричать на меня, что я неблагодарная женщина, что онъ меня съ позоромъ прогонитъ въ деревню и расскажетъ пастору, что я за дѣвушка, а тотъ на меня наложитъ церковное покаяніе... Потомъ онъ схватилъ меня за горло... и вотъ, господинъ, когда я стала задыхаться...

— Замолчи!—крикнулъ онъ и, схвативъ письма, которыя должны были обнаружить невинность его отца, разорвалъ ихъ въ клочки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мирный уголокъ Финляндіи.

У западной окраины Финляндіи, въ южной половинѣ страны, пріютился ничтожный городокъ Тавастгусъ (Tavastechus); по своимъ размѣрамъ онъ меньше многихъ нашихъ деревень; въ немъ всего на всего пять тысячъ жителей. Удаленный отъ берега Финляндскаго залива на 130 верстъ, Тавастгусъ лишенъ почти всякаго политическаго значенія. Когда-то этотъ уголокъ былъ мѣстомъ кровавыхъ битвъ; въ 1249 году неугомонный вассалъ шведскаго короля Биргеръ Ярлъ построилъ здѣсь неприступный замокъ «Тастборгъ» съ башнями и забрами изъ дикаго камня. Въ 1660 году замокъ сгорѣлъ, и потомки Ярла, возстановивъ его, основали по близости вышшій городъ. Въ настоящее время старый замокъ передѣланъ въ женскую исправительную тюрьму, а Тавастгусъ превратился въ самый обыденный, мирный городокъ страны. Описаніе его даетъ картину жизни любого финскаго неприморскаго городка, обыкновенно служащаго центромъ просвѣщенія для окружающихъ деревень. Простой перечень 14-ти учебныхъ заведеній города уже указываетъ на такую его роль. Въ Тавастгусѣ имѣется лицей (восьми классовая мужская гимназія), двѣ женскія гимназіи (финская и шведская), учительская семинарія, высшая школа ткачества, двѣ высшія народныя школы (для мальчиковъ и дѣвочекъ), воскресная школа для рабочихъ, низшая школа, исправительная школа, приготовительная, воскресная «Свободной церкви», тюремная школа, русская школа.

Прежде всего нельзя не отмѣтить чертъ, общихъ воимъ этимъ учебнымъ заведеніямъ (кромя русской школы). Составъ учащихся въ гимназіяхъ, школахъ, семинаріи—почти исключительно крестьянскій и мѣщанскій, дворянъ среди нихъ очень мало. На лѣтніе каникулы лицеисты-крестьяне возвращаются въ свои деревни, гдѣ обрабатываютъ землю вмѣстѣ съ семьей. Равенство сословій среди учащихся особенно сказывается въ вышней школѣ ткачества, куда поступаютъ взрослые дѣвушки разныхъ состояній, прошедшія прежде разныя школы: здѣсь дочери именитыхъ гражданъ и дочери бѣдныхъ поденщиковъ, окончившія университетъ и прошедшія лишь народную школу, но отношенія между всѣми совершенно равныя, простыя. Обращеніе на-

чальства, и преподавателей между собою и съ учащимися чуждо какого бы то ни было формализма; въ классахъ съ маленькими и во время занятій со взрослыми и директора, и учителя говорятъ и общаются, какъ съ совершенно равными. Во всѣ школы широко раскритъ входъ для каждаго, желающаго осмотрѣть ихъ, побывать на занятіяхъ, поучиться преподаванію. И гимназическія, и школьныя бібліотеки—общедоступны.

Случается, что изъ Гельсингфорса по собственному почину прѣзжаютъ студенты университета и читаютъ въ школахъ лекціи сверхъ программы; эти лекціи чаще всего происходятъ во время уроковъ рукодѣлія или ремесла. На постоянныхъ ученическихъ литературно-музыкальных вечерахъ и спектакляхъ можетъ бывать каждый горожанинъ, каждый прѣзжіи. Ученики и ученицы высшихъ народныхъ школъ, лицей, гимназій издаютъ свои газеты, еженедѣльники (го-нечно, рукописные); авторы подписываютъ полностью имена; нія ходятъ по рукамъ обывателей. Въ театрѣ, въ играхъ наравнѣ учениками запросто выступаютъ ихъ преподаватели. Понятно, что, благодаря всему этому, связь между школой и городомъ очень тѣсная.

Здѣшняя гимназія (классическій лицей) даетъ одинаковыя права съ реальнымъ лицеемъ, почему родители, мечтающіе о поступленіи дѣтей въ университетъ, не принуждаются къ отдачѣ ихъ на терза-ніе классиками. Въ учительской семинаріи обученіе совмѣстно для мужчинъ и женщинъ; сюда принимаются лица, окончившія народную школу. Семинарія подготавливаетъ слушателей въ учительскій институтъ и выпускаетъ учителей, разбѣжающихся по деревнямъ для устройства временныхъ школъ. Курсъ—годовой. Въ «Arbets-skola» г-жи Veterhoff,—высшей школѣ ткачества,—обученіе опять таки совмѣстное для обоихъ половъ. Учениками могутъ быть всѣ съ образовательнымъ цензомъ не ниже народной школы и не мо-ложе 16 лѣтъ. Ткачество поставлено на строго научную почву: даже детали техники выясняются математическимъ путемъ; въ школѣ имѣется отдѣленіе для учительницъ; окончившіе его приглашаются преподавателями не только въ Финляндіи, но и за границу. Издѣлія школы пользуются европейскою извѣстностью и постоянно награждаются медалями на разныхъ выставкахъ; но въ Россію они не попадаютъ, благодаря нашей высокой, почти за-претительной таможенной пошлинѣ. Курсъ наукъ—двухгодичный. Въ обѣихъ высшихъ народныхъ школахъ обученіе бесплатно (если не считать ежемѣсячнаго взноса въ 10 пеей — 2½ копѣйки!). И мальчики, и дѣвочки получаютъ одинаковое образова-ніе. Школьныя бібліотеки имѣютъ всѣ изданія, разрѣшенныя цен-зурой страны; въ каталогахъ значатся переводы и тѣхъ русскихъ произведеній Л. Н. Толстого, Тургенева и др., которые не допу-скаются не только въ наши народныя школы, но и въ наши гим-назій, хотя пропущены общей цензурой. Всякій, хотя бы и посто-ронній школѣ обыватель можетъ читать въ бібліотекахъ и брать

бесплатно на домъ книги. Кромѣ высшихъ школъ въ Тавастгусѣ имѣется «воскресная школа для рабочихъ», совмѣстная для мужчинъ и женщинъ; она устроена «рабочимъ обществомъ», о которомъ рѣчь впереди. Занятія проходятъ подъ руководствомъ преподавателей лица по праздникамъ днемъ и по буднямъ вечеромъ въ зданіи высшей мужской школы. Обученіе бесплатно, но книги, бумага и т. п. приобретаются слушателями на собственный счетъ. Только окончившіе воскресную или высшую школу могутъ получить званіе подмастерья. Кромѣ чтенія, письма, географіи, исторіи, ариметики и т. п., здѣсь проходитъ черченіе, бухгалтерія, технологія, химія, принаровленная къ ремесламъ, и т. п. Для поступления въ высшую школу необходимо пройти низшую, которая помѣщается въ отдѣльномъ громадномъ зданіи. Обученіе въ ней бесплатно. Курсъ двухлѣтній. Для устройства такихъ школъ установленъ особый приходскій сборъ со всѣхъ женатыхъ. Когда дѣти достигаютъ семилѣтняго возраста, они начинаютъ ходить въ школу. Въ низшей школѣ обученіе совмѣстное для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ настоящее время всѣхъ учениковъ числится 390. Проходится: родной языкъ, чтеніе, письмо, ариметика, законъ Божій, хоровое пѣніе, рисованіе и гимнастика. Наконецъ, имѣются еще пять школъ: исправительная школа, находящаяся въ трехъ километрахъ отъ города, въ которую поступаютъ всѣ исключаемые изъ низшей городской школы за малоуспѣшность или дурное поведение; отсюда уже не исключаютъ и стараются лишь исправить «отверженныхъ»; приготовительная школа—для подготовки желающихъ поступить въ лицей; воскресная—«Свободной церкви»; русская школа, содержимая на средства благотворительности, и тюремная школа для женщинъ-арестантокъ, не старше 40 лѣтъ, съ программой низшей школы и бесѣдами, мало чѣмъ отличающимися отъ бесѣдъ въ воскресной школѣ «Свободной церкви».

Но не только различныя учебныя заведенія указываютъ на просвѣтительную роль города. Въ Тавастгусѣ выходятъ двѣ газеты, имѣется нѣсколько библиотекъ. Городская публичная библиотека состоитъ изъ финскихъ книгъ и небольшого количества старинныхъ шведскихъ. Библиотека лица—изъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Остальныя библиотеки, въ томъ числѣ библиотека различныхъ обществъ и тюремная, заполнены исключительно финскими изданіями. Обѣ Тавастгусскія газеты не ежедневныя. «Тавастгусянинъ» («Nämäläinen»), посвященный чисто мѣстнымъ вопросамъ, выходитъ два раза въ недѣлю и стоитъ въ годъ 3 марки 20 пеней, т. е. 80 копѣекъ (по курсу 1 р. 20 к.). «Тавастгусское слово» выходитъ три раза въ недѣлю и посвящено общегосударственнымъ интересамъ; плата въ годъ—4 марки (1 рубль). Распространенность газетъ въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ удивительна. Ничего подобнаго мы, русскіе, не видимъ у себя. Каждый чернорабочій, каждая торговка, при-

слуга и господа—все, рѣшительно все, выписываютъ газеты, разсуждаютъ съ ними въ рукахъ. Нечего и говорить о томъ, что библиотеки съ бесплатными читальнями для крестьянъ, существующія при каждой деревенской церкви, получаютъ эти газеты во многихъ экземплярахъ. Въ окрестностяхъ Тавастгуса приходится часто встрѣчать дровосѣковъ: медленно движется возъ, нагруженный сосновыми полѣньями, на немъ возсѣдаетъ бѣдно одѣтая дѣвушка и читаетъ, она вся ушла въ свой «Nämäläinen».

Степень культурности даже такихъ незначительныхъ городовъ Финляндии, какъ Тавастгусъ, сказывается тѣмъ, что въ послѣднемъ имѣются: театръ, телефонъ, телеграфъ, три гостиницы, разнообразныя магазины, двѣ больницы, четыре банки, двѣ аптеки, двѣ фотографіи, много каменныхъ домовъ въ нѣсколько этажей, освѣщеніе фонарями всехъ улицъ, мостовыя и тротуары, не уступающіе петербургскимъ, наконецъ, извозчики съ маленькими, очень быстрыми, рысатыми лошадами, лихо носящимися поведку подъ перезвонъ бубенцовъ—и все это на пять тысячъ жителей!

Театръ устроенъ при самой большой гостиницѣ въ городѣ и представляетъ громадную залу со сценой. Въ театрѣ все служащія, прислуга, капельдинеры—исключительно женщины. Полноменовъ,—какъ нигдѣ въ городѣ, кромѣ вокзала,—не видать даже около подъѣзда во время спектаклей. Въ театрѣ бываютъ и чернорабочіе, одежда въшата на любой крючекъ, торчащій въ стѣнѣ корридора, но никто не охраняетъ ее, такъ какъ и безъ этого ничто не пропадаетъ. Спектакли идутъ оравнительно часто: не менѣе одного въ двѣ недѣли. Играютъ пріѣзжающіе актеры, почти исключительно финны. Но, кромѣ того, постоянно устраиваются любительскіе спектакли въ домахъ различныхъ обществъ. Случаются и концерты; они даются обыкновенно въ городской ратушѣ.

Большое значеніе въ жизни не одного Тавастгуса, но и всей Финляндии, имѣетъ телефонъ; онъ не только соединяетъ большинство домовъ города, но и самый городъ со всеми крупными пунктами страны,—напр., съ Гельсингфорсомъ, Выборгомъ, Таммерфорсомъ, Або, Улеаборгомъ и т. д., со многими деревнями на разстояніи 600 верстъ. Годовой абонементъ телефона обходится въ 35 марокъ (8 руб. 75 коп.); во всякомъ магазинѣ, лавчкѣ, у каждаго сапожника, столяра предлагается бесплатное пользованіе телефономъ, за пользованіе же иногороднимъ взимается 50 пеней (12 коп.). Это даетъ громадное сбереженіе времени.

Изъ двухъ больницъ одна—городская, бесплатная, другая—частная, платная назначена для богатыхъ классовъ: въ ней каждому больному полагается отдѣльная комната. Кромѣ того, за городомъ находится пріютъ для душевно-больныхъ.

Оригинальный обычай существовалъ еще четыре года тому назадъ въ баняхъ Тавастгуса: здѣсь мужчины и женщины мылись вмѣстѣ. Теперь, по настоянію «общества рабочихъ» и двухъ мѣст-

ныхъ газетъ, это совмѣстное мытье и купаніе прекращено, хотя и до сихъ поръ во всѣхъ баняхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ моютъ банщицы и въ номерахъ, и въ общихъ отдѣленіяхъ; впрочемъ, этотъ порядокъ принять по всей Финляндіи, а также Швеціи и Норвегіи.

Тавастгусъ построенъ вокругъ грандіозной площади, отъ которой расходятся улицы въ видѣ радіусовъ. Разъ въ годъ, — въ ночь передъ 1-мъ января, всѣ горожане собираются сюда и привѣтствуютъ другъ друга. Какъ только соборные часы отбиваютъ двѣнадцатый ударъ, съ церковной башенки раздается хоралъ, исполняемый духовнымъ оркестромъ любителей ремесленниковъ, послѣ хораля гремитъ народный гимнъ родитѣй, и публика толпами отправляется по домамъ. Вокругъ площади огруппированы магазины, губернаторскій домъ, ратуша, аптеки. Около аптекъ стоятъ всѣ городскіе извозчики. Желающій нанять извозчика говоритъ объ этомъ по телефону въ любую изъ аптекъ. Аптекарь звонитъ въ колоколъ, придѣланный у дверей. Извозчикъ ѣдетъ къ нему за 10 пеней получаетъ билетикъ съ написаннымъ адресомъ нанимателя. Такъ какъ во всѣхъ городахъ Финляндіи для извозчиковъ установлена такса (50 пеней конекъ, 25 — кварталъ), то никакихъ недоразумѣній быть не можетъ. Зимой въ городахъ, даже по центральнымъ улицамъ, ѣздятъ на лыжахъ, почему мало пользуются извозчиками; но въ Тавастгусѣ, Або и еще нѣкоторыхъ мѣстахъ каждый мужчина и женщина запасаются особенными узенькими, длинными (до двухъ саженъ) саночками; на ползьяхъ саночекъ находится ступа съ высокой спинкой, изъ двухъ палокъ и перекладины; на ступѣ садятся только дамы, обыкновенно же сюда помѣщаются поклажу. Ъдущій становится одной ногой на полость и, держась за перекладину спинки, подталкивается другой ногой, сапогъ которой снабженъ желѣзной подошвой. Ъздоки на ровныхъ дорогахъ достигаютъ быстроты хорошей лошади и дѣлаютъ очень большіе концы. Въ Тавастгусѣ постоянно устраиваются гонки до Гельсингфорса, а вѣдь между ними до 100 верстъ.

Таковы внѣшнія условія жизни маленькаго финскаго городка. Вполнѣ естественно, что здѣшній обыватель совершенно не похожъ на нашего русскаго. Тутъ всѣ, безъ различія положенія и ранговъ, знакомы другъ съ другомъ, тутъ нѣтъ замкнутости, нѣтъ пресловутыхъ картъ и попоекъ, нѣтъ одиноко гибнущихъ силъ. Общественныя инстинкты развиты до чрезвычайности. И чиновникъ, и купецъ, и ремесленникъ, посвящаютъ свободное время разнообразнѣйшимъ клубамъ, фрейнамъ, обществамъ, ассоціаціямъ. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить столько довольныхъ людей, здоровыхъ и душою, и тѣломъ, вѣчно веселыхъ, вѣчно напѣвающихъ. А вѣдь говорятъ, что финны по природѣ угрюмы.

Почти всѣ городскіе рабочіе Тавастгуса образуютъ особое общество — «общество рабочихъ» («Työväen yhdistys» или по шведски:

«Arbetare förening»), въ члены общества принимаются всѣ лица, сташе 18-лѣтняго возраста безъ различія пола и національности. Такія общества существуютъ въ каждомъ городѣ страны, но они пока не объединены между собой. Задача общества—улучшеніе быта рабочихъ, распространеніе образованія между ними, введеніе 8—10 часового рабочаго дня, всеобщей равноправности, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, въ подачѣ голоса при выборахъ депутатовъ въ сеймъ, ратушу и т. д. Въ настоящее время въ Тавастгусъ этимъ обществомъ объединено болѣе 200 рабочихъ. Во главѣ общества стоятъ двѣ комиссіи, избираемыя на годъ: одна для управленія дѣлами общества—изъ 5 членовъ, другая—для устройства увеселеній рабочихъ *)—въ ней число членовъ не опредѣлено. Въ обѣихъ комиссіяхъ могутъ участвовать и женщины, по пока онѣ засѣдаютъ только въ комиссіи увеселеній. На общихъ собраніяхъ председательствуетъ президентъ «ферейна», пользующійся правомъ голоса въ обѣихъ комиссіяхъ. Члены общества платятъ въ годъ три марки (75 коп.), въ мѣсяцъ 25 пеней, кромѣ того, вновь присоединяющіеся одновременно вносятъ 1 марку 50 пеней. Общество нанимаетъ большой домъ, содержитъ воскресную школу, о которой мы уже говорили, имѣетъ свою столовую, бібліотеку и читальню, зимою свой катокъ для конькобѣжцевъ,—главнымъ образомъ, дѣтей членовъ общества. Въ этомъ году комиссія по устройству увеселеній, кромѣ катка, открыла періодическіе концерты, литературные вечера, а на Рождество одѣлала для всѣхъ бѣдныхъ дѣтей города елку, съ играми, спектаклемъ, музыкой, пѣніемъ и подарками; на елкѣ, между прочимъ, были розданы денежные подарки и бѣднымъ вдовамъ. Въ Тавастгусѣ почти нѣтъ заводовъ: три пивоваренныхъ, винный, да лѣсопильный, фабрикъ немногимъ больше, недавно построены: суконная, папирсовая, паровая мельница и переплетная. Рабочій день обыкновенно 12 часовый, если сюда включить и промежуточное время для отдыха. Такъ, на винномъ заводѣ—отъ 8 часовъ утра до 8 вечера, то же на суконной фабрикѣ, на лѣсопильномъ отъ 6 часовъ утра до 6 час. пополудни. Положеніе рабочихъ можетъ иллюстрировать переплетная фабрика.—Это большая зала съ 5 большими окнами; въ ней 8 станковъ и одна машина для линованія бумаги. Работаютъ 6 женщинъ и двое мужчинъ. Работа начинается въ 7 час. утра и продолжается одинъ часъ, послѣ чего завтракъ въ теченіе $\frac{1}{2}$ часа, (въ большинствѣ городскихъ фабрикъ и заводовъ—одинъ часъ). Затѣмъ работа продолжается до 1 часу пополудни, когда дается $1\frac{1}{2}$, (бываетъ и 2) часа на обѣдъ. Отъ

*) Задача этой комиссіи—посредствомъ устройства всякихъ раціональныхъ развлеченій поднимать какъ умственный, такъ и нравственный уровень рабочихъ, расширять ихъ потребности, заполнять все свободное время общественными и культурными интересами. Но развлеченія, устраиваемыя комиссіей, не должны носить характера благотворительности, а должны occupare.

2½, работа тинется уже до 8 часовъ, иногда до половины 8-го вечера (на остальныхъ фабрикахъ до 7 час. вечера). По субботамъ вездѣ работа оканчивается въ 6 часовъ, и рабочіе идутъ въ контору къ хозяевамъ для совмѣстнаго чтенія евангелія и молитвъ. Такимъ образомъ, работаютъ собственно 11—10 часовъ въ день. Мастеръ получаетъ въ мѣсяцъ до 100 марокъ—4 марки въ день, женщинамъ-же работницамъ дается въ день 1 марка 50 пеней, а въ мѣсяцъ около 40 марокъ.

Среди тавастгусскихъ организацій особенный интересъ представляетъ «Алку-юхтіонъ»—домъ рабочихъ на общихъ началахъ. Хотя тавастгусскій «Алку» сравнительно незначителенъ, но уставъ его утвержденъ уже Сенатомъ для примѣненія по всей странѣ и, не смотря на недавность возникновенія, находитъ уже подражателей въ разныхъ городахъ. Общій домъ рабочихъ основанъ въ 1892 году по предложенію г. Ібкъ—мастера городской переплетной фабрики, видѣвшаго такой-же домъ въ Гельсингфорсѣ. Г. Ібкъ сначала убѣдилъ пятерыхъ рабочихъ взяться за устройство его, а затѣмъ объявилъ въ двухъ мѣстныхъ газетахъ о своемъ планѣ, приглашая всѣхъ желающихъ присоединиться; г. Ібкъ доказывалъ, что рабочимъ нужно просить заимообразно у государства деньги, съ легкимъ, долгосрочнымъ погашеніемъ на постройку общаго дома, что въ такомъ домѣ каждый плательщикъ рабочій со временемъ пріобрѣтетъ въ собственность свою квартиру, изъ которой его никто не прогонитъ. Послѣ публикаціи образовалось новое общество изъ 18 человекъ; въ составъ его вошли самые разнообразные рабочіе, ремесленники и одинъ купецъ (два сапожника, столяръ, портной, мясникъ, почтальонъ, механикъ, переплетчикъ, извозчикъ и т. д.). Всѣ собрались на частной квартирѣ; для начала постройки каждый внесъ по 350 марокъ (87 рублей 50 коп.); обсудивъ планъ дома, выработавъ свой уставъ, общество подало прошеніе въ Сенатъ о заимообразной ссудѣ въ 60 тысячъ марокъ. Сенатъ отвѣтилъ, что согласенъ дать деньги на слѣдующемъ условіи: общество собираетъ 30 т. марокъ (7500 руб.), занимаетъ въ частномъ банкѣ подъ поручительство Сената 25 тысячъ марокъ; по окончаніи постройки Сенатъ даетъ обществу деньги для уплаты въ банкъ и кредиторамъ, а общество дѣлается должникомъ государства. Но и этихъ денегъ было недостаточно; тогда членъ общества—единственный не рабочій и не ремесленникъ, владѣлецъ мѣхового магазина г. Линдквистъ далъ взамы 28,800 марокъ, и домъ былъ оконченъ. Постройка обошлась въ 73 тысячи марокъ, (18,250 рублей), ею бесплатно завѣдывалъ лучший городской архитекторъ г. Гелингъ. Земля была куплена у города, съ уступкой, за 1500 марокъ. «Алку—юхтіонъ» состоитъ изъ 4-хъ большихъ деревянныхъ, одноэтажныхъ зданій, расположенныхъ покоемъ, выходящихъ фасадами на три улицы. Въ домѣ 19 квартиръ, каждая съ отдѣльнымъ крыльцомъ во дворѣ. Посреди двора устроены въ особомъ каменномъ зданіи двѣ хлѣбныя

пекарни съ цементнымъ поломъ, служащая и прачешными, наконецъ, во дворѣ же пріютился небольшой деревянный сарайчикъ и конюшня для лошади извозчика. Домъ записанъ на имя общества, но каждый членъ—хозяинъ своей квартиры, которая можетъ переходить по наслѣдству и быть продаваема. Только 19-я квартира принадлежитъ всему обществу и одается имъ въ наемъ. Когда «Алку» былъ построенъ, общество устроило «аукціонъ» для избѣжанія споровъ, кому какую квартиру занять: давшіе больше на ускоренное погашеніе долга общества государству (марокъ 50) выбирали ее первыми. При займахъ, въ финляндскихъ банкахъ принято взимать съ должниковъ, кромѣ погашенія, 7%; сенатъ установилъ для общества льготныя условія: онъ тоже беретъ по 7%, но изъ нихъ 3% идутъ на погашеніе долга; такимъ образомъ, общество платитъ государству только 3%, % на занятый капиталъ и въ 20 лѣтъ надѣется выплатить весь долгъ. Каждый хозяинъ квартиры вноситъ черезъ кассу общества въ госуд. банкъ каждые 3 мѣсяца по 50 марокъ (12 руб. 50 к.), что не превышаетъ обычной наемной платы за квартиру, кромѣ того, каждый даетъ въ то-же время еще 8 марокъ на благоустройство дома. Если кто не можетъ уплатить въ срокъ слѣдующаго взноса по болѣзни, безработицѣ и т. п., общество дѣлаетъ отъ себя такой взносъ, но не внесшіи денегъ возвращаетъ ихъ потомъ уже съ процентами въ пользу общества. Не платящій въ теченіе года по рѣшенію общества лишается права на квартиру, и тогда она можетъ быть продана съ аукціона. Ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ всѣ члены «Алку-юхтіонъ» охотятся въ большую комнату рабочей столовой и выбираютъ на годъ по большинству голосовъ завѣдующаго домою и особый совѣтъ изъ пяти человекъ. Обязанности завѣдующаго сводятся къ наблюденію за порядкомъ, чистотою двора, за наймомъ 19-й квартиры; онъ собираетъ со всѣхъ хозяевъ деньги для уплаты процентовъ и погашенія на занятый капиталъ; завѣдующій распоряжается общей кассой, самостоятельно расходуетъ суммы, нужныя на благоустройство. Въ экстренныхъ случаяхъ совѣтъ созываетъ общія собранія всѣхъ хозяевъ. На этихъ собраніяхъ каждое лицо, хотя-бы и хозяинъ двухъ квартиръ, имѣетъ по одному голосу, и собраніе считается состоявшимся, если присутствуетъ $\frac{2}{3}$ общаго числа хозяевъ. Отсутствующій можетъ дать довѣренность члену общества на свой голосъ. На годовомъ собраніи завѣдующій домою долженъ представить счета всѣхъ расходовъ, для ревизіи которыхъ избирается коммиссія изъ двухъ хозяевъ; эти-же два члена разбираютъ всѣ денежныя неудовольствія на завѣдующаго.

Ремонтъ зданій производится на счетъ всѣхъ, а внутреннія передѣлки на счетъ хозяина квартиры. Желавщій продать свою квартиру долженъ предварительно за три мѣсяца заявить совѣту, который передаетъ этотъ вопросъ на общее собраніе. Если члены общества недовольны однимъ изъ хозяевъ, они могутъ созвать общее собраніе, но только единогласно 17 голосами рѣшается пред-

ложение объ удаленіи такого лица; въ послѣднемъ случаѣ общество входитъ въ соглашеніе съ нимъ о продажѣ квартиры.

Таковъ «домъ рабочихъ на общихъ началахъ». Имъ уже заинтересованы не только Тавастгусскіе рабочіе, желающіе устроить еще нѣсколько такихъ-же домовъ, но и рабочіе всей Финляндіи. Недавно рабочіе изъ Тамерфорса и Або обратились въ «Алку-хтiонъ» къ г. Іёккь съ просьбой прислать печатный уставъ общества, утвержденный Сенатомъ для примѣненія во всей странѣ. Въ Тамерфорсѣ число рабочихъ, желающихъ образовать такой-же домъ, достигло пятидесяти.

Среди членовъ Тавастгусскаго «Алки» до сихъ поръ не было никакихъ недоразумѣній: одинъ хозяинъ продалъ свою квартиру, причемъ вернуть всѣ расходы, другой не платилъ болѣе года по болѣзни, и общество сдало въ наемъ его квартиру, но, когда онъ поправился, ему вернули ее назадъ.

Очень характерною для всей Финляндіи, между прочимъ, и для Тавастгуса, является противопожарная организація городовъ. Дома здѣсь болѣею частію деревянные и строятся безъ брантмауэровъ; понятна поэтому опасность всѣхъ при малѣйшемъ пожарѣ. Въ каждомъ городѣ Финляндіи существуетъ городская пожарная команда, и каждый постоянный житель мужского пола, безъ различія положенія, достигнувъ 18 лѣтъ, *обязанъ* приписаться къ ней и дѣлать ежегодные взносы. Но во многихъ городахъ, среди нихъ и въ Тавастгусѣ, сѣорганизована еще «вольная пожарная команда», бесплатное присоединеніе къ которой освобождаетъ отъ необходимости приписки къ городской. Кроме того, членами вольной пожарной команды могутъ быть мальчики отъ 14 лѣтъ и даже женщины. Во время пожаровъ члены вольной команды тушатъ, спасаютъ и т. д., члены-же городской и мальчики помогаютъ имъ. Всего членовъ въ «вольной пожарной командѣ» болѣе 300; мужчины раѣпредѣлены на 7 ротъ: 4 роты трубниковъ и 3—топорниковъ; женщины образуютъ свою роту, имѣющую особое назначеніе—устраивать увеселенія пожарнымъ, аллегри-лотереи, оборы для улучшения постановки противопожарнаго дѣла. Въ Тавастгусѣ «вольная пожарная команда» существуетъ уже 20 лѣтъ; она имѣетъ собственный домъ, построенный на пожертвованія и на деньги, занятыя безпроцентно у города (20 тысячъ марокъ). Домъ двухэтажный. въ нижнемъ этажѣ имѣется зала, гдѣ пожарные обучаются своему дѣлу, гдѣ бывають спектакли, гдѣ, наконецъ, пожарныхъ угощаютъ пивомъ послѣ пожара. Члены «вольной пожарной команды» надѣваютъ передъ явкой на пожаръ и на смотръ синія блузы и черныя кожаныя каски съ мѣднымъ гребнемъ. Каждый приноситъ свои ручныя орудія: топоры, веревки, выдаваемые обществомъ вмѣстѣ съ касками на домъ. Особыхъ пожарныхъ каланчей въ городѣ нѣтъ, но о пожарѣ дается знать съ церковныхъ колоколенъ, на которыхъ ночью дежурятъ сторожа въ устроенныхъ для этого подѣ

куполомъ комнаткахъ. Во время пожара члены «вольной команды» ссылаются еще и барабаннымъ боемъ, и трубными сигналами. Все пожарные обязаны являться на пожаръ; съ неявившихся безъ уважительной причины взыскивается штрафъ, идущій на улучшение противопожарнаго дѣла. Лица, которые по своимъ занятіямъ не могутъ явиться, дѣлаютъ объ этомъ предварительное заявленіе. За испорченную на пожарахъ одежду общество платитъ своимъ членамъ. Каждый годъ бывають общія собранія «вольной команды», на которыхъ читаются отчеты о дѣятельности общества, происходят выборы начальниковъ и т. д.

Кромѣ городской и вольной пожарныхъ командъ, Тавастгусъ охраняется отъ пожаровъ еще и нѣкоторыми специальными мѣрами: во всякомъ дворѣ должна быть бочка на колесахъ, о постройкѣ каждой печки дается знать въ ратушу, и магистратъ, осмотрѣвъ постройку, рѣшаетъ вопросъ о возможности таковой; каждый, имѣющій во дворѣ лошадь, обязанъ посылать ее съ бочкой для воды (ни городская, ни вольная пожарная команды не имѣютъ своихъ лошадей.).

Какъ во всякой протестантской странѣ, въ Финляндіи широко распространенъ раціонализмъ. Горожане, не отдавшіеся рабочей организаціи, школѣ, не захваченные потокомъ разнообразныхъ партійныхъ обществъ, идутъ въ «Армію спасенія», «Свободную церковь» и другія полу-религіозные, полу-благотворительные союзы.

«Армія спасенія» Финляндіи, во главѣ съ бригаднымъ командиромъ—дѣвицей Гартманъ, является отраслью англійской арміи спасенія и подчинена отчетностью ей генералу Бутсу; финляндская «армія» разбита на отдѣльные отряды изъ солдатъ, поручиковъ и капитановъ, разъѣзжающихъ по всей странѣ. Почти въ каждомъ городѣ «армія» содержитъ собственную квартиру; но отряды не долго засиживаются на одномъ мѣстѣ, они уѣзжаютъ и на смѣну имъ прибываютъ другіе. Всякій желающій, не мѣняя своей дѣятельности и мѣстожительства, можетъ приписаться къ арміи солдатомъ, послѣ произнесенія молитвы и обѣщанія вести скромную жизнь. Но чины даются лишь бригаднымъ командиромъ, назначаемымъ въ Финляндіи генераломъ Бутсомъ. Дѣятельность членовъ арміи—двойкая: они устраниваютъ особенныя полу-религіозныя службы для жителей города, а въѣ службы занимаются благотворительностью; впрочемъ, и службы совершаются собственно для отвлеченія «отверженныхъ» отъ кабаковъ, публичныхъ домовъ и т. д. Солдаты (ими могутъ быть мужчины и незамужнія женщины) ходятъ по публичнымъ домамъ, трактирамъ, къ больнымъ для утѣшенія и ухода, подбираютъ на улицахъ пьяныхъ и уводятъ къ себѣ до вытрезвленія, оказываютъ всякую помощь бездомнымъ дѣтямъ, всюду, гдѣ удается, убѣждаютъ вести честную, трезвую жизнь, быть вѣжливыми, обращаться ко всѣмъ съ любовью безъ различія религіи и положенія и не забывать вѣру отцовъ. Каждый солдатъ даетъ отчетъ въ своей дѣятельности поручику, поручикъ—капитану,

капитанъ—бригадному командиру. Армія спасенія содержится исключительно на пожертвованія и на сборы; она издаетъ свою газету подъ редакціей бригаднаго командира, выходящую въ Гельсингфорсъ на финскомъ и на шведскомъ языкахъ одинъ разъ въ недѣлю (по субботамъ); названіе газеты—«Кличъ войны» («Soota-Nuoto», шведское: «Krigs-röret»). Плата въ годъ—2 марки 60 пеней, отдѣльный номеръ—10 пеней. Въ газетѣ помѣщаются рисунки, разныя въ шведскомъ и финскомъ изданіи. Рождественскій номеръ выходитъ съ картиной, виньетками и шрифтомъ краснаго и зеленаго цвѣта.

Для образчика приведемъ одну изъ статей новогодняго номера газеты, называется она «På besök».

«Въ гостяхъ можно услышать много такого, что при иныхъ условіяхъ не было-бы извѣстно. Однажды произошелъ слѣдующій случай, который мы записали. Въ якій день Богъ привелъ насъ въ одинъ домъ. Тамъ жили двѣ женщины. Когда мы вошли, одна изъ хозяекъ пригласила насъ сѣсть, другая ушла въ софійную комнату. Мы сѣли на просторную качалку и умыслились въ ней. Преслѣдуя нѣкоторое время, мы начали говорить о спасеніи, о святости и т. д. Тутъ въ комнату зашелъ одинъ мужчина, который на наши увѣщанія о спасеніи отзывался очень дерзкимъ тономъ: «я также спасенъ, какъ и вы», но затѣмъ онъ спросилъ: «что-же такое это спасеніе?» Тогда мы спросили у него, имѣтели ли онъ желаніе кинуть грѣшную жизнь и обратиться къ Богу. Этотъ вопросъ онъ, вѣроятно, понялъ, но ему это не понравилось. Онъ вспыхнулъ, всталъ со стула и спросилъ насъ: «что-же худого я сдѣлалъ?! Вѣрно, вамъ хочется, чтобъ я ушелъ отсюда и повѣсился?!»

Мы не испугались его дерзкаго поведенія; въ немъ было что-то и смѣшное, и наивное, такъ что мы не могли удержаться отъ смѣха. Еще болѣе сердитый, онъ вырвалъ трубку изъ рта, сталъ передъ нами, спросилъ вторично—идти-ли ему повѣситься, и называлъ насъ лѣнтяйками и т. д. Вторая хозяйка, заинтересовавшись этимъ разговоромъ, вошла въ комнату, гдѣ мы были, и дала ему чашку кофе. Но онъ былъ такъ разстроенъ, что не могъ удержать въ рукахъ чашки. Когда онъ, наконецъ, выпилъ свой кофе, онъ снова началъ говорить также вспыльчиво и долго не могъ замечъ потушенной трубки.

Неизвѣстно, сколько времени онъ такъ говорилъ бы еще, еслибы мой товарищъ не заплѣлъ. Это было больше, чѣмъ онъ могъ вытерпѣть: съ бранью и дерзкими словами онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Мы больше не могли удержаться и захохотали. Мы не знаемъ, что было причиною нашего смѣха. Навѣрно, это была Божья воля для того, чтобъ мы могли показать безумному, какъ у насъ весело на душѣ. (Въ печатномъ текстѣ слѣдуетъ большое пустое мѣсто, на которомъ одиноко стоитъ слово «icke»: отрицаніе—

же). «Не наше дѣло, сердиться, злость принадлежитъ дьяволу. Мы выпили кофе и, ставъ на колѣни, молили Бога за того человѣка, который ушелъ отъ насъ. Выйдя изъ квартиры мы благодарили Бога въ сердцахъ. O. L. et O. H.—Lovisa».

Въ прошломъ году въ газетахъ «Арміи спасенія» постоянно сообщалось о ходѣ дѣятельности ея не только въ Финляндіи, но и въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ въ Японіи, Китаѣ, Америкѣ и Австраліи; кромѣ того, здѣсь помѣщались рассказы изъ первыхъ временъ христіанства и рассказы о нравственныхъ перемѣнахъ жизни вновь присоединившихся солдатъ.

Въ Тавастгусѣ, комната, гдѣ происходятъ засѣданія «Арміи спасенія», находится во второмъ этажѣ пристройки къ гостинницѣ трезвости. На улицѣ у входнаго крыльца виситъ вывѣска. Въ самой комнатѣ съ сѣренъкими обоями сооруженъ помостъ; на помостѣ возвышается каяедра, обитая синимъ сукномъ, на каяедрѣ одѣлана надпись: *Hänen vengensä hurjimmaskin puhdiscaa voi*: «черезъ него мы можемъ очиститься отъ всѣхъ грѣховъ». За каяедрой на помостѣ три ряда скамеекъ для солдатъ, тутъ же у «алтаря» садятся капитанъ и поручикъ арміи (двѣ дѣвушки). На стѣнѣ, надъ скамьями красуется очень эффектное знамя Тавастгускаго отдѣленія. Рядомъ со знаменемъ, на кускѣ черной бумаги и красномъ кумачѣ — бѣлыми буквами надпись: «Милости просимъ», «Вѣра твоя спасла тебя», «Кровь и спасеніе», «Приготовьтесь, Іисусъ Христосъ скоро придетъ», «Чистые сердцемъ Бога узрять». По бокамъ каяедры стоятъ двѣ разукрашенныя елки, сохранившіяся отъ рождественскихъ праздниковъ. Елки эти были устроены для бѣдныхъ дѣтей, здѣсь же кормили передъ святками 120 нищихъ. Кромѣ того, около каяедры стоитъ красная палка, оканчивающаяся позолоченнымъ факеломъ и краснымъ флагомъ съ синей каймой, желтой звѣздой по срединѣ и надписью такой же, какъ на знамени, украшающемъ стѣну. Лѣтомъ съ этимъ флагомъ отрядъ арміи спасенія и его гости ходятъ въ паркъ, гдѣ служба происходитъ на открытомъ воздухѣ.

Вся часть комнаты, свободная отъ каяедры и помоста, занята 15-ю скамьями, на которыхъ разсаживается болѣе 200 слушателей. Особенно много ихъ бываетъ во время пріѣзда бригаднаго командира—г-жи Гартманъ. Служба арміи спасенія состоитъ изъ пѣнія, рѣчей о новой жизни, чтенія евангелія, проповѣдей, тутъ же дѣлаются и сборы пожертвованій. Во время службъ всѣ присутствующіе въ комнатѣ равны: и капитанъ, и солдатъ, и послѣдняя проститутка. Каждый можетъ запѣть свой гимнъ, начать говорить о своей жизни. Дѣвушки-солдаты сидятъ и здѣсь въ своихъ черныхъ шляпахъ, со спущенными длинными полями, мужчины держатъ въ рукахъ черныя фуражки съ краснымъ околышемъ и надписью по послѣднему «*pelastus armeia*». Намъ помнится одинъ рассказъ солдата «арміи спасенія», бывшаго моряка, о перемѣнѣ жизни. Въ

качества матроса онъ попалъ въ С.-Франциско. Однажды, прогуливаясь въ кабакахъ, онъ шелъ по улицѣ и вдругъ увидалъ роту дѣтей-дѣвочекъ, солдатъ Арміи спасенія, съ дѣвочкой же во главѣ. Онъ заплѣли, но такъ трогательно, что ему показалось, будто онъ на небесахъ. Онъ двигалась далѣе, и онъ послѣдовалъ за ними, прослушалъ ихъ службу, былъ потрясенъ, далъ себѣ обѣщаніе не пить и, ѣдучи назадъ на кораблѣ, все время молился за своихъ пьянствующихъ и дерущихся товарищей. На многихъ изъ тавастгусцевъ проповѣдь членовъ Арміи спасенія имѣла облагораживающее вліяніе; извѣстные всѣмъ въ городѣ отчаянные забулдыги одѣлались неузнаваемыми. Ни про одного солдата не было слышно, чтобъ онъ велъ себя плохо. Всякій, даже отвергнутый всѣми, можетъ найти дружески протянутую руку солдата арміи. Тѣмъ не менѣе и народъ, и рабочіе относятся къ Арміи спасенія насмѣшливо, а молодежь позволяетъ себѣ шутки во время службъ. Въ прошломъ году 7 молодыхъ рабочихъ шумѣли и смѣялись во время службы. Капитанъ попросилъ ихъ выйти; они остались, но когда армія и публика заплѣли гимнъ, похожій по мотиву на вальсъ, они поднялись съ мѣстъ и начали танцовать попарно передъ касседрой. За эту продѣлку шутникамъ было запрещено являться на засѣданія въ теченіе двухъ недѣль. Такъ какъ въ городѣ всѣ знаютъ другъ друга, то нарушить это распоряженіе оказалось невозможнымъ. Рабочіе начали тогда безобразничать у входа въ квартиру отдѣленія Арміи. Тогда нѣсколько горожанъ подали губернатору просьбу о воспрещеніи членамъ Арміи спасенія вѣзда въ городъ; губернаторъ, уважая права всѣхъ гражданъ, по справедливости не согласился на это. Въ настоящее время службы Арміи въ Тавастгусѣ проходятъ каждый день по вечерамъ, по буднямъ отъ 8 до 10 часовъ, а по праздникамъ отъ 6 до 10 часовъ.

Кромѣ «Арміи спасенія», почти во всѣхъ городахъ Финляндіи существуютъ отдѣленія такъ называемой «Финляндской свободной церкви». («Fri Kyrka»). Свободная церковь по своимъ задачамъ то же, что и Армія спасенія, но подчинена своему «Альянскому дому» («Aljanshuset»), находящемуся въ Гельсингфорсѣ. Альянскій домъ исполняетъ то же, что и отдѣленія, но считается главнымъ, служить имъ примѣромъ. Свободная церковь—организация болѣе серьезнаго характера; въ ней нѣтъ ребяческой обстановки; члены ея не имѣютъ никакихъ названій, тѣмъ паче чиновъ, не носятъ никакой формы, не посылаютъ рапортовъ; Армія спасенія состоитъ изъ простонародья, людей, подчасъ не принимаемыхъ ни въ какія другія общества, Свободная же церковь захватываетъ и интеллигенцію, и богатые классы населенія страны. Свободная церковь богаче Арміи, содержитъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ въ Китаѣ, Японіи, Индіи, Африкѣ и т. д. Изъ шести финскихъ клубовъ въ Нью-Йоркѣ одинъ—Свободной церкви. Въ Западной Европѣ и Америкѣ такія учрежденія, какъ «Свободная церковь», распростра-

нены широко. Когда въ Финляндію приѣзжаютъ члены такихъ свободныхъ церквей, они приглашаются служить во всякое отдѣленіе, начиная съ «Альваскаго», о приѣздѣ ихъ публикуется въ газетахъ. Свободная церковь содержитъ постоянныя квартиры во всѣхъ городахъ, а въ Гельсингфорсѣ и въ Таммерфорсѣ имѣетъ собственные дома. Свободная церковь издаетъ свою газету на финскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ и на шведскомъ въ г. Экнесѣ. «Suomen Wilkolehti» («Финскій ежедневный листокъ») выходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Въ немъ 8 страницъ, размѣра русской «Недѣли», но внѣшность чрезвычайно скромная, чуждая эффектовъ газеты Арміи Спасенія. Подписка принимается въ Гельсингфорскомъ книжномъ миссіонерскомъ магазинѣ. Плата въ годъ 3 марки 88 пеней (90 коп.), одинъ экземпляръ—10 пеней.

Тавастгусское отдѣленіе свободной церкви помѣщается въ одномъ зданіи съ городской переплетной. На улицѣ только вывѣска фабрики. Уже передняя полна народомъ, стоящимъ и сидящимъ на скамьяхъ; изъ передней открыты двери въ просторную комнату. У стѣны противъ дверей на небольшомъ помостѣ—кухонный столикъ, покрытый бѣлой скатертью съ красной каемкой; на столикѣ — Евангеліе, карандашъ; рядомъ — стулъ. Надъ столикомъ на стѣнѣ въ черной рамкѣ за стекломъ по бѣлому фону написано: «Bered dic att möta din gud!» («Приготовься встрѣтить твоего Бога!»), затѣмъ тутъ же на четырехъ-угольномъ кускѣ чернаго картона выведено по-фински золотыми буквами: «Jesus yksin!» («Иисусъ одинъ!»), на простомъ бѣломъ листкѣ бумаги съ черной каемкой: «Tule ja savгаа minua!» («Иди и будь съ нимъ въѣстъ»), и наконецъ: «Katso mina tulen pian!» («Смотри, я скоро приду назадъ!»). Вся комната освѣщается двумя обыкновенными маленькими стѣнными лампочками и третьей, опускающейся съ потолка. Въ комнатѣ всего два окна, съ тюлевыми занавѣсками; въ углу около окна пріютилась фисгармонія. Вся остальная часть комнаты занята десятью рядами скамей, и въ каждомъ ряду помѣщается болѣе 10 человекъ. Публика, главнымъ образомъ,—изъ женщинъ, дѣтей, много интеллигенціи, но мужчины всѣ одѣты бѣдно; у каждаго въ рукахъ молитвенникъ и Евангеліе,—собралось сюда не менѣе 150 человекъ. За столикомъ стоитъ высокій, худой господинъ въ обычномъ черномъ пиджакѣ, въ крахмальной сорочкѣ; его блѣдное, изможденное лицо съ большими выпуклыми лбомъ—одухотворено, онъ говоритъ горячо, убѣжденно, держа въ рукѣ Евангеліе; иногда онъ читаетъ изъ него отрывки... Это г. Нурми—механикъ при тюремной паровой машинѣ, сегодняшній дежурный: завтра его смѣнитъ нарочито приѣхавшій изъ Гельсингфорса студентъ университета. Г. Нурми говоритъ о томъ, что многіе плохо живутъ, не имѣютъ понятія о Богѣ и толкуютъ Евангеліе въ свою пользу, извращая его. Но когда человекъ перемѣняетъ жизнь, онъ начинаетъ слѣдовать истинному Евангелію и

любить людей даже самых последних. Любовь—главнѣйшее для людей, только при ней весело имъ. Нужно всёмъ соединиться передъ Богомъ и тогда всёмъ, всёмъ людямъ будетъ хорошо жить. Г. Нурми садится на стулъ, склоняетъ голову и начинаетъ думать. Всѣ тоже склоняютъ головы... Но вотъ г. Нурми произноситъ: «Амен!». За нимъ поднимается финскій солдатъ и начинаетъ рассказывать про жизнь Христа, зоветъ къ единенію, но говорить, что война—зло неизбежное, бывшее и во времена Давида, что въ настоящее время противъ нея нельзя бороться, что нужно единиться духовно. Когда онъ кончаетъ, г. Нурми предлагаетъ спѣть 91-й псаломъ. Раздается стройное, прекрасное пѣніе всѣхъ присутствующихъ, дѣтскіе голоса подхватываютъ... Г. Нурми сходитъ съ помоста, садится за фисгармонію и, улыбаясь, разговариваетъ съ дѣвушкой, сидящей рядомъ; спустя нѣсколько времени, она идетъ уже въ толпу съ деревянной копилкой въ рукахъ и собираетъ деньги съ присутствующихъ; г. Нурми также кидаетъ свою монету. Послѣ пѣнія проповѣдуетъ дѣвушка-крестьянка; за нею встаетъ старикъ-чернорабочій, изможденный, больной; онъ говоритъ тихо, задыхаясь, помахивая мозолистыми, закоптылыми руками; большіе впалые глаза горятъ; онъ убѣждаетъ, что лучше всего перемѣнить жизнь смолodu, что старику трудно мѣнять ея; рабочій смолкаетъ. Изъ-за фисгармоніи снова поднимается г. Нурми и начинаетъ читать новгородный номеръ «Suomen Viikkolehti».

Окончивъ чтеніе, г. Нурми сообщаетъ публикѣ о днѣ и часѣ будущей службы и предлагаетъ спѣть 92-й псаломъ. Опять раздается стройное пѣніе... Этимъ пѣніемъ кончается служба, и всѣ расходятся по домамъ.

Вл. Беренштамъ.

ПОРТНОЙ.

(Изъ еврейскаго быта).

Вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ портной Герохимъ шьетъ у себя на дому. Въ этотъ день, когда начинается рассказъ, онъ съ минуты на минуту ожидаетъ. хозяина дома, который еще вчера общался зайти за квартирными деньгами, и каждый разъ тревожно выглядываетъ въ окно, не идетъ-ли?

Между прочимъ, онъ успѣлъ уже облить водой кончики пальцевъ, наскоро помочиться, продумать цѣлый рядъ грустныхъ мыслей и нѣсколько разъ рассердиться на докучливыя приставанія многочисленныхъ чадъ своихъ.

Сидитъ онъ теперь, заложивъ одну ногу на другую, непричесанный, въ одной рубахѣ, босой, и лицо его сонное, помятое.

Онъ шьетъ нервно, торопливо, но часто совершенно непроизвольно мигаетъ глазами, и потому работа его подвигается медленно.

На другомъ концѣ комнаты возится съ дѣтьми жена его, Ципка, худенькая, заморенная женщина, со средоточеннымъ и скорбнымъ лицомъ. Она стоитъ надъ корытомъ и моетъ восьмилѣтней Ханкѣ голову горячей водой, думая свою однообразную, печальную думу, не подозрѣвая, что горячая вода жжетъ Ханкину голову, и что ногти ея чуть не до крови царапаютъ у Ханки кожу. Она моетъ, моетъ, скребетъ и зорко глядится въ воду, почернѣла-ли она отъ грязи.

Ханка худенькая, тоже заморенная, но умная дѣвочка. Она твердо знаетъ, что кричать нельзя, и потому употребляетъ геройскія усилія, чтобы легко поддаваться во всѣ стороны, куда мать гнетъ ее. Притомъ Ханка знаетъ, что самое ужасное въ этой операціи только впереди, когда Ципка начнетъ расчесывать ея густые волосы. Вотъ когда будетъ настоящее горе! Сколько разъ Ханка просила Бога сдѣлать такъ, чтобы волосы ея порѣдѣли, чтобы она совсѣмъ даже безъ волосъ осталась, но никогда Богъ не слушаетъ ея!

— Пусти же, — вдругъ раздался надъ ней голосъ Ципки, —

долго я надъ тобой тутъ стоять буду. Слава Богу, ты не одна у меня.—Ханка съезжилась и, какъ резиновая, стала поворачиваться, подниматься и опускаться подъ умѣлыми руками Ципки.

— Ты сказала что-нибудь,—очнувшись, спросилъ Иерохимъ, и потеръ кулакомъ глаза,—или мнѣ послышалось?

— Ничего, я сказала только, что, слава Богу, Ханка у меня не одна; ты же, бѣдненькій, никогда не знаешь, что вокругъ тебя дѣлается? Развѣ ты зналъ, почему у меня Ханка не одна, думалъ ты когда-нибудь объ этомъ? Конечно, когда человѣкъ шьетъ сюртукъ, то развѣ онъ можетъ еще что-нибудь знать?

— Ты, вѣроятно, встала съ лѣвой ноги, Ципка: наша время о чемъ говорить. Ты развѣ не знаешь, что вотъ, вотъ онъ зайдетъ за деньгами, и у меня просто сердце кончается отъ заботы. Развѣ я имѣю, чѣмъ ему уплатить? Другая жена хоть вздохами помогла бы, а ты ругаешься.

— Ну, конечно, конечно, я непременно должна молчать. У насъ вѣдь такъ хорошо, что я могу сложить руки и ничего не дѣлать. Я прикажу моей служанкѣ убрать наши великолѣпныя комнаты. Потомъ я съ дѣточками и моимъ дорогимъ мужемъ сядемъ пить чай. Потомъ мой дорогой мужъ пойдетъ въ свою лавку, а я съ нашими дѣточками отправлюсь, какъ всѣ богатыя дамы, погулять. А кухарка въ это время приготовитъ намъ прекрасный обѣдъ. Конечно, я должна молчать, конечно! О, несчастный дурень, калѣка негодный,—вдругъ страстно набросилась она на него,—и затѣмъ, затѣмъ только ты женился. Если мужчина не умѣетъ зарабатывать, то онъ жить не смѣетъ, а ты женился... ты дѣтей цѣлыхъ восемь душъ имѣешь!

— Ну, для чего, скажи, для чего ты мучаешь меня теперь? Развѣ это поможетъ? Развѣ я не хочу или я отказываюсь отъ работы? Но когда Богъ наказываетъ человѣка, то онъ наказываетъ его уже во всемъ! Ты только посмотри на меня, развѣ такія руки могутъ хорошо работать? Ну, посмотри же, отчего же ты не смотришь?

Иерохимъ всталъ съ мѣста, протягивая ей руки, державшія сюртукъ,—такой худой, узкій, съ всклокоченной сѣдовой бородежкой, торчавшей на бокъ, герой труда и страданій! Ципка мелькомъ взглянула на него и быстро отвернулась. Слезы защекотали ей глаза, и тихая скорбь охватила ее.

— Я же и думала,—спокойнѣе начала она,—чѣмъ мнѣ служанкой оставаться,—то лучше я за кого-нибудь замужъ выйду. Нельзя же вѣчно не имѣть своего угла? Я развѣ дурное хотѣла? Мнѣ говорили, что ты можешь заработать копейку, что ты тихій, добрый. Что я могла знать? Я думала: работаю же я у чужихъ, такъ я эту работу лучше для себя сдѣлаю. Я буду работать, ты будешь работать. Пока годы идутъ, можно и копейку отло-

жить. Сколько дѣвушекъ я знала такихъ же, какой и я была. И онѣ вышли замужъ. Конечно, онѣ отъ того не стали богачками, потому что отъ этого не становятся богатыми. Но все-таки онѣ живутъ, дай Богъ и мнѣ такъ. Онѣ и работаютъ, но онѣ и отдыхаютъ. А я хоть одну спокойную минуту знала у тебя, субботу я знала, праздникъ я знала! Работай для чорта и больше ничего. Сегодня вымыла, вычистила, сегодня починила, завтра починила, а отложила-ли я хоть копейку, спроси меня? Когда я служила, то знала, что каждый мѣсяцъ у меня четыре рубля останется. Иначе, откуда я бы взяла дать тебѣ къ свадьбѣ 50 рублей, если бы не откладывала? Теперь бы я попробовала откладывать. Я бы вѣчно въ дѣвушкахъ осталась. А почему все это? Потому, что ты калѣка, а не портной; ты можешь только пословицу сказать, а не спать скрутку.

Ципка ядовито усмѣхнулась, вылила въ ведро грязную воду и взялась за хромоногую Любку. Семилѣтняя Любка со страхомъ ожидала своей очереди, а за ней шли Давидка, Левка, Берка, Софка, Розочка.

Іерохимъ отъ природы былъ человѣкъ тихій и не задорный и спорить не хотѣлъ. Развѣ споры чему-нибудь помогаютъ. Ну, пусть Ципка немножко не права, но развѣ ему отъ этого хоть двадцать копеекъ останется?

А Ципка все не унималась. Теперь она уже свернула на то, что вообще происходило въ то время, когда она еще дѣвушкой была; потомъ на то, что Іерохимъ сейчасъ же послѣ свадьбы поселился съ молодой неопытной женой у своей сестры, которая съѣдала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери изъ груди высосала; потомъ шли воспоминанія о томъ, какъ ихъ гнали изъ квартиры на квартиру; далѣе шли жалобы на то, что теперь она, Ципка, должна жить рядомъ со старшей сестрой Іерохима, такой же зѣмой, какъ и младшая. Іерохимъ не зналъ, куда спрятаться отъ ея уколовъ.

— Ну довольно уже, довольно,—бормоталъ онъ.—Умывай своихъ дѣтей. Развѣ непременно нужно говорить, когда работаешь. Тихе, вотъ онъ идетъ.

Іерохимъ вдругъ замолчалъ, точно внезапно задавленный. Сердце его замирало въ агоніи дѣтскаго страха и лихорадки. Такія же чувства испытывать онъ въ годы ученія, когда приходилось съ испорченной работой являться предъ грозными очами хозяина. Ципка тоже замолчала и затрепетала. Судорога пробѣжала по ея тѣлу, и дыханіе упало. Что они теперь будутъ дѣлать? О, несчастная дура, и зачѣмъ, зачѣмъ только она вышла замужъ!

А онъ входилъ уже. Не вѣдая и не подозревая, что вызывалъ въ этихъ бѣднякахъ его приходъ, онъ спокойно потребовалъ денегъ.

Іерохимъ стоялъ на вытяжку и коснѣющимъ языкомъ просилъ отсрочки.

Онъ еще вчера относилъ работу, но ему не уплатили и просили подождать нѣсколько дней. Что Іерохимъ могъ сдѣлать: портные вѣдь всегда должны ждать. Но это ничего, это совершенно ничего. Вѣдь, господинъ хозяинъ такой добрый. Онъ всегда жалѣлъ Іерохима. А Іерохимъ исправный человекъ, Іерохимъ всегда былъ и будетъ исправнымъ. Только бы Богъ далъ, чтобы ему честно платили за работу, а Іерохимъ чужой копейки не заматаетъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Съ вами всегда больше возни, чѣмъ со всякимъ, — нахмурился хозяинъ. — Что же мнѣ даромъ эта квартира далась, съ неба она упала, что-ли? Жди да жди, всегда одна пѣсня: великое дѣло четыре рубля собрать за мѣсяцъ. Плюнуть вѣдь да и только. У другого и двухъ минутъ не пришлось бы ждать.

— Зачѣмъ у другого! Для чего у другого? Я развѣ не хорошъ, — затревожился Іерохимъ. — Ну я днемъ позже плачу, ну что же тутъ такого? Я вѣдь исправный, я всегда исправный, я чужую копейку не люблю мотать. Вотъ только, Богъ дастъ, получу и первому вамъ, вамъ первому, сами ѣсть не будемъ. Правда, Ципка?

Іерохимъ почти дрожалъ, выпаливая эти слова, и съ тревогой думалъ, что хозяинъ, пожалуй, уже и сдать другому квартиру. А куда онъ пойдетъ съ своими дѣтьми? Кто приметъ его съ кучей дѣтей за четыре рубля въ мѣсяцъ? А деньги на перевозку рухляди гдѣ онъ возьметъ, а гдѣ взять на задатокъ? О, проклятая, проклятая жизнь! Ципка давно уже бросила Любку, такъ и оставшуюся у корыта, и при послѣднихъ словахъ Іерохима подошла вплоть къ нему, какъ бы желая защитить его и подтвердить его слова.

— Такъ когда же, однако? — спросилъ хозяинъ, искренно желавшій поскорѣе уйти изъ этой конурки, гдѣ его начинало тошнить отъ этихъ людей, отъ запаха нищеты и отъ этой грязи.

— Завтра, завтра, — быстро отвѣтилъ Іерохимъ, — конечно, завтра, ну, самое позднее, такъ послѣзавтра. Я исправный человекъ, ей Богу, я ничѣй копейки не заматаю, нѣтъ, нѣтъ! Хозяинъ, не отвѣчая, вышелъ. Іерохимъ въ безсиліи упалъ на стулъ.

— Вотъ кто меня доканаешь, вотъ гдѣ моя смерть!

Ципка съ ненавистью глянула на Іерохима и принялась опять за Любку.

— И, знаешь, что еще я тебѣ скажу, — прибавилъ Іерохимъ, — я, кажется, скоро ослѣпну. Я положительно перестаю видѣть. Каждый разъ у меня темнѣетъ въ глазахъ, и я не вижу, куда ткнуть иголку. Прямо Богъ наказываетъ насъ.

И онъ кулакомъ принялся протирать глаза. Ципка взглянула на него и съ силой вонзила гребень въ волосы Любки. Любка завизжала.

Въ послѣднее время, по одному довольно важному обстоятельству, вопросъ о платѣ за квартиру выступилъ въ жизни Іерохима во всей своей жестокости и принудительности.

Младшая сестра Іерохима, Фейга, та самая, которая съѣдала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери изъ груди высосала, лѣтъ восемь тому назадъ вышла замужъ за портного, человѣка достаточно смышленнаго, дѣльнаго и, что называется, себѣ на умѣ. Своимъ веселымъ нравомъ, своимъ умѣніемъ отыскать заказчика, ладить съ нимъ, угодить ему, онъ за два года усидчиваго и упорнаго труда сколотилъ сотню рублей и на эти деньги открылъ лавочку готовыхъ платьевъ на толкучемъ рынкѣ. Ему и тамъ повезло. Тогда онъ расширилъ дѣло и устроилъ при лавочкѣ мастерскую. Вотъ къ нему-то послѣ многихъ просьбъ и униженій со стороны Ципки предъ ненавистной Фейгой и попалъ Іерохимъ, работникъ завѣдомо неважный, но человѣкъ, съ которымъ можно было сдѣлать рѣшительно все. Іерохимъ пробылъ тамъ шесть лѣтъ, едва-едва сводя концы съ концами, и каждый годъ втягивался все больше въ развороченіе по милости своей семьи, которая расплодилась съ неизбѣжной послѣдовательностью изъ года въ годъ. Не мало горькихъ и тяжелыхъ минутъ пережилъ Іерохимъ въ этой средѣ, гдѣ каждый считалъ нужнымъ поглумиться и надъ его неспособностью къ работѣ, и надъ его умомъ, и надъ тѣмъ, что каждый годъ онъ обогащается наслѣдникомъ или наслѣдницей.

Іерохимъ всегда молчалъ, не отвѣчая ни на заигрыванія, ни на глумленія, и все больше уходилъ въ себя, думая о своей женѣ, о своихъ дѣтяхъ, которыхъ какъ-то по своему любилъ и даже обожалъ, никогда, впрочемъ, не обнаруживая предъ ними своихъ чувствъ.

Въ послѣдніе два года, словно снѣгъ на голову, упала на Іерохима и новая болѣе крупная и грозная бѣда. У него испортилось зрѣніе. Глаза стали слезиться и закисать, и что-то сѣрое, какъ рѣдкій туманъ, прозрачное разъ навсегда повисло предъ его зрачками. Вскорѣ появились и сильные головные боли, которые разъ отъ разу становились невыносимѣе.

Но онъ былъ настолько хитеръ, что въ мастерской никому не говорилъ объ этомъ, хотя и чувствовалъ, что дѣло его съ каждымъ днемъ становится все хуже, и опаснѣе. Такая долгая, мучительная внутренняя борьба, конечно, не могла пройти для него безнаказанно. Онъ сталъ мнительнъ и тревоженъ. Раздражавшіе и пугавшіе его образы потихоньку обращались въ особый, живой міръ, начинавшій бороться съ его дѣй-

ствительнымъ міромъ, въ которомъ онъ жить, боролся и страдалъ. Но чувство правды и мѣры оставалось въ немъ еще достаточно сильнымъ, и чѣмъ страшнѣе и несомнѣннѣе становился фантастическій міръ, тѣмъ съ большей ревностью онъ стремился убѣжать изъ него, тѣмъ горячѣе онъ оберегалъ свои будничныя мысли, съ которыми все же ему жилось и легче, и безопаснѣе. А зрѣніе продолжало упорно слабѣть. Работа уже выходила теперь хуже, какъ будто небрежнѣе, а главное медленнѣе.

— Ты когда-нибудь кончишь пить этотъ сюртукъ, Іерохи́мъ?—спрашивалъ хозяинъ.—Я еще не видалъ, чтобы человѣкъ съ такимъ холоднымъ сердцемъ работалъ. Ты вѣдь такъ зарѣжешь мою торговлю, Іерохи́мъ! Слава Богу, лавокъ довольно въ городѣ, такое счастье, какъ у меня, «они» вездѣ найдутъ!

Іерохи́мъ такъ и замиралъ отъ этихъ словъ. Вотъ чего онъ боялся, вотъ какой минуты страшился! О, несчастная жизнь!

— Что значить? Я развѣ не пью, Хаимъ, я вѣдь пью! Какъ можно! Я развѣ даромъ буду брать у тебя деньги! Нѣтъ, нѣтъ, Хаимъ, я твоей копейки не замотаю. — И потомъ, заискивающе улыбаясь, прибавлялъ:—Я немножко задумался, Хаимъ,—слава Богу, заботъ у меня мало? А сюртукъ, я сейчасъ, вотъ сейчасъ кончу. Какъ же, какъ же!

Хаимъ презрительно отходилъ прочь отъ калѣки. А Іерохи́мъ опять погружался въ свою неотвязную думу.

— Пропадутъ мои дѣтки, пропадетъ Ципка!

А тутъ наскочило и это важное обстоятельство. Пошла однажды Фейга къ Ципкѣ. Пришла, поздоровалась, сѣла, толстая такая, претолстая. Ципка, пламенно ненавидѣвшая ее, но бессильная проявить свою ненависть, послала Ханку заварить въ лавочкѣ чай, чтобы угостить гостью.

Любка въ углу возилась съ Розочкой, миленькой, черноглазой дѣвочкой и шила ей куклу изъ тряпокъ. Давидка сидѣлъ на полу и шепотомъ рассказывалъ Левкѣ о томъ, что пращикъ Васька поймалъ большого паука и понесъ его продавать въ аптеку, но что въ аптекѣ Ваську выгнали, и потому карамелей сегодня не будетъ.

А паука Васька потопилъ въ бочкѣ, что стоитъ подлѣ конюшни, и похоронилъ въ ямкѣ, въ глубокой такой ямкѣ, даже смотрѣть страшно, а Петька, другой мальчикъ, рассказывалъ, что людей тоже закапываютъ въ ямѣ, и что это очень, очень страшно. Левка, четырехлѣтній мальчуганъ, слушалъ, выпуча глаза, и часто глоталъ слюну, внимательно и сосредоточенно слѣдя за рассказомъ.

— А большой лопатой Васька копалъ?—наконецъ, спросилъ онъ и проглотилъ слюну.

— Нѣтъ, ножичкомъ, знаешь, такой маленькій ножичекъ, красивенькій такой.

Между тѣмъ, Фейга, оглаживая беременную Ципку, не утерпѣла-таки, чтобы ни уколоть ее.

Такой ужъ день сегодня у Фейги. Зашла она мимоходомъ къ длинной Песѣ, а та вдругъ—на четвертомъ мѣсяцѣ. Что Ципка скажетъ на это? Какъ это только выдержать можно. Онѣ съ ума сошли эти женщины и больше ничего. Гдѣ это видано, чтобы женщины изъ года въ годъ рожали. Не успѣла еще одного выкормить, ого! уже опять тяжелая!

Фейга быстро растегнула верхнюю кофту, точно ей сдѣлалось чрезвычайно жарко, и, не слыша возраженій Ципки, продолжала дальше.

— Я понимаю еще, если это дѣлаетъ богатая дама. Но Песи, Песи, эта длинная дура, которая пеленки не умѣетъ выстирать, у которой даже и этой послѣдней пеленки не имѣется, и та туда же съ животомъ; какъ же, пропустите и ее впередъ, вѣдь она длинная Песи! Конечно, развѣ безъ нея міръ будетъ стоять? Откуда возмутся люди, если длинная Песи не позаботится объ этомъ? Ну, положимъ, еще Песи, у той хоть мужъ на табачной фабрикѣ работаетъ и нѣтъ-нѣтъ, а въ субботу 5, 6 рублей принесетъ домой. Но что ты, Ципка, скажешь о Дворкѣ, нѣтъ, что ты, Ципка, скажешь о Дворкѣ, вотъ что я хочу знать! Какъ! ты не вѣришь? (Ципка ничего не сказала) да чтобы я не встала съ этого мѣста, на которомъ сижу, чтобы я не повела своего Ицку къ вѣнцу. Что значить? Почему Дворкѣ не быть беременной? У нея, бѣдняжки, развѣ мужа нѣтъ? Ципкѣ можно быть беременной, а Дворка не можетъ! Подумаешь.

Фейга совсѣмъ разгорячилась, и послѣднія слова вылетали изъ ея устъ на подобіе сухихъ, короткихъ выстрѣловъ.

Ципка давно догадалась, куда мѣтитъ Фейга, но заранѣе дала себѣ слово крѣпиться. Иерохимъ и такъ на волоскѣ виситъ: станетъ она еще подвергать его опасности!

— Знаешь, что я тебѣ скажу, дорогая,—сладко начала Ципка,—если мы имѣемъ дѣтей и много дѣтей, то это ни отъ чего больше, какъ отъ Бога. А если Богъ чего-нибудь хочетъ, то ты вѣдь знаешь, что такъ уже и будетъ. Оттого я не ропщу. Богъ посылаетъ дѣтей, онъ пошлетъ и для дѣтей. Иначе свѣта бы не было. Правда, это-таки тяжело прокормить восемь ртовъ, но все же, мучаешься, мучаешься, и вдругъ тебѣ придетъ въ голову, что когда-нибудь, а кончится же эта каторга. Мы развѣ не видимъ примѣровъ? Мальчикъ учится въ хедерѣ. Вдругъ у него хорошая голова. И всѣ, всѣ его хвалятъ, и сколько намъ радости. Придешь съ нимъ въ гости, сидишь, разговариваешь, и вдругъ ему говорятъ: «а, ну,

скажи-ка намъ что-нибудь изъ ученыхъ книгъ...» И вотъ онъ беретъ какой-нибудь кусочекъ Геморы и начинаетъ припѣвывать и качаться, прямо какъ настоящій ученый, и говорить, говорить... Ну, а ты съ мужемъ,—глупые, неученные,—сидишь и просто таешь отъ этихъ сладкихъ словъ. И тебѣ завидуютъ и благословляютъ утробу, что такого сына носила. А не то отдать мальчика въ контору. Вдругъ у него хорошая голова! И вотъ въ этой конторѣ онъ растетъ и растетъ. Съ какими господами имѣеть дѣло, даже подумать страшно. И на извозчикахъ развѣзжается, и одѣтъ, какъ картинка... Развѣ тогда нужно будетъ жить въ каторгѣ? Мы развѣ не видѣли примѣровъ? Ой, нѣтъ, дорогая, дѣти—это Божій подарокъ, а хорошія дѣти—это сладко, какъ рай.

— Потому-то ты и теперь беременна,—рѣзко произнесла Фейга, съ трудомъ дослушавшая Ципку.—Оттого-то Іерохимъ чуть только женился, повѣсилъ тебя на мою шею, что разсчитывалъ на такихъ дѣтей. Какъ же, такія дѣти могутъ выйти отъ твоего несчастнаго дурака. Полюбуйся на нихъ, вотъ оно все твое добро.

— Что ты имѣешь къ дѣтямъ,—вспыхнула было Ципка, закусивъ губы,—у тебя на нихъ большіе глаза, Фейга! Посмотри на своихъ лучше!

— Что такое,—быстро забарабанила Фейга,—ты говоришь о моихъ золотыхъ дѣтяхъ. А что ты увидѣла на моихъ дѣтяхъ, спрошу я у тебя? Грязныя они, калѣки они, нищіе, а! Они развѣ знали хоть капельку заботъ, со дня своего рожденія. Они вѣдь у меня, какъ куколки. Развѣ есть хоть одинъ человекъ, который, увидя ихъ, не сказалъ бы: чьи это прекрасныя дѣти? И развѣ есть одинъ человекъ, который не сказалъ, что это Фейгины съ толкучаго! О твоихъ развѣ такъ скажутъ? Ихъ убить нужно, чтобы не распложились нищіе. И тебя, и Іерохима убить нужно. Когда отецъ—калѣка, а мать только и дѣлаетъ, что ходить тяжелой, то такихъ людей убить нужно. Да, убить! Ты, можешь быть, скажешь, что нѣтъ? Я думаю, что ты скажешь—нѣтъ.

Фейга уперла руки въ бока и съ яростнымъ видомъ ждала отвѣта, чтобы растерзать Ципку. Въ это время на порогѣ показалась Бейла, старшая сестра Фейги, жившая ея подачками.

— Доброе утро, Фейга, что ты такъ портишь свою грудь? Я не могла устоять въ комнатѣ отъ жалости. Вѣдь такъ же тебя и на годъ не хватитъ. Ты развѣ одна на свѣтѣ! У тебя такой мужъ, такія дѣточки—ангелы; вѣдь нѣтъ человека, который бы не зналъ ихъ, который бы не нашелъ своего хорошаго слова для нихъ, а ты тратишь свое здоровье на пустыя дѣла. Ты хочешь съ Ципкой добратся до грунта! Если ка-

лѣтка Іерохимъ не доканалъ ее, то что ты со своими умными словами подѣлаешь?

— Зачѣмъ ты еще явилась? — сдерживая рыданія, набросилась на нее Ципка и мимоходомъ шлепнула Любку по щекѣ. — Не обойдется безъ тебя. Тебѣ 30 копеекъ захотѣлось у нея выманить, такъ ты явилась святая и добрая. А что ты вчера говорила о Фейгѣ? Ты удивлялась, какъ она не лопнетъ отъ жиру. А о дѣтяхъ ея что ты говорила? Ты ихъ называла золотушными холерами. А теперь ты святая! О подлые, подлые люди! Когда и мнѣ уже Богъ поможетъ, — разрыдалась вдругъ она. — Вѣдь у меня сердце лопнетъ, сердце мое лопнетъ изъ-за васъ. Окружила меня ваша порода, Іерохимъ развѣ не вашъ? Въ моей крови течетъ умъ, совѣсть, а у васъ что? Еще дуракъ, еще калѣка! И за что только Богъ вамъ помогаетъ! За что вы 10 лѣтъ въ моей крови купаетесь? Кто меня сдѣлалъ несчастной, кто меня въ этотъ адъ завелъ, если не ваше добро!

— Ты это слышишь, Бейла, — совершенно свободно уже раскричалась Фейга, — мы ее сдѣлали несчастной! Есть послѣ этого Богъ на небѣ? Какъ будто кто-нибудь, кромѣ нея, вышла бы замужъ за Іерохима?

Вѣдь его весь городъ зналъ за калѣку. И какъ будто, кромѣ нашего дурака, кто-нибудь другой женился-бы на Ципкѣ. А мы вамъ и помогай, точно только вы у насъ и были на головѣ. Думаешь, я не знала, что ты изъ Польши пріѣхала беременная, что твой любовникъ тебя бросилъ, что ты родила ребенка, а потомъ пошла въ мамки. Ты развѣ была честная, когда выходила замужъ? Я знала, что ты обманула Іерохима, но я не хотѣла мѣшаться. Дураку такъ и нужно было, и нечестной дѣвушкѣ тоже такъ и нужно. Чего-же ты плачешься? Развѣ я должна помогать дураку и нечестной, да я лучше собакамъ выброшу, чѣмъ вамъ. Онъ еще смѣлъ привести тебя въ мой домъ, въ мой честный домъ, и я должна была молчать. Онъ думалъ, что я тебя тоже буду гладить по головѣ, какъ и онъ, дуракъ. О! я все, все видѣла: и какъ онъ комнату подметалъ, и какъ онъ кровать убиралъ, и какъ онъ тебѣ башмаки одѣвалъ, а ты, какъ царица, сидѣла, не двигаясь. Но я знала, что все это пухъ одинъ и больше ничего. Я знала, что вотъ-вотъ наступитъ нищета, и тогда прощай любовь, прощай уборка комнаты. Пока еще были свадебные подарки, еще была любовь, еще онъ пѣлъ тебѣ жалостливыя, портняжескія пѣсенки, а проѣли подарки и совсѣмъ другое запѣли. О! я все знала, все предвидѣла: и какъ ты сама начнешь подметать и прибирать, и какъ ты начнешь его гнать отъ себя, чтобы онъ хлѣба принесъ. Но тутъ-то ты и ошиблась. Калѣка Іерохимъ не могъ прокормить жены. Дѣтей наплодить, нищихъ наплодить — это

его дѣло. Портняжескія пѣсенки пѣть,—опять-таки его дѣло, но не хлѣбъ, не хлѣбъ! Какъ же ты смѣешь говорить, что мы тебя сдѣлали несчастной. Мало я помогала вамъ? Пусть только я выгоню Іерохима, такъ вы-же всѣ, поголовно, одинъ за однимъ съ голоду умрете, и хоронить васъ на казенный счетъ будутъ. На саванъ у васъ денегъ не станетъ. А ты на Бога надѣешься и дѣтей плодишь, дура несчастная! Вдругъ у мальчика окажется хорошая голова? Отъ кого, скажи мнѣ,—отъ тебя, отъ него?—Нѣтъ, не поможетъ тебѣ Богъ, Богъ дуракамъ не помогаетъ.

— Ну, оставь уже, оставь,—съ миной большого участія прервала ее Бейла,—развѣ не знаешь, куда идутъ твои слова? Зачѣмъ тебѣ такъ огорчаться изъ-за нее. Развѣ мы не знаемъ много такихъ примѣровъ? Гдѣ нечестно, тамъ плохо кончается, а гдѣ любовь, тамъ самъ Богъ наказываетъ. Ты развѣ вышла замужъ по любви? Сидѣла ты, какъ царица, и Хамъ твой, пусть онъ будетъ здоровъ, когда-нибудь тебѣ башмаки одѣвалъ? Дѣльный мужчина не занимается такими вещами. Оттого тебѣ, слава Богу, и хорошо. Куда онъ ни посмотреть, тамъ счастье и удача. А на Ципку не смотри. Оберегай себя, дѣвочекъ своихъ, своего мужа, а не Ципку. Довольно съ нея и Іерохима.

Ципка стояла уничтоженная, убитая, почти не смѣя отвѣчать. О! сколько правды было въ этихъ укорахъ, сколько правды, самой чистой, какъ Божье имя! Да, да, у нея былъ возлюбленный, и онъ бросилъ ее. И ребенокъ былъ, и умеръ онъ отъ голода на чужихъ рукахъ. Все, все это правда, но Іерохима она не обманула.

Ахъ, еслибы можно было повернуть колесо жизни назадъ и начать жить по новому, какъ теперь отсюда видно! Сколько промаховъ, ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, лежитъ за ея сценой, ошибокъ, передъ которыми ей теперь такъ невыразимо стыдно, противъ которыхъ она не смѣетъ спорить, если хоть капелючку честна. Милые, дорогіе молодые годы! Почему, почему въ лучшую пору своей жизни, когда такъ легко, когда такъ хочется жить, совершаются только ошибка за ошибкой, промахъ за промахомъ, такъ легкомысленно тратятся силы, что для будущаго остается одна печальная, трудная дорога, которую потомъ никакіе подвиги труда и терпѣнія не въ состояніи поправить? О, еслибы кто-нибудь научилъ ее тогда, если бы кто-нибудь, хоть изъ жестокости, приподнялъ-бы передъ ней краешекъ будущаго и показалъ бы ей, во что она обратится, въ чьи руки попадетъ, какъ изъ нея молодой, крѣпкой, по своему умной и проницательной выйдетъ какое-то жалкое голодное существо, окруженное полудужиной голодныхъ дѣтей, ищущее помощникомъ калѣку мужа, не сегодня, завтра го-

тогого ослѣпнута! Такъ, нѣтъ,—все опоздало... И пусть онѣ клеймятъ, поворять, бичуютъ ее: вѣдь, все это правда и правда... Но только не вся правда.

Она въ страстномъ отчаяніи ломала руки, какъ бы умоляя эту маленькую, бездушную свору, вѣрить тому, что не всю правду бросили онѣ ей въ лицо. О, еслибы онѣ знали, еслибы можно было вывернуть предъ ними свое сердце, чтобы онѣ сразу прочли на немъ всю ея жизнь, такъ какъ словъ не хватить на человѣческомъ языкѣ рассказать все!

Она не скрыла отъ Герохима правды.

Раньше, когда она дрожала при мысли о возможности, что счастье ее оставить, она скрывала, прятала свое ужасное, подчасъ дорогое, выстраданное прошлое, — прошлое, въ которомъ лучшія въ ея жизни чувства и надежды были затоптаны въ грязь, открыты на позорище всему родному городку, знавшему ее отъ мала до велика, — милое и страшное прошлое, когда молодой 15-лѣтней дѣвочкой, неопытной, боязливой, влюбленной въ каждый камешекъ своего города, въ людей, среди которыхъ жила, она должна была ночью одна бѣжать, навсегда проститься со всѣмъ, что вспоило и вскормило ее, и отдаться волнѣ, которая понесетъ ее не вѣдомо куда, на какое дѣло. Да, да, тогда она боялась, скрывала, она готова была на все, чтобы не раскрывать глазъ Герохиму, но многія-ли на ея мѣстѣ въ такую минуту поступили-бы иначе?.. Но, когда она увѣровала въ любовь Герохима, она все, все безъ утайки рассказала ему, и онъ пожалѣлъ ее, этотъ дуракъ Герохимъ, онъ пожалѣлъ, этотъ калѣка не презрѣлъ ее. И тогда все, все такимъ яснымъ и свѣтлымъ ей показалось. Будто блеснуло что-то впереди далеко, далеко на ея пути, и все на этомъ пути показалось такимъ ровнымъ, гладкимъ, точно Богъ благословилъ. И отсюда уже пошла ея мечта. Но, Боже, что за мечта! Многаго развѣ она хотѣла? Многаго-ли хотятъ дѣвушки въ ея положеніи? Пусть мужъ будетъ хорошимъ работникомъ, пусть будетъ хлѣбъ для семьи, уголь, гдѣ поспать, чего же больше? Правда, на первыхъ порахъ она отдалась своему счастью, но какая маленькая плата: три мѣсяца счастья за цѣлую жизнь труда и заботы! Развѣ она не отдала потомъ всю свою энергію на этотъ трудъ? Пусть онѣ посмотрятъ на нее, узнаютъ-ли въ ней теперь нѣкогда цвѣтущую, бойкую, крѣпкую женщину? Пусть посмотрятъ на ея руки, вѣдь онѣ высохли на безплодной работѣ и готовы переломиться отъ перваго толчка; въ ротъ пусть посмотрятъ, есть-ли тамъ зубы, много-ли черныхъ волосъ осталось у нея на головѣ?

Ципка, будучи не въ силахъ устоять на ногахъ, повалилось на кровать и зарыдала. Бейла заглянула въ глаза Фейги и

заяскиваяще улыбнулась: какъ тебѣ это нравится?—какъ бы вопрошала эта улыбка.

— Комедія, — съ ненавистью произнесла Фейга, — вотъ такими комедіями она и привязала къ себѣ нашего калѣку. Я съ моими дорогими мужемъ такихъ штукъ не продѣлывала. Любовь, любовники — старые штуки, и никого этимъ не разжалобишь. Попробовала-бы я до свадьбы имѣть ребенка. Я бы сама на себя наплевала. Я, честная, слышишь, Ципка, и это тѣло никто, кромѣ Ханма, не трогалъ. Когда человѣкъ честенъ, онъ имѣетъ право на все и ему Богъ помогаетъ; мнѣ Богъ помогъ, а ты никогда изъ нищеты не поднимаешься. Ты думала, что нашла во мнѣ дойную корову. Забуди навѣки; копейки не получишь отъ меня. Семь лѣтъ не даю и до твоей смерти не дамъ, хоть вытянись.

— Ну, такъ убирайся-же вонъ отсюда, — сверкая глазами, вдругъ сорвалась Ципка. — О, пусть Богъ преслѣдуетъ тебя отъ моего порога до твоей смерти. Куда-бы ты ни повернулась, пусть зло идетъ на тебя спереди и сзади. Пусть слезы мои падутъ на тебя, на семью твою, и пусть люди ужасаются, услышавъ о твоей судьбѣ. Пусть бѣгутъ всѣ отъ дома твоего, отъ семьи твоей, какъ отъ чумы. Пусть...

Ципка вдругъ очутилась на полу животомъ внизъ, точно кто-то съ силой ударилъ ее по затылку, и своими распростертыми и судорожно вздрагивавшими руками напомнила огромную птицу при послѣднемъ издыханіи.

Фейга и Бейла, перепуганные на смерть, выбѣжали изъ комнаты. Ханка бросилась помогать Ципкѣ, всхлипывая надъ ней, какъ надъ покойникомъ.

Вскорѣ комната наполнилась людьми.

На слѣдующее утро, въ то время, какъ Ципка, стоя предъ Герохиномъ, въ сотый разъ съ изступленіемъ вспоминала вчерашнюю исторію и грозила, и проклинала, призывая всѣ громы небесныя на ненавистную Фейгу, неслышно отворилась дверь, и старикъ Зейлигъ, пенсіонеръ мѣстной общины, вошелъ въ комнату. Вошелъ онъ, по своему обыкновенію, не прямо, а какъ то особенно, по зейлиговски. Сначала показалась его голова, потомъ съ усиленіемъ, точно проходъ былъ чрезвычайно узкій, онъ втискалъ плечи и потомъ только переступилъ порогъ. Произнеся: миръ вамъ! — онъ взялъ стулъ, усѣлся, заботливо приподнял полы своего длиннаго сюртука и бережно положилъ ихъ на колѣни. Потомъ, также не слѣша, досталъ изъ кармана табакерку и большой цвѣтной платокъ, засыпалъ въ носъ двѣ порядочныя щепотки, отчего лицо его на минуту сдѣлалось чрезвычайно сосредоточеннымъ, высморкался и, такъ какъ Ципка все не унималась, вмѣшался въ разговоръ.

— Отчего же ты молчишь, — надрывалась Ципка, обращаясь къ Герохиму, сидѣвшему противъ нея съ опущенной головой, — развѣ отъ этого хоть кусочекъ хлѣба вырастетъ? Ты вѣдь мужчина, а не я: я развѣ должна думать о заработкѣ. Боже мой, Боже мой, наплодить столько дѣтей и ни на что, ни на что не быть годнымъ! Ну, что я дамъ ѣсть сегодня? мясо свое, старую кожу свою? Уговоришь ты Ханочку не быть голодной или Любку, или Розочку? А мы что будемъ дѣлать, мы вѣдь тоже живые люди. Изъ того, что ты сидишь, развѣ выйдетъ что-нибудь? Когда человѣкъ — мужчина, онъ ходитъ, нюхаетъ, въ воздухъ ищетъ заработка, у него голова ни одну минуту не отдыхаетъ. Но ты вѣдь, Герохимъ, вѣчный калѣка, Герохимъ! Развѣ ты способенъ на что-нибудь, тебя развѣ трогаетъ что-нибудь. Ну и пусть Ханка умереть съ голоду. Тебѣ еще лучше: меньше однимъ ртомъ будетъ. Еслибы тебя мучило это, какъ меня, ты бы не сидѣлъ, ой! ты бы не сидѣлъ.

— Что же бы я сдѣлалъ, — смиренно отозвался Герохимъ, — я вѣдь теперь, какъ въ воду брошенный. Куда я пойду? Знаетъ меня развѣ кто-нибудь? Когда я работалъ у Хаима, я зналъ порядокъ, свой часъ, я зналъ, что это нужно было сдѣлать, а это нѣтъ. А теперь что? Для чего мнѣ вставать раньше или вовсе не вставать, когда я не имѣю — куда пойти? Развѣ я изъ себя могу сдѣлать заказчиковъ? Такъ хорошо, такъ хорошо было, когда я работалъ у Хаима... Не было смерти, такъ ты отыскала ее. Почему ты выгнала Фейгу? Вѣдь въ мастерской они живые куски съ меня сдирали, а я молчалъ и терпѣлъ. Что значить, я не буду терпѣть? У меня развѣ нѣтъ семьи на плечахъ? Притомъ человѣкъ долженъ знать, что нужно иногда потерпѣть... Я развѣ хозяинъ, я вѣдь только рабочій, ну такъ какой же я голосъ имѣю? Этого ты не хотѣла знать, а теперь, когда вышло скверно, — я виноватъ. Развѣ здѣсь есть смыслъ?

Ципка слушала нетерпѣливо, съ едва замѣтной алой усмѣшкой на губахъ. Будто она о томъ хлопочетъ, чтобы знать — нужно или не нужно человѣку терпѣть?

— Это мнѣ нужно знать, это? Нѣтъ, скажите, Зейлигъ, вы дѣли-ли вы другого человѣка съ такой головой? Конечно, онъ правъ, я сдѣлала ошибку, что выгнала Фейгу, ну я дура, все, все, что онъ хочетъ, довольно уже. Но я вѣдь о другомъ спрашиваю? Я вѣдь говорила про то, что онъ не дѣльный, что голова его спитъ, что самъ онъ ни на что не годится. Хорошо было, когда онъ уцѣпился за Хаима, но развѣ человѣкъ живетъ только Хаимомъ? Развѣ каждый мужчина имѣетъ своего Хаима? А чтобы Герохимъ сдѣлалъ, если бы Хаимъ, въ такой часъ пусть я выговорю, умеръ? Значить я должна съ нимъ и съ дѣтьми идти топиться. А что же другое? Ой, Зейлигъ,

нѣтъ ничего хуже, когда жена умнѣе мужа. Будь я дура, такъ что ни случись, я все приняла бы за хорошее. Когда чего не понимаешь, то не такъ больно. Онъ развѣ тронется пойти отыскать работу. Теперь я уже должна быть мужемъ. Я буду бѣгать искать заказчиковъ.

— Никто не знаетъ завтрашняго дня, Ципка,—опять осторожно вставилъ Іерохимъ. — Мы развѣ знаемъ, что съ нами будетъ? На небѣ есть великій Богъ, ты развѣ этого не знаешь?

— Не хватай (не торопись), Іерохимъ,—вмѣшался, наконецъ, старый Зейлигъ,—Тотъ, имя Котораго мы недостойны произносить, есть на небѣ, но это послѣ, послѣ. Не хватай же, я тебѣ говорю, — еще разъ съ жаромъ повторилъ онъ. — Это разъ. А что означаетъ то, что Іерохимъ лишился работы—нужно искать указанія сверху. Вотъ вчера хоронили Гедалия. Вотъ это что означаетъ, я тебя спрошу? Тоже восемь дѣтей оставилъ и больную жену. Да, да, восемь дѣтей и больную жену. Скажи же, Іерохимъ, Тотъ, имя Котораго мы недостойны произносить, есть же на небѣ!.. Ну, иди и пойми это: почему Іерохимъ безъ работы остался, а Гедалий умеръ? Это два значить уже. Еще одна вещь. Лейзеръ Скоробогатый купилъ на прошлой недѣлѣ 100 тысячъ четвертей пшеницы и въ одинъ часъ заработалъ 20 тысячъ рублей. Что это означаетъ? Человѣкъ бездѣтный, богатый, дай Всевышній каждому еврею, и вдругъ еще 20 тысячъ рублей. Къ чему это относится? Долженъ же быть какой-нибудь смыслъ въ томъ, что Гедалий умеръ, что Іерохимъ безъ работы остался, что Лейзеръ 20 тысячъ заработалъ! Потому я и говорю, ищи указанія сверху, не въ вещахъ, а надъ вещами. Вѣроятно, такъ и должно быть. Тотъ, Который живетъ вѣчно, знаетъ, что дѣлается, и Ему загадокъ не нужно задавать. «Ты, говоритъ Онъ, Гедалий, что имѣешь восемь дѣтей и больную жену, ты иди ко мнѣ, ты мнѣ нуженъ, а ты, Скоробогатый, заблудшійся скупецъ, ослѣпленный деньгами, сиди внизу и царствуй, твой часъ тоже пройдетъ, а ты, нищій Іерохимъ, останься безъ работы, такъ Я хочу, и такъ должно быть». Я же тебѣ, Ципка, скажу, что это хорошо и мудро. Люди вѣдь совсѣмъ Всевышняго забыли. Сказала-ли ты хоть разъ: слава Всевышнему, повѣрила-ли ты хоть разъ въ мудрость Его дѣлъ? Все по тебѣ было плохо и нехорошо. Ну, такъ вотъ, Всевышній тебѣ и показалъ, что то еще не было плохо, и что есть еще и хуже. Что же это должно означать? Это должно означать: какъ человѣку ни плохо, ему могло быть еще хуже, и оттого онъ долженъ всегда благодарить. А ты это забыла.

Старый Зейлигъ на минуту передохнулъ.

— Когда у царя Давида заболѣлъ единственный сынъ, — продолжалъ онъ,—онъ плакалъ и молился Всевышнему, чтобы

Онъ даровалъ жизнь его ребенку, а когда этотъ сынъ таки умеръ, великій царь Давидъ игралъ и пѣсни пѣлъ хвалебныя Всевышнему. Что это означаетъ? Въ этомъ лежитъ великій смыслъ, и только слѣпые не видятъ его. Когда несчастія еще не было, онъ плакалъ, молился; слышишь, Ципка: великій царь плакалъ и молился, а когда оно совершилось, онъ радовался. Кто намъ это сказалъ? Объ этомъ говорятъ наши святыя книги, въ которыя и ты вѣруешь. Понимаешь теперь?

Зейлигъ откинулся назадъ и потянулся къ табакеркѣ. Іерохимъ сидѣлъ уже съ поднятой головой, и что-то свѣтилось въ его глазахъ, обыкновенно апатичныхъ. Это были и его мысли. Кто знаетъ Божьи дѣла? Такъ оно и должно быть; такъ, вѣроятно, при рожденіи его было записано въ большой книгѣ судебъ.

Въ Ципкѣ, очевидно, происходила борьба. Глаза ея то разгорались, то меркли, но внутренній бунтъ, несомнѣнно, бралъ верхъ.

— Я не забыла Бога, Зейлигъ,—тихо, но горячо, начала она,—нѣтъ, я не забыла Бога. Не говорите мнѣ этого. Но если желудокъ хочетъ ѣсть, то это значитъ, что онъ хочетъ ѣсть и больше ничего. И если у меня нѣтъ 30 копеекъ въ карманѣ, чтобы сварить обѣдъ, то это значитъ, что мои дѣти будутъ голодны и больше ничего. Я не забыла Бога, Зейлигъ, но Богъ забылъ меня. Въ большой книгѣ судебъ развѣ навсегда записаны каждый мой шагъ, каждая мысль, и больше обо мнѣ никто не заботится. Дѣлай себѣ, что хочешь и какъ можешь. Что же это значитъ? Это значитъ, что я должна сама о себѣ заботиться. А для этого мнѣ Богъ далъ голову. Что вы мнѣ рассказываете о Лейзерѣ? У меня развѣ большіе глаза? Это ему, значитъ, такъ было написано, и иначе оно быть не можетъ. А если я думаю и ищу, гдѣ бы мнѣ копейку заработать, чтобы не голодать; если я хочу знать, что значитъ праздникъ; если я ищу лучшаго, т. е. чтобы Іерохимъ былъ дѣльный, чтобы не бояться квартирнаго хозяина,—то и это записано въ большой книгѣ судебъ, и этого, значитъ, хочетъ самъ Богъ. И если я не говорю: слава Богу,—когда плохо, то это тоже записано въ большой книгѣ, и этого хотѣлъ Богъ. Все, что я ни дѣлаю здѣсь, идетъ отъ Бога, значитъ, я Его не забываю и исполняю Его волю. О, я вѣрую въ Бога, но когда мнѣ больно, я не виновата, что кричу. Но я развѣ имѣю что-нибудь къ Богу? Вѣрно, такъ и нужно, чтобы мнѣ было больно. Я имѣю только къ Іерохиму. Богъ его сдѣлалъ портнымъ, а это уже дѣло Іерохима—быть хорошимъ портнымъ. И этого я именно хочу отъ него. Когда у человѣка куча дѣтей въ комнатѣ, то нужно работать и работать, а не быть калѣкой.

— Ты говоришь, какъ дура, Ципка,—отозвался Зейлигъ,—

Ну, возьми и убей Герохима и дѣтей тогда. Это вѣдь тоже окажется записаннымъ въ книгѣ. Отчего же ты не убиваешь? Ты просто не понимаешь, что говоришь. Человѣкъ долженъ идти только по хорошему пути. У насъ есть и другія книги, которыя учатъ, какъ жить. Тебѣ говорить: не укради, не убей, не прелюбодѣйствуй, люби и хвали Всевышняго. Ты этого развѣ не знаешь?

— Перестанемъ ужъ лучше говорить объ этомъ, — вдругъ рассердилась Ципка, — изъ этихъ разговоровъ ничего не выйдетъ. Я таки дура, что начала: я-бы уже, Богъ знаетъ, гдѣ была теперь. О, несчастная жизнь моя! Бросить дѣтей и идти искать этому дураку работы.

Всѣ въ комнатѣ замолчали. Каждый сидѣлъ, опустивъ голову, какъ-бы стыдяся взглянуть другому въ глаза.

Ципка быстро одѣлась, набросила шаль на голову и, наказавъ Ханкѣ смотрѣть за Розочкой, вышла.

— Не знаю, куда она побѣжала! — обратился Герохимъ къ Зейлигу. — Бросила дѣтей и пошла! Что я буду съ ними дѣлать?

Хромоногая Любка, сидѣвшая, по своему обыкновенію, на подоконникѣ, подлѣ Герохима, при словахъ послѣдняго, вспомнила, что она еще не ѣла, и расплакалась. Герохимъ при видѣ слезъ вдругъ съженился и засуетился подлѣ дѣвочки.

— Ну, что вы скажете о моей жизни, Зейлигъ, — проманысь онъ, — а? Былъ-ли еще одинъ человѣкъ на свѣтѣ несчастнѣе меня?

— Ты говоришь, какъ дитя, Герохимъ, — примирительно отвѣтилъ Зейлигъ. — Развѣ здѣсь есть жизнь. Здѣсь развѣ наша жизнь? Тутъ только вещи и ничего больше. Вещи немножко хуже, немножко лучше, но это все равно, Герохимъ. Если Лейзеръ ѣстъ серебряными ложками рыбу и мясо, а ты только селедку, то развѣ это что-нибудь значитъ? И селедка, и мясо, и ты, и Лейзеръ — все, все обратится въ ничто. Это есть ничто, и въ ничто обратится. Вверхъ, только вверхъ нужно смотрѣть.

— Э, — махнулъ рукой Герохимъ, — видно, вы никогда дѣтей не имѣли, если такъ говорите! Если сердце болить, такъ оно болить! Несчастная эта Ципка и дѣти. Развѣ она не права? На что я гожусь? Работникъ я хорошій, голова у меня хорошая? Если бы я только Бога не боялся, я бы давно уже на себя руки наложилъ. Когда человѣкъ не умѣетъ зарабатывать, онъ не долженъ жить.

Герохимъ поникъ головой. Нѣсколько секундъ длилось тяжелое молчаніе. Старый Зейлигъ засыпалъ новую щепотку въ носъ и на этотъ разъ глубоко затанулся.

— Все это слова, Герохимъ, и больше ничего, — наконецъ, проманысь онъ. — Слова или вещи, не все-ли равно? Я же тебѣ

сказать, что и въ горѣ, и въ радости надо стоять надъ вещами. Никогда не нужно забывать, что все, что ни дѣлается здѣсь, проходить, какъ день, и никогда уже больше не вернется. Никогда уже не вернется, Іерохимъ. Зачѣмъ же такъ убиваться надъ этимъ. Главное, только не нужно забывать, что во всемъ, что бываетъ, нужно искать руку Всевышняго. Въ этомъ цѣль нашей жизни! Нужно искать Его и Его. А для этого тебѣ даны вещи. Все, что дѣлается здѣсь, на землѣ, все это тайна безъ начала и безъ конца, и весь смыслъ, вся радость человѣческой, чтобы понять эти тайны, ибо вездѣ и во всемъ Тотъ, имя Котораго мы недостойны произносить. Одинъ мучается, другой радуется, одинъ боленъ, другой здоровъ, одному холодно, голодно, другой сытъ, обуть, одѣтъ, но это, Іерохимъ, все равно. Все это вещи и ничего больше. Такъ, значитъ, хотѣлъ Всевышній и такъ оно должно быть. Сегодня ты безъ работы—это хорошо, мудро. Дѣти твои будутъ голодать и мучиться—это тоже хорошо; Ципка будетъ бѣгать, искать и, можетъ быть, напрасно—и это, Іерохимъ, хорошо; все, все хорошо, все имѣетъ великій смыслъ, и этотъ смыслъ нужно стараться уловить. Въ этомъ—смыслъ жизни человѣка. И тогда только ты побѣдишь временное, брѣнное и станешь приближаться къ вѣчному. Что такое голодъ, болѣзнь, смерть? Это ничего, говорю я; Іерохимъ, и мнѣ хорошо, ибо ничего оно и есть. Я стою надъ вещами и ищу въ нихъ единый смыслъ, и когда мнѣ иногда случается собрать всѣ нити въ одной точкѣ, я знаю, что я человѣкъ, и радуюсь постиженію Всевышняго. Напримѣръ, въ домѣ пожаръ. Вещи начинаютъ горѣть и, если люди не ушли, то они тоже сгораютъ. Что это значитъ? Глупые люди плачутъ, а я стою надъ вещами и знаю, что Всевышній сдѣлалъ такъ, чтобы вещи сгорѣли, чтобы этотъ домъ сгорѣлъ и люди его. Но что за бѣда? Это горить—пусть, пусть; что возможно—то все равно будетъ спасено, но этого хотѣлъ Онъ, а Онъ развѣ что-нибудь дѣлаетъ на вѣтеръ? Такъ и съ тобой. Почему ты портной, а не купецъ, и плохой портной? Я стою надъ вещами и знаю, что это все Онъ дѣлаетъ, и такъ, значитъ, и нужно. Ципка тутъ руки ломаетъ, дѣти плачутъ, а я ищу Его: можетъ быть, это для того, чтобы ты завтра нашелъ мѣшокъ золота и больше обрадовался? Развѣ я знаю!

Старый Зейлигъ, сильно утомленный, замолчалъ. Іерохимъ не сводилъ съ него глазъ.

— Я не хорошо понимаю, что вы мнѣ сказали, Зейлигъ, но еслибы было такъ, какъ я понимаю, то свѣта не было-бы. Развѣ я могу не чувствовать, когда мои дѣти голодны?.. Для чего-же бы я работалъ тогда? Хорошее было-бы дѣло! Всѣ-бы себѣ сѣли на стулъ и больше ничего. Я этого не понимаю,

Зейлигъ, у меня голова разболѣлась отъ вашихъ словъ... Что значить «хорошо», если мнѣ больно, или если мои дѣти умираютъ съ голода. Самъ Богъ вѣдь плачетъ надъ этимъ. Развѣ вы этого не знаете? Хорошо это говорить вамъ, а не мнѣ. У васъ никогда не было дѣтей, не было жены, вы всегда сидите въ синагогѣ и о хлѣбѣ вамъ не приходится думать, ибо о васъ думаютъ другіе. А кто обо мнѣ думаетъ? Какъ-же вы можете знать, что случается съ людьми? У меня совсѣмъ голова разболѣлась отъ вашихъ словъ.

Іерошимъ отвелъ глаза, точно ему чего-то стыдно стало. Потомъ вдругъ выговорилъ съ тоской:

— Богъ знаетъ, гдѣ теперь Ципка.

Старый Зейлигъ бережно поднялся, спустилъ полы сюртука, смахнулъ платкомъ съ груди табакъ, и, подойдя къ дверямъ, произнесъ:

— То, что ты сказалъ, Іерошимъ, не стоитъ и мѣднаго гроша, я тебѣ это говорю... Все, что дѣлается здѣсь на землѣ, два раза не повторяется, и потому нужно не плакать, а ловить это и стараться понять, ибо, кто хочетъ быть подлѣ Всевышняго, долженъ во всемъ искать его указаній. Все-же, кромѣ этого — вещи и ничего больше.

Старый Зейлигъ высунулъ сначала голову, потомъ съ усиленіемъ просунулъ плечи, точно Іерошимъ втискивалъ его въ проходъ, а затѣмъ уже и вынесъ ноги.

Іерошимъ долго слѣдилъ въ окно, какъ медленно удалялась фигура Зейлига.

И вотъ началась эта каторжная жизнь: Ципка безъ устали съ утра до вечера хлопотала въ средѣ такихъ-же бѣдняковъ, какъ и она, рассказывала имъ о своемъ несчастіи, передавая на тысячи ладовъ, и чѣмъ она была, и что такое Іерошимъ, и сколько у нея дѣтей, и чѣмъ она больна, и чѣмъ болѣли дѣти, и кто такое Бейла и Фейга, вызывая своими стонами, слезами и глубокой искренностью участіе и ласку. Перепадала-ли ей кой-какая работа, она сейчасъ-же, хотя-бы это и было на другомъ краю города, бѣжала домой, передавала ее Іерошиму, быстро осматривала дѣтей, ховайство, все это продѣлывая настулленно, почти съ ненавистью, и убѣгала опять просить, кланяться, унижаться. Іерошимъ, конечно, тоже помогалъ ей и, въ свою очередь, искалъ работы, но изъ его поисковъ почти никогда не выходило толку. Если онъ находилъ что-нибудь, то непременно у такого бѣдняка, который, навѣрно, не уплатитъ. Почему это такъ случалось, Іерошимъ никакъ не могъ объяснить: человекъ-ли онъ ужъ былъ такой, голова-ли у него была такъ дурно устроена?

За хозяйствомъ теперь присматривала Ханка.

Но какъ ни билась дѣвочка, чтобы поддержать какой-нибудь порядокъ въ комнатѣ и не дать упасть хозяйству,—она неизбѣжно уступала натиску нищеты. Помощи ждать ей не откуда было. Хромоногая Любка неизмѣнно сидѣла молча на своемъ мѣстѣ подлѣ Іерохима и, рѣдко выглядывая во дворъ, постукивала своими худыми пальчиками по стеклу. О чемъ думала эта молчаливая дѣвочка по цѣлымъ днямъ? Тоже о голодѣ, о нищетѣ или о своемъ недостаткѣ, навсегда пригвоздившемъ ее къ одному мѣсту? Думала-ли она о будущемъ, о прошедшемъ? Она всегда молчала, такая серьезная и недоступная, и только, когда голодъ сильно донималъ ее, она начинала безъ жалобъ плакать.

А бѣдная Ханка надрывалась надъ хозяйствомъ и мало-помалу становилась злой, ѣдкой, похожей на мать.

Теперь они уже во время не пили и не ѣли, питались случайно. Комнатка опустилась какъ-то и загрязнилась. Каждый уголокъ по своему плакалъ. Тамъ Розочка валялась на полу, одѣтая въ одну рубашонку, пачкаясь въ грязи, которую жевала вмѣстѣ съ коркой хлѣба, положенной въ ея ручку Ханкой. Немножко поодаль сверкала лужица грязной воды, вылившейся изъ корыта, въ которомъ стирала та же Ханка; въ другомъ углу всегда сушилось какое-нибудь бѣлье; Іерохимъ грязный, полуодѣтый, босый, съ ввалившимися щеками и тоже молчаливый, конечно, не скрашивалъ картины... Кратковременное оживленіе и кой-какой порядокъ наступалъ всетаки вечеромъ, съ приходомъ Ципки... Заморенная, едва держась на ногахъ, она съ послѣдней энергіей набрасывалась на ненавистную ей грязь и чистила, выметала, купала дѣтей, понукая всѣхъ въ комнатѣ помогать ей. Потомъ начинались разговоры, знакомые разговоры, долгіе, бесполезные, раздражавшіе.

А поговорить, дѣйствительно, было о чемъ.

За квартиру за прошлый мѣсяцъ не было уплачено, а теперь надвигался и второй. Хозяинъ выходилъ изъ себя, грозилъ выбросить на улицу и даже собирался прибѣгнуть для этого къ законной власти. На Ципку эта мысль дѣйствовала, какъ удары палкой по головѣ. Она вызывала въ ней судороги, упрямое желаніе кричать, вопить, драться. Но какъ ни билась она, какъ ни урѣзывала расходы, нужныхъ денегъ не удавалось собрать. Одно время она бѣгала по городу съ дикой мыслью найти четыре рубля на улицѣ и, какъ помѣшанная, набрасывалась на каждую цвѣтную бумажку, попадавшуюся ей на пути. Іерохима въ эту пору она ненавидѣла до изступленія. Видъ дѣтей вызывалъ въ ней одно только желаніе—перерѣзать ихъ до одинаго, чтобы не распложались нищія. Минутами

на нее находилъ столбнякъ. Тогда ей надоѣдало двигаться и слоняться, и по цѣлымъ часамъ она оставалась на одномъ мѣстѣ, подперевъ подбородокъ руками, и куда-то безцѣльно глядѣла.

Но самое главное несчастье ожидало ее только впереди. Іерохимъ съ каждымъ днемъ все хуже и хуже различалъ предметы. Ему часто уже приходилось напрягать зрѣніе изо всѣхъ силъ, чтобы разсмотрѣть что-нибудь. Ципкѣ онъ изъ жалости не рѣшался сообщать правды, чтобы въ конецъ не сразить ее, и предпочиталъ мучиться про себя, въ одиночку, терзаясь мнительностью и отчаяніемъ. Вся картина страшнаго будущаго представлялась ему, какъ на ладони. Тутъ было все, что запуганное воображеніе могло сплести изъ догадокъ. Ему слышались вопли отчаянія, проклятія Ципки, вой обезумѣвшихъ дѣтей и разговоры, долгіе, бесполезные, раздражавшіе, на что Ципка была такая мастерица. Потомъ дѣти, синія, распухшія отъ голода, протягивали къ нему руки и требовали хлѣба. Въ его испуганномъ воображеніи мѣшались люди и, задумавшись, онъ забывалъ: онъ-ли Іерохимъ, Хаймъ-ли Іерохимъ, Ципка-ли Фейга или Ципка не Ципка, не Фейга, а что-то третье, незнакомое ему, чужое. Нелѣпыя мысли, случилось, внезапно размѣнивались на какіе-нибудь совершеннѣйшіе пустяки, отъ которыхъ становилось еще досаднѣе и больнѣе.

Въ послѣднее время его стала преслѣдовать мысль о самоубійствѣ. Родилась эта мысль чрезвычайно просто и естественно, какъ логическій выходъ изъ обстоятельствъ. Всѣ назойливыя думы какъ-то сразу потеряли свою жгучесть и серьезность, отодвинулись назадъ, и онъ полюбилъ эту мысль. Когда Ципка и дѣти засыпали, онъ начиналъ слоняться изъ угла въ уголъ, босой, чтобы не потревожить спящихъ. Ему приходилъ на память Зейлигъ, съ его поисками Божьей руки, и онъ старался думать, что все хорошо и мудро, и что мысли его такъ же мудры и хороши. Иногда взглядъ его падалъ на Ципку, съжившуюся въ своемъ углу, и его влекло постоять и поглядѣть на нее. Щемлящая жалость стискивала его сердце, и онъ долго проставалъ на одномъ мѣстѣ, стараясь не разогнать своего настроенія, многое вспоминая изъ ихъ долгой совмѣстной жизни. Въ другія минуты что-то, очень знакомое ему, что-то вродѣ дуновенія любви проносилось въ его сердцѣ, и тогда такъ хотѣлось ему погладить ее по лицу, сказать ей что-нибудь ласковое, пріятное, какъ встарину... А затѣмъ, опять прогулка изъ угла въ уголъ опять тѣ-же мысли о хлѣбѣ, о квартирѣ, о заработкѣ, о смерти...

Однажды,—это было спустя день послѣ приговора судьи, по которому хозяину давалось право согнать ихъ съ квартиры

и продать их имущество съ молотка въ свою пользу,—Иерохимъ доканчивалъ спѣшную работу. Отъ горя-ли или отъ думы, но онъ въ этотъ день такъ плохо видѣлъ, что принуждѣнъ былъ украдкой отъ Ципки часто прерывать работу. Ципка никуда не выходила въ этотъ день, ибо пойти было уже некуда. Она не приступала ни къ какой работѣ и все время сидѣла, не двигаясь, какъ каменная. Дѣти съ утра ничего не ѣли и плакали. Ханка утѣшала ихъ, какъ умѣла, и разрывалась на части, чтобы всюду поспѣть... Вдругъ Иерохимъ вскочилъ съ мѣста, что-то крикнуть не своимъ голосомъ, всплеснуть руками и, ухватившись за голову, повалился на стулъ.

Ципка вмгъ очутилась подлѣ него.

— Что, что такое,—раскричалась она,—что ты сказать?

Она пристально взглянула на его дрожавшее тѣло, и капельки пота сейчасъ-же выступили на ея вискахъ. Страшные звуки, вырвавшіеся изъ горла Иерохима, показались ей чужими, безсердечными, а то, что дѣти окружили его и кричали на всѣ лады, наводило на нее безумный ужасъ.

— Говори-же, что съ тобой,—бессознательно кричала она.—О, глупый, несчастный человѣкъ, даже рассказать толкомъ ничего не умѣешь!

— Я ослѣпъ, Ципка, я ничего уже не вижу,—рыдалъ Иерохимъ.—О, Богъ, Богъ! Гдѣ ты, Ципка, сердце мое, душа моя? Гдѣ дѣточки? Стойте подлѣ меня,—я боюсь.

Онъ плотно усялся на стулѣ и сталъ искать и шарить вокругъ себя руками,—такой жалкій, дрожавшій.

У Ципки кожа заходила на головѣ. Дикимъ, пронзительнымъ взглядомъ она еще разъ оглядѣла его фигуру, какая-то странная мысль мелькнула въ ея головѣ—она это вспомнила послѣ—и вдругъ она завопила изступленно:

— Не смѣй, не смѣй, слышишь, не смѣй быть слѣпымъ. Я не пушу тебя. Ты не долженъ. Когда у человѣка восемь душъ дѣтей, онъ не долженъ быть слѣпымъ. Онъ долженъ видѣть и хорошо видѣть. Ты этого не знаешь развѣ? О, Богъ мой! Богъ!

Она заломила руки, разшвыряла дѣтей, видъ которыхъ изнурялъ ее, и опять очутилась подлѣ Иерохима.

— Не смѣй, не смѣй,—упрямо кричала она,—ты не долженъ быть слѣпымъ. Когда человѣка выбрасываютъ на улицу, онъ долженъ видѣть, куда ему идти. Развѣ я знаю, куда мы пойдемъ? Завтра мы будемъ на улицѣ, и все наше добро продадутъ. Куда же мы пойдемъ? Вокругъ насъ соберется толпа, но намъ и гроша не подадутъ... Что-же я съ дѣтьми буду дѣлать? О, калѣка проклятый, и зачѣмъ только ты женился! Не говори, молчи, молчи-же, я тебѣ говорю, я перерѣжу дѣтей и себя зарѣжу. Только ты останешься жить. О, Богъ мой, Богъ!

Молчи, молчи, я тебя къ Фейгѣ отправлю. Пускай она тебѣ палочку купить, чтобы ты могъ переходить чрезъ улицу. Я за тобой смотрѣть не буду. Хорошій я ей подарочекъ пошлю!

Она вдругъ взглянула на Іерохима, и вся злость ея моментально исчезла. Тревожная, раздражающая жалость, точно сладкое чувство примиренія, захлестнуло ея кипѣвшее сердце, и она почувствовала себя вдругъ слабой и безсильной предъ неисповѣдимыми путями Бога. Эта мысль и въ началѣ мелькнула у нея, но гнѣвъ пересилилъ ея чувство къ Богу. Теперь наступило иное. Старый Зейлингъ, какъ живой, стоялъ въ ея сознаніи, она слышала его слова о примиреніи со всѣмъ:

— Все, все хорошо и мудро, такъ хочетъ великій Богъ. И голодъ хорошъ, и болѣзнь хороша, и смерть,—все, все хорошо.

Странная дрожь пробѣжала по ея тѣлу, и что-то невысказанно-радостное нивосло въ ея душу.—Но когда больно, такъ больно,—растерянно соображала она, и могучее чувство протеста съ новой силой, казалось, готово было вспыхнуть въ ней.

— Да, когда больно, то больно, но Іерохиму развѣ не больно? И есть-ли хоть одинъ человекъ, которому когда-нибудь не было больно?.. Пусть Іерохимъ калѣка, слѣпой, но видитъ-же это Богъ, допускаетъ, вѣдь, значитъ, надобно же это для чего-нибудь. Вѣчно развѣ они будутъ жить. Когданибудь да кончится-же эта каторга, и тогда ничего не будетъ: ни Іерохима, ни Ципки, ни дѣтей, ни мученій. Помнить она развѣ вчерашній голодъ, вчерашнюю усталость? И завтра она не будетъ помнить, что было сегодня...

Іерохимъ продолжалъ шарить вокругъ себя руками, точно онъ никогда не былъ зрячимъ.

— Ципка, Ципка, сердце мое, — умолялъ онъ, — подойди же ко мнѣ, дай мнѣ свою руку и не кричи на меня. Развѣ я недостаточно наказанъ Богомъ... Прежде все-же я видѣлъ тебя, моихъ дѣточекъ; я могъ пойти туда, сюда! Теперь-же я совсѣмъ пропащій. Отчего ты сердиться? Развѣ я когда-нибудь не слушался тебя? Ты хотѣла такъ—было такъ; ты хотѣла иначе—было иначе. Что-же я буду дѣлать у Фейги? Она вѣдь съестъ мое тѣло. Затѣмъ тебѣ Фейга. Я буду сидѣть дома и беречь дѣточекъ!

Онъ опять заплакалъ, свѣсивъ руки, опустивъ голову. У Ципки дрогнуло сердце. Развѣ Іерохимъ теперь не ея плоть и кровь? Развѣ десятилѣтнія страданія не выковали цѣпь, на которую они оба привязаны?

И со страстью, которая у нея во всемъ преобладала, она

бросилась къ нему, присѣла подлѣ, собрала дѣтей и приказала ощупать ихъ руками.

— Не плачь, не плачь-же, — утѣшала она его, — вотъ мы опять всѣ вмѣстѣ. Узнаешь эту руку? Это Ханочка, а это Любка, вотъ Розочка, возьми ее на руки, ну, не плачь-же. Мы вѣдь имѣемъ еще великаго Бога на небѣ. Можетъ быть, ты еще поправишься! О, Богъ, Богъ! Ну, глупый, не плачь-же; дѣти, стойте подлѣ отца. Ну, вотъ они, цѣлуй ихъ, — о, несчастный, несчастный человѣкъ!

Ей теперь вспомнилось, какой онъ былъ бодрый и веселый, когда былъ женихомъ. Какія славныя пѣсни онъ пѣлъ ей. Не даромъ-же она плакала отъ этихъ пѣсенъ. И кто-бы не заплакалъ отъ такихъ словъ:

«Одному такъ хорошо, другому — еще лучше, пьеть онъ кофе съ сахаромъ. Отчего-же прошли мои лучшіе годы такъ печально, такъ горько?..»

Точно для нея эту пѣснь выдумали. — Отчего-же прошли и ея лучшіе годы такъ печально, такъ горько? Умиленное состояніе мало-по-малу разсѣвалось, и обыденныя чувства и мысли замѣтно овладѣвали ею.

— Развѣ это зло, что ты ослѣпъ, Іерохимъ, — спокойно начала она. — Конечно, это зло, я не говорю, и собака тебѣ даже не позавидуетъ. Но не это главное зло. Еслибы Хаймъ ослѣпъ, особеннаго ничего не случилось-бы. Фейга-бы его лѣчила, такъ какъ Хаймъ оставилъ-бы много денегъ. А ты развѣ приготовилъ что-нибудь? Когда человѣкъ портной, то онъ пьеть. Когда я стала твоей невестой, я развѣ знала, какъ себѣ завидовать? Шутка-ли сказать: хорошая рука! Вѣдь я думала, что съ тобой мнѣ не страшно обойти весь міръ. Но я, развѣ я могла все знать?

Она начинала опять сердиться.

— Куда годятся теперь эти слова, Ципка, съ кѣмъ и о чемъ ты говоришь? Ты вѣдь говоришь съ мертвецомъ, хуже чѣмъ съ мертвецомъ. Развѣ это не все равно, что хотѣть вернуть вчерашній день? Ты таки права: хорошимъ работникомъ я никогда не былъ, но все-же кусокъ хлѣба я могъ заработать. Конечно, теперь я уже никуда не гожусь. Я сталъ старъ, слабъ, я надорвался. Но вспомни, вѣдь это не одно и то же: двухъ людей накормить или десять. А я всѣ 12 лѣтъ десять ртовъ кормилъ.

— Ты всегда хочешь быть правымъ, — вскипѣла Ципка, — какъ-же свѣтъ держится? Когда человѣкъ умный, онъ не имѣетъ восьми дѣтей, сколько я разъ тебѣ это говорила? Когда человѣкъ дѣльный, онъ ищетъ, по ночамъ не спитъ, чтобы заработать что-нибудь. А ты что дѣлалъ? Пришилъ себя къ Хайму и больше ни о чемъ знать не хотѣлъ.

Она махнула рукой и замолчала.

Дѣти разбрелись по угламъ. Наступившія осеннія сумерки сообщили всему въ комнатѣ печальный колоритъ. Грустно притихли побѣжденные борцы. Шумъ, доносившійся со двора, отдавался здѣсь гулко, таинственно, точно проклиналъ кто-то. Въ этой синеватой и дрожавшей тѣмѣ несчастіе какъ-бы нависло, угрожало. Никто не произносилъ ни слова и, казалось, чего-то ждалъ.

Такъ и наступила ихъ ночь.

На слѣдующій день въ комнатѣ Ципки толпилась кучка людей. Была тутъ и Фейга, сидѣвшая противъ Іерохима, съ мелькавшимъ выраженіемъ торжества на лицѣ, которое она тщетно пыталась скрыть за соболѣзнующей миной.

Сѣроватая шаль часто сползала у нея съ головы, и она по-минутно оправляла ее, не произнося при этомъ ни слова. Возлѣ нея, пригорюнившись, стояла Бейла и что-то часто шептала ей на ухо. Старый Зейлигъ сидѣлъ на своемъ любимомъ мѣстѣ подлѣ стола, по обыкновенію подобравъ полныя сюртука, съ табакеркой въ одной рукѣ и съ цвѣтнымъ платкомъ въ другой. Іерохимъ помѣстился на кровати подлѣ Ципки, — оба присмирѣвшіе за долгую ночь тяжелыхъ думъ, напуганные и покорные. Въ углу Ханка почему-то совершенно некстати стирала бѣлье, и всплески воды непріятнымъ шумомъ разносились по комнатѣ. Любка уже забралась на свое мѣсто и со страхомъ оглядывала толпу. У дверей толпилось нѣсколько женщинъ, сосѣдокъ по двору; онѣ стояли со сложенными на груди руками и сѣрдоболюно покачивали въ тактъ головами, — такія серьезныя, удрученныя. У окна толпились любопытные всѣхъ возрастовъ, — мужчины, женщины, дѣти. Словомъ, волненіе было общее и, какъ сильное теченіе, оно разомъ увлекло всѣхъ за собой.

Собралась эта толпа просто, какъ-то съ вѣтра. Никто никому не объявлялъ о катастрофѣ, и все-таки всѣ въ переулкѣ къ вечеру знали о ней. О Іерохимѣ не толковали только одни глухіе. До поздней ночи толпа безцеремонно входила и выходила изъ комнаты Іерохима, и никакая сила не удержала бы этихъ людей отъ того, чтобы не поглазѣть на него, не сказать нѣсколько сочувственныхъ словъ ему, не помочь Ципкѣ вздохами и оханьями. Болѣе участливые вспоминали слѣпыхъ, которые должны были доказать Іерохиму, какъ дважды два, что болѣзнь его пустяшная, что стоитъ сдѣлать только то-то и то-то, чтобы слѣпоту, какъ рукой сняло. Они ссылались на примѣры, на факты. И до того всеобщее ослѣпленіе

было велико, что каждый находилъ въ себѣ капельку вѣры въ чудо. Только бы слѣпые явились!

И они явились, эти старые, сѣдобородые, толстые, худые, высокіе и малые люди, каждый съ своимъ особеннымъ и непремѣнно убѣдительнымъ доказательствомъ, съ фактами въ рукахъ. Усѣвшись въ кружокъ подлѣ Іерохима, съ слабой надеждой на то, что авось надъ ними сжалятся и возьмутъ да покормить ихъ, они начинали рассказывать шопотомъ какія-то дивныя необычайныя исторіи, приводя неслыханное множество примѣровъ чудесныхъ исцѣленій. По существу, исторіи эти были наивны, какія-то дѣтскія сказки, которымъ даже и Іерохимъ не повѣрилъ бы, если бы не былъ такъ подавленъ страхомъ. Но теперь онъ слушалъ эти исторіи и такъ страстно ему хотѣлось признать ихъ дѣйствительностью. Лицо его выражало столько почтенія и вниманія, онъ съ такимъ интересомъ входилъ во всѣ подробности этой небывальщины, что со стороны нельзя было смотрѣть равнодушно. Въ результатъ же отъ этого волненія получилось что-то чрезвычайно странное. Въ моментъ высокаго психическаго настроенія, выставлявшаго драму выпукло одной только стороною, всѣ какъ-то вдругъ позабыли, что слѣпота Іерохима являлась одними цвѣточками, и что ягоды были только впереди. Одна Ципка не теряла этого изъ виду, но она одна была безсильна противъ этого натиска хотя и хорошихъ, но бесполезныхъ чувствъ, и только про себя думала свою горькую неразрѣшимую думу о завтрашнемъ днѣ.

Когда утромъ въ комнатѣ появилась Фейга, и встѣдъ за нею съ чрезвычайными усилиями протиснулась въ свободный проходъ фигура стараго Зейлига, у нея нѣсколько отлегло отъ сердца. Безпокоило ее, впрочемъ, отсутствіе Хаима, но и это сейчасъ же уладилось, такъ какъ Фейга еще на порогѣ объявила, что Хаимъ идетъ за ней съ дѣточками. Въ комнатѣ, хотя толпились по прежнему, но все же какъ-то совѣстливѣе, осторожнѣе, точно вдругъ догадались, что шумѣть и беспокоить по этому случаю совсѣмъ не за чѣмъ; за то весь центръ оживленія перешелъ во дворъ, къ окну. Ципка такъ не выдержала, замѣтивъ, что на свадьбѣ Дворки не было столько народу, и что Дворка была бы первой счастливицей, если бы увидала у себя хоть половину этой толпы, что въ свою очередь вызвало саркастическій отвѣтъ Бейлы.

— Что подѣлаешь? Развѣ всѣ люди имѣютъ такія твердыя сердца, какъ у нѣкоторыхъ. Ну, и собрались. Но на это развѣ нужно смотрѣть? На доброе сердце нужно смотрѣть. Ципка выгнала Фейгу, почему же Фейга пришла, и почему Хаимъ, пусть онъ будетъ здоровъ, придетъ? Гмъ, какъ будто бы кто нибудь можетъ не догадаться почему? Очень просто. У

Фейги и у Хаима, пусть они будут здоровы, золоты сердца!

Ципка съ ненавистью взглянула на Бейлу, но сдержалась. — Что ты такъ смотришь на меня, Ципка,—задочно сорвалась Бейла,—развѣ я не правду сказала? Разѣ ты могла выгнать Фейгу, и она послѣ этого пришла, то она просто праведница... Видѣла?

— Перестань, Бейла,—кратко перебила ее Фейга. —Развѣ мы не имѣемъ великаго Бога на небѣ, который видитъ все, что дѣлается здѣсь. Когда я Ципку предупреждала, тогда она меня ругала и выгнала. Не значить-ли это, что Богъ ее отвелъ отъ правды. Чѣмъ же она виновна?

— Къ чему намъ объ этомъ говорить, Фейга,—примирительно и покорно перебила ее Ципка. —Какой прокъ выйдетъ изъ этого? Будемъ лучше говорить о дѣлѣ!

— О чемъ же я говорю, Ципка? Я развѣ о чемъ-нибудь другомъ говорила. Ты подстерегаешь каждое мое слово, Ципка, хоть бы теперъ удержалась!

— Довольно, женщина!—внушительно произнесъ молчаливый до сихъ поръ Зейлигъ. —Вотъ идетъ Хаимъ!

Никто не тронулся съ мѣста при этомъ извѣстiи... Ципка рванулась было встать, но тотчасъ же передумала и осталась, какъ сидѣла. Иерохимъ раза два дернулъ ее за рукавъ, но она только нетерпѣливо задергала плечами въ отвѣтъ и сдѣлала ему какой-то знакъ глазами, забывъ, что Иерохимъ не можетъ его увидѣть. Хаимъ, между тѣмъ, сопровождаемый жужжанiемъ разступавшейся предъ нимъ толпы, вошелъ въ комнату. Тутъ онъ осмотрѣлся, поздоровался, отыскавъ глазами свободное мѣсто и, не выпуская изъ рукъ своихъ мальчугановъ Ицку и Берку, усѣлся. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35, средняго роста, не смотря на брюшко, довольно подвижный, хотя глядя на то, какъ онъ ходилъ, двигался или сидѣлъ, чувствовалось что-то искривленное въ его фигурѣ. Впрочемъ, впечатлѣнiе это сглаживалось его прiятнымъ лицомъ. Сѣрые, мигающiе, но добродушные глаза подъ широкимъ, почти правильнымъ лбомъ, крупный ротъ, скрытый за повисшими, нерасчесанными усами, маленькiя уши, большая, тоже нерасчесанная русая борода,—вотъ портретъ Хаима, производившаго впечатлѣнiе разсѣяннаго, незлого человѣка... Дѣти его, Ицка и Берка, были подозрительно пухленькiе, чистенькiе, съ напomaженными масломъ волосами,—образчики плаксъ и золотушныхъ. Лица ихъ были безцвѣтными и выраженiе безразличное.

Съ приходомъ Хаима всѣ подбодрились, оживились, но посидѣли нѣсколько минутъ молча. Такъ какъ вся надежда была на него, то естественно и ожидали, что онъ скажетъ. Старый Зейлигъ приказалъ Ханкѣ оставить работать, такъ какъ изъ-

за плеска воды нельзя было ничего слышать. Ханим одобритительно мотнула головой и протянула два пальца къ жилеткѣ Зейлига.

Зейлигъ вытащилъ табакерку, подсунулъ ее подъ пальцы Ханим, потянулся и самъ за щепоткой и, держа два пальца въ воздухѣ, произнесъ:

— Пусть съ твоимъ приходомъ, Ханимъ, наступитъ радость въ этомъ домѣ. Въ семьѣ, гдѣ есть мертвецъ, все-же лучше, чѣмъ здѣсь!

Ципка начала плакать.

— Не плачь, Ципка, — продолжалъ старикъ, — плачутъ только глупые. Развѣ раньше кто-нибудь заботился объ Іерохи-мѣ? Развѣ въ мірѣ было лѣкарство противъ его несчастья? Кто бы подумалъ объ его женѣ, его домѣ, его дѣтяхъ? Никто, ибо каждый имѣетъ свою жену, свой домъ, своихъ дѣтей. Когда человѣкъ здоровъ и еще плетется на ногахъ, то будь онъ во сто разъ несчастнѣе, никто не захочетъ его пожалѣть. Что-же это значить? Это значить, что Іерохимъ долженъ былъ ослѣпнуть ради своей семьи, и Тому, имя Котораго мы не достойны произносить, не нужно задавать вопросовъ? Это должно было такъ сдѣлаться, и объ этомъ нечего больше говорить.

Ханимъ одобрительно покачалъ головой. Только Фейга хмурилась и подоврительно взвѣшивала каждое его слово.

— Вы говорите очень сладко, Зейлигъ, — процѣдила она, — но сладкими словами вы меня не растрогаете. Я знаю, что знаю и больше ничего. Если Іерохимъ сталъ калѣкой, значить, Богъ, знаетъ, что дѣлаетъ, и конецъ. Меня же это совсѣмъ не касается? Мало-ли калѣкъ и нищихъ на свѣтѣ? Послѣ этого можно думать, что я должна имъ всѣмъ помогать. Развѣ Іерохимъ былъ человѣкъ, какъ другіе люди? О чемъ думалъ онъ всю свою жизнь, спросите его? Плодилъ нищихъ и больше ничего. Ну, такой же конецъ и у него будетъ, какъ онъ того хотѣлъ. Видѣли вы—сколько онъ высосалъ у меня? Послѣ свадьбы гдѣ Іерохимъ поселился? у меня. Гдѣ онъ ѣлъ и пилъ съ своей женой цѣлый годъ? у меня. У кого Іерохимъ работалъ цѣлыхъ шесть лѣтъ въ то время, когда у другого его и шести дней не держали бы? у меня? Чего же еще отъ меня хотять? Я, вѣдь, просто праведница.

— Дорогая Фейга, не огорчайся же такъ, — польстила Бейла, ты, вѣдь, расстроишь свою грудь. Бога побойся.

— Не мѣшайтесь вы хоть здѣсь, Бейла, — разсердился Ханимъ. Откуда вы взялись? Звалъ васъ кто-нибудь? Нужны вы комунибудь? Стойте тамъ на своемъ мѣстѣ и молчите...

— Не кричи, пожалуйста, Ханимъ, — вспыхнула Фейга, — никто тебя не боится. Ея слова колятъ тебя. Ты бы хотѣлъ, чтобы она имѣла твое каменное сердце въ груди!.. Она мнѣ, бѣднень-

кая, больше предана, чѣмъ ты. Ты бы взялъ, да сейчасъ же отдалъ бы все свое добро этому калѣкѣ?

— Затѣмъ ты все сердилъ, Фейга?—умоляюще вѣспалась Ципка.—Кто думаетъ отнимать у тебя твое добро? У кого есть такія мысли, то пусть у того добра во вѣкъ не будетъ. Что ты? Развѣ оно тебѣ легко пришлось самой, или ты его, не дай Богъ, украла у кого-нибудь. Ты вѣдь, бѣдненькая, довольно работала для этого. Говорать же по человѣчески. Сойдутся люди, переговаривать, тотъ дастъ что-нибудь, другой дастъ,—соберется нѣсколько рублей, а на эти деньги можно уже будетъ какое-нибудь мѣсто купить для меня на базарѣ. Іерохимъ вѣдь тебѣ не чужой. Ты бы могла развѣ видѣть, какъ онъ съ голоду будетъ умирать. Ну, а дѣти? Я не говорю здѣсь о себѣ,—о себѣ я уже буду молчать.

Ципка дернула Іерохима за рукавъ.

— Я тебѣ тоже это хотѣлъ сказать, Фейга,—съ трудомъ произнесъ Іерохимъ, привставъ.—Ты видишь мое положеніе,—онъ махнулъ безнадежно рукой,—много я не могу говорить,—но Богъ меня довольно наказалъ. Я былъ честный человѣкъ, Фейга, и никогда ничьей копейки не замоталъ. Теперь же я долженъ руку протягивать, взывать къ Богу и больше ничего.

Онъ махнулъ опять рукой, что-то еще собрался сказать, но не найдя словъ, пошарилъ вокругъ себя руками и осторожно усялся на прежнее мѣсто... Въ это время сосѣди, стоявшія у дверей, заслышавъ, что дѣло касается подачки, стали безшумно одна за одной исчезать изъ комнаты. Фейгу пердернуло отъ злости.

—Видишь, какъ поступаютъ умные люди,—обратилась она къ Бейлѣ,—только я дура сижу здѣсь и не уйду. Положимъ, я бы давно уже ушла, но у меня есть дуракъ, который здѣсь останется. Ему развѣ больше нужно будетъ? Это развѣ человѣкъ, на котораго можно положиться, — это теленокъ и ничего больше. Богъ меня тоже славно съ нимъ благословилъ.

— Такой злой женщины, я еще въ жизни моей не видѣлъ,—сказалъ Ханмъ.—Что тебѣ сдѣлалъ этотъ несчастный Іерохимъ? Еслибы я имѣлъ брата, я бы, кажется, ему душу отдалъ, а ты Іерохима готова утопить въ ложкѣ воды.

— Тише, тише, пожалуйста, тебя вездѣ хорошо знаютъ. Ты думаешь, что ты лучше Іерохима. Ошибаешься, мой дорогой, ты такой же калѣка, какъ и онъ. Гдѣ бы ты былъ теперь, еслибы меня не было подлѣ тебя? Твою лавку растаскали бы за ничто... А потомъ ты пошелъ бы подъ окна просить на хлѣбъ. Нашли дойную корову. Не хочу я помогать никому, и конецъ. Что я за богачка такая, милліоны у меня лежатъ, дѣтей у меня нѣтъ? Много найдется калѣкъ и нищихъ. Я не Іеро-

хнѣтъ,—я думаю о завтрашнемъ днѣ. Это ты, можетъ быть, не думаешь. Закрой ты глаза, что я должна буду дѣлать? Тоже пойти просить на хлѣбъ? Никто не доживетъ до этого! Рубль я еще брошу, пожалуйста, и то буду жалѣть. Нужно было ему умнѣй быть. Довольно насосались они у меня. Затѣмъ еще и кому, спрашивается, я буду давать? Развѣ Іерохиѣ былъ такой почтительный и послушный братъ? Пожалѣлъ онъ меня когда-нибудь, слыхала-ли я отъ него ласковое слово? Онъ думалъ всегда только о себѣ. Портняжескія пѣсенки пѣлъ, когда у меня жалъ разливалась. Башмачки своей царикъ одѣвалъ. Кто мнѣ одѣвалъ башмачки? Ты, можетъ быть? Много ты на меня смотрѣлъ? Онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, а теперь опустилъ свою головку. О, глупый дуракъ, калѣка несчастный! Когда я разъ осмѣлилась ему сказать, что не велико счастье жениться на служанкѣ, то нужно было видѣть, какъ онъ мнѣ отвѣтилъ. Онъ вертѣлъ своей курчавой головочкой, какъ настоящій человѣкъ, и, я уже не знаю, гдѣ онъ этому тогда выучился, говорилъ: «мое сердце знаетъ, чего хочетъ!» Ну, пусть же онъ и теперь знаетъ, чего хочетъ!

Фейга разошлась до такой степени, что не было возможности ее удержать. Она съ какимъ-то сладострастьемъ упивалась своимъ гнѣвомъ и старалась перекричать всякаго, кто собирався возражать ей.

— Фейга, дорогая Фейга, пусть уже будетъ довольно, пожалѣй своихъ дѣтей,—удалось-таки вставить Бейлѣ.

— Хоть лежи въ землѣ съ дѣтьми, я не могу это перенести, понимаешь ты? Что вы всѣ насѣли на меня? Давай, давай, другого слова не знаютъ! Развѣ я дѣлаю фальшивыя деньги? Вѣдь у меня глаза вытѣзають, пока я не увижу свободной копейки, чтобы отложить ее про черный день. Это развѣ легко приходится? А мой дурень сидитъ, какъ корова,—возьми да и выдой его. Я сказала, что дамъ рубль, и больше у меня никто копейки не возьметъ. Я должна себя имѣть въ виду. У меня маленькія дѣти, а маленькія дѣти стоятъ больше взрослыхъ. Бостюмчики одни, рубашечки чего стоятъ? Вотъ купишь имъ башмачки, готовъ уже новые штаны. Они вѣдь не привыкли у меня въ изорванныхъ башмачкахъ ходить. А тутъ давай, да давай. Будто деньги мои краденныя!—Она гнѣвно вскочила съ мѣста, по старой привычкѣ, схватила Ицку на руки и такъ ужъ и осталась съ нимъ до конца.

— Ну, что вы скажете, Зейлигъ?—вскочила Ципка, а за ней, трясаясь, поднялся и Іерохиѣ.

— О, Богъ, Богъ, какъ Ты можешь молчать, глядя что дѣлается на землѣ! За что, за что она купается въ моей крови. Что я сдѣлала ей? Или я ругала ее, или я украла у нея что-нибудь. О Боже мой, Боже мой!

Ципка хотѣла еще что-то сказать, но плачь, звенѣвшій въ ея голосѣ, вдругъ вырвался изъ ея горла и огласилъ комнату. Лицо ея судорожно передернулось, расширилось и приняло страшное выраженіе. У дѣтей бывають такія лица, когда они долго надрываются отъ злости.

— Что я тебѣ скажу, дитя мое, — важнымъ и задушевнымъ голосомъ произнесъ Зейлигъ. — Знаешь, въ то время, когда мы еще имѣли свое собственное царство, существовалъ такой обычай наказывать преступника: его выводили далеко за городъ, раздѣвали наголо, обмазывали все тѣло свѣжимъ медомъ и оставляли въ такомъ видѣ на произволъ судьбы. Вскорѣ затѣмъ прилетали пчелы и, почуявъ запахъ меда, набрасывались тысячами на голое тѣло, и чрезъ нѣсколько времени преступникъ умиралъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Это былъ страшный способъ наказанія! Однажды случилось такъ, что преступника, обмазаннаго медомъ и начинавшаго стонать отъ укусовъ первыхъ пчелъ, увидѣлъ проходившій мимо его старый другъ. Узнавъ казнимаго, онъ горестно всплеснулъ руками и, движимый глубокой жалостію, хотѣлъ было наброситься на пчелъ, разогнать ихъ и тѣмъ уменьшить страданія мученика. Но лишь только онъ приблизился, чтобы исполнить свое намѣреніе, какъ несчастный сталъ умолять его именемъ Бога не дѣлать этого. Въ великомъ смущеніи онъ остановилъ свою руку и спросилъ несчастнаго о причинѣ этого запрета.

«Я тебѣ скажу, — отвѣтилъ тотъ. Эти пчелы, что усадили мое тѣло и вонзили въ него жало, совершили свое дѣло и больше причинить страданій ужъ не могутъ. Если-же ты, поддавшись добротѣ своей, оттолкнешь этихъ, то ихъ тотчасъ же замѣнятъ новыя, и тѣмъ удвоятся страданія мои. Поэтому, прошу тебя, оставь все, какъ есть, и предоставь меня моей судьбѣ».

Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ Ципка. Понимаешь ты? Перетерпи свое наказаніе и не ищи друзей, чтобы избавили тебя отъ него. Такъ хочетъ Всевышній, а что Онъ хочетъ, то мудро и хорошо.

Слова Зейлига произвели замѣтное впечатлѣніе на Фейгу. Она присѣла, притихла и задумалась. Хаймъ съ трудомъ сдерживалъ свой восторгъ.

— Да, да, Зейлигъ, — заговорилъ онъ, — какъ вы это хорошо сказали. Это расхочется по всѣмъ восточкамъ. Конечно, человѣкъ долженъ быть всегда человѣкомъ. Что же, мы развѣ богатство въ землю возьмемъ съ собой? Правда, мы имѣемъ дѣтей. Ну чтожь такое? Слава Богу, мы молоды и имѣемъ великаго Бога. Это я всегда думалъ и говорилъ. Но подите-ка уговорите мою Фейгу. Развѣ я хотѣлъ выгнать Иерохима? Онъ бы у меня до самой своей смерти работалъ. Но жены поссорились, — семья осталась безъ хлѣба — развѣ тутъ есть смыслъ?

Но что я могъ сдѣлать! Когда жена убѣдить себя, что она всему голова, такъ тутъ развѣ что-нибудь поможетъ? Конечно, я отказалъ Іерохиму, но никто не знаетъ, какъ у меня сердце болѣло о томъ. Развѣ шутка: жена и восемь человѣкъ дѣтей! Но я долженъ былъ молчать. Теперь же нельзя его такъ оставить, правда, Фейга?.. Нужно же ему помочь, Фейга, а? какъ вы думаете, Зейлигъ? Но, конечно, по человѣчески, а по человѣчески не нужно и себя забывать. А, Фейга, что ты скажешь? Нѣтъ, я хочу знать, что ты скажешь?.. У тебя вѣдь бываютъ иногда очень хорошія мысли.

— Что я скажу,—со вздохомъ отвѣтила Фейга,—что я могу сказать? Дѣлай, какъ хочешь. Кричи туда, кричи сюда—это развѣ поможетъ? Я хотѣла въ лучшему. Еслибы не ты помогъ, помогъ бы другой. Мало-ли людей на свѣтѣ? Но если ты хочешь такъ, пусть будетъ такъ. Я не хочу мѣшаться. Пчелой я тоже не хочу быть. Ну, говори уже, что ты думаешь?

— Такія сердца, такія золотыя сердца!—воскликнула Бейла, подавивъ свою злость и лѣстиво сложивъ руки предъ собой. Ну, Ципка, что ты теперь скажешь про этихъ людей? Нужно было тебѣ ее ругать?

Она схватила Берку на руки и стала осыпать его ласками.

— Э, это все пустыя дѣла,—еще разъ заговорилъ Зейлигъ,—женщины всегда найдутъ о чемъ болтать. Я же говорю, что все это нужно умѣть понять, и больше ничего. Не хватай,—удержать онъ Бейлу жестомъ,—всѣ видятъ вещи и ничего—за ними. Задастся загадка: на что Всевышнему нуженъ былъ слѣпой Іерохимъ? Зачѣмъ онъ такого бѣдняка обидѣлъ? И люди плачутъ, и люди горюютъ, а я говорю: не нужно плакать, ибо на всемъ лежитъ рука Того, Который живетъ вѣчно. Всѣмъ казалось, что глубже горя и быть не можетъ, а это были только вещи и ничего больше. И что же дѣлаетъ Всевышній? Онъ говоритъ: «ты, Іерохимъ, что имѣешь восемь дѣтей, голодныхъ и оборванныхъ, что имѣешь жену слабую и немощную, ты, Іерохимъ, испей чашу горечи до дна, ибо такъ хочу я, Господь, Богъ твой». Онъ говоритъ: «ты, Фейга, что имѣешь домъ въ довольствѣ, что имѣешь мужа здороваго, дѣтей сытыхъ и обутыхъ, прими въ домъ слѣпому Іерохиму и отдѣли ему часть богатства твоего, ибо такъ хочу Я, Господь, Богъ твой». И что невидимо хотѣлъ Всевышній въ своей мудрости, все сіе совершилось. Фейга пришла въ домъ слѣпому и подѣлилась съ нимъ богатствомъ своимъ. А я говорю еще разъ: это хорошо и мудро. Все, все хорошо, что здѣсь ни дѣлается, — все хорошо, все имѣетъ великій смыслъ. А теперь...

Зейлигъ не успѣлъ кончить изъ-за поднявшагося у дверей шума. Онъ поднялъ глаза и замеръ. Всѣ въ комнатѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, а Ципка, понявъ наконецъ, заголосила.

Въ комнатѣ стоялъ хозяинъ дома, а изъ за его спины выглядывало новое лицо, которое чрезъ минуту всё разглядѣли. То былъ судебный приставъ.

— Приступаю къ исполненію своихъ обязанностей,—началъ онъ...

Хаймъ всплеснулъ руками и ухватился за Фейгу. А Ципка вопила надтреснутымъ, какимъ-то тоскующимъ голосомъ послѣднюю мольбу нищеты:

— Не пишите, не пишите,—задышалась она, поспѣшно утирая потъ, ручьями катившіяся съ ея лица.—Ой, не надо, куда я пойду съ своими дѣтьми? Богъ, Богъ, пошли ты мнѣ смерть! Она металась по комнатѣ, ловя руку пристава для подѣлуз, падая на колѣни то предъ тѣмъ, то предъ другимъ,—въ конецъ измученная, то непреклонная, то покорная.

— Не трогайте, не пишите,—упрямо повторяла она,—куда я пойду съ дѣтьми! У меня мужъ ослѣпъ! О, Богъ, Богъ, да проси же!—крикнула она дрожавшему Іерохиму,—о, калѣка проклятый, до чего ты насъ довелъ. Вотъ, вотъ твои дѣти, на бери ихъ, берите ихъ, берите все, душу мою возьмите.

Іерохимъ, какъ стоялъ, такъ и грѣхнулся на колѣни. Странное впечатлѣніе производила эта фигура среди шума и гама, среди неряшливо набросанныхъ вещей, безмолвная фигура, съ протянутыми руками, къ кому-то съ мольбой, съ глазами, широко раскрытыми, съ выраженіемъ мучительнаго недоумѣнія на лицѣ.

Ципка все еще металась—точно въ горячкѣ, всякій разъ наталкиваясь на Іерохима, который при каждомъ толчкѣ, стоя на колѣняхъ, переползалъ на другое мѣсто.

Старый Зейлигъ, какъ привсталъ, такъ и остался въ согбенной позѣ. Полы его сюртука сползли внизъ, но онъ не замѣчалъ этого. Прижавъ обѣ руки къ груди, онъ все смотрѣлъ въ одну точку, изрѣдка прислушиваясь къ стenanіямъ Ципки, но больше думая о своемъ, о томъ, что есть надъ вещами, и губы его, казалось, шептали по прежнему: все хорошо, все мудро.

Хаймъ, Бейла, дѣти и Фейга сбились въ кучку, трепещущіе и неподвижные.

А Ципка все еще, какъ ей казалась, кричала, хотя она давно уже говорила хриплымъ голосомъ.

— Не надо, не дѣлайте, это вѣдь кровью все было куплено... О Богъ, Богъ, пошли смерть мнѣ и моей семьѣ!

Въ дверяхъ подозрительно безмолствовала толпа.

С. Іошквичъ.

Дневникъ завѣдывающаго переписнымъ участкомъ въ глухой провинціи.

I.

Въ концѣ октября мѣсяца прошаго года, когда я возвращался изъ заграничнаго отпуска къ себѣ домой, въ М—скій уѣздъ, во всѣхъ газетахъ, которыя я покупалъ на станціяхъ желѣзной дороги, печатались телеграммы объ открытіи послѣдовательно въ разныхъ губерніяхъ дѣйствій переписныхъ комиссій и о выѣздѣ изъ Петербурга многихъ чиновниковъ (въ чинѣ отъ статскаго до тайнаго совѣтника) «для объединенія на мѣстѣ работъ по предстоящей переписи».

Дома меня ожидала копія журнальнаго постановленія уѣздной переписной комиссіи, согласно которому изъ части моего земскаго участка формировался особый переписной участокъ (по уѣзду № 1), а я назначался, съ утвержденія губернатора, завѣдывающимъ имъ. Такъ какъ въ судебномъ отношеніи мнѣ подвѣдомственъ также и городъ М., то собственно изъ моего земскаго участка образовано было два переписныхъ; перепись городского населенія поручена была городскому головѣ на правахъ завѣдывающаго, городъ составилъ переписной участокъ № 11. Остальные 9 участковъ распредѣлили между земскими начальниками. Къ копіи постановленія былъ приложенъ «списокъ населенныхъ мѣстъ 1-го переписного участка». Списокъ сразу поразилъ меня. Въ немъ, вопреки вышеназложенному подраздѣленію уѣзда, оказались перечисленными въ составѣ 1-го участка и городъ М., и всѣ жилые пункты въ чертѣ городскихъ земель, что вмѣстѣ съ селеніями моего участка составило 66 пунктовъ, а между тѣмъ, въ текствѣ постановленія число селеній 1-го участка исчислено въ 53 пункта. Если даже вычесть неправильно внесенные 15 городскихъ пунктовъ изъ общаго числа 66, то и въ этомъ случаѣ очевидна ошибка въ счетѣ на одно селеніе, т. е. 52 вмѣсто 51. Недоразумѣніе относительно выдѣленія города и принадлежащихъ къ нему жилыхъ пунктовъ въ особый участокъ № 11 разъяснилось тотчасъ же въ уѣздной комиссіи, цифра же 52, вмѣсто 51, попала во всѣ предварительныя исчисленія комиссіи и со-

общена уже была въ комиссію губернскую; на основаніи ея велись исчисленія количества переписныхъ пунктовъ, числа счетчиковъ и т. п. Первое засѣданіе уѣздной переписной комиссіи состоялось 25 сентября, комиссія постановила, между прочимъ, потребовать отъ завѣдывающихъ участками, чтобъ они пригласили потребное для переписи количество счетчиковъ, составили бы списки съ отмітками противъ каждаго селенія имени и фамиліи счетчика, и списки эти представили къ 5 октября въ комиссію. Нечего говорить, что въ столь короткій срокъ завѣдывающіе не только не успѣли набрать счетчиковъ, но, не имѣя кромѣ популярныя брошюры о переписи, рѣшительно никакихъ руководящихъ указаній, едва успѣли составить соображенія о приблизительномъ хотя бы распланированіи своихъ участковъ на участки счетные, въ зависимости отъ географическаго расположенія селеній, удобствъ сообщенія, численности дворовъ въ каждомъ селеніи и т. п. Многіе и этого не успѣли сдѣлать, потому что предписанія комиссіи были разосланы по земской почтѣ 25 сентября и въ дальнихъ углахъ уѣзда были получены не ранѣе 29—30 сентября, а срокъ составленія списковъ назначенъ былъ 5 октября. Комиссію сама признала вскорѣ нѣсколько излишней свою торопливость и постановленіемъ, состоявшимся 11 октября, продлила срокъ представленія упомянутыхъ выше свѣдѣній сразу на полтора мѣсяца, а именно до 18 ноября, причемъ выработала и нѣкоторыя руководящія указанія, именно было постановлено, чтобъ на каждаго счетчика приходилось отъ 66 до 161 двора (по инструкціямъ полагалось отъ 200 до 400) въ зависимости отъ большей или меньшей разбросанности жилыхъ пунктовъ, подлежащихъ переписи. На основаніи этого показанія по уѣзду (исключая городъ М.) получились слѣдующія цифры:

Число участ- ковъ.	Число населенныхъ пунктовъ.	Число двор. въ участкѣ.	Число счет- чиковъ.	Число двор. на 1 счетчика
1	52 (51)	2159	15	144
2	165	3878	41	94
3	134	6587	60	110
4	136	4495	50	90
5	142	4632	46	100
6	183	5159	32	161
7	221	4968	61	81
8	268	4745	56	88
9	188	2940	32	92
10	186	3314	50	66

Этотъ свой расчетъ, неизвѣстно на чемъ основанный, комиссія, однако, не признала окончательнымъ, допуская возможность

увеличеніи числа счетчиковъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ неожиданно заявилъ въ комиссіи, что ему никакъ не хватитъ имъ же самимъ намѣченныхъ 32 счетчиковъ, а придется, вѣроятно, пригласить до 100 человекъ. Впослѣдствіи онъ еще неожиданно ограничился 20 счетчиками. Въ виду этого комиссія предложила завѣдывающимъ участками «заблаговременно на опытъ удостовѣриться, сколько времени потребуется среднихъ способностей счетчику для заполнения одного бланка, и сколько бланковъ онъ можетъ заполнить въ день». На основаніи такого опыта *) предложено каждому завѣдывающему просить о дополнительныхъ счетчикахъ. Счетчикамъ въ уѣздѣ назначено было вознагражденіе по 12 рублей. Далѣе былъ разсмотрѣнъ вопросъ о личномъ составѣ счетчиковъ. Надо замѣтить, что М—скій уѣздъ не помѣщичій и не промышленный: въ его селеніяхъ нѣтъ другой интеллигенціи, кромѣ сельскихъ учителей, духовенства, чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и персонала земскихъ служащихъ, поэтому вербовка счетчиковъ здѣсь особенно затруднительна. При этомъ еще духовенство, служащіе нѣкоторыхъ вѣдомствъ и сельскіе учителя не находили для себя возможнымъ принять участіе въ переписи безъ разрѣшенія своего начальства, которое, впрочемъ, не замедлило последовать, хотя и не безъ ограниченій: председатель мѣстной земской управы разрѣшилъ, напримѣръ, только тремъ очень юнымъ и незначительнымъ служащимъ **) изъ всего штата канцеляріи участвовать въ переписи, сославшись, что и безъ того уже трое служащихъ заняты дѣлами, касающимися переписи. Одинъ изъ нихъ былъ членъ земской управы, который, принявъ на себя обязанности члена-дѣлопроизводителя уѣздной переписной комиссіи, дважды (одинъ разъ на весьма продолжительное время) уѣзжалъ изъ города, запирая на ключъ всѣ дѣла комиссіи, чѣмъ ставилъ послѣднюю и ея председателя въ самое безпомощное положеніе. Впослѣдствіи по волюному найму былъ приглашенъ въ комиссію секретарь, который и работалъ одинъ за всю комиссію подъ руководствомъ председателя.

Наступалъ ноябрь мѣсяцъ. Никакихъ предварительныхъ работъ и даже опредѣленныхъ свѣдѣній о распредѣленіи счетныхъ участковъ, о размѣрахъ вознагражденія счетчикамъ, о личномъ составѣ послѣднихъ не было. Ждали, что скажетъ губернская комиссія. А изъ губернской и изъ главной переписной комиссіи съ каждой почтой приходили посылки съ формами бланковъ, съ брошюрами и печатными наставленіями. Все это высылалось «черезъ чашъ по столовой ложкѣ». Такъ, я получилъ шесть одинаковыхъ экземпляровъ инструкціи завѣдывающимъ участками (для одного меня) и всего

*) Противъ пробной переписи жестоко возсталъ пріѣхавшій впослѣдствіи изъ Петербурга специальный чиновникъ.

**) Одинъ изъ нихъ впослѣдствіи оказался совершенно неспособнымъ.

пять наставлений для счетчиковъ (ихъ предполагалось не менѣе 15-человѣкъ). Мнѣ выслали шесть экземпляровъ ненужныхъ перечневыхъ вѣдомостей о числѣ монашествующихъ, заключенныхъ и призываемыхъ и по одному экземпляру переписныхъ листовъ для сельскаго населенія, которые только и были мнѣ нужны и съ которыми необходимо было заблаговременно ознакомить счетчиковъ.

Составъ приглашенныхъ мною—нѣкоторые вызвались сами—счетчиковъ былъ слѣдующій: 1 агрономъ съ высшимъ образованіемъ, 1 съ среднимъ, 1 священникъ, 3 служащихъ земской управы, юноши съ низшимъ образованіемъ, 1 интеллигентный волостной писарь и 1 не интеллигентный, 2 молодыхъ псаломщика, 2 писца канцеляріи земскаго начальника, 2 помощника волостного писаря—подростки, 1 служащій коммерческой конторы, 1 акцизный надсмотрщикъ, окончившій курсъ реального училища. Этотъ составъ считался однимъ изъ лучшихъ въ уѣздѣ, потому что завѣдывающіе другими участками должны были довольствоваться сельскими жителями—грамотными запасными солдатами, крещенными инородцами, едва владѣющими русскимъ языкомъ, и тому подобными мѣстными грамотѣями. На одного сельскаго учителя или учительницу въ составѣ счетчиковъ приходилось по 6—7 такихъ совершенно не интеллигентныхъ личностей. Усвоеніе требованій переписныхъ вѣдомостей и бланковъ, которыя призывались счетчиками вообще слишкомъ сложными, составляло для нихъ огромный трудъ и доставляло массу работы ихъ руководителямъ. Мой сосѣдъ по участку долженъ былъ учредить нѣчто вродѣ курсовъ для своихъ счетчиковъ. Подготовка послѣднихъ крайне затруднялась отсутствіемъ образцовъ и формъ, высланныхъ намъ неаккуратно, непоследовательно и въ недостаточномъ количествѣ. «Наставленія сельскимъ счетчикамъ», розданныя мною нѣсколькимъ кандидатамъ въ счетчики, ничему ихъ не научали безъ образцовъ переписныхъ бланковъ, а этихъ послѣднихъ не было вовсе. Между тѣмъ, по инструкціи завѣдывающимъ участками, въ ноябрѣ, т. е. за два мѣсяца до дня переписи, мы должны были исполнить уже значительную часть подготовительной работы, которую фактически выполнить при упомянутыхъ выше условіяхъ было невозможно. Полученныя формы переписныхъ листовъ сами по себѣ вызвали рядъ вопросовъ, которые было необходимо заблаговременно разрѣшить въ интересахъ объединенія отвѣтовъ на спорные пункты. Счетчики спрашивали, напримѣръ: 1) нужно-ли записывать прохожихъ, нищихъ, извозчиковъ, которыхъ день переписи застанетъ въ извѣстномъ селеніи? 2) откуда почерпнуть свѣдѣнія о воинскомъ званіи крестьянъ, которые сами никогда не знаютъ, какого разряда кто ратникъ? 3) какъ записывать семейное положеніе—сынъ, братъ и т. п.—поденщиковъ и рабочихъ, живущихъ въ казармѣ безъ семей, или же женщинъ, находящихся въ услуженіи и имѣющихъ въ другомъ уѣздѣ мужей и т. п.? 4) какъ опредѣлять хозяина въ крестьянскомъ домѣ,

гдѣ живетъ нѣсколько раздѣлившихся самостоятельныхъ семей? 5) вписывать-ли въ крестьянскія семьи замужнихъ дочерей, живущихъ отдѣльно? 6) для чего записывать такихъ лицъ, которымъ прямо отведена графа: «обыкновенно не живетъ здѣсь?» и т. д. и т. д.

Въ нашемъ уѣздѣ, изобилующемъ инородцами, предназначенные для переписи инородческаго населенія счетчики должны были обладать или знаніемъ соотвѣтствующаго языка или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ знакомствомъ съ бытомъ данныхъ инородцевъ, чтобы, дѣйствуя при помощи переводчика, — которымъ, въ большинствѣ случаевъ, служилъ сельскій староста, засѣдатель волостного правленія или другое должностное лицо изъ мѣстныхъ жителей, — не надѣлать безтактностей, невосегда безопасныхъ для успѣха переписи и даже общественнаго спокойствія. Еще задолго до переписи среди татаръ, напримѣръ, стали ходить нехѣвые слухи о томъ, что правительство затѣяло регистрацію инородческаго населенія съ цѣлю распространенія среди него русскихъ школъ, гдѣ татарскихъ дѣтей будутъ готовить къ переходу въ христіанство. Въ другихъ мѣстахъ назначеніе переписи видѣли въ увеличеніи податей и повинностей, въ томъ числѣ воинской. Я изъ счетчиковъ своего участка выбралъ для переписи инородцевъ исключительно лицъ, служившихъ въ инородческихъ волостныхъ правленіяхъ или жившихъ среди этого населенія. Никакихъ препятствій они при своей работѣ не встрѣтили, хотя жители безпрестанно приступали къ нимъ съ разспросами о цѣли переписи, собирались цѣлыми толпами, высказывали вслухъ недовѣріе и т. п. Случались курьезы. Незадолго до переписи губернаторъ издалъ воззваніе къ татарамъ, въ которомъ, подробно перечисливъ всѣ ходившія по поводу переписи басни, опровергалъ ихъ одну за другой и убѣждалъ населеніе не вѣрить слухамъ. Малограмотные татары упорно цитировали изъ этихъ воззваній только одинъ перечень опровергаемыхъ слуховъ и потому съ убѣжденіемъ говорили мѣстнымъ властямъ и счетчикамъ: «вотъ и губернаторъ подписалъ бумагу, что нашихъ дѣтей станутъ учить по русски, а потомъ крестить; что подати увеличатся; что будутъ больше народу брать въ солдаты»...

При распредѣленіи селеній по счетнымъ участкамъ мнѣ пришлось нарушить первоначальное предположеніе уѣздной переписной коммисіи и требовать вмѣсто намѣченныхъ ранѣе 15-ти счетчиковъ 17. По этой причинѣ пришлось искать двухъ добавочныхъ счетчиковъ. Я обратился, между прочимъ, въ канцелярію мѣстнаго уѣзднаго съѣзда, гдѣ служило 9 молодыхъ людей, болѣе или менѣе интеллигентныхъ. Секретарь съѣзда, съ одобренія предсѣдателя, отвѣтилъ мнѣ, однако, что положительно не можетъ разрѣшить своимъ подчиненнымъ принять на себя обязанности счетчиковъ, потому что и безъ того писаніемъ разныхъ бумагъ по дѣламъ, касающимся переписи, заняты уже трое служащихъ съѣзда. Насколько основательна была такая мотивировка отказа, видно изъ того, что въ распоря-

женіе председателей уѣздныхъ комиссій было ассигновано по 200 и болѣе рублей на канцелярскіе расходы, слѣдовательно, работы по комиссіи должны были исполнять не писаря сѣзда или земской управы, а особо нанятые служащіе или хотя бы и тѣ же писаря, но за особое вознагражденіе и въ часы неприсутственные, что нисколько не помѣшало бы имъ принять на себя почтенный трудъ счетчиковъ, такъ какъ и всѣ вообще счетчики принадлежали къ люду столь же занятому.

Если земская управа и сѣздъ неохотно отпускали своихъ служащихъ на работы по переписи, то разныя другія административныя вѣдомства, наоборотъ, предлагали услуги своихъ агентовъ. Съ этими услугами происходили иногда довольно странныя вещи. Министерство финансовъ и удѣльное вѣдомство предложили въ ноябрѣ губернскимъ комиссіямъ вербовать заведывающихъ переписными участками изъ среды подвѣдомственныхъ этимъ учрежденіямъ чиновниковъ, о чемъ и былъ разосланъ циркуляръ комиссіямъ. Председатель м—ской уѣздной переписной комиссіи распорядился разослать этотъ циркуляръ въ гектографированныхъ спискахъ всѣмъ намъ, заведывающимъ, «для свѣдѣнія и руководства». Спрашивается, что могли мы навлечь изъ упомянутой бумаги, когда всѣ заведывающіе въ нашѣмъ уѣздѣ уже были утверждены въ своихъ должностяхъ, да и въ случаѣ какихъ либо переимѣнъ приглашеніе на должность заведывающаго зависѣло вовсе не отъ насъ.

Какъ совершалась рассылка формъ переписныхъ бланковъ и вѣдомостей, видно изъ слѣдующаго примѣра: 11-го ноября въ помѣщеніи уѣздной комиссіи я видѣлъ два полученные объемистые пакета съ бланками бѣлаго, желтаго и синяго цвѣтовъ; на обоихъ пакетахъ стояло «къ № 6288» (это на канцелярскомъ языкѣ значить, что бланки сопровождаются объяснительною бумагою за № 6288). И что же? Бумаги за № 6288 такъ ни откуда и не пришло ни раньше, ни послѣ полученія пакетовъ.

Прочелъ въ «Новомъ Времени» телеграмму изъ Вильны о томъ, что пріѣхавшій туда для объединенія работъ по переписи министерскій чиновникъ разъяснилъ, будто бы женщины могутъ привлекаться къ переписи лишь въ качествѣ запасныхъ счетчиковъ, тогда какъ наша комиссія разрѣшила вербовать ихъ—особенно сельскихъ учительницъ и фельдшерницъ—въ ряды активныхъ работниковъ, а наша уѣздная комиссія даже прямо высказалась, что отрицательное разрѣшеніе вопроса о приглашеніи въ качествѣ счетчиковъ женщинъ замѣтно уменьшитъ интеллигентный элементъ въ средѣ счетчиковъ, такъ какъ всѣ учительницы, напримѣръ, обладаютъ дипломами среднеучебныхъ заведеній, тогда какъ большинство счетчиковъ-мужчинъ образовательнаго ценза не имѣютъ или онъ ниже средняго. Въ моемъ участкѣ, гдѣ не случилось ни одной женщины-счетчика, но составъ счетчиковъ всетаки оказался наиболѣе интеллигентнымъ въ уѣздѣ, благодаря близости города, откуда

приглашено большинство счетчиковъ, — послѣднѣе по образованію распределялись такъ: съ высшимъ образованіемъ 1, съ среднимъ 3, окончившихъ духовное, уѣздное или городское училище 9, безъ всякаго учебнаго диплома 2 и окончившихъ начальную школу 2.

17 ноября я на одномъ изъ волостныхъ сходо́въ объяснялъ крестьянамъ значеніе предстоящей переписи. Проведенная мною для вразумленія стариковъ параллель между переписью и прежними «ревизіями» (X-ю ревизію очень многіе еще хорошо помнятъ) вызвала вопросъ со стороны осторожныхъ крестьянъ: а ревизія земли будетъ? Надо для объясненія этой фразы помнить, что прежнія переписи народонаселенія вели къ передѣламъ государственныхъ земель по числу новыхъ дунъ и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ податнаго обложенія, конечно, въ смыслѣ его увеличенія. Я попытался успокоить недоверчивыхъ. Затѣмъ очень долго пришлось разубѣждать татаръ, которые составляютъ почти $\frac{1}{2}$ населенія этой волости, относительно слуховъ, циркулировавшихъ среди нихъ по поводу дѣли предстоящей переписи. Я старался разбить всѣ высказанные мнѣ нѣкоторыми бойкими татарами недоразумѣнія; наконецъ, они ничего мнѣ не могли уже возразить и стали благодарить меня «за доброе слово», между тѣмъ я прекрасно видѣлъ на ихъ лицахъ ничѣмъ непобѣдимое недоверіе и къ самой правительственной мѣрѣ и къ моей защитѣ ея. Такъ мы и разстались, непонятые взаимно.

Губернская переписная коммиссія разъяснила, что замѣстителемъ председателя уѣзднаго коммиссіи, въ случаѣ его отсутствія, долженъ быть старшій въ числѣ изъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ, иными словами—когда председатель уѣдетъ (а онъ губернской гласный и обязанъ около мѣсяца пробывать въ губернскомъ городѣ), то въ каждомъ засѣданіи коммиссіи будетъ разный председатель, смотря по тому, кто явится въ засѣданіе изъ старшихъ—то исправникъ, то воинскій начальникъ, то податной инспекторъ, то городской голова, люди какъ разъ ничего общаго съ фактическою переписью не имѣющие и не знающіе хода дѣла. Членъ-дѣлопроизводитель въ третій разъ выѣхалъ изъ города и вскорѣ общается уѣхать въ четвертый, на дѣлѣ уже мѣсяцъ, такъ что коммиссія, вѣроятно, совершенно прекратить свои занятія.

Губернская коммиссія прислала 22 ноября запросъ, нельзя-ли урѣзать денежные средства завѣдывающихъ участками и счетчиковъ, хотя еще о выдачѣ вознагражденія тѣмъ и другимъ не было рѣши, потому что вся уѣздная коммиссія располагаетъ переведеннымъ въ ея распоряженіе кредитомъ въ... 100 рублей на дѣлѣ уѣздъ.

Приняло распоряженіе обратиться коммиссіи и завѣдывающимъ участками въ 8 ч. вечера 1 декабря для участія въ засѣданіи въ присутствіи командированнаго изъ Петербурга чиновника. Надо замѣтить, что нѣкоторымъ завѣдывающимъ приходится четвертый уже разъ ѣздить въ городъ: 5 и 11 октября, 18 ноября и

1 декабря, дѣлая по 300 и болѣе верстъ въ оба конца на собственнѣйшій счетъ и бросая всё свои дѣла. Четыре путешествія по 300 верстъ, считая даже на пару лошадей по 6 к. съ версты, составляютъ 72 р. безъ всякихъ расходовъ въ дорогѣ и проживанія въ городѣ, что, въ свою очередь, составитъ не меньше 20—30 руб., итого 100 рублей и двѣ недѣли потеряннаго времени, а результаты отъ засѣданій комиссіи пока не замѣтно, потому что компетенція ея крайне ограничена и единственнаго права, которое могло бы придать ей значеніе, — объединенія дѣйствій завыдывающихъ участками и счетчиковъ, — она лишена. Затѣмъ насъ послѣ этого приглашаютъ въ комиссію, рѣшительно недоумѣваю. Все, чего она отъ насъ требуетъ, а именно: описки населенныхъ пунктовъ, именникъ счетчиковъ, свѣта денежныхъ расходовъ и т. п., носитъ чисто канцелярскій характеръ и представленіе всѣхъ этихъ бумагъ лично нами съ успѣхомъ могло бы быть замѣнено отсылкою ихъ по почтѣ.

Итакъ, на 1 декабря было назначено чрезвычайное собраніе всѣхъ членовъ переписной комиссіи и завыдывающихъ участками для выслушанія руководящихъ разъясненій командированнаго для объединенія переписныхъ работъ чиновника. Всѣ мы, кромѣ трехъ, не явившихся по разнымъ уважительнымъ причинамъ, собрались въ комиссію къ 8 часамъ вечера. Оказалось, что министерскій чиновникъ еще не пріѣхалъ въ городъ. Ждали мы, ждали, наконецъ, возроптали и рѣшили разойтись, но заступавшій должность председателя комиссіи усиленно упрашивалъ всѣхъ еще подождать, указывая на то, что если засѣданіе не состоится именно сегодня, то весь маршрутъ командированнаго лица придется измѣнить, потому что на завтра имъ назначено засѣданіе въ другомъ городѣ, послѣ завтра въ третьемъ и т. д. Наконецъ, въ 12 ч. 5 м. ночи, засѣданіе комиссіи было открыто. Большая часть этого засѣданія посвящена была объясненію двухъ сложныхъ отчетныхъ вѣдомостей по выполненію работы, сочиненной самимъ г. командированнымъ агентомъ. Веденіе этихъ вѣдомостей должно было увеличить нашу работу вдвое. Затѣмъ намъ были даны разъясненія относительно нумераціи переписныхъ листовъ, причемъ, когда дѣло дошло до обложки листовъ № 2, то было заявлено, что никакой нумераціи эти обложки не требуютъ, и выставленный наверху ихъ номеръ опечатанъ, вѣроятно, по ошибкѣ типографіи. На вопросъ, что разумѣть подъ именемъ хозяйства (т. е. общій столъ, общую квартиру, отдѣльную семью и т. п.) было указано, что понятіе «хозяйство» весьма растяжимо и чисто субъективно; оно лучше всего опредѣляется тщательнымъ изученіемъ положеній и правилъ о переписи... Вообще, для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, у насъ возникшихъ, намъ рекомендовано было обратиться къ инструкціямъ. Засѣданіе затянулось до 5 часовъ утра. Усталые, голодные и сонные, члены приутоотвіа, наконецъ, не выдержали. Одинъ изъ нихъ всталъ и заявилъ, что ему первый разъ въ жизни приходится

участвовать въ засѣданіи, начавшемся въ первомъ часу утра и не окончившемся еще къ 5 часамъ, а потому вниманіе его къ разъясненіямъ совершенно притупилось, и онъ оставилъ засѣданіе. Пришлось засѣданіе закрыть. Тѣмъ и кончилисъ «разъясненія». Но черезъ двѣ недѣли изъ губернскаго города пришли двѣ подводы съ печатными бланками новыхъ вѣдомостей. Для разсылки ихъ по участкамъ и для своевременнаго заполнения и представленія обратно въ комиссію нѣкоторыхъ изъ этихъ вѣдомостей разослано по уѣзду 27 нарочныхъ на земскій счетъ; изъ нихъ нѣкоторые должны были скакать по 165 верстѣ въ одинъ конецъ, а всего земство заплатило прогоновъ за 3918 верстѣ. Срокъ представленія свѣдѣній назначенъ былъ 20 декабря, между тѣмъ въ дальнихъ участкахъ уѣзда распоряженія получены были лишь 17 декабря. Всюду пошла лихорадочная работа. Тревожили счетчиковъ, писали, считали, вычисляли, чертили планы переписныхъ и счетныхъ участковъ, дѣлали изъ нихъ выкопировки; всюду скакали нарочные, эстафеты и разсылные, старосты, оотскіе и десатскіе и всетаки къ сроку послѣть не могли. Вдругъ вечеромъ 18 декабря, какъ снѣгъ на голову, получается телеграмма отъ губернатора о послѣдовавшей изъ Петербурга отмівѣ всѣхъ сочиненныхъ командированнымъ агентомъ вѣдомостей. Пришлось разослать еще девять нарочныхъ, проскакавшихъ въ сложности еще 1306 верстѣ. Между тѣмъ, гигантская работа уже произведена, въ губернской типографіи отпечатано по 8 пудовъ бланковъ вѣдомостей на каждый уѣздъ, бланки оплачены и разосланы на счетъ переписныхъ суммъ и средствъ земства. Недоразумѣніе это обрушилось на двѣ губерніи сразу, потому что чиновникъ командированъ былъ въ двѣ сосѣднія губерніи и въ обѣихъ ввелъ новыя переписныя формы. Въ это самое время завѣдывающихъ переписными участками извѣстили о сокращеніи кредита на вознагражденіе счетчиковъ. Ясно было, что расходы на неудавшееся нововведеніе поглотили не одну сотню рублей кредита, ассигнованнаго въ распоряженіе губернской переписной комиссіи. Управляющій мѣстною контрольною палатою, впрочемъ, утѣшалъ всѣхъ недовольныхъ тѣмъ, что обратитъ въ начеть непроезводительные расходы по заготовкѣ и разсылкѣ 100 пудовъ вѣдомостей. Но кто могъ возвратитъ завѣдывающимъ переписными участками и ихъ помощникамъ непроезводительную затрату напряженнаго канцелярскаго труда и бессонныя ночи, проведенныя надъ кипами замысловатыхъ вѣдомостей.

Губернская переписная комиссія вступила рѣшительно на путь сокращеній и экономіи. Послѣ извѣщенія объ уменьшеніи платы счетчикамъ противъ ранѣе утвержденныхъ тою же комиссіею нормальныхъ окладовъ въ 12 рублей, она заявила, что не вышлетъ намъ также и просимаго количества переписныхъ бланковъ, находя требованія уѣздныхъ комиссій преувеличенными (почему—неизвѣстно), завѣдывающіе стали даже опасаться, какъ бы имъ не при-

шлося печатать бланки на свой счетъ. Получая отъ времени до времени подобныя реприманды, мы недоумѣвали: зачѣмъ же насъ въ такомъ случаѣ по четыре раза сгоняли въ комиссію для обсуждения разныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ о вознагражденіи счетчиковъ и о количествѣ потребнаго переписнаго матеріала, если губернская комиссія уполномочена отжѣнять безъ всякой мотивировки, просто, — смотря по обстоятельствамъ, — все наши постановленія. Не проще-ли было бы ей прямо поручить всю распорядительную часть. Комиссія игнорировала, напримѣръ, вопросъ о томъ, въ какое положеніе она ставитъ истинныхъ распорядителей переписного дѣла, убавляя внезапно вознагражденіе счетчикамъ, приглашеннымъ уже ранѣе согласно 17 и 18 параграфамъ инструкціи на извѣстныхъ условіяхъ и теперь одинъ за другимъ отказывавшимся отъ работы — кто въ виду недостаточности новаго размѣра вознагражденія, кто изъ чувства обиды. Между тѣмъ, сокращая эти грошовые расходы, та же комиссія нашла средства отпечатать цѣлыя токи вѣдомостей, сочиненныхъ прѣзжнимъ агентомъ...

Многіе счетчики совершенно основательно заявили завѣдывающему, что самый лучший способъ объединенія переписныхъ работъ заключался бы въ изготовленіи главною переписною комиссіею нѣсколькихъ образцовъ уже заполненныхъ надлежащими свѣдѣніями переписныхъ листовъ, изъ которыхъ счетчикъ почерпалъ бы практическое указаніе во всехъ затруднительныхъ случаяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, размыка по Россіи 30 уполномоченныхъ, вѣсто вышеупомянутой мѣры, неизбѣжно должна была привести къ путаницѣ, случившейся въ нашей губерніи, потому что немыслимо допустить, чтобы изъ 30 интеллигентныхъ людей ни одинъ не внесъ чего-либо своего при разрѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ практики переписного дѣла. Абсолютнаго единства мнѣній и указаній можно ждать отъ унтеръ-офицеровъ учебныхъ командъ въ вопросахъ фронта и воинскаго устава, а отнюдь не отъ лицъ, которые призваны руководить столь сложнымъ и важнымъ дѣломъ общегосударственнаго значенія, какъ всеобщая перепись. Въ результатъ, вѣсто объединенія, получалось часто полное разединеніе переписныхъ работъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, которое главною переписною комиссіею приходилось свѣсно исправлять наканунѣ самой переписи.

28 декабря мною была отправлена на работы первая партія счетчиковъ въ 4 человека. Земство снабдило ихъ открытыми листами на бесплатное полученіе обывательскихъ лошадей (по 1 на каждого счетчика, исключая счетчика-священника, которому дали билетъ на 2 лошади). 31 декабря явились обратно первыя ласточки переписи — два счетчика. Ни одинъ изъ нихъ не окончилъ въ 3 дня (надо помнить, что счетные участки у меня были небольшіе) своей

работы, хотя каждый выходилъ на перепись въ 7 ч. утра и безъ отдыха работать до тѣхъ поръ, пока не уснетъ вся деревня. Въ день успѣвали переписать отъ 30 до 50 дворовъ: Сопровождавшіе ихъ сельскія власти—въ одномъ случаѣ переминные сотскіе, въ другомъ отецъ сельскаго старосты, замѣнявшій отсутствующаго сына — измучились совершенно и умоляли счетчиковъ отпустить ихъ. Одному счетчику пришлось потерять нѣсколько часовъ на тушеніе пожара въ томъ селѣ, гдѣ онъ находился на переписи; другой потерялъ два часа времени въ погонѣ за крестьянской дѣвушкой, которая, недавно родивъ ребенка, пыталась избѣжать регистраціи себя и его и упорно скрывалась по деревнѣ отъ счетчика, а родные отрицали даже самое ея существованіе. Въ той же деревнѣ крестьяне предлагали счетчику не записывать вовсе хроническихъ больныхъ и умалишенныхъ, а также незаконнорожденныхъ и еще некрещенныхъ дѣтей, признавая регистрацію ихъ совершенно безцѣльною. Въ нѣкоторыхъ домахъ счетчику выражали неудовольствіе на перепись, цѣль которой имъ казалась непонятной, потому что всѣ свѣдѣнія о населеніи имѣются въ волостномъ правленіи. Въ теченіе 2 часовъ счетчикъ успѣвалъ переписывать только 10 дворовъ, да и то гдѣ семьи менѣе десяти человекъ. Затрудненія встрѣчались главнымъ образомъ въ вопросѣ о возрастѣ. Большинство пожилыхъ крестьянъ не знало своихъ лѣтъ; приходилось давать наводящіе вопросы, въ родѣ напоминанія о годѣ отбыванія солдатчины, о годѣ женитьбы, о годѣ послѣдняго земельного передѣла и т. п. Въ этомъ отношеніи огромную услугу счетчику оказывали сопровождавшіе его лица—сотскіе, десятскіе, старосты, которые быстро наводили спрашиваемаго путемъ приуроченія возраста его къ разнымъ выдающимся мѣстнымъ событіямъ, сохранившимся въ памяти всего населенія. Но и въ этомъ случаѣ спрашиваемые часто колебались, кончая тѣмъ, что говорили счетчику: «ну, пипи 48 или 49 годовъ». Женщины, особенно старухи, взятія въ замужество изъ другихъ мѣстъ, почти никогда не могли назвать своей губерніи, уѣзда и волости, припоминая лишь смутно имя села или деревни, гдѣ родились,—это особенно замѣчалось по отношенію къ бывшимъ крѣпостнымъ, переведеннымъ своими помѣщиками изъ одного имѣнія въ другое. Помнить старуха, что росла въ селѣ Отрадномъ или Монрепо, а гдѣ это село приткнулось на пространствѣ необъятной Россіи, положительно не знаетъ; да никогда и не интересовалась. Одинъ счетчикъ наткнулся на непріятность. Подвыпившій приказчикъ на мельницѣ началъ приставать къ счетчику съ шутками и остротами, мѣшалъ занятіямъ и вынудилъ его обратиться къ помощи полиціи.

Очень часто крестьянскіе родители не могли дать отвѣтовъ объ именахъ дѣтей. Проходящіе такіа сценки:

— Какъ зовутъ парня-то нашего, хозяйка?—спрашиваетъ растерянно мужъ.

— Парня-то?

— Ну!

— Какъ его? Попъ, отъ говорилъ Се... Се... Селифанъ, такъ, ровню.

— Какъ?—переспрашиваетъ счетчикъ.

— Силифанъ, батюшка.

Извольте догадываться, что мальчику при крещеніи даю священникомъ имя Ксенофонта. Кстати, о нарѣченіи крестьянскимъ дѣтямъ именъ. Инициатива его почти всецѣло лежитъ на сельскомъ духовенствѣ. Крестьяне-родители очень рѣдко высказываются за определенное имя, поэтому въ деревняхъ вошло въ обычай, что священникъ даетъ при крещеніи ребенку имя того святого, память котораго чествуется церковью въ этотъ день. Благодаря этому, встрѣчаешь иногда крестьянъ, съ такими малоупотребительными и трудными для крестьянскаго произношенія именами, что ихъ съ величайшими усилиями и, конечно, въ совершенно искаженномъ видѣ запоминаютъ лишь сами носители такихъ мудреныхъ именъ, родные же и знакомые зовутъ ихъ всю жизнь какой-нибудь болѣе удобо-произносимой и подходящей къ человѣку кличкой.

Вопросъ регистраціи населенія по вѣроисповѣданію также доставлялъ не мало затрудненій счетчику.

— Пиши: «старовѣръ»,—просилъ сектантъ.

— Какой секты?—спрашивалъ счетчикъ.

— Никакой секты, просто пиши: «старовѣръ».

Начинались пространныя объясненія, въ результатѣ которыхъ иногда оказывалось, что «старовѣръ», дѣйствительно, не принадлежалъ еще ни къ какой сектѣ, а числясь православнымъ и уверенно для вида посѣщая церковь, состоялъ по терминологіи духовныхъ консисторій въ разрядѣ «уклоняющихся», т. е. колебался въ своихъ вѣроисповѣдныхъ мнѣніяхъ. Терминъ «раскольникъ» считается глубоко оскорбительнымъ, и его старообрядцы не позволяли счетчику вписывать вовсе; также они отнеслись и къ термину «безпоповецъ», предпочитая ему слово «поморъ», такъ какъ въ описываемой мѣстности, дѣйствительно, развита секта поморскаго толка, носящая оффиціальное названіе безпоповцевъ.

Внѣшнія условія работы счетчиковъ въ деревняхъ оказались очень неудовлетворительными. Свѣту изъ маленькихъ и грязныхъ оконъ въ крестьянскихъ избахъ едва хватало для разборчиваго письма съ 8 до 4 часовъ дня, въ остальные часы приходилось довольствоваться тусклой лампой, салыной свѣчкой или просто зажженной лучиной, а чаще всего зажигать собственную свѣчку, которую захватывалъ съ собой смѣтливый счетчикъ. Писать приходилось на столѣ, на подоконникѣ, на опрокинутой кадкѣ, на собственномъ колѣнѣ и т. д.; при этомъ полдня проводить, согнувшись въ три погибели, подъ низкими палатами, входить и выходить въ двери высотой меньше 2 аршинъ, работать подъ крикъ больного

ребенка, въ духотѣ, сирадѣ и копотѣ бѣдныхъ избенокъ, ползать по темнымъ и скользкимъ ступенямъ ихъ крылецъ и сѣней. Питаться приходилось въ сухомытку тѣмъ, что привезено счетчикомъ съ собою. Ночлеги отводились у кого-нибудь изъ сельскихъ должностныхъ лицъ, въ избѣ, гдѣ снизу, на полу, замерзала вода, а вверху, на палатахъ, стояла нестерпимая африканская жара. Много нужно было терпѣнія и любви къ дѣлу, чтобъ безропотно переносить всѣ эти мелкія невзгоды. И что же? Счетчики послѣ 3—4 дней работы возвращались въ городъ бодрые, веселые... Брали на всѣ лады вышнія условія своей работы и проклиная темноту и заскорузлость крестьянской массы, они, однако, съ величайшей охотой и усердіемъ вели свое живое дѣло и вновь рвались въ деревню. Большинство ихъ утверждало—и, конечно, совершенно справедливо—что три-четыре дня переписной работы въ деревнѣ даютъ счетчикамъ такой запасъ знаній и наблюденій надъ крестьянскимъ бытомъ въ самомъ его сердцѣ—семьѣ, какого не почерпнуть бы имъ ни при какихъ другихъ условіяхъ. Крестьянская жизнь представлялась имъ во всей наготѣ своей будничной обстановки. Жители не видѣли въ счетчикахъ ни ученыхъ изслѣдователей-этнографовъ, собирающихъ пѣсни, сказки, узоры женскихъ рукодѣлій и т. п. пустяки и недостойныя вниманія, по мнѣнію народа, вещи; въ нихъ не видѣли начальства, потому что счетчики не носили чиновничьихъ кокардъ и вели себя болѣе, чѣмъ скромно; къ нимъ не относились, какъ крестьяне относятся обыкновенно къ волостному писарю, волостному старшинѣ, уряднику-судѣ и другимъ мѣстнымъ властямъ, которыхъ надо угощать и ублажать. На нихъ почти не обращали вниманія, третируя счетчиковъ просто, какъ ходячую переписную машинку.

Поэтому жизнь крестьянина предстала передъ ними распоясаною, ничѣмъ не прикрашеною и не измѣнившю условно своихъ обыденныхъ формъ. Если среди счетчиковъ найдутся люди, владеющіе перомъ, — а такихъ, конечно, найдется не одинъ и не два, — то не подлежитъ сомнѣнію, что первая всеобщая перепись 1897 года породитъ обширную народническую литературу, освѣжить въ обществѣ и въ печати знанія народнаго быта и повліяетъ на пробужденіе сознательной любви къ русскому народу. Одна ужъ эта заслуга переписи громадна сама по себѣ. Перепись, вообще, заставила многіе элементы русскаго интеллигентнаго общества впервые столкнуться лицомъ къ лицу съ народомъ, познакомиться съ нимъ и вдуматься въ народные идеалы, въ устои его жизни.

Ура! Къ новому году счетчики получили самый пріятный сюрпризъ: прислано для руководства два образцовыхъ переписныхъ листа формы А и формы Б съ заполненными уже графами и самыми разнообразными примѣрами. Давно бы такъ! Для моего пе-

реписного участка этот подарок оказался буквально новогодним, потому что полученъ былъ 31 декабря 1896 г. въ десятомъ часу вечера.

Волненія, вызванныя переписью среди магометанъ, приняли форму открытаго сопротивленія властямъ. Изъ нѣсколькихъ деревень татары выгнали счетчиковъ, отказались слушать увѣщанія полиціи и земскихъ начальниковъ. Въ другихъ деревняхъ надъ счетчиками произведены даже насилія. Завѣдывающіе переписными участками вынуждены были приостановить работы во многихъ селеніяхъ. Уѣздный исправникъ, собравъ отрядъ полицейскихъ урядниковъ, разѣзжать по уѣзду, водворяя порядокъ, но и онъ, наконецъ, встрѣтилъ сопротивленіе. Двѣ деревни категорически отказались допустить у себя перепись...

Здѣсь кстати замѣтить, что волновалась самая неразвитая и бѣдная часть татарскаго населенія, тогда какъ зажиточные татары, торговый классъ, запасные солдаты и т. п. изъясняли полную покорность, не видя въ переписи ничего подозрительнаго. Муллы держали себя двусмысленно: передъ начальствомъ кланись и божились, что увѣщываютъ народъ повиноваться, а сами въ мечетяхъ проповѣдовали во имя религіи о противодѣйствіи русскимъ. По рукамъ ходили воззванія на татарскомъ языкѣ, призывавшія къ сопротивленію и пугавшія татаръ крещеніемъ и обрусѣніемъ, какъ слѣдствіями переписи. Народному возбужденію способствовали неосторожныя выходки разныхъ глупцовъ. Одинъ полицейскій урядникъ, несшій съ базара поросенка, на вопросъ встрѣтившагося знакомаго татарина о цѣлѣ покупки «поганого» съ мусульманской точки зрѣнія животнаго, отвѣчалъ ему: «ашать (ѣсть) буду, да и вы всѣ послѣ новаго года ашать свинину будете». Въ другомъ мѣстѣ сынъ русскаго мельника въ пьяномъ видѣ грозилъ татарамъ, что скоро ихъ всѣхъ окрестятъ въ церкви. Такія фразы подхватывались возбужденною татарскою молвою и разносились по цѣлому уѣзду. Татары въ каждой фразѣ, въ каждой буквѣ переписныхъ листовъ видѣли нѣчто таинственное и подозрительное. Отпечатанные въ главной переписной комиссіи на татарскомъ языкѣ бланки вызвали новыя сомнѣнія: указывалось, что въ какой-то графѣ какая-то арабская буква отпечатана не съ надлежащимъ хвостомъ, что статистическія графы расположены слѣва направо, т. е. по русски, а не справа налѣво, какъ это слѣдовало бы по-татарски и т. п. Самый опосредъ записей татары находили рискованнымъ, потому что русскій счетчикъ, напр., можетъ перепутать трудныя магометанскія имена женщинъ и ошибочно вписать ихъ въ листы, а правительство потомъ, пожалуй, заставить мужей обмѣняться женами. И много еще подобнаго вздора приводилось въ оправданіе безпорядковъ среди татаръ. Причины безпорядковъ обнаружили съ очевидностью, на какой низкой степени умственнаго развитія находится магометанское населеніе Россіи, культурный уровень котораго остался, по-

видному, неизмѣннымъ, въ теченіи 400—500 лѣтъ, протекшихъ со времени подчиненія татаръ нашему государственному режиму.

Настало 28 января. Повѣрка переписи прошла удачно. Нѣкоторые счетчики успѣли въ тотъ же день вернуться въ городъ, сдѣлать подсчетъ населенія и представить завѣдывающему вполне законченную работу. Но завѣдывающіе лишены возможности тотчасъ расплатиться съ ними, потому что, не смотря на протекшій мѣсяцъ 1897 года, кредитъ этого года главною переписною комиссіею не переведенъ еще въ мѣстные учреждения. Счетчики справедливо жалуются: «знамъ, вмѣсто обѣщанныхъ 12 р., назначили, вопреки § 18 инструкціи, отъ 3 до 6 рублей, да и ихъ во время не платятъ».

Получено распоряженіе главной переписной комиссіи о томъ, чтобы вторые экземпляры переписныхъ листовъ были точнымъ снимкомъ съ первыхъ экземпляровъ, т. е. въ нихъ должны быть помѣщены все ошибки, поправки, перечеркнутыя слова и т. п. Непонятно, какое значеніе можетъ имѣть требованіе представленія грязной и неразборчивой таблицы, вмѣсто чисто и точно написанной *). Если путанъ помарокъ и поправокъ хотятъ прослѣдить послѣдовательный ходъ переписной работы, то это легко сдѣлать и по первому экземпляру, тѣмъ болѣе, что второй предназначенъ для храненія въ одномъ изъ мѣстныхъ губернскихъ учреждений, слѣдовательно, имѣетъ лишь архивное назначеніе, и тѣмъ онъ будетъ исправленъ и чище оставленъ, тѣмъ менѣе затруднитъ впоследствии пользованіе имъ.

Хотя счетчики окончили свою работу къ первому февралю и сдали переписной матеріалъ завѣдывающимъ участками, но ассигнованія демеръ на ихъ вознагражденіе не послѣдовало до 24 февраля, такъ что нѣкоторые изъ завѣдывающихъ расплачивались со счетчиками своими собственными деньгами, другіе же кормили счетчиковъ платоническими обѣщаніями.

Такимъ образомъ, нормальное вознагражденіе въ 12 р. на каждого сельскаго счетчика сперва было понижено до 3—4 рублей, а затѣмъ и этой сумми не заплатили имъ своевременно. Почти подобнаго рода недоразумѣніе происходило съ такъ называемыми волостными вѣдомостями. Для изготовленія точныхъ посемейныхъ списковъ въ волостяхъ главная переписная комиссія рекомендовала министерству внутреннихъ дѣлъ воспользоваться переписью и въ особыя вѣдомости выбрать изъ переписныхъ листовъ данныя, необходимыя для посемейныхъ списковъ. Подлежащіе органы министерства сочув-

*) Ответственность за точность вторыхъ экземпляровъ переписныхъ листовъ во всякомъ случаѣ была возложена на завѣдывающихъ.

ственно отнеслись къ такому предложенію и пообѣщали выработать форму волостныхъ вѣдомостей. Но до 6 марта объ этой формѣ ничего не было извѣстно, между тѣмъ переписной матеріалъ приготовленъ уже къ отправкѣ черезъ уѣздную комиссію въ губернскую. Какимъ же образомъ можно было волостнымъ правленіямъ выполнить своевременно свою работу? Не вѣхать же волостнымъ писарямъ всей губерніи въ губернский городъ для размыканія соответствующихъ переписныхъ листовъ и составленія тамъ по нимъ волостныхъ вѣдомостей?!

17 февраля уѣздная переписная комиссія на основаніи указаній губернской разослала заведывающимъ два запоздалыхъ уже, впрочемъ, руководящихъ распоряженія: 1) относительно исчисления потребнаго для написанія вторыхъ экземпляровъ переписныхъ листовъ количества бланковъ (въ это время вторые экземпляры были уже всюду фактически написаны, такъ какъ къ 19 февраля мы по инструкціи должны были закончить часть работъ, а къ 28-му всю сполна), и 2) относительно возврата счетчиками выданныхъ имъ должностныхъ значковъ и оставленія въ ихъ распоряженіи чернилницъ и портфелей.—Произошло, вслѣдствіе запозданія этого распоряженія, какъ разъ наоборотъ: счетчики сдали вмѣстѣ съ переписными листами портфели и чернилницы (послѣднія почти все испортились послѣ двухдневнаго употребленія—до того онѣ были плохого качества), а значки просили разрѣшенія оставить себѣ на память.

О вознагражденіи счетчиковъ до 24 февраля не было ни слуху, ни духу. Относительно волостныхъ вѣдомостей вышло распоряженіе, что такъ какъ формы ихъ до сихъ поръ не выработаны и бланки не отпечатаны и не разосланы изъ Петербурга, то второй экземпляръ переписныхъ листовъ слѣдуетъ оставить пока у земскихъ начальниковъ, а не стылать въ губернскую комиссію—это было первое важное отступленіе отъ установленныхъ для переписи правилъ; за нимъ послѣдовали многія другія.

Возвращусь къ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ, встрѣченнымъ счетчиками при самой переписи. Вопросъ о профессіи переписываемаго лица сразу вызвалъ не малые затрудненія. Недостаточно развитые счетчики противъ cadaго члена крестьянской семьи, живущей въ деревнѣ и владѣющей надѣломъ, выставляли непременно «земледѣлецъ», какъ главное занятіе, прибавляя, въ качествѣ занятія побочнаго, названіе ремесла или промысла, которымъ занимается переписываемое лицо. Оказывались поэтому по переписи иногда такіе земледѣльцы, которые ни разу въ жизни не брались за плугъ, напримѣръ, кузнецы, печники и др. профессиональные рабочіе, сдающіе споконъ вѣка свои надѣлы въ аренду и только номинально числящіеся въ составѣ крестьянскихъ общинъ. Выправить все подобныя ошибки въ переписныхъ листахъ стояло не малаго труда. Мѣстная номенклатура родственныхъ отношеній и названій ремеселъ

также сказалась во время переписи. Въ моемъ участкѣ сапожники и бабмачники называли себя, напримѣръ, «чеботарями», новѣстки — «снохами», падчерицы — «сводными дочерьми» и т. п.; оставшіе солдаты дореформеннаго періода не желали, чтобы ихъ записывали крестьянами, а включили бы въ особую категорію «николаевскихъ солдатъ». Одна женщина, не живущая съ мужемъ, назвалась завѣдомо чужимъ именемъ и званіемъ, изъ боязни розысковъ ее полиціею, несмотря на всѣ увѣренія лично знавшаго ее счетчика, что перепись не преслѣдуетъ иныхъ цѣлей, кромѣ статистическихъ. Сожительницы лицъ, уклонившихся изъ православія въ расколъ (безпоповщинской секты), называли себя законными женами и считали дѣтей своихъ прижитыми какъ бы въ законномъ бракѣ. Счетчики, по небрежности, часто отмѣчали противъ дѣтей моложе 5 лѣтъ — «неграмотныхъ» или противъ дѣвушекъ моложе 16 лѣтъ — «дѣвица» и т. п. По существу ошибки тутъ, конечно, нѣтъ никакой, но если принять во вниманіе, что въ главной переписной коммисіи разработка матеріаловъ будетъ производиться по карточной системѣ, то всѣ подобныя ошибки, не будучи исправлены во время, могутъ дать совершенно ложные подсчеты неграмотныхъ, невышедшихъ замужъ дѣвушекъ и т. п. Наоборотъ, счетчики, имѣвшіе дѣло съ татарами и другими иноувѣрцами, часто не знали или забывали, что законный брачный возрастъ у нихъ для мужчинъ и женщинъ иной, чѣмъ у русскихъ, поэтому случались ошибки обратнаго характера, а именно: противъ именъ дѣвушекъ 14—15 лѣтъ и молодыхъ людей 16—17 лѣтъ, имѣющихъ право вступать въ бракъ, счетчики проводили черту, уменьшая, такимъ образомъ, при подсчетѣ число живущихъ безсемейно лицъ брачнаго возраста. Въ отношеніи многихъ отсутствующихъ въ день переписи крестьянъ счетчики допустили важную ошибку, отмѣчая, что постоянное мѣстожительство ихъ «здѣсь», на самомъ же дѣлѣ переписываемыя лица состояли лишь членами мѣстныхъ крестьянскихъ семействъ и сельскихъ обществъ, находя себя постоянныя средства къ жизни далеко отъ родины.

Однодневная всенародная перепись — дѣло для Россіи новое. Безъ сомнѣнія, всѣ ошибки, промахи и шероховатости выполненнаго такъ или иначе переписнаго дѣла послужатъ хорошимъ урокомъ для будущихъ переписей, которыя, по слухамъ, предполагается сдѣлать періодическими съ промежутками въ 10 лѣтъ.

Н. П. Штейнфельдъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

„Грезы и Пѣсни“. Стихотворенія И. Н. Захарьина (Якунина). Изданіе четвертое.

Неплодовитъ г. Захарьинъ, ужасно неплодовитъ! Полсотни крошечныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ эту миниатюрную книжечку и состоящихъ, къ тому же, на половину изъ переводовъ, переложеній и подражаній, написаны имъ за цѣлую четверть вѣка... Напрасно оговаривается онъ въ своемъ предисловіи, что въ настоящую книгу вошла, будто-бы, только „избранная“ часть его произведеній, и этимъ, какъ бы, даетъ намъ право думать, что и онъ могъ-бы, еслибы захотѣлъ, ничуть не хуже повтовъ современной формаци, не ударить въ грязь лицомъ по части производительности: нѣсколькими строками ниже онъ самъ же и уничтожаетъ эту свою оговорку, утверждая, что „здѣсь не помѣщены лишь стихотворенія юмористическія“. Однако г. Захарьину нечего, въ сущности, конфузиться: мы отнюдь не поставимъ ему въ минусъ этой изумительной по нашимъ пѣническимъ временамъ неплодовитости, если она искупится хорошей обработкой формы и, особенно, полнотой мысли и чувства. И дѣйствительно, что касается предисловія, подстрочныхъ примѣчаній и пр., то эта сторона обработана авторомъ даже съ излишней полнотою...

Справедливо гордясь тѣмъ, что его книга выходитъ уже 4-мъ изданіемъ, онъ прежде всего сообщаетъ намъ драгоценное библиографо-историческое свѣдѣніе, что первое изданіе появилось въ 83 году, и, къ сожалѣнію, умалчиваетъ почему-то (должно быть, изъ скромности) лишь о количествѣ экземпляровъ всѣхъ 4-хъ изданій. Далѣе, въ предисловіи перечисляются всѣ журналы, въ которыхъ стихотворенія предварительно печатались; затѣмъ, съ обязательной улыбкой и чуть-ли не конфиденціально, читателю сообщается, что нѣсколько романсовъ г. Захарьина были положены на музыку „извѣстными“ композиторами, гг. Дюбюкомъ и Вильбоа. Наконецъ, мы узнаемъ, что въ настоящее изданіе вошли три стихотворенія, написанныя *мимъ недавно и мимъ* (о, радость!) не напечатанныя... Но нѣтъ, это вовсе еще не „наконецъ“ (предупредительность автора не имѣетъ границъ): въ подстрочномъ примѣчаніи къ одной пьесѣ намъ объясняется, что написана была эта пьеса для публичнаго чтенія, а именно, для одной изъ артистокъ московскаго Малаго театра; въ другомъ примѣчаніи—что стихотвореніе представляетъ собою „совершенно подстрочный“ („ей Богу, подстрочный!“) переводъ съ иностран-

чаго; въ третьемъ отмѣчается губернія, уѣздъ, мѣстечко, день или ночь написанія... На обложкѣ „Грезъ и пѣсенъ“, все съ той же любезной подробностью, исчисляются заглавія и подзаголовки другихъ твореній почтеннаго автора (прозаическихъ), и въ ихъ числѣ находимъ небезынтересную, повидимому, книгу „Иго еврейское“, часть которой составляетъ статья „Вампиры русскаго народа“.

Кончая знакомство съ внѣшностью книги, мы заинтересовались заглянуть и въ ея рѣзы: оказалось, онѣ нейдутъ дальше „немножко“ и „отголоска“, „богомъ“ и „рокомъ“, „слава“ и „величавымъ“.

Послѣ этого намъ заранѣе стало скучно; мы подумали было, что уже знаемъ, съ чѣмъ и съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Однако мы невольно остановились. Во-первыхъ, какъ ни какъ, 4-е изданіе—надо съ этимъ считаться. А во-вторыхъ... вотъ какой отзывъ прочли мы недавно о „Грезахъ и пѣсняхъ“ въ библиографическомъ отдѣлѣ одного изъ *лучшихъ* толстыхъ журналовъ: „Небольшой сборникъ г. Захарына - Якунина *умно* выдѣляется среди остальнаго поэтическаго творчества послѣдняго времени. Простота и безыскусственность, въ соединеніи съ теплотой и искренностью... Мысль автора, всегда ясная и гуманная, любовь къ родинѣ и народу еще болѣе подкупають въ его пользу. Чувствуется, что онъ не ломается и не играетъ словами“. Словомъ, такого рода отзывъ, что, пожалуй, и очень даже незаурядному поэту въ самую пору!

Если такъ, то мы обязаны отбросить первыя, чисто внѣшнія впечатлѣнія и огнестись къ г. Захарыну вполнѣ серьезно и внимательно.

„Грезы мои, давнія грезы мои и пѣсни! дѣти горячей головы и тревожнаго сердца! одинокая душа моя наполнена лишь вами“—гласитъ эпиграфъ къ отдѣлу оригинальныхъ пѣсней. Отдѣлъ этотъ открывается „Молитвой“.

...Не о родинѣ сурово-величавой
Моя мольба несется къ небесамъ.
...Вблизи меня, въ постели одинокой,
Младенецъ спитъ безгрѣшнымъ, тихимъ сномъ.

Стихотвореніе, слѣдовательно, чисто-семейное, лишена общаго интереса. Дальше слѣдуютъ „Похороны на морѣ“:

Съ молитвою тихой его хоронили
Въ холодныхъ и мутныхъ волнахъ;
Съ чугуннымъ, тяжелымъ ядромъ опустили
Его леденяющій прахъ.

Вы помните, конечно, читатель:

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,

Когда мы вождя хоронили...

и согласитесь, вѣроятно, что это послѣднее стихотвореніе

нѣсколько лучше написано было слѣпцомъ-повтомъ Козловымъ? Пропускаемъ далѣе блѣдныя, прозаическія и, болѣею частью, явно-подражательныя: „Сонъ монахини“, „Передъ гробой“, „Тайная молитва“, „Самоубійство“ и т. д. Какой, напр., безцвѣтностью и аляповатостью отличаются слѣдующія вирши, посвященныя „народу“ и „родинѣ“:

Я помню все. На посидѣлахъ *зминыхъ*
Я сживаю, порой, до позднихъ пѣтуховъ.
И съ жадностью внимаю словамъ тѣхъ пѣсень *диетныхъ*,
Которыхъ смыслъ былъ мнѣ еще такъ новъ:
Чужая сторона и лютая свекровь,
Разлучница-звѣя, завноба и любовь...
О, какъ давно все это *уже* было!..

Впрочемъ, это отрывокъ, взятый изъ середины стихотворенія, а вотъ подробное изложеніе пьесы, которую самъ авторъ и его снисходительные критики, навѣрное, считают шедевромъ его поэзіи. Зовется она „Четыре ангела“ и имѣетъ эпиграфъ: „*Tout comprendre—c'est tout pardonner. M-me de Staël*“. Передъ нами семья *бѣдняковъ-рабочихъ*. Больная мать лежитъ въ сыромъ углу на сундукѣ, а три мальчика и дочь спать „въ своихъ *кроваткахъ*“ (Sic!); надъ ними витають, воздушные какъ дымъ, четыре ангела. И вотъ больная мать исповѣдуется работающему тутъ-же мужу въ своихъ грѣхахъ. „На Бѣа часто я *ропщу*, *браню* тебя и *вспахъ*; придется мнѣ отвѣтить тамъ за этотъ тяжкій грѣхъ“. Мужъ продолжаетъ работать и молчать, но хоръ ангеловъ отвѣчаетъ: „За это Богъ простить“. То-же прощеніе сулятъ они и за нѣкоторые другіе грѣхи. „Съ тобой *бранилась* я не разъ, *судьбу* свою *каляя*“, продолжаетъ больная, забывая, подобно автору, что десяткомъ стиховъ выше она уже каялась въ этомъ грѣхѣ; но ангелы спѣшаютъ ее еще разъ простить. „Всего болѣе вспомнить (выписываемъ дословно конецъ стихотворенія)—про грѣхъ одинъ большой:—Въ нуждѣ, *чтобъ дѣтокъ прокормить*,—кривели мы душой,—и въ *поисъ кланялись* тѣмъ, кто грязи былъ чернѣй, и *унижались* не разъ—*для счастья дѣтей*.—Отецъ вдругъ *страшно поблѣднѣлъ—вздвинулъ и задрыжалъ*...—къ женѣ, *шатаясь*, подошелъ—и тихо ей сказалъ:—Да, намъ придется отвѣчать—за *этотъ грѣхъ и стыдъ*!“—Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:—Вамъ *все* Господь простить!“...

Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о томъ, какъ все это дѣлано—сентиментально и какъ мало отвѣчаетъ живой дѣйствительности! Не говоримъ уже о новизнѣ, отсутствіе которой самая характерная черта стиховъ г. Захарьина. Раздирательный діалогъ (въ другомъ стихотвореніи) мужа съ умирающей женой кончается, напр., такимъ „сильнымъ“ аккордомъ:

Тсс... уснула.. Гаснетъ этотъ (?) пламень!..
 Поддрѣнить, быть можетъ, сонъ ея..
 Нѣтъ! не дышетъ!.. Холодна, какъ камень!..
 Это—смерть!.. Она взяла свое!!

Почти третью часть книжки занимаетъ „Приложеніе: Пѣснь о погибшемъ сынѣ“. Въ предшествовующія такіа строки:

Не для чужихъ слагаю пѣсню эту,
 А только лишь для близкихъ мнѣ людей:
 Для тѣхъ, кто зналъ несчастнаго страдальца,
 Иль слышалъ о мученіяхъ его,
 Или для тѣхъ, кто въ жизни потерялъ,
 Подобно мнѣ, возлюбленнаго сына.

Такимъ образомъ, благодаря широкому пониманію авторомъ слова „близкій“, критика получаетъ право высказываться и объ этой вещи. Рецензентъ упомянутого уже нами журнала нашелъ ее „особенно привлекательной по своей теплотѣ, трогательности, поэтичности, *лучшею въ сборникѣ* по выдержанности тона и искренности, къ сожалѣнію, *мало* испорченною неумѣстными выходками противъ врачей“.

Признаемся, насъ приводитъ въ недоумѣніе этотъ отзывъ, повторымъ, одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Давно уже не испытывали мы болѣе удручающаго чтенія; какъ чтеніе „Пѣсни о погибшемъ сынѣ“... Мы вполне, конечно, вѣримъ тому, что утрата любимаго сына была для г. Захарьина невыносимо-тяжкимъ испытаніемъ, и тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе... намъ вчужѣ стыдно за него! Стыдно, что на „базаръ житейской сцены“ вынесъ онъ такіе интимные, такіе завѣтные факты и черты своей семейной жизни, чувства и мысли, которыя каждый мало-мальски чуткій человѣкъ бережно таитъ въ глубинѣ души отъ самыхъ порой близкихъ ему людей. Правда, даже очень крупные поэты, великаны-поэты, нерѣдко намъ описываютъ дѣйствительно пережитыя ими событія и чувства, но какъ они это дѣлаютъ? Какъ *настоящіе* поэты. *Свое личное* они умѣютъ воплощать въ образы *общіе* и тѣмъ дѣлаютъ его для всѣхъ интереснымъ и поэтичнымъ. У г.-же Захарьина, какъ мы успѣли, надѣемся, убѣдить читателей, нѣтъ ни искорки поэтического таланта. Глубоко-трогательный эпизодъ своей жизни онъ описываетъ съ раболѣпной буквальною, не поступающею ни одной черточкой, ни одной мелочью, и у читателя получается такое же впечатлѣніе, какъ еслибы онъ увидѣлъ какого-нибудь почтеннаго знакомаго въ ночномъ колпакѣ и засаленномъ домашнемъ халатѣ...

Двѣ дочери Господь мнѣ далъ и сына
 Отъ любящей и преданной жены,

начинает г. Захарьинъ свое повѣствованіе. Младшей дочери пришлось однако вскорѣ лишиться, потому что ее „старуханянька простудила“. Затѣмъ захворалъ и отрокъ - сынъ, успѣшно учившійся „на двухъ уже иностранныхъ языкахъ“. Отецъ съ матерью рѣшили

Взять доктора для помощи ему
(Хотя прошло почти уже четыре года,
Какъ въ нашемъ домѣ не было врача,
И мы всегда ихъ избѣгали видѣть),
И вотъ вошелъ къ намъ въ домъ съ значкомъ ученымъ,
Дающимъ право убивать людей (!),
Врачъ неспособный, съ страшнымъ самоубійствомъ,
Равнявшимся невѣжеству его.
Онъ былъ изъ школы той ужасной, грубой,
Гдѣ алчность прямо съ кафедры внушалась (?),
И гдѣ была наука только средствомъ
Служенія Мамонѣ и Ваалу.
Сталъ шарлатанъ глѣздить. Онъ ежедневно
Прописывалъ различныя хѣкарства—
И ни одно изъ нихъ не помогало!..
Затѣмъ мы стали замѣчать болѣзнь
Другую—тифъ вдругъ появился...
Открылось—уже потомъ!—что докторъ
Самъ перенесъ къ намъ въ домъ заразу эту:
Имѣлъ онъ двухъ своихъ дѣтей больныхъ—
И развозилъ болѣзнь по пациентамъ...

Дальше сообщается, впрочемъ, мимоходомъ, что квартира, въ которой жилъ г. Захарьинъ, была „холодная“, но... какое дѣло до этого озабоченному противъ врачей автору? „Шарлатанъ изслѣдовалъ, стучалъ и слушалъ распаренное тѣльце, снявъ повязки... И мальчикъ былъ простуженъ—началъ кашлять... Болѣзнь въ немъ новая явилась—пневмонія“.

„Негодного“ врача, наконецъ, догадались перемѣнить, и больному стало съ наступленіемъ весны какъ будто лучше (г. Захарьинъ не знаетъ, что такъ всегда бываетъ съ чахоточными!) но...

Врачъ не сумѣлъ (!) воспользоваться этимъ:
Желая ускорить выздоровленіе,
Онъ наложилъ компрессы на ребенка
И быстро ухудшилъ его болѣзнь.

Тяжело, читатель, страшно тяжело и т. д., и т. д. за этимъ наивнымъ и чуждымъ всякой поэзіи разсказомъ о лѣченіи мальчика! Но такова въ сущности и вся „Пѣснь“ г. Захарьина, отъ перваго до послѣдняго слова. Вотъ, напр., однажды больной ребенокъ подзываетъ къ себѣ отца и нѣжно спрашиваетъ его:

„А что *юлошка* не болитъ твоя?

Я отвѣчалъ, что *нѣтъ*—и онъ сказалъ мнѣ:

„А если заболить, то не читай!“
 Однажды я его поцѣловалъ
 Тихонько въ лобъ, а онъ былъ сильно влажный,
 И тотчасъ мнѣ замѣтилъ: „Ахъ, не надо,
 Когда я потный, цѣловать меня!!
 Вѣдь это нездорово, милый папа!
 Когда, измучившись безсонной ночью,
 Ложилаcь мать уснуть, хотя немного,
 Вблизи его кровати,—онъ тихонько
 Издалека крестилъ ее рукою...
 (Какъ прежде я крестилъ его въ постелькѣ,
 Когда ложился онъ опочивать).

Изъ дальнѣйшаго изложенія „Пѣсни“ мы узнаемъ, что мальчикъ г. Захарьина былъ не только нѣженъ и уменъ, но и въ высшей степени деликатенъ и тактиченъ; что въ семьѣ звали его „Колюхенъ“; что онъ желалъ быть похороненнымъ съ музыкой; что онъ негодовалъ на „этихъ евреевъ“, мучившихъ Христа, и боялся позабыть за время болѣзни французскій языкъ.

Какъ *того* по-французски? Какъ *булеваръ*?
 Спросилъ онъ мать однажды: я забылъ...

Обо всемъ этомъ съ пунктуальной точностью сообщаетъ намъ трогательная „Пѣснь о погибшемъ сынѣ“. Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину, мы пройдемъ молчаніемъ страницы, посвященныя описанію смерти и похоронъ. Повторяемъ, тяжело читать это, тяжело говорить объ этомъ...

Въ заключеніе намъ хочется преподать одинъ благой совѣтъ нашимъ современнымъ поэтамъ. Господа, мы открыли для васъ вѣрнѣйшее средство прославиться. Напечатайте ваши стихотворенія въ одной тысячѣ экземпляровъ и на каждой отдѣльной сотнѣ помѣтите: *первое* изданіе, *второе* изданіе, *третье* и т. д. до *десятаго* включительно. Пускай даже никто не будетъ первое время покупать вашихъ стихотвореній! Вѣдь не такой уже большой трудъ разослать сотню экземпляровъ по редакціямъ и знакомымъ. И вотъ черезъ 3—4 дня вы уже выпускаете въ свѣтъ „второе изданіе“. Такъ же скоро послѣдуетъ и третье, и четвертое... А затѣмъ... затѣмъ уже, нужно думать, найдутся дураки, которые и покупать васъ станутъ и, чего добраго, хвалить! Право же, это не совсѣмъ смѣшной планъ. Одна бѣда: мы боимся, что онъ не новъ, и что нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ, какъ молодыхъ, такъ и не молодыхъ давно уже практикуютъ его...

С. А. Энгельманъ. Въ штормъ. (12 рассказовъ), Книгоизд. Г. Москвича. Од. 1897 г.

С. А. Энгельманъ склоненъ рассказывать вещи таинственныя и невѣроятныя. Но въ его рассказѣ онѣ возбуждаютъ не трепетъ ужаса, а лишь недоумѣніе. Такъ, содержаніе перваго рассказа „Въ штормъ“ заключается въ слѣдующемъ. Жали два моряка. Одинъ изъ нихъ спасъ другого отъ смерти въ минуту опасности, а тотъ отплатилъ ему въ послѣдствіи тѣмъ, что отнялъ у него жену. Покинутый мужъ поклялся отомстить коварному другу. Но вотъ жена его умираетъ, и прежній другъ приводитъ къ оставленному отцу его дочь. Тотъ, растроганный, великодушно его прощаетъ. „Пусть Богъ проститъ тебя!“ твердо говоритъ онъ и пожимаетъ ему руку. Затѣмъ они расстаются, чтобы продолжать плаванье на разныхъ судахъ. Прекрасно. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и вотъ въ одну бурную ночь великодушный морякъ, ставшій капитаномъ, просыпается въ своей каютѣ отъ страшнаго треска и при зеленоматомъ свѣтѣ каюты видитъ призракъ своего стараго друга въ бѣломъ, съ искаженнымъ лицомъ; съ сѣдой бороды его и одежды текла вода тонкими струйками. Когда призракъ исчезъ, капитанъ въ страхѣ выбѣжалъ на палубу. Оказалось, что произошло столкновеніе, чье-то судно было потоплено среди шторма и мрака ночи. Утромъ обнаружилось, что погибъ тотъ самый пароходъ, на которомъ ѣздилъ морякъ, оказавшійся такимъ невѣрнымъ другомъ... Спрашивается, однако, кому нужно было приводить человѣка къ мести, отъ которой онъ давно отказался, заботиться объ исполненіи клятвы, взятой обратно?

Въ другомъ рассказѣ, озаглавленномъ „Преступленіе“, акушерка, ѣдущая по желѣзной дорогѣ съ Кавказа, передаетъ своей сосѣдкѣ слѣдующее происшествіе. Однажды ночью за ней пріѣхали два незнакомца, прося ее ѣхать къ больной. Когда она сѣла съ ними въ фаятонъ, они завязали ей глаза и заткнули ротъ тряпкой. Привезли они ее въ какую-то землянку, скудно освѣщенную сальной свѣчей. У провожатыхъ лица были вымазаны сажей. Въ сосѣдней (?) комнатѣ акушерка нашла больную, лежавшую подъ яркимъ шелковымъ одеяломъ. Въ комнатѣ пылалъ каминъ, около котораго сидѣло какое-то существо, женщина-ли, мужчина или ребенокъ,—акушерка не разобрала. (Такъ и въ послѣдствіи осталось неизвѣстнымъ, что это было за существо. Говорится лишь дальше, что оно огонь поправляло). Акушерка сдѣлала свое дѣло, но когда она подавала ребенка матери, совершилось нѣчто въ высшей степени странное. Передаемъ это мѣсто буквально. „Вдругъ незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и, съ яростью выхвативъ у меня изъ рукъ несчастнаго ребенка, со всего

размаху бросилъ его въ пылающій камень. Не успѣла я вскрикнуть, какъ трупъ младенца уже началъ обугливаться въ страшномъ пламени. На крышѣ раздался сильный трескъ, и потолокъ надъ кроватью раздвоился, оттуда посыпалась масса камышу и земли, а кровать, зацѣпленная какими-то крючками, вмѣстѣ съ несчастной матерью поднялась къверху. Голова моя закружилась. Вокругъ со всѣхъ сторонъ раздавался трескъ... огонь потухъ... камень засыпало землей... я чувствовала, что все кругомъ разваливается... Я прижалась къ уцѣлѣвшей стѣнѣ, призывая имя Господне. Раздался какой-то трохоть, и чья-то сильная рука схватила меня за волосы и поволокла... Я потеряла сознание"...

Еще бы не потерять! столько треску и грохоту и такой кавардакъ. Непонятно только, зачѣмъ понадобилось тащить кровать съ лежавшей на ней женщиной къ потолку навстрѣчу падающимъ камышу и землѣ и выволакивать за волосы несчастную акушерку, которую можно было заблаговременно выпроводить, если ужъ даже такіе страшные преступники щадили ея жизнь,—свидѣтельницы ихъ преступленій. Акушерка въ рассказѣ Энгельмана увѣряетъ, что это не былъ дурной сонъ, а истинное происшествіе, раскрыть тайну котораго такъ и не удалось. Не знаемъ, не знаемъ! Но какъ-то не вѣрится, чтобы даже на Кавказѣ могли происходить такіе ужасы, да притомъ еще съ такой большой дозой нелѣпости.

Есть у г. Энгельмана рассказы и попроще и соотвѣтственно тому производящіе лучшее впечатлѣніе: „Итоги жизни“, „Поздно“, „Неожиданная встрѣча“. Но и здѣсь вы можете наткнуться на пошлость. Въ этюдѣ „Неожиданная встрѣча“ оставшой генералъ въ Ялтѣ встрѣчаетъ въ саду когда-то любимую имъ женщину. Это было въ годы, когда она представляла собою умную и чистую дѣвушку, теперь же онъ встрѣтилъ ее оставившей сцену актрисой, въ экстравагантномъ костюмѣ, съ вызывающими манерами, рядомъ съ какимъ-то поклонникомъ, инженеромъ. Съ тяжелымъ чувствомъ старикъ уходитъ изъ сада къ себѣ въ гостиницу. „Онъ былъ тогда отвергнутъ, хотѣлъ ее забыть, но до сегодняшняго дня не переставалъ любить ее въ своихъ мечтахъ. „Спасти развѣ ее теперь?“—пронеслось у него въ головѣ, но онъ самъ утратился своей мысли. „Нѣтъ, это невозможно!—она умерла для всего хорошаго, ей нѣтъ возврата! Надо забыть эту встрѣчу. Завтра же уйду!“, рѣшилъ онъ“.

Нѣтъ возврата! Жестокія это слова, милостивый государь. Покойный В. Гаршинъ, напр., въ своемъ рассказѣ „Надежда Николаевна“ со всею страстью своей чистой души и чуднаго таланта вооружился противъ этого предразсудка, и не одна вѣдь сердечная доброта побуждала его къ тому, а глубокое сознание

житейской неправды подобнаго огульнаго безпощаднаго приговора.

П. Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). СПб. 1897.

Первая часть „Очерковъ“ г. Миллюкова, появившаяся въ свѣтъ въ прошломъ году, имѣла успѣхъ, не особенно часто выпадающій у насъ на долю ученыхъ трудовъ: въ самое короткое время разошлось два ея изданія, и понадобилось выпустить третье. Надо надѣяться, что съ меньшимъ вниманіемъ и интересомъ встрѣтитъ наша читающая публика и вторую часть „Очерковъ“ талантливаго историка, вполне заслуживающую такого приѣма по своимъ выдающимся достоинствамъ. Посвящая эту вторую часть духовной жизни русскаго народа, авторъ въ небольшомъ предисловіи прежде всего выясняетъ свою общую точку зрѣнія на взаимныя отношенія матеріальной и духовной культуры. Примыкая къ сторонникамъ т. н. „экономическаго матеріализма“ въ ихъ аргументахъ противъ свободы личности, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывается, однако, сводить всю область социальныхъ явленій къ одной экономической основѣ и находить, что вообще данному направленію „суждено сыграть важную, но временную роль“. Сообразно этому и явленія духовной жизни русскаго народа онъ отказывается объяснять „матеріальными условіями быта“. „Можно, въ извѣстномъ смыслѣ, согласиться,—говоритъ онъ,—что весь процессъ человѣческой эволюціи совершается подъ вліяніемъ могущественнаго импульса,—необходимости приспособиться къ окружающей средѣ. Но отношенія человѣка къ окружающей средѣ не ограничиваются одной только экономической потребностью. Въ человѣческой психикѣ отношенія эти являются настолько уже дифференцированными, что историку приходится отказаться отъ всякой надежды—свести всѣ ихъ къ какому-то первобытному единству. Ему остается лишь слѣдить за параллельнымъ развитіемъ и дальнѣйшимъ дифференцированіемъ многообразныхъ сторонъ человѣческой природы въ доступномъ его наблюденіямъ періодѣ социального процесса. Составляя всѣ вмѣстѣ одно неразрывное цѣлое, всѣ эти стороны развиваются, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимодействіи. Но, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ изучать взаимодействіе разныхъ сторонъ человѣческой культуры, надо познакомиться съ ихъ внутренней эволюціей. Вотъ почему и въ нашихъ „Очеркахъ“ мы будемъ слѣдить теперь за развитіемъ русскаго теоретическаго и нравственнаго міропониманія независимо отъ измѣненій въ удовлетвореніи экономической потребности“ (4—5). Стоя на

указанной точкѣ зрѣнія, авторъ подѣ рубриками исторіи церкви и школы изображаетъ въ настоящей книгѣ эволюцію состояній чувства и мысли русскаго общества, предполагая „волевой“ его дѣятельности посвятить третью и послѣднюю часть своихъ „Очерковъ“. Въ сжатыхъ, но яркихъ чертахъ передаетъ онъ исторію русской церкви... Съ еще большею подробностью и обстоятельностью разсматриваются авторомъ исторія различныхъ ученій раскола и развивавшагося рядомъ съ нимъ, а постепенно начавшаго и смѣнять его, сектанства, равно какъ судьбы господствующей церкви и богословской науки въ ея рукахъ за время съ XVI по XIX вѣкъ. Отводя затѣмъ особый очеркъ исторіи искусства, авторъ указываетъ, какъ русское искусство во всѣхъ своихъ главныхъ отрасляхъ литературѣ, живописи, архитектурѣ и музыкѣ, едва начавъ выходить изъ младенческаго состоянія, характеризовавшагося безсильнымъ и неисканнымъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ, было остановлено въ своемъ развитіи религіознымъ формализмомъ, недостаточно глубокимъ, однакоже, для того, чтобы возымѣть сильное положительное вліяніе на судьбы искусства. Начавшееся съ XVIII вѣка западное вліяніе быстро секуляризовало русское искусство, а свобода отъ прочныхъ традицій дала ему возможность быстро освободиться отъ условностей заимствованной манеры и стать на дорогу реализма, болѣе даже широкаго и смѣлаго, чѣмъ реализмъ западнаго искусства. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, трактующемъ о русской школѣ, авторъ разсматриваетъ состояніе школъ и знаній въ допетровской Руси, приходя къ тому выводу, что духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось естественно образованіе, оказалось за это время безсильнымъ создать сносную школу даже для членовъ собственнаго сословія, а знанія, циркулировавшія въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ русскаго общества XVI—XVII вв., были обрывками свѣдѣній западной средневѣковой учености, давно уже потерявшей кредитъ на своей родинѣ. При такихъ условіяхъ секуляризація русской школы въ началѣ XVIII вѣка была вполне естественнымъ и неизбежнымъ явленіемъ. Исторія возникновенія въ XVIII столѣтіи государственной высшей и средней школы, явившейся сперва профессиональной и основною и затѣмъ постепенно, на протяженіи этого и слѣдующаго вѣковъ, переходившей къ типу общеобразовательной и безословной, равно какъ исторія усилій, направленныхъ за послѣднія десятилѣтія къ созданію начальной народной школы, составляютъ содержаніе послѣднихъ главъ книги г. Милокова.

Богатая фактическимъ содержаніемъ, проникнутая строгою и стройною мыслью, прекрасно написанная съ чисто литера-

турной стороны, книга г. Милюкова едва-ли не съ одинаковою пользой и, во всякомъ случаѣ, съ одинаковымъ наслажденіемъ можетъ быть прочитана историкомъ-спеціалистомъ и среднимъ образованнымъ читателемъ. Мы позволили-бы себѣ только пожалѣть о томъ, что авторъ слишкомъ строго и, можетъ статься, слишкомъ далеко проводить свою точку зрѣнія о независимой эволюціи духовной и матеріальной культуры, не указывая взаимодѣйствія этихъ двухъ сторонъ историческаго процесса порою даже въ такихъ случаяхъ, когда подобное указаніе настоятельно требовалось самымъ существомъ дѣла.

Классификація наукъ. Герберта Спенсера. Перев. П. П. Спиридонова. М. 1897. Ц. 50 к.

Эта небольшая книжка состоитъ изъ четырехъ статей Спенсера: I) классификація наукъ; II) отвѣтъ на критику (предыдущей статьи); III) о причинахъ разногласія съ О. Контомъ и IV) о законахъ вообще.

Герберту Спенсеру приходилось не разъ указывать на отлічіе своей философіи отъ философіи Огюста Конта. Скоро послѣ появленія его „Основныхъ началъ“ французскій критикъ Ложель причислилъ его къ ученикамъ Конта. Въ отвѣтъ на это и появилась третья статья разбираемаго нами сборника. Не такъ давно Гаррисонъ повторилъ утвержденіе о зависимости Спенсера отъ Конта, въ отвѣтъ на что Спенсеръ написалъ статью (къ сожалѣнію, не внесенную переводчикомъ въ изданный имъ сборникъ), въ которой указывалъ на источники своей философіи, причемъ въ числѣ источниковъ фигурировалъ даже Шеллингъ, но не было Конта.

Быть можетъ, Спенсеръ черезчуръ ужъ рѣшительно отрицаетъ свое родство съ Контомъ; ибо если онъ даже почти и не читалъ Конта (на что онъ не разъ указывалъ), то все-таки нѣкоторыя идеи Конта могли вліять на него косвенно, ну, хоть черезъ Милля, котораго Спенсеръ, безспорно, изучилъ.

Однако, съ другой стороны, такія утвержденія, какъ заявленія Гаррисона, будто философія Спенсера есть только второе изданіе философіи Конта,—лишено всякаго основанія. Напротивъ, намъ кажется, что всякій компетентный человѣкъ, хорошо знакомый съ обѣими философскими системами, будетъ пораженъ несходствомъ этихъ системъ, будетъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ философскія системы, принадлежащія одной и той-же эпохѣ (между ними менѣе 20 лѣтъ разницы) и одинаково проникнутыя духомъ положительнаго изслѣдованія, до такой степени несходны между собой, какъ

по исходному пункту, такъ и по пріемамъ изслѣдованія и по конечнымъ выводамъ.

Сторонники Конта, какъ извѣстно, особенно высоко цѣнили три положенія его философіи: признаніе соціологіи наукою, законъ трехъ состояній и классификацію наукъ. Спенсеръ признаетъ соціологію наукою, но между его соціологіею и соціологіею Конта очень мало общаго. Законъ трехъ состояній Спенсеръ отвергаетъ, но для опроверженія его онъ не написалъ отдѣльной статьи (въ статьѣ „О причинахъ разногласія съ О. Контомъ “этому вопросу посвящено нѣсколько страницъ).

Что касается классификаціи наукъ, то Спенсеръ предложилъ свою классификацію, совершенно несходную съ классификаціею Конта. Статья Спенсера, критикующая классификацію Конта и устанавливающая его собственную классификацію, представляетъ самую интересную часть разбираемаго нами сборника.

Классификація наукъ Огюста Конта есть безспорно одинъ изъ перловъ его философіи, быть можетъ, самое безспорное, самое долговѣчное изъ его открытій. Говоря опредѣленнѣе, эта классификація, послѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ измѣненій (напр., необходимость дать самостоятельное мѣсто для психологіи признана всѣми; но можно указать и на необходимость другихъ измѣненій), сдѣлается вѣчнымъ и безспорнымъ достояніемъ человѣческой мысли. Самое важное ея достоинство заключается въ томъ, что она является не только классификаціею наукъ, но и классификаціею явленій. Такъ какъ совершенная наука должна быть точнымъ и вѣрнымъ изображеніемъ явленій, то и классификація наукъ должна отражать въ себѣ классификацію явленій.

Были попытки классифицировать науки на основаніи ихъ субъективныхъ элементовъ, напр., на основаніи тѣхъ „способностей“ духа, которыя функционируютъ при созданіи каждой науки. Далѣе, отбрасывая несостоятельную гипотезу „способностей“, можно всетаки попытаться построить классификацію наукъ не на основаніи свойствъ познаваемаго, а на основаніи свойствъ познающаго, или на основаніи методовъ познания. Подобныя классификаціи могутъ имѣть извѣстное чисто условное значеніе (вѣдь, и совершенно несостоятельная съ научной точки зрѣнія ботаническая классификація, дѣлящая растенія на деревья, кустарники и траву, тоже имѣетъ „извѣстное условное значеніе“). Но въ то время, какъ онѣ будутъ удовлетворять только мелкимъ практическимъ интересамъ, классификація, выражающая собою классификацію явленій, будетъ сама какъ бы новою наукою, т. е., во всякомъ случаѣ, будетъ самымъ широкимъ научно-философскимъ обобщеніемъ.

Хотя вся философія Герберта Спенсера должна была бы сдѣлать его сторонникомъ подобной классификаціи, хотя онъ открыто заявилъ о необходимости классифицировать науки на основаніи отношеній между изучаемыми ими явленіями, однако онъ не удержался на этой позиціи. Раздѣливши науки на три большія группы: наукъ абстрактныхъ, абстрактно-конкретныхъ и конкретныхъ, Спенсеръ утверждаетъ (стр. 70), что первыя занимаются теоріею отношеній, вторыя—теоріею свойствъ, а послѣднія—теоріею агрегатовъ. Объ этомъ дѣленіи мы поговоримъ ниже, а здѣсь укажемъ на слѣдующее основное отличіе, существующее по Спенсеру, между науками конкретными и абстрактно-конкретными. „Въ конкретныхъ наукахъ дѣль противоположна той, какою задаются науки абстрактно-конкретныя. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ *аналитическое объясненіе*, въ другомъ случаѣ мы имѣемъ *объясненіе синтетическое* (стр. 29). Такимъ, образомъ различіе методовъ изслѣдованія явленій, а не различіе между самими явленіями становится отличительнымъ признакомъ, характеризующимъ двѣ группы наукъ. Мы видѣли, что, по Спенсеру, конкретныя науки занимаются агрегатами, а абстрактно-конкретныя—свойствами. Но изъ этого еще не значитъ, какъ это можно было бы думать, что абстрактно-конкретныя науки занимаются „свойствами“ тѣхъ „агрегатовъ“, которыми занимаются науки конкретныя. Нѣтъ, у Спенсера три группы наукъ совершенно разъединены. Абстрактныя науки занимаются пространствомъ и временемъ. Но если пространство реально, тогда геометрія есть наука о его „свойствахъ“, а если оно ideally, то геометрія есть только методъ изслѣдованія, а не самостоятельная наука. Затѣмъ, абстрактно-конкретныя науки состоятъ изъ механики, химіи и физики, а конкретныя изъ астрономіи, геологіи, фивіологіи, психологіи и соціологіи (мы перечисляемъ только главнѣйшія изъ конкретныхъ наукъ). Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Спенсеръ упрекаетъ классификацію Конта за ея неоднородность. Въ самомъ дѣлѣ, по Спенсеру, классификація Конта имѣетъ такой видъ:

Математика.	теорія отношеній.
Астрономія.	теорія агрегатовъ.
Физика	теорія свойствъ.
Химія.	теорія свойствъ.
Геологія.	теорія агрегатовъ.
Соціологія	теорія агрегатовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто-бы и пестро! Но это только подъ однимъ условіемъ: нужно, чтобы были агрегаты безъ свойствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если біологія и соціологія суть только теоріи агрегатовъ, то гдѣ же изучается теорія свойствъ

жизни и социальнаго взаимодействія? Очевидно, биологія есть наука абстрактная, изучающая явленія жизни вообще, а соотвѣтствующими конкретными науками являются ботаника и зоологія. Точно также и социологія есть наука абстрактная, а конкретными науками являются науки историческія.

Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности Д-ра Р. Айалера. Перев. съ нѣмец. П. Ремизова. Изданіе П. Лейненберга.

Еще одна неудачная попытка популярнаго изложенія психологіи. Неудача происходитъ въ этихъ случаяхъ прежде всего отъ того, что авторы смотрятъ на свою задачу чисто механически. Они думаютъ, что стоитъ взять какой-нибудь болѣе распространенный учебникъ психологіи и значительно сократить каждый отдѣлъ его, тогда и получится популярное изложеніе психологіи. Они забываютъ, что *краткое* изложеніе не тождественно съ изложеніемъ *популярнымъ*.

Разбираемая нами брошюра и представляетъ изъ себя подобнаго рода *конспектъ*, преподнесенный подъ видомъ популяризаціи. И, вдобавокъ, это конспектъ далеко не безукоризненный. Когда человѣкъ, ищущій популярнаго знанія, прочтетъ на стр. 71 слѣдующую фразу: «Всѣ ощущенія, достигнувъ высокой степени интенсивности, сопровождаются сильными чувствами непріятности; въ союзѣ (?) съ послѣдними они образуютъ то состояніе, которое мы называемъ *болемъ*, и которое можетъ наступить также въ результатѣ представленій (душевная боль)», то мы не думаемъ, что онъ получитъ особенно ясное и вѣрное понятіе объ описываемомъ явленіи. Тоже самое можно сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ: «Въ общемъ, однако, объективно нравственнымъ можно назвать тотъ поступокъ человѣка, который, исходя изъ *чистыхъ намереній*, способствуетъ *общему благу*» (стр. 79). Читатель, конечно, легко согласится, что, если съ «чистыми намереніями» да еще способствуетъ *общему благу*, то ужъ, само собою разумѣется, поступокъ будетъ нравственнымъ; но это онъ, вѣроятно, зналъ и до прочтенія брошюры д-ра Айалера. Далѣе мы читаемъ слѣдующее: «Нравственные поступки *безусловно нравятся*, и при сужденіи о нихъ игнорируются побочныя цѣли, которымъ они могутъ служить; они цѣнны сами по себѣ» (79). Такимъ образомъ, и «чистота намереній», и «общее благо», и самоцѣнность нравственнаго дѣянія—все это соединяется вмѣстѣ авторомъ, который, повидимому, и не подозреваетъ, что эти различные критеріи плохо уживаются другъ съ другомъ.

Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Выпускъ I. Формы волостного землевладѣнія въ сѣверо-западной Варабѣ. Выпускъ II: 1) Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія; 2) Замѣтка о византійскомъ землевладѣніи X—XIII столѣтія. Пермь. 1895.

Авторъ поименованныхъ брошюръ, г. Филимоновъ, до послѣдняго времени былъ извѣстенъ въ литературѣ почти исключительно какъ статистикъ, принимавшій участіе въ организованныхъ мѣстными земствами и правительствомъ изслѣдованіяхъ Черниговской, Вятской и Томской губерній. Тѣмъ не менѣе, и въ области вопросовъ, относящихся къ исторіи землевладѣнія, онъ является, повидимому, уже не новичкомъ, такъ какъ, по его словамъ, за время съ 1878 по 1894 г. имъ было написано девять статей по вопросу объ эволюціи землевладѣнія, точныя заглавія и даты написанія которыхъ онъ сообщаетъ читателямъ въ введеніи къ первой своей брошюрѣ. Изъ этихъ статей, впрочемъ, лишь одна появилась въ свѣтъ въ 1883 г. въ изданіи Черниговскаго земства, три составили содержаніе настоящихъ брошюръ, а большая часть осталась ненапечатанной. Причины такого запозданія авторъ поясняетъ въ своемъ „введеніи“, но это поясненіе нѣсколько туманно и производитъ довольно странное впечатлѣніе. „Выступить, говоритъ онъ, со всѣми этими статейками въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ намъ казалось не своевременнымъ. Такая авторитетная и замѣчательная работа, какъ изслѣдованіе о долевомъ землевладѣніи сѣвера Россіи А. Я. Ефименко и ея позднѣйшее изслѣдованіе о дворищенскомъ землевладѣніи Западнаго Края были встрѣчены публикою въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ гробовымъ и какъ-бы враждебнымъ молчаніемъ. Школа проф. Бѣляева и школа проф. Чичерина, очевидно, были въ то время у общества въ полномъ фаворѣ“. Напротивъ, настоящій моментъ кажется автору „такимъ, что даже и среднему человѣку какъ будто-бы уже позволительно выступить съ такой работой объ эволюціи землевладѣнія, которая несогласна съ положеніями указанныхъ двухъ школъ“. Самый выходъ въ свѣтъ выпускъ своихъ работъ авторъ ставитъ въ зависимость „отъ степени успѣшности ихъ распродажи, а также и отъ того, насколько онѣ будутъ соответствовать требованіямъ и условіямъ даннаго времени“ (вып. I, с. 1—2). Насколько первое условіе просто и ясно, настолько уже второе мало понятно. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ представить себѣ, въ чемъ должны заключаться эти спеціальныя условія времени, необходимыя для появленія подобныхъ ученыхъ трудовъ, равно какъ не припомнимъ и враждебнаго отношенія къ изслѣдованіямъ г-жи Ефименко. Правда, никто еще не превозносилъ этихъ изслѣдованій до такой степени, какъ г. Филимоновъ, заставляющій даже, по истинѣ „совер-

шенно неожиданно" и съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ хронологіей, примкнуть къ „школѣ А. Я. Ефименко" проф. Лучицкаго, въ 80-хъ годахъ „самаго горячаго и, повидимому (? sic), искренняго защитника идеи существованія въ прежнее время въ Малороссіи общиннаго владѣнія" (вып. I, с. 35), но никто и не отрицалъ въ работахъ г-жи Ефименко серьезныхъ достоинствъ, а нѣкоторые ученые и печатно отзывались объ нихъ съ большимъ сочувствіемъ. Г. Филимонову, впрочемъ, такихъ отзывовъ, конечно, недостаточно, такъ какъ, по его мнѣнію, въ изученіи исторіи русскаго землевладѣнія вплоть до появленія статей г-жи Ефименко господствовалъ „взглядъ партійный": одни „считали для себя почему-то необходимымъ доказывать" существованіе въ до-петровское время общиннаго землевладѣнія, а другіе „считали долгомъ своей чести" утверждать существованіе въ этотъ періодъ землевладѣнія подворнаго. Подобную „партійность" авторъ находитъ и въ европейской литературѣ и вслѣдствіе этого приходитъ къ выводу, что „вопросъ о первобытной собственности и эволюціи землевладѣнія долженъ быть весь снова разсмотрѣнъ отъ начала до конца, причемъ, во избѣжаніе могущихъ опять произойти ошибокъ, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ всякихъ партійныхъ взглядовъ" (вып. I, с. 29—31). Уже этихъ утвержденій достаточно для доказательства справедливости замѣренія автора, что онъ „спеціально вопросомъ объ эволюціи землевладѣнія не занимался, а только лишь между прочимъ интересовался этой темой" (с. 2). Столь строгое отношеніе ко всей предыдущей литературѣ не соединяется, однако, у автора, вопреки возможнымъ ожиданіямъ, съ чрезмѣрно-высокимъ мнѣніемъ о собственной работѣ. Свои статьи онъ, говоря его словами, писалъ „въ часы досуга" или, иначе, удѣлялъ имъ, „если можно такъ выразиться, только часы усталости" и потому „просилъ бы не предъявлять строгихъ требованій къ его работѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не изучалъ „Исторіи русскаго государственнаго права", къ спеціальности которой относится взятая имъ на себя тема" (с. 2). Отнесеніе исторіи землевладѣнія къ государственному праву, надо думать, не болѣе, какъ *lapsus calami* со стороны автора, но, вообще говоря, недостатокъ юридической подготовки составляетъ очень существенную слабую сторону работъ г. Филимонова. Этотъ недостатокъ имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что, вопреки не совсѣмъ точному названію „матеріаловъ", присвоенному авторомъ его брошюрамъ, въ нихъ заключается не простое описаніе фактовъ, а связные очерки изъ исторіи землевладѣнія, которымъ авторъ стремится придать общее значеніе. При такой постановкѣ работы уже одинъ крайне неточный языкъ автора представляетъ большое неудобство. Нисколько не же-

лая придирается къ мелочамъ, мы не можемъ, однако-же, не замѣтить, что такія выраженія, какъ „мобилизовать землю въ своихъ рукахъ“, „прикосновенная собственность“ (вып. II, с. 27, 35) и многія другія, употребляемыя авторомъ, переступаютъ предѣлы возможной свободы терминологіи. Лишь незнакомствомъ автора съ юридической литературой возможно объяснить и его настойчивое желаніе равумѣть подъ общиннымъ владѣніемъ „только, такъ называемое, подушное владѣніе и ничего болѣе“ (вып. II, с. 54). Получающееся отсюда полное игнорированіе семейной и сосѣдской общины приводитъ автора къ необходимости создавать крайне ухищренную, сложную и запутанную терминологію для обозначенія различныхъ формъ землевладѣнія. По фактическому своему содержанию статьи, заключающіяся въ брошюрахъ г. Филимонова, далеко не равноцѣнны. Наиболѣе интересна помѣщенная въ первомъ выпускѣ статья о формахъ землевладѣнія въ сѣверо-западной Барабѣ, въ которой авторъ оперируетъ надъ матеріаломъ, доставленнымъ ему совмѣстнымъ существованіемъ въ настоящее время различныхъ формъ землевладѣнія. Далеко уступая по богатству свѣдѣній, точности терминологіи и строгости общихъ построений работамъ о сибирской общинѣ г. Кауфмана, эта статья даетъ, во всякомъ случаѣ, большое количество цѣнныхъ фактовъ для характеристики сибирскаго землевладѣнія и его эволюціи. Не мало цѣнныхъ фактовъ собрано и въ очеркѣ малорусскаго землевладѣнія, но здѣсь положеніе автора было гораздо труднѣе. Предполагая дать историческій очеркъ землевладѣнія страны, хотя бы и „краткій“, хотя бы и „лишь съ тою цѣлью, чтобы заинтриговать лицъ болѣе компетентныхъ и болѣе свѣдущихъ“ (с. 54), необходимо было, конечно, ознакомиться и съ общею исторіей Малороссіи. Между тѣмъ, свѣдѣнія г. Филимонова въ этой области не только орудны, но слишкомъ часто и невѣрны. Онъ считаетъ, напримѣръ, возможнымъ говорить о переписи 1666 г. на основаніи Маркевича и Кониесскаго, совершенно не подозревая, что значительная часть этой переписи сохранилась, а часть и напечатана, и что эта уцѣлѣвшая часть рѣзко противорѣчитъ его категорически высказанному предположенію, будто бы названная перепись, въ случаѣ своей сохранности, „дала бы ясную и опредѣленную картину тогдашняго вольнаго землевладѣнія“ (2). Онъ смѣшиваетъ козачество съ дворянствомъ южно-русскихъ земель въ XVI вѣкѣ, переноситъ на первое права и привилегіи второго (12). Недостаетъ г. Филимонову и другого условія, необходимаго для историка землевладѣнія,—знакомства съ литературою предмета. Какъ будто намекая въ одномъ мѣстѣ первой своей брошюры на статью проф. Лучицкаго о сябрахъ, онъ, повидимому, не далъ себѣ

труда обстоятельно ознакомиться ни съ нею, ни съ другой работой того-же автора—о займанщинѣ въ Малороссіи, между тѣмъ какъ подобное знакомство предохранило-бы его и отъ отождествленія выводовъ названнаго автора съ выводами г-жи Ефименко, и отъ ошибки распространенія сябринныхъ порядковъ землевладѣнія на всю Малороссію. Наконецъ, и въ пользованіи источниками г. Филимоновъ употребляетъ не совсѣмъ правильные приемы, смѣшивая такіе разнородные и разнокачественные источники, какъ документы XVII—XVIII вв., показанія крестьянъ въ концѣ XIX столѣтія и народныя преданія, подчасъ очень фантастическія (см. напр. с. 7, 9, 10, 29—30). Въ иныхъ случаяхъ авторъ даже извлекаетъ изъ документа заключеніе, прямо противоположное дѣйствительному его смыслу (см. с. 13 и прим. 2, с. 17 и прим. 1). Къ этому нужно присоединить еще немалую смѣлость и произвольность въ общихъ построеніяхъ автора. При такихъ условіяхъ цѣнныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ данной брошюрѣ г. Филимонова, главнымъ образомъ, относительно сябриннаго владѣнія, и извлеченныя, по преимуществу, изъ Румянцевской Описи Малороссіи 1767 г., могутъ пригодиться ученому специалисту, но обыкновенному читателю эта книжка даетъ далеко не вѣрное представленіе о малорусскомъ землевладѣніи и его историческихъ судьбахъ. Что касается замѣтки г. Филимонова о византійскомъ землевладѣніи, то можно только удивляться, зачѣмъ онъ писалъ о предметѣ, столь мало ему извѣстномъ. Остается пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ г. Филимоновъ не выходилъ за предѣлы хорошо знакомыхъ ему темъ или, по крайней мѣрѣ, посвящалъ имъ не одни „часы усталости“.

М. Шиппель. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. Петра Струве. Спб. 1897 г. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“, цѣна 50 к.

Брошюра депутата германскаго рейхстага М. Шиппеля, переведенная г. Струве, посвящена оцѣнкѣ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія въ денежномъ вопросѣ—золотого монометаллизма и биметаллизма. Авторъ начинаетъ съ сжатой передачи исторіи золотого обращенія въ Германіи, которая, какъ и всѣ прочія страны (кромя Англіи), и донынѣ не достигла узаконенной еще въ 1872 и 73 гг. *чистой* золотой валюты. Хотя по закону серебряная монета была низведена до степени *размѣнной*, платежная сила которой ограничена извѣстнымъ максимумомъ (20 мар.), а весь излишекъ серебра сверхъ количества, потребнаго для размѣнной монеты, долженъ былъ быть брошенъ на рынокъ и проданъ по рыночной цѣнѣ, однако, жизнь не при-

вела въ исполненіе этого закона: благодаря усилившемуся производству серебра, рѣзкому паденію его цѣнности и громадному предложенію его со стороны всѣхъ государствъ, оно осталось въ предѣлахъ Германіи (на сумму 400 милл. марокъ), по неволѣ циркулируя наравнѣ съ золотомъ въ качествѣ монеты *банковой*, т. е. такой, пріемъ которой въ платежи обязателенъ въ неограниченныхъ размѣрахъ. Извѣстно, что именно на такое „хроманіе“ золотого обращенія горячо нападаютъ биметаллисты. Не отрицая неудобствъ этого явленія, установленія какъ-бы серебряныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, далеко превышающимъ внутреннюю цѣнность серебра, Шиппель, однако, признаетъ, что сравнительно небольшое количество серебряной монеты, обращающейся въ Германіи, въ связи съ постепенно улучшающимся отношеніемъ между серебромъ и золотомъ, исключаетъ возможность серьезной опасности для германской валюты отъ остатковъ серебра. Такую защиту „хромающего“ золотого обращенія, устанавливающую лишь нѣкоторое преимущество Германіи передъ другими странами, трудно назвать существенною, принципиальною. Гораздо болѣе убѣдительными и интересными для русскихъ читателей являются прочіе аргументы нѣмецкаго депутата. Биметаллисты утверждаютъ, что при нынѣшнемъ паденіи цѣнности серебра созданы чрезвычайныя затрудненія для вывоза товаровъ въ малокультурныя страны съ серебрянымъ обращеніемъ, а для этихъ странъ, наоборотъ, установлено сильное поощреніе къ торговлѣ и промышленности, преимущество въ ихъ конкуренціи съ европейскими государствами. Но Шиппель возражаетъ противъ такого мнѣнія тѣмъ соображеніемъ, что указанное преимущество отсталыхъ странъ компенсируется тѣмъ, что эти страны для поступательнаго хода своей промышленности и торговли, для подъема своего экономического развитія нуждаются въ европейскомъ капиталѣ, требующемъ уплаты процентовъ золотомъ, что при господствѣ серебряной валюты оказывается трудно исполнимымъ. И данное положеніе биметаллистовъ рушится вполнѣ подъ напоромъ приводимаго Шиппелемъ цифрового матеріала (по даннымъ индійской, китайской, лондонской, германской статистики), доказывающимъ противоположное тому, что утверждаютъ защитники серебра, именно, что за послѣдніе годы „общая сумма вывоза золотыхъ странъ въ страны съ серебряной валютой даетъ не уменьшеніе, а увеличеніе“ (41). Далѣе Шиппель касается важнаго пункта биметаллистическаго ученія—грознаго предсказанія проф. Зюса о возможномъ сокращеніи въ будущемъ добычи золота, но и тутъ обнаруживается значительное преувеличеніе. Оказывается, что самъ Зюсъ видѣлъ возможность наступленія предсказываемаго имъ

момента „по всей вѣроятности лишь черезъ нѣсколько столѣтій“ (61), а „пока случилось совершенно обратное тому, что черезъ нѣсколько столѣтій можетъ быть и будетъ неизбежно: производство золота совершенно неожиданно увеличилось“ (62). Съ другой стороны, мнѣніе проф. Зюса является чистой гипотезой, оспариваемой и опровергаемой многими не менѣе компетентными учеными. Наконецъ, энергично и горячо возстаетъ Шиппель противъ мнѣнія, усматривающаго въ вздорожаніи золота причину паденія товарныхъ цѣнъ, въ колебаніи добычи золота—причину колебаній промышленности, промышленныхъ кризисовъ. Къ чему такія искусственныя объясненія, когда означенныя явленія находятъ себѣ достаточное объясненіе въ самой сущности капиталистическаго производства: между прочимъ, въ громадномъ пониженіи издержекъ производства, явившемся слѣдствіемъ могучаго прогресса техники—съ одной стороны, а съ другой—въ условіяхъ конкуренціи, ухудшившихся съ выступленіемъ на арену міровой торговли новыхъ странъ. Такимъ образомъ, всѣ доводы биметаллистовъ признаются Шиппелемъ несостоятельными. Но къ чему стремятся биметаллисты? Какова истинная цѣль биметаллистическаго движенія? Авторъ видитъ ее въ стремленіи биметаллистовъ путемъ обезцѣненія денегъ (какъ слѣдствія узаконенія серебра) достигнуть повышенія, вздутія всѣхъ товарныхъ цѣнъ. Именно къ этому стремятся основныя кадры биметаллистической партіи—аграріи. Къ тому же послѣднимъ улыбается перспектива болѣе дешевой монетой расплатиться съ массою угнетающихъ ихъ старыхъ долговъ и арендныхъ обязательствъ. Вотъ истинныя цѣли, единственный идеалъ биметаллистовъ. Но въ какой мѣрѣ эти идеалы соотвѣтствуютъ интересамъ прочихъ классовъ населенія? Шиппель подробно останавливается надъ этимъ вопросомъ. Логическими соображеніями и цифровыми данными онъ подтверждаетъ ту явѣстную истину, что заработная плата—цѣна рабочей силы—всего медленнѣе слѣдуетъ за повышеніемъ цѣнъ на прочіе товары, и что поэтому „для пролетаріата періодъ искусственнаго повышенія всѣхъ цѣнъ долженъ кончиться полнымъ обездоленіемъ“ (88).

Таково содержаніе интересной брошюры, совмѣщающей въ себѣ достоинства научнаго труда и публицистической работы, написанной живымъ, энергическимъ и популярнымъ языкомъ. Нельзя не признать ея появленіе въ русскомъ переводѣ вполне своевременнымъ. Въ самое послѣднее время подняли литературную агитацію русскіе биметаллисты-аграріи, пользующіеся въ своихъ вылазкахъ оружіемъ своихъ западно-европейскихъ собратьевъ,—оружіемъ, достаточно дискредитированнымъ въ книгѣ Шиппеля. Съ другой стороны, на защиту биметаллизма

выступаютъ у насъ иногда и писатели, чуждые аграрнымъ вожделѣніямъ. Могутъ возразить, что вопросъ о валютѣ принимаетъ въ Россіи нѣсколько иной характеръ. У насъ сравнительно мало представителей тѣхъ рабочихъ классовъ, съ точки зрѣнія которыхъ разсуждаетъ Шиппель, большинство же населенія—крестьяне—занято земледѣліемъ и страдаетъ не отъ высокихъ цѣнъ, а отъ *паденія* хлѣбныхъ цѣнъ. На это именно ссылаются наши биметаллисты. Но эти утвержденія вполнѣ ошибочны. Несомнѣнные данныя указываютъ, что и въ Россіи въ области сельскаго хозяйства далеко не существуетъ предполагаемой гармоніи интересовъ, что въ противоположность землевладѣльцамъ, ведущимъ капиталистическое хозяйство, большинство крестьянства является болѣе покупателемъ, чѣмъ продавцомъ хлѣба, притомъ отчуждаетъ часть своей рабочей силы на посторонніе промыслы и заработки,—слѣдовательно, или вовсе не заинтересовано въ цѣнахъ на хлѣбъ или заинтересовано въ низкихъ цѣнахъ. Его интересы, стало быть, въ денежномъ вопросѣ тождественны съ интересами трудящихся массъ вообще. А каковы эти интересы—объ этомъ краснорѣчиво говоритъ разобранная нами брошюра.

Въ предисловіи къ русскому переводу г. Струве сообщаетъ нѣкоторыя основныя понятія, необходимыя для уясненія сложнаго вопроса о денежномъ обращеніи.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г., ч. 2 р.

Передъ нами посмертное собраніе статей молодого ученаго, безвременно окончавшагося (24-хъ лѣтъ отъ роду) въ прошломъ году и успѣвшаго въ свою краткую жизнь обратить на себя вниманіе нѣсколькими талантливо исполненными работами историко-экономическаго характера. Въ сборникѣ помѣщены четыре статьи. Наибольшею по объему и наиболѣе важною является „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“ (стр. 1—73). Справедливо протестуя противъ обычнаго ходячаго изложенія Мальтусова закона народонаселенія,—изложенія, видящаго въ пресловутыхъ прогрессіяхъ, требованіи въ нравственнаго воздержанія и страхахъ перенаселенія чуть-ли не всю сущность этого закона, авторъ строго отдѣляетъ теоретическую, научную часть ученія Мальтуса отъ части прикладной, отъ практическихъ выводовъ изъ этого ученія. Горячо защищая первую часть, онъ рѣшительно отказывается отъ признанія второй. Нельзя, однако, признать эту защиту во всѣхъ ея частяхъ достаточно обоснованною. Въ особенности это нужно замѣтить относительно того положенія, которое сформулировано самимъ Мальтусомъ въ тезисѣ: населеніе по-

стоянно имѣть тенденцію размножаться быстрѣе, нежели средства продовольствія. Касаясь этого пункта, авторъ самъ признаетъ, что „Мальтусъ не имѣлъ правильнаго представленія о размѣрахъ усовершенствованій, которыя способенъ внести человѣкъ въ обработку и добываніе даровъ природы“ (62—3), что онъ приуменьшилъ роль сотрудничества и техники (22—3), что нельзя отрицать необходимости измѣненія условій производства и распредѣленія для искорененія существующаго перенаселенія, что „непосредственной причиною избыточности населенія или недостаточности продовольствія надо считать господствующую экономическую форму“ (67), что, наконецъ, „вопросъ о формулированной Мальтусомъ тенденціи—вопросъ при современномъ состояніи науки открытый“ (69). И тѣмъ не менѣе въ этой ничѣмъ не доказанной „тенденціи“ онъ видитъ „основную причину“ (67) перенаселенія, а съ нимъ, слѣдовательно, и всѣхъ социальныхъ бѣдствій. На чемъ же основано такое признаніе ничѣмъ и ничѣмъ не доказанной истины? Авторъ утверждаетъ, что никто изъ критиковъ Мальтуса не опровергъ формулированной имъ тенденціи. Но, по нашему мнѣнію, *opus probandi* въ данномъ строѣ долженъ быть перенесенъ съ критиковъ на создателя ученія... Сказанное не мѣшаетъ намъ признать цѣнности и справедливости многихъ критическихъ замѣчаній, высказанныхъ авторомъ при разборѣ обширной анти-мальтузианской литературы. Остальныя статьи касаются вопросовъ или мало разработанныхъ, или вовсе не затронутыхъ въ русской литературѣ. Этюдъ „Экономическія идеи французскихъ католиковъ“ (152—218) начинается съ изложенія и тщательнаго анализа энциклики папы Льва XIII *Regim Novatum* отъ 15 мая 1891 года, „служащей для католиковъ фундаментомъ всѣхъ ихъ теоретическихъ построеній экономическаго характера“ (153). Эту энциклику авторъ считаетъ началомъ новаго направленія католическаго движенія, отнынѣ принимающаго демократическій характеръ. Въ живомъ и интересномъ очеркѣ дается историческій обзоръ католическихъ идей и движеній до и послѣ энциклики. Въ заключеніе авторъ, приведя схему трехъ стадій развитія католицизма Леона Грегуара (первая стадія—разрывъ католической церкви съ денежной буржуазіей, вторая—присоединеніе къ церкви рабочаго населенія и вообще всего народа, послѣдняя—полное торжество католицизма послѣ низверженія буржуазнаго строя), высказываетъ, что первая стадія уже пройдена католицизмомъ, вторая нынѣ переживается имъ (вспомнимъ фактъ паломничества рабочихъ въ Римъ), „но наступить-ли третья стадія?“ „Въ этомъ позволительно усумниться“ (214),—заключаетъ авторъ.—Остальные два этюда: „Рабочее движеніе въ Бельгіи“ (76—120) и

„Къ исторіи идей и партій въ Соединенныхъ Штатахъ“ (121—151) разсматриваютъ соціальныя теченія двухъ государствъ, отличающіяся нѣкоторыми своеобразными бытовыми и историческими чертами. Составленныя по большому количеству *литературныхъ* источниковъ, они представляютъ большой интересъ для русскихъ читателей. Жаль, что не всѣ произведенія Н. Водовозова вошли въ сборникъ; такъ, мы не нашли тамъ статьи „Экономическіе взгляды Мальтуса“ (напечатанной въ Журналѣ Спб. Юрид. Общества) и статьи, посвященной оцѣнкѣ популярныхъ руководствъ по политической экономіи (заглавія точно не помнимъ), помѣщенной въ іюньской или іюльской кн. „Міра Божьяго“ за 96 г. Не мѣшало бы также присоединить къ изданію хотя бы краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ молодомъ, такъ мало пожившемъ и уже такъ много поработавшемъ ученомъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Евтихій Карповъ. Народныя драмы. Москва. 97. Ц. 1 р.

А. Н. Афонасьевъ. Народныя русскія сказки. Два тома. Москва. 97 г. Ц. 3 р.

Фаустъ, Трагедія В. Гете. Перев. Н. П. Маклецовой. Саратовъ. 97 г. Ц. 1 р.

Сергій Верещагинъ. Въ часы раздумья. Стихотв. Спб. 97 г. Ц. 80 к.

Н. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Разказы для народа. Спб. 97 г. Ц. 20 к.

А. Л. Рождественскій. Въ безконечныхъ безднахъ вселенной. Астрономическая сказка. Москва. 97.

С. А. Энгельманъ. Въ штормъ (12 разказовъ). Одесса, 97 г. Ц. 1 р.

В. В. Святловскій. Родные курорты (Очерки и картинки). Одесса, 97 г. Ц. 1 р.

В. Гринченко. Хатка въ Балци. Черниговъ. 97 г. Ц. 75 к.

Ив. Ивановъ. Писемскій. Изд. журн. «Міръ Божій» Спб. 97 г. Ц. 1 р.

А. С. Варшавскій. Гимель Вавилонскій, его жизнь и дѣятельность. Одесса, 97. Ц. 15 к.

Ө. Криндачъ. Русскій кавалеристъ въ Абиссиніи. Спб. 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Малькольмъ Макъ-Колль. Султанъ и державы. Спб. 97 г.

Юрій Казм-Бекъ. Современная Турція. Спб. 97. Ц. 50 к.

Карлъ Шульмейстеръ. Шпіонство при Наполеонѣ I. Изд. В. Березовскаго. Спб. 97. Ц. 1 р.

Г. де-Ривальеръ. Очерки современнаго французскаго общества. Одесса. 97 г. Ц. 25 к.

Э. Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Библ. для самообр. М. 97. Ц. 1 р. 50 к.

У. Дж. Эшли. Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей. Изд. М. И. Водовозовой. Москва. 97 г. Ц. 2 р. 75 к.

Собрание сочиненій К. Д. Кавелина. Монографіи по русской исторіи. Т. I. Спб. 97 г. Ц. 2 р. 60 к.

Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева. Одесса. 97 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ въ память А. С. Гацискаго. Нижній-Новгор. 97 г.

М. Ферворнъ. Общая физиологія. 2 т. Библ. для самообр. Москва. 97. Ц. 4 р.

Эмиль Ваунъ. Исторія водъ. Спб. 97. Ц. 50 к.

Д-ра Эб. Фрааса. Геологія въ краткомъ изложеніи для школъ и самообразованія. Москва 96. Ц. 25 к.

И. М. Радецкій. Темныя и больныя сны. Публ. рѣчь. Одесса. 97. Ц. 10 к.

Т. Осадчій. Образованные земледѣльцы въ Южн. Руси. Кіевъ. 97 г. Ц. 40 к.

Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Изд. Моск. Губ. Земства. Москва. 97 г. Ц. 75 к.

Народное начальное образованіе въ Курской губ. Изд. Курскаго Губ. Земства. Курскъ. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣкоторые данныя о народномъ образованіи въ Смоленской губ. Изд. Смоленск. Губ. Зем. Смоленскъ. 97 г.

Отчетъ Харьковской Общественной Библіотеки за 95 и 96 гг. Харьковъ. 97 г.

Отчетъ 1-го Московскаго общества производства за 96 г. М. 97 г.

Д-ръ Мендельсонъ. Полустрово, какъ курортъ. Спб. 97 г.

М. Н. Нижегородцевъ. О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала въ заведеніяхъ для душевнобольныхъ. Спб. 97 г.

М. Мандрыка. Житейскій задачникъ для дѣтей. г. Сумы. 96 г. Ц. 20 к.

В. Ивановъ-Артюховъ. Курсъ алгебры духовныхъ семинарій Кіевъ. 96 г. Ц. 1 р.

Н. Гіацинтовъ. О періодахъ. Пособія для гимназій. Зарайскъ. 97. Ц. 20 к.

Марія Ределинъ. Книга о консервахъ. Спб. 97. Ц. 60 к.

Д. Озерковъ. Общедоступная пиротехнія. Спб. 97. Ц. 50 к.

В. Костюринъ. Морской путь и дешевый хлѣбъ. Тобольскъ. 97.

Н. И. Борисовъ. Опытъ изученія конокрадства въ Херсонской губ. Изд. Херсонск. Губ. Земск. Управы. Херсонъ. 97 г.

Болгарскіе чиновники.

(Письмо изъ Софіи).

Въ началѣ этого года статистическое бюро при министерствѣ торговли и земледѣлія выпустило сборникъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ при переписи чиновниковъ и служащихъ на государственной службѣ 1-го марта 1896 г. *) Въ цифрахъ этого сборника отразилась вѣрная и своеобразная картина самой интересной части нашего общества: въ нихъ выразился ярко характеръ нашей молодой бюрократіи.

Чиновничество у насъ имѣетъ пока мало общаго съ чиновничествомъ другихъ европейскихъ странъ; оно еще не успѣло выработать и, можетъ быть совсѣмъ не выработаетъ типовъ, воплощенныхъ мастерами русскаго слова въ живыхъ образахъ Акакія Акакіевича, Дѣвушкина, Ташкентцевъ и т. д. Еще менѣе общаго у нашихъ чиновниковъ съ высокомѣрными австрійскими бюрократами или французскими формалистами. Чиновничество у насъ представляетъ изъ себя нѣчто крайне оригинальное и интересное. Оно интересно, между прочимъ, и потому, что въ его составъ входитъ, въ сущности, почти цѣликомъ вся наша интеллигенція. Надо сказать, что государственный элементъ, въ силу историческихъ условий, играетъ въ современной жизни нашего народа преобладающую роль; у государства такая масса дѣлъ и такая нужда въ людяхъ, что все живое и дѣятельное въ нашемъ обществѣ поглащается имъ. При этомъ или, пожалуй, поэтому общественная самодѣятельность и частная инициатива пока на второмъ планѣ, чтобы не сказать, въ полномъ застоѣ. Такимъ образомъ, изслѣдуя по цифровымъ даннымъ характеръ нашихъ государственныхъ чиновниковъ и служащихъ, мы тѣмъ самымъ, до нѣкоторой степени, познакоимся и съ современной нашей интеллигенціей. Если картина выйдетъ не совсѣмъ отрадная, то она будетъ имѣть то преимущество, что написана безпристрастными цифрами.

Общее число государственныхъ чиновниковъ и служащихъ было къ 1-му марта прошлаго года 20,509. Замѣтимъ, что въ это число входятъ только тѣ чиновники и служащіе, которые фигурируютъ въ государственномъ бюджетѣ, т. е. персоналъ исключительно государственныхъ учреждений. Въ трудѣ статистическаго бюро мы не находимъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о персоналѣ администраціи городскихъ и сельскихъ общинъ, а также окружныхъ

*) Результаты отъ прѣброяваніието на държавнитѣ чиновници и служащи въ Княжество България на 1-й Мартъ 1896 г. София, Февруарій 1897 г.

постоянныхъ комиссій, играющихъ, въ нѣкоторомъ родѣ, роль нашихъ земскихъ учреждений. Въ это число не входятъ также нижніе чины арміи, составляющіе кадры нашихъ военныхъ силъ въ мирное время, хотя и они также содержатся на счетъ государственнаго бюджета. Но даже безъ нижнихъ чиновъ и безъ административнаго персонала общинъ и окружныхъ постоянныхъ комиссій, одни государственные чиновники и служащіе представляютъ, сравнительно съ населеніемъ княжества, значительную чиновническую армію. Дѣйствительно, 92% (18,888) государственныхъ чиновниковъ и служащихъ исключительно люди рабочаго возраста: отъ 20 до 65 лѣтъ; остальные 8% — 298 женщинъ, 1,323 мужчинъ — до 20 и выше 65 лѣтъ; между тѣмъ по переписи населенія княжества въ 1893 г. мужчинъ отъ 20 до 65 лѣтъ насчитано 732.000. Слѣдовательно, въ эту чиновническую армію входятъ 26 душъ изъ каждой тысячи взрослыхъ мужчинъ.

Изъ таблицы относительно семейнаго положенія государственныхъ чиновниковъ и служащихъ мы видимъ, что въ общемъ числѣ — 20,509 — имѣется 6,209 (30%) холостыхъ, 386 (2%) вдовцевъ и разведенныхъ и 13,904 (68%) женатыхъ; дѣтей у 11,486 чиновниковъ, имѣющихъ семьи, насчитано 27,688. Прибавивъ къ числу чиновниковъ и служащихъ (20,509): 13,904 ихъ женъ и 27,688 дѣтей, получимъ 62,096 душъ, кормящихся отъ государственной службы. Сравнивая эту цифру съ цифрой мужского и женскаго населенія въ возрастѣ отъ 20 до 65 лѣтъ (1,465,766) находимъ, что первая составляетъ 4,2% второй; это значитъ, что на тысячу человѣкъ рабочаго населенія обоего пола приходится 42 человѣка, которые живутъ на счетъ государственнаго бюджета. Но въ этотъ счетъ не входитъ еще 37,500 нижнихъ чиновъ; вмѣстѣ съ ними общая сумма лицъ, живущихъ на счетъ государственнаго бюджета будетъ 99,596 человѣкъ или 6,8% рабочаго населенія обоего пола. Иными словами, на тысячу работниковъ приходится 68 служащихъ и ихъ членовъ семей.

На содержаніе такого числа своихъ агентовъ государство расходуетъ ежегодно около 42 милліоновъ левовъ (франковъ), т. е. 46% цѣлаго годового бюджета страны. Изъ этой суммы 31,686,683 лева идутъ на жалованье чиновниковъ и служащихъ и около 10 милліоновъ на жалованье и содержаніе нижнихъ чиновъ.

Въ параллель къ вышеприведеннымъ цифрамъ, интересно познакомиться съ численнымъ составомъ служащихъ въ общинахъ и въ окружныхъ постоянныхъ комиссіяхъ. Въ спискѣ общинъ, изданномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1891 году, числится 75 городскихъ и 1,782 сельскихъ общинъ. Допустимъ, что во всякой сельской общинѣ всего 3 служащихъ на жалованіи; эта цифра скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Слѣдовательно, одні сельскія общины содержатъ на свой счетъ 5,346 служащихъ. Если къ этому числу прибавить служащихъ въ 75 городскихъ общинахъ и въ 22 окружныхъ постоянныхъ комиссіяхъ, получится при-

близительно 6,000 человекъ. Считая семью каждого изъ этихъ 6,000 въ среднемъ изъ 3-хъ душъ, найдемъ, что на счетъ бюджета общины и постоянныхъ комиссій живутъ 18,000 душъ. И такъ, всѣхъ государственныхъ, коммунальныхъ и окружныхъ чиновниковъ и служащихъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями и съ нижними чинами оказывается около 117,000 душъ, т. е. 8% всего производительнаго населенія отъ 20 до 65 лѣтъ.

Эти цифры не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ; онѣ показываютъ, какъ быстро развилась у насъ бюрократія въ незначительный періодъ нашего существованія на положеніи правового государства. Какъ видно, она попала у насъ на чрезвычайно благопріятную почву. Каковъ характеръ нашей молодой бюрократіи, по крайней мѣрѣ, той ея части, которая находится на государственной службѣ, мы сейчасъ увидимъ изъ другихъ цифровыхъ данныхъ, встрѣчающихся въ сборникѣ статистическаго бюро. Такъ, мы находимъ здѣсь очень интересныя свѣдѣнія относительно общественнаго положенія государственныхъ чиновниковъ и служащихъ до ихъ поступления на службу, относительно ихъ образовательнаго ценза, размѣровъ ихъ жалованій и т. д. Прежде всего посмотримъ, изъ какой среды набирается наша чиновническая армія.

Болгарскій народъ, подпавъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ подъ чужеземное иго, прожилъ все это время подъ нивелирующимъ атаганомъ завоевателя. Онъ развивался, благодаря этому обстоятельству, при совершенно различныхъ условіяхъ сравнительно съ условіями, при которыхъ жили и развивались западно-европейскіе народы. Феодальный режимъ, легшій тяжелымъ бременемъ на плечи европейскихъ народовъ, имѣлъ востане извѣстное оправданіе передъ судомъ исторіи. Въ эпоху полного расцвѣта кулачнаго права, когда европейскіе народы представляли изъ себя безпорядочныя массы съ крайне слабой общественной организаціей, сильныя и хорошо организованныя военныя дружины феодаловъ являлись общественной силой, стоящей на стражѣ личныхъ и имущественныхъ интересовъ подданныхъ. Покоренная масса платилась, конечно, за это и стала, въ концѣ концовъ, для феодальныхъ сеньйоровъ *tailleable et corvéable à merci et miséricorde*. Путемъ дифференціаціи феодалы постепенно отдалились отъ народной массы, изъ которой они возникли, и стали смотрѣть на себя, какъ на особенную породу людей, какъ на высшую расу. Въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ событій феодальная аристократія потеряла свою независимость въ борьбѣ съ королевскою властью. Съ укрѣпленіемъ и развитіемъ власти того, кто былъ въ началѣ избранникомъ феодальныхъ сеньйоровъ и назывался первымъ между равными, феодальная аристократія не исчезла, а сгруппировалась около блестящихъ королевскихъ дворовъ и стала ихъ лучшимъ украшеніемъ. Параллельно съ этимъ процессомъ у западно-европейскихъ народовъ вырастаютъ

большіе города съ богатой купеческой аристократіей, которая блескомъ своей роскоши и своими колоссальными по тому времени богатствами возбуждаетъ зависть и удивленіе членовъ древнихъ феодальныхъ родовъ и даже королевскихъ фамилій.

Ничего подобнаго феодальной или купеческой аристократіи мы не замѣчаемъ у нашего народа, онъ не знаетъ ни западно-европейскаго феодальнаго строя съ крѣпостнымъ правомъ, ни богатой городской буржуазіи. Роль этихъ двухъ общественныхъ группъ игралъ у насъ за послѣдніе пять вѣковъ чужеземецъ, который по своей культурѣ настолько отличался отъ европейца, что не могъ создать ничего подобнаго европейскимъ общественнымъ порядкамъ и не сумѣлъ также, благодаря первобытности своей культуры, ассимилировать насъ и превратить насъ окончательно въ турокъ. Главнѣйшей заботой нашего пятивѣкового господина, за все время его владычества, было собираніе податей съ покореннаго населенія, но даже и для этой задачи онъ не создалъ въ подчиненной массѣ никакой чиновничьей іерархіи: подати отдавались на откупъ. Правосудіе, если можно употребить здѣсь это слово, раздавалось по шариату, который удовлетворялъ мусульманское населеніе, но не соотвѣтствовалъ традиціоннымъ понятіямъ населенія болгарскаго. Другія общественныя учрежденія были въ зачаточномъ состояніи. Однимъ словомъ, турецкая администрація не имѣла никакихъ органовъ управленія, въ которыхъ принимало-бы участіе болгарское населеніе; зародышныя-же органы управленія были всецѣло въ рукахъ самихъ турокъ.

Такимъ образомъ, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, нашъ народъ представлялъ до самаго послѣдняго времени однородную, нивелированную массу, и если въ немъ было имущественное неравенство, то оно было сравнительно незначительно. Во всякомъ случаѣ, трудно сравнить нашихъ раболовныхъ чорбаджіевъ-богачей эпохи турецкаго господства съ богатыми, гордыми и освободолюбивыми торговцами, — основателями знаменитыхъ итальянскихъ республикъ, или съ предпріимчивыми, безотрашными и независимыми членами Ганзы. Въ такомъ положеніи застало насъ освобожденіе.

Какъ только русская армія переправилась черезъ Дунай, всѣ турецкія власти исчезли безслѣдно. Устройство гражданской части, возложенное на князя Черкаскаго, было поставлено на очередь еще при открытіи военныхъ дѣйствій. Для управленія страной тотчасъ же были утилизированы всѣ мѣстныя силы, которыя были, впрочемъ, крайне ограничены: грамотные люди были на перечесть. Довольно долгое время страна управлялась русскими, и вся официальная переписка велась на русскомъ языкѣ. Между чиновниками встрѣчалось очень мало болгаръ. Изъ таблицы относительно прослуженныхъ лѣтъ мы видимъ, что изъ теперешняго состава нашей бюрократіи числятся на службѣ, начиная съ 1878 г.: 72 лица

съ 18 лѣтней службой, 217 лицъ съ 17 лѣтней; 446 съ 16; 526 съ 15, 568 съ 14 лѣтней службой и т. д. Чиновниковъ теперешняго состава, бывшихъ на службѣ въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ послѣ освобожденія, — 1829 (8,9%), тогда какъ число чиновниковъ и служащихъ, за которыми считается пятилѣтняя служба, т. е. которые находятся на службѣ, начиная съ 1891 г., достигаетъ 11,558 (56,3%). Къ сожалѣнію, мы не видимъ изъ таблицъ сборника, каковъ былъ составъ государственныхъ чиновниковъ и служащихъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія княжества; но вышеприведенныя цифры даютъ намъ право предположить, что составъ этотъ былъ, сравнительно съ теперешнимъ, гораздо малочисленнѣе. Такое предположеніе очень вѣроятно въ виду того обстоятельства, что тогда и территорія страны была меньше, и самыя потребности государства были ограниченнѣе.

Характеръ развитія нашего народа подъ турецкими игомъ и особенностями историческихъ условій, воспрепятствовавшихъ образованію какого-либо сословнаго или классового дѣленія въ народной массѣ, облегчаютъ намъ пониманіе цифръ сборника статистическаго бюро, относящихся къ общественному положенію нашихъ чиновниковъ и служащихъ до поступленія ихъ на государственную службу. Понятно, что намъ нечего искать въ рядахъ нашихъ бюрократовъ потомковъ благородныхъ лордовъ или сыновъ богатой буржуазіи. Дѣйствительно, почти половина — 9,152 или 44.6% — всѣхъ государственныхъ чиновниковъ и служащихъ принадлежали до поступленія на службу къ сельскому и городскому рабочему населенію. Было бы слишкомъ большою роскошью перечислять здѣсь всѣхъ представителей физическаго труда, встрѣчающихся въ этой группѣ; скажемъ только, что въ ней мы встрѣчаемъ бывшихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ всевозможныхъ специальностей. Половина этой группы крестьяне-земледѣльцы, другая половина городскіе ремесленники. Больше всего тѣхъ и другихъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (67,1% цѣлаго состава этого министерства) и менѣе всего въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (17,2%).

Второе мѣсто по численности своей занимаютъ въ чиновнической массѣ бывшіе ученики и студенты, — общественная формація, которая возникла, очевидно, уже послѣ освобожденія (6,280 или 30,6%). Эта группа чиновниковъ и служащихъ поступила на службу прямо со школьной скамьи и обладаетъ извѣстной подготовкой, извѣстнымъ общимъ или специальнымъ образовательнымъ цензомъ. Какъ по численности, такъ и по процентному отношенію къ цѣлому составу чиновниковъ и служащихъ, наибольшее число лицъ этой категоріи находится на службѣ въ военномъ министерствѣ: это штабъ и оберъ-офицеры, кончившіе курсъ въ среднихъ и высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ всего бѣднѣе чиновниками этой категоріи.

Къ этому разряду можно отнести и бывшихъ представителей

разных свободных профессий, числом 1,414, т. е. 6,9% общего числа чиновников и служащих. Из них 76% бывших народных учителей, а остальная четверть этой группы — адвокаты, доктора, ветеринары, аптекари, музыканты, художники, литераторы и т. д. Вместе с бывшими учениками и студентами эти бывшие представители свободных профессий могут быть названы чиновнической интеллигенцией; их 7,694 или 37,5% общего числа всех государственных чиновников и служащих.

Чтобы покончить с вопросом об общественном положении наших чиновников и служащих до поступления их на государственную службу, нам остается упомянуть о 2,442 (11,9%) бывших крупных и мелких торговцах, и о 1,221 бывших писарях в сельских общинах и окружных постоянных комиссиях (6,0%).

Итак, из общего числа 20,509 государственных чиновников и служащих 44,6% были до поступления на службу сельскими и городскими рабочими и ремесленниками; 30,6% — учениками и студентами; 6,9% — представителями разных свободных профессий; 11,9% — крупными и мелкими торговцами и, наконец, 6,0% — писарями. Прошлое $\frac{2}{3}$ наших чиновников и служащих позволяет нам сдѣлать априорное предположеніе относительно уровня их образованія; они въ массѣ не должны пользоваться высокимъ образовательнымъ цензомъ. Изъ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ образовательному цензу, мы узнаемъ, дѣйствительно, что въ общей своей массѣ чиновники и служащіе на государственной службѣ оставляютъ желать въ этомъ отношеніи многого. По таблицамъ статистическаго бюро они раздѣляются на неграмотныхъ (4,1%), малограмотныхъ — съ неполнымъ первоначальнымъ образованіемъ (18,0%), съ полнымъ первоначальнымъ образованіемъ (19,1%), съ среднимъ образованіемъ (52,5%) и съ высшимъ образованіемъ (6,3%). Къ обладающимъ среднеобразовательнымъ цензомъ отнесены, кромѣ учившихся въ классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, ученики педагогическихъ училищъ, учительскихъ семинарій, коммерческихъ училищъ, духовныхъ семинарій, инженерскихъ училищъ, ветеринарно-фельдшерскихъ, земледѣльческихъ, лѣсныхъ, техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Къ высшеобразовательному цензу отнесены цензы, дающіеся университетами, школами живописи, лѣсными и земледѣльческими академіями, ветеринарными институтами, педагогическими, духовными, военными и коммерческими академіями, горными, технологическими институтами, институтами путей сообщенія и разными другими высшими школами. Далеко не всѣ учившіеся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ окончили въ нихъ полный курсъ наукъ; кончившихъ курсъ незначительное меньшинство. Такъ, изъ 8,150 бывшихъ гимназистовъ кончили полный курсъ классической или реальной гимназій лишь 308 человекъ, что составляетъ всего 3,8% ихъ числа или 1,5% общего числа всехъ чиновниковъ и служащихъ; остальные 7842 бывшихъ

гимназистовъ убоялись безднъ премудрости и вышли изъ первыхъ классовъ, а именно: $\frac{1}{4}$ общаго числа учившихся въ гимназiи вышли изъ первыхъ трехъ классовъ, а остальная $\frac{1}{4}$ были въ 4-мъ и высшихъ классахъ, но кончить курсъ имъ, однако, не удалось. Тоже можно сказать относительно воспитанниковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведенiй; не всѣ они довели до конца свое образованiе, хотя, впрочемъ, здѣсь кончившiе курсъ составляютъ гораздо большiй процентъ, а именно: 2,293 изъ 2,611, т. е. 87.8%. Такимъ образомъ, изъ общаго числа чиновниковъ и служащихъ кончили полный курсъ гимназiй и другихъ среднихъ учебныхъ заведенiй только 2,601, что составляетъ 12.7%. Что же касается учившихся въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, то изъ нихъ получили полное высшее образованiе 1,104 человека, т. е. 5.4% общаго числа чиновниковъ и служащихъ, а остальные 198 не могли окончить курса. Такъ какъ эти послѣднiе должны были, для поступленiя въ высшее учебное заведенiе, кончить курсъ средняго образованiя, то мы можемъ отнести ихъ къ числу окончившихъ гимназiю или какое-либо другое среднее учебное заведенiе, и тогда число чиновниковъ и служащихъ съ среднимъ образованiемъ будетъ 2,799, что составляетъ 13.6% ихъ общаго числа.

Всѣ вышеприведенныя выкладки относились къ общей массѣ лицъ, находящихся на государственной службѣ, причемъ не дѣлалось никакой разницы между чиновниками и служащими. Никакой строгой границы между этими двумя категорiями въ сущности и нельзя провести. Ни законъ о чиновникахъ и служащихъ на государственной службѣ 1882 года, который и до сихъ поръ въ полной силѣ, ни законопроекты 1889 и 1895 годовъ не даютъ особеннаго опредѣленiя званiю чиновника и служащаго и не дѣлаютъ между ними никакого различiя. По закону обѣ эти категорiи лицъ пользуются одинаковыми правами относительно пенсiи, отпусковъ, въ случаяхъ заболѣванiй и т. д. Статистическое бюро подраздѣляетъ, однако, общiй государственный персоналъ на чиновниковъ и служащихъ и дѣлитъ свой цифровой матеріалъ на двѣ соответствующiя группы. Изъ таблицъ сборника, изъ котораго мы извлекаемъ наши данныя, не видно, какими соображенiями руководствовало статистическое бюро, дѣлая такое подраздѣленiе, и по какимъ признакамъ группировало оно свои цифры. По всей вѣроятности, въ виду отсутствiя подобнаго раздѣленiя въ общей массѣ лицъ, находящихся на государственной службѣ, со стороны закона, статистическое бюро хотѣло выдѣлить изъ этой массы тѣхъ, которые пользуются болѣе высокимъ служебнымъ положенiемъ и лучшимъ содержанiемъ и отличить ихъ отъ большинства, занимающаго нисшiя должности съ небольшимъ жалованьемъ. Хотя подобное подраздѣленiе общей чиновничьей массы довольно произвольно, но оно даетъ возможность составить извѣстное представленiе объ образовательномъ ценѣ разныхъ категорiй чиновничества.

Изъ цифръ, относящихся къ образовательному цензу собственно чиновниковъ, мы узнаемъ, къ крайнему нашему удивленію, что 2 чиновника числятся въ графѣ неграмотныхъ!.. Одинъ изъ этихъ беззаботныхъ людей администрируетъ какой-то уѣздъ, а другой, — что не менѣе курьезно, — обучаетъ въ техническомъ училищѣ. Затѣмъ, изъ общаго числа 7,472 чиновниковъ 30 (0,4%) малограмотныхъ, т. е. не окончившихъ первоначальную школу; 224 (2,3%) окончившихъ первоначальную школу, 3,538 (47,4%) съ неполнымъ среднимъ образованіемъ; 2,381 (31,7%) съ полнымъ среднимъ образованіемъ; 193 (2,6%) съ неполнымъ высшимъ образованіемъ и 1,104 (14,8) съ полнымъ высшимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, число чиновниковъ, обладающихъ полнымъ среднимъ образованіемъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые учились въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, достигаетъ 3,678 человекъ, — что составляетъ только 49,16% общаго числа всѣхъ чиновниковъ. Иными словами, только половина нашихъ государственныхъ чиновниковъ люди съ серьезнымъ и правильнымъ образованіемъ; другая же половина училась на мѣдные гроши.

Изъ общаго числа 13,037 служащихъ 846 (6,5%) неграмотны; 3,647 (28,0%) малограмотны; 3,697 (28,4%) кончили первоначальную школу; 4,622 (35,4%) съ неполнымъ среднимъ образованіемъ; 220 (1,6%) съ полнымъ среднимъ образованіемъ и 5 (0,1%) съ неполнымъ высшимъ образованіемъ.

При первомъ взглядѣ на цифры относительно образовательнаго ценза служащихъ, бросается въ глаза крайняя сравнительно малочисленность служащихъ съ среднимъ образованіемъ. Фактъ этотъ находится въ связи съ ничтожнымъ вознагражденіемъ, которое получаетъ огромное большинство служащихъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Согласно таблицѣ статистическаго бюро относительно жалованій, получаемыхъ чиновниками и служащими, 5,833 служащихъ или 45% получаютъ въ годъ 600 левовъ; 4,747 служащихъ или 36% — отъ 600 до 900 левовъ, 2,088 или 16% — отъ 900 до 1,200 левовъ. Слѣдовательно, только 3% служащихъ получаютъ годовое содержаніе, превышающее 100 левовъ въ мѣсяцъ. Понятно, что государство не можетъ за такое ничтожное вознагражденіе имѣть у себя на службѣ людей съ солиднымъ образованіемъ: особенно это невозможно у насъ, гдѣ число образованныхъ людей еще очень незначительно. Надо, пожалуй, удивляться тому, что за такое вознагражденіе находится на государственной службѣ не мало лицъ съ полнымъ среднимъ образованіемъ и даже 5 человекъ, побывавшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Небезынтересны также цифры, характеризующія образовательный цензъ служащихъ и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, по группамъ.

Возьмемъ сначала цифры, касающіяся «служащихъ», а затѣмъ — собственно «чиновниковъ».

Главнымъ пріютомъ неграмотныхъ и малограмотныхъ служащихъ является министерство внутреннихъ дѣлъ: здѣсь ихъ собралась почти половина (2,161 изъ 4,493 всѣхъ неграмотныхъ и малограмотныхъ служащихъ во всей странѣ). Всѣхъ служащихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ насчитывается 4,223, между ними малограмотныхъ и совсѣмъ безграмотныхъ 2,161, т. е. 51,2% служащихъ въ этомъ министерствѣ неграмотны и малограмотны, что не можетъ не отражаться, конечно, и на самой службѣ. Надо замѣтить, что 88% всѣхъ служащихъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ находится въ окружныхъ и уѣздныхъ управленіяхъ и составляетъ главный контингентъ городской и сельской жандармеріи. На второмъ мѣстѣ по относительному числу неграмотныхъ и малограмотныхъ служащихъ стоитъ министерство общественныхъ работъ и путей сообщенія—здѣсь ихъ 44,7%; большая часть служащихъ по этому министерству находится въ службахъ ремонта пути, тяги и движенія на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ, въ службѣ ремонта мостовъ и шоссе и въ почтово-телеграфномъ управленіи. На всѣхъ этихъ службахъ требуется извѣстный практический цѣнзъ, но и образовательный цѣнзъ не былъ бы здѣсь, конечно, лишнимъ, между тѣмъ изъ таблицы мы видимъ, что почти половина служащихъ по этому министерству неграмотны и малограмотны. Спрашивается, каковъ можетъ быть надзоръ надъ нашими путями сообщенія, напр., если, вопреки частымъ напоминаніямъ со стороны министерства, у насъ по желѣзнымъ дорогамъ масса не только неграмотныхъ желѣзнодорожныхъ сторожей, но и неграмотныхъ надсмотрщиковъ и даже дорожныхъ мастеровъ, на которыхъ возлагается множество канцелярскихъ работъ по отчетности. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія безграмотныхъ и малограмотныхъ служащихъ—42%; въ министерствѣ торговли и земледѣлія—24,1%; военномъ—23,6%; финансовъ—22,1%.

«Чиновники» съ среднимъ и высшимъ образованіемъ крайне малочисленны почти во всѣхъ учрежденіяхъ. Въ общемъ они составляютъ только $\frac{1}{4}$ и даже меньшую часть всей чиновничьей массы; остальные $\frac{3}{4}$ съ первоначальнымъ образованіемъ или изъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются чиновники въ учрежденіяхъ, въ которыхъ требуются спеціальныя познанія. О двухъ неграмотныхъ мы уже имѣли случай упомянуть выше. 24 малограмотныхъ не далеко ушли отъ этихъ неграмотныхъ и врядъ-ли служатъ украшеніемъ нашей бюрократіи. Въ окружныхъ управленіяхъ и въ Софійскомъ градоначальствѣ 22 окружныхъ управителя (префекта) и 1 градоначальникъ и ровно столько же въ этихъ учрежденіяхъ числятся чиновниковъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ. Слѣдовательно, можно сдѣлать двоякое предположеніе: либо всѣ эти чиновники съ среднимъ и высшимъ образованіемъ—окружные управители, и нѣтъ ни въ одномъ окружномъ управленіи никого больш

съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, или-же среди окружныхъ управителей есть люди съ первоначальнымъ образованіемъ. Второе предположеніе ближе къ истинѣ, хотя странно, повидимому, допускать, что высшія административныя должности заняты людьми съ первоначальнымъ образованіемъ. Не надо, однако, забывать, что при назначеніи на эти должности играютъ главную роль партійныя соображенія, а не какія-либо другія. Образовательный цензъ въ уѣздной администраціи еще плачевнѣе. Въ 85 уѣздахъ по одному уѣздному начальнику, а лицъ со среднимъ образованіемъ въ уѣздномъ управленіи только 41. Если допустимъ, что воъ уѣздные начальники самые образованные люди въ цѣломъ составѣ персонала уѣздныхъ управленій и числятся въ графѣ «среднее образованіе» таблицы (графа «высшее образованіе» совсѣмъ пуста), то и тогда только 41 изъ нихъ могутъ обладать среднеобразовательнымъ цензомъ, другая-же половина уѣздныхъ начальниковъ люди съ первоначальнымъ образованіемъ. Но вовсе не рисковано предположить, что въ уѣздныхъ управленіяхъ, кромѣ самихъ уѣздныхъ начальниковъ, есть чиновники съ среднимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, уровень образованія нашихъ уѣздныхъ администраторовъ оставляетъ желать многого. По вѣдомству министерства финансовъ, въ контрольной палатѣ, въ учрежденіи, поставленномъ надъ всеми другими и отличающемся отъ другихъ даже по способу назначенія и увольненія чиновниковъ непосредственно Народнымъ Собраніемъ, достойно замѣчанія, что $\frac{1}{4}$ чиновниковъ съ первоначальнымъ образованіемъ. Не лучше обстоятъ дѣло въ народномъ банкѣ, гдѣ 40% чиновниковъ съ первоначальнымъ образованіемъ. То же самое и въ другихъ учрежденіяхъ этого вѣдомства. Насколько нормально, что почти поголовно воъ наши финансисты люди малообразованные, пусть судить читатель. Въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, одинъ только кассационный судъ стоитъ на высотѣ положенія; даже въ апелляціонномъ судѣ не воъ судьи и прокуроры обладаютъ полнымъ юридическимъ образованіемъ, а въ окружныхъ судахъ только половина судей, прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей—кончившіе курсъ юристы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже наши высшіе суды, не говоря о мировыхъ судахъ, въ которыхъ $\frac{9}{10}$ судей съ первоначальнымъ образованіемъ, имѣютъ большую нужду въ образованныхъ юристахъ. Нельзя не обратить вниманія на крайне низкій уровень образованія чиновниковъ въ нашихъ окружныхъ тюрьмахъ. Семеро изъ нихъ кончили первоначальную школу, 11 высшихъ изъ первыхъ 3-хъ классовъ и 2 изъ слѣдующихъ, но не кончили гимназическаго курса. Не забудемъ, что въ рукахъ этихъ малообразованныхъ людей находится судьба тысячъ заключенныхъ. Въ связи съ измѣнившимся взглядомъ на «преступнаго челоуѣка» криминалисты, въ замѣтъ неукоснительности и безпощадной строгости, рекомендуютъ гуманное обращеніе съ преступникомъ и нравственное воздѣйствіе на него; а между тѣмъ, наши

малограмотные «директоры» тюрьм не могут имѣть даже отдаленнаго понятія о новыхъ теченіяхъ въ криминальной наукѣ и продолжаютъ, ничтоже сумняшеся, управлять тюрьмами по традиціямъ добраго стараго турецкаго времени. По вѣдомству народнаго просвѣщенія самый интересный фактъ, на который указываютъ приведенныя цифры, тотъ, что вопреки закону, проведенному въ 1892 г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Живковымъ, не всѣ учителя гимназій кончили университетъ; только 58% учителей мужскихъ гимназій и 17% женскихъ съ высшимъ образованіемъ. Повидимому, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ педагогическій персоналъ съ высшимъ образованіемъ остается еще долгое время *ria desideria*, пока постепенно теперешніе старые учителя безъ высшеобразовательнаго ценза не будутъ замѣнены новыми силами. По вѣдомству министерства общественныхъ работъ и путей сообщенія, замѣтимъ, что лишь 1/4 часть желѣзнодорожнаго персонала люди съ высшимъ образованіемъ; остальные 3/4, малообразованы, что не можетъ не отозваться на развитіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Большею частью это чиновники по движенію, т. е. начальники станцій и др., отъ которыхъ требуется дѣятельная работа для развитія пассажирскаго и, въ особенности, товарнаго движенія въ странѣ. Но какую инициативу могутъ проявить въ этомъ отношеніи люди, изъ которыхъ половина (48%) малограмотны, съ первоначальнымъ или съ неполнымъ и полнымъ 3-хъ-класснымъ образованіемъ? Изъ 13 чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ въ желѣзнодорожныхъ инспекціяхъ 7 инженеровъ. Въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ чиновники съ среднимъ и высшимъ образованіемъ — капля въ морѣ. За исключеніемъ 4-хъ электротехниковъ и 31 чиновника съ среднимъ образованіемъ, масса почтово-телеграфныхъ чиновниковъ малообразованы; изъ нихъ 47% съ первоначальнымъ или полнымъ и неполнымъ 3-хъ-класснымъ образованіемъ. Такой низкій уровень образованія въ учрежденіи, которое является частью всемірнаго союза, весьма печальный фактъ, который можетъ только компрометтировать наше почтово-телеграфное дѣло. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ о чиновникахъ, которымъ довѣрена одна изъ самыхъ деликатныхъ общественныхъ функцій и которые, при постоянныхъ и непосредственныхъ своихъ сношеніяхъ съ публикой, имѣютъ тысячу случаевъ обнаружить свою несостоятельность.

Въ нашей арміи только 7% оберъ-офицеровъ и 25% штабъ-офицеровъ обладаютъ высшимъ военнымъ образованіемъ, 75% штабъ-офицеровъ и почти всѣ оберъ-офицеры кончили инжерское училище, которое по своей общеобразовательной программѣ стоитъ даже ниже гимназій. Такое положеніе вещей едва-ли возможно въ другихъ европейскихъ арміяхъ, и его надо объяснить особенными условіями, при которыхъ развивалась наша молодая армія послѣ отозванія русскихъ офицеровъ; отъѣздъ русскихъ офицеровъ открылъ

обширное поле для производства, что въ рукахъ Стамбулова стало однимъ изъ самыхъ сильныхъ его козырей.

Огромное большинство нашихъ чиновниковъ и служащихъ получило свое образованіе въ Болгаріи, а именно: изъ 19,661 чиновника и служащихъ съ различной степенью образованія, начиная отъ малограмотныхъ и кончая кончившими высшее учебное заведеніе, 16,958 (86,2%) учились въ болгарскихъ школахъ и только 2,703 (13,8%) учились за границей. Изъ этихъ послѣднихъ въ Россіи училось 591 человекъ, 1,228 лицъ изъ числа учившихся за границей родомъ изъ княжества; 717 изъ Македоніи; 139 изъ румынской и русской Бессарабіи и 86 изъ Добруджи. Всѣхъ этихъ чиновниковъ и служащихъ родомъ изъ Македоніи, Бессарабіи и Добруджи мы можемъ принять, не заслуживая упрека въ шовинизмъ, за болгаръ, тѣмъ болѣе, что они всѣ записаны болгарскими подданными. Такимъ образомъ, изъ учившихся въ предѣлахъ княжества — 2,170 душъ болгаръ и только 533 иностранца. Изъ таблицы относительно подданства нашихъ чиновниковъ и служащихъ мы видимъ, что у насъ на государственной службѣ 288 иностранныхъ подданныхъ, слѣдовательно, остальные 245 лицъ иностраннаго происхожденія, учившіеся за границей, приняли болгарское подданство. Итакъ, въ дѣйствительности иностранныхъ подданныхъ у насъ на службѣ всего 1,4% общаго числа чиновниковъ и служащихъ. И абсолютно, и въ процентномъ отношеніи число иностранныхъ подданныхъ, состоящихъ у насъ на государственной службѣ, настолько незначительно, что нисколько не оправдываетъ замашку нашихъ доморожденныхъ «самобытниковъ» и «патріотовъ своего отечества», которые, подобно «французобѣдамъ» Берне, видятъ корень всѣхъ нашихъ золъ въ иностранцахъ.

Изъ таблицы о родномъ языкѣ нашихъ чиновниковъ и служащихъ, мы узнаемъ, что 96% общаго ихъ числа говорятъ по болгарски и только 4% на другихъ языкахъ. Между этими послѣдними 94 турка, 92 румына, 129 грековъ, 69 армянъ и 33 еврея. Изъ сравненія этихъ чиселъ съ общими итогами разноплеменнаго населенія, полученными при переписи населенія княжества, мы видимъ, что на государственной службѣ 0,79% всего болгарскаго, — 0,02% турецкаго, — 0,22% греческаго, — 0,15% румынскаго, — 1,07% — армянскаго и 0,12% еврейскаго населенія. Какъ это странно, наибольшій процентъ чиновниковъ и служащихъ на государственной службѣ даетъ армянское, а не коренное болгарское населеніе.

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ скажемъ два слова о жалованьяхъ чиновниковъ и служащихъ. Мы видѣли выше, что 61,8% всѣхъ чиновниковъ и служащихъ получаютъ жалованье, не превышающее 1,200 левовъ. Сумма жалованія этой категоріи чиновниковъ и служащихъ за годъ — 9,249,133 лева или 29,2% всей суммы жалованья за годъ. Остальные 38,2% общаго числа чиновни-

ковъ и служащихъ, на долю которыхъ приходится 70,8% общей суммы жалованія, получаютъ отъ 1,200 до 18,000 левовъ въ годъ. Изъ этой общей массы съ болѣе или менѣе приличнымъ жалованьемъ отдѣлимъ 5,545 душъ, получающихъ среднее жалованье отъ 1,200 до 3,000 левовъ (отъ 1,201 до 1,800 левовъ—2,549 душъ, и отъ 1,801 до 18,000 левовъ—2,996 душъ). Эти 5,545 чиновниковъ съ среднимъ жалованьемъ составляютъ 27,1% общаго числа и получаютъ въ годъ 11,376.653 лева или 35,9% общей суммы годового жалованья всѣхъ чиновниковъ и служащихъ; остальные 2,296 душъ, или 11,1% общаго числа, получаютъ въ годъ 11,060,897 левовъ, или 34,9% общей суммы жалованья. Общая сумма годового жалованья распадается, такимъ образомъ, на три приблизительно равныя части, которыя, однако, приходятся на долю далеко неравныхъ группъ чиновниковъ.—Интересно прослѣдить за увеличеніемъ жалованья чиновниковъ и служащихъ. Въ одной изъ таблицъ статистическаго бюро показано жалованье чиновниковъ и служащихъ при поступленіи въ первый разъ на службу и ихъ жалованье въ моментъ переписи. Изъ теперешняго состава чиновниковъ и служащихъ начали свою службу съ жалованья до 1,200 левовъ въ годъ—15,566 душъ, отъ 1,200 до 3,000 левовъ—4,120 душъ и отъ 3,000 до 18,000 левовъ 823 души. Къ 1 марта 1896 г. эти цифры измѣнились слѣдующимъ образомъ: до 1,200 левовъ въ годъ получали—12,668 душъ, отъ 1,200 до 3,000 левовъ—5,545 душъ и отъ 3,000 до 18,000—2,296 душъ. Т. е. число чиновниковъ и служащихъ первой категоріи уменьшилось къ 1 марта 1896 г. на 2,898 душъ, на какое-то число увеличилось число чиновниковъ второй и третьей категоріи. Эти числа показываютъ до очевидности, что жалованье увеличилось значительно, а именно: число чиновниковъ второй группы увеличилось на 134%, а третьей на 279%, соответственно съ чѣмъ увеличилась, конечно, и общая сумма жалованія. При изслѣдованіи этого увеличенія числа чиновниковъ второй и третьей группъ въ 1 марта 1896 г. по министерствамъ, мы находимъ, что въ военномъ министерствѣ число чиновниковъ третьей категоріи, получающихъ жалованья выше 3,000 левовъ, увеличилось на 796%!! Въ другихъ министерствахъ увеличеніе численности второй и третьей группъ не такъ колоссально, но все-таки послѣднія цифры выше первыхъ въ два, три и даже въ четыре раза, какъ напримѣръ, въ министерствѣ финансовъ.

М. К.

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

Среди произведеній изящной литературы, сдѣлавшихъ эпоху въ «викторіевскую эру», одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, романъ Вальтера Безанта «All Sorts and Conditions of men». Онъ въ Англіи произвелъ такое же сильное впечатлѣніе, какъ «Looking Backward» Беллами — въ Америкѣ. «All Sorts and Conditions of men» вызвалъ массу подражаній; много молодыхъ людей послѣдовали примѣру героини, — единственной наслѣдницѣ миллионной фирмы «Messenger, Marsden et Company», оставляющей все и отправляющейся въ Уайтчепель, чтобы жить среди народа. Этотъ же романъ былъ причиной основанія «Народнаго дворца». Авторъ сталъ знаменитостью. Теперь вышло дешевое изданіе, которое должно быть доступно по цѣнѣ даже послѣднему носильщику, такъ какъ прежде, вслѣдствіе высокой цѣны, романъ циркулировалъ только среди сравнительно богатыхъ классовъ. Я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ для современной англійской жизни чертахъ. Въ то время, когда Вальтеръ Безантъ писалъ свое произведеніе, онъ только что намѣчался. Теперь же онъ выяснился вполне. Прологъ романа происходитъ въ одной изъ женскихъ коллегій Кембриджскаго университета. Бесѣдуютъ двѣ подруги, только что сдавшія послѣдній экзаменъ и собирающіяся вступить въ жизнь. Одна — немножко Вагнеръ въ юбкѣ, только и мечтаетъ, что о чистой математикѣ. Другая, изучавшая въ университетѣ политическую экономію, Анджела Мессенджеръ, наслѣдница миллионновъ. — «Теперь я исчезаю, — говоритъ она не могущей оправиться отъ изумленія подругѣ. — Я иду въ Уайтчепель. Ваша Анджела станетъ модисткой, будетъ жить трудами рукъ своихъ и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ ея предокъ: одной изъ народа... Я чувствую необходимость сознавать себя членомъ той части челоуѣчества, которая трудится и борется за жизнь; той части челоуѣчества, на трудъ которой созданъ мой комфортъ, которой я обязана, въ сущности, тѣмъ, что я образована, и для которой я не сдѣлала ничего, рѣшительно ничего... Я принадлежу народу и не могу болѣе жить на трудъ его, не давая ничего въ замѣнъ» *). Анджела дѣлаетъ такъ, какъ говоритъ. Она поселяется въ бѣдныхъ кварталахъ и устраиваетъ тамъ мастерскія, ассоціаціи и пр. Англійскій «кающійся дворянинъ» унаслѣдовалъ практичность и то, что англичане называютъ «sanguineness» своей

*) Walter Besant, «All sorts and conditions of men» изд. 1897 г. стр. 10.

рассы. Въ силу этого, на мѣстѣ дѣятельности онъ ясно и опредѣленно сознаетъ, что ему нужно дѣлать. Оба указанные элемента мы находимъ въ рѣчи Гарри, тоже героя романа Везанта. Гарри—сынъ уайтчепельскаго обывателя; на три года его взялъ къ себѣ на воспитаніе лордъ Джоселинъ, который одѣлалъ изъ него джентльмена. До 23 лѣтъ Гарри думаетъ, что онъ племянникъ Джоселина, когда же онъ узнаетъ о своемъ происхожденіи, онъ удаляется въ Уайтчепель и тамъ становится столяромъ.

По инициативѣ Гарри, Анджела устраниваетъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ Уайтчепеля, гдѣ прежде раздавались лишь крики обезумѣвшихъ отъ джина людей, роскошный «Дворецъ наслажденія» (Palace of Delight), который долженъ явиться одновременно университетомъ, академіей художествъ, театромъ, концертной и балльной залами для народа. Какъ извѣстно, этотъ Palace of Delight послужилъ причиной основанія на томъ же мѣстѣ «Народнаго Дворца», о которомъ я писалъ уже вамъ (2-я книжка «Р. В.»). Романъ этотъ появился почти пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ, выдержалъ безконечное число изданій, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ. О силѣ произведеннаго впечатлѣнія можно судить по тому, что Анджела Мессенджеръ нашла реальныхъ послѣдователей, и огромныя деньги, необходимыя на постройку Дворца, явились немедленно. Авторъ былъ возведенъ за этотъ романъ, въ день открытія Народнаго Дворца, въ званіе баронетта. За пятнадцать лѣтъ многое, очень многое пережилось. Тѣ, къ которымъ обращался Гарри, отлично знаютъ теперь, что имъ нужно; густой мракъ, окутывавшій мозги пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ значительной степени начинаетъ разсѣиваться. Доказательствомъ тому, между прочимъ, можетъ служить народившаяся молодая, бодрая, полная свѣжихъ силъ, талантливая литература и журналистика. О послѣдней мнѣ уже приходилось вамъ писать. Въ этой молодой литературѣ мы замѣчаемъ тотъ же блескъ, ту же вѣру, тотъ же юношескій жаръ, какой много лѣтъ тому назадъ замѣчался въ литературѣ среднихъ классовъ, когда они только что явились на историческую сцену Англіи на смѣну одряхлѣвшимъ, потерявшимъ силу вышнимъ классамъ. Мнѣ кажется, было бы интересно узнать, какова теперь нязичная литература тѣхъ классовъ, изъ которыхъ вышли Анджела и другіе покаившіеся дворяне. Мнѣ кажется, такимъ образомъ мы могли бы опредѣлить, каковы теперь идеалы, по крайней мѣрѣ, части этихъ классовъ, много-ли въ нихъ еще жизненныхъ силъ, также безошибочно, какъ опредѣляетъ палеонтологъ на основаніи отпечатка раковины въ гріасѣ, каковъ былъ жившій въ ней моллюскъ. Для этого я возьму нѣсколько новыхъ романовъ, имѣвшихъ колоссальный успѣхъ въ послѣднее время и постараюсь передать содержаніе ихъ. Романъ можетъ быть *сознательнымъ* или же *безсознательнымъ* отраженіемъ той эпохи, которую онъ изображаетъ. Въ первомъ случаѣ романистъ имѣетъ опре-

дѣленную задачу; во второмъ—онъ невольно передалъ духъ эпохи, такъ какъ самъ стоялъ не выше ея. Мы рассмотримъ произведенія какъ первой, такъ и второй группъ. Во второй мы найдемъ романы, которые въ художественномъ отношеніи ниже всякой критики, пожалуй, не выше любочныхъ издѣлій; но тѣмъ болѣе они будутъ драгоценны для насъ для опредѣленія того читателя «*stone-usher*» а, который скупаетъ въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ какую-нибудь «Зизку» или же «Огни». Мнѣ кажется, такимъ образомъ, выяснится также до известной степени, почему такъ упала нѣкоторая часть современной англійской литературы.

Мой обзоръ я начну съ романа, который теперь у всѣхъ на рукахъ.

II.

Оль Кэнь (Hall Caine), если не ошибаюсь, для русской публики новое лицо. Въ Англии онъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ, какъ авторъ двухъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, романовъ изъ жизни населенія острова Мана. «*Manxman*» и «*Deemster*» (таковы заглавія произведеній) показали, что отъ автора можно ожидать многое, и романъ «*The Christian*», съ которымъ выступилъ теперь Оль Кэнь, оправдалъ отчасти эти ожиданія. «*The Christian*» еще не оконченъ; онъ печатается, начиная съ декабря прошлаго года, въ «*Windsor Magazine*». Авторъ вывелъ такого же «кающагося дворянина», какого показалъ намъ Вальтеръ Безантъ въ своемъ «*All Sorts and Conditions of men*». Если можно такъ выразиться, у Оль Кэна нѣтъ того жизнерадостнаго, розоваго, оптимистическаго тона, которымъ проникнутъ весь романъ Безанта. Въ «*The Christian*» болѣе тревожной нервности, гораздо болѣе мрачныхъ картинъ, болѣе сомнѣній и разочарованій, чѣмъ въ «*All Sorts and Conditions of men*»; за то романъ болѣе и реальнѣе. Говорятъ, авторъ очень долго работалъ надъ своимъ произведеніемъ. Въ газетахъ писали, что съ весны 1894 г. Оль Кэнь поселился въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона и тамъ на мѣстѣ знакомился съ жизнью рабочаго населенія. Центральнымъ героемъ романа является единственный сынъ лорда и племянникъ перваго министра Джонъ Стормъ. Отецъ готовилъ для него блестящее будущее, далъ ему отличное воспитаніе и, въ концѣ концовъ, для завершенія образованія, послалъ молодого человѣка путешествовать. Но результаты получились совершенно неожиданныя. Джонъ Стормъ познакомился съ жизнью бѣдныхъ классовъ. Въ Лондонѣ, въ Мельбурнѣ, въ Единбургѣ, всюду, куда попадалъ онъ, онъ бродилъ по «*slums*», по кварталамъ, гдѣ ютятся перекатная голь, гдѣ томятся и тонуть въ грязи подошки. Все то, что видитъ онъ, приводитъ Джона въ ужасъ. Стормъ приходитъ къ заключенію, что такъ дѣло дальше идти не можетъ. Честный человѣкъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ

ужасовъ. Онъ долженъ выступить активнымъ борцемъ. Но какъ? Подобно Пьеру Фроману (герой романа «Римъ»), Джону Сторму кажется, что въ положеніи священника онъ болѣе всего можетъ приблизиться къ народу, узнать его нужды и найти орудства для излѣченія ихъ. Возвратившись изъ путешествія, онъ приводитъ въ ужасъ отца заявленіемъ, что желаетъ сдѣлаться священникомъ. Лордъ считаетъ это величайшей безсмыслицей; но такъ какъ молодой человѣкъ настаиваетъ, то ему находятъ мѣсто капеллана при каноникѣ Уелти въ одной изъ аристократическихъ церквей Лондона. То, что Джонъ видитъ здѣсь, приводитъ его то въ бѣшенство, то въ отчаяніе. Уелти—типичный представитель богатаго англійскаго духовенства, для котораго церковь такое же «business», какъ торговля шелкомъ или же чулками, только повыгоднѣе и попочетивѣе. Каноникъ—первоклассный боксеръ, тонкій знатокъ и цѣнитель собакъ и лошадей, очень снисходителенъ къ «шалостямъ» людей своего круга и безпопашенъ къ «черни». Очень скоро между капелланомъ и каноникомъ происходитъ бурная сцена. Они оба почетные члены большого госпиталя. Одинъ изъ свѣтскихъ друзей каноника, лордъ Робертъ Уръ сдѣлалъ своей любовницей сидѣлку госпиталя. Когда дѣвушка забеременѣла, совѣтъ постановляетъ изгнать ее съ позоромъ. Къ великому ужасу совѣта, Джонъ Стормъ требуетъ также исключенія изъ числа членовъ лорда Роберта Ура.

— Дѣятелимены,—рѣзко заявляетъ предсѣдатель послѣ минутнаго общаго оцѣпенѣнія,—наше засѣданіе окончено.

Джонъ Стормъ кипитъ негодованіемъ. Оно смѣняется порывами бурнаго отчаянія. Не то ожидалъ онъ встрѣтить, когда мечталъ о священствѣ. Джонъ рѣшаетъ немедленно бросить лицемернаго каноника; но предварительно между ними происходитъ рѣзкое объясненіе. Эта сцена создала крайне интересный и характерный инцидентъ. Редакторъ «Westminster Magazine» нашелъ нѣкоторые мѣста романа очень сильными и смягчилъ ихъ. Авторъ протестовалъ въ письмѣ къ публикѣ и привелъ мѣсто такъ, какъ оно было у него. Я здѣсь приведу выдержку. Курсивомъ обозначены тѣ слова, которые редакторъ счелъ нужнымъ смягчить или же вовсе выбросить.

— Я покидаю васъ,—сказалъ Джонъ Стормъ каноннику,—потому что не могу болѣе жить съ вами вмѣстѣ, потому что атмосфера, которой вы дышите, убиваетъ меня, потому что ваша вѣра—не моя вѣра и вашъ Богъ—не мой Богъ.

— Вы удивляете меня. Что же я сдѣлалъ?

— Мѣсяцъ тому назадъ вы освятили бракъ развратника, а сегодня наказали несчастную жертву его. Вы отказали дѣвушкѣ даже въ правѣ назвать имя негодяя.

— Какъ различно мы смотримъ на вещи! Неужели же вы не знаете, что такъ рѣшить было благоугодно лорду предсѣдателю.

— Я считаю это рѣшеніе жестокимъ, безчеловѣчнымъ и позор-

нымъ,—крикнулъ Джонъ. Глаза его сверкали бѣшенствомъ, голосъ охрипъ. Онъ напоминалъ человѣка, обрасывающаго съ себя цѣпи рабства.—Вы назвали это бѣдное дитя *проституткой* (издатель замѣнилъ это словами: «суровымъ именемъ») за то, что она расточила даръ, данный ей Богомъ. Но Господь и васъ надѣлилъ своими дарами: просвѣщеніемъ и краснорѣчіемъ, при помощи которыхъ вы могли бы поднять павшихъ, поддерживать слабыхъ, защищать угнетенныхъ, утѣшать скорбящихъ. Что же вы одѣлали съ этими дарами? Вы обмѣняли ихъ на низменные блага жизни и продали ихъ за популярность. Вы вымѣняли ихъ на деньги, на дома, на коней и собакъ. Вы продали ваше первородство за чечевичную похлебку, поэтому, *вы проститутка* («грѣшникъ» смягчилъ издатель).

— Вы бредите. Уйдите отсюда!—крикнулъ каноникъ. Онъ подошелъ къ дверямъ и нажалъ пуговку звонка.

— Да, вы въ тысячу разъ *болѣе проститутка* («хуже»), чѣмъ эта, несчастная, бѣдная дѣвушка. Не было бы такихъ женщинъ, какъ она, еслибы не существовали такіе лжецы, какъ вы, которые снисходительно относятся къ обольстителямъ. *Кого скорѣе нужно назвать проституткой: ту-ли женщину, которая продаетъ тѣло, или же того мужчину, который продаетъ душу?*

— Сэръ, вы сошли съ ума! Я не хочу оцѣнъ...

— *Вы—хуже, чѣмъ самая послѣдняя изъ проститутокъ, бро- дящихъ по улицамъ Лондона и, тѣмъ не менѣе, вы служите цер- кви, вы говорите проповѣди и считаете себя послѣдователемъ Того, Который отпустилъ женщинѣ ея грѣхи и пристыдилъ лицемеровъ; послѣдователемъ Того, который не имѣлъ гдѣ приклонить голову.*

Каноникъ зажалъ уши и выбѣжалъ изъ комнаты...

Съ ужасомъ убѣждается Джонъ Стормъ, что въ груди его заползаютъ новый страшный врагъ: сомнѣніе въ тѣхъ принципахъ, во имя которыхъ онъ думалъ спасти страдающее и жаждущее обновленія общество.* Джонъ думаетъ спастись отъ мукъ скептицизма въ стѣнахъ монастырскаго братства; но напрасно. Напротивъ, тамъ сомнѣнія становятся сильнѣе и мучительнѣе, напрасно Джонъ пробуетъ вести жизнь аскета, напрасно запирается въ келью, изнуряетъ себя постами; результаты получаются совершенно обратные. Это мѣсто романа приводитъ на память поразительную оцену изъ «*La tentation de saint Antoine*» Флобера.

И Джонъ Стормъ переживаетъ страданія св. Антонія. Отчаяніе овладѣло имъ... Прошла зима съ ея туманами. Джонъ цѣлые дни стоялъ у оконъ своей кельи и глядѣлъ на сѣрую, широкую рѣку, на обнаженные деревья, на которыхъ наливались почки. Онъ напоминалъ посаженного въ клѣтку раненаго боеваго орла, одинокаго и нелюдимаго, который желаетъ лишь смерти. Но вмѣстѣ съ пробуждающеюся природой, просыпаются вновь силы молодого человѣка. Издали, изъ огромнаго города, доносится до него смѣшан-

ный гулъ. И Джонъ знаетъ, что въ этомъ гулѣ, вмѣстѣ съ ликова-
ніями немногихъ счастливыхъ, заключаются вопли несчастныхъ.
Тогда ему становится ясно, что разрѣшить-ли онъ сомнѣнія или
нѣтъ, но онъ не найдетъ душевнаго равновѣсія нигдѣ, какъ только
тамъ, снова въ океанѣ горя и страданія; онъ сознаетъ, что только
въ борьбѣ, а не въ душной монастырской кельѣ заключается цѣль
его жизни. И молодой человѣкъ вбѣгаетъ къ пріору, падаетъ предъ
нимъ на колѣни, и изъ груди его вырывается крикъ:

— Отецъ, я не могу болѣе вести эту монашескую жизнь. Я
пробовалъ, пробовалъ всѣми силами моей души; но я не могу! не
могу! Эта жизнь въ молитвахъ, въ покаяніи и въ созерцаіи ду-
шить, губить меня. Она уничтожаетъ во мнѣ *человѣка*. Я не могу
болѣе выносить. Простите меня, отецъ! Я долженъ нарушить обѣтъ
и покинуть монастырь, иначе я буду лицемеромъ, лжецомъ и об-
манщикомъ! Меня зоветъ другая жизнь!

На этомъ пока кончается романъ Оль Кэна. Я не упоминалъ
совершенно о другихъ лицахъ, выведенныхъ въ романѣ, о другой
центральной фигурѣ Глори Квейль, «March hare and mad Woman»,
какъ называетъ она сама себя, подругу дѣтства Джона, которую
онъ любитъ. Эта дѣвушка—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ ти-
повъ въ современной англійской литературѣ. Богато одаренная
талантами, жаждущая жизни, Глори становится актрисой; но арти-
стическую дѣятельность она начинаетъ вначалѣ на подмосткахъ
бѣдныхъ клубовъ въ иностранномъ кварталѣ, затѣмъ на сценѣ
«Music hall» (по нашему, кафе-шантанъ). Она сталкивается съ цѣ-
лой уймой различныхъ типовъ, отъ оборваннаго «трампа» (бродяги)
до великобѣтскаго лорда. Всѣ эти типы великолепно очерчены
авторомъ. Собственно говоря, въ художественномъ отношеніи, типъ
Глори лучше удался автору, чѣмъ Джонъ; но насъ въ данномъ
случаѣ интересовалъ общій духъ романа, какъ показатель того на-
строенія, которое характеризуетъ извѣстную часть англійскаго об-
щества. Вотъ почему я при изложеніи содержанія не упомянулъ о
романѣ самого Джона.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года одна изъ уличныхъ утреннихъ газетъ
въ Лондонѣ помѣстила сенсаціонное извѣстіе: «Барней Варнато»
покончилъ жизнь самоубійствомъ на пароходѣ, вблизи Мадейры.
Вначалѣ никто не хотѣлъ вѣрить. Всѣмъ казалось дикимъ, чтобы
«нашъ Барней», «our Barney», вершитель судебъ биржи, правая
рука Сесилия Родса, обладатель безконечнаго числа милліоновъ могъ
выкинуть такую штуку. Однако, къ полудню извѣстіе подтверди-
лось. Барней Варнато бросился черезъ бортъ, за нимъ кинулись
тотчасъ же, но вытащили лишь одинъ бездыханный трупъ. Тогда
на биржѣ по всей линіи раздался крикъ: «продавай Барнея»! И
тучей полетѣли красныя, зеленныя и желтыя акціи всѣхъ тѣхъ без-

численныхъ южно-африканскихъ обществъ, во главѣ которыхъ стоялъ покойный миллионеръ. Всѣмъ казалось невѣроятнымъ, чтобы послѣ «нашего Барнея» кто-нибудь еще могъ руководить этими обществами, которыя изъ ничего создавали миллионы. Безъ сомнѣнія, покойный Барней Варнато могъ бы составить центральную фигуру въ романѣ «Золото». Двадцать лѣтъ тому назадъ по улицамъ Уайтчепела бродилъ клоунъ и акробатъ, который тутъ же на тротуарѣ, на дырявой попоной, показывалъ оборванной публикѣ свое искусство. Но уайтчепельскіе нищія плохо оплачивали «искусство», а клоунъ былъ молодъ и честолюбивъ. Тогда онъ рѣшилъ перѣѣхать въ Южную Африку, попытаться тамъ счастья. Въ то время только что еще пронесся слухъ о Трансваальскихъ брилліантовыхъ поляхъ. Когда клоунъ высадился въ Каптаунѣ, въ карманѣ у него было пять шиллинговъ; но Барней Варнато, такъ звали акробата, не унывалъ. Онъ тотчасъ присталъ къ партіи принскателей. Ей повезло, и черезъ десять лѣтъ Барней Варнато дѣлилъ уже въ миллионъ. Какъ ни успѣшны были тогда пашни алмазовъ, но молодой человѣкъ жаждалъ еще болѣе быстрой наживы. И вотъ онъ становится во главѣ акціонерной компаніи. Тутъ онъ очутился въ своей сферѣ. Какъ полководецъ посылаетъ на бой батальоны солдатъ, такъ Барней посылалъ на рынокъ тучи акцій. Въ его рукахъ онъ дѣлалъ чудеса. Я не стану здѣсь рассказывать о биржевомъ боѣ двухъ самыхъ крупныхъ южно-африканскихъ рыбинъ: Барнея и Сесилия Родса. Въ результатъ получилось то, что бойцы составили союзъ: одинъ сталъ заправлять всѣми финансовыми дѣлами соединенныхъ компаній, другой «смиралъ» негровъ, подкупалъ ихъ царьковъ, устанавливалъ формальное рабство и подготавливалъ почву для будущей «Африканской Имперіи» подъ протекторатомъ Англіи. Сесиль Родсъ былъ честолюбивъ: ему было мало миллионновъ. На лондонской биржѣ до сихъ поръ помнятъ появленіе Барнея Варнато въ первый разъ послѣ того, какъ онъ оставилъ столицу. Это было появленіе князя; нѣтъ, слово «князь» слишкомъ слабо: то явилось своему народу индійское божество. И экзальтированные поклонники готовы были броситься подъ колесницу бурхана. Да на одной-ли биржѣ произвелъ такое впечатлѣніе Барней Варнато! Въ роскошный дворецъ его близъ Гринъ-парка считали за честь попасть на балъ герцогини, насчитывавшія еще больше дюжинъ предковъ, чѣмъ тетушка мамзель Кунигунды («Кандидъ»). Каждое слово Барнея ловилось, какъ мудрѣйшее изреченіе оракула. Ему прощали все: и грубую, циничную рѣчь, пересыпанную ругательствами на самомъ низкопробномъ slang (жаргонѣ), и провалившійся носъ, и то, что африканскій миллионеръ при разговорѣ отдавалъ собесѣдника потокомъ вонючихъ слюней. Вѣдь это былъ царь биржи, обладатель сотенъ миллионновъ, тотъ, кто однимъ движеньемъ бровей могъ доставить состояніе или же уничтожить его, словомъ: «нашъ Барней»! Онъ былъ опорой консервативной партіи,

на котораго она глядѣла, какъ на своего кандидата для ближайшихъ выборовъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ ближайшемъ будущемъ «Нашъ Барней» засѣдалъ бы на красныхъ скамьяхъ палаты лордовъ. Вѣдь сидятъ же тамъ благородные «Knights of the bottle»; водочные герцоги, пивные маркизы, джиновые виконты, почему же, чортъ возьми! не сидѣтъ и клоуну, разъ у него денегъ столько, сколько у всѣхъ «рыцарей бутылки», взятыхъ вмѣстѣ? Вѣроятно, не хуже другихъ, Барней Барнато умѣлъ бы противопоставлять интересы ихъ благородныхъ лордовъ интересамъ худородной демократiи, все больше и больше набирающей силъ. Но судьба рѣшила иначе. На обратномъ пути изъ Африки, куда Барней Барнато поѣхалъ для ликвидацiи дѣлъ, онъ бросился въ море. Причиной была мозговая болѣзнь, нажитая отъ переутомленiя, какъ вѣжливо говорятъ поклонники, явившаяся послѣдствiемъ стараго, плохо залеченнаго недуга, вывезеннаго еще изъ Уайтчепела, какъ говорятъ остальные. Я въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ исторiю африканскаго миллионера, чтобы вамъ не показался злобной каррикатурой только что появившiйся романъ мистриссъ Уйда—«The Massarenes» *). Авторъ хорошо извѣстенъ и русской публикѣ. Лучшiе романы Уйда: «Два деревянныхъ башмачка», «Поль» и др. существуютъ въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ. Въ «The Massarenes» предъ нами грубое, наглое, циничное животное, «дакотскiй миллионеръ» Вильямъ Массаренъ, прiѣзжающiй въ Лондонъ покорить своими миллионами «высшiй свѣтъ». Онъ попадаетъ туда при помощи леди Кенильвортъ, которая признаетъ въ мiрѣ только двѣ вещи: деньги и наслажденiя жизнью. Благородная леди становится любовницей дакотскаго миллионера и свѣтскимъ Виргилiемъ его. Массаренъ чувствуетъ себя все же выше толпы выродившихся лордовъ, унаследовавшихъ, кромѣ титуловъ, еще сложную комбинацiю болѣзней цѣлаго ряда кутившихъ предковъ. Болѣзни эти въ умственномъ и нравственномъ отношенiи сдѣлали ихъ не выше того князя Ипполита, который выведенъ Л. Н. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ». Таковъ маркизъ Отербоуръ, извѣстный въ свѣтскихъ кружкахъ подъ неблагозвучной кличкой «Соску», таковъ шулеръ вышатаго полета принцъ Крисъ и пр. «Билли», какъ зоветъ дакотскаго миллионера леди Кенильвортъ, становится скоро опорой торiевъ. «Все, что было болѣе знатнаго въ партiи, считало за честь попасть въ замокъ Билли или участвовать въ его охотахъ. Его мнѣнiя спрашивали столпы; ему судили мѣсто въ палатѣ лордовъ». Безъ сомнѣнiя, Билли попалъ бы туда, если бы его не застрѣлили доведенный до отчаянiя разоренный имъ бѣднякъ. Огромныя богатства достаются единственной дочери Билли-Кетлинъ, питающей глубокое отвращенiе какъ къ нимъ, такъ и къ тѣмъ путямъ, которыми миллионы нажиты. Она стремится отдѣлаться отъ нихъ и безъ всякихъ

*) «The Massarenes», by Ouida. Sampson Low and Co. London, 1897.

средствъ удаляется въ бѣдные кварталы, чтобы тамъ стать учительницей. Предъ нами типъ показавшагося представителя среднихъ классовъ. Кетлингъ, какъ видите, родная сестра Анджелы Мародентъ-Мессенджеръ, съ которой мы встрѣтились въ романѣ «All Sorts and Conditions of men». «Счастливы конецъ», happy end, эта характерная особенность англійскаго романа, обусловленная здоровымъ оптимизмомъ англо-саксонской расы, ея sanguineness является даже въ произведеніи желчной мистриссъ Уида. Кетлингъ встрѣчается съ «кающимся дворяниномъ», съ отрешившимся отъ своей среды лордомъ Геретманко, который тоже страстно стремится къ тому, чтобы возвратить народу хоть часть долга. Молодые люди соединяются для совместной борьбы и для совместной работы.

III.

Мнѣ не приходится говорить, какъ относятся авторы упомянутыхъ романовъ къ той средѣ, къ которой принадлежать герои. Кажется, отношеніе это совершенно ясно. Положительными типами являются у авторовъ лишь «покаявшіеся», лишь тѣ, которые отряхнули прахъ отъ ногъ своихъ и перешли на сторону униженныхъ и обиженныхъ, туда, «гдѣ трудно дышется, гдѣ горе слышится». Посмотримъ теперь, каковы произведенія, *безсознательно* отражающія эпоху. Авторы этихъ романовъ меньше всего думаютъ относиться отрицательно къ «money maker'амъ» среднихъ или же высшихъ классовъ. Наоборотъ, романисты въ восторгѣ отъ нихъ. Напрасно стали бы мы искать въ этихъ произведеніяхъ тотъ заразительный, апошескій смѣхъ, который когда-то звучалъ въ молодой литературѣ среднихъ классовъ; напрасно стали бы мы искать, хотя бы мелкихъ, но все же героевъ, какими были (или же, по крайней мѣрѣ, казались автору) добродѣтельные лавочники въ «Никельби». Предъ нами цѣлая толпа ловкихъ «дѣлающихъ деньги» (money makers) и, какъ видно, автору рѣшительно все равно, какъ добыты эти сокровища: въ золотыхъ-ли коняхъ, или же въ карманахъ своихъ ближнихъ, какъ, напр., добыли ихъ герои моднаго романиста Гая Бузеби. Важны лишь успѣхъ. Могучей мысли, широкаго полета фантазій, яркихъ блестящихъ образовъ, всего того, что придаетъ чарующую прелесть художественному произведенію, — не ищите въ этихъ романахъ. Я не стану васъ знакомить съ литературой, герои которой сыщики и пр. братья. Богъ съ ней. Мы перейдемъ къ роду произведеній, который зацвѣлъ въ Англии пышнымъ цвѣтомъ въ послѣднія десять лѣтъ. Авторы пытаются быть оригинальными; но ихъ произведенія сѣры, вымучены, шаблонны. Въ нихъ нѣтъ ни искры истинной поэзіи, какъ нѣтъ ея въ тѣхъ многочисленныхъ читателяхъ, для которыхъ написаны эти произведенія. Я говорю о странной литературѣ, героями которой являются «спириты, духи и привидѣнія. Выходцы съ того свѣта не впервые

эксплуатируются теперь английскими авторами. Тот самый желчный доктор Лимуэль Гулливеръ, который посѣтилъ лилипутовъ и гигантовъ страны Бробдингнагъ,—заѣхалъ и на островъ духовъ Глубдудбрибъ специально для того, чтобы повидаться съ губернаторомъ. «Его величество разрѣшилъ мнѣ вызывать, кого захочу, изъ тѣхъ дѣятелей, которые жили въ періодъ отъ начала міра до настоящаго времени. Онъ приказалъ мнѣ отвѣчать мнѣ на каждый предложенный вопросъ». И предъ путешественникомъ явились безконечной вереницей герои древняго и новаго міровъ, явились для того, чтобы нанести возможно болѣе жестокий ударъ продажнымъ министрамъ и врагамъ независимой мысли, съ которыми боролся великій сатирикъ. «Я пожалалъ, чтобы въ одномъ углу огромной залы явился предо мной древнеримскій сенатъ, а въ другомъ, для контраста, — аналогичная корпорація нашего времени. Первый показался мнѣ собраніемъ героевъ и полубоговъ, а вторая — шайкой карманщиковъ, бродягъ и воровъ съ большой дороги» *). Кто знаетъ, чѣмъ была, напримѣръ, «звѣздная палата» во времена королевы Анны и Георговъ, — того не удивить рѣзкость отзыва Свифта. Въ то время, когда общество лишено было контроля надъ ходомъ дѣлъ; когда поразительная продажность, введенная послѣдними Стюартами и усиленно поддерживаемая первыми ганноверцами, заразила все, — необходимо было вызывать для поученія тѣни великихъ общественныхъ дѣятелей. «Я имѣлъ честь долго бесѣдовать съ Брутомъ, — говоритъ Свифтъ. — Онъ мнѣ сказалъ, что его предокъ Юлій, затѣмъ Сократъ, Эпанимондъ, Катонъ младшій, Томасъ Моръ и онъ самъ постоянно держатся вмѣстѣ. Къ этому секстумвирату всѣ послѣдующіе вѣка не могли прибавить седьмого» **). «Особенное наслажденіе доставляло мнѣ вызывать всѣхъ тѣхъ, которые покарали тирановъ и узурпаторовъ и возвращали свободу угнетеннымъ и обиженымъ народамъ» (ib.). Мертвые являлись у Свифта только для того, чтобы, по возможности болѣе, нанести ударъ живымъ. «Въ особенности глубокое отвращеніе я почувствовалъ, когда познакомился съ покойными дѣятелями новѣйшей исторіи. Разспросивъ подробно всѣхъ придворныхъ за послѣдніе сто лѣтъ, я увидѣлъ, въ какое заблужденіе былъ введенъ міръ продажными историками, которые приписали величайшіе военные подвиги трусамъ, мудрѣйшіе совѣты — дуракамъ, искренность — льстецамъ, добродѣтели римлянъ — измѣнникамъ родной страны, вышшую нравственность — содомитамъ, истину — доносчикамъ. Я узналъ, какая масса добродѣтельныхъ людей осуждена была на казнь или же изгнана; по причинѣ воздѣйствія первыхъ министровъ на продажныхъ судей. Я увидѣлъ, какое сильное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ имѣютъ сводники, продажныя женщины, паразиты и шуты». (Мнѣ приходится

*) *Swift* «A Voyage to Laputa, Balnibarbi, etc. Chapter VII.

**) *Ib.*

сильно смягчать слишкомъ энергичныя выраженія подлинника). (*Swift, A voyage to Laputa, ch. VIII*). Писокъ Свифта, если не считать Анны Редклиффъ, явившейся предшественницей Маріи Корелли, — только Годвинъ въ концѣ прошлаго вѣка сдѣлалъ духовъ героями романа; но опять лишь для развитія той философской доктрины, которую проводилъ онъ. Въ XIX вѣкѣ дѣйствующія лица подобнаго рода явились, главнымъ образомъ, въ святочныхъ разсказахъ, да въ, такъ называемыхъ, *ghost stories*, въ обширной литературѣ лубочнаго характера. Въ произведеніяхъ крупныхъ талантовъ английской литературы XIX в. духи играютъ водевильную роль. Въ «Пиквикахъ» бобыль задаетъ привидѣнію слѣдующій вопросъ: «Видите-ли, меня крайне интересуетъ, почему это вы всѣ, господа духи, которые могли бы посѣтить самыя веселыя мѣста въ свѣтѣ (вѣдь пространство для васъ не существуетъ), бродите, тѣмъ не менѣе, постоянно по самымъ жалкимъ мурьямъ и развалинамъ, гдѣ вы были несчастны при жизни.

— Чортъ возьми! Это правда, — отвѣтило привидѣніе, — а объ этомъ никогда не думалъ.

— Вы видите, серъ, комната эта прескверная. Я сильно подозреваю, что въ томъ шкафу, изъ котораго вы выгнѣли, масса клоповъ. Не говорю уже о томъ, что климатъ Лондона далеко не изъ приятныхъ. Что бы вамъ переселиться въ лучшую квартиру, подь болѣе благодатное небо?» etc.

Теперь, въ концѣ XIX вѣка, мы наблюдаемъ вновь возникновеніе обширной литературы съ выходцами съ того свѣта, съ пришельцами съ другихъ планетъ. Это не *ghost-stories*, разсчитанныя на малограмотныхъ служанокъ, а романы, въ сотни тысячъ экземплярахъ, циркулирующіе среди богатыхъ классовъ. Духи выводятся для того, чтобы живые сильнѣе почувствовали всажженный въ нихъ клинокъ сатиры *) не съ водевильной цѣлью, какъ у Диккенса, а просто «für sich», потому, что авторъ не можетъ найти новыхъ темъ, потому что среда, въ которой онъ вращается, уже слишкомъ оскудѣла героями, потому что идеалы ея стали до невѣроятности ограниченны. Въ началѣ нынѣшняго вѣка английскіе романисты обращались за героями къ среднимъ вѣкамъ, такъ какъ

*) Вотъ нѣсколько строкъ, показывающихъ, каково было то общество, о которомъ говорилъ Свифтъ. «При Вильгельмѣ и при королевѣ Аннѣ адмиралы, министры, духовенство, члены тайнаго совѣта, фавориты и фаворитки въ запуски конспировали съ тѣми самыми Стюартами, которыхъ сами же продали; конспировали единственно для того, чтобы продать еще разъ. Каждый изъ этой шайки интриговалъ и подкапывался одинъ подъ другого, входилъ въ тайныя сдѣлки съ обѣими сторонами, такъ что, въ концѣ концовъ, никто самъ не зналъ, къ какой партіи принадлежалъ. Герцогъ Мальбороу, полководецъ того времени, пускалъ въ ростъ деньги, которыя получалъ отъ своихъ любовницъ, систематически грабилъ солдатъ, торговалъ военными секретами, измѣнялъ Якову II, Вильгельму Оранскому, всей Англии etc. (Memoirs of Horace Walpole).

дѣйствительность давала лишь такихъ дѣятелей, какъ тѣ, о которыхъ, напримѣръ, рассказываетъ анекдоты современникъ, д-ръ Кингъ. «Вальполь хотѣлъ провести, не помню какую, мѣру черезъ палату общинъ. Онъ зналъ, что мѣра вызоветъ сильное сопротивленіе. Въ палатѣ общинъ онъ встрѣтилъ члена противной партіи, извѣстнаго своею скупостью и жадностью. Вальполь отвелъ его въ сторону и сказалъ: «сегодня будетъ разсматриваться такой-то вопросъ. Уступите мнѣ вашъ голосъ. Вотъ здѣсь банковый билетъ въ двѣ тысячи фунтовъ». Вальполь всунулъ билетъ въ руку собесѣдника.

— Сэръ Робертъ, — отвѣтилъ тотъ, — въ послѣднее время вы оказали огромныя услуги моимъ лучшимъ друзьямъ. Когда моя жена въ послѣднее время была при дворѣ, король былъ очень милостивъ съ ней; этимъ я обязанъ вамъ. Въ силу этого, я счелъ бы себя крайней неблагодарнымъ существомъ (тутъ онъ спряталъ въ карманъ билетъ), если бы отказался сдѣлать ту услугу, о которой вы просите теперь *)).

Не въ такой средѣ, конечно, было искать героевъ. Характерно, что и тогда возникла очень богатая литература, главные дѣятели которой — великосвѣтскіе жулики. Такимъ образомъ «Prince of Swindlers» Гая Бузеби имѣетъ своего рода литературныхъ предковъ. «Prince of Swindlers», «король мошенниковъ» это — тотъ самый модный романъ, о которомъ я говорилъ выше. Онъ появился въ одномъ изъ лучшихъ ежемѣсячныхъ «магазиновъ» (Windsor Magazine). О романѣ говорили всюду. Собственно говоря «Prince of Swindlers» это — серия рассказовъ о ловкихъ похожденіяхъ героя. Интересенъ восторженный тонъ произведенія. Романъ кончается тѣмъ, что герой обкрадываетъ яхту «Вестфальскаго Императора» и уѣзжаетъ наслаждаться добытыми богатствами въ Индію. Но я нѣсколько уклонился въ сторону. Познакомимся ближе съ «таинственными» произведеніями, имѣвшими и имѣющими наибольшій успѣхъ. Въ первую голову, конечно, слѣдуетъ поставить романы миссъ Маріи Корелли.

Врядъ-ли въ послѣднее время какой либо романистъ пользовался такимъ огромнымъ успѣхомъ, какъ она. Правда, критика отнеслась къ ней насмѣшливо, но авторъ, очевидно, лучше ихъ опредѣлилъ вкусы своей публики. Романы Маріи Корелли разошлись въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ. Въ библиотекахъ больше всего спрашиваютъ ея произведенія. Не такъ давно Марія Корелли выступила въ лондонскомъ «Фигаро» и сама себѣ отвела то мѣсто въ англійской литературѣ, которое ей не хотѣли уступить критики. Она сравнила себя съ Диккенсомъ. Судя же по тому снисходительно-панибратскому тону, въ которомъ она говоритъ объ авторѣ «Коперфильда», можно заключить, что Ко-

*) Dr. W. King, «Political and Literary Anecdotes of his own Times», 1818, p. 27.

решили лишь изъ учтивости пускаетъ его впередъ, такъ какъ сознаетъ, что мѣсто, собственно, принадлежитъ ей. Maria Corelli дебютировала въ 1886 г. произведеніемъ «A Romance of Two Worlds», затѣмъ одинъ за другимъ, послѣдовали романы, наполненные кровью, убійствами и выходцами съ того свѣта: «Vendetta», «Thelma», «My Wonderful Wife», «The Soul of Lilith» и пр. Надняхъ лишь вышелъ тотъ романъ, который содержитъ всѣ элементы творчества г-жи Корелли. Онъ намъ даетъ представленіе и о вкусахъ публики. «The Problem of a wicked soul» *) (такъ называется произведеніе) по заявленію автора, должны выяснить вопросъ о «научномъ духѣ» (Scientific Ghosts) какъ, — съ точки зрѣнія теософіи, которая говорить, что души двухъ лицъ, враждовавшихъ между собою при жизни, спустя извѣстный промежутокъ времени, опять воплощаются на землѣ, чтобы выполнить «карма». Такимъ образомъ, души Юлія Цезаря и Брута примутъ земную оболочку, чтобы свести между собою старые счеты. На этотъ разъ, убійцей явится уже Цезарь. Вотъ эта «доктрина» и послужила темой для плодотворной романистики. Воплощеніе древне-египетской танцовщицы Зиска является на землю, чтобы отомстить художнику, въ которомъ живетъ душа древняго воина, убившаго когда-то дѣвушку. Для довершенія всего, Зиска не дѣйствительная женщина, а духъ, и не простой, которымъ наполнены старыя сказки, а «научный». «Научный духъ» похожъ на насъ во всѣхъ отношеніяхъ, — философствуетъ авторъ, — но въ его природѣ нѣтъ ничего человѣческаго. Онъ является на землю только для того, чтобы служить безжалостнымъ орудіемъ мести». Вы видите уже, съ какого рода произведеніями мы имѣемъ дѣло. Было время, когда романы съ ясновидящими собаками, какъ «Ярчукъ» Дуровой-Александровой, имѣли огромный успѣхъ въ Россіи. То былъ тоже періодъ смѣны поколѣній. Такъ какъ произведеніе Корелли имѣетъ огромный успѣхъ; такъ какъ оно вызвало массу подражаній, то мы познакомясь нѣсколько ближе съ нимъ. Въ Каирѣ, неизвѣстно откуда, появляется красавица принцесса Зиска, которая поразительно похожа на портретъ древне-египетской танцовщицы Зиска-Чармазель. Какъ разъ въ это время въ Каирѣ находится знаменитый французскій художникъ Жерве, воплощеніе древняго воина Араксеса. Зиска-Чармазель въ началѣ романа является на разсвѣтъ, въ видѣ безформеннаго образа. Какъ тонкое облачко, она носится надъ спящей еще землей, протягиваетъ свои прозрачныя руки и вызываетъ протяжно въ пустынь: «Араксесъ! Араксесъ! Ты здѣсь и я преслѣдую тебя! Сквозь жизнь и смерть, сквозь смерть и жизнь я нахожу тебя и слѣдую за тобой! О, Араксесъ!»

Принцесса Зиска — сама тайна. Хотя она воплощеніе, но не имѣетъ человѣческаго реальнаго образа. Она «научный духъ».

*) «Ziska: the Problem of a Wicked Soul», by Marie Corelli. I. W. Arrowsmith, Bristol, 1897, p. 365.

Вотъ какъ опредѣляеть это слово одно изъ дѣйствующихъ лицъ, д-ръ Динъ. «Этимъ Духамъ для появленія вовсе не нужно полумучное время; они не исчезаютъ также съ пѣніемъ пѣтуха, но живутъ среди насъ постоянно, въ продолженіи мѣсяцевъ, иногда даже годовъ, согласно ихъ миссіи. Духи эти говорятъ съ нами, подражаютъ всѣмъ нашимъ обычаямъ, обмѣниваются съ нами рукопожатіями, смѣются, танцуютъ,—словомъ, ведутъ себя во всемъ, какъ люди. Таковы «научные духи». Въ настоящее время ихъ цѣлыя тысячи среди насъ. Научные духи являются исполнителями высшаго мщенія... Душа убитаго посылается обратно на землю въ человѣческой формѣ, чтобы поразить своего убійцу. Убитый знакомится съ убійцей, ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ, пьетъ его вино, жметъ его руку и все лишь для того, чтобы довести преступленіе до заслуженнаго имъ конца».

Художникъ Жерве, воплощеніе Араксеса, встрѣчается съ принцессой Зиска и страстно влюбляется въ нее. Онъ предлагаетъ нарисовать ей портретъ. Мотительница соглашается на сеансъ. Когда портретъ оконченъ, художникъ съ ужасомъ видитъ, что онъ изображаетъ не его красавицу, а какое-то странное лицо, иссоверканное страстью и предсмертной мукой. Подъ мускулами лица ясно вырисовывается контуръ черепа. Докторъ Динъ высказываетъ предположеніе, что предъ художникомъ позировалъ «научный духъ»; но истоклователя поднимаютъ на смѣхъ. Я не стану здѣсь вамъ излагать ни всѣхъ подробностей романа, ни «ученыхъ» толкованій доктора Дина. И то, и другое слишкомъ прѣсно и слишкомъ скучно. Подойдемъ къ развязкѣ. Зиска назначаетъ свиданіе художнику. Она обѣщаетъ отдаться ему. Таинственный Нубіецъ ведетъ Жерве въ подземную залу Хеопсовой пирамиды, гдѣ похороненъ Араксесъ. Саркофагъ окруженъ несметными сокровищами: тутъ золотые сосуды, дорогое оружіе, драгоценные камни и пр. Нубіецъ исчезаетъ. Жерве взываетъ къ своей возлюбленной: «Зиска, Зиска»!

— Чармазель!—отвѣчаетъ глухо эхо подъ каменными сводами. Внезапно, откуда-то изъ подъ каменныхъ плитъ появляется Зиска, страшная, какъ духъ мщенія. Ея черныя глаза горятъ гнѣвомъ, угрозой и страстью. Жерве не можетъ произнести ни слова: его поражаетъ сходство Зиски съ тѣмъ образомъ, который появился у него на портретѣ. Руки принцессы холодны, какъ ледъ, и липки, «какъ могильная роса». Когда художникъ беретъ ея руки, онѣ выскальзываютъ.

— Привѣтъ тебѣ, возлюбленный мой, — говоритъ Зиска. И глосъ ея дышетъ гнѣвомъ и страстью,—привѣтъ тебѣ! Моихъ объятій ты, вѣдь, такъ жаждалъ. Возьми же меня. Возьми же меня всю, потому что я твоя, настолько твоя, что ты никогда не уйдешь отъ меня. Мы никогда не разстанемся больше, никогда, въ продолженіи цѣлыхъ тысячи вѣковъ! Жизнь моей жизни! Душа души моей, вла-

дѣй же мною, какъ я владѣю тобою. Такъ сюда же въ мои объятія, мой возлюбленный, мой господинъ, царь и побѣдитель! Сюда, сюда!..— Она била своими бѣлыми руками въ свою еще болѣе бѣлую грудь!.. Наслаждалась вполне порочными наслажденіями и тогда засни, какъ ты спалъ до сихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Художникъ грозить убить ее. Образъ принцессы принимаетъ гигантскія формы. Она кажется разъяреннымъ демономъ.

— Ты уже одѣлалъ это однажды,—говоритъ она.—Убить меня во второй разъ выше твоихъ силъ. Вотъ могила Араксеса.

— Боже! Что значить весь этотъ бредъ!—восклицаетъ художникъ.—Что это! галлюцинація безумнаго? Что Араксесъ мнѣ, или я Араксесу?

— Все! Вы—одно и то же лицо. Въ обоихъ васъ живетъ одна и та же порочная, не очищенная въ пламени вѣковъ, грѣшная душа! Сластолюбецъ! Развратникъ! Проклятый духъ человѣка, котораго я некогда любилъ! Изыди изъ оболочки, принятой теперь тобою! Приди же ко мнѣ, ибо силы милліона міровъ не разлучатъ насъ болѣе. О, вѣчный духъ смерти!..—Зиска подняла въ дикомъ порывѣ свои прозрачныя бѣлыя руки.—Синимъ покрывало! Объяви этому невѣрующему истину о жизни послѣ смерти.—Принцесса ринулась впередъ и, какъ хищная птица добычу, схватила руку художника. И онъ почувствовалъ теперь, что это пожатіе означаетъ смерть.

— Вспомни былые дни, Араксесъ! Оглянись, оглянись къ прошедшему. Вспомни преступленія, которые еще не отомщены! Вспомни любовь, что ты такъ добивался, и побѣду, которую ты одержалъ, затѣмъ, растерзанное сердце, разбитую жизнь! Вспомни, Араксесъ, военные триумфы, твою славу и побѣды! Вспомни похоть честолюбія, измѣны, убійства, богохульства! Вспомни ночь праздника Озириса, праздника солнца. Какъ тогда поджидала своего возлюбленнаго Зиска-Чармазель! Какъ весело пѣла она одна свою любимую пѣсню про цвѣтокъ лотоса. Она слѣпо вѣрила. Мѣсяцъ тогда стоялъ также высоко на небѣ, какъ теперь. Звѣзды мерцали тогда надъ пирамидами, какъ онѣ мерцаютъ теперь. Изъ дворца доносились звуки побѣдной музыки, смѣхъ, веселыя пѣсни. А Араксесъ былъ увлеченъ другимъ лицомъ, хотя послѣднее было не такъ красиво, какъ Зиска-Чармазель. Вспомни быстрый и смертоносный ударъ, вспомни, какъ украшенный драгоценными камнями ножъ погрузился по рукоятку въ любящую бѣлую грудь Чармазель, какъ мучилась Зиска, пока ни умерла. Она умерла, но лишь для того, чтобы жить вновь и преслѣдовать всюду своего убійцу. Она слѣдовала за нимъ въ могилу, которую царь наполнилъ золотомъ, а демоны — проклятіями, а отсюда вновь къ свѣту. Я преслѣдовала тебя во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ формахъ, которыя ты принимаешь и будешь дѣлать это еще безконечное число вѣковъ, пока великій Мастеръ ужаснаго колеса жизни не изречетъ: «Стой! Здѣсь конецъ даже за-

кону мести!..» Вѣдь ты презрѣлъ всѣ сокровища любви! Вѣдь ты обманулъ всѣ надежды жизни! Трепещи же, душа Араксеса! Ибо ненависть, какъ и любовь, вѣчны. Завѣса сброшена, воспоминанія опять жгутъ!

Она повернула къ нему лицо, которое поблѣднѣло, какъ мѣсяцъ при восходѣ солнца. Тѣло ея принимало форму скелета, хотя лицо сохраняло еще прозрачную красоту. И художникъ понялъ, наконецъ, что не живое существо было рядомъ съ нимъ, но таинственный, безтѣлесный призракъ изъ невѣдомаго человѣку міра. Холодный, смертельный потъ выступилъ на лбу Жерве; сердце его замирало мучительно, а дыханіе сдѣлалось конвульсивнымъ. Но горше еще, чѣмъ физическія муки, было сознаніе существованія цѣпи безконечныхъ превращеній, внезапно ставшее ему яснымъ. Не смотря на то, что Зиска осуждала его на вѣчныя муки, старая любовь къ ней опять пробудилась. Онъ протянулъ руки и воскликнулъ:

— Зиска, Зиска! Прости, прости!

Едва лишь онъ произнесъ эти слова, какъ страхъ и муки прошли, какъ проходитъ облако. Таинственный свѣтъ засіялъ надъ волосами дѣвушки.

— Любви, любви! — воскликнулъ Араксесъ. — Зачѣмъ ненависть? Приди опять назадъ изъ мрака, душа той женщины, которую я оскорбилъ нѣкогда. Дай мнѣ прощеніе. Приди ко мнѣ. Что намъ до всего, если мы будемъ вмѣстѣ. Приди же; вѣдь любовь сильнѣе ненависти.

Слова замерли у него на устахъ. Холодная рука смерти скала его сердце и сковала уста; но все же онъ видѣлъ, сквозь мракъ хаоса, надвигавшагося на него, какъ загорѣлись любовью и прощеніемъ черные глаза. Затѣмъ замахали какія-то огромныя крылья, и въ подземной залѣ все погрузилось въ глубокой мракъ. Художникъ почувствовалъ, какъ ему въ грудь вонзился раскаленный ножъ, Араксесъ покачнулся и упалъ. Последнимъ сознаніемъ въ жизни было то, что его подхватываютъ мягкія, нѣжныя руки и уносятъ куда-то далеко, далеко, въ невѣдомый край. Онъ чувствовалъ нѣжныя, теплыя губы, прижавшіяся къ его лицу. И вотъ въ густомъ мракѣ прозвучалъ голосъ: «Миръ! Жизнь требуетъ жизни. Долгъ любви долженъ быть заплаченъ любовью. Душа женщины прощаетъ, а мужчины — расплавляется. И потому съ нихъ опадаютъ оковы грѣха! Пусть обѣ души идутъ освобожденныя отнынѣ. Проклятіе снято». Вотъ и весь романъ. Не знаю, такъ-ли скучно вамъ было читать эту претенціозную, антихудожественную галиматью, какъ мнѣ излагать ее.

IV.

Романъ, къ которому мы теперь переходимъ, еще не оконченъ. Онъ печатается въ американскомъ журналѣ «Harper's Maga-

zine», но написанъ англичаниномъ. Авторъ романа—недавно умершій блестящій каррикатуристъ, главный сотрудникъ журнала — «Пончъ» — Джорджъ Дю-Мурье. При жизни онъ издалъ два романа, изъ которыхъ одинъ имѣлъ колоссальный, неслыханный успѣхъ. Я говорю о «Трильби». Въ Америкѣ героиня превратилась въ пунктъ настоящаго помѣшательства для эксцентричныхъ янки. Романъ построенъ на гипнотическомъ внушеніи и, должно сознаться, Дю-Мурье не отъсняется съ фактами. «The Martian», печатающійся теперь въ «Гарперовскомъ Сборникѣ» — посмертное произведеніе блестящаго каррикатуриста. Этотъ романъ, по фантастичности своей, оставилъ далеко за собой даже «Трильби». Что же касается успѣха, то онъ колоссаленъ. Черезъ день всѣ книжки «Harper's Magazine» расхвачены до послѣдней. Дю-Мурье выступилъ съ эксцентричной гипотезой. Жители Марса способны время отъ времени посѣщать нашу планету. Они воплощаются въ обыкновенную человѣческую форму, но «марсіаннѣ» обладаютъ нѣкоторыми особенными способностями, которыя отличаютъ далекихъ гостей отъ обыкновенныхъ людей. *Marsians*, являющійся героемъ новаго романа Дю-Мурье, инстинктивно можетъ отгадать всегда, гдѣ сѣверъ. Герою можно завязать глаза, затѣмъ кружить съ нимъ въ пустыни, и онъ все же сейчасъ опредѣлитъ эту страну свѣта. Въ героѣ живетъ духъ обитательницы Марса — Марціа. Въ критическія минуты для героя она принимаетъ реальныя формы и даже отодвигаетъ разъ отъ него стаканъ съ ядомъ, которымъ Марсіанъ хотѣлъ отравиться. Когда герой спитъ, Марціа водить его рукой по бумагѣ и пишетъ письмо, которое Марсіанъ, при пробужденіи, находитъ возлѣ своей постели. Барти (такъ зовутъ Марсіана) становится такимъ же путемъ знаменитымъ писателемъ, такъ какъ всѣ произведенія находятъ по утрамъ у себя на столѣ.

Какъ видите, въ нашей народной сказкѣ про Марью-Моревну, которая ночью за мужа строить дворецъ Водяному, то же положеніе Дю-Мурье эксплуатировано нѣсколько раньше. Интересно то, что редакторъ «Harper's Magazine» года три тому назадъ отказался помѣстить разсказъ Марка Твена, въ которомъ знаменитый юмористъ ввелъ хиромантію, мотивируя отказъ тѣмъ, что хиромантія суевѣріе, а послѣднее не должно быть поддерживаемо хотя бы даже намекомъ. Очевидно, у редакціи переѣбѣлились теперь взгляды на то, что такое суевѣріе. Романъ начинается тѣмъ, что богатый англичанинъ Робертъ Морисъ разсказываетъ исторію жизни знаменитаго романиста, съ которой рассказчикъ случайно познакомился. Знаменитый писатель — незаконный сынъ Лорда Рансвика и Антуанеты Жосленъ. Зовутъ его Бартоломью Жосленъ; но всѣмъ онъ извѣстенъ подъ уменьшительнымъ именемъ Барти. Робертъ Морисъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, познакомился съ героемъ въ Итонской школѣ, гдѣ они воспитывались вмѣстѣ. «Тѣ, которые идеализировали его, — говоритъ рассказчикъ, — изображали его ангеломъ,

святѣмъ, полубогомъ; враги же называли—шутомъ, чревоугодникомъ и пр. Въ дѣйствительности же, это былъ добрый, крайне привязчивый и мягкій человекъ, воплощеніе чести, идеалъ отца и супруга, вѣрный другъ и незамѣнимый собесѣдникъ. До старости онъ сохранилъ свѣжесть души, веселіе школьника и дѣтскую чистоту. Онъ былъ великодушенъ, не скоръ на осужденіе другихъ, послѣшенъ, когда приходилось прощать и т. д. Перечисленіе тѣхъ похвалъ, которыми обыкновенно наполнены газетные некрологи, когда ни о какихъ другихъ заслугахъ покойника нельзя сказать, ибо онѣ у него не числились, — занимаютъ въ романѣ цѣлую страницу. Въ школѣ Барти былъ всеобщимъ любимцемъ. Всѣхъ онъ поражалъ остротой чувствъ: онъ могъ видѣть не вооруженными глазами спутниковъ Юпитера. Слухъ Барти былъ также поразителенъ. Онъ не только могъ различать тиканіе часовъ въ отдаленной комнатѣ, но слышалъ звуки, которые для всякаго другого уха не существуютъ. Когда Барти игралъ въ патнашки съ другими мальчиками, онъ, съ завязанными глазами, узнавалъ всѣхъ, кого ловилъ, по запаху его волосъ, рукъ или же куртки. Наиболѣе поразительной способностью мальчика, однако, было умѣніе находить всегда сразу сѣверъ. Въ этомъ отношеніи, Барти былъ такъ же безошибоченъ, какъ и компасъ.

— Что вы чувствуете, Барти, когда опредѣляете сѣверъ, — спрашиваетъ рассказчикъ, — родъ содраганія или же зудъ?

— О, я чувствую, гдѣ сѣверъ, какъ будто бы тамъ, внутри, у меня находится морской компасъ. Я не боюсь ничего въ мірѣ.

Это отгадываніе сѣвера объясняется присутствіемъ Марціи; но о ней Барти не знаетъ рѣшительно ничего. Первое прямое вѣщаніе ея происходитъ тогда, когда Барти покушается на самоубійство. Онъ слѣпнетъ на одинъ глазъ и чувствуетъ себя на столько несчастнымъ, что пытается отравиться. Барти разводитъ ядъ въ стаканѣ воды; но за тѣмъ засыпаетъ; когда же просыпается, находитъ, что стаканъ пустъ, а на столѣ лежитъ длинное письмо, повидимому, писанное рукой самого Барти. Въ письмѣ Барти укоряется за малодушіе; ему совѣтуютъ не падать духомъ вслѣдствіе потери зрѣнія. Въ концѣ стоитъ подпись «Марція». Кто такая, она, — Барти не знаетъ; но онъ опять чувствуетъ утраченному было способность узнавать сѣверъ, и жизнь кажется ему снова ясной. Барти хочетъ жениться на дочери богатаго скорняка Лін; но таинственный духъ-покровитель имѣетъ другіе планы относительно счастья его. Каждую ночь Барти молится Марціи. Однажды онъ забываетъ сдѣлать это и на другой день находитъ вондъ себя слѣдующее письмо, писанное, какъ всегда, его же собственной рукой.

— Дорогой мой Барти, — въ вашихъ дѣлахъ, которыя являются также и моими, наступилъ переломъ, и я должна, во чтобы то ни стало, писать вамъ, не смотря на то, что мнѣ приходится выдать тайну чистой души, тайну благороднаго женскаго сердца, обла-

дательницей которой я стала случайно. Одна изъ богатѣйшихъ дѣвушекъ въ Англіи, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ мірѣ, достойная стать невѣстой императора, можетъ сдѣлаться вашей женой, если вы только захотите. Я страстно желаю, и для меня это вопросъ жизни и смерти, чтобы вы женились на Джуліи Ройсѣ (такъ зовутъ дѣвушку). Впослѣдствіи вы узнаете все. Вы себя теперь называете м-ромъ Ничтожностью. Знайте, однако, что придетъ время, когда знаменитѣйшія и наиболѣе высокопоставленные лица сочтутъ за величайшую честь назвать себя вашими друзьями и послѣдователями. Нѣтъ такой женщины, которая вполне подходила бы къ вамъ; есть лишь одна, которая отчасти подходитъ. Она любитъ васъ. Это я знаю. Невозможно, чтобы вы ее не полюбили сами. Я знала ее съ дѣтства; равно—отца и мать ея. Я жила въ ней, какъ живу теперь въ васъ; но она никогда не подозрѣвала моего присутствія. Вы оба — совершеннѣйшія человѣческія существа, наиболѣе одаренныя умственно и нравственно. Достоинства въ васъ удивительно уравнивлены. Я говорю это, потому что жила уже въ тысячахъ людей, въ различныхъ концахъ земного шара. Вы, Барті, единственный человѣкъ, которому я дала почувствовать мое присутствіе. То былъ странный случай: я спасла вамъ жизнь. Среди тысячъ блуждающихъ духовъ я единственная, которая можетъ непосредственно вліять на судьбу земного существа, или же можетъ дать ему почувствовать тѣ магнетическіе токи, которые проходятъ оквозъ насъ. Токи эти—источникъ нашей жизни. Барті, я знаю всѣхъ вашихъ дѣтей, которые еще не родились; и могу сказать вамъ, что только Джулія можетъ быть ихъ матерью. Лишь Джулія Ройсъ, но никакая другая женщина въ мірѣ. Когда вы достигнете зрѣлаго возраста, она станетъ боготворить даже ту почву, по которой вы ступаете. Но вы можете стать знаменитымъ только черезъ посредство ея и меня, на которую возложена специальная миссія. Я должна быть вознаграждена за мои заботы о васъ, и эта награда — вашъ бракъ съ Джуліей. Какъ только вы прочтете это письмо, отправьтесь немедленно и найдите Джулію, сдѣлайте то, что вы дѣлали, когда желали поправиться другимъ женщинамъ, не достойнымъ васъ. Джулія вполне зависитъ отъ себя самой. Не смотря на то, что вы бѣдны, неизвѣстнаго происхожденія и калѣка, для Джуліи лучше, чтобы она была вашей женой, чѣмъ кого-либо другого въ мірѣ. Марція». Барті на первыхъ порахъ желаетъ послушаться совѣта; но любовь къ Лін беретъ верхъ. Онъ рѣшаетъ объясниться съ невидимымъ совѣтникомъ своимъ. «Марція,—начинаетъ онъ. — Я не могу; c'est plus fort que moi, — переходитъ онъ на французскій языкъ, полагая, вѣроятно, что онъ болѣе убѣдителенъ для жителей Марса.—Я не могу за деньги продать себя женщинѣ. Я не могу полюбить Джулію и никогда не женюсь на ней. Я не заслужилъ того, чтобы она заботилась обо мнѣ. Да, быть можетъ, вы ошибаетесь еще, что она можетъ увлечься мною. Вѣдь распо-

коженіе молодой дѣвушки такъ переменчиво. Развѣ въ такомъ юномъ возрастѣ можно знать свое сердце?» Барти сталъ приводить еще цѣлую массу доводовъ. «Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, Марція, почему вы такъ думаете. Бога ради, кто вы? Есть-ли вы—или же духъ моей матери? Почему вы любите меня, какъ говорите, любовью, которая сильнѣе женской? Что я для васъ? Почему вы преданы такъ заботамъ о земныхъ дѣлахъ?» Этотъ монологъ продолжался нѣсколько часовъ, такъ что Барти усталъ сильно, повалился на постель и заснулъ. На другое утро онъ нашелъ слѣдующее письмо къ себѣ: «Барти, вы губите меня, дѣлаете несчастной и разрушаете проекты, которые создавались много лѣтъ, еще тогда, когда вы еще не родились. Кто я? Кто та черноглазая притворщица, которая стала между мною и вами и отвлекла ваше сердце отъ Джуліи? Кто она? Я не знаю точно; но могу лишь сказать, что она создана не для васъ. Во-первыхъ, она не богата. Она была бы вполне подходящей женой какого-нибудь квакера, годилась бы въ сестры милосердія, въ гувернантки, въ больничныя сидѣлки, въ монахини, но не можетъ быть подругой человѣка, которому суждено потрясти міръ. Барти, вы не знаете, кто вы; вы никогда не думали объ этомъ, никогда не старались проникнуть въ сущность вещей. Барти, если Джулія будетъ вашей подругой, а я стану поддерживать васъ, вы сдѣлаетесь вождемъ человѣчества, вы выполните предназначеніе вашей родины.

«Благодаря вамъ, она затмитъ славою всѣ другія страны и сдѣлается неограниченнымъ властелиномъ всей Европы. Ваши потомки будутъ среди знатнѣйшихъ на землѣ. Неужели же вы все это промѣняете на пару черныхъ глазъ да на румяныя щеки? Неужели же Джулія не достаточно хороша для васъ? Не торопитесь рѣшеніемъ и обдумайте все. Я приду черезъ недѣлю. Марція». Барти категорически отказывается жениться на Джуліи. Тогда способность угадывать, гдѣ сѣверъ, утрачивается имъ. Барти женится на Ліи. Спустя нѣкоторое время Марція открываетъ, что сердце будущаго вождя человѣчества руководило имъ лучше и вѣрнѣе, чѣмъ ея разумъ. Тогда происходитъ примиреніе. Марція становится руководителемъ, философомъ и другимъ не только Барти, но и Ліи. Она ей предана теперь такъ же, какъ была прежде предана Джуліи. Вскорѣ послѣ женитьбы Барти становится знаменитостью. Марція пишетъ за него всѣ его книги, и ея protégé достигаетъ такой славы, какой до него не достигалъ еще никто. При накопленіи духовныхъ богатствъ мы видимъ, что романистъ безосознательно слѣдуетъ тому же принципу, который давно уже примѣнялся въ его средѣ при собираніи богатствъ тѣлесныхъ: славу герою добываютъ другіе, онъ лишь соглашается пользоваться ею. Послѣ того, какъ у Барти рождается восьмой ребенокъ, Марція объявляетъ, кто она. И Барти, и жена его — всѣ они не жители земли, а марсіане. Теперь Марція желаетъ продолжать послѣдній

опытъ: она хочетъ воплотиться въ тѣлѣ девятаго ребенка Барти, который долженъ еще народиться. «Увы! Быть можетъ, вы не вѣрите мнѣ; но какъ же я вамъ докажу это?»—пишетъ она. Кажется, послѣ всего, что видѣлъ Барти, такой скептицизмъ уже слишкомъ обидѣвъ въ немъ. Романъ еще не оконченъ; но, полагаю, вы имѣете достаточное представленіе о немъ.

Скучно и утомительно читать эту дубочную литературу; обидно, когда авторомъ ея являются такіе талантливые люди, какъ Дю-Мурье. Въ «фантастическихъ» произведеніяхъ этихъ нѣтъ смѣлаго, да вообще никакого полета фантазіи; нѣтъ даже той наивной вѣры, которая придаетъ своеобразную прелесть не хитрымъ сказкамъ самаго примитивнаго эпоса. Излишне и говорить, что напрасно стали бы вы искать тѣ яркія мысли, которыя, какъ молніи, сверкаютъ въ сказкахъ Гофмана. На всѣхъ произведеніяхъ лежитъ тяжелая, какъ свинецъ, печать безсилія. Всѣ эти романы пытаются сказать что-то новое; но они такъ сѣры, такъ безцвѣтны, такъ жалки; это какое-то сплюснутое бормотаніе. Я знаю, что васъ измучилъ уже пересказъ этихъ, *parlez moi le mot*, глупыхъ твореній; но я долженъ, для дополненія картины, познакомить васъ еще съ однимъ знаменитымъ произведеніемъ, которое вы теперь найдете всюду. Это романъ «Огни» Хиченса *), которому авторъ даетъ подзаголовокъ «Лондонская фантазія».

Авторъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ тремя произведеніями, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются привидѣнія: «Green Carnation», «An Imaginative Man» и «The Folly of Eustace». Заголовокъ «Огни» Хиченсъ взялъ изъ мистическаго стихотворенія Габріеля Россети—«Blessed Damosel»; въ послѣднемъ монахиня видитъ съ ограды монастыря, какъ восходятъ вверхъ въ видѣ огней души. Хиченсъ выступаетъ со своей «теоріей»: насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ души; обладающіе особой силой могутъ видѣть ихъ въ видѣ мерцающихъ огней. Живутъ два пріятеля въ Лондонѣ. Валентинъ Крессуэлъ и Джуліанъ Аддисонъ. Одинъ—земной ангелъ, чуждый страстей, чистый, какъ тѣ традиціонныя дѣвы, которыя являлись въ романахъ шаблонныхъ писателей былаго времени. Другой—кутила, завсегдатай *amuse holl'овъ* и ресторановъ. Валентинъ предлагаетъ пріятелю «обмѣняться душами». Джуліанъ съ радостью хватается за предложеніе. Пріятели тушатъ огни и садятся въ комнаты для спиритическаго сеанса. «Валентинъ чувствуетъ, что изъ него выливается жизненная жидкость». Въ темнотѣ лаетъ и воетъ собака. Пріятели «чуютъ смущенной душой» присутствіе кого-то невѣдомаго, изъ другого міра. Такіе сеансы повторились трижды. Опытъ удался. Только съ Валентиномъ обмѣнялся душой не Джуліанъ, а окультистъ Маръ, человѣкъ съ сатанинской наружностью, тотъ стереотипный типъ магнетизера, который

*) «Flames», by R. Hichens. W. Heinemann.

съ легкой руки 'Дю-Мурье, выставившаго его въ «Трильби», фигурируетъ теперь въ сотняхъ англійскихъ романовъ. Валентинъ получаетъ дьявольскій характеръ Мара. Онъ становится буйнымъ развратникомъ, пока, наконецъ, его ни искупаетъ любовь, пока на сцену ни является другой окультистъ, представитель, такъ сказать, бѣлой магии. Въ эпохи «бурныхъ стремленій», когда общество было захвачено новыми могучими идеалами, эти послѣдніе, прежде чѣмъ принимали въ жизни реальныя формы, отливались у художниковъ въ фантастическіе образы. То былъ энергичный протестъ противъ мѣщанской прозы, противъ будничнаго, сѣраго прозябанія, протѣвъ угнетенія человѣческой личности. Полетъ фантазіи бывалъ мощенъ; какъ молніи, сверкали ослѣпительно въ ней новыя мысли, которыя человѣку напоминали о томъ, что онъ не «червь преосмыкающійся во прахѣ», а сынъ Прометея. Порой образы, созданные фантазіей художника, были колоссальны и суровы, порой изящны и граціозны

«Soll ich dir, Flammenbildung; welchen?
Ich bin's, bin Faust, bin Deinensgleichen!».

говорить Фаустъ духу вселенной.

«Прахъ, ограничь твое честолюбіе; узнать—это равно смерти»,—говоритъ Люциферъ въ мистеріи Байрона, когда Кайнъ хочетъ узнать тайны міроздавія.

«And let me perish, so I see them!»

(Такъ пусть же погибну я, но я хочу видѣть),—отвѣчаетъ гордо Кайнъ.

«One good gift has the fatal apple given
Your reason: let it not be sover-way'd
By tyrannous threads to force you into faith
'Gainst all external sense and inward feeling» *).

На ряду съ этими могучими образами встаютъ и прихотливыя причудливыя картины, набросанныя фантастической кистью Гофмана. Съ нихъ глядятъ то шаловливыя и граціозныя головки, какъ «чуднаго дитяти», то отвратительно уродливыя чудища, то пошныя и самодовольныя рожи педантовъ, какъ Тинте. У Диккенса размахъ мысли гораздо уже; за то неистощимая фантазія и горячее, живое человѣческое чувство, которое бьетъ ключемъ въ произведеніяхъ великаго романиста, искупаютъ все. Напрасно стали бы мы искать нѣчто подобное теперь, въ тѣхъ «фантастическихъ» произведеніяхъ, содержаніе которыхъ я излагаю. Тѣ читатели, для которыхъ существуетъ эта литература; всѣ эти Билли Массарентъ и Барней Барнато не перевариваютъ никакой «высшей» мысли; по ихъ оцѣнкѣ, товаръ этого рода не котируется совершенно на биржѣ. Билли Массарентъ можетъ, кромѣ жажды денегъ и «почета», воспринимать лишь элементарное, грубое, къ чему онъ привыкъ еще съ

*) Cain, Act II, Scene II.

дѣтства. Что же это такое, какъ не рассказы о чертахъ и привидѣніяхъ? Во Франціи заплывшій жиромъ правнукъ Фигаро съ тою же цѣлью создалъ для себя грязную, пакостную литературу. Похабщина въ ней принимаетъ свинскій характеръ, потому что нужно, вѣдь, пощекотать деревянные нервы, заплывшіе толстымъ слоемъ сала. Въ Англіи условія не благоприятствуютъ развитію подобной литературы. Правда, Билли Массаренъ падокъ на нее; но ему приходится довольствоваться французскимъ импортомъ. За то у него есть эквивалентъ. Позволю себѣ закончить письмо маленькимъ сравненіемъ. Выйдемъ ранней весной на лугъ, съ котораго только что сошелъ снѣгъ. Густой щетиной торчатъ высохшіе, отвратительный чертополохъ и дурманъ, потрескавшіеся шишки котораго широко раскрылись, обнаруживъ приставшія къ стѣнкамъ ядовитыя зерна. Но приглядитесь внимательнѣе: всюду сказывается приближеніе весны, времени всеобщаго обновленія. Всюду между корявыми высохшими стеблями ползутъ изъ земли свѣжіе, ярко-зеленые, сочные, молодые побѣги.

«Es ändert sich die Zeit

Und neues Leben blüht aus den Ruinen».

Развѣ не такими же свѣжими побѣгами является новая, полная жизни молодая литература, о которой я говорилъ уже.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

Желѣзнодорожное оживленіе.—Ростущіе центры и обойденные города.—Что приноситъ желѣзная дорога?—Инженеры въ качествѣ господъ положенія.—Порядки на строящихся линіяхъ.—Волжское мелководіе и судоходные нравы.—Нижегородская ярмарка.

Мы переживаемъ эпоху такого усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, какую испытали ранѣе развѣ въ семидесятыхъ годахъ. То была поистинѣ «желѣзнодорожная горячка», проходившая бурно, привлекавшая общее вниманіе. Происходило это такъ отчасти по новизнѣ дѣла, отчасти благодаря особенностямъ тогдашней его постановки. Дѣло велось въ большинствѣ случаевъ путемъ концессіоннымъ, являясь пунктомъ приложенія силъ для юнаго еще русскаго капитализма, впервые организовавшагося въ крупныя акціонерно-промышленныя общества. Теперь оно представляетъ собою широко примѣняемый опытъ государственнаго хозяйства. Конечно, и тогда, какъ и теперь, сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей совершалось, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ изъ госу-

дарственного бюджета. На почвѣ этихъ пожертвованій росли предпринимательскіе капиталы, закладывался фундаментъ настоящаго промышленнаго развитія.

Безспорно, значеніе той работы, которая нынѣ совершается по всѣмъ направленіямъ внутри Россіи, будетъ громадно. Недавно выполненная первая всеобщая перепись населенія Россіи подарила намъ цѣлымъ рядомъ неожиданностей. Она открыла многочисленные центры населенности, выдвинутые развитіемъ нашей фабрично-промышленной дѣятельности и оставившіе далеко позади себя города, съ именемъ которыхъ мы привыкли соединять представленіе о чемъ то весьма значительномъ. Уѣздный городъ Лодзь оказался пятымъ по населенности городомъ Россіи. Екатеринбургъ, насчитывающій немногимъ болѣе 100 лѣтъ существованія, оказался съ населеніемъ 121 тыс., Вѣлостокъ 64, тогда какъ тысячелѣтніе Новгородъ и Черниговъ имѣютъ не многимъ болѣе 20 тыс. населенія. Можно съ увѣренностью сказать, что слѣдующая всеобщая народная перепись еще рѣзче отъѣнитъ это повсемѣстно совершающееся въ странѣ перераспределеніе населенія. Въ связи съ постройкою столь значительной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая строится теперь и будетъ проектирована въ ближайшемъ будущемъ, возникнутъ новые центры торгово-промышленной дѣятельности, изъ мелкихъ поселковъ вырастутъ крупныя мѣстечки, одни города привлекутъ десятки и сотни тысячъ населенія, другіе придутъ въ еще большее запустѣніе. Этотъ процессъ, благодаря которому съ поразительной быстротой мѣняется физіономія страны, мы можемъ наблюдать уже и теперь на цѣломъ рядѣ окружающихъ фактовъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ газета «Южный Край». «На нашихъ глазахъ среди еще недавно пустынныхъ мѣстностей возникли богатые поселки, выселки и мѣстечки, ставшіе не только богаче смежныхъ бездорожныхъ, въ смыслѣ рельсоваго пути, городовъ, но уже и мечтающихъ о дарованіи имъ самимъ правъ городского самоуправленія. Такъ, напримѣръ, недавно перекопское уѣздное земское собраніе возбудило ходатайство передъ правительствомъ о перенесеніи уѣздныхъ административныхъ и земскихъ учреждений изъ умирающаго Перекопа въ полный жизни и экономической дѣятельности желѣзнодорожный поселокъ Джанкой, создавшійся среди совершенно пустынной степи; а въ настоящее время, когда мы пишемъ эти строки, жители поселка «Лозовая» собираютъ подписи для петиціи въ подлежащихъ правительственныхъ сферахъ о дарованіи имъ поселку городского положенія. Но, вѣдь, Джанкой и Лозовая только примѣры, а не исключительное явленіе. Довольно вспомнить богатую заводскую Юзовку, Нижнедѣпровскъ и цѣлый рядъ другихъ станціонныхъ городковъ и сопоставить ихъ съ умирающимъ Новомосковскомъ, совершенно умершимъ Славяносербскомъ, чтобы понять, что каждая желѣзнодорожная линія есть жизненная артерія

не только для ближайшаго края, но и для всего болѣе или менѣе далекаго округа» (№ 5657).

Та быстрота, съ которою совершается эта метаморфоза, наглядно показываетъ всю неустойчивость нашей городской культуры, отсутствіе твердыхъ устоевъ въ нашемъ общественномъ строѣ. Эти губернскіе и уѣздные города и мѣстечки, изъ дня въ день влчавшіе свое сонное, растительное существованіе, торговая жизнь которыхъ пробуждалась лишь разъ въ недѣлю среди ругани базарной площади и трактирныхъ магорычей, покорно падаютъ или возвышаются въ своемъ экономическомъ значеніи, смотря по необъяснимому порою капризу желѣзнодорожной линіи, являющейся на сѣкуну этому мягкотѣлю, какъ бы скелетомъ новаго промышленнаго и общественнаго строя. Послѣ этого становится вполне понятною агитация, овладѣвающая представителями интересовъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, которыя оказываются лежащими на пути проектированнаго направленія желѣзной дороги, побуждающая ихъ обивать пороги разныхъ правительственныхъ учреждений и вліятельныхъ лицъ, спѣшно составлять докладныя записки съ фантастическими въ большинствѣ случаевъ цифрами ввоза и вывоза товаровъ и размѣровъ производительности края, ассигновывать несоразмѣрно крупныя суммы на хлопоты по проведенію пути именно въ желательномъ направленіи. Это идетъ борьба за существованіе, разрѣшается вопросъ, кому предстать будущее: Вольску или Балакову, Арзамасу или Починкамъ и т. д. Кому хочется быть обойденнымъ или поставленнымъ въ невыгодное положеніе, благодаря той или иной особенности въ направленіи пути? А очутиться въ такомъ положеніи очень легко, гораздо легче, чѣмъ потомъ поправить дѣло. Въ этомъ отношеніи интересный отрывокъ пришлось намъ прочесть въ одномъ изъ номеровъ «Калужскаго Вѣстника» подъ заглавіемъ «По пути на родину». Послѣ 30 лѣтъ отсутствія калужанинъ возвращается въ свой родной городъ и рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ пути.

«Когда до меня дошли свѣдѣнія, пишетъ онъ, что черезъ Калугу пройдетъ рельсовый путь, этотъ могучій рычагъ современной цивилизаціи, я былъ уже вполне увѣренъ, что это дастъ ей толчокъ, который пробудитъ ее къ прежней кипучей дѣятельности, и эта увѣренность росла во мнѣ по мѣрѣ приближенія къ родному городу.

Съ интересомъ наблюдая живописные берега Оки, я замѣтилъ подъ Алексиномъ нѣсколько крупныхъ лѣсопиленъ и цѣлыя груды сплавнаго лѣса и разработаннаго лѣсного матеріала. Я любопытствовалъ узнать, давно-ли возникла здѣсь лѣсная промышленность въ такихъ солидныхъ размѣрахъ и откуда такая масса лѣса.

— Все калужскій, изъ нашихъ мѣстовъ: съ Угры, съ Жвадры, — желчно ухмыляясь, пояснилъ мнѣ соседъ.

— А въ Калугѣ-то развѣ нѣтъ лѣсныхъ пристаней?

— Почестъ что вѣтъ; онѣ бы у насъ, пожалуй, и были, когда-бы въ Алексинѣ не сплыли.

Такой отвѣтъ, признаюсь, не мало меня смутилъ.

Вѣдь наша губернія изобилуетъ лѣсами; но почему-же въ Калугѣ, при ея выгодномъ положеніи на водномъ пути и при желѣзной дорогѣ, не могло развиться столь выгодное лѣсное дѣло, и что побудило калужанъ гнать свой лѣсъ въ Алексинъ?

— А чугушка во всемъ виновата,—добавилъ сосѣдъ, какъ бы прочти на моемъ лицѣ волновавшіе меня вопросы:—какъ ни странно, а все-же это такъ; то-есть, пройди вотъ эта самая дорога чрезъ Оку не здѣсь, а у насъ, подѣ Калугою, тогда-бы былъ совсѣмъ другой разговоръ, а теперь намъ такимъ дѣломъ орудовать совсѣмъ не расчесть; такая овчинка не стоитъ выдѣлки, а алексинцамъ прямая выгода; пригнать лѣсъ отъ насъ водою для нихъ стоитъ пустяковъ, а тамъ по раздѣлкѣ и обработкѣ его направляютъ прямо на югъ, въ степи.

Много доводовъ приводилъ мнѣ онъ, доказывая полную невозможность развитія лѣсной промышленности въ Калугѣ при такомъ направленіи дороги. Его доводы я нашелъ основательными, и мнѣ стало жаль Калугу.

На одной изъ слѣдующихъ станцій бросился мнѣ въ глаза большой товарный поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, и, видимо, ожидавшій нашего поѣзда, чтобы слѣдовать по тому же направленію; большая часть вагоновъ была гружена хлѣбомъ. Такъ вотъ чѣмъ, подумалъ я, процвѣтаетъ Калуга, предполагая, что этотъ грузъ идетъ именно туда.

— На Мятлево!—лаконически пояснилъ мнѣ сосѣдъ, указывая жестомъ на груженные вагоны.

— На Мятлево... а что такое Мятлево?

— Какъ? вы не знаете Мятлева?—удивился землякъ:—да это цѣлый городокъ, а въ торговлѣ почище Калуги. Теперь вотъ почестъ всю торговлю оттянуло отъ насъ это самое Мятлево, и ничего съ нимъ не подѣлаешь, потому—силу взяло!

Мое недоумѣніе росло: какое отношеніе Калуги къ какому-то неизвѣстному мнѣ Мятлеву?

— А далеко-ли оно отъ Калуги? я, право, такого города что-то не припомню.

— Какое далеко—совсѣмъ близко; отъ насъ къ Вязьмѣ третья станція. Допрежъ тамъ просто степь была, а вотъ какъ провели отъ Рязска эту самую дорогу, такъ въ этой степи, словно грибъ изъ земли, и Мятлево выросло.

Я изобразилъ изъ себя вопросительный знакъ.

— Опять-таки тутъ все вотъ отъ этой дороги произошло; намъ отъ нея ни вѣсть чего сулили, а вышло все наоборотъ; а пройди она, опять-таки скажу, по другому направленію, примѣрно, на Мединъ, какъ тогда хлопотали, не бывать-бы этому Мятлеву и

Калугѣ послужило бы это на пользу, а теперь... хотъ закрывай лавочку.

Изъ дальнѣйшихъ словъ его я понялъ, что Ряжско-Вяземская дорога пересѣкла варшавское шоссе въ 15 верстахъ отъ Медыни, и на этомъ-то узловомъ пунктѣ быстро возникло бойкое, торговое мѣстечко Мятлево и, благодаря своему выгодному положенію, столь-же быстро сдѣлалось крупнымъ торговымъ центромъ для нѣсколькихъ уѣздовъ Калужской губерніи, и торговля Калуги перешла на Мятлево.

— Отчего-же вы не хлопотали о проведеніи дороги въ томъ направленіи, которое было выгоднымъ для города?

— Да все испробовали... «видно съ Богомъ не спорься, а съ инженеромъ не борись»!

Вотъ каковъ онъ, рычагъ-то современной цивилизаціи!..

А я-то думалъ—Калуга процвѣла» (№ 61).

И среди всѣхъ этихъ разочарованій и надеждъ, жалобъ и упований строительная работа продолжаетъ свое дѣло; и съѣзды рельсовыхъ путей все тѣснѣе охватываютъ внутреннюю Россію, все дальше проникаютъ ея вѣтви въ глубину нашихъ сѣверныхъ окраинъ. И всюду, гдѣ бы ни происходила эта лихорадочная, спѣшная работа, она сразу видоизмѣняетъ самый характеръ мѣстности. Вотъ какъ рассказываетъ, напримѣръ, въ «Вятскомъ Краѣ» г. Тарутинъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки въ недавно ставшій извѣстнымъ Котласъ—пристань и конечный пунктъ строящейся Пермь-Котласской желѣзной дороги.

Предварительныя желѣзнодорожныя работы начались здѣсь съ лѣта 1895 года. Съ тѣхъ поръ внѣшній видъ мѣстности много измѣнился. Мирный земледѣльческій уголокъ, ничего не знавшій кромѣ тяжелого, но привычнаго труда, и жившій въ этой сферѣ многія сотни лѣтъ, вдругъ оказался вогненнымъ, въ силу совершенно внѣшнихъ, но неумолимыхъ обстоятельствъ, въ кругъ совершенно иныхъ условій жизни. Роль котласскаго пахаря здѣсь кончена навсегда. Поля и гумна стоятъ разгороженными и незабываемыми. Только посѣвы прошлаго года—рожь—кое гдѣ волнуются подъ тихимъ дуновеніемъ июльскаго вѣтерка. На дворахъ не видать уже болѣе ни сохъ, ни боронъ, ни навозницъ. Скотъ жалобно кричитъ подъ окнами. Крестьянъ почти не видать. Ихъ замѣнили новые люди. Всюду желѣзнодорожныя рабочіе, болѣею частью пришлые (здѣшній крестьянинъ плохой желѣзнодорожникъ), пиджаки подрядчиковъ и прикащиковъ; кое-гдѣ прогуливаются какія-то невѣдшія дамы, проходятъ инженеры. На запустѣлыхъ поляхъ появились желѣзнодорожныя постройки: бараки для рабочихъ, домъ для служащихъ, амбары для склада матеріаловъ. Параллельно берегу, отъ дер. Петрухинской, тянется желѣзнодорожная насыпь и рядъ телеграфныхъ столбовъ; далѣе, близъ лѣсной опушки, прорыта канава для отвода воды, кое гдѣ высются шта-

беля тесу и бревенъ. Подъ берегомъ выложены внушительныхъ размѣровъ груды рельсовъ. Тутъ-же, подлѣ берега, стоитъ нѣсколько баржъ съ железнодорожнымъ грузомъ, торговое судно, оставленное мѣстнымъ купцомъ, и десятка два мелкихъ судовъ и лодокъ.

Спусти недѣлю послѣ моей поѣздки на Котласъ, мнѣ снова пришлось быть на Двинѣ, на лѣвомъ ея берегу. По рѣкѣ, выше Котласа, медленно пробирался, лавируя среди мелей, буксирный пароходъ съ двумя баржами. На одной изъ нихъ высоко надъ палубой поднимался небывалый еще здѣсь грузъ—два паровоза. Ихъ черныя трубы побѣдно высились надъ водной поверхностью и, казалось, несли съ собой краю новую жизнь...

Послѣ нѣкоторыхъ соображеній объ экономическомъ значеніи строящейся дороги, авторъ говоритъ:

«Котласъ уже начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе капиталистовъ, ближайшія къ нему земли начинаютъ раскупаться и заарендовываться. Поговариваютъ также о постройкѣ новыхъ заводовъ въ предѣлахъ Сольвычегодскаго и Велико-Устюжскаго уѣздовъ. Несомнѣнно, Котласу предстоитъ большое и близкое будущее. Устюгъ, совершенно обойденный дорогой, уступитъ свое первенство въ край Котласу. Крупныя торговныя фирмы Устюга и Архангельска откроютъ, конечно, здѣсь свои конторы тотчасъ по проведеніи дороги, а обширный Зырянскій край будетъ здѣшнимъ крупнымъ покупателемъ хлѣбныхъ и колоніальныхъ товаровъ. Съ проведеніемъ Пермь-Котласской желѣзной дороги, сѣверный крестьянинъ перестанетъ нуждаться въ хлѣбѣ. По крайней мѣрѣ, цѣны въ 1 р.—1 р. 50 к. за пудъ скоро перейдутъ въ область преданія».

Едва-ли кто будетъ отрицать, что желѣзныя дороги, какъ и воѣ пути сообщенія, являются не только облегченіемъ въ уже установившихся торговыхъ сношеніяхъ, но и самостоятельнымъ стимуломъ, побужденіемъ въ производствѣ. Затрудненія въ перевозкѣ подавляютъ извѣстную долю мѣстнаго производства, именно ту долю его, которая могла бы доставлять свои продукты на рынки, болѣе отдаленные, но лишеныя къ тому возможности, благодаря естественной изолированности и бездорожью. Проведеніе искусственнаго пути развязываетъ руки въ обоихъ пунктахъ, имѣя соединяемыхъ. Такимъ образомъ, дѣйствіе перевозки не ограничивается перемѣщеніемъ безъ того уже имѣющагося количества продуктовъ съ одного мѣста на другое; вліяніе ея гораздо болѣе значительно: она увеличиваетъ самыя количества продуктовъ, которыми могутъ обмѣниваться между собою цѣлыя мѣстности.

Однако здѣсь-то и является опасность особаго рода. Соедините какое-нибудь захолустье съ крупнымъ промышленно-торговымъ центромъ; обмѣнъ, правда, оживится, да только въ чью пользу, это еще вопросъ. Этотъ обмѣнъ подмететъ на мѣстахъ производства всѣ плоды его, всѣ запасы, хлѣбъ, холстъ, всякій товаръ, но

оставить-ли онъ населенію что-либо, кромѣ бѣдности и пустыхъ закромовъ? Нашъ великій сатирикъ какъ нельзя болѣе ярко охарактеризовалъ эту опустошительную роль крупныхъ торговыхъ центровъ, могущественныхъ своимъ капиталомъ и широкимъ захватомъ мирового оборота, по отношенію къ слабымъ и разбросаннымъ хозяйственнымъ единицамъ. Съ горечью вспоминаетъ въ одномъ изъ его произведеній пошехонецъ времена былаго изобилія, когда въ Пошехонѣ всѣ сами пользовались плодами своего хозяйства. «А коньче, говоритъ онъ, ежели есть у кого ячико, такъ онъ на него только поглядить, да скорѣе на «элеваторъ» несеть, а оттуда ужъ оно само собой на машину идетъ. Свиенула машина—и поминай какъ звали! Ячико твое нѣмецъ съѣстъ, а ты за него денежки получи, да другое ячико неси! Смотришь, анъ рубль-то въ цѣнѣ и поправился!» (Пошехонскіе рассказы, т. IX, стр. 452).

Конечно, порядокъ вещей, при которомъ ячико съѣдаетъ тотъ, въ чьемъ хозяйствѣ оно на свѣтъ явилось, предпочтительнѣе того, когда оно попадаетъ на столъ къ нѣмцу. Но, такъ или иначе, этотъ порядокъ у насъ уже давно миновалъ, миновали и времена былаго изобилія, а необходимость такъ или иначе получить денежки фатально принудить крестьянина нести ячико, если не на «элеваторъ», такъ мѣстному Колупаеву. А съѣстъ-ли его Колупаевъ или далекій нѣмецъ разница не велика, и даже иной разъ предпочтеніе придется отдать нѣмцу: по крайней мѣрѣ, наличными деньгами заплатить, а не гнилой мукой да еще цѣною въ тридорога и притомъ съ обязательствомъ отработать потомъ десятину ярового. А необходимость достать денегъ окружаетъ крестьянина со всѣхъ сторонъ, въ какой бы отдаленный и захолустный уголъ онъ ни забился: требуетъ ихъ съ него и государство въ видѣ податей, и землевладѣлецъ въ видѣ арендной платы, и кредиторы въ видѣ процента. Понесетъ онъ свой хлѣбъ, свой холстъ, свои надѣлы на мѣстный рынокъ, чтобы встрѣтить тамъ своего же брата мужака, пришедшаго съ тѣмъ же товаромъ. И вотъ имъ обоимъ не остается ничего иного, какъ за безцѣнокъ снести свои товары на дворъ къ мѣстному скупщику. Тотъ же скупщикъ, мѣстный богатѣй, снабдитъ ихъ деньгами, если онѣ имъ понадобятся до зарѣзу, за то ужъ по такимъ процентамъ, какіе ему взять заблаго рассудится. Такъ растутъ мелкіе капиталы въ деревенской глуши. Однако вредъ, наносимый населенію хищнической эксплуатаціей этихъ капиталовъ, отнюдь не малокъ и не ничтоженъ: эта форма эксплуатаціи охватила почти всѣ отрасли народнаго труда, не только не содѣйствуя ихъ дальнѣйшему развитію, но угнетая и извращая ихъ въ самомъ корнѣ. При безпрепятственномъ ходѣ этой эксплуатаціи, при отсутствіи конкуренціи съ чьей-бы то ни было стороны, крестьянскія хозяйства запутываются въ сѣтяхъ чудовищныхъ долговыхъ обязательствъ, доводящихъ ихъ до полного разоренія и обнищанія. Пусть эти капиталы мелки и ничтожны по сравненію съ

централизируются, но они растут и въ своемъ стремленіи роста обнаруживаютъ несравненно большую жадность и неумѣренность, чѣмъ прочіе крупные промышленные капиталы. И въ томъ, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и расширеніемъ торговыхъ и денежныхъ сношеній этой жадности будетъ положенъ извѣстный предѣлъ, еще нѣтъ бѣды для населенія.

Всѣ эти соображенія не опровергаютъ, однако, зла, заключающагося въ упомянутой выше роли централизованной торговой власти, подавляющей и высасывающей мѣстные силы. Но, вѣдь, именно тѣ самыя условія, которыя устраняются при болѣе широкомъ развитіи путей сообщенія: разсѣяніе людей и ихъ производительныхъ силъ, и создаютъ у насъ возможность этой торговой централизаціи, когда, по мѣткому выраженію Дюринга, «на периферіи находятся хозяйственно-слабые элементы, неспособные къ комбинированію своихъ разбросанныхъ силъ; съ другой стороны, образуются слишкомъ могущественныя центральныя пункты, жизнь которыхъ основана на поглощающемъ и подавляющемъ господствѣ надъ изолированными хозяйственными группами». О подобныхъ же ненормальныхъ условіяхъ торгово-промышленнаго строя говорить «Южный Край» въ примѣненіи къ нѣкоторымъ городамъ нашего юга.

«Ростъ городовъ и блескъ ихъ не всегда служатъ признакомъ правильнаго прогресса. Бываютъ города-центры производительнаго труда и просвѣщенія и бываютъ города-хищники, которые, помѣстившись на торговыхъ артеріяхъ, на выходахъ въ море, нещадно эксплуатируютъ текущіе по артеріямъ народныя соки. На легкомъ посредническомъ трудѣ кучка торгашей, захватившихъ выгодныя географическія пункты, наживаетъ громадные капиталы. Экономическій успѣхъ этихъ городовъ—продуктъ не энергіи и интеллигентности городского населенія, а исключительно счастливыхъ вѣдѣний, географическихъ условій».

Но въ чемъ же причина слабости мѣстныхъ хозяйственныхъ мѣстечекъ, какъ не въ ихъ непомерномъ разсѣянніи, изолированности, которымъ противопоставляется непомерная скученность людей и капиталовъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Эту слабость можно устранить только путемъ объединенія мелкихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ въ болѣе обширныя хозяйственныя области, экономическая жизнь которыхъ становилась бы все болѣе и болѣе самодовлѣющей и богатою разнообразнымъ содержаніемъ. Высшее экономическое развитіе опирается всегда на совокупную и разностороннюю дѣятельность многихъ хозяйственныхъ единицъ, центровъ, мѣстностей, связанныхъ раздѣленіемъ труда и обмѣномъ. Расстояніе и перевозка суть главныя причины, затрудняющія совокупное дѣйствіе такихъ производительныхъ силъ или способствующихъ ему. Сближеніе ихъ и легкость сообщенія составляютъ условіе, отъ котораго зависитъ всякое общественное единеніе, и которое поэтому

должно считаться основой всякаго хозяйственнаго развитія, а не второстепеннымъ вспомогательнымъ средствомъ. Не можетъ быть значительнаго производства безъ могущественныхъ средствъ для перевозки продуктовъ съ мѣста на мѣсто, не можетъ быть высшаго хозяйственнаго развитія безъ уничтоженія большихъ разстояній между главными пунктами спроса и предложенія. Все это достигается не иначе, какъ широкимъ развитіемъ удобныхъ путей сообщенія. Если при извѣстныхъ общихъ условіяхъ по этимъ путямъ можетъ приходить зло, то вина въ томъ лежитъ все же не въ нихъ, не въ такомъ безспорномъ культурномъ благѣ, какъ усовершенствованный, дешевый и скорый способъ передвиженія, а въ этихъ общихъ условіяхъ. И самое исцѣленіе отъ этого зла въ числѣ прочихъ элементовъ требуетъ опять же удобства сообщенія, безъ котораго общественная жизнь, какъ потокъ, разбитый по мелкимъ ручейкамъ, медлеть въ узкихъ сферахъ мѣстныхъ злобъ и интересовъ. Каждый шагъ въ развитіи общественной жизни, въ созданіи высшихъ формъ общественности достигается объединеніемъ силъ, возможно болѣе широкимъ и разнообразнымъ сплетеніемъ интересовъ. Изолированность и отчужденіе ничего не даютъ, кромѣ китайской неподвижности или, что хуже, грозящаго безнадежнаго разложенія. Но поставьте путемъ облегченныхъ сношеній эти изолированныя области лицомъ къ лицу съ центрами болѣе культурными, живущими болѣе полной, энергичной, сознательной и творческой, въ смыслѣ созданія формъ будущаго, жизнью, и, по закону социальной статистики, уровень общественнаго развитія въ нихъ поднимется настолько, насколько то позволяютъ внѣшнія условія. Всѣ эти нѣсколько элементарныя истины мы говоримъ единственно по адресу тѣхъ мѣстныхъ патриотовъ, которые ждутъ отъ проведенія желѣзной дороги только разоренія своему краю и готовы были бы всячески отъ него отчураться. Такіе голоса рѣдки, но они есть и съ ними приходится считаться.

А свобода передвиженія, развѣ это не одно изъ важѣйшихъ благъ человѣческихъ? Свободно располагать собою, обросить цѣпи, приковывающія къ извѣстному опредѣленному мѣсту, принижающія духъ, подавляющія волю, имѣть возможность искать себѣ трудъ, счастье по всему широкому, бѣлому свѣту; насколько самое сознаніе одной этой возможности поднимаетъ энергію жизни, будитъ ее, сбрасываетъ съ нея лѣнь и сонную неподвижность. Намъ вспоминается одно прекрасное мѣсто въ очеркахъ Гл. Успенскаго «Разореніе» и мы не можемъ удержаться отъ искушенія привести хотя бы заключеніе этихъ страницъ. Авторъ описываетъ пріѣздъ перваго поѣзда въ глухой провинціальный городишко, разговоры, идущіе въ толпѣ въ ожиданіи его, радостное впечатлѣніе при его появленіи. Но вотъ поѣздъ захватилъ первыхъ пассажировъ, раздались свистки, поѣздъ двинулся обратно.

«Онъ выглянулъ черной массой у новаго чугунаго моста, про-

гремѣлъ надъ водою, окуталь дымомъ старинную зарѣченскую колокольню, на которой жиденькіе колокола возвыщали третій звонъ, и скрылся.

Толпа долго стояла и смотрѣла вслѣдъ. Многіе почему-то вздохнули и пошли по домамъ.

На бульварѣ играла музыка, и происходило обычное провинціальное гулянье. Между темнѣвшими въ вечернемъ сумракѣ сучьями деревь, въ особенности же около небольшого кафе, въ русскомъ вкусѣ, видѣлись разноцвѣтные фонари, освѣщая то жемскую шляпку, то столъ съ чайнымъ приборомъ и проч. Липовая аллея, тянувшаяся по низменному берегу рѣки, около старинной кремлевской стѣны, была наполнена народомъ, медленно двигавшимся и весьма скучавшимъ. Когда замолкла музыка, то въ саду наставала почти мертвая тишина; слышался только шумъ ногъ и шлейфовъ по песку, стукъ чайной ложечки о край стакана и возгласъ: «человѣкъ!» Скука, составляющая обычное явленіе провинціального гулянья, такъ какъ обществу должно же надоесть исключительное занятіе однимъ гуляньемъ,—эта скука въ нынѣшній день перваго побѣда была какъ-то упорнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго. И можно сказать положительно, что «первый побѣдъ» игралъ въ этой всеобщей задумчивости не послѣднюю роль. То «что-то новое», сопряженное съ нимъ, та новая власть, какъ бы понукающая заснувшій народъ впередъ, которая скрыта въ этомъ событіи, и другіе элементы его, неуловимые, но вломившіеся въ нашъ умъ и тронутые имъ съ нѣкой силою,—все это какъ-то отягчало душу не одного изъ тосковавшихъ на бульварѣ, помимо тѣхъ, разумеется, которые были озабочены переменою начальства, распекаемъ, даннымъ губернаторомъ и проч. и проч. Не одинъ семинаристъ, изъ числа тѣхъ, которые выступаютъ на гульбище позднимъ вечеромъ и скитаются по заднимъ аллеямъ, боясь испугать своимъ халатомъ публику, не одинъ изъ нихъ чертилъ въ эту минуту планы будущей жизни въ Петербургѣ, куда теперь такъ легко попасть, и въ ожиданіи котораго не легко живется. Не одинъ подгулявшій мастеровой, раздумавшись на лавочкѣ около рѣки о своей судьбѣ, подумалъ о томъ, что «была не была—удару отседа! Пропдай!» Не одна Надя и Софья Васильевна завидовали участи улетѣвшихъ изъ этого мертваго царства».

Правда, можетъ быть, этотъ семинаристъ, попавъ въ шумную и равнодушную къ нанятымъ юношескимъ мечтаніямъ столицу окончить жизнь свою гдѣ-нибудь въ углу или въ городской больницѣ, надомленный злою чахоткой, и мастеровой, дѣйствительно, пропадетъ, и не одна Надя и Соня, понадевавшись на лучшую жизнь и самостоятельный трудъ, дойдутъ до послѣднихъ ступеней несчастія и позора. Но наряду съ тѣмъ будутъ и такіе, кто вернутся, принося съ собою нѣсколько болѣе свѣтлыхъ понятій о жизни, о

семейныхъ правахъ, о человѣческомъ достоинствѣ. Эти понятія сами собою хлынули въ окно, открытое въ темное царство захолустной пошлости и самоудурства.

Очевидно, что именно такое ощущеніе освобожденности отъ подневольнаго плѣна испытываютъ теперь съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути обыватели этой долго остававшейся заброшенной окраины. Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ «Новаго Времени» замѣчаемое тамъ оживленіе.

«Какая рѣзкая переменѣна произошла за эти два-три года! Смотришь и глазамъ не вѣришь. Эти Омски, Томски, Красноярски, Каннски, которые еще такъ недавно наводили страхъ при одной мысли о необходимости трястись долгія недѣли на тройкахъ, чтобы добраться туда, рискуя сломать шею, быть ограбленнымъ и даже убитымъ, всѣ они теперь вовсе не страшны:—семь сутокъ спокойной ѣзды въ хорошемъ вагонѣ, и вы въ Красноярскѣ, на берегу могучаго Енисея. Отъ Красноярска, переправившись на паромѣ-самолетѣ чрезъ Енисей, поѣзда ходятъ еще на протяженіи 350 верстъ къ востоку. Такимъ образомъ, если считать Сибирь съ Челябинска, то дорога успѣла уже углубиться внутрь почти на 2,400 верстъ. Прѣзжая громадные мосты черезъ рѣки: Тоболъ, Ишимъ, Иртышъ, Обь, Томъ, Кіу, Чулымъ, Канъ, извиваясь въ ущельяхъ подъ Ачинскомъ, Красноярскомъ, Каннскомъ, положительно не вѣришь, что все это сдѣлано въ такой ничтожный промежутокъ времени. Привѣтливо глядятъ простенькія, но красныя станціи, кое-гдѣ попадаются деревушки новоселовъ, громадныя села коренныхъ сибиряковъ. Вотъ Новониколаевскій поселокъ на правомъ берегу Оби, обратившійся въ теченіе трехъ лѣтъ въ городокъ съ 6 тис. жителей, магазинами, школой, огромнымъ каменнымъ храмомъ. Послѣ безпредѣльнаго простора Барабинской степи поѣздъ, пронесаясь надъ Обью и Томью, влетаетъ на нѣсколько часовъ въ безпросвѣтную лѣсную глушь—тайгу, гдѣ расположена станція «Тайга», отъ которой отдѣляется вѣтвь на сѣверъ — въ Томскъ (длиною 90 верстъ). На этой станціи бездна пассажировъ: кто изъ Европейской Россіи спѣшитъ въ Томскъ, а кто изъ Томска въ Москву, Красноярскъ; уже теперь потребовалось расширить станцію пристройкой особой большой залы для пассажировъ III класса. Пассажировъ въ поѣздахъ много. Очень часто попадаются въ глаза желтые поперечные погоны вновь назначенныхъ чиновъ министерства юстиціи, торопящихся на мѣста для открытія дѣйствія новыхъ судовъ. Въ Челябинскѣ, Омскѣ, Оби и другихъ мѣстахъ замѣтны приготовленія для встрѣчи переселенцевъ, движеніе которыхъ въ Сибирь—съ перелетомъ птичекъ—уже началось. Томскъ сильно обстраивается, появились десятки новыхъ каменныхъ домовъ, новыя гостиницы, электрическое освѣщеніе, телефоны...»

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, какъ должны себя чувствовать господа инженеры. Они—предметъ заискивающаго вниманія, въ ихъ рукахъ власть открыть городу или мѣстечку будущность или обречь ихъ на медленное умирание; хотѣть они дать обывателямъ мостъ или удобно расположенный вокзалъ—дадутъ, не хотѣть—не дадутъ. Ихъ всюду встрѣчаютъ съ помпой, чуть не на рукахъ носить, вездѣ они желанные гости. Они—кумиръ провинціальныхъ дамъ, робкая мечта провинціальныхъ дѣвицъ. Какъ послѣ всего этого не закружится у человѣка голова?

Помимо всякихъ шутокъ, инженеры занимаютъ теперь въ провинціи то же положеніе, какое послѣ судебной реформы заняли на нѣкоторое время первые прокуроры и адвокаты. Теперь обаяніе господъ судейскихъ исчезло, послѣдующія «новеллы» оказали не только на уставы, но и на нихъ свое обезличивающее дѣйствіе. Въ значительно полинявшемъ видѣ возродилось теперь это обаяніе въ Сибири, но и тамъ, гдѣ же ему устоять противъ того, которымъ окружены строители великаго пути. Они прядутъ, увидеть, побѣдить. А что у нѣкоторыхъ изъ этихъ побѣдителей, дѣйствительно, голова закружилась, на то есть свидѣтельства. Корреспондентъ «Саратовскаго Дневника» сообщаетъ слѣдующій фактъ, на первый взглядъ какъ-то даже мало вѣроятный. Но никакого опроверженія до сихъ поръ не воспослѣдовало и, надо вѣрить, что это не фантазія какого-нибудь захоластнаго завистника.

«Недавно нашъ уголокъ (Вязовка, Аткарскаго уѣзда) посетилъ инженеръ путей сообщенія, который наблюдалъ за поправкой желѣзнодорожнаго моста, поломаннаго во время разлитія рѣки Вязовки. Не смотря на то, что онъ пробылъ въ селѣ какихъ-нибудь 5—6 дней, онъ за свою щедрость по отношенію къ молодежи приобрѣлъ всеобщее расположеніе. Каждый вечеръ къ его квартирѣ, которую онъ занималъ, стекалась масса парней и дѣвокъ. На это сборище выходилъ инженеръ въ бѣломъ кителѣ и садился въ кресло, поставленное для него около воротъ. Затѣмъ начиналась церемонія. Три молодыя дѣвушки подходили къ нему и, снявши обувь, водой омывали ноги, а потомъ опять обували. За это они удостоивались со стороны его вознагражденія. Кромѣ того, всей собравшейся толпѣ онъ бросалъ деньги; страшный крикъ и драка служили предметомъ его интереса». (Сар. Дн. № 124).

Сорить деньгами въ толпу считается, повидимому, непрѣмной обязанностью инженеровъ, благодаря чему, ихъ путь обращается въ своего рода триумфальное шествіе. Вотъ, напримѣръ, другой эпизодъ изъ поѣздки по вновь отстроенной дорогѣ, описанный фельетономъ «Самарской Газеты» (№ 163). Поѣздъ подходитъ къ станціи, «господа инженеры» сходятъ съ платформы, толпа окружаетъ ихъ. А затѣмъ все идетъ, какъ въ такихъ случаяхъ, очевидно, полагается.

«Изъ толпы выдѣлились рабочіе и, подхвативъ одного изъ стро-

ившихъ дорогу инженеровъ, начали его качать съ крикомъ «ура»!

Онъ щедро за это расплатился.

Поощренные подачкой, крестьяне начали поочередно качать всѣхъ, кто прїѣхалъ съ поѣздомъ.

Какой-то юркій мужикъ явился предводителемъ: онъ покрикивалъ на толпу и распоряжался «качаньемъ».

Наконецъ, всѣхъ перекачали, и предводитель, махая собранными кредитками, крикнулъ:

— Ну, ребята, теперь дерните опчее «ура» и айда за мной! Толпа рывкнула и разошлась.

На сцену выступили бабы и, выжидаячи, посматривали на «инженеровъ».

Дано было и бабамъ на «орѣхи».

Когда поѣздъ отходилъ, толпа провожала его».

А на слѣдующей станціи, можетъ быть, то же самое. Мы вполне понимаемъ то ощущение гордости и удовольствія, которое должны испытывать люди послѣ удачно исполненнаго большого дѣла, но какъ оно можетъ находить удовлетвореніе въ проявленіяхъ лести и рабской угодливости, для насъ не совсѣмъ понятно. Да и не надо быть особенно проницательнымъ человѣкомъ, чтобы понять сомнительный характеръ почета, покупаемаго такими средствами: народъ умѣетъ уважать трудовыя деньги, но не «бѣшенныя».

Не всегда, впрочемъ, на долю «господъ инженеровъ» выпадаетъ подобный почетъ. Тотъ же фельетонистъ, описывая дальѣйшее триумфальное слѣдованіе перваго поѣзда, не безъ юмора описываетъ и проявленія обиднаго непониманія и неблагодарности со стороны окружающей среды.

«Когда паровозъ сталъ подходить къ деревнѣ Уметъ, то единственно, что можно было замѣтить—это страхъ всѣхъ встрѣчныхъ.

Первыми жертвами страха одѣлались лошади.

Какъ только паровозъ поравнялся съ ними и свистнулъ, лошади со всѣхъ ногъ бросились въ сторону; съ людьми было то-же.

Передъ самымъ Уметомъ поѣздъ, круто завернувшись, внезапно выскочилъ въ ложину, гдѣ нѣсколько десятковъ бабъ и мужиковъ работали на пашнѣ.

Паровозъ свистнулъ, и всѣ они, побросавъ все, кинулись прочь. Машинистъ въ догонку имъ началъ давать частыя свистки, и они, бѣдные, махая руками, еще сильнѣе бѣжали. Забытый ими въ страхѣ мальчишка припалъ къ землѣ и «оралъ» благимъ матомъ.

Вотъ поѣздъ идетъ около огорода, гдѣ пахалъ какой-то парень.

Парень моментально перепрыгнулъ за плетень, и оттуда видѣлась только драная шапка.

А лошадь съ сохой уже покрылась потомъ и бѣшено металась по огороду, боровдя его.

Послѣ прохода поѣзда парень выскочилъ изъ-за плетня, погрозилъ волѣдъ чугунокъ кулакомъ и началъ ловить лошадь.

Въ другомъ огородѣ, почти около самаго полотна, работали двѣ старухи; онѣ выпрямились и, истоиво перекрестясь, пилили волѣдъ намъ.

Очевидно, обитатели Умета не видали чугунокъ. Можетъ быть, они даже считаютъ ее «проклятой».

Они настроены противъ нея. Она перерѣзала деревню, многихъ согнала съ «дѣдовскихъ мѣстовъ». Ни цѣль, ни значеніе ея еще имъ неизвѣстны».

Но, впрочемъ, чего же и требовать отъ невѣстивенной толпы? Другое дѣло—люди интеллигентные: съ ихъ стороны недостатковъ почтительности къ современнымъ триумфаторамъ недопустимъ. Какъ опасно бываетъ навлечь на себя гнѣвъ господъ инженеровъ, показывается случай, происшедшій въ г. Арзамасѣ. Господа инженеры разошлись съ городскимъ головою. По сообщенію «Нижегородскаго Листка», дѣло было такъ: «Городскому головѣ нужно было отдать инженерамъ визитъ. Онъ къ нимъ и отправился, но не засталъ ихъ дома. Чтобы не путешествовать лишній разъ, онъ сказалъ прислугѣ, что явится въ 6 часовъ вечера и велѣлъ попросить инженеровъ, чтобы они подождали. Корридорный передалъ, инженеры стали ждать, а городскому головѣ какъ-разъ въ 6 часовъ явилась экстренная неотложная надобность ѣхать на заводъ, и инженеры прождали его напрасно. Обидѣлись инженеры, да такъ, что виновникъ никакъ не могъ загладить своей вины. Онъ и съ визитомъ ѣздилъ, и раутъ для нихъ съ обильнымъ угощеніемъ устроилъ—ничто не помогало. На раутѣ были инженеры не всѣ, да и то очень недолго пробыли, наконецъ, въ пику городскому головѣ за его «неуважительность», *постройку вокзала намѣтили не около города, а въ трехъ верстахъ отъ него*. Арзамасцы просили инженеровъ смѣнить гнѣвъ на милость и намѣтить вокзалъ поближе къ городу, но тѣ за производство новыхъ изысканій запросили чисто инженерный кушъ—по 1000 рублей въ день».

Не даромъ же сложилась приведенная выше пословица: «съ Богомъ не борись, съ инженеромъ не спорься!»

Есть, однако, же люди, которыхъ въ свою очередь не прочь задобрить и сами гг. инженеры. Эти люди—корреспонденты газетъ. Ужъ на что «Московский Листокъ» газета не изъ авторитетныхъ или, если и пользуется авторитетомъ, такъ болѣе всего въ мірѣ дворниковъ, грамотныхъ кухарокъ да тратирщиковъ, но и ея корреспондентъ, командированный якобы для осмотра линій вологодско-архангельской жел. дороги, удостоился такой чести, которой, надумать, не ожидалъ. Радостной телеграммой сообщаетъ онъ въ свою газету, что «ѣдетъ онъ на дрезинѣ, и желѣзнодорожная администрація оказываетъ ему всевозможныя услуги», что онъ уже добрался до «зеленаго болота» около мѣстечка Эмскъ—ужасное болото: какъ

его ни заваливают, завалить не могут. Но восторженно настроенный корреспондентъ «Листка» не унываетъ и заверяетъ читателей, что это все пустяки, къ осени все будетъ завалено. Позднѣе проѣхалъ на линію сотрудникъ «Новаго Времени», тотъ удостоился еще большей чести. Его ужъ прямо отправили въ роскошномъ купе, съ экстреннымъ поѣздомъ.

Да и какъ не отправить? Нельзя сказать, чтобы въ печать проникали одни лестныя извѣстія о порядкахъ на строящихся дорогахъ. О крайней неудовлетворительности постройки писали и въ «Новомъ Времени», и въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ». Последняя газета сообщаетъ слѣдующее о ходѣ работъ на вологодско-архангельской линіи.

«Суммы по постройкѣ дороги расходовались такъ небрежно, что, напримѣръ, за кирпичъ, цѣна которому здѣсь 12 р. тысяча, железнодорожники платили по 18 р. и принимали его безъ всякой проверки,—худой и хорошій—все принимали...

На постройку моста черезъ рѣку Сухону, по которому поѣздъ идетъ со скоростью 4-хъ верстъ въ часъ, израсходовано около миліона рублей, однако, мостъ дѣлаетъ такую осадку, что теперь уже рѣшено въ этомъ же году (т. е. въ 1897 году) его капитально «ремонтировать», для чего и разрѣшено израсходовать на поправку моста еще 240 тысячъ рублей.

Линія на всемъ своемъ протяженіи, какъ нарочно, прошла по самымъ пустыннымъ и мало заселеннымъ мѣстамъ. Уѣздные города воѣ оставлены въ сторонѣ. Напримѣръ, Кадниковъ находится только въ 10-ти верстахъ. Какъ ни просили кадниковцы, чтобы дорога прошла черезъ ихъ городъ, ходатайство ихъ отклонили. Между тѣмъ дорога, въ 10-ти верстахъ отъ Кадникова, прошла по топкому болоту, которое съ трудомъ завалили, и, къ несчастію, завалили довольно непрочо. По отзывамъ старожиловъ, тутъ было когда-то озеро, а теперь превратилось въ «зыбунъ» (топкое болото). Насыпь на этомъ мѣстѣ укрѣплена посредствомъ бревенъ и свай. При устройствѣ ея во многихъ мѣстахъ сваи и бревна уходили въ болотную топь, какъ иглы въ подушку. Судя по послѣднему обстоятельству, можно допустить, что въ одинъ прекрасный день все сооруженіе гг. инженеровъ погрузится въ бездну омутъ». Въ другомъ сообщеніи той же газеты (№ 218) говорится слѣдующее.

«Весьма интересно взглянуть на нѣкоторые расходы по постройкѣ. Напримѣръ, рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги устроена дорога для проѣзда на лошадяхъ, или, какъ ее называютъ, «временка». Если временка идетъ по твердому грунту, то на постройку ея не требовалось ни одной копейки, а если по болотистому—то дѣлалась слань изъ круглыхъ бревенъ, которые тутъ-же и рубились безъ всякой платы. Между тѣмъ эта «временка» поглотила 180,000 руб., такъ какъ на устройство ея израсходовано, среднимъ числомъ, 300 р. на каждую версту, а на все протяженіе отъ Вологды до

Архригельска 600 верстъ и составитъ вышеозначенная сумма. По мнѣнію специалистовъ этого дѣла, если израсходовать и 50 руб. на версту, то и этого было-бы вполне достаточно».

Но вотъ такъ или иначе линія проведена; ее ждетъ осмотръ со стороны главнаго начальства. Картина этого осмотра очень ярко воспроизведена въ корреспонденціи «Новаго Времени», напоминая намъ, однако, нравы скорѣе добраго «старога времени».

«Четыре раза въ годъ: въ мартѣ, іюнѣ, августѣ и декабрѣ бываетъ обыкновенно большой проѣздъ по работамъ начальства изъ Москвы. Ѣдетъ коммиссія: главный инженеръ или его помощникъ, старшій врачъ, членъ отъ правленія общества желѣзной дороги и правительственный инспекторъ. Ихъ сопровождаютъ мѣстное начальство—инженеры, участковый врачъ и подрядчики-фавориты. День проѣзда извѣстенъ заранее. Недѣли за двѣ до проѣзда начинается усиленная подготовка для встрѣчи. Производится усиленный наемъ рабочихъ, и гдѣ въ обыкновенное время работаютъ 8—10 человекъ, тамъ на время проѣзда коммиссію ставятъ отъ 50 до 100 рабочихъ. Все чистятъ, чинятъ; передъ бараками и кухнями площадки посыпаютъ пескомъ, устраниваютъ декораціи. Всѣ нужныя и не нужныя машины пускаютъ въ ходъ. Въ городѣ закупаютъ провизію, закуски, вина и развозятъ по линіи. Въ лавкахъ и складахъ вывѣшиваютъ баснословно дешевыя таксы для продажи товаровъ рабочимъ. Грязныя кашевары и стряпухи замѣняются щегольски одѣтыми парнями въ ярко вычищенныхъ сапогахъ, въ чистыхъ ситцевыхъ рубашкахъ на выпускъ и новыхъ поясахъ, въ новыхъ коленкоровыхъ фартукахъ и съ бѣлыми поварскими колпаками на головахъ. Въ день проѣзда въ котлы закладывается двойная порція свѣжаго мяса и т. д. Самый проѣздъ и осмотръ работъ происходитъ съ головокружительной быстротой. Ѣдутъ на лошадахъ по 100—150 верстъ въ день. Черезъ каждыя 40—50 верстъ коммиссію ожидаетъ прекрасно накрытый столъ, съ дорогимъ подборомъ винъ и неизбѣжнымъ «клико». Повеселѣвшее начальство Ѣдетъ дальше, остается чрезвычайно довольнымъ и работами, и порядками, и благодарить... всѣ благодарить другъ друга и такъ отъ завтрака до обѣда, отъ обѣда до ужина и до ночлега. Возвращается коммиссія въ Москву зимой снова по линіи, а лѣтомъ на особомъ пароходѣ по Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ до Вологды.

Но вотъ коммиссію проводили, инженеры Ѣдутъ обратно и водворяютъ обычный порядокъ: рабочихъ отпускаютъ, машины оставляютъ. Посуда и экипажи отсылаются владѣльцамъ, у которыхъ были взяты на прокатъ. Чистые фартуки и колпаки уже отобраны вслѣдъ за проѣздомъ начальства...

Но какъ ни готовятъ къ пріѣзду коммиссіи, а все-таки всѣ дыры прикрыть невозможно: то въ наскоро устроенномъ баракѣ провалится крыша; то паровозъ, то вагонъ соскочитъ съ рельсовъ; то смѣльчакъ-кондукторъ окажется подъ колесами прыгающаго по

шпаламъ поѣзда, то пароходъ, поданный для комиссіи, разобьетъ вдребезги только что выстроенную жиденькую пристань-павильонъ и хоронить подъ обломками ожидающихъ начальство низшихъ служащихъ. Кажется, не было еще ни одного поѣзда начальства, чтобы вслѣдъ за отѣздомъ ихъ не было похоронъ».

Насколько теряютъ отъ всѣхъ этихъ порядковъ, или, точнѣе говоря, непорядковъ на вновь строящихся дорогахъ интересы будущихъ пассажировъ и казны, это покажетъ будущее, но есть цѣлый классъ людей, которые не мало терпятъ отъ нихъ уже и теперь. Это—рабочіе, цѣлыя арміи которыхъ собраны на мѣста работъ, большею частью изъ внутренней Россіи. Въ печать проникло нѣсколько извѣстій о положеніи ихъ на постройкахъ желѣзнодорожныхъ путей на окраинахъ. Такъ «Восточное Обозрѣніе» сообщало слѣдующее: объ условіяхъ производства земельныхъ работъ на Иркутскъ—байкальской ж. д. вѣтъ около Иркутскаго моста. «Для жилья рабочихъ подрядчикомъ Кузнецовымъ были выстроены у иркутскаго моста досчатые бараки. Входя въ эти бараки, вы оказываетесь въ затрудненіи рѣшить вопросъ: для кого выстроены такіе сооруженія,—для загона скота, или для рабочихъ съ ихъ семьями и дѣтьми. Крыша на два ската, доходящая до земли, почти всюду просвѣчиваетъ и проливается дождемъ, оконъ нѣтъ ни одного... Положеніе рабочихъ, особенно ихъ семей съ малыми дѣтьми, во время стоявшаго ненастья было въ высшей степени печально и тягостно. Дождь черезъ крышу свободно проникалъ внутрь барака. Люди отъ сырости и холода по ночамъ дрожали. Согрѣться и обсушиться было негдѣ: въ обоихъ баракахъ не было печей. Впрочемъ, въ послѣднее время поставлены были желѣзные печи. Дѣло отъ этого, однако, мало измѣнилось къ лучшему. Бараки, какъ жилищное помѣщеніе, хотя бы и временное, лѣтнее, не выдерживаютъ и слабой критики. Помимо того, что въ нихъ протекаетъ крыша, продуваются вѣтромъ стѣны, небрежно и наскоро сколоченныя изъ досокъ, ни въ самыхъ баракахъ, ни вблизи ихъ, нѣтъ ни печи, ни котла для варки пищи или для полученія горячей воды».

Позднѣе сообщалось, что на бараки подрядчика Кузнецова было обращено вниманіе желѣзнодорожной администраціи и ему предписано было построить новыя болѣе приспособленныя и годныя для жилья, съ печами и окнами. Но развѣ подрядчикъ Кузнецовъ представляетъ собою исключеніе? При подобныхъ условіяхъ жилья, въ непривычномъ климатѣ, порою среди нездоровыхъ болотистыхъ испареній, за тяжелой непрерывной работой, естественно, что люди подвергаются частымъ заболѣваніямъ, хвораютъ отъ лихорадки, цинги, надрываютъ свои силы, умираютъ. Что же это? Неужели и къ вновь строящемуся сибирскому пути будутъ примѣнимы слова Некрасовской пѣсни.

Пряма дороженька. Насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты...

А по божамъ-то все косточки русскія...

Сколько ихъ, Ванитча, знаешь-ли ты?..

Не лучше обстоятъ дѣло на вологодско-архангельской дорогѣ. По недавнему сообщенію корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей» (№ 218), съ самаго начала производства работъ на линіи этой дороги стали происходить недоразумѣнія: сотни рабочихъ осаждали вологодскаго губернатора съ просьбами оказать имъ содѣйствіе. Такъ, нѣсколько сотъ крестьянъ землекоповъ изъ Витебской губерніи жаловались на то, что ихъ наняли служащіе жел. дороги для земляныхъ работъ и обѣщали доставить на самое мѣсто производства работъ; но привезли ихъ въ Вологду и сказали, что поѣздъ желѣзной дороги по новой линіи еще не ходитъ, поэтому до мѣста работъ должно идти пѣшкомъ. Кто не сильно протестовалъ, тѣмъ пришлось идти пѣшкомъ около 60 верстъ, а кто посмѣлѣе, тѣхъ заставили пройти чуть не 200 верстъ. При наймѣ ихъ, было условлено, что рабочій 1-го разряда долженъ выкапывать 1¼ куб. саж. земли, 2-го разряда 1 куб. саж. и т. д., «если только этому не будутъ препятствовать условія грунта». Между тѣмъ, ихъ поставили—однихъ въ болото, гдѣ они бродили по колено въ водѣ, а другихъ—въ ложбину, въ которой земля еще не совсѣмъ и оттаяла (это было въ 1-й половинѣ мая 1895 г.),—понятно, рабочіе не могли выполнить назначенныхъ по условію работъ и заявили, что грунтъ земли очень неудобенъ для выполнения. Но желѣзнодорожники не приняли это во вниманіе и перевели ихъ въ болѣе низшіе разряды — изъ 1-го во 2-й и т. д., со сбавкою цѣны по 3 руб. въ мѣсяцъ съ cadaго человѣка, прибавляя при этомъ, что рабочіе гинутся. Затѣмъ, имъ было обѣщано, что пища будетъ здоровая, каждый день будетъ выдаваться по 0,02 водки, а пить хорошій квасъ, дабы не было заболѣваній отъ болотной воды. Но, по словамъ рабочихъ, мясо было «съ вонючимъ духомъ», каша подавалась почти безъ масла, водка выдавалась не всякому, а квасу даже и не выдали. Разумѣется, такое спартанское питаніе не замедлило вызвать соответственныя болѣзни. Что-же касается медицинской помощи, то она показывалась, какъ метеоръ:

— Что у тебя болитъ?

— Животъ или спина, батюшка,—отвѣчаетъ рабочій.

— А, да, ну, вотъ, — не ѣшь жирнаго, а спину растирай лещучей мазью,—все пройдетъ...

Но, однако, проходило не все...

Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что подобныя «опыты» отученія людей отъ пищи — дѣло не новое. Въ этомъ случаѣ строители волжско-архангельской дороги являются лишь достойными преемниками блаженной памяти Кокорева и прочихъ руководителей по постройкѣ Волжско-Донской дороги еще въ 1859 году, съ тѣми же результатами производившихъ *experimenta in corpore vili* съ тою лишь разницей, что Кокоревъ не жалѣлъ, по крайней мѣрѣ,

экономической порции, специально изобретенной имъ для процвѣтанія здоровья рабочихъ (см. сочиненія Н. А. Добролюбова т. IV, стр. 486 отчего иногда люди мрутъ какъ мухи).

Можно было бы, повидимому, ожидать, что тяжесть спѣшной, усиленной работы вознаграждается, по крайней мѣрѣ, высокимъ заработкомъ. Но и это ожиданіе оказывается напраснымъ. Въ июльской книжкѣ «Новаго Слова» сибирскій корреспондентъ журнала рассказываетъ, какъ не оправдались мечты сибиряковъ о небывалыхъ заработкахъ при постройкѣ дорогъ. Съ каждымъ днемъ прибывающія къ мѣстамъ работъ партіи малороссійскихъ рабочихъ понизили цѣны до того minimum'a, за которымъ уже начинается физическая невозможность работъ. Каково вознагражденіе и каковъ трудъ, оплачиваемый этимъ вознагражденіемъ, лучше всего можно видѣть на примѣрѣ работъ по постройкѣ моста черезъ Енисей. «За шестичасовую снѣгу работы въ подводныхъ кессонахъ каждый рабочій получаетъ по 75 коп. на своихъ харчахъ; при этомъ условія работы настолько тяжелы, что рѣдкій рабочій можетъ проработать ополна шесть часовъ, а за каждый недоработанный часъ изъ 75 копѣекъ дѣлаются вычеты пропорціонально общему количеству времени, котораго не могъ осилить рабочій изъ шестичасовой снѣги. Затѣмъ рѣдкій рабочій можетъ вынести работу въ кессонахъ, работая только по 6 часовъ въ сутки, непрерывно въ теченіе цѣлой недѣли. Большинство заболѣваетъ легочными болѣзнями и на время отбрасывается вонъ; иные рабочіе вовсе гибнутъ отъ разрыва барабанныхъ перепонокъ подъ страшнымъ давленіемъ атмосферы внутри кессоновъ и остаются калѣками на всю жизнь».

Но и это-то ничтожное вознагражденіе попадаетъ въ руки рабочихъ не сразу и не цѣликомъ. Изъ разныхъ мѣстъ со строящихся линій желѣзныхъ дорогъ приходятъ одни и тѣ-же сообщенія о томъ, что деньги для выдачи рабочимъ задерживаются по мѣсяцамъ, что ставить ихъ въ самое тяжелое, чуть не безвыходное положеніе. Причиной является слишкомъ неаккуратная высылка денегъ изъ управленія желѣзной дороги. Объ этомъ писали въ «Степной Край» изъ Кривошекова съ линіи Западной Сибирской дороги, и въ «Каспій» со строящейся Карской дороги. Вездѣ, повидимому, одни порядки. А о томъ, каковы бываютъ послѣдствія этихъ задержекъ, корреспондентъ «Каспія» сообщаетъ слѣдующее: «не получая по нѣскольку мѣсяцевъ заработковъ, рабочіе попадаютъ въ лапы торговцевъ, открывшихъ на мѣстахъ работъ лавочки, въ которыхъ производится и продажа напитковъ. Почти всѣ заработки идутъ на уплату забираемыхъ рабочими въ лавкахъ продуктовъ, причемъ, разумеется, выекаются деньги въ пять и даже десять разъ дороже стоимости продуктовъ. Водка и вино поглощаетъ львиную долю всѣхъ заработковъ. Интересы подрядчиковъ и торговцевъ находятся въ тѣсной зависимости, такъ какъ они другъ другу дѣлаютъ взаимныя одолженія: торговецъ открываетъ широкій кредитъ (въ

особенности для вина и водки) для рабочихъ каждого подрядчика, рассчитывающагося съ рабочими въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, а послѣдній, въ свою очередь, старается при расчетахъ аккуратно выплачивать торговцу за все забранныя рабочими продукты. Сolidарность эта, въ концѣ-концовъ, отзывается на рабочихъ такъ, что послѣдніе заработки его идутъ на переплату торговцу».

Подрядчики сваливаютъ вину на неаккуратность строителей, затягивающихъ техническій осмотръ работъ и уплату денегъ, задерживающихъ высылку плановъ и профилей работъ, когда уже назначены сроки для ихъ окончанія. Строители, въ свою очередь, винятъ подрядчиковъ. «Пашы дерутся, а у хлопцевъ чубы трещать». Дошло до того, что когда 24 іюля министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ проѣзжалъ по линіи средне-сибирской желѣзной дороги, на станціи «Ольгино» къ нему обратилось 70 человекъ рабочихъ (каменщики, пильщики, плотники, кирпичники, поденщики и другіе) и заявили жалобу о неполученіи ими съ осени *прошлаго года* заработанныхъ денегъ («Енисей» № 83). Начальникъ жандармскаго управленія подтвердилъ правильность претензій рабочихъ; много начальства на станціи въ это время не было: ни начальника участка, ни начальника дистанціи, ни казенныхъ десятниковъ. Тотчасъ же была послана телеграмма начальнику работъ въ Томскъ. Черезъ нѣсколько дней прибыло на станцію «Ольгино» все желѣзно-дорожное строительное участковое начальство и счетоводы и принялись день и ночь подводить табеля, расчетныя книжки и квитанціи. Въ это же время прибылъ жандармскій офицеръ и представитель государственнаго контроля. Было выяснено, что рабочихъ, не получившихъ расчета, свыше 150 человекъ, изъ коихъ часть не разсчитаны съ сентября мѣсяца 1896 года, а остальные съ новаго года. Выяснилось также, что нѣкоторые частныя лица осужали деньгами участковое дорожное начальство для выдачи рабочимъ харчевыхъ денегъ, и что, въ свою очередь, рабочіе, нуждаясь въ деньгахъ, продавали квитанціи почти за полъ-цѣны коммерческимъ людямъ, которые, такимъ образомъ, наживали хорошіе %,-ты за свой рискъ. Часть рабочихъ была тутъ же вкорѣ разсчитана, остальнымъ обѣщано уплатить 3-го іюля.

Спрашивается, сколько еще времени должны были бы ждать рабочіе уплаты должныхъ имъ за ихъ кровавый и тяжелый трудъ денегъ, если бы въ это самое время въ Сибиріи не вводилась судебная реформа, и министръ юстиціи не оказался бы такъ кротокъ проѣздомъ на станціи «Ольгино»? И еще вопросъ: съ большей-ли аккуратноостью выдаются рабочимъ слѣдующія имъ по праву деньги тамъ, гдѣ господа инженеры такъ щедро одаряютъ дѣвокъ, обучающихся и переобучающихся ихъ въ торжественной церемоніи, и мужиковъ, воздымающихъ ихъ къ небесамъ въ порывахъ поддѣльнаго восторга?

Однако, не будемъ придирчивы: такіа грандіозныя предпріятія, какъ сооружеііе великаго сибирскаго пути или сѣверной дороги—дѣло новое, необычное. Тутъ возможны ошибки, промахи по неопытности, неприспособленности, по причинѣ спѣшности и объему поставленной задачи. Но лучше-ли обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ оно уже старое, давно знакомое, регулярно напоминающее о себѣ дѣло? Сколько усилій совершается, чтобы сдѣлать Русь «проѣзжей»? Мы строимъ новые пути, поперечными линіями соединяемъ старые, затрачиваемъ на это громадныя суммы. И рядомъ съ тѣмъ, изъ году въ годъ мы все болѣе теряемъ тѣ пути сообщенія, которыми такъ щедро одарила насъ природа, которые до проведенія желѣзныхъ дорогъ были для насъ единственнымъ послѣ гужеваго способомъ передвиженія товаровъ, да и до сихъ поръ играютъ въ этомъ отношеніи крупную незамѣнимую роль. Мы говоримъ о рѣчныхъ путяхъ сообщенія.

Жалобы на неурядицы въ нашемъ судоходствѣ—настолько дѣло обычное, что потеряли, повидимому, способность привлекать къ себѣ вниманіе. Но нынѣшнее лѣто оказалось изъ ряда вонъ. Главная артерія нашего рѣчнаго судоходства, Волга, положительно отказывается служить своему назначенію. Въ самой серединѣ навигаціи, едва открылась Нижегородская ярмарка, Волга обмелѣла до того, что по послѣднимъ извѣстіямъ глубоко сидящіе суда на среднемъ плесѣ между Нижнимъ и Казанью не могутъ проходить совершенно и готовятся стать на зимовку. Это въ августѣ-то мѣсяцѣ! Естественно, что ярмарочное купечество, озабоченное подобной перспективой, собираетъ особую комиссію, приглашая компетентныхъ лицъ для обсужденія вопроса о могущихъ быть принятыми мѣрахъ.

Движеніе между Рыбинскимъ и Тверью въ нынѣшнюю навигацію прекращено вовсе. Временно прекращенъ пропускъ судовъ до исправленія Трохачевского переката (въ 12 верстахъ выше Костромы) въ верхнемъ плесѣ Нижний—Рыбинскъ. Пассажирское движеніе производится съ пересадкой, грузовое прекращено совсѣмъ на вѣсколько дней. Отъ Нижняго до Васильсурска на протяженіи до 150 верстъ—одинъ сплошной перекатъ. Подъ Казанью одинъ изъ перекатовъ, Нижне-Осельскій, обмелѣлъ до $6\frac{1}{2}$, четвертой, т. е. до такой глубины, которая не отвѣчаетъ обычнымъ минимальнымъ условіямъ; судоходство здѣсь, и движеніе отъ Астрахани до Нижняго, производившееся обыкновенно на однихъ и тѣхъ же пароходахъ, теперь требуетъ пересадокъ у Казани для пассажировъ и перегрузокъ для буксирныхъ пароходовъ. Десятки и сотни судовъ стекаются у главныхъ перекатовъ, и крупная волжская брань оглашаетъ водную поверхность и берега «великой русской рѣки».

Но, вѣдь, брань дѣлу не поможетъ, какъ бы она ни была отиѣвна. Въ чемъ же дѣло? Указываютъ, между прочимъ, на стихійную причину—засуху, отсутствіе обычнаго лѣтняго паводка. Но вотъ прошлогоднія условія судоходства считаются относительно

благоприятными, а развѣ и въ прошломъ году не было того же: жалобъ на безпорядки въ судоходствѣ, неурядицъ на перекатахъ, задержки судовъ и грузовъ? Все это повторяется съ неизмѣнной правильностью изъ году въ годъ, нарушая нормальное теченіе торговли и пассажирскаго движенія, нанося громадные убытки. Исчислить потери судовой промышленности и торговли, да и всего гражданскаго оборота, протекающія отъ этого стараго и закоренелаго волжскаго зла, мелководія, кажется, совершенно невозможно. Нѣкоторая попытка въ этомъ направленіи была одѣлана, между прочимъ, въ докладѣ г. Ласокаго на прошлогоднемъ торгово-промышленномъ съѣздѣ. Авторъ доклада опредѣлилъ ежегодные убытки отъ волжскаго мелководія въ нѣсколько миллионовъ рублей. Волжскіе судопромышленники врядъ-ли стали бы возражать противъ этого. А сколько уже миллионѣвъ рублей было затрачено въ послѣдніе 15 лѣтъ на исправленіе и расчистку отъ заносовъ русла одной Волги, не считая другихъ судоходныхъ рѣкъ. И все это совершенно непроизводительно. О размѣрахъ затратъ, идущихъ на одно исправленіе перекатовъ, могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. На выправленіе только четырехъ перекатовъ на среднемъ плесѣ, не считая главныхъ изъ нихъ: Ширмоксанскаго и Телячьяго Брода, было изпрошено въ нынѣшнемъ году ассигнованіе въ 785,000 р., а именно на Реватскій—261,000 р., Безводнинскій—302,000 руб., Ельниковскій—140,000 р. и Васильевскій—82,000 р. («Вирж. Вѣд. № 201»). И тѣмъ не менѣе средствъ, имѣющихся въ распоряженіи казанскаго округа путей сообщенія, оказывается далеко недостаточно для оказанія даже той временной помощи для судоходства, которой служатъ дорого стоящія землечерпательныя машины и землесосы. Управление казанскаго округа, не рассчитывая на особое обмелѣніе Волги, предполагало часть своихъ землечерпательныхъ средствъ удѣлить въ нынѣшнюю навигацію на исправленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дна рѣки Камы, и большая землечерпалка, «Ширмокса», была отправлена въ Пермь, гдѣ и пребывала въ бездѣйствіи, такъ какъ подвергалась починкѣ (это, повидимому, нормальное состояніе большинства землечерпалокъ). Когда обнаружилось на Волгѣ крайнее обмелѣніе на нѣкоторыхъ перекатахъ, управленіе должно было перевести землечерпалку съ Камы на Волгу. У него нѣтъ лишней землечерпалки, чтобы помочь судоходству такой крупной водной артеріи, какъ Кама!

И въ то же время, кто не понимаетъ, что работа всѣхъ этихъ землесосовъ и землечерпалокъ, пересыпающихъ песокъ съ одного мѣста на другое, чтобы на слѣдующій годъ мели возникли на новыхъ мѣстахъ, не болѣе какъ палліативъ и притомъ палліативъ, не дешево стоящій. Совершенно справедливо пишутъ «С.-Петербургскія Вѣдомости»:

«Трудно представить себѣ что-либо болѣе непроизводительное этихъ послѣднихъ «затратъ». Не отрицая пользы и необходимости «ам-

«чертиванія песковъ», для предупрежденія образованія мелей, нельзя не изумляться обращенію исключительнаго вниманія только на эту *частичную* мѣру, когда вся совокупность обстоятельствъ такъ вразумительно свидѣтельствуетъ о настоятельнѣйшей необходимости прежде всего принятія мѣръ общаго характера, съ цѣлью поднятія *общаго уровня* воды въ Волгѣ и непрерывнаго поддержанія ея не *ниже определенной, установленной нормы»*.

Но до подобнаго рода мѣръ мы еще не додумались.

Что же говорить объ этомъ тѣ, кто является наиболѣе заинтересованными сторонами? Судовладѣльцы и командиры обвиняютъ во всѣхъ неполадкахъ на Волгѣ управленіе округомъ; представители путей сообщенія въ свою очередь обвиняютъ командировъ въ несоблюденіи обязательныхъ правилъ судоходства. Прежде чѣмъ говорить о томъ, кто правъ, кто виноватъ; посмотримъ, что такое представляютъ эти правила судоходства. Интересныя данныя объ этомъ заключаетъ въ себѣ статья А. Молчанова въ «Новомъ Времени» (№ 7679).

«Русское судоходство и по сей день руководствуется уставомъ, изданнымъ въ 1857 году, въ которомъ статьи, относящіяся къ судоходству по Волгѣ, основаны на законѣ 1810 года. Съ этихъ дальнихъ временъ накопилась гора министерскихъ циркуляровъ и были отдѣланы лишь очень малыя, вполнѣ частнаго характера, измѣненія въ законодательномъ порядкѣ. Такъ, въ 1867 году были изданы правила о составѣ и обязанностяхъ рѣчной полиціи; объ отличительныхъ огняхъ; объ управленіи судномъ и сигналахъ; о случаяхъ оголеновеній судовъ; особыя правила для судоходства по рѣкѣ Волгѣ во время мѣлководія и о порядкѣ наложенія взысканій и наблюденія за исполненіемъ сихъ правилъ. Въ 1871 году дѣйствіе этихъ правилъ было продолжено на два года; затѣмъ, въ 1874 г. Высочайше повелѣно распространить эти правила и на другія рѣки. Въ 1877 г. послѣдовало новое узаконеніе о водяныхъ знакахъ и сигналахъ; въ 1881 г. узаконены новыя правила о сплавахъ; въ 1885 г. учреждена рѣчная полиція, отнявшая половину надзора за судоходствомъ отъ министерства путей сообщенія и передавшая таковой въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ; наконецъ, въ 1895 г. дано право на свидѣтельствованіе паровыхъ котловъ.

Когда желѣзныя дороги дали особенно сильный толчокъ развитію парокходства и число пароходовъ значительно возросло, а вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и число несчастныхъ случаевъ на рѣкахъ и неурядица въ судоходствѣ, тогдашній министръ П. съѣзъ вошлѣ въ комитетъ министровъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи издавать обязательныя къ исполненію правила относительно судоходно-полицейскаго распорядка при плаваніи пароходовъ по внутреннимъ водамъ имперіи. Не смотря на весьма скромную и осторожную форму проектированнаго контроля надъ пароходами, комитетъ министровъ

призналъ себя не компетентнымъ для дачи просимаго разрѣшенія. Проектъ отправился въ Государственный Слѣтъ и, пролежавъ тамъ полтора года, возвратился въ министерство путей сообщенія для обсужденія его новымъ министромъ генераломъ Паукеромъ. Послѣ смерти этого генерала министерство путей сообщенія побывало въ нѣсколькихъ рукахъ по столь краткому времени, что полезный проектъ все лежалъ мирно и спокойно подъ тремя сукнами. Г. Кривошеинъ уже совсѣмъ пренебрегъ этимъ скромнымъ и полезнымъ законопроектомъ, желая построить сразу грандіозное зданіе новаго управленія всеми русскими водными и шоссежными путями. Составленный на эту тему проектъ былъ рассмотрѣнъ въ 1894 г. Государственнымъ Совѣтомъ и возвратился въ министерство не одобреннымъ.

На ряду съ этими законодательными неудачами правительство стремилось хоть косвенно вліять на пароходное дѣло въ смыслѣ его общественной безопасности. Такъ, при дачѣ пароходнымъ обществамъ акціонерныхъ уставовъ правительство выговаривало себѣ право контроля надъ конструкціей судовъ; осматривая котлы, старалось требовать отъ пароходовладѣльцевъ нѣкоторыхъ передѣлокъ и поправокъ во имя охраны пассажировъ и т. п. Но на дѣлѣ контроль этотъ оказывался въ значительной мѣрѣ фиктивнымъ. Наконецъ въ прошломъ 1896 г. кн. М. И. Хилковъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ обширнымъ проектомъ о правахъ должностныхъ лицъ, судоходно-полицейскаго надзора, о благоустройствѣ, благочиніи и безопасности на внутреннихъ водныхъ путяхъ, о пользованіи ими и т. д. Какая судьба постигнетъ этотъ проектъ, скажетъ будущее, надо надѣяться, не слишкомъ отдаленное.

Таковы тѣ законы и правила, которыми руководствуется водное управленіе по отношенію къ порядкамъ рѣчного плаванія. Естественно, что эти частію устарѣлыя, частію противорѣчивыя правила не внушаютъ къ себѣ особеннаго уваженія со стороны лицъ, дѣятельность которыхъ они должны регулировать. Составленные канцелярскимъ путемъ, не всегда удобопримѣнимыя, они или являются мертвою буквой, или только стѣсняють живое дѣло, не достигая своей цѣли. Еще менѣе внушаетъ къ себѣ довѣріе практика водной администраціи. Господство рутины, неумѣстная медлительность въ распоряженіяхъ о принятіи мѣръ, небрежность въ выполненіи обязанностей и прямая недобросовѣстность постовой прислуги, — все это рождаетъ авторитетъ округовъ въ глазахъ судовладѣльцевъ и командировъ до того, что ко всей ихъ дѣятельности установилось не только скептическое, но прямо враждебное отношеніе. Водной округъ прежде всего винитъ командировъ за самовольныя дѣйствія: пропуская черезъ мелкіе перекаты свои суда, имѣющія осаду больше требуемой, они портятъ самые перекаты и тѣмъ прекращають возможность прохода по нимъ. Но дѣло въ томъ, что многократный опытъ пріучилъ командировъ не очень-то довѣрять правильности

разстановки сигнальных вѣхъ. Не говоря о томъ, что постоваѣ прислуга не всегда достаточно внимательно дѣлаетъ провѣрку фарватера, она нерѣдко завѣдомо скрываетъ ей одной известную возможность прохода для судовъ, находя въ томъ источникъ побочнаго заработка. Это называется на специальномъ волжскомъ жаргонѣ: имѣть «перекатный запасъ». О той роли, которую играетъ онъ въ порядкахъ волжскаго судоходства, «Нижег. Листокъ» говорить слѣдующее:

«Перекатный запасъ»,—это источникъ многолѣтняго благоденствія начальниковъ постовъ и постовай прислуги, основанный на почвѣ сигнальнаго надувательства. Показать на сигнальной вѣхѣ несоотвѣтствующую глубину значить для перекатныхъ блюстителей положить нѣсколько десятковъ рублей въ карманъ. Къ порядку этому привыкли и командиры бусирныхъ пароходовъ. Подходить, напримѣръ, какой-нибудь «Георгій», «Тверь» или «Дружба» къ перекасту. Глубина на сигнальной вѣхѣ 7 чет. 2 вер. Баржа съ осадкой 7 чет. 3 вер. «Врутъ», думаетъ командиръ, «навѣрное воды восемь; пройду». И начинается проходъ. «Куда лѣзешь?»—кричатъ перекатные,—«воды семь съ половиной». — «Врешь», — думаетъ командиръ,—«знаю я васъ; восемь будетъ». (Въ протоколахъ по этому поводу начальники постовъ пишутъ: «на предложеніе мое остановиться и произвести распаузу, командиръ такого-то парохода хранилъ упорное молчаніе»). «На основаніи инструкціи плаванія по естественнымъ водянымъ путямъ»... кричитъ начальникъ поста. Командиръ—простой мужикъ—практикъ, къ тому крайне озлобленный (за этотъ день онъ прошелъ уже пять перекастовъ) отвѣчаетъ: «что мнѣ твои инструкціи, у меня есть хозинишъ» (отъ котораго командиръ получилъ уже не одну телеграмму о томъ, что грузъ въ баржѣ срочный). Сейчасъ протоколъ: здѣсь и самовольный входъ на перекасть и сопротивленіе перекатному началству, а въ заключеніе резолюція—передать дѣло прокурору. Очень часто на какомъ-нибудь перекастѣ командиръ проведетъ свой возъ на осадкѣ 7 чет. 3 вер. по перекасту, глубина котораго 7 чет. 2 вер. Случаи такого рода и въ настоящую навигацію не рѣдкость. Въ этихъ случаяхъ командиръ съ спокойной совѣстью входитъ на другой перекасть съ глубиной меньше осадки его каравана. «Врутъ по прежнему»,—рѣшаетъ онъ, лѣзетъ на перекасть, сажаетъ баржи на мель, образуется шалыга, протоколъ и т. п. Командиръ виновать, конечно, но не правъ и округъ, налагая за проступокъ такіа строгія кары. Искорените совершенно зло перекатнаго запаса, приучите командировъ вѣрить сигнальнымъ вѣхамъ, тогда уже и примѣняйте всѣ строгости законовъ къ ослушникамъ. Поставьте на мѣсто начальниковъ постовъ людей, которые бы смотрѣли на эту службу не со стороны выгодной командировки и—поправленія финансовыхъ обстоятельствъ, тогда, повѣрьте, уменьшите всѣ эти перекатныя недоразумѣнія и всѣ эти груды зря исписанной бумаги,

въ формѣ актовъ, протоколовъ, рапортовъ, донесеній и проч...» (№ 189).

Защитники округа требуютъ чрезвычайныхъ мѣръ для борьбы съ подобнымъ самовольствомъ пароходныхъ командировъ: увеличенія состава постовыхъ сторожей, права лишать командировъ пароходовъ, хотя бы на нѣсколько часовъ права команды, и даже снабженія каждаго поста особымъ барказомъ для преслѣдованія вѣроломныхъ пароходовъ. Не достаетъ, чтобы рѣчные посты были снабжены вооруженной командой и дальнобойными орудіями для борьбы съ современными «ушкуйниками». Осуществленіе всѣхъ этихъ вожделѣній, по мнѣнію водяного начальства, приведетъ къ тому, что мелководіе исчезнетъ, миръ и тишина водворятся на перекатахъ.

«Все это, говоритъ совершенно справедливо въ другой своей статьѣ тотъ же ранѣе цитируемый нами почтенный органъ, только праздыя мечтанія. Округъ, прежде чѣмъ добиться такихъ чрезвычайныхъ полномочій, долженъ испѣлаться во многихъ отношеніяхъ. Но какъ бы онъ радикально ни испѣлился, несомнѣнно, что *только широкое участіе въ волжскомъ дѣлѣ его непосредственныхъ представителей, только преобразование волжскаго дѣла на началахъ самоуправления* можетъ избавить матушку Волгу отъ той неурядицы, которая на ней царитъ въ настоящее время, и которая приносить колоссальныя убытки торговлѣ и промышленности страны».

Волжское мелководіе нынѣшняго года, какъ и надо было ожидать, отразилось прежде всего на ходѣ Нижегородской ярмарки. При неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ совершилось ея открытіе. Какъ извѣстно, въ день торжественнаго открытія ярмарки 15 іюля присутствующее купечество внимательно слѣдитъ за тѣмъ моментомъ, когда поднимаются ярмарочные флаги. Смотря по тому, какъ разворачиваются они подъ вѣтромъ, судятъ о будущемъ ярмарочной торговли. Въ нынѣшнемъ году поднятіе флаговъ не предвѣщало ничего хорошаго. Одинъ изъ нихъ безнадежно повисъ, другой развернулся, но не въ желательномъ направленіи, а куда-то совсѣмъ въ сторону, — «къ Омону», какъ съострилъ какой-то свидѣтель. Но и безъ помощи флаговъ можно было предсказать, если не неудачный исходъ ярмарки, такъ плохое начало ея. Благодаря мелководію, грузы не поспѣли во время; при открытіи ярмарка была болѣе пуста, чѣмъ обыкновенно. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, перевоза Макарьевскую ярмарку въ Нижній-Новгородъ, правительство считало нужнымъ въ особомъ объявленіи объ этомъ извѣстить торгующихъ, что имъ приняты всѣ мѣры къ устраненію затрудненій, представляемыхъ для перевозки товаровъ мелководіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волги (Рус. Вѣд. № 202). Прошло болѣе трехъ четвертей вѣка, а возрастающее обмелѣніе Волги является и по сю пору однимъ изъ важныхъ враговъ успѣховъ Макарьевской ярмарки.

А количество этихъ враговъ все болѣе увеличивается, заставляя довольно безнадежно смотрѣть на будущее этого крупнаго центра

нашей торговой дѣятельности. Помимо тѣхъ общихъ условий культурнаго развитія, которыя и на западѣ почти повсемѣстно вытѣснили форму ярмарочной торговли: усиленія путей сообщенія, измѣненія торгсвыхъ приѣмовъ, распространенія коммивояжерства и проч., на судьбѣ Макарьевской ярмарки въ самые послѣдніе годы успѣли отразиться причины спеціальныя, изъ которыхъ на первый планъ слѣдуетъ поставить проведеніе сибирской дороги. Благодаря ея проведенію, для сибирскихъ торговцевъ открылась возможность непосредственныхъ сношеній съ крупными мануфактурными формами Москвы, и это сразу уронило для нихъ значеніе Нижегородской ярмарки. Упадокъ ея отмѣчаетъ даже такой органъ купеческихъ интересовъ, какъ нижегородская газета «Волгарь». «Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, пишетъ она, на Уралъ, въ степныя губерніи и съ углубленіемъ дорогъ въ Сибирь, обнаруживается все въ большей степени сокращеніе оборотовъ нашей нижегородской ярмарки, а также и сокращеніе времени фактической ея дѣятельности. Особенно рѣзко это бросается въ глаза въ послѣдніе годы. Открытіе ярмарки обыкновенно сопровождается полнымъ отсутствіемъ торговцевъ, и лишь въ первыхъ числахъ августа $\frac{3}{4}$ всѣхъ торговыхъ помѣщеній ярмарки начинаютъ функціонировать, притомъ большинство ихъ, составляющее филиальныя отдѣленія московскихъ складовъ, торгуетъ, такъ сказать, за счетъ Москвы. Среди этого большинства начинаютъ все сильнѣе раздаваться голоса о томъ, что современное положеніе нижегородской ярмарки настолько неудовлетворительно, что производсто торговли на ней не даетъ никакихъ выгодъ. Одновременно съ этими толками замѣчается и то, что торговныя фирмы все болѣе и болѣе начинаютъ закрывать свои лавки на ярмаркѣ».

Но у ярмарки есть и свои оптимисты. Такъ исправляющій нынѣ должность предсѣдателя Ярмарочнаго биржевого комитета С. Л. Саласкинъ, замѣтившій отказавшагося отъ предсѣдательства С. Т. Морозова, въ разговорѣ съ репортеромъ «Нижегородскаго Листка» высказывалъ довольно розовыя надежды на будущее ярмарки. По мнѣнію его, говорить о немъ теперь что-либо утвердительное преждевременно. Перемены, совершившіяся въ послѣдніе годы въ состояніи путей сообщенія, конечно, отразятся на нижегородской ярмаркѣ, но, можетъ быть, не въ смыслѣ окончательнаго ея устраненія, а лишь измѣнивъ характеръ ея торговли. Уже и теперь замѣчается на ярмаркѣ развитіе болѣе дробнаго характера торговли. Крупныя сдѣлки уменьшаются, но за то, благодаря развитію путей сообщенія, увеличится число покупателей. Недалекое будущее покажетъ, насколько основательны подобныя надежды. Но, дѣйствительно, для нижегородской ярмарки наступаетъ критическій моментъ. Въ печати поговариваютъ уже о перенесеніи ея далѣе на востокъ. Въ «Новомъ Времени» появилась посвященная этому статья, въ заключеніи которой говорится:

«Если Макарьевская ярмарка въ сѣверо-восточномъ углу Россіи играла важную властную роль въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ и во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ самого Востока, то та же Макарьевская ярмарка на самомъ азіатскомъ Востоке можетъ имѣть громадное значеніе для нашей торговой политики съ Востокомъ. Нижегородская ярмарка падаетъ, а восточные нравы и обычаи все еще сохраняютъ свои особенности. Восточные купцы все-таки и до сихъ поръ питаютъ особую привязанность къ ярмарочной торговлѣ. Этотъ, чисто «психологическій моментъ» имѣетъ громадное практическое значеніе, и его необходимо «учесть» въ планахъ о наилучшей организациі нашихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Контора, агентура и т. д. все это не подходитъ ни къ восточнымъ вкусамъ, ни къ восточнымъ обычаямъ. Ярмарка—вотъ, гдѣ восточный человѣкъ чувствуетъ себя на мѣстѣ, и полезно ему создать эту ярмарку во имя своихъ собственныхъ интересовъ. Она можетъ произвести, при умѣломъ направленіи дѣла, настоящій переворотъ въ общей борьбѣ за восточные рынки. Она можетъ притянуть къ себѣ торговлю Востока и станетъ такимъ центральнымъ пунктомъ, какимъ до послѣдняго времени являлась Нижегородская ярмарка. «Всероссійское купечество», по обыкновенію, во время Нижегородской ярмарки, обсуждаетъ разные вопросы нашей торговой политики. Пусть оно обсудитъ и вопросъ объ открытіи Макарьевской ярмарки на Востоке и вынеситъ себѣ возможное значеніе этой ярмарки для нашей торговли съ Востокомъ. Если эта ярмарка можетъ имѣть громадное торговое значеніе, то она будетъ имѣть и значеніе для нашего политическаго вліянія въ дѣлахъ Востока».

(№ 7692).

Ярмарочное купечество можетъ высоко поднять голову. «Новое Время» готово возложить на него роль проводника политическаго вліянія Россіи на Востокъ. А представитель Н. Новгорода, городской голова А. М. Меморскій, въ своей рѣчи на традиціонномъ завтракѣ въ день открытія ярмарки, открылъ за ярмарочнымъ купечествомъ еще одну заслугу: цивилизующее вліяніе, которое оказываетъ оно на азіатскіе народы. «Я не ошибусь, говорилъ онъ въ заключеніи своей рѣчи, если скажу, что нижегородцы всегда понимали и нынѣ понимаютъ и по достоинству оцѣниваютъ великое экономическое значеніе, какое имѣетъ ярмарка въ жизни нашей родины; они всегда съ уваженіемъ относились къ пріѣзжему на ярмарку купечеству и, быть можетъ, часто и много учились у него тѣмъ способамъ, которыми русское торговое сословіе проявляетъ свое цивилизующее вліяніе на восточныя свои окраины и сосѣдніе съ ними къ востоку азіатскіе народы чрезъ нижегородскую ярмарку».

(Кам. Вол. Кр. № 476).

Нижегородская ярмарка съ ея системой широко распространеннаго надувательства, сбыванія залежавшагося товара, злостными банкротствами, съ ея необузданнымъ разгуломъ, утонченнымъ раз-

вратом омовенских увеселений и дикимъ безобразіемъ Самокатовъ, эта нижегородская ярмарка является проводникомъ культуры для восточныхъ народовъ! Не слишкомъ-ли это много сказано даже для официальныхъ любезностей торжественнаго обѣда?

Повидимому, само купечество и представители его интересовъ не такого высокаго мнѣнія объ уровнѣ своего культурнаго развитія. Недавно въ печати сообщалось, что группа петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ ходатайствуетъ о мѣрахъ противъ недобросовѣстности въ торговлѣ. Недобросовѣстность эту они усматриваютъ въ продажѣ второстепенными торговцами разныхъ предметовъ подъ этикетками, составляющими поддѣлку подъ этикетки извѣстныхъ фирмъ, а также въ разнаго рода фальсификаціи и сбытѣ предметовъ низшаго качества подъ наименованіемъ высшихъ. По поводу этого ходатайства нижегородская газета «Волгарь», которую ужъ никакъ нельзя заподозрить во враждебномъ отношеніи къ «всероссійскому купечеству», пишетъ слѣдующее: «Мы не знаемъ, какую участь будетъ имѣть такое ходатайство, но мы искренне высказываемъ свой голосъ въ пользу дѣйствительной реформы торговыхъ уставовъ, реформы, которая создала бы у насъ добросовѣстное торговое сословіе, пользующееся законными правами и льготами разумно, а не хищнически, ради личной наживы. Можно найти сотню примѣровъ этого торговаго хищничества, безнаказанно практикуемаго въ фабричныхъ и заводскихъ производствахъ, а особенно въ операціяхъ перепродажи всякихъ предметовъ. Кому не извѣстны у насъ эти виды торговаго хищничества, отъ самыхъ малыхъ размѣровъ, стоящихъ потребителю копеечнаго перерасхода, до гигантскихъ хищеній, уносящихъ постепенно, систематически огромныя состоянія. Надъ всѣмъ этимъ царить полный просторъ наживы и эксплуатаціи, покоящийся, съ одной стороны, на слабости закона, карающаго за торговые проступки и преступленія, съ другой—на видимой устарѣлости нашего торговаго устава, отъ котораго современная жизнь ушла слишкомъ далеко и создала положеніе, вовсе не предусмотрѣнное торговыми установленіями. Стоитъ обратить вниманіе, напримѣръ, на нашъ внѣшній отпускъ хлѣба или на московскую торговлю, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Что касается хлѣбнаго отпуска, то мы видимъ, что кредитъ къ русскому хлѣбу за границей подрываетъ въ корень. Отчего? Да по той простой причинѣ, что въ нашихъ портовыхъ городахъ свила себѣ гнѣздо спекуляція, которая, не довольствуясь биржевой игрой на повышеніе или пониженіе цѣнъ, занимается еще фабрикаціей зернового продукта, идущаго за границу.

Фабрикація и торговля московскаго района въ этой недобросовѣстности создаетъ себѣ постепенно прочную славу... Начиная съ жупонной расплаты и кончая подмѣномъ товара покупателю—все здѣсь практикуется на счетъ торговаго обьегориванія и улавливанія шпальныхъ барышей. Обмѣръ, обвѣсъ, подмѣнъ товара въ Москвѣ—

почти всѣмъ извѣстенъ. Какъ на характерную картинку торговой недобросовѣстности можно указать на опыты сбыта московскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ Персію. Надувательство, съ цѣлю-уклоненія отъ уплаты пошлинъ, дошло до того, что персидскіе таможенные чиновники, пропускающіе *безъ осмотра* товарныя мѣста, идущія изъ Англіи и Германіи, потребовали, наконецъ, чтобы тѣки съ русской мануфактурой вскрывались въ таможахъ, для детальнаго досмотра таможенными чиновниками. И не смотря на явную обиду для русскихъ фабрикантовъ подобнаго недовѣрія къ нимъ «восточныхъ людей», фабриканты всетаки должны были подчиниться требованію персидскихъ таможенныхъ чиновниковъ».

Какъ оказывается, ученики не обнаруживаютъ особеннаго почтенія къ «тѣмъ способамъ, которыми русское торговое сословіе проявляетъ свое цивилизующее вліяніе», и всероссійское купечество, которое, по прошлогоднему заявленію той же газеты «все можетъ», не можетъ добиться одного,—довѣрія къ добросовѣстности его торговыхъ пріемовъ.

Дневникъ журналиста.

О франко-русскомъ союзѣ.

I.

Въ Петербургѣ собираются торжественно чествовать президента французской республики... Когда эти строки дойдутъ до читателей, это чествованіе будетъ уже совершившимся фактомъ, и читатели будутъ ознакомлены съ нимъ во всѣхъ его подробностяхъ, а также и съ безчисленными комментаріями къ нему, которые, конечно, въ теченіе недѣли будутъ наполнять собою столбцы отечественныхъ и иностранныхъ газетъ. Много будетъ тутъ дѣланыхъ восторговъ, патріотической шумихи, кричащаго шовинизма, ничѣмъ не оправдываемыхъ ожиданій и обѣщаній! Знаю и предвижу много, очень много всякой такой всячины... Между тѣмъ современное международное положеніе принадлежитъ къ числу очень серьезныхъ въ европейской исторіи, и франко-русское сближеніе играетъ очень и очень значительную роль въ этой серьезности. Отъ того, какое направленіе приметъ развитіе этихъ отношеній, и куда будетъ направлена эта сокрушительная сила штыковъ, броненосцевъ и золота двухъ соединившихся народовъ, зависитъ ближайшее будущее европейскаго человѣчества, его благоденствіе, цивилизація, свобода. Желательно, чтобы эти два облизившихся

народа трезвымъ окомъ посмотрѣли на свои отношенія и сознательно отнеслись бы къ возможной и желанной роли ихъ соединеннаго могущества. Страшно и грозно это могущество. Страшна и отвѣтственность передъ человѣчествомъ и цивилизаціей за употребленіе, которое можетъ быть сдѣлано изъ этого могущества. Нечисленны могутъ быть блага, которыя оно можетъ даровать измученнымъ, изнервничавшимся народамъ Европы. Ужасенъ можетъ быть и вредъ отъ ошибочнаго направленія, даже просто отъ ошибочнаго пониманія этой международной комбинаціи, которая уже наложила свою властную руку на ходъ европейской исторіи, но которой вполне довѣриться еще не рѣшаются народы. И, повидимому, сами облизавшіеся народы принадлежать къ числу наименѣе довѣрчившихся!... Франко-русская комбинація есть въ настоящее время фактъ, господствующій надъ всѣмъ международнымъ положеніемъ. Онъ имѣетъ уже свою исторію, слѣдовательно, можетъ имѣть и свое истолкованіе. Своевременно подумать объ этомъ истолкованіи и усиленномъ уясненіи возможнаго его значенія, его желательныхъ задачъ и его опасностей. Громкія августовскія событія, связанныя съ посѣщеніемъ русской столицы президентомъ французской республики, дадутъ къ тому поводъ и невольно направляютъ вниманіе въ эту сторону.

Традиціи франко-русскихъ отношеній укладываются въ очень простую, по наружности и съ перваго взгляда, формулу: постоянное открытое соперничество и неустанная борьба, дипломатическая и культурная постоянно, военная не рѣдко, причемъ въ такомъ случаѣ эти столкновенія пріобрѣтали громадныя размѣры и огромное всемірно-историческое значеніе. То Россія группировала вокругъ себя коалиціи другихъ державъ, оспаривая политическое первенство у французскаго народа: такъ было въ 1805, 1806 и въ 1813—15 годахъ. То, наоборотъ, Франція становилась во главѣ коалицій и вела народы на Россію отнимать у нея политическое преобладаніе: это видимъ въ 1812 году и затѣмъ снова въ 1853—56 годахъ. Территорій другъ у друга Россія и Франція никогда не отнимали; миллиардными контрибуціями другъ друга не разоряли; за колоніи или за рынки не спорили... Борьба была всегда чисто-политическая, всегда вращаясь около вопроса о политическомъ преобладаніи одного изъ двухъ борющихся государствъ, *объ европейской гегемоніи*. Союзники французовъ и русскихъ поживались на счетъ стороны, терпѣвшей пораженіе, какъ поживались англичане и нѣмцы на счетъ французовъ въ 1815 г.; англичане и турки на счетъ русскихъ въ 1856 г., но Россія ничего не взяла у Франціи въ 1815 г., ни Франція—у Россіи въ 1856 г. Напротивъ того даже, въ 1815 году Россія постаралась умѣрить не въ мѣру разыгравшіеся нѣмецкіе аппетиты, какъ то же самое сдѣлала Франція въ 1856 г., умѣривъ аппетиты англійскіе. Въ обоихъ случаяхъ обѣ державы соперницы стремились только къ низверженію гегемоніи сопер-

начающей державы, всячески избѣгая значительно ослаблять побѣжденную сторону. И такая политика вовсе не была ни сантиментальностью, ни рыцарствомъ, ни какой-либо особою симпатіей національныхъ душъ, русской и французской. Напротивъ, это былъ правильный политическій расчетъ. Значительное ослабленіе Франціи или Россіи могло повести къ очень значительному и серьезному росту нѣмецкаго или англійскаго могущества, что никоимъ образомъ не могло входить въ виды ни русской, ни французской политики, которыя обѣ сталкиваются съ нѣмецкою и англійскою политикою на почвѣ многообразныхъ и очень важныхъ интересовъ. Борьба за преобладаніе между Франціей и Россіей во-первыхъ, а во-вторыхъ, не менѣе упорная борьба Франціи за интересы колоній, рынка, территорій съ Англіей и Германіей и Россіи съ ними же,—въ этомъ заключается главное содержаніе международной политической исторіи XIX вѣка. Она дополняется въ послѣднее время все сильнѣе обнаруживающимся антагонизмомъ германскихъ и британскихъ интересовъ, германской и британской политики. Это господствующіе факторы политической исторіи XIX вѣка. Второстепенное значеніе, порою, однако, серьезно колеблющее шансы борьбы и развитія, имѣютъ другіе факторы, Австрія, Испанія, Турція, Соединенные Штаты, въ послѣднее время и Японія. Эти, хотя и очень важныя, но второстепенныя факторы международной политической исторіи современной Европы мы теперь оставимъ въ сторонѣ. Для уясненія возможнаго и вѣроятнаго значенія франко-русской комбинаціи намъ необходимо, прежде всего, уяснить главные факторы: соперничество за гегемонію между Франціей и Россіей; франко-британскій антагонизмъ на почвѣ матеріальныхъ интересовъ; такой же антагонизмъ франко-германскій; такое же столкновеніе интересовъ русскихъ и британскихъ, русскихъ и германскихъ; наконецъ, недавно возникшій, но быстро занявшій видное мѣсто конфликтъ интересовъ британскихъ и германскихъ... Эти ряды отношеній и составляютъ главные господствующіе факторы международной европейской исторіи XIX вѣка. Ихъ же постепенное измѣненіе и новое развитіе подготовили и обращеніе вѣковыхъ соперницъ на путь союза, повидимому, болѣе восторженнаго и чувствительнаго, болѣе истиннаго, нежели сознательнаго и дѣйствительно согласованнаго со всею сложною и опасною совокупностью современнаго международнаго положенія.

Что-то дѣйствительно неизбежное и необходимое, что-то почти роковое сказывается въ этомъ историческомъ событіи, перевернувшемъ всѣ обычныя и привычныя представленія наши объ установившихся политическихъ отношеніяхъ... Въ 1891 году впервые міръ услышалъ, что наследственный монархъ выслушиваетъ съ уваженіемъ, стоя, исполненіе марсельезы, за исполненіе которой еще не очень давно монархи Европы посылали своихъ подданныхъ въ тюрьму. И это былъ императоръ Александръ III, един-

ственный самодержавный государь христіанской Европы, подавший примѣръ уваженія республиканскаго гимна другимъ монархамъ Европы. Сынъ и наследникъ Александра III, нынѣ благополучно царствующій императоръ Николай II подаль затѣмъ первый примѣръ визита президенту республики и нынѣ подаетъ примѣръ его приѣма въ своей столицѣ. Для монархической Европы поразительны эти факты. Не менѣе поразительны и обратныя, когда революціонный Парижъ, болѣе столѣтія заклятый врагъ монархизма, даже конституціоннаго, захлебывается отъ восторга, принимая въ своихъ стѣнахъ самодержавнаго монарха и устраивая ему оваціи на улицахъ и площадяхъ, неоднократно залитыхъ кровью монархистовъ.

Исторически необходимо и почти неизбежно стало франко-русское обниженіе въ концѣ XIX вѣка, а отнюдь не измѣшенія и восторги, ничего не прибавляющіе къ серьезности и важности историческаго положенія... Сама комбинація вовсе не нуждается для прочнаго существованія въ какихъ-либо иллюзіяхъ и самообманахъ, въ шумихѣ уличныхъ и газетныхъ восторговъ. Она покоится на новомъ соотношеніи силъ Европы и, покуда это соотношеніе не измѣнится, франко-русское соглашеніе будетъ имѣть реальную почву, нисколько не требующую самоотреченія ни отъ монархистовъ, ни отъ республиканцевъ, не выигрывающую отъ примѣса этихъ неестественныхъ и потому преходящихъ чувствъ. Союзъ не надо превращать во флиртъ, хотя бы уже потому, что этотъ флиртъ не можетъ привести къ браку, а безъ этого исхода флиртъ всегда ведетъ къ разрыву, взаимной обидѣ. Союзъ по расчету въ настоящее время необходимъ и Франціи, и Россіи. И эту комбинацію не должно бы омѣшлять съ культурнымъ обниженіемъ и общеніемъ двухъ націй. Оба обниженія должны быть независимы другъ отъ друга. Смѣшивая ихъ, мы только повредимъ обимъ.

Отдавъ этими строками нѣкоторую дань франко-русскимъ неумѣренностямъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду болѣе касаться этой стороны вопроса и постараюсь удержаться на вышенамѣченной программѣ анализа главныхъ факторовъ современной международной исторіи Европы, поскольку изъ ихъ взаимодѣйствія должна была постепенно вырасти франко-русская комбинація.

II.

Откуда выросли традиціи франко-русскаго соперничества? XVIII вѣкъ уже выяснилъ нѣкоторые его основанія. XIX вѣкъ объяснилъ всѣ его пружины.

Франція издавна, съ конца среднихъ вѣковъ, вела двойную борьбу, порою приобретающую характеръ борьбы за существованіе. Это съ одной стороны была борьба съ Англіей, а съ другой съ Габсбургами, властвовавшими въ Испаніи и Германіи. Англія долго

не могла соединиться съ Габсбургами, соперничая съ Испаніей за колоніи и, быть можетъ, только это помогло Франціи отбиться отъ своихъ многочисленныхъ враговъ, составлявшихъ тогда все, что было сильного и значительнаго въ Европѣ. Франція искала союзниковъ, которые бы облегчили ей ея неравную и нерѣдко непоносимую борьбу на три фронта. Такими союзниками она, естественно, могла сдѣлать государства, расположенныя въ тылу своихъ вѣковыхъ враговъ. Противъ Англіи французы долго пользовались Шотландіей. Противъ Габсбурговъ они вооружали шведовъ, поляковъ и турокъ. Эти комбинаціи неоднократно выручали французовъ въ теченіе XIV—XVII вѣковъ но они создали, къ XVIII вѣку, ко дню выступленія Россіи въ роли активной политической силы восточной Европы, систему французскихъ союзовъ и симпатій, традицію французской политики, ставшую въ прямое противорѣчіе съ тѣми политическими задачами, которыя теперь преслѣдовала русская политика. Швеція, Польша и Турція, эти союзники французовъ, были постоянными врагами русскихъ. Ихъ ослабленіе не входило и не могло входить въ виды французской политики и понятно, что эта политика встрѣтила выступленіе Россіи недоброжелательно. До самой французской революціи дѣло, однако, не доходило до явнаго разрыва, но постоянный антагонизмъ и дипломатическая борьба между версальскимъ и петербургскимъ кабинетами проходить черезъ все XVIII столѣтіе, особенно обостряясь, когда Россія наносила удары одной изъ традиционныхъ союзницъ Франціи. Не было, въ теченіе XVIII вѣка, враждебной Россіи комбинаціи, въ которой въ той или другой мѣрѣ не была бы замѣшана французская политика. Все это постепенно накопляло матеріалъ и для явнаго столкновенія, создавая мало по малу почву традиціоннаго соперничества, которое, чтобы перейти въ явную борьбу, нуждалось въ одномъ, въ ясно поставленныхъ задачахъ борьбы. Исторія скоро выдвинула такіа задачи и на долгое время раздѣлила европейскіе народы на два лагеря, во главѣ одного поставивъ Францію, другой сгруппировавъ вокругъ Россіи.

Произошла французская революція. Традиціонный режимъ самодержавной монархіи, феодальнаго строя и духовной опеки палъ во Франціи, и французскій народъ, воодушевленный новыми идеями и увѣровавшій въ свое призваніе освободить человѣчество отъ узъ, только что имъ самимъ сброшенныхъ, выступилъ апостоломъ новаго строя, врагомъ «алтарей и троновъ», какъ тогда выражались. Правительства другихъ европейскихъ странъ скоро взяли за оружіе для защиты прежняго строя и для восстановленія его въ самой Франціи. Сначала это были только западно-европейскія государства, преимущественно нѣмецкія. Франція, однако, ихъ явно одолевала. Тогда вошли въ борьбу Англія и Россія. Не сейчасъ, не такъ скоро, но совершенно несомнительно обнаружилось, что монархическая Европа безъ Россіи не можетъ справиться съ

Франціей. Обнаружилось также, что непосредственныхъ причинъ для антагонизма между Франціей и Россіей не существуетъ. Въ послѣдній годъ правленія императора Павла и затѣмъ вторично, при Александрѣ, въ 1807—1810 годахъ оказалось возможнымъ даже острое сближеніе. Борьба могла исходить единственно изъ столкновенія принциповъ революціоннаго и легитимнаго, опирающихся на понятіе о правахъ естественныхъ или о правахъ историческихъ. Такъ какъ эти принципы были совершенно несовмѣстими и такъ какъ торжество одного усиливало Францію и ослабляло международное положеніе Россіи и, наоборотъ, торжество другого низвергало политическое первенство Франціи и поднимало значеніе и могущество Россіи, то возобновленіе борьбы становилось неизбежнымъ. И немедленно послѣ того, какъ Россія выказала достаточную силу сопротивленія для борьбы съ господствующимъ революціоннымъ режимомъ, вся монархическая Европа сгруппировалась вокругъ Россіи и, подъ руководствомъ новаго «Агамемнона», какъ тогда называли Александра, довершила пораженіе Франціи. Легитимное право было восстановлено въ полной мѣрѣ, и сама Франція была насильственно возвращена къ нему. Такимъ образомъ, торжество даровала Россіи защита ея легитимизма и стараго режима подобно тому, какъ передъ тѣмъ торжество Франціи опиралось на защиту естественнаго права и новаго гражданского строя. Эти традиціи надолго опредѣляли политику обѣихъ державъ. Эти традиціи вполнѣ соответствовали внутреннему состоянію этихъ державъ. Онѣ находили поддержку и новую пищу въ старомъ соперничествѣ на почвѣ шведскихъ, польскихъ и турецкихъ дѣлъ.

Сорокъ лѣтъ, 1815—1855 гг., сохранялось международное положеніе, созданное въ 1815 году. Политическое первенство, порою переходившее въ довольно чувствительное господство, безспорно, все это сорокалѣтіе принадлежало русской державѣ. Это первенство опиралось на могущественные союзы въ Европѣ и Азій. Въ Европѣ это были двѣ великія нѣмецкія державы, Австрія и Пруссія, большинство второстепенныхъ государствъ Германіи, Италія и Балканскаго полуострова. Цѣлая система родственныхъ связей русскаго императорскаго дома съ государями разныхъ германскихъ земель; традиціонное вліяніе Австріи на католическія правительства Германіи; такое же вліяніе Пруссіи на мелкихъ протестантскихъ государей Германіи; преданная приверженность неаполитанскаго королевства русскому союзу; австрійское вліяніе въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ; русское вліяніе въ Греціи, Молдавіи, Валахіи и Черногоріи; австрійское—въ Сербіи, все это вмѣстѣ взятое создавало такую могущественную комбинацію, которая положительно господствовала на европейскомъ континентѣ, бережно охраняя международное политическое *status quo*, выгодное союзникамъ и не выгодное только державамъ и народамъ, не вошедшимъ въ комбинацію этой русской гегемоніи.

На континентѣ Европы въ комбинацію не входила только одна великая держава, именно Франція. Она, естественно, искала опоры и находила ее въ слабой степени въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Испаніи, Сардиніи, Бельгіи. Ея вліяніе порою торжествовало въ Афинахъ, нерѣдко въ Стамбулѣ. Она искала и порою находила обліженіе и поддержку въ Лондонѣ, гдѣ все ярче оказывалось недовѣріе въ восточной политикѣ Россіи. Это соперничество между Россіей и Англіей въ Азіи и привело въ концѣ концовъ въ англо-французской комбинаціи, положившей конецъ политическому преобладанію Россіи.

Теперь для болѣе яснаго пониманія хода *европейской* исторіи напомнимъ факты, имѣвшіе серьезное значеніе для постепеннаго англо-французскаго обліженія. Въ 1798 году Россія и Англія, подвліяніемъ гнѣва императора Павла, совершенно ни для кого непредвидѣнно, оказались въ открытомъ разрывѣ. Въ Англіи, повидимому, долго не вѣрили въ серьезность этого разрыва и заботились о войнѣ съ Франціей, а не съ Россіей. Пришлось повѣрить, когда въ слѣдующемъ году императоръ Павелъ отдалъ повелѣніе о выступленіи арміи въ Индію черезъ Киргизскія степи и Туркестанъ. Планъ такого похода въ то время былъ едва-ли осуществимъ. Обширныя пустыни, многочисленныя воинственные номады, сильныя варварскія государства, громадныя рѣки, высочайшіе хребты, полная неизвѣстность маршрута, полная невозможность правильнаго интендантскаго снабженія наступающей арміи, все это дѣлало объявленный походъ предпріятіемъ довольно фантастическимъ. Въ Англіи это понимали, конечно, но не могли не принять къ свѣдѣнію намѣреній русскаго правительства и не могли не знать, что при другихъ условіяхъ фантастическое предпріятіе (вскорѣ отмѣненное съ воцареніемъ Александра I) можетъ стать далеко не фантастическимъ и совершенно осуществимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже черезъ десять лѣтъ англичане услышали о новыхъ планахъ похода на Индію союзной русско-французской арміи. Это было время, когда послѣ Тильзита установилось на нѣсколько лѣтъ франко-русское обліженіе. Въ 1808 году русскіе и французскіе военачальники серьезно обсуждали планъ похода на Индію. Предполагалось войти въ соглашеніе съ Персіей, пообѣщавъ ей вознагражденіе, и двинуть соединенную армію черезъ Кавказъ и Персію культурными странами, гдѣ снабженіе войскъ необходимымъ не представляло бы большихъ затрудненій, а движеніе—серьезныхъ препятствій. Въ Англіи поняли всю серьезность такого плана и всю опасность его для англійскаго колониальнаго могущества. Искусная политика британскаго правительства успѣла разстроить эти планы. Вооружая Австрію на войну съ Франціей, а Швецію—на войну съ Россіей, Англія оторочила всякую возможность отвлекать силы на далекій Востокъ. Весь 1809 годъ былъ занятъ этими континентальными европейскими войнами. Австрія и Швеція были побѣждены Франціей и Россіей, но между союзницами

уже началось охлажденіе, вскорѣ приведшее къ разрыву. Кромѣ того, Россіи пришлось воевать съ Турціей, а французамъ вести войну въ Испаніи. Париря европейскими затрудненіями опасные замыслы кратковременныхъ союзниковъ, Англія принимала непосредственные мѣры обороны въ Азіи. Въ 1809 году она съ этою цѣлю заключила союзный договоръ съ Персіей, предупредивъ русскихъ; Англія гарантировала Персіи неприкосновенность ея территоріи, а Персія обязалась не пропускать черезъ свои владѣнія никакихъ враждебныхъ англичанамъ армій. Персія въ то время была еще могущественною и воинственною державою, и упомянутый планъ похода на Индію измѣнялъ всю свою фیزیономію, какъ только необходимо было предварительное покореніе персидской имперіи. Англія блистательно вышла изъ затрудненій, но должна была ихъ запомнить и въ будущемъ постоянно имѣть въ виду.

До половины двадцатыхъ годовъ, Россія, поглощенная европейскими дѣлами, оставляла Востокъ безъ вниманія. Съ воцареніемъ Императора Николая I это положеніе быстро измѣнилось. Въ 1827 году произошла русско-персидская война, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Персіи, которая потеряла нѣсколько богатыхъ провинцій (Шемаха, Баку, Эривань, Ленкорань). Гарантія, принятая Англіей въ 1809 году, не опасла Персію отъ этихъ потерь, и англійское вліяніе въ Тегеранѣ смѣнилось русскимъ. Укрѣпленію этого вліянія много содѣйствовало и впечатлѣніе, произведенное въ Персіи русско-турецкою войною 1828—1829 гг. и полнымъ разгромомъ могущественной османской имперіи. Сама Турція послѣ войны искала сближенія съ Россіей и вскорѣ заключила даже тѣсный союзный договоръ, извѣстный подъ именемъ Ускіаръ-Искелесскаго. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда въ Европѣ политическое преобладаніе Россіи основывалось на союзѣ съ Австріей и Пруссіей, вокругъ которыхъ группировалось большинство второстепенныхъ европейскихъ государствъ, въ это время на Востокѣ политическое первенство Россіи опиралось на союзы съ Турціей и Персіей и настолько же умалило политическое значеніе Британіи, насколько система европейскихъ союзовъ Россіи умалило значеніе Франціи. Между этими государствами существовало застарѣлое недобѣріе, вѣковая національная вражда, антагонизмъ колониальныхъ интересовъ, но неумолимая логика событій заставляла ихъ одинаково терпѣть отъ все возвышающагося и возрастающаго политическаго значенія Россіи въ Европѣ и Азіи. Надо было ожидать поэтому, что та же неумолимая логика исторіи приведетъ рано или поздно этихъ старыхъ соперниковъ и враговъ къ союзу противъ общей опасности.

Одно время можно было думать, что историческій ходъ событій очень скоро приведетъ къ этой развязкѣ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ дѣло было очень близко къ разрыву между Россіей и Англіей, но событіе еще не созрѣло. Франко-русское соперничество съ одной

стороны и англо-французское съ другой еще были очень живы и дѣятельны. Россія и Англія сговорились между собою, потому что равно хотѣли умалить начинавшее возрастать значеніе Франціи.

Обострились англо-русскія отношенія во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ все на той-же почвѣ индійской безопасности. Мы уже упоминали, какъ фантастиченъ былъ планъ индійскаго похода черезъ Туркестанъ во времена Императора Павла, въ концѣ XVIII в. Въ настоящее время, въ концѣ XIX вѣка, этотъ планъ вовсе не былъ бы неосуществимою фантазіей. Три четверти разстоянія уже пройдены, проложены дороги, умертворено населеніе, обузданы хищники, построены крѣпости, организована интендантская часть, страна прочно оккупирована значительною арміей, маршруты дальнѣйшаго наступленія хорошо извѣстны. Все это громадное движеніе русской государственности, такъ преобразовавшее положеніе дѣлъ во внутренней Азіи, получило свое начало именно въ тридцатые годы и сразу возбудило ревнивое вниманіе англичанъ, которые не забыли и не могли забыть уроковъ 1798 и 1808 годовъ. Именно въ тридцатые годы Россія вышла на Сыръ-Дарью, гдѣ тогда основаны были форты Казалинскъ и Петровскъ и спущены на воды Яксарта первые пароходы. Трудно проходимыя пустыни киргизовъ были, такимъ образомъ, перейдены и перерѣзаны дорогами; устроено водоснабженіе, воздвигнуты укрѣпленія. Въ Сибири занята въ то же время нижняя Семирѣченская область, вслѣдствіе чего Коканское ханство поставлено между двухъ огней, и его паденіе представлялось совершенно предрѣшеннымъ въ самомъ ближайшемъ времени, а это одно давало Россіи на пути къ Индіи новый богатый и безопасный базисъ. Еще опаснѣе представлялось для Англіи русскій походъ на Хиву, окончательно рѣшенный въ 1838 году. Завоеваніе Хивы еще значительно приближало-бы богатый и безопасный базисъ русской арміи въ границахъ Индіи и давало бы возможность обойти Бухарию, въ то время самое могущественное государство между русскими и англо-индійскими владѣніями. Въ Англіи слѣдили съ все возрастающею тревогою за этими быстрыми и угрожающими успѣхами русскихъ въ Средней Азіи, но сами по себѣ эти успѣхи не могли послужить поводомъ къ англо-русскому столкновенію. Россія ничѣмъ явно не вредила англійскимъ интересамъ, не нарушала англійскихъ правъ, а въ разбойничьихъ набѣгахъ кокандцевъ и хивийцевъ имѣла вполне достаточное основаніе для своего наступленія. Однако, около этого же времени произошло событіе, сразу измѣнившее международное положеніе по этому вопросу.

Незадолго до того, въ Афганистанѣ произошли междоусобія, и древняя династія седдозейская, основавшая государство афганское и носившая громкій титулъ шаховъ, была низвержена оскорбленною знатною фамиліей мохамедзейскою. Шахъ Шеджа бѣжалъ въ Индію. Его родственникъ Камранъ удержалъ, однако, западную

часть владѣній афганскихъ и, принявъ титулъ шаха, царствовалъ въ Гератѣ, сохраняя притязанія и на собственный Афганистанъ, гдѣ утвердились представители мохамедзейскаго дома. Раздѣливъ Афганистанъ на нѣсколько почти независимыхъ владѣній, эти «сердари» признавали сюзереномъ кабульскаго сердаря, старшаго въ ихъ родѣ Достъ-Магомета, принявшаго титулъ эмира (и понынѣ сохраняемый его потомками). Достъ-Магометъ и его сердари относились къ англичанамъ недовѣрчиво, потому что тѣ пріютили и содержали бѣжавшаго шаха Шеджу. Тѣмъ не менѣе, отношенія были мирныя, и англичане удовлетворялись такимъ положеніемъ на своей сѣверо-западной границѣ. Движеніе русскихъ на Коканъ и Хиву уже само по себѣ заставило бы ихъ пожелать улучшить англо-афганскія отношенія. Дѣло пришлось ускорить, благодаря появленію въ Кабулѣ у Достъ-Магомета русскаго агента Виткевича, офицера русской службы, командированнаго въ Среднюю Азію оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскимъ, приготовлявшимъ въ это время походъ на Хиву. Виткевичъ очень скоро склонилъ Достъ-Магомета и афганскихъ сердарей на русскую сторону, и эмиръ подписалъ договоръ о тѣсномъ единеніи съ Россіей. Договоръ этотъ, привезенный самимъ Виткевичемъ въ Петербургъ, до сихъ поръ, кажется, не опубликованъ. По однимъ версіямъ, это былъ договоръ о подданствѣ афганцевъ русскому императору, по другимъ— о союзѣ и пропускѣ русской арміи въ Индію. Извѣстіе это вополошило Англію. Ратификація договора, привезеннаго Виткевичемъ, была бы уже явною угрозою, не оправдываемою никакими русскими интересами.

Одновременно съ занятіемъ нижней Сыръ-Дарьи, съ походомъ на Хиву и съ миссіей Виткевича, Персія тоже двинулась по дорогѣ къ Индіи. Поощряемая, какъ утверждали русскимъ посланникомъ, графомъ Симоничемъ, тегеранское правительство рѣшилось завоевать Гератъ. Это сближало бы границы дружественной русскимъ Персіи съ границами столь же дружественнаго Афганистана. Можно было думать, что Россія готовится къ индійскому походу даже въ ближайшемъ будущемъ. Англія выступила съ рѣшительнымъ протестомъ. Полетѣли ноты; поскакали курьеры; затѣялась цѣлая дипломатическая кампанія; начались вооруженія; противъ Достъ-Магомета двинуты немедленно войска. Богъ знаетъ, чѣмъ все это окончилось бы, еслибы общая вражда къ Франціи не побудила англичанъ и русскихъ войти въ соглашеніе и направить еще разъ общія усилія противъ возрожденія французскаго политическаго значенія.

Возрожденіе это началось не въ Европѣ, а на Востокѣ. Поэтому въ борьбѣ съ этими успѣхами Франціи Россія не могла разчитывать на своихъ европейскихъ континентальныхъ союзниковъ. Она была бы одинока, при условіяхъ, очень неблагоприятно сложившихся. Еслибы Англія въ это самое время вошла въ столкновеніе съ Россіей, то торжество Франціи было бы несомнѣнно, а торжество

на Востокъ повлекло бы такое же торжество и на Западъ. Слѣна русскаго политическаго преобладанія французскимъ совершилась бы лѣтъ на пятнадцать раньше.

Дѣло на Востокъ обстоило такъ: даровитый, умный и, по своему, просвѣщенный Мехмедъ-Али высоко поднялъ значеніе и военную силу Египта. Понимая силу христіанской Европы и, повидимому, имѣя довольно ясное представленіе о соотношеніи европейскихъ политическихъ силъ, Мехмедъ-Али, въ своихъ широкихъ планахъ низверженія турецкаго господства и замѣны его арабскимъ, встрѣтилъ съ самаго начала на пути своемъ сопротивленіе Россіи, которая не могла почувствовать этой замѣны дряхлѣющей и слабѣющей турецкой державы новымъ мусульманскимъ могуществомъ, болѣе опаснымъ и болѣе долговѣчнымъ, болѣе способнымъ на значительное историческое развитіе. Встрѣтивъ въ Россіи противника, Мехмедъ-Али могъ обратиться только къ Франціи, этой вѣковой соперницѣ Россіи, вдобавокъ связанной уже съ Египтомъ обязывающими политическими отношеніями. Франція охотно откликнулась и приняла дѣло арабовъ подъ свое покровительство. Къ началу сороковыхъ годовъ Мехмедъ-Али успѣлъ многое. Онъ совершенно отврѣлъ турецкое сюзеренство; создалъ прекрасную армію и значительный флотъ при содѣйствіи французскихъ technicians; въ французскаго золота; соединилъ съ Египтомъ большую часть Аравіи, облекая вкругъ своего престола всю арабскую націю; наконецъ, отнялъ у турокъ Палестину, Финикію и Сирію, готовясь положить предѣлъ османскому владычеству въ Африкѣ, Азіи и Европѣ. Если для Россіи это была явно опасная комбинація, то и Англія въ это время съ неудовольствіемъ смотрѣла на нее. Утвержденіе французовъ въ Алжирѣ могло только поддерживать это недовѣрчивое отношеніе Англіи къ успѣхамъ французской политики на мусульманскомъ Востокѣ. Желаніе остановить эти успѣхи и послужило почвою для англо-русскаго сближенія, предотвративъ столкновеніе, къ которому Англія дѣятельно готовилась. Болѣе нуждавшаяся въ соглашеніи Россія и сдѣлала главныя уступки по всей линіи англо-русскаго антагонизма отъ Босфора черезъ Тегеранъ и Герать до Кабула, Кокана и Хивы.

Неудавшійся въ 1839 году походъ на Хиву не былъ возобновленъ. Дѣйствія противъ Кокана ограничились затѣмъ на тридцать лѣтъ исключительно обороною. Привезенный Виткевичемъ договоръ съ Достъ-Магометомъ не былъ ратификованъ, Виткевичъ застрѣлился, а эмиръ афганскій, предоставленный собственнымъ силамъ, былъ жестоко наказанъ и затѣмъ до конца жизни свято хранилъ англійскую дружбу. Предоставлена своимъ силамъ была и Персія; русскій посланникъ, виновный въ поощреніи ея похода на Герать, отозванъ. Англія объявила войну персамъ и принудила ихъ передать Герать афганцамъ и открыть свои рынки англійской торговлѣ. Наконецъ, относительно Турціи Россія тоже согласилась отступить

союзный Ускіаръ-Искелесскій договоръ. Господство русскаго вліянія въ Стамбулѣ замѣнилось болѣе или менѣе уравновѣшеннымъ вліяніемъ Россіи и Англіи. Въ Тегеранѣ же и Кабулѣ утвердилось исключительное англійское вліяніе. За то Франція была отброшена. Уступая передъ перспективою войны съ Россіей и Англіей, Франція увидѣла себя вынужденною предоставить Египетъ своимъ силамъ. Мехмедъ-Али уступилъ. Онъ снова призналъ суверенную власть султана, возвратилъ ему Сирію, Финикію и Палестину и очистилъ Аравію, возстановилъ независимость мелкихъ шейховъ страны. Турецкое господство было спасено англо-русскимъ соглашеніемъ, а начавшееся возрожденіе французскаго политическаго значенія остановлено. Сдѣлавъ значительныя уступки на Востокѣ, Россія за то удержала свою европейскую гегемонію. Не сдѣлавъ Россія уступокъ Англіи, уже тогда можно бы ожидать англо-французскаго соглашенія. Въ концѣ-концовъ, Россіи пришлось бы сдѣлать уступки на Востокѣ и на Западѣ. Эта поучительная исторія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ обнаружила, что Россія должна выбирать или европейскую гегемонію или успѣхи на Востокѣ. Преслѣдуя обѣ цѣли, Россія создавала противъ себя коалицію, передъ которою рано или поздно придется уступить. Именно это преслѣдованіе обѣихъ цѣлей, удержать европейскую гегемонію и развивать свою традиционную восточную политику, и привело къ коалиціи 1853—1856 гг., къ паденію русской гегемоніи въ Европѣ и русскаго значенія на Востокѣ.

Когда Россія, вооруженнымъ вмѣшательствомъ въ 1849 году содѣйствовала возстановленію абсолютизма въ Австріи, а энергическими представленіями удержала Пруссію отъ ея пангерманскихъ плановъ, она этимъ положила основы для отпаденія всего, что было достигнуто въ 1848 году нѣмцами и итальянцами въ смыслѣ либеральныхъ реформъ. Подъ охраною русскаго могущества, австрійскіе штыки возстановили еще разъ повсемѣстно, въ Италіи и въ Германіи, легитимное право и феодальный строй. Франція еще разъ увидѣла ниспровергнутымъ свое значеніе и вліяніе, а русская гегемонія еще разъ удержалась въ полной степени. Но борьба между Франціей, которая въ своемъ стремленіи къ первенству группировала вокругъ своего трехцвѣтнаго знамени всѣ либеральныя силы Европы, и охранявшей консервативныя правительства Россіей становилась теперь все неминуемѣе. Франція искала повода и благоприятнаго стеченія обстоятельствъ. Она понимала, что затѣять ссору съ Россіей изъ за германскихъ или итальянскихъ дѣлъ, значитъ имѣть противъ себя Австрію и Пруссію при вѣроятномъ нейтралитетѣ Англіи. Между тѣмъ, ссора на Востокѣ оставляла нейтральными Австрію и Пруссію и привлекала Англію. Извѣстна исторія этой ссоры. Франція ее затѣяла изъ за святыхъ мѣстъ. Англія колебалась, но программа совершеннаго уничтоженія Турціи, открыто заявленная императоромъ Николаемъ, показала, что Россія возобновляетъ въ

полной мѣрѣ свою восточную политику, приѣстановленную пятнадцать лѣтъ назадъ. Образовалась коалиція. Въ сущности, Франція билась за преобладаніе на Западѣ; Англія за устраненіе той русской политики, которая такъ устрашала ее въ тридцатыхъ годахъ; Турція—за собственное существованіе. Участіе же Сардиніи арче всего обнаруживало болѣе европейское, нежели восточное, значеніе великой восточной войны, подготовившей полное преобразованіе политическаго состоянія Европы.

Торжество коалиціи и Парижскій конгрессъ 1856 года перемѣстили центръ тяжести европейской политики изъ Петербурга въ Парижъ. Паденіе легитимнаго права и всего режима, созданнаго вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г., стало логическимъ выводомъ этого перемѣщенія. Австрія, попытавшаяся было не признать этого факта, потерпѣла пораженіе. Вся Европа, исключая Россіи, но не исключая Австріи, обратилась къ парламентскому правленію и либеральнымъ реформамъ. Италія объединилась. Германія явно къ этому стремилась. Россія какъ-бы умывала руки въ этой быстрой смѣнѣ событий, такъ полно и всесторонне отмѣнявшихъ порядокъ, сорокъ лѣтъ державшійся подъ охраною русской гегемоніи. La Russie se gaeuicille, сказалъ кн. Горчаковъ объ этомъ уклоненіи Россіи отъ активной политики. Тѣмъ не менѣе, глухая борьба между французскимъ преобладаніемъ и русской оппозиціей продолжалась весь этотъ непродолжительный періодъ французской гегемоніи 1856—1870 гг. Выѣшательство Европы подъ предводительствомъ Франціи въ польское возстаніе было очень яркимъ выраженіемъ этого политическаго соперничества. Поддержка, которую Россія оказала Сѣвернымъ Штатамъ въ то время, когда Франція и Англія уже склонялись оказывать содѣйствіе восставшимъ южанамъ, является тоже однимъ изъ яркихъ и важныхъ моментовъ этого антагонизма. Дипломатическое заступничество Россіи за герцеговинцевъ и черногорцевъ въ 1862 году, за сербовъ—въ 1865 году и за крѣтянъ—въ 1868 году выражали собою тоже, если позволено будетъ такъ выразиться, оппозиціонное направленіе русской политики. Антирусская политика на Востокѣ торжествовала успѣхъ, объединивъ Молдавію и Валахію въ единую Румынію, тогда столь же покорную Франціи, какъ нѣмѣ Германіи. Такимъ же торжествомъ была греческая революція, послѣ чего русское вліяніе въ Аѣинахъ совершенно упало. Новая англо-персидская война и новое пораженіе Персіи снова и, казалось, надолго утвердили въ Тегеранѣ англійское вліяніе. За то Россія уже въ шестидесятыя годы возобновила свое наступленіе въ Средней Азіи, завоевала Ташкентъ, а въ 1868 году разгромила Бухару и присоединила Самаркандъ, создавъ въ центрѣ Азіи обширную провинцію, густо населенную и богатую всякими жизненными припасами. Умиротвореніе Кавказа и присоединеніе Амура дополняютъ эти восточныя успѣхи Россіи, питаая антагонизмъ Англіи и побуждая ее тѣснѣе держаться Франціи, которая упрочиваетъ свое вліяніе въ Египтѣ,,

закладываетъ первые основы своей индо-китайской имперіи и заключаетъ съ Англіей цѣлый рядъ договоровъ о разграниченіи сферъ вліянія на Востокаѣ относительно Омана, Занзибара, Харрара, Судана.

Такимъ образомъ, опираясь на Англію и либеральныя государства Средней и Южной Европы, Франція въ этотъ періодъ пользуется несомнѣннымъ политическимъ первенствомъ, уплачивая Англіи за поддержку въ Европѣ поддержкою на Востокаѣ, охраненіемъ status quo въ Турціи, войною съ Китаемъ, согласною политикою въ Японіи, Аравіи, восточной Африкѣ. Въ это время и Австрія попадаетъ въ орбиту тяготѣнія къ Франціи. Зантересованная въ сохраненіи status quo въ Турціи и соперничая съ Пруссіей, дружественной Россіи, Австрія естественно тяготѣла къ англо-французской комбинаціи, contre соеигъ миряеъ съ потерей вліянія въ Италіи, но надеясь его укрѣпить въ Германіи и приобрести на Балканскомъ полуостровѣ. Словомъ, до самаго паденія французской гегемоніи въ 1870 году положеніе оставалось по существу то же, что установилось въ Европѣ съ конца XVIII вѣка. Существовало три могущественныхъ самостоятельныхъ центра европейской исторіи. То были Парижъ, Петербургъ и Лондонъ. Соперничество за европейскую гегемонію, соперничество за преобладаніе на Востокаѣ, соперничество за колониальное и морское господство противопоставляли каждую изъ этихъ трехъ независимыхъ силъ обимъ другимъ: Францію противъ Россіи (за гегемонію) и Англіи (за колоніи); Россію—противъ Франціи и Англіи (за Востокаѣ); Англію—противъ Франціи и Россіи. Главная нить борьбы въ XIX вѣкѣ развѣтывалась между Россіей и Франціей, тогда какъ Англія приставала то къ одной, то къ другой. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ англо-русская комбинація, въ началѣ пятидесятыхъ англо-французская предпріинили ближайшія судьбы Европы и Азіи. Были попытки и франко-русской комбинаціи. Кромѣ уже упомянутаго соглашенія 1808—1809 гг., можно упомянуть сближеніе между Россіей и легитимной Франціей при Карлѣ X и переговоры о такомъ же сближеніи въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ обоихъ случаяхъ сближеніе было прервано революціями. Какъ бы то ни было три политическихъ центра, взаимно антагоничные и поддерживающіе нѣкоторое равновѣсіе парными соглашениями между собою, увлекаа на болѣе сильную сторону большую часть другихъ государствъ,—таково было политическое строеніе Европы, разсматриваемой, какъ связанное политическое тѣло, ннннющее свою организацію и свою общую исторію. Это строеніе въ корнѣ преобразовано въ 1870 году, и Европа до сихъ поръ не вполне еще приспособилась къ новому строенію. Однимъ изъ факторовъ такого приспособленія является и франко-руссое сближеніе. Измѣненіе традиціонной англійской политики на Востокаѣ представляется такимъ же приспособительнымъ процессомъ. Стремленіе къ панбританской федераціи тоже. Глубокое преобразование внутренняго строенія Ав-

отрицанія вытекаетъ отсюда же. Но все это далеко не дало еще той ясности, простоты и удобства строенія, которыя существовали до 1870 г. Народы и правительства идутъ еще ощупью и не рѣшаются довериться новымъ комбинаціямъ; составляющимъ естественное послѣдствіе происшедшаго переворота, но являющимся прямымъ противорѣчіемъ прежнему режиму и прежнимъ отношеніямъ. То были слишкомъ ясныя, понятныя и логичныя отношенія, чтобы не ожидать ихъ возвращенія...

А тогда? Къ чему тогда всё эти новыя комбинаціи, для которыхъ, однако, надо такъ много принести жертвъ, такъ много затратить труда, энергіи и творчества?

III.

Что сдѣлалъ 1870 года? Это былъ годъ разгрома Франціи и завоеванія восточныхъ французскихъ провинцій нѣмцами. Слѣдующій 1871 годъ санкціонировалъ этотъ разгромъ и эти завоеванія версальскимъ мирнымъ договоромъ и возстановилъ германскую имперію, окруживъ ее блескомъ и могуществомъ, отъ какихъ Германія отвыкла со временъ Гогенштауфеновъ. Создалась въ центрѣ Европы новая могущественная сила, способная на самостоятельное участіе въ международной европейской исторіи. Германія, которая до того времени шла поочередно въ политической орбитѣ то русской, то французской, то раздѣляясь между двумя соперницами, теперь возвратила себѣ самостоятельную роль въ европейской политической исторіи. Временное ослабленіе Франціи и еще не прекратившееся уклоненіе Россіи отъ активной западной политики обѣщали новой имперіи самыя благопріятныя условія для проявленія своего значенія и для установленія за нею роли руководящаго фактора европейской исторіи, каковымъ, въ предѣлахъ анализируемаго нами періода, была Франція 1790—1815 гг. и вторично въ 1855—70 гг., а Россія—въ 1815—1855 гг. Нынѣ эти благопріятныя условія прекратились, и время руководящей роли германской политики прошло, занявъ, однако, около двадцати лѣтъ европейской исторіи. Этотъ періодъ, законченный съ появленіемъ франко-русскаго соглашенія, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнъ и поучителенъ. Обозрѣвъ его исторію и уяснивъ направленіе, въ которомъ старалась вести Европу первенствующая держава, мы подготовимъ себя къ уразумѣнію и истолкованію франко-русской комбинаціи.

Внутренняя исторія Германіи, поскольку она зависѣла отъ руководства ея правительства, сосредоточивается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ, повидимому, не имѣющихъ связи, въ сущности же объединенныхъ однимъ историческимъ смысломъ задачахъ: развитіе національнаго объединенія; политика подавленія не германскихъ національностей, вошедшихъ въ составъ имперіи (польской, датской, французской); подавленіе самостоятельности католической

церкви (такъ называемый Kulturkampf); поистинѣ беспощадное развитіе милитаризма; восстановление покровительственной таможенной системы. Вдумавшись въ значеніе всѣхъ этихъ задачъ, мы поймемъ, что всѣ онѣ, прежде всего, призваны укрѣпить начало государственности внутри и противопоставить германизмъ, Deutschthum, съ его національными, государственными и культурными интересами, задачами и вождѣніями, остальному европейскому человечеству. Слово «европейскій интересъ», одинаково общепринятое дипломатическое выраженіе и въ періодъ французской революціонной, и въ эпоху русской легитимной гегемоніи, совершенно исчезъ изъ дипломатическаго лексикона въ періодъ 1870—1890 годовъ, и до такой степени сталъ анахронизмомъ, что употребленіе его покойнымъ кн. Горчаковымъ, воспитавшимся при другихъ традиціяхъ европейскихъ отношеній, звучало какимъ-то диссонансомъ, даже вызывало обличительные громы на газетныхъ столбцахъ, почиталось этими забывчивыми обличителями чуть не національною измѣною. Поучительно, что со времени франко-русскаго соглашенія это выраженіе снова приобрѣло право гражданства въ дипломатическихъ переговорахъ. Сами нѣмцы его теперь охотно употребляютъ, порою даже злоупотребляютъ (какъ и во времена Меттерниха). Но это теперь, въ девятидесятыхъ годахъ кончающагося XIX вѣка, теперь, когда уже явно наступилъ новый періодъ исторіи, а въ разсматриваемый нами періодъ 1870 — 80 годовъ «европейскихъ интересовъ» какъ будто вовсе не существовало. Были интересы русскіе, германскіе, британскіе и т. д. Общіе интересы Европы не исчезали, конечно, но властою рукою были сняты съ очереди. Realpolitik назывались эти новыя основы международной европейской политики. «Реальная политика» во внѣшней политикѣ была, однако, столь же мало новостью, какъ и протекціонизмъ или вѣроисповѣдная и національная нетерпимость во внутренней. Это было возрожденіемъ старыхъ традицій XVII и XVIII вѣковъ, господствовавшихъ въ эпоху между Вестфальскимъ миромъ и французскою революціей.

Возвышеніе государственнаго начала, милитаризмъ, протекціонизмъ, національная и вѣроисповѣдная нетерпимость и реальная политика, восторжествовавъ въ первенствующей державѣ, заразительно передавались остальнымъ государствамъ и націямъ Европы. Вся континентальная Европа вооружалась; всюду дѣятельно усиливали значеніе государственныхъ властей; всюду началось стѣсненіе католической церкви (даже въ католическихъ державахъ); повсемѣстно создавались эфемерныя программы германизаціи, мадьяризаціи, полонизаціи, даже румынизации; всѣ обставлялись покровительственными, даже запретительными тарифами. Наконецъ, всюду, кромѣ Парижа и Петербурга, окончательно восторжествовала идея реальной политики. Въ Парижѣ и Петербургѣ тоже нерѣдко слѣдовали той же реальной политикѣ, но какъ-бы стѣсняясь, съ нѣкоторою оглядкой на собственныя международныя традиціи недавняго прошлаго.

Только въ этихъ оглядкахъ и оговоркахъ парижской и петербургской дипломатіи и мерцала еле-еле идея соединенной Европы, до 1870 года громко провозглашавшаяся основой европейскаго права и критеріемъ правомѣрной достойной международной политики. Нельзя, конечно, восторгаться *европейскою* политикою Меттерниха, Нессельроде, Наполеона III, но это зависѣло отъ ошибочнаго пониманія европейскаго интереса. Несомнѣнно, однако, что европейскіе интересы не были пустою фразою въ устахъ этихъ руководителей европейской политики. Несомнѣнно, не однажды ради этихъ интересовъ, хотя нерѣдко и ложно понятыхъ, кабинеты поступались собственными національными интересами, справедливо сознавая, что мирное и правильное развитіе Европы является, въ сущности, высшимъ національнымъ интересомъ cadaго европейскаго государства. Реальная политика устранила это сознаніе, и знаменитое бисмарковское «Kraft macht Recht» грубо отвергло эти идеи. Не будучи представительницею ни легитимнаго, ни революціоннаго строя; не имѣя традицій предсѣдательницы европейскаго концерта; обихъшая въ качествѣ слабой державы всегда заботиться лишь о себѣ, Пруссія, превратившись въ Германію, внесла тѣ же начала и въ свою германскую отнынѣ исторически-отвѣтственную политику. Реальная политика—это политика матеріальныхъ интересовъ, наполнившая тревогою и страхомъ всѣ двадцать лѣтъ прусской гегемоніи.

Въ какихъ же фактахъ выражалась реальная политика Германіи? Прежде всего нельзя не отмѣтить, что дважды въ теченіе двадцати лѣтъ своего политическаго преобладанія, Германія покушалась на войну съ Франціей съ нескрываемою цѣлью низвести ее на степень второстепенной державы. И въ 1875 году, и затѣмъ въ 1887 году уже занесенную нѣмецкую руку остановила Россія, оба раза поддержанная Англіей. Ни въ русскіе, ни въ англійскіе виды не могъ входить окончательный разгромъ Франціи. Германія стала бы слишкомъ опасна. Но именно этого опаснаго всемогущества и стремилась достичь Германія окончательнымъ разгромомъ Франціи. Отъ самой Франціи Германіи едва-ли было много нужно, но было очень важно обезопасить себя отъ нея на случай другихъ столкновеній. Едва-ли можно сомнѣваться, что этимъ объектомъ бисмарковской политики была, главнымъ образомъ, Россія. Германія нуждалась, какъ и теперь нуждается, въ территоріи для колонизаціи и въ рынкахъ для промышленности. Ея сыны колонизуютъ и цивилизуютъ дикія страны, принадлежащія американцамъ и англичанамъ, постоянно терпяемые своею родиною. Ея товары сбываются на рынкахъ, не обезпеченныхъ отъ ихъ закрытія, потому что Германія на нихъ политически не господствуетъ. Откуда, однако, Германія могла бы добыть необходимыя ей колоніальныя территоріи и рынки? Все годное занято другими народами. Надо отнимать силою. Германія была упоена своими побѣдами и, безъ всякаго

сомнѣнія, готовилась къ завоеваніямъ. При громадныхъ аппетитахъ бисмарковской Германіи и при несомнѣнно громадныхъ потребностяхъ удовлетворить этимъ аппетитамъ и этимъ потребностямъ могла бы только Россія или Англія, еслибы были приведены силою оружія къ ногамъ побѣдоносной Германіи. Теперь, по-видимому, германскіе государственные люди болѣе смотрятъ въ сторону Англіи, при Бисмаркѣ они готовились обогнать Россію. Самаго бѣлаго обзора русско-германскихъ отношеній въ этотъ періодъ достаточно, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Императоръ Вильгельмъ I и многіе изъ ближайшихъ его сподвижниковъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, графъ Мантейфель, военный министръ фонъ-Роопъ, генералъ Вердеръ и другіе выросли и воспитались на традиціяхъ прусско-русской дружбы; ясно сознавали, что Россія могла не допустить этого ихъ торжества, и что съ ея стороны нѣтъ никакого повода для вражды. Эти фамиліи традиціи прусскаго королевскаго дома и эти симпатіи ветерановъ прусской арміи не легко было сразу направить на новые пути, ясно уже намѣченные Бисмаркомъ и другими государственными людьми, менѣе одиозными бывшимъ союзомъ. Убѣжденіе въ томъ, что вслѣдъ за разгромомъ Австріи въ 1866 году и Франціи въ 1870—71 гг., долженъ въ скорости послѣдовать такой же разгромъ Россіи, открыто высказывалось въ Германіи представителями воѣхъ партій. Упомянутыя традиціи прусскаго двора могли только задерживать на время это событіе. Враждебное отношеніе Австріи, еще не забывшее Кенигреца и Садовой, равнымъ образомъ не поощряло торопиться. Совершенное отсутствіе союзниковъ тоже. Вотъ та совокупность условій, которая помѣшала разразиться русско-германской войнѣ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ. Быстрое военное возрожденіе Франціи вскорѣ явилось еще болѣе сильной задержкою этого событія. Очевидно, надо его было подготовить. Надо было найти себѣ союзниковъ. Надо было Россію союзниковъ лишити. Если мы взглянемъ пристально на германскую политику семидесятыхъ годовъ, то увидимъ, что вся она вращалась около этихъ двухъ задачъ.

Найти союзниковъ? При данномъ положеніи Европы это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Пруссія не имѣла въ Европѣ друзей, кромѣ русскаго императорскаго дома. Въ Лондонѣ ея не любили; въ Вѣнѣ враждовали; въ Парижѣ ненавидѣли; въ Римѣ еще были живы французскія симпатіи; въ Швейцаріи, Голландіи, Даніи опасались насилія; въ Турціи привыкли на Берлинъ смотрѣть, какъ на друга Россіи, равнодушнаго въ дѣлахъ Востока... Привлечь на свою сторону Францію мечтать было невозможно: она уже тогда представлялась естественною союзницею Россіи въ случаѣ русско-германской войны. Старинныя соперничества между Вѣною и Петербургомъ, Петербургомъ и Лондономъ и столкновеніе ихъ интересовъ и задачъ на Востокѣ представляло хорошую почву; но

надо было ее подготовить, надо было ею воспользоваться, въ случай вскрытія восточнаго вопроса, надо было устранить лондонское недовѣріе, вѣнское недоброжелательство. Надо отдать дань удивленія тому искусству, съ которымъ германская дипломатія достигла этой цѣли. При помощи Россіи состоялось первое обліженіе между Вѣною и Берлиномъ. Образовалось такъ называемое трехъ-императорское соглашеніе. Исполненная справедливаго недовѣрія къ недавно ее обманувшей прусской дипломатіи, Австрія тогда не пошла бы на непосредственное австро-прусское соглашеніе. Участіе Россіи давало ей нѣкоторыя гарантіи, а оставшіеся совершенно изолированной послѣ разгрома Франціи, угрожаемая итальянскими ирредентизмами, напуганная Германіей, Австрія чувствовала настоятельную потребность въ какихъ-нибудь комбинаціяхъ, дающихъ гарантію безопасности. Трехъ-императорское соглашеніе явилось такою отличною комбинаціей. По самому существу своему, оно не могло быть наступательнымъ. Австрія не могла сочувствовать наступленію Россіи на Востокъ, Россія—наступленію Германіи на Западъ. Комбинація была, слѣдовательно, строго консервативною, оберегающею *status quo*—такъ какъ оно состоялось въ 1873—74 годахъ. Это было именно то, что было нужно тогдашней Австріи. Менѣе всѣхъ это могло быть нужно Германіи, мечтавшей о наступленіи на Востокъ и на Западъ, но Германіи комбинація была нужна для обліженія съ Австріей. Возвышеніе мадьярскаго элемента нѣсколько облегчало эти стремленія берлинской дипломатіи.

Въ такомъ видѣ застало Европу герцеговинское возстаніе 1875 года. Готовилось вскрытіе восточнаго вопроса, т. е. единственный случай пріобрѣсти союзниковъ противъ Россіи. Это въ ближайшемъ будущемъ, а покуда важно было воспользоваться отвлеченіемъ вниманія кабинетовъ великихъ державъ, чтобы однимъ ударомъ вывести Францію изъ числа активныхъ силъ Европы. Я уже упоминалъ выше объ этомъ покушеніи, одѣланномъ именно въ 1875 году. Россія и Англія не допустили. Оставалось выждать событій и вѣроятныхъ осложненій на Востокѣ. Событія и осложненія не заставили себя долго ждать, включительно до новой русско-турецкой войны. Хотя, предпринимая войну, Россія себя и обезпечила особыми соглашениями съ Австріей и Англіей, но будущее, конечно, было трудно предсказать. Осложненія по восточному вопросу были еще тѣмъ удобны, что по этому вопросу Россія не могла рассчитывать на сочувствіе Франціи. Событія развивались, Турція была разгромлена, и 19 февраля 1878 года подписанъ Санъ-Стефанскій договоръ, совершенно измѣнившій карту, установленную парижскимъ конгрессомъ 1856 года. Международное право требовало санкціи этихъ измѣненій воими державами, подписавшими парижскій трактатъ. Собрался берлинскій конгрессъ. Извѣстна роль Германіи на этомъ конгрессѣ. Ожидая войны Россіи съ Австріей и Англіей, германская дипломатія откровенно показала свои карты. Соблюдая

роль посредника, «честнаго маклера», эта дипломатія не скрывала своей игры въ пользу Австріи и Англіи и оказала имъ не мало очень серьезныхъ услугъ, не мало сокративъ плоды русскихъ военныхъ успѣховъ.

Берлинскій конгрессъ не могъ не вызвать полнаго охлажденія между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетами. Но теперь это не беспокоило германскую дипломатію. Она уже приобрѣла надежныхъ друзей въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Если въ 1875 году германской дипломатіи не удалось лишить Россію возможнаго союзника, то въ 1878 году она сумѣла приобрести сразу двухъ могущественныхъ союзниковъ, именно антирусскихъ. Оба эти союзника отнюдь не были антифранцузскими и, быть можетъ, именно это стремленіе приобрести союзъ Австріи и Англіи лучше всего доказываетъ, что настоящимъ объектомъ бисмарковской политики былъ именно разгромъ Россіи.

Сближеніе 1878 года скоро выразилось и формальнымъ австро-прусскимъ союзомъ, заключеннымъ въ 1879 году. Вліяніе англійской дипломатіи въ Римѣ содѣйствовало нѣсколько позднему вступленію въ союзъ и Италіи, которая, повидяному, имѣла въ виду прямо поживиться чѣмъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было. Могущественная англо-австро-германская комбинація давала къ тому основательныя надежды. Эти же, такъ называемыя, пуръ-буарныя соображенія привели въ Берлинъ и Румынію, увлекли и Швецію. Это было время, когда Бисмаркъ не стѣнялся проповѣдывать созданіе «жѣлѣзнаго кольца» вокругъ Россіи. Этотъ Eisenringъ долженъ былъ сдавить русскую державу и ввести ее въ ея естественныя предѣлы. «Естественность» предѣловъ должны были, конечно, опредѣлять участники Eisenring'a. На моряхъ, омывающихъ Россію, это была, конечно, главнымъ образомъ Англія. На европейскомъ континентѣ Швеція, Германія, Австрія, Румынія, Турція. Эти уже казались готовыми. Далѣе въ Азіи англійское вліяніе въ Персіи и Китаѣ обезпечивало, повидямому, полное завершеніе враждебнаго кольца. Все было хорошо задумано и подготовлено. Оставалось только оформить договоръ съ Англіей и приступать къ дѣлу. Виконсфилдъ былъ у власти и несомнѣнно этого желалъ, но значительная и вліятельная часть кабинета не раздѣляла его увлеченій и требовала сохранить за Англіей свободу дѣйствій. Приближавшіеся общіе выборы давали этой оппозиціи лишній аргументъ: надо выслушать мнѣніе страны. Страна высказала свое мнѣніе, Виконсфилдъ удался и у кормила правленія въ 1880 году сталъ Гладстонъ, круто измѣнившій направленіе иностранной политики, разошедшійся съ Германіей и сблизившійся съ Россіей и Франціей. Въ Берлинѣ это произвело прямо потрясающее впечатлѣніе. Тамъ не ожидали, что консервативная партія потерпитъ пораженіе. Еще менѣе того ожидали, чтобы какая бы то ни было англійская партія могла пойти на искреннее сближеніе съ Россіей и отказалась бы отъ въ своемъ родѣ

единственного случая ее ослабить до полной безвредности. Въ Берлинѣ забыли, что такой «единственный» случай Англія уже имѣла въ 1812 году и что тогда она сблизилась съ Россіей. Очевидно, въ Лондонѣ понимаютъ цѣну европейскаго равновѣсія и вовсе не склонны его нарушать въ пользу Германіи. Тамъ могли понять и то вѣроятное соображеніе, что разгромивъ Россію, Германія можетъ обратиться и противъ Англіи. Какъ бы то ни было, но первый періодъ бисмарковской политики Соединенной Германіи, заключающійся, по нашему мнѣнію, въ систематической подготовкѣ разгрома Россіи, заключился, какъ мы видѣли, неудачею. Онъ кончился въ 1880 году, занимая первое десятилѣтіе германской гегемоніи. Германская политика второго десятилѣтія имѣетъ въ сущности ту же цѣль, но въ Берлинѣ поняли ея трудности и повели игру, болѣе сложную и болѣе сокровенную.

Англо-франко-русская комбинація, столь нечаянно возникшая въ 1880 году, уже тогда положила бы конецъ германскому преобладанію, еслибы только могла упрочиться. Франціи, правда, тогда еще было далеко до того полнаго военнаго возрожденія, которое видитъ теперь. Но и въ то время она во всякомъ случаѣ стояла Австріи. Италія еще не связала себя формальнымъ договоромъ и съ своей длинною береговою линіей была мало полезна, если противъ нея были бы Англія и Франція. То же слѣдуетъ сказать и о Швеціи. Наконецъ, владычество на моряхъ и обиліе золота тоже крупный шансъ. Въ Берлинѣ все это отлично понимали и дѣятельно принялись за разстройство этой столь непріятной комбинаціи. Обстоятельства какъ бы нарочно сложились, чтобы помочь нѣмцамъ и обнаружить несвоевременность этой замѣчательной инициативы Гладстона, соответствовавшей болѣе будущему, нежели настоящему. Дѣло началось съ охлажденія между Франціей и Россіей изъ-за отказа парижскаго правительства выдать революціонера Гартмана, обвинявшагося въ динамитномъ взрывѣ императорскаго поѣзда на московско-курской желѣзной дорогѣ 19 ноября 1879 года. Германія съ своей стороны, напротивъ того, выказала полную готовность оказывать русскому правительству всякую самую дѣятельную поддержку въ борьбѣ съ революціоннымъ заговоромъ. Тоже и со стороны Австріи, тогда какъ Англія, послѣ Франціи, пріютила у себя того же Гартмана. Это сблизало Россію съ средне-европейскими державами и отдаляло отъ западныхъ, подрывая англо-франко-русское дипломатическое сближеніе. Другія событія, одно за другимъ, приводили къ раздору между участниками этой комбинаціи. Завоеваніе русскими Ахаль-Теке и мирное занятіе Мервъ-Теке вызвало недоумѣніе и возбужденіе въ Лондонѣ, а занятіе англичанами Египта разстроило ихъ съ французами. Эта кратковременная англо-франко-русская комбинація, правда, принудила Турцію исполнить нѣкоторыя изъ статей берлинскаго трактата, да разстроила нервы берлинской и вѣнской дипломатіи. Чтобы закрѣпить распаденіе непріятной комбинаціи, Бисмаркъ

предложилъ возобновить трехъ-императорское соглашеніе. Оно было возобновлено на императорскихъ съѣздахъ въ Скерневицахъ и Кремзирѣ въ 1885 году. Средне-европейскія державы его благоразумно ограничили всего *двухлѣтнимъ* срокомъ. Окончательно, какъ они думали, отрывая Россію отъ Англіи и Франціи, оно, это краткосрочное соглашеніе мало связывало свободу дѣйствія средне-европейской дипломатіи.

Разстроивъ англо-франко-русское соглашеніе, надо было наказывать теперь западныя державы за единеніе съ Россіей: Англію наказать чувствительно, но отечески, открывая дорогу для раскаянія; Францію же безпощадно вышвырнуть изъ списка великихъ державъ. Первая была наказана Англія. Въ томъ же 1885 году, когда Скерневицы и Кремзиръ обезпечили Австрію и Германію на два года со стороны Россіи, по инициативѣ Германіи, была созвана въ Берлинѣ конференція по колониальнымъ вопросамъ. Непосредственнымъ поводомъ было желаніе уладить спорные вопросы по владѣнію въ бассейнахъ Конго. Но съ улаженіемъ этихъ вопросовъ было очень искусно связано рѣшеніе важнаго принципиальнаго вопроса международнаго права въ сферѣ колониальной политики. Даетъ-ли право на владѣніе извѣстною дикою территоріей, никѣмъ раньше не занятой, простое объявленіе европейской державы, что она территорію эту присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ, или нужно при этомъ и фактическое осуществленіе этого заявленія, фактическое занятіе и управленіе территоріей? Очень много острововъ и очень много береговъ издавна считались англійскими только въ силу одного заявленія о томъ англійскаго правительства. Теперь это было признано неправильнымъ. Конференція постановила, что владѣніе должно быть осуществлено, а если территорія не занята и не управляема, то она *res nullius* и ее можетъ занять и присоединить другая держава. Единодушіе въ этомъ вопросѣ всей континентальной Европы вынудило и Англію дать согласіе на этотъ новый принципъ международнаго права. Эта серьезная уступка, значительно расширившая вѣдѣ за тѣмъ въ ущербъ Англіи колониальную территорію другихъ державъ, особенно Франціи и Германіи, было, однако, едва-ли не самымъ чувствительнымъ пораженіемъ Англіи въ XIX вѣкѣ. Германская дипломатія дала почувствовать британской значеніе своего недоброжелательства, какъ въ 1878 году, на берлинскомъ конгрессѣ, показала цѣну своей дружбы. Англіи теперь предоставлялось выбирать между враждою и дружбою, и вторая половина восьмидесятихъ годовъ видѣть постепенное сближеніе Англіи и Германіи. Этотъ моментъ, и при томъ до истеченія двухлѣтняго срока соглашенія съ Россіей, Германія думала выбрать для разгрома Франціи. Занятіе французами Туниса вызвало такое неудовольствіе въ Италіи, что римскій кабинетъ заключилъ незадолго до этого формальный союзъ съ Германіей, войдя кромѣ того въ сепаратное соглашеніе съ Англіей объ охранѣ послѣдней итальянскихъ береговъ отъ

французскаго флота взаимныя услуги въ Египтѣ. Англія пробовала склонить также Испанію войти въ эту комбинацію, но испанцы уклонились. Трехъ-императорское соглашеніе, тройственный союзъ (австро-германско-итальянскій), сепаратное англо-итальянское соглашеніе, казалось, вполне изолировали Францію, и она могла бы быть раздавлена превосходными силами. Была затѣяна скандально-вызывающая пограничная ссора съ перестрѣлкою, съ захватомъ на французской территоріи французскаго чиновника и съ обвиненіемъ французовъ именно въ этихъ дѣяніяхъ, предписанныхъ пограничными нѣмецкими властями изъ Берлина. Уже были двинуты войска къ границѣ. Уже было предъявлено въ Парижѣ дерзкое требованіе удовлетворенія за собственное нарушеніе международнаго права. Война была неизбежна. Внушительные совѣты умѣренности, данные въ Берлинѣ изъ Петербурга и Лондона, опять остановили эту недостойную травлю.

Травля эта, впрочемъ, не осталась безъ нѣкоторыхъ полезныхъ нѣмцамъ плодовъ. Министертво Гобля, съ достоинствомъ державшее себя въ этомъ столкновеніи (извѣстномъ подъ именемъ «инцидента Шнебеля»), должно было уступить мѣсто людямъ, совѣтовавшимъ уступчивость и болѣе всего страшившимся войны.

Эта робость, охватившая правящія сферы Франціи, вызвала горячій протестъ въ средѣ народа, вылившійся, между прочимъ, въ уродливой формѣ буланжизма. Власть, однако, охраняли люди, желавшіе избѣгнуть войны во что бы то ни стало. Это на нѣкоторое время развивало тройственному союзу руки на востокъ. Въ май 1887 года уладился инцидентъ Шнебеля, а въ августъ того же года истекалъ срокъ трехъ-императорскаго соглашенія, и тройственный союзъ получалъ свободу дѣйствія. Непосредственно слѣдующій періодъ былъ временемъ особенно дружнаго напора на Россію. Изгнаніе русскихъ цѣнностей съ германскаго рынка, боевыя пошлины, вытѣсненіе русскаго вліянія изъ балканскихъ государствъ, вызывающія рѣчи, вызывающія статьи, фабрикація сенсаціонныхъ извѣстій, набатъ по поводу передвиженія каждаго батальона въ предѣлахъ Россіи, все было пущено въ ходъ и все съ неумолимою, казалось, логикою вело къ открытому разрыву. Кончина императора Вильгельма I въ началѣ 1888 года и Фридриха III въ май того же года, естественно, задержали развитіе событій. Между тѣмъ, вѣсто робкихъ людей у власти въ Парижѣ стали люди, болѣе смѣлые, а не прекращающаяся двадцатилѣтняя тревога привела оба наиболѣе заинтересованные кабинета къ сознанію, что только прочное соглашеніе между Россіей и Франціей можетъ положить конецъ этому невыносимому состоянію.

Тяжела порою была суровая гегемонія Россіи, охранявшая status quo Европы отъ малѣйшей перемѣны и заставлявшая народы терпѣть уже застарѣлыя и отжившія условія только потому, что условія эти были легитимны и не были нарушены въ законномъ порядкѣ.

Обидны были порою и безцеремонныя вѣдѣтельства французской гегемоніи, совершенно, напротивъ того, не считавшейся съ установленными правами и отношеніями. Понятно поэтому, что въ концѣ періода и русской, и французской гегемоніи европейскіе народы и правительства чувствовали общее возбужденіе противъ своихъ руководителей. Однако, ни одна нація ни въ періодъ 1815—55 года, ни въ періодъ 1855—1870 гг. не чувствовала и не могла чувствовать опасенія за самое существованіе свое, не страшилась разгрома, не предвидѣла возможности быть вычеркнутою изъ европейскаго концерта. Это чувство всеобщей опасности, это отсутствіе гарантіи самого существованія, эти ожиданія разгрома, надругательства, паденія были всеобщі въ періодъ 1870—1890 года, въ эпоху гегемоніи бисмарковской Германіи. Сами нѣмцы были постоянно объаты этимъ чувствомъ. Призракъ войны на два фронта постоянно приводилъ ихъ въ трепетъ и заставлялъ ожидать всего худшаго. Щекотливое же положеніе Франціи и Россіи было совершенно особеннымъ въ исторіи. Приходилось постоянно ожидать самой роковой войны и рисковать всѣмъ своимъ положеніемъ великой державы и великой націи только потому, что нѣмцамъ нужна колониальная территорія и поприще для промышленной дѣятельности. Ясно, что самая необходимая необходимость заставила французскъ и русскихъ отложить прежнія соперничества и контрасты защищаемыхъ въ исторіи началъ и протянуть другъ другу руки ради взаимной безопасности, ради гарантіи европейской безопасности, потому что для Россіи и Франціи не можетъ быть собственной безопасности безъ общей европейской безопасности.

Кронштадтскій визитъ французскаго флота въ 1890 года былъ выраженіемъ уже совершившагося сближенія. Около того же времени палъ Бисмаркъ, и Германія обрѣла «новый курсъ». Эти два событія и заставляютъ принимать 1890 годъ за окончаніе прежняго періода германской гегемоніи, нарушеннаго европейскаго права и состоянія общей небезопасности. Новый періодъ европейской исторіи уже установилъ относительную безопасность Европы и даровалъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ народамъ, измученнымъ двадцатилѣтнею тревогою. Эта великая заслуга франко-русской комбинаціи, конечно, не должна быть рассматриваема, какъ единственная, которую народы вправѣ ожидать отъ новаго порядка, но должно хорошо уяснить себѣ, чего ни въ какомъ случаѣ народы вообще, французскій и русскій въ частности не должны ждать отъ франко-русскаго союза. И какъ союзъ двухъ очень различныхъ государственныхъ началъ, и какъ союзъ для обезпеченія безопасности, этотъ союзъ, по самому существу своему, не можетъ быть наступательнымъ, не можетъ имѣть всесторонней политической программы для переустройства Европы. Такія программы въ Парижѣ и въ Петербургѣ не могутъ быть сходны. Слѣдовательно, и какихъ либо замѣненій карты Европы отъ франко-русскаго союза ожидать за-

труднительно. Ни рейнскихъ провинцій Франціи, ни ключей Чернаго Моря Россіи союзъ этотъ не призванъ принести. Подобныя ожиданія, кромѣ вреда, ничего не принесутъ и могутъ только вызвать разочарованія. Однако, есть, и кромѣ безопасности, нѣкоторыя ожиданія, которыя не будетъ иллюзорнымъ возлагать на новый союзъ.

Я уже упомянулъ выше, что со времени обнаруженія русско-французской комбинаціи выраженія: *европейскіе интересы*, *европейское право* снова получили право гражданства, ранѣе того, въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія, изгнанныя изъ политическаго словаря. Это возстановленіе Европы, какъ единого тѣла, сознающаго свое единство и свою самодержавность, можетъ и должно быть однимъ изъ лучшихъ плодовъ франко-русскаго союза. Признаки этого *европейскаго* возрожденія уже замѣтны, хотя начала *реальной политики* еще имѣютъ слишкомъ много значенія въ совѣтахъ Европы, больше, нежели это было до 1870 года.

Возвращеніе Франціи и Россіи къ началамъ европейской политики, отреченіе отъ заимствованной изъ Берлина реальной политики могли бы выразиться достойнѣе всего и плодотворнѣе всего на рѣшеніи восточнаго вопроса. Только реальная политика затормозила дѣло преобразования Арменіи. Только та же реальная политика могла продиктовать рѣшимость предоставить туркамъ разгромить Грецію. Только она же держитъ въ настоящее время Востокъ въ томъ же невыносимомъ состояніи неясности и небезопасности, отъ котораго Европа освободилась, благодаря франко-русскому союзу. Даровавъ себѣ и западу безопасность и устойчивое положеніе, Россія и Франція поступили бы столько-же послѣдовательно, сколько достойно, если бы распространили ту же безопасность и такую же устойчивость и на Востокъ, на его измученные, истязанные, истекающіе кровью народы. Тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ франко-русская политика нашла бы энергическую поддержку въ Лондонѣ, вѣроятно, и въ Римѣ и сочувствіе культурнаго міра. Не надо забывать, что безопасность и устойчивость, благосостояніе и культура Востока, этого непосредственнаго сосѣда Европы и ея географическаго и историческаго продолженія, сами по себѣ составляютъ такой же важный элементъ безопасности, устойчивости, благосостоянія и культуры Европы. Если можно и должно сказать, что европейская политика потому много предпочтительнѣе реальной (т. е. исключительно національной), что не только достойнѣе и справедливѣе, но и выгоднѣе (общая солидарность европейскихъ интересовъ такъ велика, что нарушеніе ихъ составляетъ прежде всего ущербъ и для самой нарушительницы), то тоже самое слѣдуетъ сказать и о ближнемъ Востокѣ (Балканскій полуостровъ, Передняя Азія, Египетъ), потому что и здѣсь политика, имѣющая въ виду интересы и права восточныхъ народовъ, явилась бы поистинѣ европейскою, принося всей Европѣ, а слѣдовательно и каждой ея

націи въ отдѣльности, выгоды и преимущества, далеко превосходящія тѣ, которыя могли-бы эти націи приобрести отъ разграбленія земель Востока по методу реалъ-политиковъ. И мнѣ кажется, что народы имѣютъ право не только желать, но и надѣяться, что принципы *европейской* политики по отношенію къ Востоку, въ концѣ концовъ, восторжествуютъ въ совѣтахъ Европы и что однимъ изъ существенныхъ факторовъ этого торжества явится франко-русская комбинація, которая уже положила начало возрожденію этой европейской политики въ другихъ вопросахъ международной жизни.

Установленіе европейской безопасности.

Возстановленіе идеи солидарной Европы.

Распространеніе европейскаго права на ближній Востокъ.

Если къ этому списку прибавить нѣкоторое взаимное содѣйствіе въ колоніальныхъ дѣлахъ, то, кажется мнѣ, мы наметимъ тѣ главныя надежды, которыя мы вправѣ связывать съ франко-русскою комбинаціею... Если она осуществитъ ихъ, исторія не забудетъ вписать ее въ свои анналы, какъ одну изъ благотѣлнѣйшихъ историческихъ комбинацій.

На почвѣ реальной политики едва-ли можно отъ нея ждать чего-либо, кромѣ разочарованія.

С. Юмаковъ.

Обзоръ нашей современной поэзіи.

Безъ преувеличенія можно сказать, что за десять послѣднихъ лѣтъ, протекшихъ со дня смерти Надсона, число стихотворныхъ сборниковъ, появляющихся здѣсь и тамъ чуть не ежедневно, опредѣляется цѣлыми сотнями, и эта цифра превратилась бы, навѣрное, въ тысячи, если бы мы захотѣли сосчитать и всѣхъ тѣхъ современныхъ поэтовъ, которые, напечатавъ въ какомъ-либо журналѣ одно-два стихотворенія и не имѣя почему-либо возможности предстать передъ публикой съ отдѣльнымъ томикомъ своихъ вдохновеній, въ тайнѣ души тоже мечтаютъ занять вакантный нынѣ тронъ русской поэзіи.

Не будемъ однако заходить такъ далеко и ограничимъ наше исчисленіе существующихъ на Руси стихотворцевъ всего нѣсколькими сотнями. Сотни поэтовъ — да вѣдь и это довольно-таки внушительная цифра! это цѣлое море молодыхъ человѣческихъ жизней, кипучихъ порываній къ высокому и прекрасному, — море, въ которомъ, навѣрное, есть безобразныя чудища, но должны же таиться и какіе-нибудь перлы! Сотни загадочныхъ мечтателей-юношей, грустныхъ, одинокихъ, самолюбивыхъ, всегда углубленныхъ въ свои та-

ниственныя мечтанія... Не интересовались-ли вы когда-нибудь, читатель, судьбою этихъ странныхъ искателей славы, кончающихъ большею частью жизнь на жалкихъ чердакахъ, но до гробовой доски не устающихъ пѣть о ней, прекрасной сказочной феѣ съ короной на головѣ, и о своихъ тайныхъ бесѣдахъ съ нею въ темныхъ нишахъ дворцовъ, близъ сладко журчащихъ фонтановъ. Конечно, во все время и во всехъ странахъ бывали эти «непризнанные гении», но, судя по всему, никогда еще въ нашемъ отечествѣ не появлялись они въ такомъ количествѣ, какъ въ эти послѣдніе, томительно-грустные, мрачно-безплодные въ другихъ отношеніяхъ годы. И надо говорить правду: никогда критика не высмѣивала ихъ такъ жестоко, никогда еще въ публикѣ не падало такъ низко званіе стихотворца.

Между тѣмъ, самихъ представителей современной поэзіи такое отношеніе общества, повидимому, нисколько не волнуетъ. Они не унимаются: въ отчаянной погонѣ за лаврами, настойчиво и мѣрно, словно капли зарядившаго надолго дождя, продолжаютъ сыпаться на нашу голову ихъ безчисленные стихотворные сборники, и у человека, почему-либо недостаточно знакомаго съ вѣшними и внутренними качествами этихъ сборниковъ, невольно возникаетъ порою вопросъ: да полно! дѣйствительно-ли такъ ужъ поголовно плохи нынѣшніе поэты? Нѣтъ-ли другой какой причины этихъ безпощадныхъ и единодушныхъ насмѣшекъ надъ ними? Не говоритъ-ли здѣсь, хоть отчасти, охлажденіе публики къ стихамъ вообще? Въ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени (вѣдь какихъ-нибудь полвѣка успѣло пройти со смерти Пушкина, основателя нашей новой литературы!) многочисленные поэты подарили намъ такое количество художественныхъ эмоцийъ и образовъ, что мы врядъ-ли еще могли и этотъ-то богатый матеріалъ изложить и перечувствовать, какъ слѣдуетъ. Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, Никитинъ, Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій, Алексѣй Толстой, Надсонъ,—не перечисляемъ еще десятка меньшихъ величинъ,—какое, въ самомъ дѣлѣ, разнообразіе поэтической формы и содержанія, разнообразіе, доходящее порой до прямой противоположности! Наше медлительно и сонливо живущее общество нуждается-ли послѣ этого еще въ новыхъ поэтахъ, въ новыхъ стихахъ, формѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе искусственной, болѣе уточненной, нежели всякая иная литературная форма?

Такіе вопросы, признаемся, и намъ приходили нерѣдко въ голову; въ концѣ концовъ, мы рѣшились, не вѣря на слово журнальнымъ рецензентамъ, лично окунуться въ то море стиховъ, о которомъ говорили выше, и собственными глазами узрѣть какъ копошались въ немъ чудовища, такъ и тающіеся въ глубинѣ перлы. Надо-ли, впрочемъ, оговариваться при этомъ, что мы не имѣли даже физической возможности въ одинъ приемъ ознакомиться съ нѣсколькими сотнями современныхъ поэтовъ. Хуже того: редакція «Русскаго Богатства», къ которой мы обратились за помощію, могла отыскать въ своемъ архивѣ и предложить намъ всего лишь около

тридцати стихотворныхъ сборниковъ, уцѣлѣвшихъ тамъ за послѣдніе два года: увы! всѣ остальные безвременно погибли отъ ярости читавшихъ ихъ рецензентовъ...

Такимъ образомъ, подборъ попавшихъ въ наши руки поэтовъ вышелъ довольно случайнымъ, и первоначально мы даже были нѣсколько огорчены этимъ обстоятельствомъ. Однако, затѣмъ насъ утѣшило то справедливое соображеніе, что случайность, во всякомъ случаѣ, предпочтительнѣе какой-либо тенденціозности, особенно для той цѣли, какую мы себѣ поставили: отнестись къ современнымъ стихотворцамъ, къ ихъ достоинствамъ и недостаткамъ съ возможнымъ безпристрастіемъ. Разъ нельзя перечитать *всѣхъ* поэтовъ и приходится, въ виду человѣческой немощности, ограничиться двумя-тремя десятками, то, конечно, всего лучше взять тѣхъ, какіе попадутся подъ руку.

Проницательный читатель (несомнѣнно, и въ настоящее время, какъ тридцать лѣтъ назадъ, существующій на Руси), понятно, раньше знаетъ, что это ныряніе въ море поэзіи поведетъ лишь къ самому жестокому разочарованію: никакихъ особенныхъ жемчужинъ мы тамъ не сыщемъ, а придемъ къ обыкновеннѣйшей и скучнѣйшей необходимости «сказать, что ихъ (нынѣшнихъ поэтовъ) не надобно читать». Ну, стоитъ-ли, ради такого бесплоднаго вывода, начинать цѣлую статью? Стоитъ-ли и читать ее?

Да, если имѣть, главнымъ образомъ, въ виду художественную цѣнность поэзіи нашихъ дней, то мы сильно опасаемся, что проницательный читатель окажется, дѣйствительно, правымъ; но въ этомъ-ли одномъ, спрашивается, дѣло? Насъ лично, по крайней мѣрѣ, занимаютъ не столько заслуги и права нашихъ жрецовъ Аполлона войти въ храмъ славы, сколько вопросъ о томъ: какія чувства, какія мысли наполняютъ и волнуютъ ихъ молодые сердца и умы? Пускай будутъ они безталанны, безцвѣтны, пускай будутъ даже безграмотны, но вѣдь молоды же они, въ самомъ дѣлѣ? Имѣютъ же они въ груди живое сердце, а не битый чугуунъ, дышутъ воздухомъ не при царѣ Горохѣ, а «въ настоящее время, когда»? Какъ-ни-какъ, а мы имѣемъ, въ концѣ концовъ, дѣло съ литературными представителями молодого поколѣнія...

Само собой разумѣется, что и въ этомъ направленіи было бы съ нашей стороны смѣло обобщать какіе-либо существенно-важные, новые и любопытные выводы. Возможно, что скучный въ общемъ критическій анализъ, хоть случайно, хоть невзначай, и натолкнетъ насъ на сколько-нибудь интересные факты, мысли, обобщенія; но возможно и то, что мы на всѣхъ пунктахъ потерпимъ поражение, и тогда... тогда намъ останется, конечно, одно: просить у проницательнаго читателя прощенія за бесполезно потраченное въ чтеніи нашей статьи драгоценное время.

I.

Поэты-монстры.—Шаблонные и банальные поэты.

Начнемъ съ откровеннаго признанія: адская была работа прочитать подрядъ и прочесть добросовѣстно, отъ доски до доски, тридцать стихотворныхъ сборниковъ!.. Чтеніе это потребовало ровно двухъ недѣль, и къ концу его у насъ буквально мутилось въ глазахъ, а мысли точно провалились въ какую-то бездонную пустоту. Только отдышавшись и придя немного въ себя, мы получили возможность разобраться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ и раздѣлить прочитанные сборники (правда, руководясь иногда чисто-внѣшними признаками) на кой-какія группы и категоріи.

Изъ нихъ самую обширную и, конечно, самую убійственную группу составили тѣ поэты, у которыхъ до выпуска въ свѣтъ сборника стиховъ не было, повидимому, ни малѣйшаго прикосновенія даже къ той литературѣ, о которой принято говорить: «Ванька, это твоя литература!» Все въ нихъ чудовишно—и форма, и идея; вѣрнѣе сказать, что идеи здѣсь никакой нѣтъ, а есть только дикія фантазмагоріи сумасшедшаго или жалкіе намеки на мысль, свойственную здоровому человѣку. Правда, нѣкоторые изъ этихъ «поэтовъ», очевидно, сидятъ еще въ Камчаткѣ 2-го или 3-го класса гимназій, и дикость ихъ стиховъ прежде всего можетъ зависѣть отъ чрезмерно зеленого возраста авторовъ и неумѣнья ихъ справляться со стихомъ и рифмой: такихъ мы пощадимъ, и именъ называть не будемъ. За то многіе другіе производятъ впечатлѣніе вполне совершеннѣйшихъ Митрофановъ. Не угодно-ли вамъ, читатель, познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Г. Бѣломорскій на обложкѣ своего сборника дѣлаетъ прежде всего предупредительное заявленіе, что, при покупкѣ *не менее* 10 экземпляровъ, его можно, кромѣ магазиновъ, приобрести у самого автора (слѣдуетъ подробный адресъ). Авторъ, очевидно, питаетъ опасеніе, что публика вломъ повалитъ въ Ковенскій переулокъ, соблазняясь перспективой воочию увидать г. Бѣломорскаго, и потому считаетъ нужнымъ ограничить доступъ къ себѣ высокой, сравнительно, пятирублевой платой (сборничекъ стоитъ 50 коп.). Въ стихахъ мы встречаемся съ тѣмъ же величіемъ и великолѣпиемъ. Съ неба спускается хоръ ангельскихъ силъ, и нашъ поэтъ присоединяетъ къ его пѣнію свой голосъ; а затѣмъ всѣ вмѣстѣ несутся «черезъ аврору», къ престолу Всемогущаго Царя. Вообще не на-землѣ отчизна г. Бѣломорскаго, о нѣтъ! Она тамъ,

Гдѣ зефиръ едва трепещетъ
Мановеніемъ крыла (?);
Тамъ, откуда въ стройномъ ходѣ (?)
На земь падаетъ звезда,
Гдѣ о купленной (?) свободѣ
Не мечтали никогда.

Намъ, простымъ смертнымъ, казалось-бы—чего же лучше? Улетѣть человѣкъ въ эту блаженную траву (да еще какъ улетѣлъ-то: черезъ самую аврору!),—ну, и сидѣлъ бы себѣ тамъ, припѣваячи. Но г. Бѣломорскій для чего-то снова возвращается въ Ковенскій переулокъ.

Хоть и дошла насмѣшка насъ людская,
Да не совсѣмъ разбила въ насъ мечту!

А мечта г. Бѣломорскаго немалая:

Отнынѣ съ надеждой и гордымъ терпѣньемъ
Я міру явился съ мовимъ откровеньемъ
И, вѣрный призванью, блаженной душой
Сходящаго въ звукахъ, являемыхъ мной (?),
Я радостно чую незримаго Бога.

Такъ вотъ съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло, читатель, тутъ шутки надо отложить въ сторону. Передъ нами поэтъ-пророкъ, принесшій въ міръ новое откровеніе. Одного только обстоятельства мы никакъ не въ состояніи переварить: какимъ образомъ столь великій человѣкъ, въ разумѣ мечтающій сравняться «съ всемірнымъ знаніемъ въполнѣ», или горделиво заявляющій о себѣ:

Не умру я совсѣмъ,—предъ грядущей судьбой
Въ скромной (?) пѣснѣ моей вѣчный памятникъ мой!—

какъ можетъ этотъ Іеремія новыхъ дней, подочно всѣмъ грѣшнымъ людямъ, имѣть какую-то «властительницу думы о (?) веснѣ ликующей моей»? Узнавъ «желаніе» г. Бѣломорскаго, эта удивительная «властительница думы» назначаетъ ему свиданіе въ саду; поэтъ-пророкъ является туда и—о, ужасъ: забывая свой возвышенный санъ, «держитъ въ объятыхъ грѣхъ чудесный»!!! Нѣтъ, мы положительно отказываемся вѣрить, чтобъ тутъ не было какой-нибудь глубоко, глубоко сокровенной аллегоріи. Тѣмъ болѣе, что вѣдь тому же г. Бѣломорскому принадлежитъ «Элегія любви», столь плѣнительная по своему строгому цѣломудрію:

Отцы! не нужно намъ, чтобъ въ злато
Закованъ былъ нашъ брачный стягъ:
Нашъ (?) первый долгъ, чтобъ жены свято
Блюли семейный нашъ очагъ;
Чтобъ жизни пошлые секреты
Дѣтей касаться не могли;
Не призракъ дѣвъ, въ стихахъ воспѣтый,
Намъ дайте чистыхъ женъ земли!

Авторъ сборника «Волиъ», г. Бессоновъ полагаетъ, что ему отъ природы данъ былъ «свѣтлый умъ и много тайныхъ силъ», но бѣда въ томъ, что онъ «испыталъ въ житейскомъ морѣ много скалъ», и вотъ «въ кудряхъ его ужъ засѣлъ нарядъ, предвѣщающій увяданіе». Вы ожидаете вслѣдъ за этимъ услышать возвышенное похвѣствованіе въ духѣ Павла Ивановича Чичикова, похвѣствованіе о

баркѣ, носившейся по волѣ вѣтровъ, о злобѣ людской и гоненіяхъ за правду, но г. Безсоновъ притворствоватъ не любитъ и рѣшетъ напрямикъ:

Дѣвки, братъ,—
Радъ, не радъ—
Всѣ тиранки злыя! {
Скажетъ всякъ:
Тотъ дуракъ,
Кто любви здѣсь ищетъ,
И скорѣй
Онъ, ей-ей,
Муки въ ней отыщеть!

Эти муки находятъ себѣ, впрочемъ, чисто-національное утѣшеніе:

Ну, валай,
Наливай
Чару золотую...
Такъ живи,
Пробки рви
Веселѣй, какъ можно!

Въ другомъ стихотвореніи г. Безсоновъ указываетъ намъ и на причину такого мрачнаго взгляда на любовь:

Законъ любви, намъ повторяютъ,
И былъ и есть.
Да, есть; но здѣсь не позволяютъ
Ему процвѣсть!

Такъ, вотъ, въ чемъ дѣло: *здесь*, т. е., очевидно, у насъ въ Россіи, не позволяютъ въ желательной степени процвѣсть «закону любви...» Кто или что именно не позволяетъ? Поэтъ благоразумно умалчиваетъ объ этомъ, и мы можемъ лишь догадываться (конечно, съ рискомъ жестоко ошибиться), что его возмущаетъ строгость русскаго законодательства о бракѣ... Впрочемъ, возмущеніе это нисколько не мѣшаетъ г. Безсонову оставаться горячимъ патріотомъ своего отечества и пѣть:

Ахъ ты, матушка Русь,
Я тобою горжусь,
Сердцу милую!
Ты гигантомъ глядишь,
Супостатамъ грозишь
Своей силою.

Въ одномъ ряду съ гг. Бѣломорскими и Безсоновымъ, по справедливости, можетъ стать новоявленный «баснописецъ» г. Масловъ, выпускающій нынѣ пятую книгу своихъ «Басень и былей» и посвящающій ихъ внукамъ и внучкамъ. Читатели «Русскаго Богатства» уже имѣли случай познакомиться въ отдѣлѣ «Новыхъ книгъ» съ этимъ оригинальнымъ талантомъ, и намъ нѣтъ нужды снова на немъ подробно останавливаться. Приведемъ для образчика

только одну изъ басенъ, не выбирая наиболѣе любопытной или характерной:

Амуры fin de siècle.

Бываетъ въ чувствахъ кутерьма:
Лѣтъ сорока пяти субъектъ сошелъ съ ума.
Хоть некрасиво былъ сложенъ,
Имѣлъ трехъ женъ.
Съ законной *первой* бралъ подачку
И на подачку ту—*второй* купилъ онъ дачку.
Отъ *третьей*—выигрышный билетъ,
Сюртукъ, и галстукъ и жилетъ
Онъ получилъ въ подарокъ,—
Знать, подѣлуй былъ жарокъ!

Всѣмъ тремъ амурамъ
Онъ (?) былъ Альфонсомъ и Артуромъ.

Все. Да чего же и надо больше?

Что сказать объ этихъ чуднцахъ стихотворнаго искусства? Много дребедени печатается въ нашей не только мелкой, но и крупной, провинціальной и столичной прессѣ, но врядъ-ли на страницы какого-нибудь изданія пустать подобныхъ «литераторовъ». А вѣдь мы еще выбрали ихъ совершенно случайно и вовсе не думаемъ ручаться, что лучшихъ прелестей нашъ современный Парнасъ не знаетъ! Время и жизнь точно совсѣмъ не движутся для гг. Вѣломорскихъ и Масловичей: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличаются эти «поэты», живущіе въ концѣ 90-хъ годовъ, отъ своихъ собратьевъ, жившихъ тридцать и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, отъ какихъ-нибудь Б. Оедоровыхъ и Вѣшенцевыхъ, которыхъ осмѣивали нѣкогда Вѣлинскій и Добролюбовъ? Мы не видимъ рѣшительно никакой разницы къ лучшему.

Но гг. Вѣломорскій, Масловичъ и имъ подобные могутъ быть хоть тѣмъ счастливы, что несправедливо было бы негодовать на нихъ, возмущаться ими и пр.: они даютъ то, что въ состояніи дать среда, ихъ создавшая, тѣ, очевидно, неприкосновенныя къ культурѣ условія, въ которыхъ они воспитывались и жили. И! право же, надъ произведеніями этихъ немудращихъ пѣнцовъ можно иногда отъ души посмѣяться.

Но что вы скажете, читатель, о такомъ уже несомнѣнномъ дѣтищѣ «литературы», какъ, напр., харьковскій поэтъ, г. Б. Н. Поповъ, выпускающій въ свѣтъ *второй*, довольно объемистый, томъ своихъ стихотвореній (*первую* мы, по счастью, не видали) и такъ характеризующій самого себя:

Я поэтъ совсѣмъ усталый,
Я заѣженный поэтъ,
Вдохновенья искры малой
У меня годами нѣтъ.
Ежедневно же построчно

*Для читающих ослось
Я представить долженъ срочно
Столько-то набору словъ.*

Значить, мы ищемъ тутъ дѣло съ писателемъ по профессіи. Очень мѣтко опредѣляетъ г. Поповъ свою публику. Для «читающихъ ослось», вѣроятно, кажется глубоко поэтической вещью и такое, напр., стихотвореніе, какъ «Груша».

Она обидѣла меня,
Но ей же больно стало,—
Я видѣлъ — заревои огня
Лицо ея пылаю.
Потомъ домой она ушла,
Мнѣ было жаль сердечно;
Потомъ мнѣ грушу принесла, —
Ее я съѣлъ, конечно.
Ахъ, эта груша! Какъ сочна
Она была! Не струшу
Сказать, что плакала она,
Глядя, какъ ѣлъ я грушу.
Я грушу съѣлъ и съ нею съѣлъ
Сердечко неумило:
Изъ всѣхъ моихъ, презрѣнныхъ дѣлъ
Презрѣннѣйшее дѣло!

Вообще въ тонкостяхъ любви харьковскій поэтъ такой мастеръ, что съ гордостью заявляетъ о себѣ:

Всѣ этапы любви я безумной прошель,
Всю Владиміреу страсти извѣдалъ!

Эта «этапная» любовь и страсть лучше всего характеризуются стихомъ того же Попова:

Эти бы мнѣ ручки! Эти бы уста!

Кто же, однако, являются «читающими ослиами» такого рода «поэтовъ?».

Очевидно, не тѣ только несчастные «Ваньки», для которыхъ остроумный баронъ Брамбеусъ отводилъ извѣстный сортъ литературы. Литература, которую создаютъ гг. Поповы, отличается болѣе высокими претензіями; въ ней уже есть своего рода «идеи», своего рода «взгляды». Если рѣчь пойдетъ, напр., о классицизмѣ (который, по всей вѣроятности, очень туго давался нѣкогда самому г. Попову), то онъ не прочь и либерализничать, да еще какъ! Каткова и покойнаго министра Толстого онъ помѣщаетъ въ аду и тамъ ежедневно сѣчетъ розгами за неприготовленные уроки латинскаго и греческаго языковъ... ну, развѣ же это не остроумно и не либерально!.. но «либерализмъ» этотъ очень легко и удобно можетъ превратиться въ «откровенность» газеты «Краса Демидрона». Такъ, въ стих. «Сонъ» г. Поповъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ (правда, въ пьяномъ видѣ) свои взгляды на русскую поэзію:

Покойниковъ назвать могу я вамъ немногихъ,
У конхъ былъ талантъ. Заморыши они:
Некрасовъ, А. Толстой, Никитинъ. Только строго
Сказать—они уже забыты въ наши дни.
Некрасовъ откупилъ російскихъ женщинъ слезы
И мѣрилъ ихъ ведромъ—народный былъ поэтъ.

.....
Теперь у насъ царятъ поэтики-жиды:
Виленинъ, Фругъ, Надсонъ... Надсонъ ужъ, правда,
померъ.

Онъ ангельской души свое безсилъе пѣлъ,
Безсилъно, но тепло; межъ нихъ онъ первый номеръ.
Отличіе ихъ въ томъ, что кто бъ ни захотѣлъ
Запомнить ихъ стихи, пасуетъ передъ ними.

и т. д. и т. д.

Не знаемъ, съ профессиональными-ли «писателями» имѣемъ мы дѣло въ лицѣ гг. Л. Г. и Коншина, но оба они въ очень развѣ немногое могли бы уступить г. Попову изъ Харькова. Первый изучалъ исторію древняго міра и даже написать драмы «Ипатія» и «Мирра»; второй берется судить о какомъ угодно изъ современныхъ вопросовъ и судить такъ, что, пожалуй, любому благополучному россиянину было бы въ перу! Оба поэта прежде всего ужасны своей необычайной плодовитостью. Огромный томъ (въ 400 стр.) г. Коншина заключаетъ въ себѣ поэму «Валингъ» въ трехъ частяхъ и около 150 мелкихъ лирическихъ стихотвореній, и, тѣмъ не меньше, на обложкѣ книги начертано «томъ первый», другими словами: «ждите второго»... Г. Л. Г., правда, не даетъ такого отраднаго обѣщанія, но онъ употребляетъ за то маленькую военную хитрость: чуть не въ половинѣ своихъ стихотвореній пишетъ въ одну страницу два стиха, и на его 400 страницахъ умѣщается, такимъ образомъ, столько поэтического матеріала, сколько г. Коншинъ умудрится помѣстить, быть можетъ, въ двухъ только томахъ-девяаанахъ...

Г. Л. Г. по преимуществу лирикъ, и вдохновенія его посвящены, главнымъ образомъ, вопросамъ чувства, т. е. прежде всего, конечно, любви. Замѣчательной, впрочемъ, философской глубиной отличаются и нѣкоторые изъ его афоризмовъ и поученій, какъ напр.:

..... подвязать оседкой
Цвѣтокъ болящій—свато!

или въ такомъ родѣ:

Въ развратѣ смѣло утопай—
Другихъ не видно и дорогъ!

Неизвѣстно, въ минуту-ли только отчаянія вырывалось у г. Л. Г. такое восклицаніе, или онъ дѣйствительно не видитъ «другихъ дорогъ»; но себя самого онъ живописуетъ красками самыми мрачными, съ откровенностью просто изумительной! «Какъ развратникъ, сердцемъ чистый (?)», онъ «все продѣлалъ, что не надо»; онъ «весь—ложь до послѣдняго слова»; «наклонности его толкаютъ въ грязь»; онъ «гнулся передъ силой, душу пачкалъ ложью, честь слагалъ къ»

кумира грязному подножью» и пр. и пр. Словомъ, дѣло обстоитъ до того плохо, что г. Л. Г., наконецъ, восклицаетъ:

Умереть бы мнѣ, да поскорѣе!

Но, человекъ коварный (по его собственной аттестаціи), г. Л. Г. серьезно умирать не собирается и продолжаетъ писать стихи и стихи, то давая имъ одно общее названіе «Отлики жизни», то—черезъ страницу—передумывая и мѣняя это названіе на «Буря сердца и сны», а еще черезъ страницу на «Зарю любви и жизни». Дѣло не обходится даже безъ двухъ портретовъ (почему-то въ черныхъ рамкахъ), одинъ изъ которыхъ принадлежитъ ей, а другой ему, т. е., какъ можно догадываться по напечатанному тутъ же петитомъ стихотворенію, самому юному автору.

Спеціальный мотивъ нашего поэта, какъ мы уже сказали,—любовь. Читатель приглашается раздѣлять его великую скорбь:

Мнѣ этой груди не понять,
Нѣмня, гордыя уста
Не дѣловать до упоенья!

Скорбь эта такъ безмѣрна, что авторъ «губить себя, не жалѣя, и самъ не зная, что творить»... А между тѣмъ, по его мнѣнію:

... Въ мірѣ нѣтъ высшаго счастья,
Какъ вѣрить, любить и горѣть на огнѣ,
Могучемъ огнѣ сладострастья!

Питая это глубокое убѣжденіе, г. Л. Г. съ такимъ откровеннымъ смакованьемъ описываетъ на стр. 63 восторги брачной ночи, что мы принуждены уволить читателей «Р. В.» отъ знакомства съ этимъ шедевромъ современной барковщины...

Не прочь побесѣдовать о любви и г. Коншинъ.

Мнѣ снится порою, что рай Магометовъ,
Чудесный, доступенъ и мнѣ,
И что въ немъ, безъ клятвы и тяжелыхъ обѣтовъ,
Я въ жены тебя взялъ себѣ.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Сегодня у ногъ твоихъ ползаю, плачу,
Лобзаю слѣды ихъ... вся жизнь для тебя!
Черезъ день для другой тѣ-же чувства ужъ трачу,
Ее еще жгучѣй, сильнѣй люблю!

Какъ видите, читатель, стихъ г. Коншина не очень-то легокъ:

Эмаръ, Майнъ-Ридъ заплонили
Умъ юный средь своихъ сѣтей.
Севозъ призму этихъ (?) описаній
Онъ видѣлъ свѣтъ и ждалъ тотъ мигъ,
Когда и самъ, полнъ силъ, желаній,
Ногою вступить съ мірѣ силъ книгъ!

Но это небольшая, конечно, бѣда. Главная сила г. Коншина въ

патріотическомъ чувствѣ его музы, воспѣвающей «духъ силы, вѣру въ мощь властей», ненавидящей равно какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ православнаго народа. Въ этомъ родѣ у г. Кошпина есть два стиха, которые, по всей справедливости, должны увѣковѣчить его имя. Герой поэмы «Валинь» поступаетъ на службу въ одно изъ министерствъ, которое онъ считаетъ храмомъ служенія родинѣ; но въ храмѣ оказываются «интриги, злобные подкосы подъ каждый новый, свѣтлый умъ и рабство предъ судомъ Европы, безъ русскихъ цѣлей, русскихъ думъ»,—и вотъ по этому поводу поэтъ раздражается горькимъ, но замѣчательнымъ по энергіи восклицаніемъ.

О Русь, о бѣдная невѣста,
Какъ выборъ жениховъ убогъ!

Сильнѣе этого у г. Кошпина ничего не найти; да и надо-ли искать?

Не пора-ли намъ перейти къ другой группѣ стихотворцевъ, которую назовемъ... юдолью поэтической банальности и шаблонности. Группа эта, пожалуй, еще богаче представителями, чѣмъ предыдущая. Они пишутъ, сравнительно, грамотно и не такимъ сухоннымъ стихомъ, какъ поэты-монстры. Однако, странное дѣло! благихъ результатовъ отъ этого не получается. Гладкій стихъ этихъ грамотныхъ стихотворцевъ напоминаетъ собой гладкость выжженной солнцемъ степи; оригинальные образы у нихъ отсутствуютъ; мысли и чувства страшно малы, заѣзжены, все монотонно и скучно до одуренія. Читаете вы одно стихотвореніе — не вполне понимаете его смыслъ, но останавливаться, доискиваться его не имѣете ни малѣйшаго желанія, и быстро переходите къ слѣдующему номеру. Что это? Гдѣ-то, какъ-будто, вы читали уже нѣчто подобное, но гдѣ именно — вспомнить трудно, да и неинтересно: оригинальнаго, во всякомъ разѣ, ничего нѣтъ. При чтеніи третьяго стихотворенія въ нашемъ умѣ мелькнетъ даже на минуту поэтической образъ, шевельнется въ душѣ теплое чувство; вы настораживаетесь, спѣшите перечестъ стихи... Увы! образъ уже расплылся, чувство исчезло, — это вы сами создали, сами навязали ихъ утопающему въ прозѣ автору! Что касается идей, то среди авторовъ этого рода имѣются и либералы, и консерваторы, и даже ретрограды, но разница эта оказывается абсолютно несущественной; всѣ и либералы, и ретрограды—въ изумительно-одинаковой степени нагоняютъ на читателя зѣвоту, одинаково внушаютъ, въ концѣ концовъ, отвращеніе къ стихамъ и рифмамъ.

Вотъ какъ пишетъ, напр., г. Александръ Мейснеръ:

Рабы, вы ищите свободы!
Оставьте дѣтскую мечту,
Вамъ не похитить у природы
Ея иллюзій красоту.

Мы всѣ рабы, свободы нѣтъ!

Владыи міра несвободны—
 Поработилъ ихъ этикетъ.
 У нашей воли нѣтъ свободы;
 Непроизвольно льются воды,
 Непроизвольно громъ гремитъ,
 И листъ на деревѣ трепещетъ,
 И свѣтовой эфиръ дрожитъ,
 И метеоръ на небѣ блещетъ,
 И раздается бури стонъ...
 Нѣтъ, всюду властвуетъ законъ.
 Рабы, вы ищете свободы,
 Ярмо хотите вы сломить,
 Когда и солнце, царь природы,
 Не въ силахъ путь свой измѣнить!

Тутъ все свалено въ одну кучу—свобода и произволъ, физическій законъ и законъ общественный, и мудрено-ли, что неумные стихи, сами по себѣ довольно звучные, не производятъ ни малѣйшаго поэтического впечатлѣнія. Въ другомъ мѣстѣ г. Мейснеръ, впрочемъ, самъ признается, что «бѣдный умъ» его «ослабъ, идеаламъ своимъ измѣнилъ»,—и вотъ обладателю его одно остается въ области поэзіи: идти протореннымъ путемъ шаблонности или даже пошлости, воспѣвать (якобы въ минуты «Отчаянія») «продажныя объятія» и пр., и пр.

Кн. Крапоткинъ, хотя и долженъ быть отнесенъ къ той же группѣ стихотворцевъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могъ бы быть очень любопытнымъ и даже симпатичнымъ поэтомъ. Интересно и симпатично уже одно то, что въ наши дни онъ рѣшается подражать... Некрасову! Знаменательно также, что въ то время, какъ многіе изъ представителей нашей разночинной интеллигенціи, въ погоню за модой, увлекаются теоріей искусства для искусства и, равнодушные къ страданіямъ меньшого брата, хлопочутъ о какой-то «новой», аристократически-холодной красотѣ,—князь, т. е. человекъ, дѣйствительно, аристократическаго происхожденія, захваченъ гуманными идеями 60-хъ и 70-хъ годовъ и восклицаетъ въ одномъ изъ стихотвореній:

Я не созданъ для вашего міра,
 Я отозванъ въ иныя края,
 Гдѣ вдали отъ веселаго цира
 Изнываетъ отчизна моя;
 Ея голосъ больной и унылый
 Мнѣ всѣхъ звуковъ, всѣхъ пѣсенъ милѣй...

Въ другомъ стихотвореніи «Послѣ бала»—въ формѣ, правда, неуклюжей и наивной—изображается дѣвушка - аристократка, рвущаяся изъ роскошныхъ палатъ въ «курныя избушки, гдѣ мужикъ истомленъ, гдѣ безъ хлѣба сидятъ его дѣти...» Народничество сіятельнаго поэта доходитъ до того, что онъ воспѣваетъ кучеровъ и слагаетъ извожичьи пѣсни... Но, увы! воѣ эти добрыя намѣренія безъ остатка разбиваются объ избытокъ мыслей и чувствъ кн.

Жрапоткина, объ его полную безталанность, порождающую такіе напр., чудовищныя, якобы въ народномъ духѣ написанныя, стихи:

Забудь глупость поскорѣе,
Канители не тани!
По трактирамъ, по трактирамъ
Я двѣ ночи погулялъ.
Было денегъ очень мало,
Не осталось ничего.
Было денегъ очень мало,
Всѣхъ шестьсотъ, шестьсотъ рублей,
Ахъ, шестьсотъ рублей съ полтиной,
Три копѣйки сверхъ того!..

Мы могли бы познакомить читателя и еще съ цѣлымъ десяткомъ точь въ точь такихъ же жалкихъ стихотворцевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ одинъ на другого отсутствіемъ какой-либо оригинальности, умѣнья выражать въ живыхъ и поэтическихъ образахъ собственныя мысли и чувства,—со всѣми этими гг. Заринными, Захарьинными, кн. Кугушевыми, Менделевичами, Афанасьевыми и пр., и пр., имена ихъ ты-же, Господи, вѣси! Но это былъ бы, конечно, вполне безплодный трудъ, котораго мы потому и не предпримемъ. Г. Кошпизъ, жестоко разочарованный въ какомъ-то изъ министерствъ, воскликнулъ:

О Русь, о бѣдная невѣста,
Какъ выборъ жениховъ убогъ!

Не знаемъ, правъ-ли онъ относительно г.г. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, но, къ счастью или къ несчастью, мы не могли бы оказать того же о «женихахъ» поэзии: выборъ ихъ отнюдь не убогъ...

Посмотримъ же на стихотворцевъ другого типа и характера.

II.

Пѣвецъ экономическаго матеріализма.

Передъ нами сборничекъ стиховъ и прозаическая брошюрка о Надсопѣ, принадлежащіе одному и тому же автору, нѣкому г. М. М. Мы заглянули прежде всего въ прозу и встрѣтились тамъ съ довольно любопытными разсужденіями.

«Теперь иные дни, другія пѣсни (сравнительно съ временами Надсона, т. е. 80—87 годовъ)... Никто ихъ съ талантомъ Надсона теперь не поетъ, кѣтъ для нихъ такого яркаго и полного выразителя, *но дни во всякомъ разѣ отраднѣе, свѣтлѣе* (курсивъ вездѣ нашъ).

И, объясняя свою мысль, г. М. М. начинаетъ ab ovo, съ крымской кампаніи.

«Хорошее было время, хорошее въ томъ смыслѣ, что легко и

отрадно было жить тогда: вѣрилось въ «великую силу любви», ничто не подрывало вѣры. Кто же былъ потрезвѣе и въ любовь не вѣрилъ, у того была вѣра въ науку. Во всякомъ разѣ настроеніе создавалось бодрое, повышенное. Новыя формы экономическихъ отношеній (ба! это что такое? Знакомая терминологія!) едва зарождались, ихъ мощная власть не давала себя еще знать и чувствовать, идеализмъ могъ процвѣтать пышно. Сброшены позорныя цѣпи крѣпостничества, и не осталось больше никакихъ цѣпей. Трудно теперь перенестись въ ту эпоху и проникнуться ея настроеніемъ.

Тѣмъ болѣе трудно, когда забываешь даже извѣстные Некрасовскіе стихи того времени:

Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумаютъ много иныхъ!

Стихи эти, думаемъ мы, показываютъ, что не все люди 60-хъ годовъ отуманены были тѣмъ безграничнымъ оптимизмомъ, какой изображаетъ г. М. М. Но послушаемъ, однако, дальше юнаго историка:

«Скоро стало ясно, что розовымъ надеждамъ не суждено сбыться (сбыться?), а дѣйствительность слишкомъ неприглядна, слишкомъ темна!—И пошли тысячи скромныхъ труженниковъ на трудъ «упорный, муравьиный». Дѣлать свое малое, скромное дѣло—этого только и надо—«наше время не время широкихъ задачъ»—вотъ что начали проповѣдывать, но это (?) было уже значительно позже: выводъ и теорія создаются надъ (?) продолжительной практикой».

Какъ разобратся, читатель, въ этой суконнымъ языкомъ написанной тирадѣ? О какихъ скромныхъ труженникахъ тутъ говорится? Гдѣ тутъ исторія и гдѣ иронія? Дѣлая быстрый скачокъ отъ 60-хъ годовъ къ проповѣди «малыхъ дѣлъ», какъ извѣстно, имѣвшей своей расцвѣтъ лишь во второй половинѣ 80-хъ годовъ, куда относитъ г. М. М. эпоху Надсона? Онъ продолжаетъ:

«Дѣйствительная жизнь на каждомъ шагу продолжала разбивать розовыя мечты идеалистовъ: вѣра въ возможность лучшей жизни подрывалась и падала, апатія, пессимизмъ, а иногда и индифферентизмъ завладѣвали обществомъ, и никто не могъ указать никакого выхода. Для иныхъ онъ нашелся, впрочемъ, *около этого времени (?) въ горячей проповѣди самосовершенствованія, но успѣхъ ея, какъ и всякой моральной проповѣди во все времена (?) померкъ съ проясненіемъ горизонта*».

Ну, наконецъ-то! Сейчасъ мы, очевидно, получимъ желанное разъясненіе, почему настоящіе дни стали отраднѣе и свѣтлѣе времени Надсона. И вотъ г. М. М. выпаливаетъ съ одного духу:

«Быстро выросъ, окрепъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ».

Такъ вотъ она, великая радость нашихъ дней, по поводу которой г. М. М., не хуже нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, глядѣть такимъ нисенинникомъ!

«Русская интеллигенція,—продолжаетъ онъ,—не была классовой интеллигенціей—она была разночинна, оттого она не сливала своихъ интересовъ съ интересами какого-нибудь даннаго господствующаго или имѣющаго получить господство класса» (И слава Богу, сказали бы мы,—она могла сливать свои интересы съ интересами всего народа!). «На этой почвѣ обильно выросли тѣ или иные плоды пессимизма, разочарованія въ жизни. Жизнь гадка, дѣлать въ ней нечего, кромѣ призывовъ въ неизвѣстное (?) впередъ, на неизвѣстную (?) борьбу—и вотъ эти страданія принимаются за смыслъ жизни, безъ нихъ человѣку станетъ скучно—«сердце больное заглохнетъ безъ горя, какъ нива безъ грозы». Въ такомъ безвыходномъ кругу (оказывается?) горячее, чуткое сердце, стремящееся къ блаженству всемірнаго счастья и видящее въ немъ личное счастье свое». «Вотъ и мораль Надсоновской *исторіи*, преподаваемая намъ нашей недалекой, слишкомъ недалекой *исторіей*. Мало одной любви въ нашемъ грѣшномъ мірѣ, мало хорошо чувствовать и желать. То обстоятельство, что Надсону надо было не вѣры, а знанія (знаніе же не находилось), *суживало значительно кругъ его поэзіи, специализировало его на опредѣленныхъ мотивахъ, не оставляло много мѣста для тѣхъ чудныхъ стихотвореній, на которыя онъ былъ способенъ*».—«Дни наши, сказали мы, отраднѣе, свѣтлѣе, да, свѣтлѣе потому, что *у насъ уже есть выходъ изъ этого блужданія во тьмѣ* (т. е. сознаніе, что на Руси окрѣпъ капитализмъ? Это вѣдь такъ существенно-важно для процвѣтанія поэзіи!). Непривѣтливо и непріязненно встрѣтили отцы этотъ *выходъ* (??)—es ist eine alte Geschichte...» и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, бѣдный, злополучный Надсонъ! Доживи онъ до нашихъ «свѣтлыхъ, отрадныхъ дней», да стань послѣдователемъ моднаго ученія, и его пессимизмъ, какъ рукой, сняло бы, и онъ сталъ бы поетомъ хоть куда... Но онъ умеръ, къ своему несчастію, въ тѣ безпросвѣтно-темные дни, когда тупоумная русская интеллигенція сливала еще свои интересы съ интересами всего трудящагося и страдающаго народа, когда поэты не ликовали по поводу «мощно, властно и быстро» окрѣпшаго на Руси капитализма, когда... ну, да много еще разныхъ «когда» было!

Не станемъ опровергать этихъ глубокомысленныхъ, говорящихъ сами за себя, разсужденій г. М. М. и обратимся лучше къ его собственнымъ стихотворнымъ упражненіямъ. Вышедшія въ свѣтъ одновременно съ брошюрой о Надсонѣ, они, очевидно, претендуютъ быть плодами не вѣры, а знанія (знаніе вѣдь найдено уже!), представлять собою широкій кругъ поэзіи, не специализируясь на опредѣленныхъ мотивахъ, оставляя много мѣста для чудныхъ созданій, на которыя Надсонъ былъ только «способенъ»... Въ сборникѣ стиховъ г. М. М. раньше всего придется остановиться на предисловіи. Авторъ съ большою ядовитостію пробирается здѣсь нашихъ современныхъ стихотворцевъ. «Если по истеченіи нѣсколькихъ

лѣтъ, говорить онъ, сборники стиховъ бывають призваны удовлетворить ту или иную потребность, то ихъ годность къ этому кроется только въ природѣ того матеріала, изъ котораго они одѣланы». Не всё, конечно, сборники, оговаривается поэтъ-критикъ, постигаетъ такая участь; есть и у насъ общепризнанные поэты, у которыхъ все, повидимому, благопристойно—и форма, и рифмы; чувства изящны, благородны; мысли—вполнѣ почтенныя мысли, но... *имъ недостаетъ малаго, того, что дѣлаетъ поэзію «языкомъ боющаго»*, а поэта ихъ избранникомъ. Проще сказать: стихи этихъ поэтовъ не являются, по мнѣнію г. М. М., плодомъ жизни: всё ихъ чувства и мысли существуютъ какъ-то сами по себѣ, а жизнь идетъ своею дорогою... тоже сама по себѣ. Корень этого печальнаго явленія г. М. М. хочетъ искать «глубоко», въ условіяхъ нашего времени.

«Міровой разрывъ, который такъ живо ощущалъ въ своемъ сердцѣ еще Гейне, съ того времени пошелъ далеко впередъ. Между разорванными частями современнаго міра легла непроходимая пропасть: тѣ начала, которыя безъ сомнѣнія побѣдятъ въ будущемъ, еще не набрались такой силы, чтобы создать свой поэтический, свой художественный языкъ (только нѣкоторые проблески зары стали примѣтны въ этомъ отношеніи въ самое послѣднее время); тѣ же начала, которыя безповоротно осуждены на гибель, но еще пока въ силѣ, очутившись на другомъ краю пропасти, все больше и больше обезцвѣчиваются, налагая и на всю жизнь печать безцвѣтности».—«Авторъ этого сборника (слушайте! слушайте!), любя жизнь, всегда стремился къ жизни, жаждалъ ея и больше всего пугался не жизненныхъ невзгодъ, а отсутствія жизни. *Всѣ* его стихотворенія порождены непосредственно жизнью, и въ нихъ поэтому нѣтъ лжи и неискренности».—«Это дѣлаетъ ихъ, по мнѣнію автора, достойными видѣть свѣтъ, каковы бы ни были ихъ техническія и другія несовершенства, объ этой послѣдней сторонѣ онъ всегда мало заботился. Да и судить объ этомъ не его дѣло (а чье же, г. М. М., дѣло? Наборщиковъ, что-ли?). Если стихотворенія, собранныя здѣсь, не отражаютъ въ себѣ *всей* жизни автора (ну, этого еще не доставало!), то это объясняется тѣмъ, что многія чувства, мысли и даже (?) настроенія часто не имѣли у него стремленія вылиться въ стихахъ. Почему?—это не ясно для самого автора».

Жаль, очень жаль, а то мы имѣли бы сборникъ стиховъ, въ которомъ отразились бы *всѣ* чувства, мысли и настроенія экономическаго матеріалиста нашихъ дней. Всталъ бы онъ съ постели лѣвой ногой—у насъ было бы стихотвореніе, выражающее одно настроеніе; позавтракалъ бы вкусно и плотно—другое; напечаталъ бы статью о «нашихъ свѣтлыхъ, отрадныхъ дняхъ».—третье. Ахъ, что это за прекрасный былъ-бы сборникъ! Но дѣлать нечего. Разъ самому г. М. М. неясно, почему онъ не могъ написать такого удиви-

тельного оборника, то приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. А общаетъ г. М. М. и безъ того очень много.

Къ стыду своему, мы имѣемъ маленькую слабость: бери въ руки новую книжку стиховъ, открывая въ журналѣ новое стихотвореніе, прежде всего заглянуть въ рѣзны... Рѣзны г. М. М. насъ поразили: «свѣтлое» рѣзнуетъ у него съ «завѣтнѣю», «любви» съ «лучи», «границъ» съ «хранишь» и даже съ «слѣтъ», «измучено» съ «могучею», «встають», съ «грудь» и т. д. до безконечности. Правда, г. М. М. заранѣе оговорился, что объ этой сторонѣ онъ всегда мало заботился, но разъ онъ прибавилъ къ этому, что *судить объ этомъ не его дѣло*, то мы, критики, прямо обязаны сказать ему, что у незабвенной памяти Вас. Кирилл. Тредиаковского, ни даже у самого графа Хвостова положительно не сыскать такихъ гадкихъ, невозможныхъ рѣзнь, какія допускаетъ онъ, выступающій передъ публикой съ столь горделивымъ аллобомъ, съ столь громкими обѣщаніями... Но—ужь такъ и быть: въ виду необычности внутренняго содержанія предлагаемыхъ намъ стиховъ («первыя проблески зарь») мы отпустимъ имъ даже и столь грубыя «неовершенство» формы.

Пропускаемъ «Посвященіе», какъ пѣсню чисто личнаго характера, къ тому-же она начинается и кончается четверостишіемъ, смыслъ и грамматика котораго являются для насъ положительной загадкой:

Другъ моей юности, *счастіе светлое*
Твоей молитвы—любви,
 Память твою, какъ святыню завѣтнѣю,
 Свято храню я въ груди.

Очевидно, это и есть тотъ «новый художественный языкъ», о необходимости котораго для нашихъ дней г. М. М. говорилъ въ предисловіи...

Помянуто спотыкаясь, точно о камни, объ отдѣльные стихи и слова, читаемъ слѣдующее вѣтѣмъ стихотвореніе:

Я вчера пришелъ домой съ расцвѣв(т?)шею душою:
 Въ ней надежды ярко, пышно расцвѣли!
 И я счастливъ былъ безумною мечтою,
 Что дни счастья, наконецъ, и для меня пришли.
 Ночью я не спалъ—мечты мной овладѣли,
 Свѣтлыя мечты о счастье и любви...
 Звѣзды ласково въ окно мое глядѣли,
 Сердце счастьемъ билось въ глубинѣ груди.
 Но не долгъ (sic!) былъ свѣтлый праздникъ ослѣпленья,
 Отцвѣли надежды яркіе цвѣты,
 Подъ ножемъ жестокомъ тяжкаго сомнѣнья
 Умерли надежды, умерли мечты.
 И уже сегодня сердце вновь страдаетъ,
 Холодъ безнадежья (?) вновь въ больной груди:
 Подъ ножемъ жестокомъ тяжкаго сомнѣнья
 Умерли надежды, умерли мечты...

Да это что-же такое, читатель? Вѣдь это—Надсона, изуродованный, правда, обезличенный, лишенный поэзии; но самый мотивъ стихотворенія, духъ, отдѣльные выраженія и даже цѣлыя полустихія—все это, несомнѣнно, принадлежитъ Надсону. Послѣ длиннаго поученія, прочитаннаго покойнику, послѣ задержаннаго предисловія, обещающаго намъ проблески новой зари,—подражать все тому-же Надсону?! Стоило-ли для этого огородъ городить! Рѣшимъ, что тутъ кроется какое-нибудь случайное недоразумѣніе, мы поспѣшно перевернули страницу:

Сегодня такъ весело море шумитъ,
 Такъ весело солнце смѣется,
 Что сердцу хотѣлось-бы больше любить,
 Любить, пока жизнь оборвется.
 Хотѣлось-бы съ чайкой надъ моремъ летать
 И въ влагъ прохладной купаться
 Душою хотѣлось-бы міръ весь объять,
 Съ орломъ—къ тѣмъ (?) вершинамъ подняться.
 Души моей жизнь не гнететъ, не томитъ
 И муки въ груди не найдется,
 Сегодня такъ ласково море шумитъ,
 Такъ весело солнце смѣется!..

Что за чудо—опять та-же исторія! Почти буквальный перепѣвъ Надсона, переложеніе его граціознаго легкаго стиха на стихъ неуклюжій и прозаическій! Рядомъ стоитъ крошечная пьеска, заключающаяся стихами:

Бѣдное сердце мое умираетъ—
 Каплю, хоть каплю любви!

Въ помѣщеніи еще дальше стихотворенія, за «метеоромъ, огнями разными горящимъ», читаемъ:

Тихое весны отрадное дыханье,
 Сладкій гимнъ любви великой и святой,
 Соловья въ ночи восторгъ и трепетанье,
 Ароматъ цвѣтовъ, струящийся волной;
 Звуки чудной пѣсни, гдѣ-то прозвучавшей,
 Разбудившей въ сердцахъ свѣтлыя мечты...

и невольно вспоминается:

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
 Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ...

Не лучше обстоитъ дѣло и съ пьесами: «Сегодня такъ грозно волнуется море», «Осень, грустная осень», «Въ туманѣ», «У Байдарскихъ воротъ» и мн. др. Извѣстныя «Цвѣты» Надсона беззастѣнчиво обкрадываетъ «Елка въ окнѣ» г. М. М.

Я шель домой... Рождественская ночь
 Широко надо мной ужъ крылья развернула,
 Въ груди-жъ моей сомнѣній и заботъ
 Волна немолчная не стихла, не уснула...

Очевидно, г. М. М. задался цѣлью перефразировать Надсона сообразно съ требованіями и идеями нашего «болѣе свѣтлаго и отраднаго» времени; но гдѣ же тутъ хоть призракъ какихъ-либо новыхъ «идей»? Передъ нами фигурируютъ тѣ-же, что и у Надсона, «сомнѣнія», «безнадежно-больное сердце», «умерли надежды, умерли мечты». Словомъ, мы имѣемъ дѣло съ самымъ обыкновеннымъ, бездарнымъ подражаніемъ, чуть-чуть не съ литературнымъ плагиатомъ.

Надѣялась синица славы
А моря не зажгла!

Впрочемъ, въ книжечкѣ г. М. М. помѣщено 40 стихотвореній (и стоитъ она 40 коп., т. е. по копѣйкѣ за штуку); слѣдовательно, «проблески зари» еще могутъ таиться въ другихъ мѣстахъ. Поищемъ.

Не вѣрь словамъ:—*когда-бы* слову
Надъ міромъ власть дано имѣть (sic!),
Давно ужъ пышною весною
Міръ бѣдный могъ-бы зеленѣть.
О, сколько словъ любви горячей
Съ устъ вдохновенныхъ раздалось
И ихъ не принялъ міръ незрчій:
Безплодно слово пронеслось.

Странная логика: потому не слѣдуетъ вѣрить словамъ любви, хотя бы и самымъ вдохновеннымъ, что *незрчій* міръ до сихъ поръ не принималъ ихъ, и они проносились безплодно...

Не меньше *знанія нашихъ снѣжнхъ, отрадныхъ дней* оказалось и въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Такъ люди живутъ; ихъ дѣлами
Слагается жизнь, но всегда
Идетъ она тѣми шагами,
Что *сдѣлать фатально* должна.
Одна намъ жизнь дана,
Она не повторится,
Давайте жъ жить, друзья,
Давайте веселиться!
Пускай вокругъ царятъ
Пока еще страданья,
Ужель ихъ не сразятъ
Всѣ силы и старанья?
Нѣтъ, бодрости и силъ,
Стремленій и желаній!
Лишь тотъ, кто *духомъ* хилъ,
Живетъ въ краяхъ мечтаній.
Идя съ восторгомъ въ бой,
Въ часы отдохновенья
Не станемъ презирать
Земныя наслажденья.

и т. д.

Отмѣтимъ еще не менѣе прекрасную пьесу, гдѣ поэтъ восклицаетъ: «Мнѣ шаблоны-слова ужъ давно надоели,—если въ нихъ

содержанія нѣтъ!—Брось же громкія фразы, пѣвецъ, и призывы!—Если знанія нѣтъ у тебя — тѣ призывы обманчивы, призрачны, живы—имъ и власть вдохновить не дана!».

Почти столько же поэзіи и власти вдохновлять сердца заключается и въ слѣдующемъ «призывѣ»:

За дѣло, друзья мои! время не ждетъ;
Вокругъ насъ такъ много работы,
Сомкнувши ряды свои, смѣло впередъ
Пойдемъ на побѣду съ расчетъ!
Оставимъ мечтателей сладко мечтать,
Любителей словъ съ ихъ словами:
Намъ времени нѣтъ благодушно болтать,
Борьба не на шутку предъ нами.
Съумѣемъ мы сердце тому покорить,
Что умъ неизбѣжнымъ признаетъ,
А слезы оставимъ любителямъ лить—
Пусть себѣ льетъ, кто желаетъ!
На жизненной сценѣ словамъ не дано
Ни власти могучей, ни силы,
Безплодно погибнуть имъ всѣмъ суждено,
Когда ихъ незнанье родило...
Да будемъ же больше стремиться узнать,
Да будемъ рабами мы знанья,
Научимся чувство уму покорять,
Чтобъ не было лишнихъ страданій.
За дѣло, друзья мои и т. д.

Прелестно, сильно, выразительно, поэтично!! Такъ вотъ она, новая поэзія, до которой не доросъ и не дожилъ несчастный Надсонъ! Да здравствуетъ «знаніе» «нашихъ свѣтлыхъ, отрадныхъ дней», въ такой короткій срокъ успѣвшее перестроить въ умахъ не только всѣ прежнія понятія о Россіи, но и создать новыя формы и новое содержаніе для захудалой русской поэзіи.

III.

Г. Аполлонъ Коринфскій.

Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ, зайдя на современный Парнасъ русскій, встрѣчи съ г. Аполлономъ Коринфскимъ не минуешь. Онъ сидитъ тамъ на самой высокой вершинѣ горы и, по мнѣнію значительной части публики и критики, сидитъ по праву. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ г. Аполлонъ Коринфскій игралъ бы роль полновластнаго царя современныхъ поэтовъ, если бы не было у него тамъ опаснаго соперника въ лицѣ г. Фофанова, слава котораго установилась гораздо раньше и все еще остается непоколебимо-прочной. Пишетъ г. Коринфскій, какъ и г. Фофановъ, довольно звучнымъ и легкимъ стихомъ, съ безупречно гармонизирующими рифмами, и отличается при этомъ изумительной плодотворностью: почти ежегодно выпускаетъ онъ въ свѣтъ по объемистому

тому стиховъ, врядъ-ли даже перепечатывая въ нихъ все, что помѣщается въ безчисленныхъ изданіяхъ мелкой прессы.

И, тѣмъ не менѣе, въ «большой» литературѣ г. Коринфскому почему-то не везетъ: говорить о немъ здѣсь мало, а если и вспомнить когда, то похвалами не осыпаютъ... Друзья молодого поэта объясняютъ это партіозностью либеральныхъ журналовъ, тѣмъ, что онъ, какъ истинный поэтъ, стоитъ внѣ литературныхъ партій и готовъ печатать свои стихи въ органахъ какого угодно направленія...

Что же это за поэтъ? Какова его поэтическая и вообще духовная фязіономія? Каковы причины его популярности въ одной части публики и литературы и непопулярности—въ другой.

Мода—главнѣйшее пристрастіе и главнѣйшій бичъ нашего все еще зеленого духомъ, хотя и довольно уже стараго годами, общества. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ существовало нѣсколько модныхъ увлеченій. Едва-ли не главнымъ изъ такихъ увлеченій былъ въ извѣстныхъ слояхъ прессы и публики подъемъ «національнаго чувства». Сколько разговоровъ было тогда объ успѣхахъ русской литературы за границей, о томъ, что отечество наше, при желаніи, могло бы закидать иностранцевъ шапками положительно во всѣхъ сферахъ искусства, науки и даже жизни. Оказывалось, что русскій человѣкъ не нуждается рѣшительно ни въ какихъ иностранныхъ выдумкахъ, вродѣ тамъ разныхъ убѣжденій и принциповъ; онъ по природѣ—самородокъ ума и чувства, для котораго никакой законъ не писанъ. Вотъ въ эту-то горделивую полосу нашего «общественнаго сознанія», насколько намъ помнится, и расцвѣли на полѣ русской поэзіи «черныя розы» г. Аполлона Коринфскаго, съ первыхъ же шаговъ начавшаго пѣть въ народномъ духѣ, народнымъ слогомъ и складомъ. Не будемъ останавливаться на самомъ первомъ его сборникѣ «Пѣсни сердца», какъ относящемся къ слишкомъ далекому времени; передъ нами лежатъ «Черныя розы» и «Тѣни жизни», стихотворенія 93—97 гг.

На пиру всѣмъ честь и мѣсто,
Только, пѣсна, вѣтъ тебѣ,
Вдохновенныхъ думъ невѣста
И сестра мнѣ по судьбѣ!

Жалуются г. Аполлонъ Коринфскій въ стихотв. «На чужомъ пиру».

Съ простодушной музой нашей
Не пришлось мы ко двору!
Здѣсь пѣвцы поютъ другіе,
Пира шумнаго льстецы (?),
Отъ разгула не впервые
Захмѣлѣвшіе пѣвцы..
Мѣсто наше — за порогомъ
Этихъ праздничныхъ хоромъ;
По проселочнымъ дорогамъ
Мы, сестра, съ тобой поидемъ.

Мы послушаемъ, поищемъ,
 Что и какъ поютъ въ глуши;
 Съ каждымъ путникомъ и нищимъ
 Поготоримъ отъ души.
 Перехожею каликой,
 Скопорокомъ-гусларомъ
 Мы по всей Руси великой
 Съ пѣсней-странницей—вдвоемъ.
 Гряньте пѣсню дружнымъ ладомъ,
 Какъ пѣвали встарину,—
 Русскимъ словомъ, русскимъ складомъ
 Поддѣвать я вамъ начну...

Вотъ какія задачи ставить себѣ «простодушная», но обиженная въ «праздничныхъ хоромахъ» литературы, муза г. Коринфскаго. Но легко, видно, захотѣть, да нелегко на самомъ дѣлѣ запѣть настоящимъ «русскимъ словомъ и русскимъ складомъ», стать понятнымъ «каждому путнику и нищему», сдѣлаться дѣйствительнымъ народнымъ поэтомъ, Кольцовымъ, Шевченкомъ, Бернсомъ, Беранже... Г. Аполломъ Коринфскій, при всемъ своемъ желаніи, сдумать сдѣлаться только «*гусларомъ-скопорокомъ*». Выписавъ себѣ въ тетрадку и хорошенько заучивъ сотню-другую славянскихъ и старинныхъ русскихъ словечекъ, являющихся теперь уже не народнымъ, а скорѣе книжнымъ достояніемъ, нашъ отважный поэтъ пестритъ ими безъ разбора свои стихотворенія и наивно полагаетъ, что его муза—простодушная муза. А что она народная—въ этомъ служить ему порукой двукратныя повторенія одного и того же слова вроде «ноченька-ночка», «варя-заряница», «диво-чудо», «просторъ-приволье», или позаимствованія изъ народныхъ пѣсней ихъ обычныхъ эпитетовъ и выраженій. Кое-что сочиняетъ и самъ г. Коринфскій (въ томъ же якобы духѣ и тонѣ), и этотъ-то арлекинский костюмъ, насквозь пропахшій потомъ труда и масломъ лампы, кажется ему самому и его невзыскательнымъ поклонникамъ—признакомъ истинно-народной поэзіи.

То не бѣлая *купавица*
 Расцвѣла надъ синью водъ,—
 Съ красной Горки раскрасавица,
Ярко-зеленую, идетъ.
 Пава-павой, поступи ходкая,
 На ланитахъ—маковъ цвѣтъ,
 На устахъ улыбка кроткая,
Свѣтель-радошень привѣтъ.
 Красота голубоокая,
 Глубже моря ясный взглядъ,
 Шея—*кипень*, грудь высокая,
 Руса-косынька—до пять.
 Лѣтникъ—*празелень*, оборчатый
 Облегаешь стройный станъ;
 Голубой подъ нимъ, узорчатый
Аksamитный сарафанъ.

И т. д., и т. д.

Это описывается «Красная весна», и, право же, вряд-ли кто мог догадаться по этому описанию, что речь идет о ней. Дальше в том же стихотворении встречаются: «зернь», «первоцвѣтъ», «медуница», «деланка», «чистотѣль», «левада», «травы-цвѣтики», «злато-серебро», «жизнь поселская-попольная» и пр. Въ других пьесахъ ночь у г. А. Коринфскаго называется «безпотемной»; тоску онъ приглашаетъ своихъ друзей «растосковать»; заглавія нѣкоторыхъ его «бывальщинъ» таковы: «Златоогненный цвѣтъ», «Потайный сказъ», «Русалочья заводъ» и т. п. Все это надо вѣдь придумать, а если не придумать, то откуда-нибудь выкопать, потому что непосредственный, простодушный талантъ и дѣйствительная жизнь ничего подобнаго не внушаютъ поэту. Эта многолѣтняя потона за мнимой народностью привила къ небольшому, очень небольшому дарованію г. Коринфскаго (которое у него несомнѣнно было, какъ и до сихъ поръ еще есть) такую приторную вычурность, что читать его долго и не почувствовать тошноты почти невозможно. Тотъ же, якобы народный, національно-русскій складъ и слогъ (который сколько-нибудь умѣстенъ еще въ его «народныхъ» бывальщинахъ и фантазіяхъ) онъ перенесъ и въ свою лирику. Но тутъ получилось уже нѣчто прямо невозможное:

Вѣру сердца не теряючи,
За любовь, любя, страдаючи,
Полюбивъ—не разлюбляючи (!),
Знойнымъ пылемеъ сгораючи,
Какъ ты живѣ, такъ и живи,
и т. п.

Чтобы такъ постоянно писать, конечно, никакихъ потугъ вдохновенія не хватаетъ, и г. Коринфскому вполне естественно было придти къ давно уже извѣстной на Руси вычурности Бенедиктова и раздражительности нашихъ романистовъ 30-хъ годовъ. Вотъ какъ описываетъ онъ, напр., свою бурнопламенную любовь:

Больше, о больше любви!..
Пусть, пламенія послѣдней, смертельной отравой,
Кровь забунтуетъ, заплещетъ губительной лавой...
Сердце, ты разомъ всю полную жизнь отживи!

Иду мнѣ, яду скорѣй!..
Жизнь! Гдѣ палачъ твой, гдѣ твой чародѣй-отравитель?
Смерть! Гдѣ отъ жизненной лжи твой (?) мудрецъ-
избавитель?

Въ сердце отраву свою, прямо въ сердцѣ мнѣ лей!

Вѣдь это настоящія «ужасти страсти»!

Вычурность и мамерность, вмѣстѣ съ чрезмѣрной плодовитостью, сѣли въ конецъ маленькое дарованіе г. Коринфскаго. Онъ сталъ занимать свои вычурны даже у нашихъ декадентовъ, съ которыми не имѣетъ, въ сущности, ничего общаго, и свой необыкновенно жив-

нерадостный, въ общемъ, сборникъ назваѣтъ почему-то «Черными розами». Посвященіе къ нимъ мы перечитали не меньше десяти разъ, стараясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ понять его, но понять такъ и не могли: какая-то *она*, осмѣянная и озлобленная жизни, пришла молчаливою гостьей къ г. Аполлону Коринфскому и въ блѣдный вѣнокъ его вдохновеній влила почему-то черныя розы; и вотъ послѣ этого *она* опять повстрѣчалась съ грезами счастья и съ былыми мечтами.

И надъ могилою прошлаго розы
Пышно цвѣтутъ въ дни тревоги и зла;
Съ черными розами свѣтлыя грезы
Ты въ пѣсни сердца влила.

Лучше передать невозможно содержаніе этого посвященія; а мы слышали, между прочимъ, что оно считается шедевромъ поэзіи г. Коринфскаго... Быть можетъ, и вправду считается; но скажите, ради Бога: можно-ли придумать что-нибудь болѣе искусственное, вычурное и ~~нечеловѣческое~~?

Съ большою охотою пишетъ г. Коринфскій картинки природы, родного Поволжья и пр. Быть можетъ, этотъ родъ поэзіи и есть настоящее его призваніе; но и тутъ все дѣло портитъ отсутствіе простоты, какъ въ стихѣ, такъ и въ образахъ, всё эти: «Русь русская», «Зорька-заряница», сравненіе котловинъ между горами съ гитарами, налитыми до краевъ «зеленымъ виномъ», отъ котораго пьянѣетъ вѣтеръ и пр. и пр.

Послѣдній сборникъ г. Аполлона Коринфскаго, названный почему-то «Тѣнями жизни» (причемъ и на обложкѣ нарисована какая-то безобразная тѣнь вроде скелета смерти), представляетъ собой лишь надоедливое повтореніе прежнихъ его мотивовъ и недостатковъ. «Тѣни, что камни (!); за грудой груды, падаютъ съ неба»; Микла Селяниновичъ ѣдетъ «съ распахнутой душой» и «могучей силой—мочью»; зима развѣшиваетъ «лебязки опахала по куполамъ деревъ»; самъ поэтъ «съ безумной жаждою» ищетъ для чего-то повсюду враговъ... повидимому, для того только, чтобы позвать руку «прямому, честному врагу»...

А вотъ какія «импровизаціи», будто бы, сочиняетъ г. А. Коринфскій.

Глубоко, глубоко
Въ лазурной дали серебристой
Сіяетъ безстрастный,
Надъ страстно горящими звѣздами властный,
Царь-мѣсяцъ въ коронѣ лучистой,
Такъ близко отъ темной земли, такъ далеко
и пр. и пр.

Обратите, читатель, вниманіе на сочетанія рифмъ въ этихъ стихахъ и скажите: неужели вы повѣрите «простодушной» музѣ г. Ко-

ринфскаго, что это плодъ непосредственнаго чувства, импровизація?

Но мы ничего не сказали до сихъ поръ объ идеяхъ г. Ап. Коринфскаго, вообще о духовномъ обликѣ его поэтической фizioноміи. Но что сказать объ нихъ? Ни за какими особенными «идеями» нашъ поэтъ не гонится, если не считать, впрочемъ, его ненависти къ какой-то «роковой, туманомъ повитой» жи, которую онъ не одинъ разъ принимается проклинать въ своихъ стихотвореніяхъ. Пофилософствовать онъ никогда, повидимому, не прочь,—пофилософствовать о «вѣчности», о «жизни», о «смерти», но нельзя не видѣть, что и здѣсь для него самое важное—не философія, а оригинально разбѣренные строчки стиховъ, красивая игра словами и т. п.

Жизни, —

Жизни значеніе понять я не въ силахъ,
Если конецъ ей въ безмолвныхъ могиллахъ...
Нѣтъ ей границы! Мы въ жизни земной
Страстно свершаемъ свой путь роковой
Къ вѣчной отчизнѣ, къ безстрастной отчизнѣ...

Вотъ образчикъ этой дешевой философіи. Широкий размахъ русской природы и русской души, бурнопламенность чувствъ русскаго челоѣка вообще, «Русь русская» — вотъ основные мотивы поэзии г. А. Коринфскаго. Фраза, да еще пахнущая сколько-нибудь русскимъ стариннымъ духомъ, всегда можетъ плѣнить нашего поэта, и онъ не прочь бываетъ даже о «свободѣ» почирикать.

Братъ, поэтъ-пѣвецъ (!) не терзайтесь тоскою безсилъ!
Пусть, что ни день, тяжелѣй злого безвременья гнетъ,—
Садъ нашъ еще не заглохъ (хоть не мало и въ немъ
чернобыль!)...

Вѣрьте: свобода найдетъ, гдѣ расправитъ орлиныя крылья,
Русская сила жива, живъ богатырь нашъ—народъ!

Но какихъ-либо твердыхъ, ясныхъ представленій о «зломъ безвременьи» и о томъ, что должна противопоставить ему наша литература въ лицѣ лучшихъ, честнѣйшихъ своихъ представителей, у г. Коринфскаго нѣтъ: самъ онъ, хотя и не пишетъ ничего реакціоннаго (судимъ по двумъ разбираемымъ сборникамъ), охотно и безъ малѣйшаго стѣсненія печатаетъ плоды своихъ вдохновеній и на страницахъ органа, проповѣдующаго племенную ненависть, и на страницахъ другихъ изданій, составляющихъ оплотъ нашего «злого безвременья»...

Дальнѣйшая карьера этого безпринципнаго поэта для насъ ясна. Вмѣсто десятковъ сочиненныхъ уже «бывальщинъ», онъ сочинитъ ихъ еще цѣлыя тысячи; кромѣ изданныхъ до сего дня трехъ стихотворныхъ сборниковъ, издастъ еще десятки, но судьбы своей не избѣжитъ. Писавшій некоторое время свой муравейникъ и поблистѣвъ, какъ мыльный пузырь, онъ, какъ мыльный же пузырь, и

ложится, не оставивъ послѣ себя и слѣда на нивѣ русской поэзіи; въ его лицѣ повторится судьба Кукольника, Бенедиктова, Мей и многихъ другихъ поэтовъ, которые раньше его и нерѣдко гораздо некуснѣ думали добиться популярности ложнымъ народничаньемъ и манерной вычурностью, а не простымъ и искреннимъ чувствомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Ф. Гриневичъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Предсѣдательницей Строительной Коммисіи Общества для усиленія средствъ Женскаго Медицинскаго Института съ глубокой благодарностью получены слѣдующія пожертвованія на устройство Общежитія слушательницъ Женскаго Медицинскаго Института:

Отъ К. А. Варгунина (Петербургъ) . . .	1,050 р.	— к.
» Н. А. Варгунина » . . .	100 »	— »
» М. А. Поповой » . . .	25 »	— »
» фирмы Торитонъ » . . .	50 бай-	
	ковыхъ одѣяль.	
» фирмы Поль и К ^о » . . .	1,008 ар-	
	шинъ ситца.	
» фирмы бр. Корниловыхъ (Петербургъ)		
» вое посуда для временнаго Общежитія.		
» Я. И. Познеръ (Варшава)	50 »	— »
» А. В. Познеръ »	51 »	50 »
» А. Ф. Васильевой (Судакъ)	3 »	— »
» Мельниковой и Коленовой (Ейскъ) . .	15 »	— »

Пожертвованія принимаются Предсѣдательницей Строительной Коммисіи «Общества Женскаго Медицинскаго Института», баронессой В. И. Искуль—Кирочная, 18.

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Въ составъ этой библиотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

МЕ

книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и биографіей Андерсона (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свиныя-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Луку-Оле. Ленъ. Свиныя. Капля воды. Съ 3 рис. (10 к.).
6. Пѣвцы маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна Лизбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На донкахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Катѣна. Съ 3 рис. (8 к.).
12. Бувинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 к.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской амѣбъ. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Бюха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 к.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна же быть разница. Съ рис. (10 к.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со свѣчами. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 к.).
26. Исторія одной матери. Кто же въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Везобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь. Мѣдный кабачъ. Какъ старикъ ни одѣвается—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 к.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Гауфа (18 к.).
32. Сказка о Калифъ-ангѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 к.).
35. Приключеніе Саада. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самованецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видитъ. Съ 7 рис. (10 к.).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Сказки Густафсона.

87. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неужистная гордость. Король Карий. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 к.).
88. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
89. Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скоро-сѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
 43. Ровное яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
 44. Великанъ Іаусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
 45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).
- №№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждого номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы, сказки Абьерисена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая биографія.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Ваттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Гоговъ. Ц. 1 р. — 3) Руководство къ рисованію акварелью. А. Кассана. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к. — 4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель подѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к.—9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энцикла. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Экстазы человека П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.; 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Далле, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физиологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к., 9) Миръ грѣш. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. Деблера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и [доминантность. Ц. Ломброзо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человека. Мигули. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физиологія человека. И. Лукевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Вратя Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыгане. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказка о попѣ и работницѣ Балды. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ плѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онѣгинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Андрей Жело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Варыжняя-крестьянка. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами лицъ, которыми писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис., ц. 3 к.—3) Измаилъ Вей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис., ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Аулъ Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Калмы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черкесы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джугу. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейна. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) Вѣла. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Привражъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашикъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Княгиня Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Станный челоуикъ. Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТІЕ

РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ

Шарля Летурно.

Содержаніе. Начало литературы.—Литература черныхъ расъ.—Литература желтыхъ расъ.—Литература народовъ бѣлой расы.—Прошлое и будущее литературы. Переводъ съ франц. В. СВЯТЛОВСКАГО. Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Сиб., Лештуковъ пер., 12)
Л...ОТЕКА

СИБ.

Сиб. д. 3.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Вышли отдѣльными книжками 170 біографій слѣдующихъ лицъ:

I. Представители религіи и церкви: Будда (Сакія Муни), Григорій VII, Густъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Савонарола, Торквемада, Цвингли.—Аввакумъ (глава рус. раскола), патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Висмаркъ, Гарibaldi, Гладстонъ, Грахъ, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потекинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмѣльницкій.

III. Ученые. Беккарія и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетче, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Линней, Ляйбницъ, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Вѣрь, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Веконъ, Дж. Вруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Сенека, Спиноза, Шопенгауэръ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуенъ, Песталлоци, Франклинъ. Караянъ, (основатель хар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Линингтонъ, Стенли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гуттенбергъ, Дагеръ и Нипсъ (изобрѣтатели фотографіи). Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фултонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели рускіе и иностранные.

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Верно, Беранже, Воккаціо, Вомаши, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Диккенсъ, Жоржъ Зандъ, Золя, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шиллеръ, Джоржъ Элиотъ.

Русскіе писатели: Аксаковъ, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоедовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Некитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковский (баронъ Врамбеузъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Оедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гарриксъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Цѣна каждой книжки 25 к. Біографіи продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ. Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, Екатерины II, Лютера, Магомета Магавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Ренана, Сократа и Платона, Суворова, Гл. Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира и др.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, ул. Спасской и Басковой ул.; д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятые рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Продолжается подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—ул. Спасской и
Басковой ул., д. 1—9.

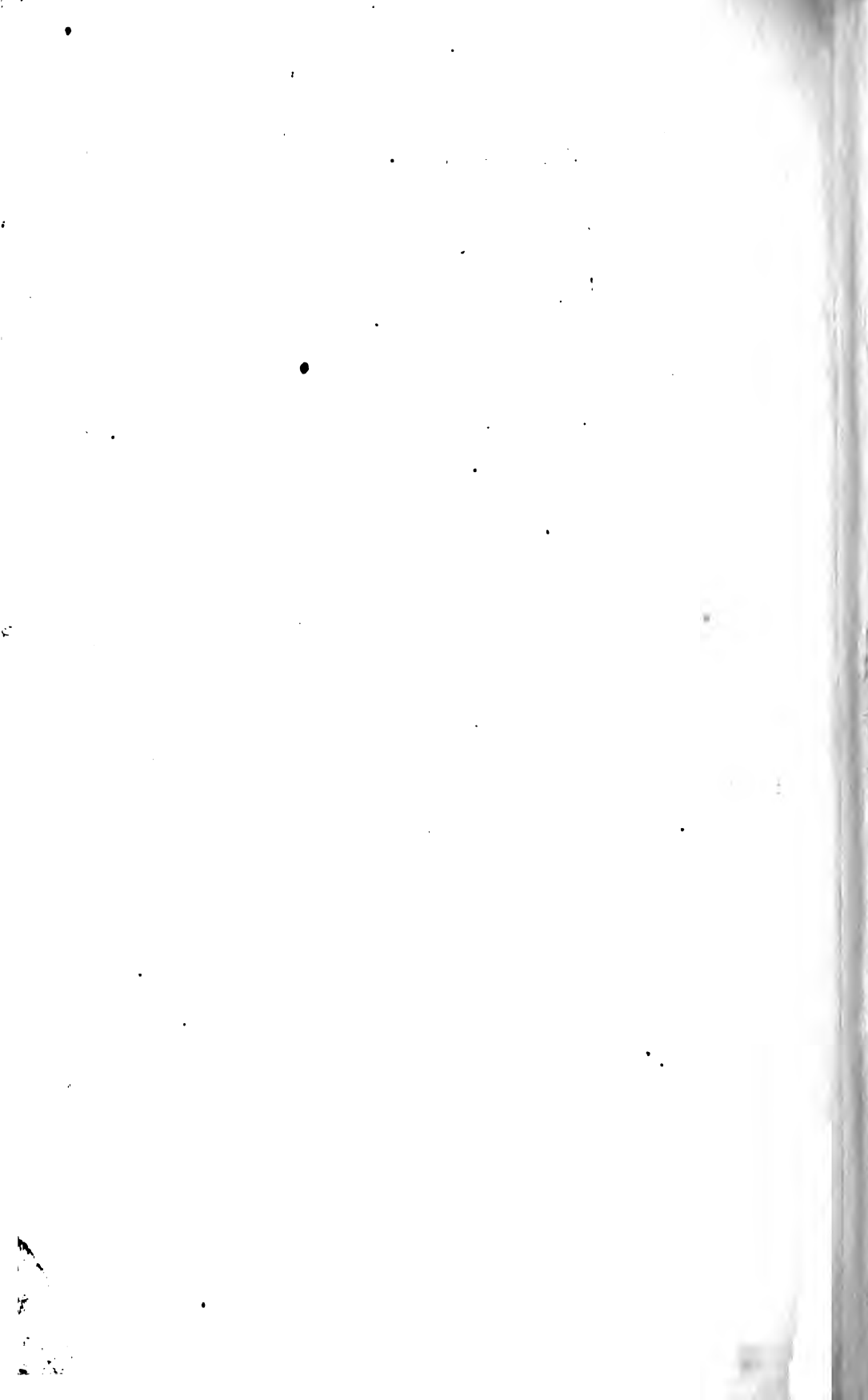
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — Никитскія ворота,
д. Газарина.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при
выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ
московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала.

Редакторы: П. Биковъ, С. Пеновъ.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

